3-14

В. А. ЖУКОВСКІЙ

и

ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.

Шкафъ X

Полка 3

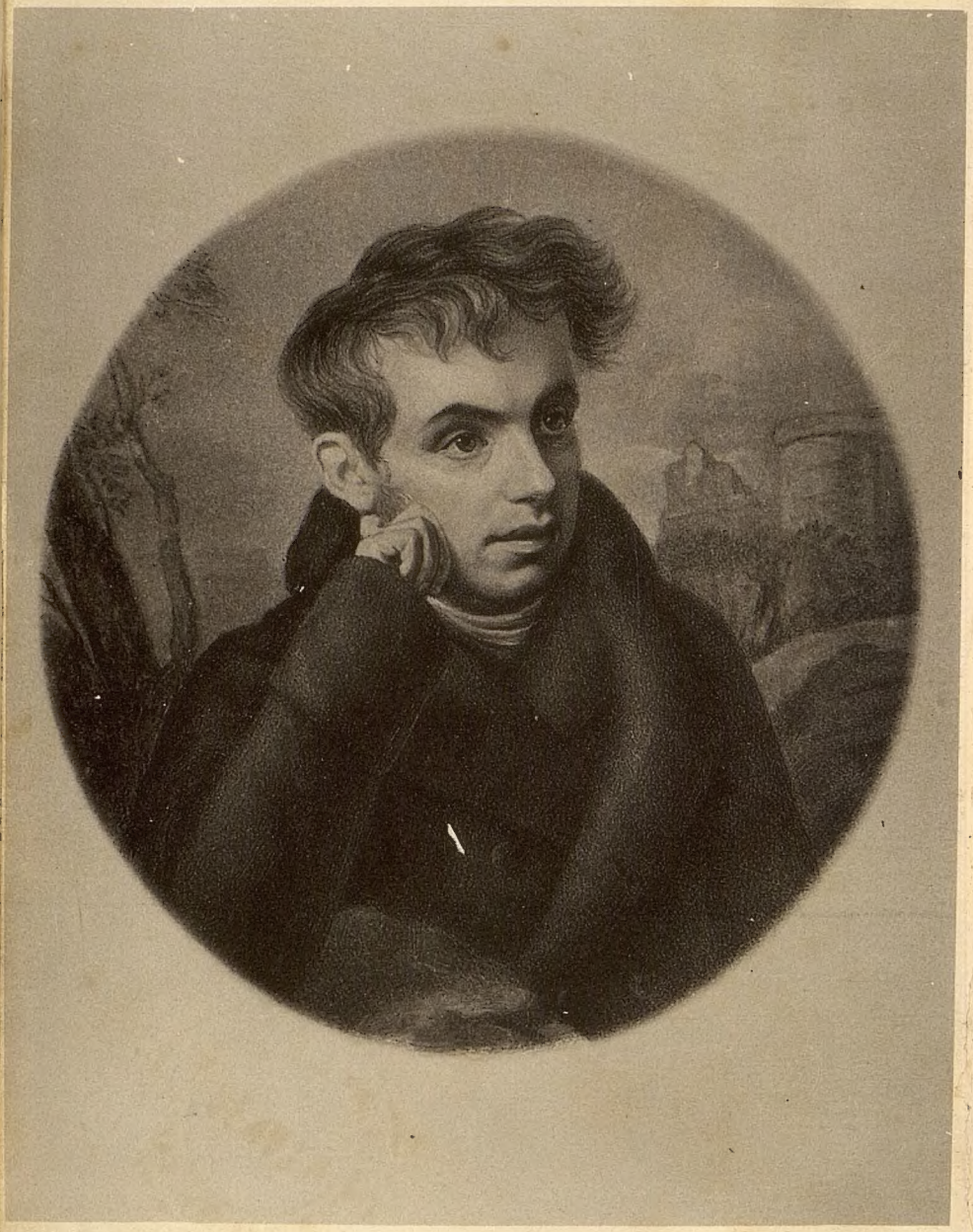
№ 4

Не выдается.

Взято на продажу. Убытковъ 20 р.

+

ПЕЧАТЬ
ОБЩ. ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СВѢДѢНІЙ ПО ПРОМЫШЛЕННОСТИ



В. А. Жуковскій.

(1816)

(*Съ портрета Кипренскаго*).

В. А. ЖУКОВСКІЙ

и

ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ПЕЧАТЬ

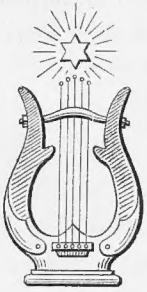
27 36

3-14 БМ 0.4.10

В. А. ЖУКОВСКІЙ

и

ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ.



Д 7 36

Сочиненіе П. Загарина.

Изданіе второе, дополненное.

Съ приложеніемъ 8 фотогравюръ, автографовъ и нотъ

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

МОСКВА.
Изданіе Льва Поливанова.
1883.

Право воспроизведенія фотогравюръ, фотолитографій, являющихся здѣсь впервые, принадлежитъ издателю.

Дозволено цензурой. Москва 3 апрѣля 1883 года.
Типографія М. Н. Лаврова и Комп., Леонтьев пер., св. домъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Второе изданіе предлагаемой книги въ текстѣ пополнено немного, но приложенія умножены. Внесены вновь: 1) Постановленія для воспитанниковъ Благороднаго пансіона (прил. I); 2) шесть главъ и отрывки еще изъ двухъ главъ „Донъ-Кихота“ въ переводѣ Жуковскаго (прил. III); и 3) Черты народной поэзіи въ „Ленорѣ» и «Свѣтланѣ» (прил. IV).

Дабы сдѣлать книгу дешевле, фотогравюръ и пр. приложено лишь *восемь*, вмѣсто 29-ти перваго, юбилейнаго, изданія.

Левъ Поливановъ.

1883. Апрѣля 3.

ПЕЧАТЬ

ВВЕДЕНІЕ.

Въ эпохи подъема умственныхъ интересовъ, слѣдующія за сильнымъ напряженіемъ въ сферѣ дѣйствія, выражается несомнѣнный законъ жизни, въ которомъ заявляетъ свои права человѣческій разумъ. Было бы крайне односторонне объяснять эти отливы энергіи общественной воли только насиліемъ и произволомъ лицъ, держащихъ въ рукахъ своихъ судьбы человѣческихъ обществъ. Самыя лица эти—не порожденіе ли свободнаго, хотя порою и молчаливаго соглашенія умовъ, требующихъ покоя для удовлетворенія насущной потребности самоуглубленія и развитія идей, которымъ впереди предстоитъ новое проявленіе въ сферѣ практической?

Въ такіе періоды общественной жизни, отъ великихъ полководцевъ, людей государственныхъ, интересовъ политическихъ—общее вниманіе переносится на мыслителей, ученыхъ и художниковъ, на интересы жизни внутренней и теоретическаго знанія, на вопросы нравственные и религіозные.

Празднымъ дѣломъ было бы рѣшать, которое изъ обоихъ состояній общества, представляющихъ реакцію

другъ другу, слѣдуетъ считать нормальнымъ. Жизнь народная слагается изъ обоихъ явленій: слѣдовательно нормою исторической жизни должно признать совокупность ихъ обоихъ. Пора усиленной энергіи стремится осуществить то, что накопляетъ пора раздумья: пора раздумья приводитъ къ сознанію результата прежней эпохи дѣйствія.

Поэтъ, о жизни и сочиненіяхъ котораго предстоитъ намъ бесѣдовать съ читателемъ, принадлежитъ той порѣ исторіи нашего отечества, да и всей Европы, когда за эпохой дѣйствія, ужаснувшей весь міръ своею силою и потоками крови, пролитой революціей и всемірнымъ завоевателемъ,—наступила почти сороколѣтняя пора интересовъ литературно-художественныхъ и господство философіи, этой „приготовительницы дѣлъ", по выраженію Фихте. Такое направленіе не могло не отразиться на скромно-распускавшейся литературѣ нашей, возраставшей подъ воздѣйствіемъ Запада.

Жуковскій выступилъ на литературное поприще въ ту эпоху, когда въ литературѣ европейской вполнѣ обозначились результаты образованности XVIII вѣка.

Въ основаніе европейской философіи легъ дуализмъ Декарта. Дуализмъ этотъ на почвѣ германской выразился въ философіи Вольфа. Его система закрѣпила въ умахъ Германіи ученіе о двухъ не имѣющихъ внутренней связи началахъ бытія: о жизни внутренней и душѣ съ одной стороны—и жизни внѣшней и тѣлесномъ организмѣ съ другой.

Чрезъ это уничтожалась въ корнѣ цѣльность міро-

созерцанія. Мысль не вѣдала связи реальной жизни съ міромъ идеальнымъ, потому что этотъ послѣдній съ такой точки зрѣнія обращался въ чисто субъективное созданіе грезящей души. Такой же внутренній разладъ между областью высшихъ идей и пониманіемъ дѣйствительности укоренился въ умахъ англійскихъ и французскихъ деистовъ. Соотвѣтственно тому, не трудно было и матеріализму совсѣмъ отвергнуть бытіе міра трансцедентальнаго и исключить его вовсе изъ области идей своихъ. Словомъ—въ европейскихъ воззрѣніяхъ XVIII вѣка царилъ крайній дуализмъ. Мистицизмъ и піэтизмъ съ одной стороны, матеріализмъ—съ другой были естественными послѣдствіями этого дуализма.

Такое воззрѣніе не могло не отразиться и на искусствахъ — и вотъ мы видимъ пониманіе изящнаго, какъ простаго приспособленія изображеній дѣйствительныхъ явленій къ дѣятельности субстанціи мыслящей, которая, сознавъ какое-либо понятіе въ логической формѣ, затѣмъ уже пріискиваетъ образъ для его выраженія. Дѣломъ поэзіи считалась лишь безукоризненная версификація и правильный планъ, логически построенный; изящный образъ, какъ украшеніе внѣшнее, легко снимался съ логической подкладки любаго произведенія. Таковы основанія ложно-классической теоріи и реторическаго направленія того времени.

Эти условія поэтическаго творчества, которыхъ не могъ избѣжать и нашъ геніальный ученикъ Вольфа, овладѣли всецѣло литературной практикой XVIII вѣка и въ нашемъ отечествѣ.

ПЕЧАТЬ

Возрастаніе Жуковскаго совпало съ новымъ движеніемъ въ области европейской философіи и поэзіи. Новый вѣкъ, подготовленный французскимъ отрицаніемъ и зиждительнымъ духомъ Германіи, выдвинулъ и развилъ тѣ идеи, которыя уже выразились въ произведеніяхъ Клопштока, Виланда, Лессинга и Гердера. Звѣзда Гёте еще не закатилась, и такъ недавно умеръ Шиллеръ въ полномъ развитіи своего таланта.

Ближайшее знакомство съ жизнію и произведеніями Жуковскаго убѣждаетъ насъ въ томъ, что онъ былъ явленіемъ самобытнымъ. Способъ, какимъ онъ выражалъ свои идеи—по большей части въ переводахъ и подражаніяхъ иностраннымъ авторамъ—породилъ ложный взглядъ на исключительное значеніе Жуковскаго какъ переводчика. Не говоря уже о томъ, что многія изъ его произведеній, внушенныхъ ему иностранными поэтами—только подражанія,—переводы его заключаютъ такъ много своего, что большую ошибку дѣлаютъ тѣ, кто думаетъ по этимъ переводамъ знакомить съ литературою иностранною Злая насмѣшка его недоброжелателя, который въ извѣстной комедіи своей проситъ поэта нашего

Гомера не влюблять,

въ сущности имѣетъ основаніе. Жуковскій искалъ всюду отголоска собственной души, будь то Шиллеръ или Байронъ, Овидій или Клопштокъ, Грэй или Парни.

Напрасно станемъ мы объяснять міровоззрѣніе Жуковскаго какимъ-либо однимъ изъ теченій времени. То не метафизика деизма, не мистика масоновъ и

не чистое воззрѣніе церкви; такъ же мало оптимистъ, какъ и пессимистъ, онъ не былъ выразителемъ ни эвдемонизма, ни аскетическаго самоумерщвленія.

И однако же въ цѣльномъ и законченномъ міровоззрѣніи Жуковскаго мы найдемъ элементы всѣхъ этихъ теченій. Нужно было имѣть много своеобразности въ душевномъ складѣ, чтобы изъ этихъ противоположностей образовать одинъ міръ идей, свой собственный, не рѣдко именно вопреки тѣмъ окружающимъ вліяніямъ, которыя захватывали всякаго изъ его современниковъ. Даже въ литературныхъ пріемахъ и въ столь родственномъ душѣ его настроеніи литературнаго круга, гдѣ онъ вращался,—онъ сумѣлъ остаться оригинальнымъ. Безслѣдно пронеслось мимо него и сильнѣйшее движеніе нѣмецкой литературы, которая болѣе всѣхъ другихъ воспитала его—«бурныя стремленія» юной Германіи. Самый романтизмъ нашелъ въ Жуковскомъ зрителя спокойнаго, хотя и участливаго, но вполнѣ независимаго. Словомъ—это была натура своеобразная. Всѣ упомянутыя вѣянія коснулись ея,—но ни одно не захватило и не увлекло за собою. Не потому ли въ исторіи литературы нашей Жуковскій явился на рубежѣ двухъ ея эпохъ—такъ называемаго лже-классицизма съ одной стороны и такъ называемаго романтизма—съ другой? Не получивъ основательнаго образованія, стоя въ этомъ отношеніи ниже и Мерзлякова, и Гнѣдича, и Батюшкова—онъ не «взывалъ однако же къ Виргиліямъ, Гомерамъ, Софокламъ, Еврипидамъ, Гораціямъ и пр.,

затвердивъ одни только имена ихъ»; не «учился и благочестію въ Кандидѣ», не «вопіялъ съ поврежденнымъ сердцемъ и потраченнымъ умомъ противъ невѣжества.» но съ другой стороны, ни Шекспиръ, ни Байронъ. ни даже Шиллеръ не потрясли всецѣло души его и не увлекли съ того пути, по которому онъ двигался, руководимый голосомъ лишь собственнаго сердца.

Самобытной душевной работой всѣ эти наслоенія переплавлялись въ немъ. образуя металлъ новый. Въ этомъ отношеніи природа Жуковскаго оказалась способною къ сильной переработкѣ воспринимаемаго матеріала— быть можетъ, болѣе сильной, нежели у кого либо изъ его современниковъ. «Точило его духа» было крѣпко, и гроздъ претворялся въ немъ въ доброе вино и вытекалъ струею чистою и безпримѣсною.

Можно говорить о недостаткѣ широты воззрѣній Жуковскаго; можно упрекнуть его даже въ узкости ихъ: но никто не назоветъ ихъ эклектическими и шаткими. Вотъ почему этотъ странный сынъ русскаго помѣщика и бендерской Турчанки, ставшій на рубежѣ двухъ поколѣній русскихъ поэтовъ, при всей мягкости и елейности личнаго характера, могъ явиться такимъ геніемъ-разрушителемъ для направленія, еще властно господствовавшаго при его вступленіи на литературное поприще; изъ обломковъ рухнувшаго зданія выпорхнулъ юный обновитель русской поэзіи. Одному Жуковскому, поэту съ такой своеобразной душою, можно было разрушить всякіе шаблоны предшествующихъ стихотворцевъ, и научить поэтовъ новыхъ тому, чѣмъ должна быть поэзія.

Предназначеніе его этимъ и совершилось Но только послѣ него, какъ бы пожертвовавшаго собою и предоставившаго другимъ нормальный путь на поприщѣ народной литературы, стало возможно свободное творчество въ области русской поэзіи. Не будучи вполнѣ Русскимъ по складу своего характера, онъ не былъ однако же и иностранцемъ. Подобно существу, которому нѣтъ мѣста въ подѣленныхъ между людьми областяхъ земли, онъ пролетѣлъ надъ нею чарующимъ явленіемъ, напоминая тѣ фантастическіе образы, которые такъ плѣняли его современниковъ въ созданіяхъ его музы.

I.

Первые годы дѣтства.—Жизнь въ домѣ Юшковой.—Дѣтскіе литературные опыты.

Въ трехъ верстахъ отъ Бѣлева, уѣзднаго города Тульской губерніи, надъ долиною, орошенною прозрачнымъ ручьемъ, расположено село Мишенское. Господская его усадьба уже въ пятидесятыхъ годахъ представляла печальную картину разрушенія и запустѣнія. Строенія развалились; сады вымерзли; плотины прудовъ прорвало, и они высохли; сажалки поросли густымъ камышомъ. Но въ концѣ прошлаго вѣка это дворянское гнѣздо представляло картину оживленную. Звонкіе дѣтскіе голоса оглашали обширный паркъ, примыкавшій къ дому; службы, флигеля и оранжереи обступали огромный домъ, занятый многочисленной семьею владѣльца села Мишенскаго—Аѳанасія Ивановича Бунина.

29-го января 1783 года здѣсь родился, здѣсь же и проводилъ первые годы дѣтства Василій Андреевичъ Жуковскій [1]).

Изъ одиннадцати дѣтей Бунины лишились семерыхъ, и въ числѣ ихъ единственнаго сына. Сынъ этотъ—надежда Марьи Григорьевны Буниной — умеръ въ Лейпцигѣ, гдѣ уже взрослымъ юношей обучался въ университетѣ,—и Жуковскій, сынъ Аѳанасія Ивановича и вывезенной изъ Бендеръ Турчанки, сдѣлался предметомъ заботъ всего дома [2]).

---

[1]) См. соч. Державина, изд. Грота. VII, 734 и предисл. къ книгѣ: „Жизнь и поэзія Жуковскаго“ К. К. Зейдлица, 1883, стр. XI—XII.

[2]) Мать Жуковскаго—Турчанка Сальха, вывезенная изъ Бендеръ въ 1771 году однимъ изъ крестьянъ Бунина, бывшихъ въ 1-ю турецкую кампанію маркитантами. Приставленная сначала няней къ двумъ младшимъ дочерямъ Буниныхъ, Варварѣ и Александрѣ, она крестилась, получила имя Елизаветы Дементьевны, научилась по-русски, а затѣмъ и грамотѣ: она всею душою привязалась къ доброй Марьѣ Григорьевнѣ, принявшей въ семью свою ея сына.

Это былъ не единственный примѣръ вывоза плѣнныхъ турецкихъ женщинъ въ концѣ прошлаго вѣка. Такъ, дочь кормилицы въ сералѣ султана Селима, вдова начальника Анапы Мегмета Имиша, въ 1792 году при взятіи Анапы Русскими досталась имъ въ плѣнъ, тяжело раненная. Желая спасти дѣтей своихъ, она отдала ихъ крѣпостному че-

Воспріемниками при крещеніи нашего поэта были дочь Бунина Варвара Аѳанасьевна и бѣдный кіевскій дворянинъ, жившій въ домѣ Буниныхъ, Андрей Григорьевичъ Жуковскій, который формально и усыновилъ ребенка. Отчество и фамилію новорожденный получилъ отъ крестнаго отца своего.

Когда ребенку исполнилось два года, крестная его мать вышла за мужъ за Петра Николаевича Юшкова и поселилась въ Тулѣ. Ея дочь Анна[1]) и дочь сестры ея Натальи Аѳанасьевны Вельяминовой (фаворитки намѣстника тульскаго, калужскаго и рязанскаго М. Н. Кречетникова), Марья Николаевна (въ замужествѣ Свѣчина), взятыя Марьей Григорьевной на свои руки, стали первыми подругами дѣтства

ловѣку казанскаго помѣщика Хвостова, убитаго при осадѣ города. Оправившись отъ ранъ, она была окрещена съ именемъ Александры симбирскимъ уроженцемъ Вас. Вас. Карпачевымъ, который и привезъ ее съ собою въ Казань, гдѣ она называлась Александрой Васильевной и вышла за мужъ за маіора Прокофьева. Будучи редакторомъ „Вѣстника Европы“ въ 1808 году, Жуковскій послужилъ этой женщинѣ, судьба которой такъ походила на судьбу его собственной матери, помѣстивъ въ № 13 своего журнала „Объявленіе, присланное изъ Петербурга“, заключающее вызовъ извѣстить маіоршу Прокофьеву, не знаетъ ли кто-нибудь о ея дѣтяхъ, нѣкогда отданныхъ ею въ чужія руки. Жуковскій присоединилъ къ этому вызову нѣсколько горячихъ словъ въ пользу дѣла несчастной матери. „Неизвѣстность о судьбѣ дѣтей“, пишетъ онъ (стр. 67) „есть самая горестная и мучительная“. На заявленіе „Вѣстника Европы“, въ № 17 откликнулся Алатырскій городничій Солодовъ, извѣщавшій, что онъ купилъ по взятіи Анапы пятилѣтняго сына ея Сегидъ-Халиля, окрестилъ его и „воспиталъ при себѣ по возможности“, а потомъ опредѣлилъ его въ Симбирскій батальонъ вольно-опредѣляющимся,—а также, что дочь ея Шерифъ-Дудъ тогда же скончалась.

[1]) Анна Петровна (Зонтагъ), извѣстная сочинительница „Священной исторіи для дѣтей“ (2 ч., 9-е изд. М. 1871). Ея воспоминанія (Москвитянинъ, 1852, № 18 и Русская мысль 1883 № 2) служатъ главнымъ источникомъ извѣстій о дѣтствѣ Жуковскаго. См. также Wasily Andrejewitsch Joukofisky. Ein Russisches Dichterleben, von D-r Carl v. Seidlitz (петербургскаго врача). Mitau. 1870 — обстоятельный очеркъ жизни Жуковскаго, имѣющій особенную цѣну потому, что авторъ его былъ болѣе 40 лѣтъ знакомъ съ Жуковскимъ и его близкими и родными. Прежде помѣщенный на русскомъ языкѣ въ журналѣ Мин. Народнаго Просвѣщенія 1869 года (апрѣль, май и іюнь) съ сокращеніями, онъ нынѣ изданъ вновь на русскомъ языкѣ подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ.

нашего поэта. Другія дочери Юшковой: Марья Петровна (Офросимова), Авдотья Петровна (сначала Кирѣевская [1]), потомъ Елагина), любимица Жуковскаго, и Екатерина Петровна (Азбукина) вошли впослѣдствіи также въ этотъ семейный кругъ, къ которому такъ былъ привязанъ Жуковскій.

По свидѣтельству лицъ, знавшихъ его, это былъ мальчикъ стройный и ловкій. Большіе каріе глаза блистали умомъ изъ подъ длинныхъ черныхъ рѣсницъ; черныя брови рѣзко выдѣлялись подъ большимъ лбомъ; густые длинные черные волосы вились по плечамъ; бѣлое личико оживлялось румянцемъ; улыбка его была пріятна, выраженіе лица умно и добродушно; во взглядѣ видна была мечтательность. Симпатичный характеръ его привлекалъ каждаго: таковъ оставался онъ и впослѣдствіи.

Будучи 5-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, какъ разсказываетъ А. И. Зонтагъ, забрался онъ въ пустую горницу, гдѣ нашелъ кусокъ очиненнаго мѣла, и срисовалъ на полу образъ Боголюбской Божіей матери, туда принесенный. Рисунокъ произвелъ переполохъ среди прислуги дома; разнесся слухъ, что на полу явился чудотворный образъ. Весь домъ пошелъ смотрѣть на это произведеніе юнаго художника; подивились искусству, съ какимъ оно было исполнено.

Для его обученія сначала былъ выписанъ изъ Москвы нѣмецъ Екимъ Ивановичъ. Но онъ болѣе занимался кузнечиками, нежели своимъ воспитанникомъ. По непонятной страсти къ этимъ насѣкомымъ, онъ тщательно собиралъ ихъ, помѣщалъ въ картонныхъ и бумажныхъ домикахъ, состав-

[1]) Дѣти отъ этого брака—извѣстные писатели И. В. и П. В. Кирѣевскіе. Впослѣдствіи первые успѣхи ихъ дали право Жуковскому сказать: „Въ семьѣ нашей заключается цѣлая династія хорошихъ писателей“.

лялъ изъ нихъ хоры и наслаждался ихъ голосами; ученика же своего за малѣйшую ошибку въ чтеніи или за незнаніе урока сѣкъ, билъ линейкою по пальцамъ или ставилъ на горохъ на колѣни. Мальчикъ терпѣливо переносилъ все это, не жалуясь на своего мучителя. Только благодаря А. Г. Жуковскому, разсказавшему М. Г. Буниной объ этихъ истязаніяхъ, наконецъ Екима Ивановича отослали въ Москву обратно къ портному, изъ мастерской котораго онъ былъ взятъ. Учить мальчика грамотѣ принялся Андрей Григорьевичъ Жуковскій—но дѣло шло плохо. Мальчикъ охотнѣе рисовалъ мѣломъ на полу и столахъ, скучая уроками крестнаго отца своего.

Ежегодно зимою вся семья, въ сопровожденіи слугъ, горничныхъ, поваровъ, со всѣмъ домашнимъ скарбомъ и запасами провизіи, переѣзжала въ Тулу. Въ 1790 году Бунинъ сюда переѣхалъ совсѣмъ, и Жуковскій былъ опредѣленъ въ пансіонъ Христофора Филипповича Роде полупансіонеромъ, а потомъ и пансіонеромъ.

Къ этому времени относится одинъ случай, характеризующій благороднаго мальчика.

Однажды пришли къ нему два знакомыхъ мальчика, братья Игнатьевы. Въ комнату, гдѣ они всѣ сидѣли, случайно зашла одна изъ внучекъ Буниной. Игнатьевы бросились ее бить, но Жуковскій, посадивъ ее на бабушкину кровать, подоткнулъ со всѣхъ сторонъ занавѣсъ подъ пуховикъ, вооружился линейкой и смѣло объявилъ, что беретъ дѣвочку подъ свою защиту. Мальчики закричали; „Хорошо же! кровать будетъ крѣпость, и мы будемъ брать ее приступомъ; а когда возьмемъ, то приколотимъ дѣвчонку“! Жуковскій храбро отражалъ забіякъ линейкой, пока пришедшая на шумъ Елизавета Дементьевна не положила конецъ этой шалости. Жуковскій просилъ послѣ

этого не принимать болѣе Игнатьевыхъ, говоря съ величайшимъ негодованіемъ: „они вздумали нападать на женщину!“

Поэту нашему минуло 8 лѣтъ, когда умеръ Бунинъ. Съ ранней весны 1791 года по этому случаю мы видимъ его въ Мишенскомъ, куда повезли тѣло покойнаго. Старика схоронили въ часовнѣ на мѣстѣ старой церкви. Погребальная церемонія, строго исполняемый обычай поминовенія покойнаго, ежедневное посѣщеніе церкви въ теченіи сорока дней, сельское кладбище и сельская церковь съ раскрашеннымъ херувимомъ на царскихъ вратахъ, къ которому мальчикъ прикладывался каждый разъ по окончаніи службы—вотъ тѣ впечатлѣнія и обстановка, которыя налагали печать свою на дѣтскую душу будущаго пѣвца „Сельскаго кладбища“.

Лѣто прошло въ „златыхъ играхъ“ съ дѣвочками; зимою семья снова двинулась въ Тулу. То же повторилось и въ слѣдующемъ году, но затѣмъ вдова Бунина осталась съ внучками въ Мишенскомъ, помѣстивъ мальчика въ Тулѣ, въ домѣ Варвары Аѳанасьевны, которая пригласила для воспитанія дѣтей учителя и гувернантку. Пансіонъ Роде закрылся; Жуковскій посѣщалъ теперь тульское народное училище; дома же учился по-французски и по-нѣмецки вмѣстѣ съ племянницами своими, которыхъ привыкъ называть сестрицами.

Старшимъ учителемъ въ народномъ училищѣ былъ Ѳеофилактъ Гавриловичъ Покровскій. То былъ образованный человѣкъ своего времени. Въ журналѣ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ можно было встрѣтить его статьи подъ псевдонимомъ „Философа горы Алаунской, живущаго при подошвѣ горы Утлы“. Неуспѣшность по математикѣ была причиною выхода Жуковскаго изъ народнаго

училища. Философъ горы Алаунской отступился отъ ученика своего. Обученіе Жуковскаго продолжалось домашними средствами.

Домъ Варвары Аѳанасьевны Юшковой, гдѣ теперь жилъ будущій поэтъ, былъ средоточіемъ тульскаго образованнаго круга. Сама Юшкова, по отзыву извѣстнаго Болотова, „боярыня молодая, очень умная, любопытная и ласковая“, „почтенія и любви достойная [1])“, была и натурой поэтической, обладала большими музыкальными дарованіями. Уже въ Мишенскомъ музыка составляла любимое занятіе дома Бунниныхъ, гдѣ крестный отецъ Жуковскаго, хорошій скрипачъ, руководилъ церковными пѣвчими. Въ Тулѣ Варвара Аѳанасьевна занялась управленіемъ городскаго театра; у себя же въ домѣ устроила музыкально-литературные вечера; учила пѣть и Жуковскаго; на литературныхъ вечерахъ здѣсь читались и обсуждались свѣжія новости литературы.

Занятія старшихъ не остались безъ вліянія и на дѣтей. Двѣнадцатилѣтній Жуковскій воодушевился мыслію попытать свои силы въ поэзіи. „Камиллъ, или освобожденный Римъ“ — была трагедія, написанная имъ ко дню пріѣзда Марьи Григорьевны изъ Мишенскаго. Это было зимою 1795 года. Все общество дѣвочекъ костюмировалось римскими сенаторами; авторъ игралъ героя трегедіи. Сцена была устроена въ столовой, освѣщена церковными свѣчками и плошечками изъ скорлупы грецкихъ орѣховъ, налитой воскомъ. Для необходимыхъ расходовъ билеты продавались по десяти копѣекъ. Вмѣсто кулисъ и декорацій разставлена была мебель; простыня замѣняла занавѣсъ. Бѣлыя сорочки, ленты и шарфы служили костюмами играющимъ. Самъ Камиллъ явился въ своей курточкѣ, опоясанной широкимъ ку-

[1]) IV. 1106,1165.

шакомъ, въ бумажномъ шлемѣ и съ линейкою въ рукахъ, вмѣсто меча. Въ одной изъ сценъ явилась Олимпія, которую играла взрослая и довольно полная дѣвица, въ бѣлой рубашкѣ сверхъ розоваго платья и съ красною шалью вмѣсто порфиры. Раненную, съ распущенными волосами, приводятъ ее въ то время, когда Камиллъ передъ собраніемъ сенаторовъ давалъ отчетъ въ своей побѣдѣ. „Познай во мнѣ", сказала она, „Олимпію, Ардейскую царицу, принесшую жизнь въ жертву Риму!"—„О, боги! Олимпія, что̀ сдѣлала ты?" воскликнулъ Камиллъ —„За Римъ вкусила смерть!" отвѣчала Олимпія и распростерлась мертвою передъ глазами восхищенныхъ зрителей. Успѣхъ былъ полный. Ободренный имъ, юный поэтъ задумалъ немедленно написать новую піесу. На этотъ разъ содержаніе заимствовалъ онъ изъ извѣстнаго французскаго идиллическаго романа Бернардена-де-Сенъ-Пьеръ „Павелъ и Виргинія". Піеса называлась: „Г-жа де-ла-Туръ". Къ сожалѣнію, вслѣдствіе неосторожности г-жи Юшковой, которая при исполненіи этой піесы послала на сцену дессертъ, долженствовавшій изображать завтракъ дѣйствующихъ лицъ, актеры вышли изъ ролей—и представленіе разстроилось [1]).

Такимъ образомъ молодежь составляла собственный литературный кружокъ. На его-то судъ отдавалъ Жуковскій свои юношескіе опыты. Онъ привыкъ писать для этихъ юныхъ подругъ дѣтства, которыя позже съ живымъ интересомъ встрѣчали и первыя его печатныя произведенія. Дѣвственный ареопагъ этотъ, по выраженію біографа, съ самаго начала направилъ Жуковскаго на путь цѣломудренной, задумчивой лирики [2]).

---

[1]) Моск. 1852. № 18.
[2]) W. A. Joukoffsky. 12.

II.

Поѣздка въ Петербургъ и Кексгольмъ.—Опредѣленіе въ Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ.—Характеръ этого училища.—„Собраніе воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона".—Знакомство съ Тургеневыми.—Андрей Тургеневъ.

До 14-лѣтъ воспитаніе Жуковскаго шло не путемъ правильной школы, но, какъ у большинства представителей интеллигенціи того времени, путемъ случайныхъ вліяній общественной и семейной жизни.

Въ 1795 году Марья Григорьевна рѣшила послать Василія Андреевича въ Нарвскій полкъ, гдѣ прежде служилъ и мужъ ея. Знакомый майоръ Постниковъ вызвался свезти его въ этотъ полкъ, куда Жуковскій былъ записанъ съ рожденія, [1]) стоявшій въ финляндской крѣпости Кексгольмѣ. На пути, въ Петербургѣ, онъ доставилъ юному Жуковскому возможность видѣть Императрицу Екатерину на великолѣпномъ праздникѣ, данномъ въ честь Потемкина [2]). Черезъ 36 лѣтъ Жуковскій вспоминалъ объ этомъ достопамятномъ днѣ своего дѣтства. О Державинскомъ гимнѣ: „Громъ побѣды раздавайся" онъ пишетъ И. И. Дмитріеву: „Я слышалъ эти слова, глядя на Екатерину [3])".

Въ Кексгольмѣ, гдѣ Постниковъ съ Жуковскимъ пробылъ не менѣе двухъ мѣсяцевъ, мальчикъ проводилъ время среди офицеровъ, которые ласкали его; учился ружейнымъ пріемамъ. Совершенно новое зрѣлище представляли ему церковныя церемоніи, сопровождаемыя здѣсь военнымъ

---

[1]) См Р. Арх 1872., стр. 2464. Зейдлицъ называетъ Рязанскій полкъ.

[2]) Соч. В. А. Жуковскаго. Изд. 7. 1878 г. Т. VI, стр. 432. Въ выноскѣ обозначеніе года этого факта, отнесеннаго къ 1791 году, когда Жуковскому было 8 лѣтъ, ошибочно.

[3]) Письмо отъ 16 окт. 1831. (Соч. VI. 432).

парадомъ; съ любопытствомъ смотрѣлъ онъ и на разводы и видѣлъ Суворова, который былъ встрѣченъ здѣсь пушечною пальбою со всѣхъ бастіоновъ крѣпости. Общество небольшаго городка, состоявшее по большой части изъ военныхъ, жило весело. Зимою здѣсь бывали маскарады. Впрочемъ Жуковскій не посѣщалъ ихъ безъ разрѣшенія своего руководителя и не оставлялъ учебныхъ занятій, дѣлая переводы съ нѣмецкаго [1]).

Смерть Императрицы, вскорѣ затѣмъ послѣдовавшая, измѣнила судьбу мальчика. Императоръ Павелъ отмѣнилъ пріемъ въ войска малолѣтнихъ. Постниковъ привезъ Жуковскаго въ Тулу обратно.

Наконецъ въ 1797 году Жуковскій вступаетъ въ школу, которая имѣла много данныхъ для раскрытія дарованій будущаго поэта. Въ январѣ этого года Бунина отвезла его въ Москву и опредѣлила въ Университетскій Благородный Пансіонъ.

Это учебное заведеніе памятно русскому просвѣщенію наряду съ университетомъ, въ нѣдрахъ котораго получило свое основаніе на 24-мъ году его существованія.

Основатель университета учредилъ при немъ двѣ гимназіи, для дворянъ и разночинцевъ. Одинъ изъ кураторовъ университета, поэтъ Херасковъ, открылъ въ 1779 году особые классы для воспитанниковъ гимназіи дворянской, которые до того времени учились въ классахъ общихъ совмѣстно съ разночинцами, а въ 1783 году вывелъ ихъ изъ университетскаго зданія (уже на углу Моховой и Никитской) въ особый домъ, купленный по смежности его съ дворомъ университета. Впослѣдствіи кураторъ Мелиссино отдѣлилъ это учрежденіе отъ университета совершенно и перевелъ

[1]) См. Письма Жуковскаго къ матери. Р. Арх. 1872. Стр. 2363.

его на Тверскую, въ приходъ Успенія на Овражкѣ, между Долгоруковскимъ и Вражскимъ (Газетнымъ) переулкомъ. Такъ было положено основаніе „Вольному Благородному Пансіону“ [1]), котораго директоръ [2]) Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій могъ уже записать 85 именъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей, ученыхъ и художниковъ, получившихъ въ немъ свое образованіе.

Не говоря объ этомъ учрежденіи, какъ о разсадникѣ многихъ общественныхъ дѣятелей и лицъ, оказавшихъ пользу на государственной службѣ, нельзя не остановить вниманія на томъ, какое замѣтное вліяніе, въ сравнительно краткій срокъ своего существованія (51 годъ: 1779—1830, когда преобразованъ въ дворянскій институтъ), имѣлъ пансіонъ на развитіе новаго литературнаго языка. „По всей справедливости“, замѣчаетъ историкъ этого училища, „нашъ пансіонъ можно было назвать литературнымъ и особенно драматическимъ училищемъ: столько вышло изъ него поэтовъ, отъ Жуковскаго до Лермонтова, и драматурговъ— отъ Вельяшева-Волынскаго до кн. Шаховскаго, Грибоѣдова и Писарева“. Въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка Прокоповичъ-Антонскій на одномъ литературномъ обѣдѣ, гдѣ присутствовалъ цвѣтъ московскаго литературнаго міра, оглядѣвъ присутствовавшихъ, сказалъ: „а вѣдь это все *наши*“!

Такому результату содѣйствовало то значеніе, какое было дано въ учебной организаціи школы литературнымъ

---

[1]) Н. Сушковъ. „Моск. Бл. Пансіонъ.“ Стр. 5 и 28.

[2]) Съ 1787 г. преподаватель естествовѣдѣнія, а съ 1791 г. инспекторъ, съ 1818 г. директоръ. Это былъ сынъ помѣщика изъ малороссійскихъ дворянъ, бывшаго, по обычаю многихъ лицъ этого сословія, приходскимъ священникомъ, почетнымъ протоіереемъ. Питомецъ Московскаго Университета Антонъ Антоновичъ съ 1774 г. былъ баккалавромъ при университетѣ, потомъ репетиторомъ университетскихъ гимна-

упражненіямъ ея воспитанниковъ, и общее настроеніе эпохи, которое даже въ провинціяхъ обращало людей образованнаго круга къ интересамъ литературно-художественнымъ. Съ тою же цѣлію — воспитывать литературные интересы пансіонеровъ — А. А. Прокоповичъ-Антонскій, бывшій первымъ предсѣдателемъ Общества Любителей Россійской Словесности, устроивалъ засѣданія его въ залѣ пансіона [1]). Во время этихъ засѣданій старшіе воспитанники были обязаны принимать публику въ качествѣ юныхъ хозяевъ дома.

Ученіе въ Благородномъ пансіонѣ не было классическимъ. Не только изученіе греческаго языка, преподаваніе котораго временно вовсе прекращалось, но и изученіе языка латинскаго было необязательно. Въ свѣдѣніяхъ объ успѣхахъ и поведеніи воспитанниковъ („извѣстіяхъ о тѣлесныхъ и нравственныхъ свойствахъ, степеняхъ ученія и о полезныхъ препровожденіяхъ времени", какъ назывались они) въ числѣ предметовъ, латинская словесность стояла на четвертомъ мѣстѣ, послѣ русской, нѣмецкой и англійской. „Преимущественно", говоритъ неутомимый руководитель Благороднаго пансіона А. А. Пр.-Антонскій въ своей рѣчи 1798 года: „О воспитаніи" [2]) — „должно заниматься отечественнымъ языкомъ и употреблять всѣ старанія и средства для достиженія въ немъ правильнаго, твердаго, основательнаго знанія". „Ошибаются тѣ", говоритъ онъ далѣе, „кои думаютъ, что изученіе природнаго своего языка не великаго труда стоитъ. Знать его основательно, знать со всѣми тонкостями, чувствовать всю силу его, красоту, важность, умѣть говорить и писать

зистовъ въ латинскомъ классѣ. Образованіе получилъ онъ въ Кіевской Духовной Академіи, потомъ на медицинскомъ и философскомъ факультетахъ Московскаго Университета.

[1]) Біогр. Слов. проф. и преп. И. М. Унив. I. 25.

[2]) Утр. Заря. 1807. Кн. V, стр. 29—31.

на немъ красно, сильно и выразительно по приличію матеріи, времени и мѣста: все это составляетъ трудъ едва преодолимый. На пріобрѣтеніе такого знанія должно употреблять всѣ силы, должно пожертвовать не малою частію жизни. Сіе одно достаточно уже къ опроверженію мнѣнія тѣхъ людей, кои полезнѣйшимъ упражненіемъ почитаютъ изученіе многихъ иностранныхъ языковъ".

Нужны были такіе одушевленные руководители, дабы внести живое единство въ занятія учениковъ, по учебному плану пансіона представлявшія совершенный хаосъ, какъ увидимъ ниже. Безъ нихъ Благородный пансіонъ ничѣмъ не отличался бы отъ другихъ учебныхъ заведеній первой четверти нашего вѣка, въ которыхъ, выражаясь словами И. И. Дмитріева, „науками по губамъ только мазали" [1]. Классныя занятія, какъ бы нарочно направленныя къ тому, чтобы разсѣивать умы учащихся чудовищной многопредметностію курса, потребовали учрежденія въ школѣ, такъ сказать, другой школы, которая исправляла бы грѣхи первой и, будучи руководима людьми, душевно преданными дѣлу, налагала бы на всю жизнь ея питомцевъ печать свою. Взглядъ Пр.-Антонскаго былъ послѣдовательно проведенъ въ устройствѣ тѣхъ воспитательныхъ занятій, которыя наполняли бо̀льшую часть времени воспитанниковъ.

Предметы ученія были: 1) Законъ Божій и Св. Исторія, 2) Логика и нравственная философія, 3) Математика (ариѳметика, геометрія, тригонометрія, алгебра, приложеніе алгебры къ геометріи и коническимъ сѣченіямъ), 4) Механика, 5) Артиллерія, 6) Фортификація, 7) Архитектура, 8) Опытная физика, 9) Естественная исторія, 10) Русская ис-

---

[1]) Письмо И. И. Дм. къ А. И. Тург. (Р. А. 1867. 1317)

торія, 11) Всемірная исторія, 12) Статистика всеобщая и русская, 13) Географія (математическая и политическая, всеобщая и русская), 14) Древности, 15) Миѳологія, 16) Право естественное, 17) Право римское, 18) Государственное хозяйство, 19) Основаніе права частнаго, гражданскаго и уголовныхъ законовъ, 20) Практическое россійское законовѣдѣніе, 21) Русскій языкъ, Словесность, сочиненія; языки: 22) латинскій [1]), 23) французскій, 24) нѣмецкій, 25) англійскій, 26) итальянскій и 27) словесность иностранная. Въ первые и послѣдніе годы существованія пансіона преподавался и 28) греческій языкъ; 29) Музыка, 30) Рисованіе, 31) Живопись, 32) Танцы, 33) Фехтованіе, 34) Верховая ѣзда, 35) Военныя движенія и дѣйствіе ружьемъ; сверхъ того 36) Сельское домоводство. Впослѣдствіи классы Миѳологіи и Права естественнаго закрыты.

Всѣхъ классовъ было шесть: 2 низшихъ, 2 среднихъ, 1 подвышній и 1 вышній [2]).

Ученіе, даже самое поверхностное, по этому курьезному плану, было бы совершенно невозможно, если бы оно не умѣрялось тѣмъ, что многіе изъ этихъ предметовъ были необязательны, что требованія по однимъ предметамъ ослаблялись съ усиленіемъ занятій по другимъ. „Такъ одни предпочтительно занимались математическими науками, другіе углублялись въ Богословіе или Судовѣдѣніе, третьи посвящали себя Словесности“ [3]). Испытанія изъ предметовъ, выбранныхъ главными, были строже; сверхъ того, достигая среднихъ или высшихъ классовъ по однимъ предметамъ,

---

[1]) Обязательное знаніе латинскаго языка отъ вступающихъ въ студенты университета постановлено лишь въ 1811 году (Н. Сушковъ, 49)

[2]) Н. Сушк. М. Б. П., 43.

[3]) Ibid. стр. 43, 44. Вѣроятно, предпочтительное занятіе Жуковскаго

воспитанникъ могъ оставаться по другимъ въ классахъ низшихъ.

И вотъ руководитель пансіона нашелъ противоядіе, еще болѣе дѣйствительное,—перенести центръ занятій на время внѣклассное, организовавъ съ особенною заботливостію упражненія воспитанниковъ въ сочиненіяхъ. Согласно духу времени, въ средѣ учениковъ было основано литературное общество, или какъ оно называлось Собраніе воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона. Засѣданія его происходили однажды, а смотря по нуждѣ, и дважды въ недѣлю, отъ 6 до 10 час. вечера. Участвовавшіе въ нихъ и ужинали позднѣе. Споры, начатые въ засѣданіи, продолжались и за ужиномъ [1]), переносились и въ спальни.

До открытія собранія, рѣчи и стихотворенія читались на актахъ. Такъ въ первый же годъ пребыванія своего въ пансіонѣ Жуковскій читалъ свою „Оду на благоденствіе". Изъ „Акта 1798 г." видно, что Жуковскій былъ въ числѣ „первыхъ воспитанниковъ-директоровъ концертовъ и другихъ забавъ", и что Сергѣй Костомаровъ и онъ „безпристрастнымъ судомъ, основаннымъ на большинствѣ голосовъ всѣхъ питомцевъ, признаны въ большомъ (т. е. старшемъ) возрастѣ лучшими въ ученіи и поведеніи". [2])

Засѣданія же „Собранія" предназначались для чтенія рѣчей, критическаго разбора собственныхъ сочиненій учениковъ и переводовъ, которые должны были обработываться съ возможнымъ тщаніемъ, и для заранѣе подготовлявшагося произношенія образцовыхъ сочиненій въ стихахъ и про-

---

Словесностью дало поводъ Зейдлицу сказать, что онъ поступилъ на „Словесное отдѣленіе" (Ж. М. Н. П. 1869 г. № 4, 387.

[1]) Біогр. Слов. проф. и преп. И. М. У. I, 29.

[2]) Соч. В. А. Жук. 1878. I, 490.

зѣ, „съ выраженіемъ чувствъ и мыслей авторскихъ и съ критическимъ показаніемъ красотъ ихъ и недостатковъ [1])“. Все вниманіе руководившихъ школою, а за ними и воспитанниковъ, было постоянно устремлено на эти важныя занятія. Весь досугъ и часть классныхъ занятій посвящались приготовленію къ этимъ собраніямъ, успѣхъ на которыхъ опредѣлялъ положеніе ученика въ училищѣ; А. А. Пр.-Антонскій не пропускалъ ни одного изъ этихъ собраній и приглашалъ посѣтителей изъ профессоровъ университета и другихъ представителей науки. Образованное московское общество внимательно слѣдило за этимъ излюбленнымъ учебнымъ заведеніемъ, куда и отдавало своихъ дѣтей охотно. Съ назначеніемъ А. А. Пр.-Антонскаго его инспекторомъ, число воспитанниковъ (пансіонеровъ и полупансіонеровъ) иногда доходило до 400.

Первымъ предсѣдателемъ „Собранія“, назначавшимся изъ числа воспитанниковъ, былъ Жуковскій. Это произошло черезъ два года по вступленіи его въ пансіонъ, т. е. въ 1799 году. Онъ и открылъ собраніе рѣчью, въ присутствіи инспектора и многихъ посѣтителей. Въ числѣ ихъ бывали и И. И. Дмитріевъ, и Н. М. Карамзинъ. Случалось, что они неожиданно заѣзжали на собраніе воспитанниковъ и сидѣли до конца. „Сердце радовалось“, говоритъ М. А. Дмитріевъ, „и у нихъ, видя возрастающихъ литераторовъ, и у воспитанниковъ, видя вниманіе къ себѣ такихъ людей“ [2]).

И. И. Дмитріевъ обратилъ особенное вниманіе на Жуковскаго по выслушаніи на пансіонскомъ актѣ его піесы: „Къ поэзіи“. Онъ пригласилъ его послѣ акта къ себѣ и съ этого времени еще болѣе узналъ и полюбилъ его. Онъ никогда

---

[1]) „Законы Собранія восп. Унив. Бл. Панс. 1799, февр. 9 (въ приложеніи къ кн. Н. Сушкова).

[2]) Мелочи изъ зап. м. п., 181.

не пропускалъ недостатковъ молодаго поэта безъ строгихъ замѣчаній. Жуковскій „съ задумчивымъ, безмолвнымъ умиленьемъ“ [1]) выслушивалъ наставленія Карамзина и Дмитріева, который „сорвалъ передъ нимъ покровъ поэзіи“, по собственному выраженію Жуковскаго [2]).

Читатели найдутъ въ приложеніи уставъ собранія воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона (см. прил. I). Случайно дошелъ до насъ и одинъ протоколъ ихъ засѣданій, найденный въ хламѣ бумагъ въ одной харьковской мелочной лавочкѣ. Его спасъ изъ рукъ лавочника Старобѣльскій мѣщанинъ Е. Кохановъ. Онъ лучше всего ознакомитъ насъ съ тѣмъ, что дѣлалось на этихъ оживленныхъ собраніяхъ [3]).

„Протоколъ отъ 18 мая, № 11, 1799 года. Мая 18 дня, въ присутствіи предсѣдателя, Василія Андреевича Жуковскаго, секретаря Семена Родзянки и дѣйствительныхъ членовъ: Константина Антоновича Кир... (уголъ листка здѣсь оторванъ), Степана Ивановича Порошина, Василія Петровича Полякова, кн. Григорія Ивановича Гагарина, Александра Ивановича Тургенева, Михайлы Дмитріевича Костогорова, Сергѣя Павловича Фонъ-Визина и почетныхъ, споспѣшествующихъ членовъ: г. профессора Антона Антоновича Антонскаго и г. адъюнкта философіи Михайлы Никитича Баккаревича, было засѣданіе, въ которомъ происходило слѣдующее: 1) Предсѣдатель В. А. Жуковскій открылъ засѣданіе рѣчью: О началѣ обществъ, распространеніи просвѣщенія и объ обязанностяхъ каждаго человѣка относительно къ обществу. 2) Прочитанъ и подписанъ протоколъ отъ 11 мая. 3) Секре-

[1]) „Къ И. И. Дмитріеву“ (1831).

[2]) Ibid.

[3]) Первоначально напечатанъ въ Харьковскихъ губ. вѣд.

тарь прочиталъ собранію письмо отъ воспитанника г. Лихачева, съ присовокупленіемъ собственнаго сочиненія въ стихахъ подъ заглавіемъ: „Ручекъ", которое просилъ онъ гг. членовъ разсмотрѣть. Оно отдано на судъ Константину Остроумову. 4) Предсѣдатель В. А. Жуковскій внесъ, сверхъ мѣсячныхъ работъ, переводъ изъ Клейста въ стихахъ гимнъ, а Василій Петровичъ Поляковъ также переводъ съ нѣм.: Отрывокъ изъ Клейста. 5) В. А. Жуковскій прочелъ критическія замѣчанія, сдѣланныя имъ на сочиненіе секретаря Семена Родзянки: Нѣчто о душѣ. Иныя изъ нихъ найдены справедливыми и одобрены членами, а иныя нѣтъ. Послѣ чего члены дѣлали свои замѣчанія, однако въ семъ засѣданіи не кончили разбора сей пьесы. 6) Положили, сдѣлавъ еще 3 засѣданія, 25 мая, 1 и 8 іюня, закрыть собраніе, частію для того, чтобы свободнѣе приготовиться къ наступающему экзамену, а частію для того, что скоро по вечерамъ начнется военная (экзерциція). 7) Почетный, споспѣшествующій собранію членъ А. А. Антонскій прислалъ Собранію одинъ печатный экземпляръ Акта, бывшаго въ Благородномъ Университетскомъ Пансіонѣ 1798 г. дня. 8) А. И. Тургеневъ заключилъ засѣданіе произнесеніемъ стиховъ: „Россу по взятіи Измаила" изъ соч. г. Державина. 9) Предсѣдатель В. А. Жуковскій назначилъ череднаго оратора, чѣмъ и кончилось засѣданіе". (Собственноручныя подписи всѣхъ присутствовавшихъ членовъ).

Въ числѣ трудовъ Жуковскаго въ эту пору ученія нельзя не упомянуть о переводѣ на французскій языкъ въ сотрудничествѣ съ Семеномъ Родзянкою оды Державина „Богъ" [1]).

---

[1]) Соч. Державина, изд. Я. Грота. VI.—Изъ другихъ его сочиненій въ школьный періодъ жизни оду „Добродѣтель" (Отъ свѣта свѣтовъ)

Гос. Ун-т
Научная библиотека
им. Горького

Одно важное условіе придавало особенную цѣну такому повидимому преждевременному публичному авторству юныхъ питомцевъ пансіона. То было единство направленія, господствовавшаго и въ университетѣ, и въ образованномъ слоѣ московскаго общества. Школа не имѣла печальной необходимости оберегать незрѣлыя души отъ вліянія общества: она только выигрывала отъ сближенія съ нимъ. Даже болѣе удаленное отъ вліятельной среды университета общество свѣтское, при всемъ разнообразіи своемъ, представляло благопріятное единство вкусовъ и воззрѣній. „Тогда образованные умные люди — а было ихъ не мало — съѣзжались по вечерамъ на бесѣду, потолковать, поспорить, развязать мысль свою.... Каждый приносилъ, что̀ умѣлъ и что̀ могъ... Каждый былъ и казался тѣмъ, что̀ онъ есть. Онъ не былъ завербованъ подъ такое-то или другое знамя... Тогда подписывались на журналъ, на газету, но не приписывались къ нимъ“ [1]). Главные, основные принципы этого слоя стояли твердо; они были внѣ сомнѣнія какъ въ глазахъ старика, такъ и въ глазахъ начинавшаго мыслить юноши. Рѣзкаго раздѣленія „отцовъ и дѣтей“ не существовало. Во всей исторіи новой русской школы трудно найти моментъ, болѣе благопріятный для плодотворной педагогической дѣятельности. Полный вѣры въ свое дѣло, голосъ школы встрѣчалъ общее уваженіе. Вотъ обстоятельство, объясняющее намъ, почему, при всей случайности, какой предоставлены были

читалъ онъ на актѣ 1798, когда и былъ удостоенъ золотой медали; на актѣ 1799 г. онъ читалъ стихи: „Могущество, слава и благоденствіе Россіи“; въ этомъ году онъ получилъ серебряную медаль съ именемъ. Въ 1800 г. имя его осталось на золотой доскѣ пансіона (Ист. Моск. Унив. С. Шевырева, 307).—Первый номеръ „Моск. Вѣд.“ новаго столѣтія открылся стихами Жуковскаго.

1) Соч. кн. П. А. Вяземскаго. VII.

въ Благородномъ пансіонѣ познанія воспитанниковъ, онъ давалъ возможность руководителямъ воспитывать своихъ питомцевъ. Плодотворностью своей эта школа была обязана умѣнію возбудить въ юношахъ интересъ къ вопросамъ жизни внутренней, поддерживать его и на немъ основать нравственное воспитаніе.

Учебное заведеніе, воспитавшее лучшихъ дѣятелей первой половины нынѣшняго вѣка, носило всецѣло отпечатокъ тѣхъ людей, которые держали въ своихъ рукахъ просвѣщеніе Москвы въ XVIII вѣкѣ.

Изъ двухъ теченій, двигавшихъ умы просвѣщенныхъ людей времени, въ большинствѣ еще лишенныхъ блага строгой науки (и въ этомъ—причина недолговѣчности только что указаннаго нами золотаго вѣка русской школы), одного—скептицизма французскихъ энциклопедистовъ, и другаго—мистицизма,—на долю московскаго университета досталось второе. Въ средѣ университетской мистицизмъ не былъ только поверхностною модою; онъ на время одушевилъ самую науку. Подъ его вліяніемъ, съ замѣтной исключительностію, пересоздавалось все міросозерцаніе. Будучи дѣломъ университетскаго и литературнаго круга, переработка идеаловъ стала отзываться и на жизни. Мистики давали извѣстное направленіе любознательности, воспитывали вкусъ и тѣхъ людей, которые не были посвящены въ тайны ихъ лабораторіи. Мало доступныя даже лицамъ, не чуждымъ философскихъ знаній, теургическія мечтанія и теософія западныхъ мистиковъ тѣмъ не менѣе дѣлали свое благотворное дѣло.

Личный составъ университета, изъ котораго, какъ часть его, выдѣлился Благородный пансіонъ, и кураторы его были масонами: и директоръ университета И. П. Тургеневъ, и инспекторъ пансіона А. А. Пр.-Антонскій и многіе изъ преподавателей и надзирателей его всѣ раздѣляли это

ученіе. Антонскій до конца жизни не оставлялъ привычки знаменательно пожимать руки тѣхъ, съ кѣмъ здоровался, и выцупывать безмолвный отвѣтъ на такой же вопросъ, братъ ли то или не посвященный. Это направленіе окрасило своимъ особымъ цвѣтомъ и ту школу, которая воспитала многихъ лучшихъ людей первой половины нашего вѣка. Многое въ нихъ станетъ понятнымъ, если мы всмотримся въ это училище, желавшее сообщить не только познанія, дающія имя образованнаго человѣка, но и ту нравственную физіономію, съ которою является человѣкъ въ жизнь [1]).

Ясно и опредѣленно была задумана эта школа. Она должна была воспитать людей молодаго поколѣнія согласно съ идеалами основателей, и имъ удалось съ замѣчательнымъ успѣхомъ достигнуть этой цѣли. Едва ли какое нибудь другое учебное заведеніе въ Россіи выпускало изъ своихъ стѣнъ юношей съ такимъ особеннымъ отпечаткомъ, какъ этотъ разсадникъ людей новаго вѣка. Говоримъ не объ общихъ чертахъ любви къ просвѣщенію и гуманности, замѣчаемыхъ каждымъ біографомъ, которому приходилось характеризовать бывшихъ воспитанниковъ этого заведенія, подобныхъ напр. Инзову, хранителю юнаго Пушкина. Укажемъ на то особенное въ этомъ училищѣ, что отличаетъ его рѣзко отъ

---

[1]) Передъ 1812 годомъ возникло среди нѣкоторыхъ воспитанниковъ пансіона даже восторженное направленіе. Трое или четверо изъ нихъ собирались въ монастырь (Н. Сушк. Бл. Ун. панс. 46). Слѣды мистическаго настроенія были замѣтны въ пансіонѣ еще въ 1818 г. въ надзирателѣ Палеховѣ. Въ числѣ питомцевъ мистическаго періода школы Шевыревъ называетъ внучатнаго племянника знаменитому Сумарокову—Александра Петровича Сумарокова. Имѣя триста душъ крестьянъ въ Тамбовской губ., онъ продалъ ихъ, роздалъ деньги нищимъ, взялъ посохъ и пошелъ богомольнымъ странникомъ по св. мѣстамъ Россіи. „Онъ знаетъ о русскомъ народѣ“, говоритъ Шевыревъ (Ibid. прил. XII), „не изъ книгъ, а изъ живаго опыта, какъ странникъ“.

другихъ школъ, заложенныхъ въ вѣкъ Екатерины. Принципы его были тѣмъ примиреніемъ деистическаго раціонализма съ религіознымъ мистицизмомъ, которое отличаетъ масонство, нашедшее своихъ послѣдователей въ средѣ московскаго университета.

„Наблюдатель-философъ", говоритъ А. А. Пр.-Антонскій въ упомянутой выше рѣчи своей, „философъ, обращающій внимательный взоръ на происшествія нравственнаго міра, съ прискорбіемъ видитъ, что воспитаніе имѣетъ ту же участь, какой все подвержено въ подлунномъ кругѣ... Изъ чего человѣкъ не сдѣлаетъ злоупотребленія!... Наставники и попечители забываютъ, что питомцы ихъ не только разумъ имѣютъ, но и сердце; что одною рукою дѣлая ученые вычеты, другою должны они отирать слезы несчастныхъ. Истощая всѣ труды и старанія на украшеніе, обогащеніе ума разнообразными свѣдѣніями,—о украшеніи сердца, о укрѣпленіи его добрыми правилами едва ли помышляютъ! Какое заблужденіе!... Ахъ! время, время почувствовать, что просвѣщеніе безъ чистой нравственности и утонченіе ума безъ исправленія сердца есть злѣйшая язва, истребляющая благоденствіе не единыхъ семействъ, но и цѣлыхъ націй!"... „Для преподаванія уроковъ въ... добродѣтеляхъ не нужно назначать извѣстныхъ часовъ. Благоразумный отецъ или наставникъ не преминетъ преподавать ихъ всегда и вездѣ: дома и въ прогулкахъ, во время упражненій и отдыха, при забавахъ и увеселеніяхъ—только бы встрѣтился благопріятный къ тому случай, только бы юное сердце раскрылось къ принятію сѣмянъ мудрости и добродѣтели... Мудрости! добродѣтели! Но что онѣ, если *религія* не запечатлѣетъ ихъ, религія, освящающая всѣ наши дѣла, желанія, мысли; религія, преобразующая, обновляющая внутренняго человѣка, возносящая его надъ всѣмъ брен-

нымъ, ничтожнымъ и отверзающая предъ нимъ врата Неба!... Да проникнетъ все существо его благость, могущество, всевѣдѣніе и правда высочайшаго Существа! Не фанатизмъ, не суевѣріе и мрачную лжесвятость должно внушать ему, но благоговѣніе, сыновнюю преданность и чистѣйшую вѣру къ Зиждителю міровъ".

И дѣйствительно, отличительною чертою этой школы не на бумагѣ только, но на дѣлѣ, было направленіе религіозно-нравственное. Всѣ средства были употребляемы, чтобы знаніе, пріобрѣтаемое воспитанникомъ, съ первой же поры его пріобрѣтенія, было сознано имъ какъ необходимое для души. Въ числѣ предметовъ, преподававшихся тутъ, стояла нравственная философія. Но, согласно принципу, чтобы добродѣтель не была предметомъ навязаннаго отвлеченнаго знанія, ея вопросы предлагались воспитанникамъ для самостоятельнаго размышленія—и въ собраніи воспитанниковъ очередной изъ нихъ произносилъ рѣчь о предметахъ нравственности.

Не одно упражненіе въ слогѣ имѣлось въ виду при учрежденіи литературнаго Собранія. Оно устроено было по образцу подобнаго же „Собранія университетскихъ питомцевъ", гдѣ также предметы этики подвергались обсужденію студентовъ.

Учредителемъ этого „Собранія университетскихъ питомцевъ" былъ профессоръ Шварцъ [1]), другъ Новикова, тотъ самый Шварцъ, который въ своемъ курсѣ, читанномъ имъ на дому, дѣлилъ всѣ познанія на любопытныя, пріятныя и полезныя. „Любопытныя познанія", говорилъ онъ, „питаютъ разумъ, приносятъ и пользу, но не необходимы для будущаго блаженства;" познаніе полезное научаетъ истинной любви, научаетъ высшимъ понятіямъ: объ этихъ-то познаніяхъ болѣе

[1]) Біогр. Слов. пр. и пр. Н. М. У. II, 589.

всего долженъ заботиться человѣкъ, такъ какъ онъ въ земной жизни только путешественникъ, а въ будущей гражданинъ". Такимъ воззрѣніемъ наукѣ (любопытному познанію) уже прямо отводилось мѣсто второстепенное: она полезна, но не необходима, она не служитъ непосредственно для вѣчнаго блаженства. Еще не завиднѣе мѣсто, отводимое Шварцемъ искусствамъ: ихъ онъ относитъ къ познаніямъ пріятнымъ: „они удовлетворяютъ зрѣнію и слуху и воображеніемъ занимаютъ нашу познавательную способность"—и только. Подобныхъ піэтическихъ воззрѣній, хотя и не столь исключительно проведенныхъ, нельзя не узнать и въ воззрѣніяхъ А. А. Пр.-Антонскаго и во всей воспитательной средѣ Благороднаго пансіона. „Пріятное" и „полезное" здѣсь, какъ въ учебномъ заведеніи, должно было найти свое мѣсто; но лишь какъ средство для того „необходимаго", которое такъ рѣшительно выдѣлялъ нашъ философъ изъ круга просвѣтительныхъ познаній человѣка. Согласно съ этимъ и цѣлію „Собранія университетскихъ питомцевъ", по объясненію одного изъ его бывшихъ членовъ, было—не только доставить студенту средство успѣвать въ наукахъ, но и жить по правиламъ благонравія. „Шварцъ одинъ могъ", восторженно прибавляетъ другой изъ его слушателей, „совратившееся съ пути юношество наставить и убѣдить — исповѣдать свою слабость и признать зависимость отъ премудрѣйшаго Строителя вселенной... Все это онъ учинилъ... изъясненіемъ отборнѣйшихъ мѣстъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ писателей... " [1]). „Съ нами разбиралъ онъ", говорилъ третій слушатель Шварца, „Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ла-Метри и пр., сличалъ ихъ съ противными имъ философами и, показывая разность между ними, училъ находить и до-

[1]) Біогр. Слов. пр. и пр. И. М. У. II, 592.

стоинство каждаго. Какъ будто новый свѣтъ просіялъ тогда слушателямъ!" „Какое направленіе умамъ и сердцамъ далъ сей благодѣтельный мужъ!"... „Главное, и для тогдашняго времени поразительное явленіе было то, съ какою силою простое слово его исторгало изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги".. [1]).

Не трудно и въ словахъ Шварца, и этихъ его слушателей, и въ рѣчи А. А. Пр.-Антонскаго, узнать голосъ птенцовъ одного гнѣзда, крѣпкою властію нравственнаго убѣжденія совершавшихъ созиданіе юныхъ душъ—и въ какое время? на рубежѣ XVIII вѣка! Вопреки облетѣвшимъ міръ остроумнымъ софизмамъ, отождествлявшимъ вѣру съ грубымъ суевѣріемъ,—здѣсь, безъ замѣтнаго участія кого либо изъ лицъ духовныхъ, во главу угла была положена истина: „Дни благоденствія народовъ были вмѣстѣ и днями торжества религіи" [2]),—религіи, которая передъ тѣмъ охарактеризована словами: „не фанатизмъ, не сувѣріе, не мрачная лжесвятость".

Лучшія изъ произведеній какъ „Собранія университетскихъ питомцевъ", такъ и воспитанниковъ Благороднаго пансіона печатались—сочиненія воспитанниковъ пансіона въ изданіи Сохацкаго и Подшивалова: „Пріятное и полезное препровожденіе времени" (1794—1798), въ „Ипокренѣ, или Утѣхахъ любословія" (1799 — 1801), въ „Утренней зарѣ" (шесть книжекъ 1800—1808) и въ сборникѣ: „Распускающійся Цвѣтокъ" (1787) Подшивалова.

Подшиваловъ, прежній сотрудникъ Новикова, самъ во время студенчества ревностный членъ „Собранія университетскихъ питомцевъ", переводчикъ „Книги премудрости и добродѣтели" Доделея, столь родственной съ изданной

---

[1]) Ibid.

[2]) Выше цитированная рѣчь А. А. Пр.-Антонскаго (58).

Новиковымъ „Карманной книжкой для В... К.., (т. е. Вольныхъ Каменьщиковъ) [1]), одно время (до 1785 г.) занималъ должность надзирателя въ Университетскомъ пансіонѣ и, преподавая стилистику, занималъ воспитанниковъ практикой словесности. Само собою разумѣется, что эти опыты развивали въ средѣ воспитанниковъ и любовь къ литературѣ, и умѣніе владѣть перомъ. Въ этомъ отношеніи въ Благородномъ пансіонѣ повторилось явленіе, уже однажды принесшее плодъ въ стѣнахъ другаго учебнаго заведенія. Петербургскій Шляхетный Корпусъ, въ половинѣ XVIII вѣка, также былъ центромъ литературныхъ интересовъ: при немъ также издавался журналъ: „Праздное время, въ пользу употребленное“ (1759, 1760); въ нѣдрахъ его возникъ театръ. Замѣчательно, что среди офицеровъ этого корпуса также не мало было масоновъ.

Искусства не были забыты и въ Благородномъ Пансіонѣ. „Сколько науки“, говоритъ А. А. Пр.-Антонской въ рѣчи своей, „и вообще въ воспитаніи необходимы къ изощренію ума и укрѣпленію разсудка, столько изящныя искусства нужны къ успокоенію его и облегченію. Между ними музыка заслуживаетъ предпочтительное мѣсто... Она доставляетъ самые чистые, невинные восторги... смягчаетъ сердце, возвышаетъ мысли... Платонъ въ сочиненіи своемъ о республикѣ преимущественно возноситъ музыку, подъ словомъ ея разумѣя также краснорѣчіе, поэзію и вообще всѣ изящныя искусства“ [2]). Большое вниманіе Антонскій обращаетъ на искусство „хорошо читать и хорошо произносить“: „Чтобы тономъ голоса изобразить различныя положенія души и сердца, игру страстей, и вообще чтобы дать

---

[1]) Ешевскій. Нѣск. доп. примѣч. (Русск. В. 1857, кн. 21).
[2]) Утр. Заря. 1807. V. 41 и слѣд.

жизнь тому, что читаешь—для сего надобно самому имѣть душу и сердце, надобно имѣть тонкое чувство и образованный умъ". Сценическія представленія также входили въ число внѣклассныхъ занятій воспитанниковъ. Такъ напр., исполняли они „Разбойниковъ" [1]) въ передѣлкѣ Сандунова.

Но этимъ художественнымъ наслажденіямъ молодежь предавалась преимущественно въ своемъ домашнемъ кругу. Кое-кто изъ юношей, ставъ студентами, даже съ излишествомъ увлекались ими. Въ числѣ студентовъ 1805 года явились театралы, увлеченные тремя труппами—русскою, французскою и нѣмецкою, и домашними театрами, собиравшими тогда наперерывъ московскую публику. Благодушный А. А. Пр.-Антонскій не упускалъ случая пожурить ихъ за эти увлеченія. „Вотъ каковы-та у насъ студенты-та", говорилъ онъ, „все-та на лету ловятъ; а кабы по менѣе-та по театрамъ шатались, такъ бы и въ математикѣ-та не отставали." [2]) Онъ усердно заказывалъ студентамъ къ актамъ стихи на излюбленныя имъ темы: „Геній", „На благость", „Гимнъ истинѣ", „На Счастіе"..„Все-та предметы-та нравственные", говорилъ онъ: „вотъ и ты-та написалъ-бы что нибудь: „на невинность-та", обращался онъ къ одному изъ такихъ студентовъ, „а то все актерки-та на умѣ [3])"... и лѣнишься-та, и балахрысничаешь-та" [4])... Бывшіе воспитанники пансіона, будучи студентами, все же подчинялись начальству пансіонскому [5]). Не жаловалъ онъ студентовъ, которые пренебрегали знаніями и предавались свѣтскимъ удовольствіямъ. „А больше учиться - та не хочешь?", спро-

---

[1]) Записки современника. I. 5,120.
[2]) Ibid. 10.
[3]) Ibid. 189.
[4]) Ibid. 233.
[5]) Ibid. 241.

ситъ онъ бывало такого студента, пришедшаго къ нему за аттестатомъ. — „Не хочу, Антонъ Антоновичъ". — „Какъ Митрофанушка-та, не хочу учиться, хочу жениться?" — „Хочу, Антонъ Антоновичъ". — „Не бось, туда же въ дармоѣды-та, въ Иностранную коллегію поступаешь?" — „Туда и отправляюсь, Антонъ Антоновичъ". И спроситъ бывало при этомъ, знаетъ ли студентъ литературныя новости, заставитъ прочитать наизусть стихи и прозу... „Слышалъ, слышалъ," скажетъ онъ, „что у тебя память-та хороша.... Говорятъ, что и „Пророковъ" знаешь, и „Притчи", и „Іисуса Сираха". — „Знаю, Антонъ Антоновичъ". — „Ну жаль, что я прежде-та не зналъ; а теперь Христосъ съ тобою. Да съѣзди въ Донской и молебенъ отслужи" [1]).

Не таковъ былъ Жуковскій; не таковъ былъ и кружокъ, къ которому примкнулъ онъ.

Товарищами его по пансіону были гр. Блудовъ, Дашковъ, гр. С. С. Уваровъ, Александръ и Андрей Ивановичи Тургеневы, сыновья директора университета Ивана Петровича. Въ сообществѣ послѣднихъ довершалось развитіе его вкуса. Такъ какъ Юшкова была знакома съ Тургеневымъ, то Жуковскій получилъ доступъ въ домъ этого бывшаго члена Дружескаго общества и Типографической компаніи Новикова.

Жуковскій особенно сблизился съ сыновьями его. Изъ нихъ старшій, Андрей, сталъ его другомъ. Это былъ очень даровитый юноша, къ сожалѣнію умершій вскорѣ по окончаніи ученія. Его товарищество оказало важное вліяніе на развитіе Жуковскаго. Въ посланіи къ его брату и примѣчаніи къ нему, черезъ десять слишкомъ лѣтъ, Жуковскій вспоминаетъ объ этой личности и характеризуетъ ее

---

[1]) Ibid. 276.

словами: „чистое, исполненное любви къ прекрасному сердце“, и называетъ „душою всѣхъ радостей“ ихъ кружка, „соединившимъ ихъ тѣснѣе“.

Этотъ-то товарищъ, отличавшійся вліятельностію въ школьной средѣ, далъ Жуковскому толчокъ къ знакомству съ литературой нѣмецкой, которую любилъ самъ по преимуществу. Не даромъ братья Тургеневы слыли въ средѣ товарищей „записными нѣмцами.“ [1])

III.

Знакомство съ нѣмецкою литературою.—Значеніе новаго поэтическаго языка.—Баллада.—Первыя русскія баллады Карамзина и Каменева.—Оссіанъ.

Вкусъ къ нѣмецкой поэзіи замѣчается у тогдашней молодежи въ значительной степени. Начинавшій литературное поприще казанскій поэтъ Каменевъ такъ описываетъ въ письмѣ къ одному изъ друзей свое посѣщеніе Тургеневыхъ: „Сѣли за столъ, въ продолженіи коего говорилъ я съ дѣтьми его о нѣмецкихъ авторахъ. Старшій (Андрей) любитъ страстно Гете, Коцебу, Шиллера и Шписа; онъ много переводилъ изъ нихъ, а особенно изъ Коцебу“.

Уже изъ этого сопоставленія именъ Шиллера и Коцебу, который въ описываемое нами время наводнилъ сцену своими произведеніями, щекотавшими нервы чувствительной публики, нельзя не видѣть еще большой незрѣлости юнаго вкуса: но въ этомъ наивномъ смѣшеніи сказалась черта времени [2]). Что же привлекло нашу молодежь къ этой поэзіи?

---

[1]) Ibid. 234.

[2]) Вскорѣ (въ 1804 г.) „Вѣстникъ Европы“ открылъ глаза русскимъ читателямъ на этого въ то время моднаго драматурга, помѣстивъ пере-

Господствовавшій въ литературѣ лжеклассицизмъ сталъ скученъ своею безжизненною формой. Языкъ поэзіи, полный условныхъ, холодныхъ выраженій, не былъ непосредственнымъ выраженіемъ чувствъ человѣка. Читатель долженъ былъ, такъ сказать, переводить съ этого языка на свой—каждый „піитическій образъ" произведенія. Закованная въ такую форму поэзія могла удовлетворять лишь аматеровъ литературнаго дѣла. Вмѣсто того, чтобы быть достояніемъ каждаго, поэзія оставалась чѣмъ-то спеціальнымъ. Вотъ отчего, сравнивая описываемое нами время съ послѣдующимъ, нельзя не сознаться, что кругъ читателей у нея былъ весьма ограниченъ.

Между тѣмъ потребность поэзіи чувствовалась сильно, и всякое ея явленіе, начинавшее говорить языкомъ живымъ, недѣланнымъ, — тотчасъ производило сильное впечатлѣніе. Такія произведенія читались и быстро распространялись среди общества. Какъ нельзя лучше видимъ это въ успѣхѣ басенъ Крылова, который выступилъ на литературное поприще, какъ баснописецъ, немного лѣтъ спустя послѣ упомянутаго времени. Но языкъ Крылова передавалъ изъ обыденной русской жизни ея низменную сторону. Заслуга Кры-

---

водную критическую статью о немъ. Въ ней говорится: „Нельзя отрицать совершенно, чтобы онъ не имѣлъ искусства трогать иногда зрителя: но не ищите глубокихъ чувствъ въ его лицахъ. Когда же вздумается ему поблагороднчать, то почти всегда впадаетъ онъ въ гиперболы и парадоксы"... „Болѣе всего прочаго оскорбляетъ въ драмахъ г. Коцебу совершенное отсутствіе драгоцѣннаго и необходимаго всякому писателю качества... Вы понимаете, что я говорю о вкусѣ. Сей недостатокъ вкуса видѣнъ у него безпрестанно... Еще слово о характерахъ Коцебу. Они обыкновенно не только слабы, но даже *ломки*, и всегда увидишь ихъ съ одной только стороны... Отъ сего сочиненія г. Коцебу должны быть и суть дѣйствительно совершенно безполезны для тѣхъ, которые хотятъ познать сердце человѣческое" (В. Е. 1804, № 3, стр. 213, 212, 211).

лова въ томъ, что онъ обратился къ этой русской жизни и клеймилъ ея пошлости сильнымъ словомъ своимъ. Но какъ поэту сатирическому, ему не приходилось быть выразителемъ другой стороны жизни, стороны идеальной.

Между тѣмъ поэзія всегда была и должна быть выразительницей и того идеала, какой ставитъ себѣ человѣкъ силою своей фантазіи.

И если интересно слѣдить за тѣми явленіями литературы, которыя мѣткимъ словомъ своимъ умѣютъ назвать каждую гадость человѣческой жизни, то еще болѣе интересно наблюдать, какъ учится человѣкъ выражать привлекательное и высокое этой жизни.

Нужно сознаться, что этотъ даръ давался нелегко русскимъ поэтамъ. Карамзинъ, самъ съ успѣхомъ подвизавшійся на этомъ поприщѣ, говорилъ въ 1880 году: „русскій языкъ не сотворенъ для поэзіи [1]," и видимо утомился поэтическими опытами.

Весь новый періодъ русскаго литературнаго языка есть въ нѣкоторомъ смыслѣ борьба глубоко лежащаго въ душѣ чувства съ неподатливымъ языкомъ, вырабатывавшимся въ средѣ исключительной, вдали отъ народной рѣчи, подъ вліяніемъ образцовъ чужеземныхъ.

Долго ложно-классическая форма была единственно употребительною для этой цѣли. Даже пережитое въ дѣйствительности, извлеченное изъ глубины души искреннее чувство, получивъ условную эту форму, блекло и являлось чѣмъ-то чуждымъ. Вмѣсто того, чтобы очищать самую жизнь,—поэзія, такъ выражаемая, пріучила во всемъ прекрасномъ видѣть *не свое* достояніе.

Стихія церковно-славянская, все еще отложенная въ осо-

---

[1]) Вчера и сегодня гр. Соллогуба. I, 50.

бый „высокій штиль“, была также рѣчью условною, неспособною выразить ни задушевную думу, ни голосъ истинной страсти. Не изощренный въ тонкостяхъ реторики читатель невольно закрывалъ книгу, такимъ языкомъ написанную, и тѣмъ лишался животворнаго источника для жизни своего сердца.

Отжившая форма роднаго языка приноситъ прямой вредъ развитію нравственнаго чувства.

Что сказано о языкѣ, какъ формѣ выраженія, съ одинаковой силою относится и къ самымъ идеямъ, носительницей которыхъ является поэзія. Условной формой сковывается мысль. Ей не свободно двигаться въ ограниченномъ словарѣ такого поэтическаго языка — она невольно вращается въ заколдованномъ кругѣ однихъ и тѣхъ же представленій. А это уже мертвитъ и самую жизнь человѣка. Ограниченная мысль ведетъ къ тупой и скучной жизни, закованной въ условныя формы машинальнаго отправленія нуждъ житейскихъ и низменныхъ.

Въ изображаемую эпоху чувствовалась необходимость разорвать эти оковы замерзшаго языка и застывшаго воображенія.

И вотъ въ своемъ исканіи русскій поэтическій языкъ встрѣтился со школой поэзіи нѣмецкой. Богатство идей, яркое изображеніе страстей тамъ нашло для себя рано достойное выраженіе въ произведеніяхъ Гете и Шиллера, а за ними въ цѣлой вереницѣ поэтовъ второстепенныхъ. Нѣмецкіе поэты искали идеаловъ, недовольные окружавшею ихъ дѣйствительностію; вотъ почему такое разнообразіе въ ихъ произведеніяхъ того времени. Они ищутъ наслажденія въ созерцаніи то среднихъ вѣковъ, то древняго классическаго міра, то волшебныхъ странъ востока. Такое разнообразіе содержанія сильно двинуло поэтическій языкъ Гер-

маніи. Переживая чувства иныхъ вѣковъ и племенъ, современный германскій поэтъ въ своемъ языкѣ открывалъ цѣлую сокровищницу красокъ и звуковъ, дотолѣ скрытыхъ въ немъ глубоко.

Далекіе отъ идеаловъ нѣмецкой поэзіи, юноши наши прежде всего прельстились этими красками и звуками, столь плѣнительными для ихъ ищущей новыхъ впечатлѣній фантазіи. Но тамъ рисовались имъ преданія „сѣдой старины", которыя говорятъ объ отвагѣ, духѣ бодромъ, готовомъ на борьбу со всякою силою, будь она даже сверхъестественною. Герой такого преданія является въ заманчивомъ блескѣ славы мотивъ, любезный юному сердцу. Притомъ онъ любитъ и любимъ. Его подвиги освящены этимъ чувствомъ и потому безкорыстны. Вотъ одна сторона желаемаго идеала. Она проста, легка для постиженія и потому мудрено-ли, что плѣнившись образами, окружающими его подвиги, русскій читатель плѣнился и самимъ его идеаломъ?

Познакомить русскій читающій міръ съ подобными образами суждено было во первыхъ Карамзину, а потомъ тому самому казанскому купеческому сыну Каменеву, которому такъ по сердцу пришелся молодой Тургеневъ. Новая форма, впервые ими для того введенная, усвоена была Жуковскимъ почти съ первыхъ шаговъ его авторства. То была форма баллады.

Древнѣйшая связь народной пѣсни съ пляскою дала начало имени этой лиро-эпической формы. Она создалась въ Провансѣ и Италіи. Провансальскому имени ея—balada—и итальянскому—balata[1])—отвѣчаетъ англійское—ballad. Балладѣ Англичанъ и Шотландцевъ соотвѣтствуетъ испанскій романсъ. Слово романсъ (собственно „романскій народ-

[1]) Balata—плясовая пѣсня.

ный языкъ" и то, что на немъ написано) у Испанцевъ означаетъ повѣствовательное стихотвореніе небольшаго объема, содержаніе котораго отличается простотою. То же значеніе имѣло это слово и у Французовъ. Но слѣдуетъ различать два рода испанскихъ романсовъ: чисто эпическую пѣснь древняго характера, порою со внесеніемъ діалога,—и произведеніе лиро эпическое, напоминающее пѣсни сербскія или германскія XII вѣка, т. е. представляющія обычное эпическое положеніе лица и лирическое развитіе внутренняго его состоянія. Но и въ этихъ испанскихъ романсахъ мы видимъ не личное чувство пѣвца, но чувства лицъ дѣйствующихъ, такъ что здѣсь, подобно древнему эпосу, это личное чувство переносится на героевъ пѣсни. Иногда, подобно пѣснямъ шотландскимъ, романсъ принимаетъ форму діалогическую и монологическую. Тѣ же свойства принадлежатъ и балладѣ. Слѣдовательно между романсомъ и балладою различіе почти только номинальное. Единственно, что отличаетъ испанскій романсъ, — это метрическая его форма: романсу свойственны трохаическіе тетраметры съ послѣдовательными созвучіями гласныхъ; баллады же состоятъ изъ строфъ (по большей части четырестишій) и имѣютъ риомы [1]).

„Баллады", говоритъ Шевыревъ, слѣдуя Вартону и Огюст. Тьерри, „сдѣлались живою поэтическою лѣтописью Англичанъ: не было славнаго событія, котораго бы онѣ не сохранили... Въ XVI вѣкѣ не было убійства, казни, сраженія, бури, — словомъ не было происшествія, которое тотчасъ же въ куплетахъ баллады не разносилось бы по англійскому народу чрезъ странствующихъ минестрелей." „Въ концѣ XVIII вѣка", продолжаетъ онъ, „когда послѣдовало въ

[1]) Poetik, Rhetorik u. Stilistik, akademische Vorlesungen v. W. Wackernagel. 1873.

Англіи возвращеніе къ народнымъ преданіямъ поэзіи и исторіи, старинныя баллады были изданы, какъ матеріалъ живыхъ историческихъ преданій народа. Тогда и многіе поэты англійскіе полюбили этотъ видъ поэзіи, и начали его воздѣлывать: таковы—Саути, В. Скоттъ, Роб. Борнсъ" [1]).

Въ нѣмецкую литературу ввели Глеймъ—французскіе романсы, Бюргеръ—англо-шотландскую балладу, частію переводами, частію вольными подражаніями; потомъ поэты романтической школы, обратившіеся къ испанской словесности непосредственно, ввели и самое имя „романса" и его трохаическій тетраметръ въ нѣмецкую литературу. Въ именованіи этой поэтической формы всегда было колебаніе. Гете свои лиро-эпическія стихотворенія называетъ балладами, иногда же и просто „пѣснями". Шиллеръ употребляетъ тѣ же термины, и лишь для двухъ произведеній этого рода предпочелъ онъ имя „романса": для „Сраженія со змѣемъ" и для „Поруки". „Строго говоря", пишетъ В. Ваккернагель, „это имя не идетъ къ этимъ произведеніямъ, потому что они такъ обширны, отличаются такой по истинѣ эпической обстоятельностію изложенія, что стоятъ близко къ эпопеѣ, отличаясь отъ нея, впрочемъ, простотою своего содержанія и лирическимъ характеромъ" [2]). Наконецъ Уландъ, пользовавшійся всѣми указанными формами, далъ имъ общее двойное имя: „Баллады и романсы", причемъ, по всей вѣроятности, имя романсовъ назначалъ тѣмъ изъ нихъ, которыя имѣютъ испанскую форму трохея и созвучія. Теорія поэзіи, по словамъ Ваккернагеля, произвольно различала балладу отъ романса въ томъ, что первая имѣетъ характеръ трагическій, а романсъ допускаетъ и радостный

---

[1]) О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи. Рѣчь въ торж. собр. И. М. Университета 12 янв. С. Шевырева. (Рѣчи и отчетъ 1853).

[2]) Poet., Rh. u. St. стр. 99.

характеръ, или въ томъ, что будто бы баллада имѣетъ болѣе эпическій характеръ, а романсъ—лирическій, или же въ томъ, что баллада пластична, а романсъ живописенъ [1]). Между тѣмъ точное изслѣдованіе показываетъ, что оба имени обозначаютъ собственно одинъ родъ произведеній словами двухъ различныхъ языковъ — англійскаго и испанскаго: и баллада, и романсъ — лиро-эпическія стихотворе-

---

[1]) Шерръ указываетъ еще различіе въ томъ, что „въ балладѣ духъ, погруженный въ силы природы, дѣйствуетъ непосредственно, безъ размышленія"; „поэтому", говоритъ онъ, „здѣсь господствуетъ жуткое чувство, и въ человѣческій міръ нерѣдко вторгается власть духовъ и демоновъ. Напротивъ, въ романсѣ человѣческій духъ предоставленъ вполнѣ себѣ самому и дѣйствуетъ въ свойственной ему нравственной области. Это философское различіе баллады отъ романса опредѣлилъ, какъ извѣстно Эйхтенмейеръ; слѣдуя ему, Гете можно назвать пѣвцомъ балладъ, а Шиллера поэтомъ романсовъ". „Новѣйшая эстетика", продолжаетъ Шерръ, „не безъ основанія высказываетъ, что при строгомъ примѣненіи этого различія легко впасть въ тенденцію подводить все подъ отвлеченныя категоріи; кромѣ того, опредѣленіе Эйхтенмейера далеко не обнимаетъ всей области балладъ и романсовъ. Фишеръ, разсуждая о балладѣ и романсахъ, отнесъ ихъ къ „объективной лирикѣ", и его мнѣніе подкрѣпляется приведеннымъ выше указаніемъ, что Шиллеръ по внутреннему побужденію пользовался лиро-эпической поэзіей, какъ переходной ступенью отъ лирики къ драмѣ. Шиллеръ оживилъ матеріалъ своихъ повѣствованій такою внутреннею глубокой теплотою, которая невольно указывала въ ихъ движеніи близость драматическаго элемента... Позднѣйшіе романсы его, какъ „Гр. Габсбургскій", окончательно закругляются въ маленькую драму... Правда, у него главную роль играетъ психологическій процессъ, тогда какъ Гете въ своихъ балладахъ даетъ намъ чувствовать таинственныя силы природы, заставляя ихъ дѣйствовать совершенно объективно: но тѣмъ не менѣе психологическій моментъ въ романсахъ Шиллера отнюдь не остается отвлеченнымъ, но сливается съ ихъ содержаніемъ вполнѣ конкретно" (J. Scherr. Schiller und seine Zeit. III, 127).

„Во всякой балладѣ", говоритъ и Шевыревъ, „есть зародышъ драмы", но прибавляетъ, что „въ ней какъ бы улетучена вся ея дѣйствительность, и сама дѣйствительность предстоитъ намъ, какъ видѣніе души, какъ явленіе таинственное внутренняго міра". (Рѣчи и Отчетъ).

нія о событіи простомъ, подобно древне-эпическимъ пѣснямъ, но не изображаютъ, какъ эпосъ, объективно лишь внѣшнее теченіе событія, а раскрываютъ и внутреннее состояніе дѣйствующихъ лицъ, вызывающее ихъ внѣшнія дѣйствія. Не слѣдуетъ только называть балладами тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ форму созвучныхъ тетраметровъ, потому что эта форма исключительно испанская, между тѣмъ какъ баллада предполагаетъ строфы и риомы [1]).

Съ этою-то поэтическою формою, какъ мы сказали выше, ознакомили русскихъ читателей Карамзинъ и Каменевъ: первый своимъ „графомъ Гвариносомъ" (1789), котораго назвалъ „древней гишпанской исторической пѣсней" [2]) и „Раисой" (1791), уже прямо названной имъ „древнею балладой" [3]); второй—своимъ „Громваломъ", впервые помѣщеннымъ въ „Періодическомъ изданіи Вольнаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ" (1804).

„Графъ Гвариносъ" Карамзина есть чистый романсъ, сохранившій и его отличительную форму—трохаическій тетраметръ (разбитый на пары стиховъ, по двѣ стопы въ каждомъ) и отсутствіе риомы; лишь вполнѣ не соблюдено, конечно, созвучіе. Сюжетъ этого романса состоитъ въ томъ, что въ Ронсевальской битвѣ, лишившей Карла Великаго лучшихъ его рыцарей, въ ихъ числѣ арабскіе короли плѣнили и гр. Гвариноса. Марлотесъ, одинъ изъ семи этихъ королей, получившій по жребію на свою долю Гвариноса, принуждаетъ его принять мусульманскую вѣру, обѣщая ему и дочерей своихъ. Но христіанинъ остается непреклоненъ; онъ закованъ за это; посаженъ въ темницу и выводится въ

1) Poet., R. u St.
2) Соч. Карамзина. М. 1820. Томъ I, стр. 115.
3) Ibid. стр. 22.

великіе праздники на публичное истязаніе. Главное дѣйствіе романса сосредоточивается на празднествѣ въ день св. Іоанна, черезъ семь лѣтъ по заключеніи Гвариноса, когда всѣ подданные Марлотеса состязаются въ бросаніи копій въ цѣль, и никто изъ нихъ не можетъ попасть въ нее. Великъ гнѣвъ Марлотеса. Онъ изрекаетъ безпощадное приказаніе:

Дѣтямъ груди не сосати,
А большимъ не пить, не ѣсть,
Если цѣли сей на землю
Кто изъ Мавровъ не сшибетъ!

Услышавъ изъ своей темницы праздничный шумъ и узнавъ въ чемъ дѣло, Гвариносъ проситъ дать ему копье, копя и сбрую и обѣщаетъ сшибить цѣль, какъ бы высоко ни была утверждена она. Тюремщикъ извѣщаетъ объ этомъ вызовѣ короля. Гвариносъ, выпущенный изъ тюрьмы, сбиваетъ цѣль.

Всѣ Арабы взволновались,
Мечутъ копья всѣ въ него;
Но Гвариносъ, воинъ смѣлый,
Храбро ихъ мечемъ сѣчетъ.

Солнца свѣтъ почти затмился
Отъ великаго числа
Тѣхъ, которые стремились
На Гвариноса всѣ вдругъ.

Но Гвариносъ ихъ разсѣялъ
И до Франціи достигъ,
Гдѣ всѣ рыцари и дамы
Съ честью приняли его.

Въ „Раисѣ“, написанной четырехъ-стопнымъ ямбомъ безъ риѳмъ, изображено отчаяніе дѣвушки, покинутой измѣнившимъ ей Кронидомъ. Характеръ баллады сентиментальный; въ ней замѣтно преобладаніе описательнаго элемента; въ изображеніяхъ—неумѣлая преувеличенность:

Она блѣдна какъ листъ увядшій,
Какъ мертвый цвѣтъ уста ея;
Глаза покрыты томнымъ мракомъ,
Но сильно бьется сердце въ ней.

Съ ея открытой бѣлой груди,
Язвимой вѣтвями деревъ,
Текутъ ручьи кипящей крови
На зелень влажныя земли.

Большую часть баллады занимаетъ отчаянный монологъ покинутой Раисы, обращенный къ Крониду; въ монологѣ своемъ она вспоминаетъ прежнее счастливое время:

Когда жъ явился ты какъ Ангелъ,
И съ нѣжнымъ вздохомъ мнѣ сказалъ:
Люблю, люблю тебя, Раиса!
Забыла я отца и мать.

Но вотъ Кронидъ измѣняетъ ей:

Когда мечтала о Кронидѣ
И мнила обнимать его!
Увы! я воздухъ обнимала...
Уже далеко былъ Кронидъ!
. . . .
На холмъ высокій я спѣшила...
Несчастная!.. Кронидъ вдали
Бѣжалъ отъ глазъ моихъ съ Людмилой! [1])
Безъ чувствъ тогда упала я.

Баллада оканчивается самоубійствомъ Раисы:

Сказавъ сіи слова, Раиса
Низверглась въ море. Грянулъ громъ:
Симъ небо возвѣстило гибель
Тому, кто погубилъ ее.

[1]) Кн. П. А. Вяземскій по поводу этого имени замѣчаетъ, что „Раиса“ дала случайно и пророчески имя старшей изъ балладъ Жуковскаго“. (См. соч. кн. Вяз. VII, стр. 153).

Словомъ, это та же „Бѣдная Лиза“, только изложенная блѣдными и неблагозвучными стихами.

При всей грубости стиха, „Громвалъ“ Каменева значительно поэтичнѣе опытовъ Карамзина. Это первообразъ тѣхъ фантастическихъ произведеній, которыя позднѣе такъ мастерски писалъ Жуковскій.

Громвалъ—рыцарь. Онъ скитается по свѣту и ищетъ свою Рогнеду. Много рыцарей и чудовищъ повергъ онъ въ разныхъ странахъ, но не нашелъ Рогнеды. Ее похитилъ волшебникъ Зломаръ. Наконецъ, въ бурю, подъѣзжаетъ Громвалъ къ его замку. Но тамъ—мракъ и тишина. Рыцаремъ овладѣваетъ сонъ. Долго спитъ онъ. Наконецъ просыпается и видитъ потрясающее зрѣлище:

Громко всѣ двери стучатъ, отворяясь:
Въ саванахъ бѣлыхъ, съ свѣчами въ рукахъ,
Появляются тѣни—за ними несутъ
Гробъ желѣзный скелеты въ рукахъ костяныхъ.

Въ залѣ обширной поставили гробъ,
Крышка слетѣла мгновенно съ него,
И волшебникъ Зломаръ—ужасающій видъ—
Бездыханенъ лежалъ въ немъ, открывши глаза.

Оно смѣняется картиною инаго рода:

Вдругъ раздалася волшебна свирѣль,
Арфы внезапный послышался звукъ,
Растворился сводъ залы, и розовый лучъ
Разогналъ тихимъ свѣтомъ сгущенную ночь.

Въ облакѣ легкомъ душистыхъ паровъ
Будто бы свѣжій дышалъ вѣтерокъ,
И въ поднебесьѣ лебедь спокойно плыла.
Опускается тихо волшебница въ залъ.

Чище лилеи одежда ея,
Поясъ по чресламъ какъ яхонтъ горитъ;
Какъ игра златояркой восточной звѣзды,
Такъ веселость сіяетъ у ней во очахъ.

Волшебница объявляетъ, что Зломаръ погибъ безвозвратно, но надежда отыскать Рогнеду отравляется предсказаніемъ, что спасти ее рыцарь можетъ не иначе, какъ проливъ ся кровь. Волшебница сулитъ ему счастіе убійствомъ Рогнеды. Но Громвалъ не смущается загадочными словами волшебницы.

Происходитъ борьба съ исполиномъ, изъ крови котораго, поднявшись облачкомъ, легкій паръ образуетъ черты Рогнеды. То болѣе не призракъ,—Рогнеда возвращена.

Не видя природы, скрытой искусственной житейской обстановкой, XVIII вѣкъ жадно искалъ ее. Поэзія жаждала увидѣть человѣка въ неподдѣльной простотѣ, плѣняющаго взоръ среди первобытной природы. Особеннымъ сочувствіемъ пользовались въ Англіи поэмы Оссіана.

Происхожденіе этихъ поэмъ таково: одинъ поэтъ не отличавшійся дарованіемъ, послѣ неудачи, которую потерпѣла его рапсодія, вздумалъ загладить эту неудачу и отправился въ горы своей родины—Шотландіи. Собралъ тамъ отрывки народныхъ сказаній, украсилъ ихъ собственными прибавленіями и выдалъ за произведенія шотландскаго барда Оссіана. Это былъ Макферсонъ. Его поэмы подъ именемъ Оссіановыхъ облетѣли всю Европу. Дѣйствительныя красоты народной кельтической поэзіи поддерживали то впечатлѣніе, которое произвели онѣ во всемъ читающемъ мірѣ. Оссіанъ читался и у насъ (впервые ознакомила съ нимъ нашу публику изданная въ 1788 году книжка: „Поэмы древнихъ бардовъ“, пер. А. Д.) и наложилъ замѣтную печать на многія поэтическія произведенія конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка.

Въ этихъ поэмахъ представлены картины первобытныхъ нравовъ. Величественныя и угрюмыя скалистыя горы, мертвыя долины, тишина которыхъ нарушается лишь шумомъ потока,

свинцовыя воды озера съ опрокинутыми въ нихъ деревцами островов, туманъ, окутывающій скалы, тучи, сползающія до половины горныхъ склоновъ,—вотъ черты этого сѣвернаго пейзажа. Герои Оссіановыхъ поэмъ—мужи суровые; твердости неумолимой и въ то же время хранящіе въ душѣ чувства самыя нѣжныя. Они полны любви къ своему семейству; любовь къ ближнимъ побуждаетъ Кельта вѣрить, что не умираютъ же они для насъ совершенно, что и послѣ смерти они могутъ видѣться и бесѣдовать съ нами. Такъ Орла, готовясь къ роковой схваткѣ съ Фингаломъ, съ тоскою вспоминаетъ о дорогой семьѣ своей, но это не сломило его мужества, хотя самъ Фингалъ уговариваетъ его отказаться отъ битвы, тронутый его молодостью. Идея загробной славы и сочувствіе чужому горю—вотъ что сближаетъ эту поэзію съ христіанской поэзіей континента. Вторая черта, общая у Оссіановой поэзіи и рыцарскихъ средневѣковыхъ идеаловъ—это женскій типъ, господствующій въ ней. Характеръ оссіановской женщины поражалъ современныхъ читателей глубиною чувства и въ то же время своею нѣжностью; внѣшній ея образъ рисуется чѣмъ-то полувоздушнымъ, неуловимымъ, неземнымъ. Ни одна изъ Оссіановыхъ женщинъ не въ силахъ пережить своего друга. Тоска неизбѣжно сводитъ ее въ могилу. И съ такою-то нѣжностію чувствъ она соединяетъ героизмъ. Она слѣдуетъ за другомъ на поле брани, облеченная въ доспѣхи. Въ одной изъ пѣсенъ Оссіана изображена дочь, которая идетъ за старымъ отцомъ отомстить убійство брата. Отецъ уже слабъ, а другаго сына у него нѣтъ—и вотъ нѣжная дочь рѣшается замѣнить ему мстителя-сына.

Такіе-то образы вызвалъ изъ сѣдой старины духъ времени. Ими наполнились произведенія новыхъ поэтовъ и волновали души читающаго міра.

Но эти эпическія изображенія чуждаго міра не могли удовлетворить другой потребности: раскрываемую ими поэзію приблизить къ окружающей дѣйствительности. Одно чуждое смѣнилось другимъ не менѣе чуждымъ.

А между тѣмъ читатель чувствовалъ біеніе собственнаго сердца, искалъ выраженія и чувству личному. За однимъ превращеніемъ—эпической лже-классической музы въ барда—должно было послѣдовать другое: преобразованіе лже-классической лиры въ новое лирическое стихотвореніе.

Каждый изъ поэтовъ новаго вѣка служилъ этому преобразованію согласно своимъ личнымъ склонностямъ. На долю Жуковскаго именно досталось—создать выраженіе новой лирики. То было задачей первой же поры его поэтической дѣятельности. Просвѣщеннѣйшіе знатоки впослѣдствіи признали за нимъ первенство на этомъ поприщѣ. Они могли 33-хъ-лѣтняго Жуковскаго привѣтствовать словами:

Въ борьбѣ съ трудностью силачъ необычайный! [1])

Какъ же приступилъ нашъ поэтъ къ осуществленію такого назначенія?

IV.

Элегія „Сельское кладбище".—Характеръ поэзіи и поэтическая програма Жуковскаго.

По окончаніи курса, желая выступить на литературное поприще, болѣе широкое, нежели кругъ школьныхъ наставниковъ и товарищей, Жуковскій, изо всего богатства зна-

---

[1]) „Къ В. А. Жуковскому" кн. П. А. Вяземскаго (1821).

комой ему нѣмецкой и англійской поэзіи избираетъ для перваго дебюта элегію Грэя „Сельское кладбище“.

Элегія эта была однимъ изъ тѣхъ произведеній, которыя называются сентиментальными и были характернымъ явленіемъ удовлетворявшимъ потребности вѣка. За тридцать лѣтъ до Руссо англичанинъ Томпсонъ уже любовно описывалъ сельскую жизнь и природу. Къ сентиментальной нѣжности Ричардсона и Стерна присоединились сентиментальныя размышленія мрачнаго Грэя. Жуковскій отыскалъ это направленіе, уже внесенное къ намъ ранѣе Карамзинымъ, въ самомъ его источникѣ.

Мѣстомъ своихъ меланхолическихъ мечтаній сентиментализмъ любилъ избирать кладбище. Природа получала двойное очарованіе въ присутствіи останковъ окончившаго земное поприще человѣка.

Русскіе поэты, воспитывавшіе вкусъ свой на произведеніяхъ европейской поэзіи, рано усвоили эту, такъ сказать, некроманію современной лирики. Такъ, въ стихотвореніи упомянутаго выше казанскаго поэта Каменева: „Вечеръ 24 мая 1803 года въ Кизическомъ монастырѣ“ [1]) и въ черновыхъ набросках въ прозѣ, приготовлявшихся имъ для печати [2]), встрѣчаемъ эти обычныя варіаціи на мотивы то задумчиво-нѣжные, то мрачные и ужасающіе. „Въ трехъ верстахъ отъ Казани“, пишетъ онъ во второмъ изъ этихъ опытовъ, „возвышаются стѣны Кизическаго монастыря. Вотъ мѣсто, которое питаетъ мою меланхолію; вотъ куда я часто прихожу грустить и проливать слезы... Часто вхожу въ обитель, читаю надписи на гробницахъ... Бѣдное мое серд-

---

[1]) Період. изд. Вольн. Общ. Люб. Слов., Наукъ и Худ. Спб. 1804.
[2]) Вчера и сегодня. I, 35.

це тоскуетъ, съ тяжкимъ вздохомъ упадаетъ слеза на хладный камень"... „Безмолвіе, сумракъ, могилы", продолжаетъ онъ, описывая одно изъ такихъ посѣщеній кладбища: „придавали новую силу моей меланхоліи". Періодическая литература наша конца XVIII и начала XIX вѣка любила возвращаться къ этимъ мотивамъ то въ подражаніяхъ Юнгу и ему подобнымъ авторамъ лирическихъ размышленій, то въ сочиненіяхъ оригинальныхъ элегій запечатлѣнныхъ тою же „священною горестью".

На мысляхъ о смерти и безсмертіи часто останавливали своихъ учениковъ и руководители того круга, гдѣ воспитывался Жуковскій. Въ числѣ переводовъ, помѣщавшихся въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени" (ч. XIX, 1798) встрѣчаемъ отрывокъ: „Чувства при гробницѣ"; элегія Грэя пользовалась въ этомъ кругѣ особеннымъ сочувствіемъ. Въ „Ипокренѣ" (1799), гдѣ также печатались, какъ было сказано выше, опыты воспитанниковъ Благороднаго Пансіона, находимъ *два* прозаическихъ перевода этой самой элегіи: одинъ подъ заглавіемъ „Сынъ меланхоліи" кн. П. Козловскаго, другой—анонимный.

Не удивительно, что съ юнаго возраста Жуковскій сроднился съ мыслями о вѣчномъ покоѣ, приносимомъ смертію.

Жизнь, мой другъ, бездна
Слезъ и страданій....
Счастливъ стократъ
Тотъ, кто достигнувъ
Мирнаго брега,
Вѣчнымъ спитъ сномъ....

Такъ размышлялъ 14-ти-лѣтній поэтъ нашъ, только что пріѣхавшій въ Благородный Пансіонъ, въ своемъ стихотвореніи „Майское утро". Не громъ Кексгольмскихъ пушекъ, встрѣчавшихъ Суворова, не великолѣпный Потем-

кинскій праздникъ, въ лучахъ котораго только что промелькнула передъ нимъ Екатерина, но мирное Мишенское кладбище предстало его воображенію, когда вторично взялся онъ за перо въ пріютившей его школѣ. „Мысли при гробницѣ“ были первымъ его прозаическимъ опытомъ въ томъ же 1797 году; „Мысли на кладбищѣ“ были его ученическимъ опытомъ три года спустя—и теперь встрѣчаемъ поэта нашего снова на кладбищѣ, на этотъ разъ—Грэевомъ. Но это умонастроеніе поэта нашего сохранилось и на всю жизнь: черезъ 37 лѣтъ, путешествуя по Европѣ, Жуковскій отыскалъ Грэево кладбище близъ Виндзора, тамъ на мѣстѣ усладилъ душу чтеніемъ оригинала этого стихотворенія и перевелъ его еще разъ уже близко къ подлиннику.

Элегія начинается описаніемъ вечера:

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ, задумавшись, въ шалашъ спокойный свой.

Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ...
Повсюду тишина, повсюду мертвый сонъ;
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ.

Лишь дикая сова, таясь подъ древнимъ сводомъ
Той башни, сѣтуетъ, внимаема луной,
На возмутившаго полуночнымъ приходомъ
Ея безмолвнаго владычества покой.

Далѣе слѣдуетъ описаніе кладбища и размышленіе о жизни похороненныхъ на немъ поселянъ; могилы ихъ сравниваются съ гробницами богачей, и скромная жизнь селянина съ жизнію людей славныхъ. Слава и богатство призна-

ются случайными дарами фортуны. Наконецъ изображается и онъ самъ, юный пѣвецъ,

Прискорбный, сумрачный, съ главою наклоненной...
Какъ странникъ, родины, друзей, всего лишенный,
Которому ничѣмъ души не усладить.

Стихотвореніе оканчивается надгробіемъ пѣвцу элегіи.

Вмѣстѣ съ кембриджскимъ меланхоликомъ—гнетущую и безпредметную тоску счелъ и Жуковскій первымъ и главнымъ признакомъ поэзіи. „Элегія“ и „пѣсня“ стали для него синонимами. Потому и въ эпитафіи, назначаемой имъ для себя, приписываетъ онъ себѣ, взамѣнъ всѣхъ даровъ счастія, одинъ даръ, что

...Музы отъ него лица не отвратили,
И меланхоліи печать была на немъ.

„За слезы, которыми онъ дарилъ жителей этихъ бѣдныхъ гробницъ“, прибавляетъ эпитафія,—„онъ получилъ лучшую награду: друга“.

Ничуть не хуже и картина, и стихъ въ современной „Сельскому кладбищу“ элегіи молодаго друга Жуковскаго—Андрея Тургенева. Вотъ ея начало:

Угрюмой осени мертвящая рука
Уныніе и мракъ повсюду разливаетъ;
Холодный, бурный вѣтръ поля опустошаетъ,
И грозно пѣнится ревущая рѣка.
Гдѣ тѣни мирныя доселѣ простирались,
Безпечной радости гдѣ пѣсни раздавались—
Поблекшіе лѣса въ безмолвіи стоятъ;
Туманы стелются надъ доломъ, надъ холмами.
Гдѣ сосны древнія задумчиво шумятъ
Усопшихъ поселянъ надъ мирными гробами,
Гдѣ все вокругъ меня глубокій сонъ тягчитъ,

Лишь колоколъ нощной одинъ вдали звучитъ,
И медленныхъ часовъ при томномъ удареньи
Въ пустыхъ развалинахъ я слышу стонъ глухой—
На камнѣ гробовомъ печальный, тихій геній
Сидитъ въ молчаніи, съ поникшею главой.

Элегія эта оригинальная, и нельзя не отдать справедливости, что нѣкоторые ея стихи и звучнѣе, и пластичнѣе стиховъ Жуковскаго.

И такъ въ первомъ произведеніи Жуковскаго, одобренномъ имъ самимъ, нельзя еще видѣть важнаго шага нашей поэзіи. Но Жуковскій былъ доволенъ своимъ опытомъ; довольны имъ были и его юныя собесѣдницы. Холмъ, на которомъ онъ писалъ свою элегію, назвали онѣ Парнасомъ. Лжеклассическій языкъ былъ хорошо знакомъ имъ. Біографъ замѣчаетъ, что 10-лѣтняя Авдотья Петровна называла Жуковскаго въ своихъ письмахъ, которыя писала ему въ Москву, когда онъ былъ еще въ пансіонѣ, „Юпитеромъ моего сердца". Рѣшено было послать элегію для напечатанія въ издававшемся тогда Карамзинымъ „Вѣстникѣ Европы". Одобреніе Карамзина, котораго этотъ кружокъ называлъ „Зевсомъ литературнаго Олимпа", должно было рѣшить участь поэта. Одобреніе послѣдовало— и все общество Мишенскаго, съ трепетомъ ждавшее этого рѣшенія, получивъ VI-й № „Вѣстника Европы" 1802 г. на розовой его сорочкѣ прочитало: „Сельское кладбище", а подлѣ—полную фамилію автора: Жуковскій.

Первые же шаги свои въ жизни Жуковскій ознаменовываетъ твердою рѣшимостію устроить ее по незыблемому идеалу. Исканіе этого идеала замѣтно въ первыхъ же его произведеніяхъ. Вырабатывался онъ на основѣ, положенной школою, подъ вліяніемъ тѣхъ явленій западной литературы, которыя въ то время становились у насъ болѣе и болѣе извѣстными. Въ нихъ ищетъ онъ положеній, симпа-

тичныхъ его сердцу. Самоусовершенствованіе остается господствующею его заботою. Какъ ни былъ онъ молодъ, но жизнь въ глазахъ его не была шуткой. Жизнь задавала ему тысячи вопросовъ. Его нельзя упрекнуть ни въ нравственной пустотѣ, ни въ благодушной ограниченности. Однообразіе чувствованій, которое мы замѣтили по поводу его частаго возвращенія къ кладбищу, какъ мѣсту душевнаго покоя, есть результатъ цѣлаго процесса въ душѣ поэта. То, что у другихъ могло быть модною фразою, глубоко запало въ душу Жуковскаго, встрѣтивъ въ ней рано поразившую его совѣсть идею, что „человѣкъ въ земной жизни только путешественникъ"...

Жуковскій на первыхъ же порахъ почувствовалъ потребность расширить умственный кругозоръ свой и, оставивъ службу, первые два года проводитъ не исключительно въ деревнѣ, но посѣщаетъ московскихъ друзей и Карамзина. Не безъ его вліянія Жуковскій обратился къ французской литературѣ, остановившись сначала на Флоріанѣ. Этотъ писатель средней руки пользовался извѣстностью какъ баснописецъ; много читались также его поэмы. По направленію Флоріанъ—моралистъ, по формѣ — идилликъ. Подъ вліяніемъ этого писателя Жуковскимъ написано въ 1803 г. начало исторической повѣсти „Вадимъ Новгородскій", помѣщенной въ „Вѣстникѣ Европы" Карамзина [1]).

Для насъ важно прозаическое посвященіе этой повѣсти памяти Андрея Тургенева, гдѣ надъ его свѣжей могилою Жуковскій клянется „его любезнымъ прахомъ" и драгоцѣннымъ остаткомъ своей жизни—быть *другомъ добродѣтели*. Это выраженіе, такъ отвлеченно обозначающее цѣль жизни, еще отзывается чѣмъ-то заученнымъ въ школѣ, гдѣ на

---

[1]) В. Е. 1803. № 23 и 24.

актѣ 15-тилѣтній поэтъ нашъ произносилъ рѣчь „О добродѣтели“, а въ пансіонскомъ обществѣ словесности читалъ свое стихотвореніе „Добродѣтель“. Но теперь онъ думаетъ осуществить высокую цѣль: слово претворить въ дѣло. Какимъ же путемъ пойдетъ онъ къ ея осуществленію?—Онъ избираетъ поприще поэта. Опредѣляя ближе избранный имъ путь, черезъ три года онъ пишетъ что ни взоръ красавицъ, ни исканіе почестей, ни суетная свѣтская честь [1]), не отвлекутъ его отъ ранняго рѣшенія посвятить жизнь поэзіи и осуществленію ея въ жизни путемъ дружбы и любви, посвящая дни музамъ:

„Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной
И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать.

Ему завидна жизнь поэта. Вотъ онъ—другъ природы

...въ тихій утра часъ, когда туманный дымъ
Ложится по полямъ и холмы облегаетъ,
И солнце, выходя, по рощамъ голубымъ
Спокойно блескъ свой разливаетъ,—

Спѣшитъ, восторженный, оставя сельскій кровъ,
Въ дубравѣ упредить пернатыхъ пробужденье,
И, лиру соглася съ свирѣлью пастуховъ,
Поетъ свѣтила возрожденье!

„Такъ! пѣть—есть мой удѣлъ“ рѣшаетъ юный поэтъ, и устраиваетъ свою жизнь согласно этому рѣшенію.

---

[1]) Элегія „Вечеръ“ (1806).

V.

Жуковскій и Мерзляковъ.—Ученіе племянницъ и самообученіе Жуковскаго.—Его участіе въ „Вѣстникѣ Европы".—Оптимизмъ его.—Жуковскій—редакторъ „Вѣстника Европы".

Еще къ 1802 году относится сближеніе Жуковскаго съ А. Ѳ. Мерзляковымъ, впослѣдствіи знаменитымъ профессоромъ Московскаго университета. Будучи на 5 лѣтъ старше Жуковскаго, онъ въ это время состоялъ баккалавромъ при университетѣ. Это не препятствовало сблизиться съ нимъ тому тѣсному кружку, который составили около себя Тургеневы. Отлучки Жуковскаго изъ Москвы въ Бѣлевскій уѣздъ также не мѣшали этому союзу. Задумавъ издавать журналъ, Мерзляковъ спѣшитъ извѣстить объ этомъ Жуковскаго, который въ октябрѣ былъ въ деревнѣ. „Поздравь себя и насъ", пишетъ онъ ему, „съ новорожденнымъ, который сдѣлаетъ честь тѣмъ, кои примутъ на себя его воспитаніе. Этотъ новорожденный есть журналъ литературный. Ты долженъ раздѣлить отцовское съ нимъ право. Будь увѣренъ, что это не мечта; пріѣзжай, пріѣзжай скорѣе. Къ тебѣ улыбаются навстрѣчу деньги и слава. Что̀ ты дѣлаешь въ своемъ уединеніи? Богатѣетъ-ли ученый кабинетъ твой новыми произведеніями печально-нѣжной твоей Музы? Есть-ли что нибудь у тебя для злобно-ѣдкой моей критики!!!" Жуковскаго, кромѣ того, привязываетъ къ Москвѣ участіе въ томъ новомъ дружескомъ, основанномъ бывшими питомцами Благороднаго Пансіона, литературномъ обществѣ, правила котораго были подписаны 12 января 1801 года. Сверхъ того необходимость заставляла Жуковскаго добывать себѣ деньги и нужныя книги литературнымъ трудомъ. Такъ въ 1801 году онъ по заказу книгопродавца перевелъ повѣсть

Коцебу „Мальчикъ у ручья [1])“, поэму Флоріана „Вильгельмъ Телль“ и повѣсть «Розальбу», изданныя вмѣстѣ въ 1802 году. Обѣ книжки выдержали два изданія. Позднѣе по заказу Платона Петровича Бекетова, имѣвшаго свою типографію, перевелъ онъ „Донъ-Кихота“ съ перевода Флоріанова. Переводъ этотъ былъ изящно изданъ въ 1804—1806 годахъ съ картинками и двумя портретами—Сервантеса и Флоріана, въ шести небольшихъ томахъ. Въ переводѣ были хорошо переданы пословицы Санхо Пансы, и стихи романсовъ обратили вниманіе своими достоинствами. Но книгопродавцы платили очень умѣренно; къ тому же требовались еще расходы на переписку переводовъ и пересылку книгъ въ Мишенское. Мерзляковъ хлопоталъ по этимъ дѣламъ Жуковскаго, торговался съ книгопродавцами, но болѣе 5 руб. за листъ книгопродавецъ Зеленниковъ, съ которымъ они имѣли дѣло, платить не соглашался. Въ описываемое нами время (1803) онъ уговорился чрезъ Мерзлякова съ этимъ книгопродавцемъ о переводѣ „Ильдигерды“ по этой цѣнѣ [2]). Жуковскій очевидно работалъ усердно. По крайней мѣрѣ Мерзляковъ дѣлаетъ ему въ одномъ изъ своихъ писемъ дружескій упрекъ въ томъ, что онъ „всегда берется за многое“. Его библіотека заключала въ себѣ уже много книгъ, послужившихъ ему для самообразованія, о которомъ онъ, какъ увидимъ, заботился постоянно: „Энциклопедію“, французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ поэтовъ, переводы древнихъ классиковъ, полныя собранія сочиненій Шиллера, Гердера, Лессинга.

Въ августѣ Жуковскій звалъ друга своего въ Бѣлевъ. Но Мерзляковъ не могъ пренебречь своими служебными

---

[1]) Въ оригиналѣ: Die jüngsten Kinder meiner Laune.

[2]) Письма Мерзлякова 1803 г. (5-е). Р. Арх. 1871 г. № 2.

обязанностями и ссылается въ своемъ отвѣтѣ на отца и мать, которые „не могутъ быть довольны однимъ романтическимъ житьемъ“ его: но тѣмъ не менѣе обѣщаетъ, если „утомится своимъ донкишотствомъ, наскучитъ всѣмъ и будетъ всѣмъ обманутъ“, возвратиться въ „маленькій домикъ Жуковскаго, укрыться отъ бурь и несчастій, посмѣяться надъ своимъ дурачествомъ“ [1]). Онъ обѣщаетъ во всякомъ случаѣ ѣздить къ нему въ Бѣлевъ часто, до тѣхъ поръ, когда наконецъ имъ будетъ можно жить вмѣстѣ, иногда на недѣлю, иногда на двѣ, на три и т. д.; онъ обѣщаетъ не пропускать ни одной вакаціи.

Мерзляковъ писалъ Жуковскому часто, сообщалъ ему о всѣхъ своихъ занятіяхъ. Онъ открывается ему, что, переводя съ своими учениками Анакреона и Овидія, вспоминаетъ друга; онъ дѣлится съ нимъ новостями тогдашней литературы. Такъ въ ту же осень онъ сообщилъ, что съ будущаго года Карамзинъ оставляетъ изданіе „Вѣстника Европы“, и что книгопродавцы, опасаясь остаться безъ журнала, хотятъ поручить многимъ то, что̀ Карамзинъ дѣлалъ одинъ, и уговаривали Мерзлякова взяться за это дѣло. Многочисленныя обязанности Мерзлякова не дозволили ему однако принять это приглашеніе, и онъ, по порученію книгопродавцевъ, предложилъ Жуковскому, не пожелаетъ ли тотъ взять на себя редакцію журнала. Тутъ же сообщаетъ онъ, что при типографіи заводится общество, куда приглашаютъ ихъ обоихъ.

Лѣто 1804 г. Жуковскій, по обыкновенію, проводилъ въ Бѣлевѣ и строилъ себѣ домикъ, а Мерзляковъ жилъ вакацію въ Рязани у Александра Ѳедоровича Воейкова, обѣщаясь по примѣру прошлыхъ лѣтъ пріѣхать

[1]) Ibid. № 7.

къ Бѣлевскому другу вмѣстѣ съ Воейковымъ. „Намъ не надо", пишетъ онъ, [1]) „твоего дома, если онъ не отстроенъ: мы проживемъ въ палаткѣ. Стихи твои будутъ нагрѣвать сердца наши, а твоя ласковая простая дружба украситъ самые прекрасные виды, представляющіеся съ крутаго берега Оки [2]), гдѣ строится твоя храмина".

Жуковскій въ свою очередь часто бывалъ въ Москвѣ. Такъ лѣтомъ 1803 года онъ посѣтилъ Карамзина въ Кунцовѣ, гдѣ тотъ жилъ на дачѣ; въ слѣдующемъ году онъ познакомилъ съ Карамзинымъ и гр. Блудова [3]).

1803-мъ годомъ, въ послѣдней книжкѣ котораго была напечатана упомянутая выше неоконченная поэма Жуковскаго, Карамзинъ дѣйствительно окончилъ изданіе „Вѣстника Европы" и перешелъ къ главному труду своей жизни, будучи въ ноябрѣ назначенъ исторіографомъ Его Величества. Продолженіе „Вѣстника" взялъ на себя Панкратій Сумароковъ, потомъ Каченовскій, издававшій его до 1808 года.

Между тѣмъ Жуковскій не остановился на дидактизмѣ, который было привлекъ его въ Флоріанѣ. Поэтическая природа выручила его, и уже въ 1805 году мы видимъ его за изученіемъ лучшихъ произведеній нѣмецкой поэзіи. Ниже мы ознакомимся съ тѣмъ, какъ читалъ онъ эти произведенія. Онъ всегда примѣнялъ къ личной внутренней жизни тѣ идеи, которыя находилъ въ нихъ. Мысль о самоусовершенствованіи не оставляетъ его и въ самомъ разгарѣ увлеченія поэтическимъ произведеніемъ.

---

[1]) Ibid. № 10.

[2]) Этотъ домъ пріобрѣтенъ нынѣ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для учрежденія въ немъ училища въ память поэта.

[3]) Гр. Блудовъ и его время. 1856 г. стр. 40.

Въ этомъ году Жуковскій жилъ въ Мишенскомъ и занялся образованіемъ двухъ племянницъ своихъ, дочерей Екатерины Аѳанасьевны Протасовой. Еще за годъ до смерти отца эта младшая дочь Бунина, которой суждено было впослѣдствіи оказать важное вліяніе на судьбу Жуковскаго, возвратилась изъ Кяхты, гдѣ жила съ старшей сестрой своей Авдотьей Аѳанасьевной, бывшей за Алымовымъ, директоромъ тамошней таможни. Съ юныхъ лѣтъ удаленная отъ вліянія тульской среды, нравы которой ей должны были казаться недостаточно чистыми, проживъ восемь лѣтъ въ Кяхтѣ съ сестрой, несчастной въ замужествѣ,—Екатерина Аѳанасьевна привыкла къ нравственной сдержанности и въ одиночествѣ своемъ составила себѣ собственную житейскую философію, которой упрямо слѣдовала всю жизнь [1]).

Черезъ годъ по смерти отца вышла она замужъ за Андрея Ивановича Протасова и уѣхала въ Орловскую губернію, гдѣ онъ былъ предводителемъ. Жуковскій, на 13 лѣтъ

---

[1]) К. Зейдлицъ сообщаетъ о ней: „Въ Сибири у нея было одно чтеніе: „La nouvelle Héloïse“, которую она знала почти наизусть, и кромѣ того сентиментальная книга о воспитаніи: „Adèle et Théodore“. Обстоятельства докончили воспитаніе ея, и можно сказать, что впослѣдствіи она стала совершенно иною, нежели какою была въ юности. Одни знали ее, „когда она была совсѣмъ не набожна и не постилась никогда, не любила ходить въ церковь“, а я помню, что не только она сама охотно посѣщала богослуженіе, но и дѣтей своихъ любила сопровождать въ церковь“ (Ж. М. Н. Пр. 1869, № 4. 383). Повелительный характеръ ея всего лучше видѣнъ изъ одного случая, бывшаго во время жизни ея въ Бѣлевѣ. Въ городѣ вспыхнулъ пожаръ и угрожалъ уже церкви, въ подвалахъ которой было сложено пудовъ 300 пороху. На совѣты ея сбросить порохъ въ рѣку, начальникъ полиціи отвѣтилъ ей, что у него нѣтъ для того народа. Тогда Екатерина Аѳанасьевна предлагаетъ ему отдать въ ея распоряженіе и на ея отвѣтственность городскихъ арестантовъ, немедленно отправляется въ острогъ, ведетъ арестантовъ къ церкви; едва успѣли они побросать въ Оку порохъ, какъ огонь добрался до церкви—и она сгорѣла (W. A. Joukoffsky, 32).

моложе ея, привыкъ видѣть въ ней скорѣе тетку, нежели сестру; онъ долго и называлъ ее такъ, и всегда говорилъ ей *вы*; она же говорила ему *ты*.

Теперь, въ 1805 году, она овдовѣла. Мужъ ея разорился вслѣдствіе различныхъ спекуляцій и игры въ карты и оставилъ долги. Считая своею обязанностію уплатить ихъ, Екатерина Аѳанасьевна продала половину наслѣдства; жить въ своемъ Муратовѣ ей было нельзя, такъ какъ тамъ не было господскаго дома, роднымъ же обязываться она не хотѣла, и вотъ она поселилась въ Бѣлевѣ, въ скромномъ наемномъ домикѣ [1]).

Двѣ ея дочери—Марія и Александра Андреевны, 12 и 10 лѣтъ, требовали уже образованія. Видя разстроенныя дѣла Протасовой, Жуковскій вызвался давать имъ уроки [2]). Продолжая свое самообразованіе, онъ имѣлъ въ виду результаты его примѣнить при этихъ педагогическихъ опытахъ.

Онъ взглянулъ на свою задачу серьезно и составилъ обширный планъ литературныхъ занятій своихъ. Въ этотъ планъ входило чтеніе и изученіе лучшихъ иностранныхъ писателей и эстетика. Методъ чтенія онъ выбралъ сравнительный. Такъ, баллады Шиллера, согласно его плану, должны быть читаемы сравнительно съ Бюргеровыми, философскія же его стихотворенія съ Гетевскими и др., драматическія — съ Шекспировыми; трагедіи Расина — съ Вольтеровыми, Корнелевыми и Кребильоновыми; сходныя мѣста эпическихъ поэтовъ и лирики также должны быть сближаемы; сатиры Буало—съ Гораціевыми и Ювеналовыми; оды Рамлера и Горація — съ одами Державина, Жана-Батиста и т. п. Такое чтеніе онъ считалъ полезнымъ

---

[1]) К. Зейдлицъ, Ж. М. Н. Пр. 1869. № 4, 396.
[2]) Ibid.

производить послѣ хронологическаго ознакомленія съ ними параллельно съ всеобщей исторіей, дабы уяснять себѣ духъ поэтовъ. Такъ же должно, по его мнѣнію, читать и прозаиковъ.

Когда начались учебныя занятія съ дочерьми Екатерины Аѳанасьевны, она, всегда присутствуя при этихъ урокахъ, и сама дополняла свое недостаточное образованіе. Жуковскій, даже тогда, когда жилъ въ Мишенскомъ, ходилъ оттуда пѣшкомъ на эти уроки. Въ теченіи трехъ лѣтъ продолжалъ онъ эти педагогическія занятія.

Во время пріѣздовъ въ Москву Жуковскій останавливался подъ кровомъ своего бывшаго наставника А. А. Пр.-Антонскаго, у котораго жилъ и первое время по выходѣ изъ пансіона. Пансіонъ помѣщался на Тверской (гдѣ нынѣ домъ Шаблыкина). Главныя ворота выходили въ Газетный переулокъ, по которому тянулся кирпичный заборъ, а у самыхъ воротъ стоялъ бѣлый флигель, гдѣ и была квартира Антонскаго [1]). Тутъ-то въ маленькой комнаткѣ и помѣщался Жуковскій. По словамъ М. А. Дмитріева, здѣсь писалъ онъ свою „Людмилу“ [2]). И. Ѳ. Калайдовичъ, бывшій воспитанникомъ Благороднаго Пансіона въ 1806, 1807 и 1808 годахъ, оставилъ воспоминаніе [3]), относящееся, по его заявленію, къ одному изъ этихъ годовъ. „На Страстной недѣлѣ“, пишетъ онъ, „водили всѣхъ насъ для слушанія утрени въ залу собраній пансіона, которая была во второмъ этажѣ по Долгоруковскому переулку. Живо помню, что у окна, обращеннаго въ переулокъ этотъ, стаивалъ отдѣльно отъ насъ высокій мужчина, съ орлинымъ, какъ мнѣ казалось тогда, носомъ, со сложенными руками, въ положеніи чело-

[1]) Сушковъ Моск. Унив. Благ. пансіонъ. Приложеніе I.
[2]) Мелочи изъ запаса моей памяти. Стр. 184.
[3]) Моск. Вѣд. 1853 г. № 46.

вѣка, внимательно слушающаго. Старшіе мои товарищи, указывая на него, говорили: „Это сочинитель, это Жуковскій. Живетъ онъ у Антона Антоновича“. Въ которомъ это было году: 1806, 1807 или 1808 или во всѣ эти годы, не помню“.

Къ 1807 году относится усердное сотрудничество Жуковскаго въ „Вѣстникѣ Европы“. Басни и другія стихотворенія изъ Флоріана, Лафонтена, Делиля, Томпсона и „Тоска по миломъ“ изъ Шиллерова: „Пикколомини“ (сцена 7 III акта) были напечатаны въ этомъ журналѣ.

Въ числѣ переводовъ, тогда помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ Жуковскимъ, встрѣчаемъ два разговора изъ Энгелева „Свѣтскаго Философа“. Это было первымъ обращеніемъ поэта нашего къ источнику идей раціоналистическихъ. Энгель (воспитатель Фридриха Вильгельма III) принадлежалъ къ числу литераторовъ, усвоившихъ просвѣтительныя идеи извѣстнаго Николаи. Въ своемъ „Свѣтскомъ Философѣ“, одно время занимавшемъ и Карамзина [1]), Энгель касается предметовъ искусства и морали.

Въ переведенныхъ Жуковскимъ „діалогахъ о смерти“ встрѣчаемся съ идеями, діаметрально противоположными тѣмъ, которыя увидимъ въ собственныхъ произведеніяхъ Жуковскаго. Здѣсь между прочимъ затронутъ тотъ самый вопросъ, который такъ безповоротно рѣшенъ былъ Жуковскимъ черезъ шесть лѣтъ въ „Теонѣ и Эсхинѣ“. Для несчастнаго, потерявшаго дорогихъ близкихъ—любимую жену и дитя—эвдемонизмъ Энгеля указываетъ исходъ въ утѣшеніи новою подругою. Что же привлекло нашего

---

[1]) Переводы Карамзина. Изд. 4-е. Спб. 1835. Томъ VIII. Здѣсь встрѣчаемъ изъ „Свѣтскаго Философа“ слѣдующія статьи: Бель къ Шафтсбюри (стр. 49), Гиласъ и Филоноусъ (стр. 69), Галилеево сновидѣніе (стр. 74).

Теона въ этой философіи свѣтскаго мыслителя? Чуждый всякаго доктринерства, онъ ищетъ и здѣсь элементовъ того воззрѣнія, которое создаетъ себѣ своеобразною работою личнаго творчества. Его привлекло здѣсь не то средство, которымъ мыслитель ведетъ къ душевной гармоніи, но сама эта гармонія. „Нерѣдко", говоритъ Энгель, „горесть бываетъ не горесть, а наслажденіе". Невольно вспоминается при этомъ:

Но въ самой скорби есть для сердца наслажденье.

„Состояніе моего духа есть спокойствіе", продолжаетъ Энгель: „Съ симъ вожделѣннымъ спокойствіемъ обращаю назадъ свои взоры, смотрю на протекшее и благодарю моего Создателя. Тамъ ясныя минуты многочисленнѣе мрачныхъ; добра несравненно болѣе, нежели зла". (Какъ часто тотъ же оптимизмъ повторяется въ стихотвореніяхъ Жуковскаго!). „Въ такомъ же видѣ представляется мнѣ и жизнь милліоновъ, въ такомъ же видѣ и бытіе звѣря, и бытіе насѣкомыхъ, ибо они вышли изъ рукъ того же Бога, который и меня вызвалъ изъ ничтожества"...

Вотъ этотъ-то оптимизмъ и привлекъ къ себѣ Жуковскаго, носившаго въ ясной душѣ своей признаніе лучшаго изъ міровъ. Съ свойственной ему терпимостію прощаетъ онъ переводимому автору и его эвдемонизмъ...и любезно открываетъ ему страницы своего портфеля.

Такая терпимость не была у Жуковскаго слѣдствіемъ нравственнаго индеферентизма. То же слѣдованіе голосу внутренняго крѣпкаго и самостоятельнаго убѣжденія дозволило Жуковскому года черезъ три вдохновиться произведеніемъ Парни, изъ котораго онъ извлекаетъ своего „Эпимесида". Здѣсь самъ Зевесъ указываетъ пришедшему въ отчаяніе отъ невзгодъ жизни Эпимесиду на благой источникъ наслаж-

денія. Наслажденіе Эпимесидъ нашелъ въ дружбѣ, любви— и вотъ, вмѣсто первоначальной отчаянной молитвы:

Зевесъ, къ тебѣ взываю я:
Пошли мнѣ даръ небытія,

просвѣтленный счастливецъ шлетъ къ божеству уже благодарственную хвалу:

Хвала вамъ, боги, вашей властью
Узналъ въ любви и дружбѣ я
Всѣ наслажденья бытія.
Но вы открыли путь ко счастью.
Проклятье дерзостнымъ хуламъ
Произнесеннымъ въ изступленьѣ!
Нашъ въ мірѣ путь одно мгновенье,
Но можемъ быть равны богамъ!“

Обильно знакомясь съ иностранною литературою, Жуковскій и въ слѣдующемъ, 1808-мъ году продолжаетъ быть дѣятельнымъ сотрудникомъ, а потомъ и редакторомъ „Вѣстника Европы“, въ которомъ Карамзинъ и Каченовскій, какъ кажется, продолжали завѣдовать политическими обозрѣніями. Жуковскій внесъ въ журналъ свой и обозрѣніе произведеній искусства, помѣщая снимки съ знаменитыхъ картинъ и произведеній скульптуры; тамъ явился, между прочимъ, цѣлый рядъ Гогартовыхъ каррикатуръ съ Лихтенберговыми объясненіями къ нимъ. Рисунками сопровождались и этнографическія статьи. Жуковскій съ достоинствомъ поддержалъ журналъ, обязанный оправдать свое имя „Вѣстника Европы“.

Страницы этого журнала много лѣтъ служили поприщемъ, гдѣ онъ развивалъ свой поэтическій талантъ въ качествѣ переводчика. Уже здѣсь обозначились главныя свойства его поэтическаго дара,—артистическое умѣніе передавать на русскомъ языкѣ тѣ произведенія иностранной поэзіи, въ которыхъ онъ находилъ образы, ему симпатичные, будь

то у Шиллера или Парни, Горація или Драйдена. Правда, онъ выбиралъ только то, что отвѣчало его личному настроенію, но выраженіе душевной жизни помощію образовъ, созданныхъ лучшими представителями богатой литературы Запада, должно было заставить и въ немъ самомъ зазвучать такія струны, которыя безъ того остались бы нѣмы. Этими переводами открылась, слѣдовательно, важная эпоха самовоспитанія нашего „пѣвца любви и дружбы“ во славу „добродѣтели“.

VI.

«Людмила». Сличеніе ея съ подлинникомъ.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ 1808 года помѣщаетъ Жуковскій свою передѣлку баллады Бюргера „Ленора“, назвавъ ее русскимъ именемъ „Людмилы“.

Основной мотивъ „Леноры“ тотъ, что неутѣшная скорбь по дорогомъ умершемъ безумна.

Нельзя не узнать здѣсь того вопроса, который неотвязчиво возставалъ передъ нашимъ поэтомъ, когда онъ испытывалъ возникавшее въ немъ оптимистическое міровоззрѣніе.

Заявленіе правъ страсти, постигнутой безвозвратной потерей, неужели должно остаться безотвѣтнымъ? Неужели скорбь потерпѣвшаго такой ударъ безъисходна? Должна ли она разрѣшиться потоками слезъ—и за ними должно послѣдовать обидное примиреніе съ злою необходимостію и равнодушное забвеніе, оскорбительное утѣшеніе „новою подругою“, какъ рѣшалъ „Свѣтскій философъ“? Но гдѣ же тогда высокое значеніе любви, въ которое такъ вѣрятъ и Бюргеръ, и Жуковскій? Мелко для нихъ такое скоропреходящее чувство: имъ они удовлетвориться не могутъ. Они понимаютъ это чув-

ство, какъ нѣчто роковое; разъ предавшись ему, человѣкъ рѣшаетъ судьбу всей своей жизни. Ничто не можетъ изгладить его. Сама смерть безсильна въ этомъ. Не здѣсь, въ этомъ земномъ мірѣ суждено осуществиться желанному соединенію—такъ оно осуществимо тамъ, въ мірѣ лучшемъ. Вотъ основной догматъ любви, какъ готовится его рѣшить Жуковскій.

Содержаніе баллады навѣяно Бюргеру народной поэзіей [1]). Была дѣвушка, не знавшая такого примиренія съ горемъ; ея страсть была недостаточно духовна; скорбь ея о потерѣ друга переступила предѣлы, за которыми уже лежитъ область мрачнаго отчаянія. Что будетъ съ ней, такъ безгранично привязанной къ этому обманчивому, земному счастію?

Баллада Бюргера выводитъ эту дѣвушку въ тотъ моментъ ея жизни, когда, долго ожидая напрасно возвращенія дорогаго ей Вильгельма, она уже не находитъ болѣе силъ переносить разлуку съ нимъ. Съ особенною яркостію выступаетъ ея горе, когда скорбныя жалобы во 2-й строфѣ баллады смѣняются праздничными звуками торжественной картины возвращенія воиновъ съ пѣснями и радостной музыкой. Вотъ и тѣ счастливицы, которыя въ рядахъ побѣдителей находятъ тѣхъ, кого ждали не напрасно.

Но для Леноры нѣтъ этого счастія. Ряды воиновъ проходятъ мимо — и она остается одна. Чаша ея горя переполнена. Поэтъ изобрѣлъ горчайшее положеніе, какое только можно было создать для дѣвушки, и безъ того лишенной всякаго душевнаго мира. Вотъ первый актъ драмы.

Въ изступленіи, распустивъ свои волосы, черныя какъ

---

[1]) См. Ваккернагеля въ Altdeutschen Blättern (1853. Heft 2, 174—204) и Pröhle: Bürger und seine Dichtungen. Lpz. 1856.

перо вóрона, грянулась о землю потерявшая все въ жизни Ленора. Поэту нужна такая страстность въ его героинѣ; онъ ее испытываетъ; онъ хочетъ теперь поискать въ ней силы, которая могла бы изцѣлить такъ жестоко раненное сердце. Сила эта выше всякой скорби: она должна поддержать и вдохнуть новую жизнь въ пошатнувшуюся душу малодушной дѣвушки. Сила эта—мыслитъ тайно поэтъ—покорность Богу; но онъ не прерываетъ живой картины сентенціями; мысль свою бережетъ онъ про себя; ни однимъ словомъ не участвуетъ онъ въ повѣствованіи и вводитъ на сцену новое лицо—мать несчастной дѣвушки.

Сцена между матерью и дочерью ярко дорисовываетъ намъ характеръ героини. Три раза подступаетъ мать съ словомъ утѣшенія къ желающей жить, жаждущей немедленнаго, земнаго счастія дѣвушкѣ, и конечно—безуспѣшно. Эта наивная рѣчь доброй старушки, которая возлагаетъ такъ много надежды на силу молитвы, вѣритъ и въ силу своей материнской ласки, и въ молодость своей дочери,—служитъ новымъ контрастомъ съ неудержимымъ ропотомъ глухой къ ея рѣчамъ дѣвушки.

„Нѣтъ у Бога состраданія! Къ чему послужили мнѣ мои молитвы?“ восклицаетъ она на совѣтъ матери прочесть поскорѣе молитву. Тогда, желая подѣйствовать на возбужденныя чувства дочери и затронуть въ ней другую страсть—негодованіе къ недостойному (быть можетъ) ея любви человѣку, мать высказываетъ предположеніе, не забылъ ли ее женихъ на далекой сторонѣ и не измѣнилъ ли ей. Но не помогаетъ и эта хитрость. Въ отчаяніи клянетъ Ленора свое рожденіе и желаетъ одной смерти: „Погасни мой свѣтъ на вѣки! Умри, умри во мрачной тьмѣ холодной ночи!“

Тогда мать испытываетъ послѣднее средство: она произноситъ наконецъ то, что̀ такъ убѣдительно въ глазахъ ро-

мантическаго поэта: развѣ женихъ не будетъ твоимъ тамъ, въ иномъ мірѣ? т. е. она указываетъ ей исходъ, столь симпатичный самому поэту: жить терпѣливой страдалицей и въ тихой грусти доносить бремя этой жизни. Но отъ этого горькаго совѣта матери не изцѣляется, а только сильнѣе приливаетъ отчаяніе несчастной. Предложенный идеалъ терпѣливой надежды своимъ контрастомъ съ неумѣющей терпѣть и надѣяться Ленорой рельефно дорисовываетъ намъ на ея лицѣ черты неукротимой страсти. Несчастное существо, созданное поэтомъ единственно для того, чтобы бросить его потомъ на жестокую казнь, освѣщается здѣсь лучомъ его собственнаго идеала, намѣренно направленнымъ на ея скорбныя черты. И при его суровомъ освѣщеніи выступаетъ теперь передъ нами уже не бѣдное дитя, съ тоской прильнувшее къ груди матери, не страдалица, достойная сострадания,—но обезумѣвшая отступница.

Здѣсь конецъ втораго момента драмы. Отселѣ поэтъ готовитъ грѣшницѣ пытку за то, что она предалась безгранично страсти своей; пусть же эта страсть поглотитъ ее высшимъ мученіемъ.

Въ изложенной нами 1-й половинѣ баллады нельзя не видѣть обилія оттѣнковъ въ изображеніи всѣхъ переливовъ чувства. И какая въ то же время послѣдовательность со стороны поэта своему далекому отъ земнаго счастія идеалу! Не даромъ героиней своей баллады дѣлаетъ онъ эту осмѣлившуюся возвысить голосъ протеста плоть съ ея земнымъ пониманіемъ счастія. Онъ ведетъ дѣйствіе быстро впередъ и сейчасъ мы увидимъ, какъ онъ умертвитъ эту плоть, бросивъ ее въ объятія скелета!

3-я часть баллады изображаетъ намъ Ленору въ полночь, въ ея комнаткѣ. Она не спитъ. Вдругъ, слышитъ она, какой-то всадникъ сходитъ съ коня подъ ея окномъ. Вотъ

онъ стучитъ кольцомъ въ двери. Наконецъ раздается его привѣтливый голосъ. Кто же можетъ это быть, кромѣ Вильгельма? И такъ надежда возвратилась! Чѣмъ горше была ея скорбь, тѣмъ сильнѣе теперь приливъ восторга, съ которымъ встрѣчаетъ она друга... Обманъ! Поэтъ издѣвается надъ своей жертвой: это осуществленіе преступнаго идеала — только иронія надъ этимъ идеаломъ. Ни читатель, ни Ленора въ первый моментъ не знаютъ того, что́ автору хорошо извѣстно: это не Вильгельмъ, а призракъ.

Счастливая, позабывъ и мать, и только что пережитое горе, бросается она на коня къ своему милому и, обвивъ его рукою, пускается съ нимъ въ знаменитую, исполненную ужасовъ скачку, при блѣдномъ, безжизненномъ и холодномъ свѣтѣ луны, на конѣ призрачномъ, какъ и его всадникъ. Конь и всадникъ не могутъ вынести дневнаго свѣта; имъ нельзя медлить: быстрѣе и быстрѣе несутся они, и бѣгъ ихъ наконецъ переходитъ въ полетъ вихря; все, освѣщенное луною, быстро мелькаетъ мимо; подъ копытами вспыхиваютъ искры, и гремятъ мосты. Все летитъ передъ взорами, какъ въ головокруженіи: луга, селенія, города, звѣзды и само небо. Вотъ на пути похоронная процессія, и похоронное пѣніе раздается въ ушахъ воплемъ жабы. Всадникъ зоветъ священника и пѣвчихъ слѣдовать за собою и обвѣнчать его съ молодой невѣстой. Изчезаютъ носилки, и все мчится вслѣдъ за воронымъ конемъ Вильгельма.

И среди этой опьяняющей обстановки, подобно бреду горячечнаго, раздается этотъ вопросъ мертвеца, повторяющійся время отъ времени: „Что, страшно, милая? Ясно свѣтитъ мѣсяцъ!... Лихо ѣздятъ мертвецы! Боишься мертвыхъ?“ [1])

---

[1]) Graut, Liebchen, auch?... Der Mond scheint hell! Hurrah! Die Todten reiten schnell! Graut, Liebchen, auch vor Todten?

Ленора отуманена, охваченная послѣ недавняго отчаянія своимъ неожиданнымъ счастіемъ. Еще болѣе она опьянѣна вихремъ скачки. Не умѣя дать себѣ отчета во всемъ, что происходитъ вокругъ нея, крѣпко держась за того, кто ей всего дороже, она не понимаетъ этихъ ужасныхъ рѣчей и отвѣчаетъ на нихъ короткимъ восклицаніемъ: „Ахъ, оставь мертвыхъ въ покоѣ!“

Но вотъ и еще призраки. Передъ всадниками мѣсто казни. Вокругъ ея страшныхъ орудій эти призраки носятся воздушнымъ хороводомъ... „За мною! на свадебный мой праздникъ“! раздается ясный, неумѣстно радостный призывъ Вильгельма среди ночи, подъ покровомъ которой собрались эти души, отжившія свою мучительную жизнь. Жива и непонятно радостна и рѣчь поэта, бойкимъ трехъстопнымъ ямбомъ повѣствующая ужасную повѣсть. Этотъ контрастъ живаго метра, живописующаго здѣсь и быстрый бѣгъ коня, съ изображаемою областью смерти — подготовляетъ читателя къ чему-то неожиданному; стихъ звучитъ чѣмъ-то зловѣщимъ. Вниманіе читателя возбуждается съ каждою строфой баллады болѣе и болѣе.

Но вотъ передъ всадниками желѣзныя рѣшетчатыя ворота. Время дорого: пѣтухъ пропѣлъ, и повѣяло утренней прохладой. Несутся они, опустивъ поводья, прямо на рѣшетку; легкій ударъ хлыстомъ разбиваетъ замо́къ, ворота распахнулись—замелькали надгробные памятники кладбища, озаренные луною.

Наконецъ обнажаетъ поэтъ передъ читателемъ и передъ ужаснувшейся Ленорой свой загадочный призракъ. Жестокая правда открываетъ очамъ невѣсты, среди ея очарованія: голый черепъ, станъ скелета съ песочными часами и косою въ рукахъ. И такъ смерть, которую въ безумномъ отчаяніи призывала несчастная дѣвушка, приняла дорогой

ей образъ, явилась за нею и отравила обманутой надеждой послѣднія минуты ея горькой жизни.

Изчезаетъ конь, и все окрестъ могилы наполняется призраками, въ ужасной пляскѣ окружающими ее своимъ хороводомъ. Они заслоняютъ полумертвую Ленору отъ нашихъ глазъ—и она скрывается навѣки. „Терпѣніе! терпѣніе, если даже разобьется твое сердце!“ раздаются голоса поднявшихся привидѣній: „Не ропщи на Бога! Отрѣшилась ты отъ своего тѣла, — да будетъ Богъ милосердъ къ душѣ твоей!“

И такъ устами этихъ призраковъ поэтъ наконецъ примиряется съ безумной рабою страстей, но примиряется только тогда, когда она явилась его взыскательному оку согласною съ его духовнымъ идеаломъ: не земною съ ея жалкимъ минутнымъ счастіемъ, но въ небѣ, передъ лицомъ Правосудія, словомъ, когда она совлекла съ себя это несносное для него бремя—ненавистное и проклятое тѣло.

Вотъ какъ умѣла воплощать свои идеалы уже богатая средствами поэтическаго языка поэзія германская. Между блѣдной моралью какого-нибудь Флоріана и этой потрясающей трагедіей нѣмецкаго поэта—цѣлая бездна. И если для пересказа сладкихъ разсказовъ Мармонтеля или г-жи Жанлисъ вполнѣ годился языкъ сентиментальныхъ повѣстей Карамзина, то для копіи Бюргеровой Леноры краски начинающаго Жуковскаго оказались блѣдны.

Бюргеръ подслушалъ основной мотивъ своей баллады въ пѣснѣ народной; народный языкъ далъ ему свое звучное слово вмѣстѣ съ главными чертами событія и образами его знаменитой баллады. Гдѣ же могъ найти выраженіе для новыхъ и притомъ чужихъ идей нашъ поэтъ?

Его воспитаніе, образцы тогдашней русской литературы—намъ извѣстны. Они представляли мало данныхъ для

взятой Жуковскимъ на себя задачи—пересказать балладу Бюргера по-русски. Онъ рѣшился написать подражаніе ей и, повидимому, желалъ придать ей колоритъ русскій. Отъ того Ленору переименовалъ онъ въ Людмилу, событіе перенесъ въ Литву во времена Литовскихъ войнъ; его Людмила—славянская дѣвица.

Съ первой же сцены отступаетъ онъ отъ подлинника. Баллада Бюргера начинается тѣмъ, что дѣвушка просыпается отъ страшнаго сна съ короткимъ, тревожнымъ вопросомъ о Вильгельмѣ. Людмила Жуковскаго стоитъ, преклонивъ очи, на распутіи и вздыхаетъ. Рѣчь ея многословнѣе и согласно томной ея позѣ—звучитъ какой-то тихой жалобой. Вмѣсто отчаяннаго ропота Леноры, мы и далѣе слышимъ въ отвѣтѣ на утѣшенія матери холодную фразеологію упомянутой выше „Тоски по миломъ". И троекратное обращеніе матери, лишенное того разнообразія, какое мы замѣтили у Бюргера, замѣнено однообразной угрозою наказанія за ропотъ противъ Бога; безъ нужды сцена распространена; авторъ заставляетъ Людмилу лишь повторять свои безцвѣтныя жалобы.

Какъ метръ (у Жуковскаго 4-хъ-стопный хорей), болѣе плавный, нежели торопливый ямбъ Бюргера, такъ и рѣчи мертвеца, мало отличающіяся отъ рѣчей другихъ лицъ, лишаютъ всѣ сцены драматической жизненности, а слова самого поэта—той напряженности, которая такъ выдаетъ личное чувство Бюргера. Эта страшная свита, которую по дорогѣ собираетъ вокругъ себя призракъ Бюргера—здѣсь не приглашается тѣмъ многозначительнымъ топомъ, о которомъ было сказано выше; встрѣча похоронъ и призраковъ на мѣстѣ казни опущена совершенно; смягчена и жесткая рѣчь призрака, нѣсколько разъ повторяющая одинъ и тотъ же вопросъ; здѣсь онъ спрашиваетъ какъ бы съ участіемъ:

„Страшно-ль, дѣвица, со мной?“ И вмѣсто ея наивной просьбы: „Ахъ, оставь мертвецовъ“! обличающей полное непониманіе всего ужаса ея положенія, Жуковскій заставляетъ ее повторять тяжелое двустишіе:

Что до мертвыхъ, что до гроба?
Мертвыхъ домъ земли утроба—

и притомъ послѣ того, когда мертвецъ, на вопросъ Людмилы, гдѣ его домъ, описалъ ей гробъ въ такихъ опредѣленныхъ чертахъ, не забывъ при этомъ и савана, что для читателя должно казаться очень страннымъ ея непониманіе, куда женихъ влечетъ ее.

Сцена на могилѣ передѣлана совершенно. Примчавшійся конь бросается прямо въ могилу. Вскрывается гробъ, и въ немъ Людмила видитъ не скелетъ, но трупъ, обвитый длиннымъ саваномъ. Трупъ привстаетъ и манитъ Людмилу перстомъ, обращаясь къ ней съ рѣчью, которую оканчиваетъ словами:

Сладко спать въ землѣ сырой.

Авторъ Леноры самую смерть своей героини скрылъ отъ насъ—Жуковскій ее изображаетъ. И въ послѣдней пѣснѣ привидѣній, разъяснивъ все событіе, какъ кару *за ропотъ*, онъ не даетъ ничего болѣе. И въ рѣчи матери не было указано ея отчаянію никакого исхода. Потому жизнь Людмилы представляется намъ игрою какой-то слѣпой судьбы, въ исходѣ которой почти не участвовала собственной волей неподвижная „славянская дѣва“, точно она принимаетъ казнь за неосторожное слово — одинъ звукъ котораго повлекъ за собою наказаніе. Не сумѣвшая заслужить его, простодушная Людмила должна и менѣе сильно почувствовать его жестокость. Потому въ читателѣ остается какое-то чув-

ство событія, которое не было ничѣмъ вызвано и кажется собраніемъ сценъ страшныхъ, но не страстныхъ. Получивъ характеръ праздной мелодраматической фантазіи, передѣлка Жуковскаго остается далеко позади подлинника, соединяющаго съ психологическимъ раскрытіемъ характера дѣйствующихъ лицъ и другія условія трагическаго дѣйствія.

Итакъ на „Людмилу“ слѣдуетъ смотрѣть не болѣе, какъ на этюдъ начинающаго художника, который помощію его пробуетъ свою кисть надъ изображеніемъ отдѣльныхъ частей картины, не умѣя еще сладить съ цѣлымъ. Наиболѣе удачныя части ея не тѣ, гдѣ изображаются внутреннія движенія дѣйствующихъ лицъ, но тѣ, гдѣ встрѣчаемъ внѣшнее изображеніе мрачныхъ или страшныхъ картинъ. Одна изъ нихъ даже сочинена самимъ поэтомъ:

Чу! въ лѣсу потряся листъ;
Чу! въ глуши раздался свистъ.
Черный воронъ встрепенулся;
Вспыхнулъ въ небѣ огонекъ—

картина, не имѣющая никакого отношенія къ изображаемому дѣйствію; Жуковскій вноситъ ее исключительно изъ пристрастія къ мелодраматизму, — побужденіе внѣшнее, не имѣющее ничего общаго съ идеей стихотворенія.

Лучше изображеніе коня и поѣздки:

Мчатся всадникъ и Людмила.
Робко дѣва обхватила
Друга нѣжною рукой,
Прислонясь къ нему главой.

Скокомъ, летомъ по долинамъ,
По буграмъ и по равнинамъ,
Пышетъ конь, земля дрожитъ;
Брызжутъ искры отъ копытъ;

Пыль катится вслѣдъ клубами;
Скачутъ мимо ихъ рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
Съ громомъ зыблются мосты.

Хотя и здѣсь „робость“, приписываемая Людмилѣ, свидѣтельствуетъ болѣе о невинной жертвѣ неумолимой судьбы, заслоняя Ленору, идущую на-перекоръ велѣніямъ неба, которымъ не умѣетъ покориться не ожидающая скорой кары грѣшница.

Позднѣе, уже въ пору полнаго развитія таланта, Жуковскій передалъ „Ленору“ въ близкомъ и изящномъ переводѣ. Теперь же вкусъ его еще не сложился, не очистился отъ того юношескаго смѣшенія произведеній, въ которыхъ чувствуется геній, съ бездарными сочиненіями услужниковъ низменнаго вкуса, того смѣшенія Шиллера и Гете со Шписомъ и Коцебу, о которомъ мы упоминали выше. Еще прежде Леноры, въ стихѣ элегическомъ, не разъ пытался выразить Жуковскій это стремленіе души которой земное горе не должно и не можетъ быть неизцѣлимою отравою. Прослѣдимъ эти попытки.

Въ прежнихъ опытахъ, для выраженія этихъ стремленій сердца, Жуковскій не искалъ сюжетовъ сложныхъ, которые выражали бы чувство въ дѣйствіи. Во всѣхъ первыхъ опытахъ своихъ онъ довольствуется описаніями картинъ природы и ея обстановки, разъ навсегда признанными имъ за картины, способныя располагать читателя къ тому мирно-грустному настроенію, которое онъ почиталъ за существенный признакъ поэзіи. Десятокъ строфъ перечисляютъ „закатъ солнца за горою“, „наклоненную иву“ и „луну съ ея трепетнымъ лучомъ“. На изображеніе этой-то неизбѣжной обстановки истрачивалось все чувство поэта. Картина, уже много разъ видѣнная читателями, остается пустою. Луна

свѣтитъ, но ей некого освѣтить, — развѣ унылую фигуру, „склоненную задумчиво на пѣнистыя волны“ [1]). Лиризмъ прерывается избитыми выраженіями: „Сижу задумавшись; въ душѣ моей мечты“... и затѣмъ въ стихотворной формѣ излагаются эти мечты.

Или же мы встрѣчаемъ изложеніе этихъ мечтаній безъ всякой картины.

„Не будемъ безнадежны“, говоритъ въ припадкѣ своей меланхоліи юный поэтъ:

Есть пристань вѣрная, есть берегъ безмятежный;
Тамъ все погибшее предъ нами оживетъ.

Всмотримся въ самыя выраженія. Что̀ оживетъ тамъ? Вмѣсто поэтическаго образа, котораго мы въ правѣ ожидать отъ поэтическаго произведенія, мы получаемъ здѣсь отвлеченное, а потому нѣмое мѣстоименіе все; немного прибавляетъ и опредѣленіе къ этому мѣстоименію погибшее. Метафора „пристань вѣрная“, какъ истертая давнимъ обращеніемъ слѣпая монета, не являетъ нашему воображенію также никакой новой черты—и вотъ два стиха, едва задѣвъ наше ухо, смѣняются новыми:

Незримая рука, простертая надъ нами,
Ведетъ насъ къ одному различными путями;
Блаженство наша цѣль; когда мы къ ней придемъ—
Намъ Провидѣніе сей тайны не открыло.
Но рано-ль, поздно ли, мы радостно вздохнемъ;
Надеждой не вотще насъ небо одарило.

Вотъ важнѣйшая часть стихотворенія. Какая же, по крайней мѣрѣ, въ немъ мысль, если нѣтъ образовъ?— Та, что мы тамъ, у вѣрной пристани „вздохнемъ радостью“. Сумѣлъ ли поэтъ

---

[1]) „Вечеръ“.

дать почувствовать всю цѣпу этой радости?—Нисколько. Онъ разсуждаетъ, ходитъ вокругъ чувства, его наполняющаго, не находя формы, въ которую могъ бы отлить это чувствованіе. („Къ К. М. С—ой“ 1807).

Вотъ дѣвица поетъ пѣсню („Тоска по миломъ“). И ея жалоба имѣетъ форму размышленія:

„Жила и любила... и друга лишилась,“

повѣствуетъ она языкомъ мѣрной прозы, а затѣмъ строитъ даже и умозаключеніе:

Что было, не будетъ....
И бывшаго—сердце во вѣкъ не забудетъ....
Одна о минувшемъ тоска мнѣ осталась....

Почти столь же прозаическое изложеніе догматовъ любви видимъ въ длинномъ посланіи „къ Нинѣ“ (1807 г.):

Душа, отлетая въ незнаемый край,
Ужели во прахѣ то чувство покинетъ?
Что было въ семъ мірѣ предчувствіемъ неба,
Ужели то бездна могилы пожретъ?
Ахъ, самое небо мнѣ будетъ изгнаньемъ,
Когда для безсмертья утрачу любовь.
. . . .
О, Нина, я внемлю таинственный голосъ:
Нѣтъ смерти, вѣщаетъ, для нѣжной любви;
Возлюбленный образъ, съ душой нераз-
лучный,
И въ вѣчность за нею изъ міра летитъ—
. . . . вѣрой себя услаждай,
Что чувства нетлѣнны, что духъ мой съ тобою....

Посланіе кончается восклицаніемъ:

О, Нина, о, Нина! безсмертье намъ жребій....

VII.

„Кассандра". Связь этой баллады съ предъидущими произведеніями Жуковскаго.

Блѣдныя попытки оригинальнаго творчества не могли удовлетворять самого поэта. Изученіе нѣмецкихъ поэтовъ вызвало въ 1809 году вновь переводы изъ Гете („Моя богиня"), Матиссона („Филону") и Шиллера („Счастіе" и баллада „Кассандра").

Жуковскаго поразилъ образъ Кассандры. Его фантазія еще не встрѣчалась съ такой разительной картиной человѣческаго страданія, съ такимъ яркимъ изображеніемъ ужаса, который, вселившись въ душу человѣка, повергаетъ ее въ всепоглощающій хаосъ. Оно должно было до глубины души потрясти сердце нашего поэта, всѣмъ существомъ своимъ всегда такъ жаждавшаго душевной гармоніи.

Но Кассандра должна была вызвать вдвойнѣ состраданіе Жуковскаго. Она является въ чарующемъ величіи человѣка, неспособнаго малодушно топить запросы больной души въ чашѣ наслажденій: источникъ ея страданій—въ исключительности натуры избранной, силою бога вознесенной надъ „низостью настоящаго". Исключенная изъ круга людей вдохновеніемъ божественнаго всевѣдѣнія, но сама оставаясь человѣкомъ, Кассандра должна была привлечь Жуковскаго какъ образъ, изумительно краснорѣчивый для того, кто носитъ въ душѣ неотступную мысль объ исходѣ существованія въ мірѣ, въ „этой области изгнанія", низменныя радости которой не могутъ дать истиннаго счастія, и въ которой высокіе порывы души такъ мало кому нужны!

Видно, оптимизму Жуковскаго приходилось переживать тяжкія испытанія. Ниже мы ознакомимся съ этими испытаніями.

Наилучшее выраженіе вызваннаго ими элегическаго чувства находимъ въ «Посланіи къ Филалету» (Александру Ив. Тургеневу) еще въ 1807 году:

„Не знаю—но, мой другъ, кончины сладкій часъ
Моей любимою мечтою становится;
Унылость тихая въ душѣ моей хранится;
Во всемъ внимаю я знакомый смерти гласъ.
. . . .
Я сердцемъ сопряженъ съ сей тайною страной,
Куда насъ всѣхъ влачитъ судьба неодолима;
Томящейся душѣ невидимая зрима—
Повсюду вѣстники могилы предо мной.

Но какая противоположность съ Кассандрой! Поэтъ находитъ исходъ своему чувству:

Скажу-ль? Мнѣ ужасовъ могила не являетъ,
И сердце съ горестнымъ желаньемъ ожидаетъ,
Чтобъ Промысла рука обратно то взяла,
Чѣмъ я безрадостно въ семъ мірѣ бременился,
Ту жизнь, въ которой я столь мало насладился....

Неудивительно, что Бюргеръ нашелъ отзывъ въ его сердцѣ своимъ сильнымъ протестомъ противъ малодушнаго желанія снискать счастіе въ настоящемъ. Теперь, читая Шиллера, Жуковскій нападаетъ на другую, столь же драматическую картину этого настоящаго, отравленнаго навѣки и въ глазахъ нашего поэта.

На этотъ разъ вымыселъ Шиллера перенесъ его въ міръ языческій. Это особенно ярко должно было отмѣтить все значеніе будущаго, въ которомъ нашъ поэтъ ищетъ примиренія, нося тяжесть жизни его не удовлетворяющей. Для язычника это будущее не „пристань вѣрная, гдѣ все погибшее предъ нами оживетъ“; онъ лучше согласенъ быть поденьщикомъ на землѣ, нежели царемъ въ Аидѣ [1]).

---

[1]) Слова Ахиллеса Одиссею (Одисс.).

Будущее для него безотрадно, въ полномъ значеніи этого слова: вмѣсто надежды страдальца-христіанина страдалецъ-язычникъ испытываетъ только горькое сознаніе, что онъ исключенъ изъ числа рожденныхъ для наслажденія жизнію, а это наслажденіе—вѣдь его высшее благо.

Съ блестящей картины этого блага и начинается баллада Шиллера.

Въ Троѣ, въ домѣ Пріама торжество. Весь городъ предается ликованію. Поэтомъ избранъ тотъ моментъ троянской войны, когда деревянный конь Грековъ уже ввезенъ въ городъ. Всѣ Трояне убѣждены въ скоромъ окончаніи войны и предвкушаютъ давно желанный миръ. Съ этимъ общимъ торжествомъ Пріамъ соединяетъ свое семейное.

Обѣ первыя строфы представляютъ всеобщее упоеніе торжествомъ. Раздаются звуки лиръ; толпы юношей и дѣвъ идутъ въ храмъ въ праздничномъ убранствѣ, полные счастія. Въ живѣйшемъ контрастѣ съ ними—Кассандра. [1]) Удалившись въ священную рощу, она сбрасываетъ знаки своего жреческаго достоинства и произноситъ свой патетическій монологъ, занимающій почти всю балладу до послѣдней строфы ея. Она ясно видитъ гибель: не факелъ Гименея сверкаетъ передъ ея глазами, а тотъ, которому суждено зажечь Трою и обратить ее въ пепелъ. Ужасъ усиливается ея одиночествомъ:

---

[1]) Кассандра, или Александра—прекраснѣйшая дочь Пріама. Сервій такъ передаетъ о полученномъ ею дарѣ пророчества: Аполлонъ полюбилъ ее и, по ея просьбѣ, одарилъ ее даромъ предвѣдѣнія, но, отвергнутый ею, присоединилъ къ этому дару условіе, что предсказаніямъ ея никто не будетъ давать вѣры. (См. „Агамемнона“ Эсхила и Aen. II, 254.) Шиллеръ же представляетъ ее въ тихой скорби; несчастіе ея здѣсь не столько въ томъ, что ей не вѣрятъ, сколько въ самомъ ясномъ знаніи будущаго.

„И вотще мое желанье,
И печаль моя мнѣ стыдъ:
Лишь съ пустынями стенанье
Сердце сирое дѣлитъ.

. . . .

И спасу-ль ихъ, открывая
Близкій ужасъ ихъ очамъ?
Лишь незнанье—жизнь прямая,
Знанье—смерть прямая намъ.

. . . .

Я забыла славить радость,
Ставъ пророчицей твоей (Аполлона).
Слѣпоты погибшей сладость,
Мирный мракъ минувшихъ дней,
Съ вами скрылись наслажденья!
Онъ мнѣ будущее далъ,
Но веселіе мгновенья
Настоящаго отъялъ!

Она обращается къ своимъ прежнимъ страданіямъ: она не знала семейныхъ радостей среди своихъ ближнихъ, будущая скорбь которыхъ въ ея глазахъ заслоняла всѣ ихъ радости. Очарованія для нея не существовало. Свои воспоминанія она заключаетъ восклицаніемъ:

Ахъ! сколь жизнь тому ужасна,
Кто во глубь ея проникъ!

Теперь несчастная пророчица переходитъ къ сравненію положенія сестры своей Поликсены съ своимъ собственнымъ. И она была близка къ тому счастію, какое переживаетъ сестра ея, но счастіе любви, сблизившее ее съ прекраснымъ Коребомъ, загублено тѣмъ же невыносимымъ всевѣдѣніемъ [1]).

---

[1]) Сказаніе (которое находимъ у Виргилія) повѣствуетъ, что пророчица сама предсказала жениху смерть его; онъ палъ, защищая Кассандру (Aen. II, 406—426). Шиллеръ опустилъ это событіе. Достаточенъ намекъ на него:

„Брачный гимнъ не возгремитъ;
Вижу: грозно между нами
Тѣнь стигійская стоитъ“.

Дорогіе ея сердцу представляются ей уже отжившими тѣнями; привидѣнія окружаютъ ее:

Внемля радостные клики,
Внемлю ихъ надгробный вой.

Но не только смерть близкихъ видна ей; она видитъ и собственную гибель:

„Ты падешь, страна родная,
Я въ чужбинѣ гробъ найду [1]).

Монологъ прерывается внезапнымъ извѣстіемъ: „Палъ великій Ахиллесъ!“ [2]) Поэтъ не упоминаетъ о томъ, какъ совершилась гибель его, но спѣшитъ быстро заключить балладу этимъ внезапнымъ исходомъ событія. Въ послѣднихъ стихахъ баллады изображается сестра Ареса Эрида, потрясающая змѣями. (Змѣи вмѣсто волосъ заимствованы изъ Энеиды.). Такъ какъ змѣи аттрибуты фурій, то это подало поводъ Жуковскому замѣнить появленіе этой богини битвы — фуріями. Боги помчались къ небесамъ, потому что имъ извѣстно, что теперь наступилъ послѣдній часъ Трои. Картина мрачныхъ грозовыхъ тучъ, окутавшихъ Трою, заключаетъ балладу. Жуковскій замѣняетъ эту картину олицетвореніемъ:

И карающій громами (Зевсъ)
Грозно смотритъ на Пергамъ.

И такъ баллада Шиллера дала Жуковскому поводъ къ прежнимъ попыткамъ выразить всю сладость утѣшенія въ надеждѣ на будущее—прибавить новое, очень выразительное

---

[1]) Она погибла съ Агамемнономъ, которому доставлась при раздѣлѣ добычи по взятіи Трои, въ Микенахъ отъ рукъ убійцъ, подосланныхъ Эгистомъ.

[2]) Здѣсь Шиллеръ пользуется сказаніемъ Гигина, по которому Ахиллесъ былъ убитъ скрывшимся за колонною Парисомъ, когда посватался за Поликсену и пришелъ въ храмъ.

изображеніе — путемъ обратнымъ — всего ужаса страданія, происходящаго отъ неимѣнія никакихъ надеждъ. Язычница— жертва такого страданія — разительно даетъ чувствовать всю цѣну христіанскаго идеала нашего поэта.

Но это будущее, мысль о которомъ согрѣваетъ жизнь христіанина, указывая исходъ всякому страданію, лишь постольку имѣетъ благотворную силу, поскольку оно ему неизвѣстно. Откройся ему будущее, потеряй оно свою таинственность — и надежда, отлетѣвъ отъ человѣка, оставитъ его одному неутѣшному отчаянію.

Надежда на утѣшеніе въ будущемъ— вотъ одна черта того идеала, который начинаетъ слагаться у нашего поэта въ эту начальную эпоху его поэтическаго поприща: его даетъ чувствовать „Людмила"; надежда на утѣшеніе въ будущемъ невѣдомомъ—добавляетъ „Кассандра".

VIII.

„Громобой". Сличеніе его съ оригиналомъ.

Испытавъ силы на воспроизведеніи иностранныхъ піесъ для передачи всего ужаса тьмы, омрачающей душу, если ее не озаряетъ христіанская добродѣтель, Жуковскій для выраженія этихъ страданій задумалъ третью балладу, уже болѣе самостоятельную. Сюжетъ ея онъ заимствовалъ изъ романа Шписа: „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ" [1]). Баллада эта—„Громобой", впервые явившаяся подъ заглавіемъ этого романа. Черезъ 7 лѣтъ онъ прибавилъ къ ней вторую часть, подъ названіемъ: „Вадимъ". Прежнее заглавіе авторъ

[1]) Die zwölf schlafenden Jungfrauen, eine Geister-Geschichte v. Krist. Heinrich Spiess. I—III Th. Leipz. 1795—1796.

сохранилъ для обѣихъ балладъ, назвавъ первую „Громобоемъ". Какъ увидимъ, мысль „Громобоя" близка къ мысли „Кассандры". Такимъ образомъ въ трехъ первыхъ балладахъ Жуковскій вдохновленъ основными принципами добродѣтели: въ „Людмилѣ"—вѣрою, въ „Кассандрѣ" и „Громобоѣ" — надеждой. Вполнѣ отдаваясь руководству поэтическими образцами нѣмецкой музы въ двухъ первыхъ, Жуковскій въ „Громобоѣ" былъ болѣе предоставленъ собственнымъ силамъ.

„Двѣнадцать спящихъ дѣвъ" Шписа († 1799) принадлежитъ къ тѣмъ романамъ съ привидѣніями (Geister-Romane), которые въ изобиліи появились вслѣдъ за „Духовидцемъ" Шиллера. Вотъ содержаніе той его части, которою воспользовался поэтъ нашъ для „Громобоя".

„Въ то время, когда бо̀льшая часть Гельвеціи находилась подъ властію королей Нейстразіи"—такъ начинаетъ Шписъ романъ свой,—„жилъ у подошвы высокихъ горъ Аппенцельскихъ благородный и свободный рыцарь Гундвейль". Прежде онъ жилъ при дворѣ въ Мецѣ, привыкъ къ жизни роскошной и получилъ въ награду за свою службу необработанный участокъ; горячо взялся онъ за приведеніе его въ порядокъ — нанялъ работниковъ, выстроилъ замокъ, воздѣлывалъ землю,— но всѣ труды его пропадали даромъ: работники покидали его, а земля скудно вознаграждала всѣ труды, такъ что онъ съ женою едва имѣлъ необходимое пропитаніе. Между тѣмъ кругомъ всѣ сосѣди жили прекрасно, и не было конца пирамъ ихъ [1]). Это раздражало Гундвейля, и такъ какъ судьба оставалась неумолимой, то сталъ онъ пріискивать

---

[1]) „Всѣмъ людямъ жизнь отрада;
Тѣмъ злато, тѣмъ покой и честь,
А мнѣ сума награда" (Гром.)

средства получить возможность жить такъ же, какъ и прочіе благородные рыцари.

Не разъ слыхалъ Гундвейль, будто на высокой скалѣ, близъ его замка, на которой нѣкогда Алеманы приносили жертвы, является Сатана и одаряетъ богатствами, хотя и губитъ за то души жертвъ своихъ. Гундвейль отправился на эту скалу—и вотъ передъ нимъ является сѣдой старикъ, одѣтый въ козлиную кожу, съ дубиною въ рукахъ. Сначала Гундвейль принялъ его за пастуха, но потомъ разсудилъ, что и Сатана могъ явиться въ этомъ видѣ [1]). Онъ рѣшился спросить его, кто онъ. Старикъ пригласилъ его въ пещеру, но Гундвейль колеблется, предпочитая говорить съ нимъ тамъ, гдѣ встрѣтилъ его. Старикъ объясняетъ, какъ хорошо понимаетъ онъ положеніе бѣднаго Гундвейля, совѣтуетъ не слушать поповъ, которые только клевещутъ на него [2]); увѣ-

---

[1]) Готовъ онъ прянуть съ крутизны....
И вдругъ предъ нимъ явленье:
Изъ темной бора глубины
Выходитъ привидѣнье,
Старикъ съ щетинистой брадой (*испр.*: съ шершавой бородой),
Съ блестящими глазами,
Въ дугу согнутый надъ клюкой,
Съ хвостомъ, когтьми, рогами,
Идетъ, приблизился, грозитъ
Клюкою Громобою....
. . . . .
Кто ты? воскликнулъ Громобой,
Отъ страха цѣпенѣя.
— „Заступникъ, другъ, спаситель твой:
Ты видишь Асмодея“.
(*Асмодей*—библейскій духъ плотской любви).

[2]) „Ханжи причудники твердятъ:
Лукавый бѣсъ опасенъ.
Не вѣрь имъ, бредни! веселъ адъ;
Лишь въ сказкахъ онъ ужасенъ“.

ряетъ, что хотя онъ и проклятъ, и обреченъ на вѣчныя мученія, тѣмъ не менѣе носитъ въ себѣ стремленіе къ совершенству; хорошо сознаетъ, что миръ и радость заключаются только въ совершеніи добрыхъ дѣлъ, въ помощи нуждающимся. И вотъ для этой-то цѣли онъ собралъ обильныя сокровища, которыя скрылъ въ землѣ, и раздаетъ ихъ, находя награду въ той радости, которую доставляетъ нуждающимся. Слова эти подкрѣпляетъ онъ дѣломъ, вручая изумленному Гундвейлю пятьдесятъ червонцевъ, и изчезаетъ прежде, нежели Гундвейль успѣлъ поблагодарить его.

Полученныхъ денегъ однако же едва достало ему на то, чтобы кое-какъ привести въ порядокъ хозяйство, но устраивать праздники и пиры онъ все же не былъ въ состояніи, а между тѣмъ душа его алкала именно этихъ радостей. Снова пошелъ онъ на скалу и на этотъ разъ получилъ сто червонцевъ. Теперь, не медля, вступаетъ онъ въ кругъ веселыхъ сосѣдей, пьетъ, веселится съ ними и приглашаетъ въ свой замокъ. Но тутъ онъ сообразилъ, что скромный замокъ его слишкомъ малъ для такого множества гостей. Онъ рѣшился выстроить другой, обширнѣе, и отправился снова на скалу. Сатана и на этотъ разъ не отказалъ ему въ деньгахъ, но объявилъ, что если онъ попроситъ помощи еще разъ, то ему уже надо будетъ обратиться въ сокровищницу ада, стражъ котораго потребуетъ нѣкоторыхъ условій, и что условія эти ему, по всей вѣроятности, покажутся страшными. Поэтому онъ совѣтуетъ ему быть экономнѣе. Гундвейль готовъ исполнить совѣтъ благодѣтеля, но, увидѣвъ въ своихъ рукахъ 200 червонцевъ, забываетъ все, продолжаетъ разъѣзжать по сосѣдямъ, самъ задаетъ пиры и начинаетъ строить новый великолѣпный замокъ.

Еще замокъ не былъ оконченъ, какъ Гундвейль, къ прискорбію, замѣчаетъ, что кошелекъ его снова пустъ. А между

ПЕНЗА

тѣмъ всѣ сосѣди дивились великолѣпію постройки и съ нетерпѣніемъ ожидали дня его окончанія, когда хозяинъ назначилъ особое торжество. Гундвейлю не хотѣлось стать посмѣшищемъ всей округи, и онъ готовъ на все, чтобы только добыть денегъ. Отправившись вновь на скалу, онъ нашелъ Сатану грустно сидящимъ у входа въ свою пещеру. Причиною его грусти злая судьба, связавшая его съ падшими духами. Онъ объясняетъ, что былъ такъ счастливъ тѣмъ, что могъ оказать помощь нуждающемуся, но злые духи отравили эту радость. На вопросъ Гундвейля, развѣ онъ не старшій изъ духовъ ада, онъ отвѣчаетъ, что и адъ имѣетъ свои законы, которымъ монархъ его подчиняться долженъ наравнѣ съ другими; болѣе строгими сдѣлать эти законы онъ можетъ, но смягчить ихъ—права не имѣетъ. Деньги, приготовленныя имъ для Гундвейля, онъ вчера долженъ былъ отдать въ сокровищницу ада и не имѣетъ болѣе возможности помочь Гундвейлю. Тотъ спрашиваетъ, нельзя-ли повидаться съ хранителемъ адской сокровищницы и попросить у него нѣкоторую сумму, необходимую для окончанія замка, и проситъ проводить себя къ нему. „Безумный!“ восклицаетъ старикъ: „будешь-ли ты согласенъ уплатить тѣ проценты, которыя тамъ потребуютъ отъ тебя?“ Гундвейль согласенъ, если они будутъ умѣренны. „Такъ иди, и уничтожь твою постройку“, отвѣчаетъ ему старикъ. — «Этого я не хочу, да и не могу сдѣлать“, восклицаетъ Гундвейль. — «Дѣлай же то, отъ чего ты отказаться не въ силахъ», говоритъ старикъ: «займи золота изъ нашей сокровищницы, но отдай за это въ безвозвратный залогъ свою душу; утопай нѣсколько лѣтъ въ шумныхъ радостяхъ жизни, а потомъ и тѣло и душа твоя будутъ достояніемъ ада». Гундвейль удаляется въ ужасѣ. Но увидѣвъ свой великолѣпный замокъ и вспомнивъ, что рабочіе ждутъ жалованья, а сосѣди праздника, онъ не

въ силахъ признаться въ неимѣніи денегъ. Снова возвращается онъ къ Сатанѣ, ожидавшему его у пещеры. „Рѣшился ли ты“? спрашиваетъ тотъ. Содрогаясь, отвѣчаетъ ему Гундвейль: «да!». Сатана обязуется давать ему денегъ, сколько бы ни пожелалъ онъ, и когда бы ни пришелъ за ними въ теченіи десяти лѣтъ. Гундвейль проситъ двадцатилѣтняго срока, но Сатана неумолимъ. За десятьлѣтъ пользованія адскою сокровищницею онъ требуетъ соблюденія нѣкоторыхъ условій. „Что же потребуютъ отъ меня“? спрашиваетъ Гундвейль. „Тѣло и душу твою!“ отвѣчаетъ Сатана: „въ послѣднюю минуту десятаго года явлюсь я за тобою, уничтожу твое тѣло и отведу душу въ адъ, изъ котораго уже никто не спасетъ тебя [1])». Сатана прибавляетъ, что, конечно, и безъ этого договора все равно—быть Гундвейлю въ аду, при его жаждѣ къ богатству, порождающей всякіе пороки [2]), и совѣтуетъ спѣшить, потому что тысячи ждутъ у входа въ адъ. Гундвейль высказываетъ, что судя по такому множеству обращающихся къ Аду, трудно остаться въ томъ меньшинствѣ, которое убережется отъ адскихъ казней, и со-

---

[1]). „Клянусь... свидѣтель ада богъ,
Что клятвы не нарушу;
А ты, мой другъ, за то въ залогъ
Свою отдай мнѣ душу.“

. . . . . .

„И вотъ въ задатокъ кошелекъ.
Въ немъ вѣчно будетъ злато.
Но десять лѣтъ, не болѣ, срокъ
Тебѣ такъ жить богато.
Когда жъ послѣдній день отъ глазъ
Изчезнетъ за горою,
Въ послѣдній полуночи часъ
Приду я за тобою.“

[2]) „Но рано ль, поздно ль... наконецъ
Все адъ твоя награда!“

глашается подписать договоръ, но требуетъ золото впередъ. Сатана ведетъ его въ пещеру, и показывая груды золота, говоритъ ему, что ихъ стерегутъ незримые духи, которые удалятся немедленно, какъ только Гундвейль подпишетъ договоръ. Гундвейль заявляетъ, что не умѣетъ писать. Тогда Сатана вынимаетъ пергаментъ и спрашиваетъ, какъ зовутъ его. Узнавъ, что зовутъ его Георгіемъ, онъ говоритъ про себя, что рана, полученная отъ Георгія Побѣдоносца черезъ спину змѣя, все еще болитъ у него. Онъ приглашаетъ Гундвейля оцарапать кожу на указательномъ пальцѣ правой руки и подписать договоръ своей кровью. Гундвейль дрожитъ, будучи не въ силахъ исполнить это. Тогда Сатана самъ совершаетъ все и водитъ его рукою при подписаніи [1]). Онъ совѣтуетъ ему никогда не думать о будущемъ и вполнѣ предаться настоящему. Гундвейль требуетъ, чтобы золото доставлялось прямо въ его спальню. Сатана обѣщаетъ, что груда золота никогда не истощится, и даже въ послѣдній день десятаго года его будетъ столько же, сколько теперь; онъ ставитъ лишь условіемъ не строить церквей и монастырей, и не употреблять этихъ денегъ на какія либо другія богоугодныя дѣла,—иначе золото изчезнетъ безвозвратно. Гундвейль увѣряетъ его, что подобныя дѣла никогда и не приходили ему на умъ. Сатана разрѣшаетъ ему развратничать, грабить, убивать безнаказанно. Гундвейль высказываетъ страхъ за свою совѣсть, но Сатана успокоиваетъ его: чѣмъ сильнѣе будетъ она теперь тревожиться, тѣмъ ближе конецъ этимъ тревогамъ.

Совѣсть сильно мучила Гундвейля, но уступила мѣсто

---

[1]) Разрѣзавъ руку, написалъ
Онъ кровью обѣщанье;
Лукавый принялъ—и пропалъ,
Сказавши: до свиданья!

восторгу, когда онъ увидѣлъ въ своей спальнѣ груды золота. Онъ созвалъ сосѣдей, и пиршества возобновились; вино отгоняло мысли о будущемъ. Напрасно добрая жена его, смутно подозрѣвая источникъ этого богатства, упрекала, требовала разъясненій... онъ избилъ ее и прогналъ изъ зàмка. Она удалилась въ монастырь и вскорѣ умерла тамъ. Гундвейль силою увозилъ красавицъ, дѣтей отдаленныхъ рыцарей. Родители приходили въ отчаяніе, но ничего не могли сдѣлать: богатство Гундвейля было столь могущественно, что всѣ боялись его. Въ зàмкѣ его томилось болѣе пятидесяти дѣвицъ; не удивительно, что въ одинъ годъ родилось у него 12 прекрасныхъ дочерей [1]). Отъ жены у него дѣтей не было; родительскія чувства были ему дотолѣ неизвѣстны: поэтому сильно обрадовался онъ рожденію этихъ дочерей и въ трезвыя минуты любилъ окружать себя ими. Онъ любилъ ихъ нѣжно и не разъ воздерживался отъ преступленій предъ невинными ихъ просьбами [2]).

---

[1]) Возможно все въ его очахъ,
Всему онъ повелитель:
И сильнымъ бичъ, и слабымъ страхъ,
И хищникъ, и грабитель.
Двѣнадцать дѣвъ похитилъ онъ
Изъ отческой ихъ сѣни;
Презрѣлъ невинныхъ жалкій стонъ
И родственниковъ пѣни;
И въ годъ двѣнадцать дочерей
Имѣлъ отъ обольщенныхъ.

[2]) И былъ ужъ чуждъ своихъ дѣтей
И крови узъ священныхъ;
Но годъ оставленныхъ щитомъ
Былъ ангелъ ихъ хранитель:
Онъ далъ имъ пристань—Божій домъ,
Смиренія обитель.
Въ святыхъ стѣнахъ монастыря
Сокрылъ ихъ съ матерями...

Послѣ того дѣтей у него не было болѣе; его покинула жажда плотскихъ наслажденій; онъ отпустилъ плѣнницъ, наградивъ ихъ; въ замкѣ остались лишь матери тѣхъ 12-ти дочерей. Онъ предался всецѣло пьянству и обжорству, ежедневно устраивалъ новыя празднества, и ночи проходили въ пиршествахъ. Изъ далекихъ странъ выписывалъ онъ вина и яства [1]). Никогда никому не отказывалъ онъ въ ночлегѣ, кормилъ всякаго и даже одарялъ его на дорогу.

Одинъ изъ такихъ прохожихъ обратился къ дочерямъ Гундвейля съ какою-то просьбою, зная, что отецъ ни въ чемъ не отказываетъ имъ. Онѣ подошли съ своей просьбой къ отцу въ ту минуту, когда онъ только что пробудился отъ тяжкаго сна послѣ пьянства. Внезапно, со страхомъ взглянулъ онъ на нихъ и спросилъ старшую, сколько ей лѣтъ. Услышавъ, что ей уже 9 лѣтъ, онъ воскликнулъ: „Прежде нежели ты родилась, прошло болѣе девяти мѣсяцевъ!“ Онъ удалилъ дѣтей и сталъ лихорадочно припоминать, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ онъ въ роковой союзъ съ Сатаною.

Протекалъ уже послѣдній мѣсяцъ 10-го года. Совѣсть его проснулась съ страшною силой: ему уже представлялись муки ада, и въ первый разъ обратился онъ съ молитвою къ Богу, проливая горькія слезы раскаянія. Онъ отложилъ всѣ назначенныя празднества, призвалъ къ себѣ дочерей своихъ, исполнилъ ихъ просьбу, не отпускалъ отъ себя даже и ночью, надѣясь, что присут-

---

[1]) Съ заморскимъ выходы виномъ;
И рѣдкостей палата;
Пиры—хоть постъ, хоть мясоѣдъ;
Музыка роговая:
Для всѣхъ—чужихъ, своихъ—обѣдъ,
И чаша круговая.

ствіе ихъ отгонитъ всѣ мрачныя привидѣнія [1]). На слѣдующій день раздѣлилъ онъ груду червонцевъ на 12 частей и позвалъ къ себѣ матерей дѣтей своихъ. Онѣ давно уже не видали его, проводя дни свои въ молитвѣ. Моля ихъ простить его, онъ вручилъ имъ золото, но онѣ требовали своихъ дѣтей. Наконецъ онѣ согласились, построивъ монастырь, ждать тамъ ихъ послѣ смерти отца. Много слезъ пролили матери и дѣти при разставаніи. Послѣ ихъ ухода Гундвейль увидѣлъ, что куча золота не возобновилась болѣе: онъ принялъ это за благопріятный знакъ. Пиры прекратились, и онъ проводилъ время исключительно въ обществѣ невинныхъ дѣтей, надѣясь, что молитвы ихъ спасутъ его. Часто отправлялся онъ съ ними въ ближайшую церковь, гдѣ проводилъ цѣлые часы въ молитвѣ.

Наступилъ и послѣдній день десятаго года. Гундвейль содрогнулся, когда солнце скрылось за горами, а надвигающаяся ночь распростерла свои крылья надъ землею [2]). Въ отчаяніи рвалъ онъ на себѣ волосы, взывая къ дѣтямъ, прося ихъ не засыпать и молиться за него. Приближалась полночь; черныя тучи поднимались изъ-за горъ; сверкала молнія. Громъ и молнія свирѣпѣли часъ отъ часу; гроза надвигалась; совы и филины бились въ окна. Вдругъ страш-

---

[1]) Но вотъ... насталъ десятый годъ;
Уже онъ на исходѣ;
И грѣшникъ горьки слезы льетъ...
. . . . . .
И вспомнилъ онъ забытыхъ чадъ;
Къ себѣ ихъ призываетъ;
И мнитъ: „онѣ Творца смягчатъ;
Невиннымъ Богъ внимаетъ“.

[2]) И вотъ... насталъ послѣдній день;
Ужъ солнце за горою,
И стелется ночная тѣнь
Прозрачной пеленою...

ная молнія освѣтила всю окрестность; внезапно вспыхнула у Гундвейля погашенная свѣча—и среди комнаты явился Сатана [1]). Борода его была красная, лицо—темнобурое; каждая его черта выражала насмѣшку и злорадство; козлиная кожа покрывала его тѣло; огненныя змѣи вились въ волосахъ и страшно скалили свои зубы. Въ правой рукѣ держалъ онъ свитокъ пергамента, въ лѣвой — тяжелыя цѣпи. Въ ужасѣ Гундвейль бросился вмѣстѣ съ дѣтьми въ отдаленный уголъ комнаты, держа передъ собою одну изъ дочерей для защиты. Сатана спрашиваетъ его, вѣрно ли сдержалъ онъ свое слово, и требуетъ установленной платы.

Гундвейль умоляетъ дѣтей молиться за него, и самъ взываетъ: „О, Господи, помилуй меня!“ Сатана напоминаетъ ему, что всѣ осужденные грѣшники вопятъ непрестанно, но Вѣчный Судія справедливъ: Онъ ихъ не слышитъ и покидаетъ тѣхъ, кто покинулъ Его. Сатана описываетъ мученія ада: „Вѣчно отчаяніе будетъ терзать твое сердце; вѣчно ты будешь желать себѣ смерти, вѣчно будешь чувствовать страхъ смерти и однако же никогда не будешь въ состояніи умереть“ [2]). Гундвейль въ отчая-

---

[1]) Вотъ... каркнулъ воронъ на стѣнѣ,
Вотъ... стая ясовъ завыла;
И вдругъ... протяжно полночь бьетъ;
Нашли на небо тучи,
Рѣка надулась, боръ реветъ,
И мчится прахъ летучій.
Увы!... послѣдній страшный бой
Отгрянулъ за горами...
Гулъ тише... смолкъ... и Громобой
Зритъ бѣса предъ очами.

[2]) И миръ не будетъ твой удѣлъ!
Ты адово стяжанье!
Но время!... идутъ.... часъ приспѣлъ....
Внимай ихъ завыванье;

піи. Дѣти просятъ Сатану оставить отца и взять ихъ самихъ. Сатана задумывается и объявляетъ Гундвейлю, что еще есть одно средство спасенія: если онъ и дѣти его согласятся добровольно, то онъ можетъ продолжать жить и наслаждаться. Сатана превращается въ почтеннаго старца, объявляетъ себя побѣжденнымъ мольбами дѣтей и приглашаетъ ихъ слушаться его [1]). Дѣти рады превращенію и окружаютъ его. Сатана говоритъ Гундвейлю: „Ты отецъ ихъ, ты отдашь небу отчетъ въ ихъ дѣйствіяхъ. Если ты поклянешься, что будешь ихъ воспитывать для моего царствія, возбудишь въ нихъ грѣховныя желанія, раздражишь ихъ чувственность, постепенно приведешь ихъ къ пороку, то возобновлю съ тобою союзъ мой и продолжу срокъ". Гундвейль освѣдомляется, какъ продолжителенъ будетъ этотъ второй срокъ. Сатана говоритъ, что даетъ ему за каждую дочь по году. Гундвейль радуется двѣнадцати годамъ жизни и—соглашается. По требованію Сатаны, все это время дочери должны жить въ замкѣ, ѣсть только со стола его и присутствовать при всѣхъ оргіяхъ. Гундвейль согласенъ

Сошлись.... призывный слышу кличъ....
Ихъ челюсти зіяютъ!
Смола клокочетъ.... свищетъ бичъ...
Оковы разжигаютъ.

[1]) И усмиривъ грозящій взглядъ,
Сказалъ онъ Громобою:
—Я внялъ твоей печали гласъ;
Есть средство избавленья;
Покоренъ будь, иль въ адъ сейчасъ
На скорби и мученья.
Предай мнѣ души дочерей
За временну свободу,
И дамъ по милости своей
На каждую по году.
„Злодѣй! губить невинныхъ чадъ!"
—Ты медлишь? приступите!...

на все. „Если же хотя одна изъ нихъ удалится съ твоего вѣдома, не явится за столомъ твоимъ, и ты за это не взыщешь съ нея: то нашъ договоръ кончится—и я явлюсь за тобою“,—такъ требуетъ Сатана. Гундвейль согласенъ и на это.

Сатана: „И ребенокъ обладаетъ волею, а воля человѣка—свободна. И ребенокъ можетъ пасть и стать достойнымъ моего царства. У меня нѣтъ власти надъ этими малютками, (*Гундвейлю*) но власть дана тебѣ; поговори съ ними; онѣ должны подписаться добровольно, должны поклясться безъ принужденія, что въ продолженіи 12-ти лѣтъ будутъ во всемъ слушаться тебя и меня“.

Дѣти не понимаютъ этого требованія. Гундвейль объясняетъ имъ, что отцу продолжатъ жизнь на 12 лѣтъ, если онѣ согласятся умереть тогда вмѣстѣ съ нимъ. Дочери говорятъ, что онѣ и теперь, сейчасъ же готовы были умереть за него, не только черезъ 12 лѣтъ. Сатана недоволенъ Гундвейлемъ и требуетъ, чтобы онъ объяснилъ имъ, кто онъ такой, и куда поведетъ ихъ. Узнавъ Сатану, дѣти страшатся его. Отецъ разъясняетъ имъ условіе, по которому онѣ должны будутъ послѣдовать съ нимъ въ адъ. Онѣ возражаютъ, что вѣдь туда идутъ только злые, которые клянутся и не молятся, и что онѣ не хотятъ туда. Сатана хочетъ увлечь отца, потому что дочери отказываются спасти его. Одна изъ нихъ говоритъ, что хотя въ аду и пылаетъ страшный огонь, но, конечно, не будетъ жечь ихъ, такъ какъ онѣ рѣшаются поступить дурно по любви къ отцу. Всѣ съ нею соглашаются. Сатана вынимаетъ пергаментный свитокъ и требуетъ его подписанія. Жестокій отецъ, такъ недавно еще каявшійся изъ страха передъ будущимъ, подписываетъ съ радостію ужасный договоръ; дѣти слѣдуютъ его примѣру, съ трепетомъ уговаривая другъ друга и обѣщая отцу заливать водою адскій огонь, когда онъ будетъ страдать

въ немъ. По окончаніи этой ужасной сцены, Сатана свертываетъ свой свитокъ и торжествуетъ [1]). Гундвейль узнаетъ, что груда золота явилась снова и еще возрасла въ 12 разъ. Сатана вновь повторяетъ всѣ свои условія, требуетъ отъ дѣтей сохраненія въ тайнѣ всего происшедшаго; онѣ обѣщаются, и онъ изчезаетъ.

Измученныя дѣти засыпаютъ. Отецъ ихъ въ сильной борьбѣ съ совѣстью. Ему представляется то адъ съ отверзтой пастію, то Господь вѣчнымъ Судіею, требующимъ у него отчета за 12 его дочерей [2]). Наконецъ настаетъ утро, и онъ снова приказываетъ служителямъ своимъ растворить ворота замка и сзывать гостей.

Вся округа радуется перемѣнѣ. Въ замкѣ началась преж-

---

[1]) Чудовищъ адскихъ грозный сонмъ;
Бѣгутъ, гремятъ цѣпями,
И стали грѣшники кругомъ
Съ разверзтыми когтями.
И ницъ повергся Громобой,
Безчувственъ, полумертвый;
И вопитъ: „Страшный врагъ, постой!
Постой, готовы жертвы!“
И скрылись всѣ. Онъ будитъ чадъ ..
Онъ пишетъ ихъ рукою...
О, страхъ! свершилось... плещетъ адъ
И съ гордымъ сатаною.

[2]) ...Но жить, погибнувши душой,
Коль страшная отрада!
Влачи унылы дни, злодѣй,
Въ болѣзни ожиданья;
Веселья нѣтъ душѣ твоей,
И нѣтъ ей упованья.
Увы! и красный Божій міръ,
И жизнь ему постылы;
Онъ въ людствѣ дикъ, въ семействѣ сиръ;
Онъ вживѣ снѣдь могилы.

няя безпутная жизнь. Дѣтьми никто не занимается; отецъ требуетъ только ихъ присутствія за своимъ столомъ. Трепетныя являются онѣ туда и забиваются въ уголъ, не замѣчая всего позора, совершаемаго въ ихъ присутствіи, и оставляютъ свое убѣжище лишь по зову отца своего. Кающіяся ихъ матери пріучили дѣтей къ молитвѣ. Онѣ не забываютъ ея. Сердца ихъ остаются чистыми, не смотря на всѣ окружающія искушенія. Ихъ матери молились за нихъ и послали къ нимъ благочестиваго монаха, который нанялся въ служители замка и поддерживаетъ ихъ добродѣтель своими совѣтами. Цѣломудренныя дѣвы жили въ страхѣ Божіемъ и часто ходили въ церковь св. Галла, прося святаго защитить ихъ въ страшный день. Всѣ онѣ были красавицы, подобныя распустившимся розамъ [1]). Насколько всѣ боялись отца ихъ и проклинали одно его появленіе, настолько всѣ радовались имъ и благословляли ихъ. Добродѣтель и чистота ихъ душъ вызывали уваженіе самого преступника. Женихи сватались за нихъ, но отецъ отказывалъ имъ и окружалъ дочерей нечестивцами. Самыя добродѣтельныя пали бы въ виду ежедневныхъ искушеній, но этихъ дѣвъ подкрѣпляло ожиданіе страшной судьбы; онѣ не знали покоя, и искали утѣшенія въ одной молитвѣ. Молитва и спасла ихъ.

Всему бываетъ конецъ. Десять лѣтъ провелъ Гундвейль въ развратной жизни. Силы его истощились, и онъ сдѣлался боленъ. Дочери не отходили отъ одра его. Онъ увидѣлъ благочестивую жизнь ихъ, слышалъ ихъ молитвы и рѣшился послѣдовать имъ. Страхъ ли былъ тому причиною—

---

[1]) Какъ роза—благовонный цвѣтъ
Подъ сѣнію надежной
Онѣ цвѣтутъ; имъ скорби нѣтъ,
Ихъ сердце безмятежно.

неизвѣстно [1]). По ихъ совѣту, выстроилъ онъ великолѣпный храмъ. Въ главномъ его алтарѣ воздвигъ онъ прекрасную статую св. Галлу. Фигура святаго мантіею своею прикрывала старика-отца и двѣнадцать дочерей, стоящихъ у ногъ его на колѣняхъ, и взиралъ на нихъ, какъ бы обѣщая имъ милостиво свое заступничество. Гундвейль спѣшитъ окончаніемъ храма—и успѣлъ въ этомъ. Вся округа забыла о его злодѣяніяхъ и простила ему ихъ, видя его кротость и благодѣянія; его звали отцомъ бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ [2]).

Послѣдній день 12-го года онъ рѣшилъ провести съ

---

[1]) Но взоръ возвелъ онъ къ небесамъ
Въ душевномъ сокрушеньѣ,
И мнитъ: „Самъ Богъ вѣщаетъ намъ—
Въ раскаяньи спасенье!
Возносится предъ вышній тронъ
Преступниковъ степанье“...
И домъ свой обращаетъ онъ
Въ обитель покаянья:
Да странникъ тамъ найдетъ покой
Вдова и сирый—друга,
Голодный—сладку снѣдь, больной—
Спасенье отъ недуга.
. . . .
Идутъ толпы сиротъ и вдовъ....

[2]) И Божій онъ воздвигнулъ домъ,
Подобье свѣтла рая;
Обитель иноковъ при немъ
Является святая;
И въ той обители святой,
Отъ братіи смиренной
Увѣчный, дряхлый и больной,
И скорбью убіенный
Пріемлютъ именемъ Творца
Отраду, изцѣленье:
Да воскрешаемы сердца
Узнаютъ изцѣленье.

дочерями въ выстроенной имъ церкви, надѣясь, что туда Сатана не проникнетъ. Но страшная, мучительная болѣзнь сковала его и не дозволила ему даже быть перенесеннымъ въ церковь. Въ страхѣ и мученіяхъ принужденъ онъ ожидать конца своего [1]).

Сначала просилъ онъ своихъ дочерей молиться всю послѣднюю ночь въ церкви, но когда стало садиться солнце, онъ послалъ за ними, прося не оставлять старика-отца въ послѣдней борьбѣ. Благородныя дѣвы возвратились къ отцу, уповая на Всемогущаго и, погруженныя въ молитву, подошли онѣ къ окну его спальни. Солнце садилось все такъ же прекрасно; на небѣ не было ни одного облачка. Лучи заходящаго солнца золотили стѣны церкви; взоры ихъ приковались къ этому зрѣлищу [2]). Вдругъ видятъ онѣ, что отворяются двери церкви, ими передъ тѣмъ запертыя, и

И славный мастеръ призванъ былъ
Изъ греческаго края;
Онъ въ храмѣ ликъ изобразилъ
Святаго Николая (См. Соч. Ж. 1878. I, 492).
На той иконѣ Громобой
Былъ видимъ съ дочерями,
И на молящихся святой
Взиралъ любви очами.
И день и ночь огонь пылалъ
Предъ образомъ въ лампадѣ:
Въ златомъ вѣнцѣ алмазъ сіялъ
И перлы на окладѣ.

[1]) И вотъ.... недугъ низринулъ (*испр*: повергнулъ) злой
Его на одръ мученья.
И нѣтъ ужъ силъ ходить во храмъ
Къ иконѣ чудотворной....

[2]) Стеклися дѣвы, ясный взоръ
На небо устремили,
И въ тихій къ Провидѣнью хоръ
Сердца совокупили.

изъ нихъ выходитъ неизвѣстный старецъ, ликъ котораго чудно сіяетъ. На немъ длинная темная мантія. Онъ спускается съ возвышенія, на которомъ стояла церковь, и приближается къ замку [1]).

Сердца дѣвъ бились неудержимо. Онѣ узнали въ немъ св. Галла и полныя надеждъ повели его къ отцу [2]). Содрогнулся старецъ, увидѣвъ страдальца. Онъ подошелъ къ одру его и сказалъ: «Ты нечестивый, страшный грѣшникъ! Въ столѣтіе не рождается и одинъ, тебѣ подобный. Долготерпѣніе Господа и его безконечное милосердіе изсякло бы, если бъ многіе подобные тебѣ распространяли грѣхъ и пороки на землѣ и оскверняли воздухъ, созданный чистымъ волею Божіей». Гундвейль кается и выражаетъ опасеніе, что потерялъ уже право на милосердіе и благодать Господа, какъ бы неизмѣримы ни были они, какъ бы ни было велико Его всемогущество.

---

[1]) И тихо, тихо Божій храмъ
Отверзся.... Неизвѣстный
Явился старецъ дѣвъ очамъ;
И ликъ красы небесной,
И кротость благостныхъ очей
Рождали упованье;...
Одѣянъ ризою лучей,
Окрестъ главы сіянье,
Онъ не касался до земли
Въ воздушномъ приближеньѣ....
Предъ нимъ незримыя текли
Надежда и спасенье.

[2]) Сердца ихъ ужасъ обуялъ....
„Кто этотъ, въ славѣ зримый?
Но близъ одра уже стоялъ
Пришлецъ неизъяснимый.
И къ дѣвамъ прикоснулся онъ
Полой своей одежды,
И тихій во мгновенье сонъ
На ихъ простерся вѣжды.

„Милосердіе Его не знаетъ границъ“, говоритъ старецъ, „терпѣніе Его безконечно; Онъ слышитъ мольбу грѣшника такъ же, какъ и молитву невинныхъ“ [1]).

Гундвейлю блеснула надежда, но старецъ напоминаетъ ему о правосудіи Божіемъ. Гундвейль въ отчаяніи. Всѣ дѣти молятъ за отца, а старецъ возвращаетъ ему возможность двигаться. Несчастный повергается къ ногамъ Святаго и проситъ не о прощеніи грѣховъ своихъ, но о смягченіи наказанія.

„Неизвѣстный. Да, молись! Плоть твоя созрѣла для тлѣнія; нынѣ же ты долженъ окончить жизнь свою.

Гундвейль. Знаю, знаю я это, милосердый Боже! Лишь наказуй милостиво, лишь смягчи ужасное наказаніе!

Неизвѣстный. Надѣйся и страшись! [2]).

Гундвейль (*съ грустнымъ взоромъ указывая на дѣтей своихъ*). А эти? [3]).

---

[1]) На искаженный старца ликъ
Онъ кинулъ взглядъ укора,
И трепетъ въ грѣшника проникъ
Отъ пламеннаго взора.
„О, кто ты, грозный сынъ небесъ?
Твой взоръ мнѣ наказанье“.
Но страшный строгостью очесъ
Пришлецъ хранитъ молчанье....
„О, дай, молю, твой слышать гласъ!
Одно надежды слово!
Идетъ неотразимый часъ!
Событіе готово!“
Вы ликъ во храмѣ чтили мой,
И въ томъ изображеньѣ
Моя десница надъ тобой
Простерта во спасенье.
„Ахъ! что жъ могущій повелѣлъ?“

[2])—Надѣйся и страшися.

[3]) „Увы, какой насъ ждетъ удѣлъ?
Что жребій ихъ?“—„Молися“.

Неизвѣстный. Господь справедливъ, но онъ и милосердъ! Я увидѣлъ, что уже отчаяніе бушуетъ въ твоемъ сердцѣ, что оно приблизилось уже къ сердцамъ дѣтей твоихъ; я вознесъ молитву къ Богу, и онъ далъ мнѣ знакъ благосклонный. Надѣйтесь и страшитесь! Не допустите отчаянію уничтожить надежду въ страшные часы суроваго испытанія; лишь тотъ умираетъ безнадежнымъ, кто умираетъ въ отчаяніи! Когда наступитъ часъ полуночи, а съ нимъ рѣшеніе судьбы вашей, я опять приду къ вамъ. Не испытывайте болѣе: сказать болѣе мнѣ не дозволено. (*къ дѣвамъ*) Да подкрѣпитъ васъ Господь въ борьбѣ вашей! (*къ Гундвейлю*) Да даруетъ тебѣ Господь силы до конца!

Онъ изчезъ внезапно....“

Отецъ и дочери остались погруженными въ молитву. Передъ самой полночью старецъ вошелъ тихо и сталъ среди дѣвъ. Онѣ подняли отца съ пола, и всѣ вмѣстѣ обняли колѣна святаго, ликъ котораго былъ обращенъ къ двери.

„Земля начала колебаться, полъ дрожалъ, вихрь дико просвистѣлъ въ ушахъ ужаснувшихся; дверь сорвалась съ петель, и горя огнемъ вступилъ Сатана [1]). Старецъ стоялъ

И руки положивъ крестомъ
На грудь изнеможенну,
Предъ неиспытаннымъ Творцомъ
Молитву сокрушенну
Умолкшій проліялъ въ слезахъ,
И тяжко грудь дышала,
И въ призывающихъ очахъ
Вся скорбь души сіяла....

[1]) И близокъ часъ полночи былъ....
И ризою святою
Угодникъ спящихъ дѣвъ накрылъ,
Отступника—десною.
И устремленны на востокъ
Горѣли старца очи ...

неподвижно. Колѣнопреклоненныя дѣвы тѣснѣе примкнули къ нему. Сатана отшатнулся; гордая его поступь смѣнилась смиреніемъ, огонь погасъ; онъ отступилъ къ двери и остановился подлѣ нея [1]).

Сатана. Ужасный, надѣюсь, что ты не удостоишь твоей защиты осужденныхъ.

Старецъ (*распростерши мантію надъ колѣнопреклоненными*). Такимъ изобразили они меня въ алтарѣ для прославленія, такъ и охраняю я ихъ [2]).

Сатана. Они добровольно отдались мнѣ; они подписали, что отдаютъ свои души въ мою собственность; я требую ихъ теперь; они осуждены [3]).

Старецъ. Но онѣ еще живутъ, еще дышатъ! Создатель еще не произнесъ надъ ними приговора своего. Онѣ еще въ его десницѣ, онъ можетъ изречь послѣднее рѣшеніе согласно съ своимъ милосердіемъ [4]).

И вдругъ сквозь сонъ и мракъ глубокъ,
Въ пучинѣ черной ночи,
Завылъ протяжно вѣщій бой,
Окрестность съ нимъ завыла;
Вдругъ.... страшной молнія струей
Сводъ неба раздвоила,
По тучамъ вихорь пробѣжалъ,
И съ сильнымъ грома трескомъ,
Ревущей бурѣ, бѣсъ предсталъ,
Одѣянъ адскимъ блескомъ....

[1]) Но старца грознаго узрѣлъ—
Утихнулъ и смирился;
И вмигъ гордыни блескъ угасъ;
И, смутенъ, вопрошаетъ:
— Что, мощный врагъ, тебя въ сей часъ
Къ симъ падшимъ призываетъ?

[2]) „Я зрѣлъ мольбу ихъ предъ собой“.

[3]) — Они мое стяжанье.

[4]) „Передъ небеснымъ судіей
Всесильно покаянье“.

Сатана. Онъ правосуденъ,—я требую ихъ! [1]).

Старецъ. Онъ милосердъ,—я не уступаю ихъ! [2])

Сатана. Онъ далъ человѣку свободу воли, чтобы онъ поступалъ такъ, какъ считаетъ лучшимъ; онъ обѣщалъ судить по дѣламъ ихъ. Я требую ихъ!

Старецъ. Онъ обѣщалъ отпущеніе приносящимъ покаяніе, прощеніе кающимся! Я не уступаю ихъ! [3])

Сатана. Ихъ покаяніе ложное; ихъ раскаяніе — лишь слѣдствіе приближающейся смерти!

Старецъ. Развѣ ты назначенъ судьею надъ ними?

Сатана. Я не судья ихъ, а обвинитель!

Старецъ. Обвиняй же, я не могу воспрепятствовать тебѣ; Вѣчный услышитъ и произнесетъ судъ свой!

Сатана. Ты не въ правѣ быть ихъ защитникомъ.

Старецъ. Его милосердіе мнѣ дозволило это.

Сатана. Тогда пропадетъ мое стяжаніе! Я хочу поступить болѣе справедливо, нежели ты. Избери себѣ изъ нихъ половину тѣхъ, которыхъ незаслуженно взялъ ты подъ свою защиту; я удовольствуюсь остальными, и впередъ буду осторожнѣе.

Старецъ. Обвиняй,—я хочу защитить ихъ всѣхъ!

Сатана. Возьми 12 дѣвъ, которыя тебѣ сначала служили ревностно и возбуждали во мнѣ безсильную ярость и тебя привлекли къ заступничеству за нихъ. Бери ихъ,—отдай мнѣ старика, который созрѣлъ для осужденія болѣе, нежели кто-либо другой изъ смертныхъ.

Старецъ. Обвиняй,—я вымолю ему милосердіе Предвѣчнаго.

---

1) Онъ правъ—и я владыка имъ.

2) „Онъ благъ—я ихъ хранитель“.

3) Еще ко Благости не рекъ
Онъ въ гнѣвѣ: „удалися!“

Сатана. Нѣтъ, я не отступлюсь [1]).

Старецъ. Я не откажусь отъ него [2]).

Громъ, въ началѣ почти не слышный, вскорѣ загремѣвшій сильнѣе, нежели то могли произвесть силы ограниченной природы, прокатился теперь съ востока и распространилъ свои ужасныя молніи по всему небу. Сатана содрогнулся и опустился наконецъ въ корчахъ на землю; старецъ стоялъ, исполненный благоговѣнія, и воздѣлъ руки къ небу [3]). Ужасающій голосъ прозвучалъ сверху; колѣнопреклоненныя дѣвы пали безъ чувствъ на полъ. „Хочу произнести свой судъ“, сказалъ голосъ: „я внялъ мольбамъ достойныхъ наказанія; я простеръ мое ухо къ заступничеству моего святаго; хочу судить милосердно“ [4]).

---

1) — Изчезни, адъ неотразимъ.

2) „Отвѣтствуй, искупитель!“

3) И громъ съ востока полетѣлъ,
И бездну тучъ трикраты
Разсѣкъ браздами яркихъ стрѣлъ
Перунъ огнекрылатый;
И небо съ края въ край зажглось,
И застонало въ страхѣ,
И дрогнула земная ось....
И, воющій во прахѣ,
Творца грядуща слышитъ бѣсъ;
И молится Хранитель....
И грянулъ изъ среды небесъ
Глаголомъ Вседержитель.
(*Испр. по цензурнымъ соображеніямъ:*
И сталъ на высотѣ небесъ
Средь молній Ангелъ-мститель)

4) Гряду судить! и вѣчный судъ
Несетъ моя десница!
(*Испр.*: Гряду! и вѣчный Божій судъ
Несетъ моя десница).
Мнѣ казнь и благость предтекутъ.

Сатана (*извиваясь на полу*). Прискорбно мнѣ слышать это и не смѣть противорѣчить!

Голосъ. Велики злодѣянія преступника, безчисленны какъ песокъ морской его преступленія; велико наказаніе, котораго онъ достоинъ, неизмѣримы мученія (*Сатана привстаетъ улыбаясь*). Но я уничтожу память о нихъ, лишь соберу доброе сѣмя, которое онъ порою сѣялъ, взвѣшу сѣти искушенія, силу его чувственности, сладкій голосъ искусителя (*Сатана опускается скрежеща зубами*). Онъ достоинъ смерти,—да умретъ! [1])

(*Гундвейль борется со смертію и кончается*) [2]).

Память о немъ да живетъ на землѣ, да носится среди смертныхъ и предостерегаетъ преступниковъ отъ подобныхъ злодѣяній.

Старецъ. А душа его, милосердый Боже, что душа его?

Голосъ. Не должна предстать предо мною, обремененная столь тяжкими грѣхами.

Старецъ. Онъ раскаялся, онъ молилъ о благодати!

Голосъ. Но онъ не умилостивилъ меня, онъ долженъ страдать.

Старецъ. Но не вѣчно же?

Голосъ. Вѣрный служитель моего слова, ты требуешь слишкомъ многаго, но ради праведника я часто щадилъ грѣшника,—поступлю такъ и теперь. Онъ долженъ стра-

---

[1]) „Во прахъ, чадоубійца“!

[2]) О всемогущество словесъ!

Уже отступникъ тлѣнье;
Потухъ послѣдній свѣтъ очесъ,
Въ костяхъ оцѣпенѣнье;
И ликъ кончиной искаженъ,
И сердце охладѣло,
И отъ сомкнувшихся устенъ
Дыханье отлетѣло.

дать страшно и мучительно, но не вѣчно! Онъ долженъ надѣяться на искупленіе; оно возможно, но трудно [1]).

Старецъ. А эти? (*показывая на дѣвъ*).

Голосъ. Онѣ страшно согрѣшили, предавшись въ руки искусителя и не прибѣгая къ моей защитѣ; но онѣ были дѣти, онѣ были вынуждены хитростью искусителя; онѣ поступили такъ изъ любви къ чудовищу-отцу своему; онѣ остались чистыми и добродѣтельными среди грѣшниковъ; пощажу цвѣтъ ихъ жизни; онѣ не умрутъ.

Старецъ. Благодарю тебя, милосердый Отче, благодарю тебя!

Голосъ. Но ради живыхъ должно послѣдовать наказаніе за ихъ преступленіе. Онѣ будутъ жить, не будутъ старѣться, пока не приблизится время ихъ искупленія, которое я предназначаю совершить лишь одному изъ смертныхъ [2]). Онѣ предались дерзко и преступно могуществу гнуснѣйшаго изъ моихъ духовъ, — я сокращу это могущество,

---

[1]) И праху обладатель адъ,
И гробу отверженье,
Доколь на погубленныхъ чадъ
Не снидетъ искупленье.
. . . . . .
И низойдетъ тогда (когда явится искупитель) покой
Къ могилѣ искупленной,
И будетъ миръ въ его костяхъ;
И претворенный въ радость,
Творца постигнувъ въ небесахъ,
Речетъ: Господь есть благость!“

[2]) И будутъ спать: и къ нимъ вѣка
Въ полетѣ не коснутся,
И пройдетъ тлѣнія рука
Ихъ мимо, и проснутся
Съ неизмѣнившейся красой
Для жизни обновленной.

но не уничтожу, ради предостереженія другимъ. Онъ долженъ сохранить силу, дабы назначить условіе ихъ искупленія.... (*Старцу*). Когда появится испытанный искупитель, и дѣвы начнутъ жить снова, тогда умилостивлюсь я и къ осужденному; если же никогда не явится спаситель ихъ, то имъ суждено будетъ ожидать того дня, въ который я приду судить весь родъ человѣческій....

Снова раздался громъ и снова затихъ на востокѣ. Гундвейль лежалъ мертвый, и дѣвы плакали надъ нимъ“.

Старецъ спрашиваетъ Сатану, слышалъ ли онъ волю благаго Судіи; требуетъ свитокъ, разрываетъ его и задаетъ вопросъ объ условіяхъ, при которыхъ явится избавитель. Сатана обѣщается сказать ихъ лишь черезъ нѣсколько столѣтій. Старецъ грозитъ ему жалобою на него. Сознаваясь, что не можетъ бороться съ Богомъ, Сатана намѣренъ начать борьбу съ Святымъ Его, чтобы разрушить дѣло спасенія. Ссылаясь на повелѣніе Божіе, чтобы дѣвы жили, но живы не были и спали бы до дня своего освобожденія, Сатана требуетъ отъ святаго старца, чтобы онъ прекратилъ вопли ихъ надъ трупомъ отца. „Да совершится воля Вѣчнаго“, говоритъ старецъ—и дѣвы опускаются на полъ и погружаются въ сонъ. Но дабы люди видѣли наказаніе за преступленіе, каждая изъ дѣвъ должна все время ожиданія ходить тихо и грустно по стѣнамъ замка, отъ одного полнолунія до другаго, уступая затѣмъ свое мѣсто другой сестрѣ. Сатана соглашается, и старецъ обѣщается удалить изъ замка всѣхъ живущихъ въ немъ, возвысить его стѣны и запереть ворота, чтобы никто не входилъ туда до появленія избавителя или до страшнаго суда, и вновь спрашиваетъ объ условіяхъ избавленія.

Сатана опредѣляетъ затѣмъ весьма сложныя условія случайнаго рожденія избавителя, напоминающія вымыслы ита-

ліанскихъ новеллъ, изъ которыхъ почерпнулъ подобное же содержаніе Шекспиръ для своей комедіи: „Все то хорошо, что̀ хорошо кончилось“. Старецъ, выслушавъ эти условія, восклицаетъ:

— Но вѣдь это противорѣчіе!

Сатана. Дай мнѣ окончить. Непостижимый предоставилъ мнѣ это. Избавитель долженъ родиться въ стѣнахъ монастырскихъ, и мать его заплачетъ и отшатнется, увидѣвъ плодъ чрева своего. Отецъ проклянетъ часъ своего рожденія и поблѣднѣетъ при извѣстіи о рожденіи сына.

Старецъ. Ты требуешь противоестественнаго и невозможнаго.

Сатана. Этотъ сынъ возрастетъ и будетъ отрокомъ, а потомъ и юношей; не ранѣе 24-хъ лѣтняго возраста можетъ онъ начать дѣло избавленія. Онъ не долженъ знать ни отца, ни матери, и никогда не долженъ говорить съ ними. Чистый душою, цѣломудренный [1]), не зная женщины и не желая ея, долженъ онъ начать свой путь къ замку, и не прежде долженъ онъ достигнуть замка, какъ многія прекрасныя дѣвы почувствуютъ къ нему любовь и предложатъ ему свою руку и сердце. Ничто не должно препятствовать ему полюбить въ свою очередь, но какъ бы свободно, какъ бы сильно ни любилъ онъ, ему необходимо отказаться отъ предлагаемаго союза. Путь его долженъ быть оконченъ въ

---

[1]) У Жуковскаго условія искупленія назначаетъ самъ Божій Судія; вотъ они всѣ:

И тотъ, кто чистъ душою,
Кто, ихъ не зрѣвши, распаленъ
Одной изъ нихъ красою,
Придетъ, житейское презрѣвъ,
Въ забвенну ихъ обитель,
Есть обреченный спящихъ дѣвъ
Отъ неба искупитель“.

продолженіи 12 лѣтъ.... Самъ ты не долженъ содѣйствовать его рожденію, не долженъ ускорять его. Оно должно произойти безъ твоего вліянія, только благодаря случаю, и ты не долженъ быть виновникомъ этого случая.

Старецъ. Кончилъ ли ты?

Сатана. Нѣтъ еще. Я имѣю еще кое-какія условія и сейчасъ изложу ихъ. Никогда не долженъ ты открывать ему его назначенія: ни словомъ, ни чрезъ изображеніе, ни во снѣ не долженъ ты разоблачать исторію 12 дѣвъ, и лишь одинъ разъ, когда ему исполнится 24 года, можешь ты явиться ему и открыть, что его ждутъ 12 страждущихъ дѣвъ. Ты можешь привлечь его, но воля его должна остаться свободна слѣдовать за тобою или отстраниться. Впрочемъ, я буду великодушнѣе, нежели ты того ожидаешь, и не буду вмѣшиваться въ его воспитаніе; но какъ скоро ты вызовешь его на путешествіе и поведешь къ замку, — я въ правѣ отвлекать его отъ этого пути; моею заботою будетъ познакомить его съ тѣми дѣвами, которыя почувствуютъ къ нему любовь и предложатъ союзъ съ нимъ“.

На вопросъ старца, какая же награда ожидаетъ того, кто совершитъ всѣ эти дѣла, въ одно и то же время возможныя и невозможныя, Сатана предлагаетъ старцу самому назначить эту награду—и тотъ назначаетъ ему въ жены одну изъ спящихъ дѣвъ. Всѣ неправедно добытыя богатства замка должны по праву сдѣлаться его достояніемъ,—и всю остальную жизнь проведетъ онъ въ блаженствѣ. Сатана соглашается, но ставитъ условіемъ, чтобы освободитель не зналъ объ этой наградѣ.

Когда искуситель изчезъ, старецъ сошелъ къ жителямъ замка и разсказалъ имъ о странномъ событіи. На другое утро, слѣдуя за гробомъ Гундвейля, услышали они, какъ

закрылись ворота замка и превратились въ утесъ. Поднялись вокругъ замка стѣны [1]). Въ первое же полнолуніе видѣли дѣву, грустно и тихо ходящую по стѣнѣ. Она кланялась каждому прохожему, но если съ нею заговаривали, она глубоко вздыхала въ отвѣтъ и удалялась молча. Когда наступало новолуніе, то другая дѣва смѣняла первую. При встрѣчѣ онѣ обнимались и разставались со слезами [2]).

---

[1]) И грянулъ въ гробъ ужасный млатъ,
И взятъ ужъ гробъ землею,
И ликъ воспѣлъ: усопшій братъ,
На вѣки миръ съ тобою!
И вотъ и старъ, и младъ пошли
Обратно въ домъ печали;
Но вдругъ предъ ними изъ земли
Вкругъ дома грозно встали
Гранитны стѣны—верхъ зубчатъ,
Бока одѣты лѣсомъ—
И, стрянувшись, затворы вратъ
Задвинулись утесомъ.

[2]) Но въ часъ, когда поля заснутъ,
И мглой земля одѣта
(Между торжественныхъ минутъ
Полночи и разсвѣта),
Одна изъ спящихъ возстаетъ,
И странникъ одинокой
Свой срочный начинаетъ ходъ
Кругомъ стѣны высокой;
И смотритъ въ даль, и ждетъ съ тоской;
„Приди, приди, спаситель!“
Но даль покрыта черной мглой....
Нейдетъ, нейдетъ спаситель!
Когда жъ исполнится луна,
Чреда приходитъ смѣны;
Въ урочный часъ пробуждена,
Одна идетъ на стѣны,
Другая къ ней со стѣнъ идетъ,
Встрѣчается и руку,

Могила отца была въ нечистотѣ; видали и его самого горько плачущимъ близъ церкви. Цѣлыхъ 600 лѣтъ видѣли все это; всѣ молились за ихъ спасеніе, но оно не наступало.

Мы изложили здѣсь $60^1/_2$ страницъ перваго тома романа Шписа, которые дали содержаніе „Громобою“ Жуковскаго.

Въ приложеніи (II) мы нарочно довольно подробно пересказали содержаніе и остальной части романа, чтобы читатель видѣлъ, какъ далекъ нашъ поэтъ отъ всѣхъ пріемовъ нѣмецкаго романиста, и какъ онъ изъ пестрой смѣси самыхъ разнообразныхъ приключеній, разсчитанныхъ на вкусъ, притупленный чудовищными рыцарскими и разбойничьими романами; какъ изъ непрерывной цѣпи сценъ, то ужасныхъ, то чувственныхъ, и всегда грубыхъ, онъ съумѣлъ, лишь слегка заимствуя основу событія, создать небольшую балладу, которая, въ сравненіи съ оригиналомъ, невольно поражаетъ насъ и простотою своего построенія, и изяществомъ языка, и мѣрою въ освѣщеніи изображаемаго, и выдержаннымъ тономъ, который сообщается всему разсказу нравственно-религіозною мыслію, положенною въ его основаніе.

Съ другой стороны, напрасно стали бы мы искать въ „Громобоѣ“ живой характеристики дѣйствующихъ лицъ и изображенія бытовой обстановки, хотя средства баллады могли бы въ извѣстной степени удовлетворить этимъ требованіямъ: примѣромъ могутъ служить гораздо болѣе сжатыя баллады Шиллера; Жуковскій не идетъ далѣе самыхъ об-

---

Вздохнувъ, пришелицѣ даетъ
На долгую разлуку;
Потомъ, къ почіющимъ сестрамъ,
Задумчива, отходитъ,
И та печально по стѣнамъ
Одна до смѣны бродитъ.

щихъ очерганій изображаемыхъ лицъ и предметовъ. Событія едва пріурочены къ опредѣленному мѣсту, а время забыто совершенно. Этимъ поэтъ освободилъ себя отъ деталей, которыми характеризовалась бы извѣстная общественная среда, вѣкъ, черты быта, сословій и т. п. И дѣйствительно: къ какому вѣку принадлежитъ эта неопредѣленная личность Громобоя? Подъ покровомъ преданія о событіи давно минувшемъ, эта баллада не заботится объ обстановкѣ своего героя. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ читатель ожидаетъ подробностей ея, напр. въ изображеніи богатой жизни героя, онъ встрѣчаетъ лишь такія общія выраженія, какъ: „счастіе полилось рѣкой“, „домъ разубранъ какъ княжескій“, „подвалы полны золота“, „заморское вино“, „палата рѣдкостей“, „пиры“. Другая житейская среда, выведенная въ балладѣ, среда монастырская, въ изображеніи Жуковскаго также не имѣетъ ничего характеристичнаго для русскаго преданія. Не смотря на очевидное намѣреніе автора придать разсказу колоритъ русскій (Аппенцельскія горы Шписа замѣнены здѣсь приднѣпровской мѣстностью), и церковной обстановкѣ сообщить характеръ православный (статуя св. Галла замѣнена иконою угодника),—ему не удалось это. Упоминаемые въ строфѣ 12-й ониміамъ кадильницъ, пѣніе дочерей Громобоя, а также построенная имъ въ пору покаянія обитель, гдѣ славный мастеръ изобразилъ ликъ угодника, а передъ нимъ самого Громобоя съ его 12-ю дочерьми—скорѣе приличны обстановкѣ швейцарскаго кантона, нежели нашимъ древнимъ обычаямъ приднѣпровской Руси. То же должно сказать и о благодѣтельномъ колокольчикѣ, руководящемъ новгородскаго юношу въ его подвигѣ, составляющемъ предметъ второй половины „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ“. Затѣмъ эти вѣка, предназначенные дочерямъ грѣшника и

ему самому для ожиданія избавленія, согласнѣе съ католическимъ ученіемъ о чистилищѣ, нежели съ православнымъ ученіемъ прямаго возмездія. Наконецъ гранитныя стѣны съ зубчатымъ верхомъ — созданіе фантазіи, болѣе приличное странѣ, украшенной развалинами рыцарскихъ зàмковъ, нежели степямъ Украйны.

Ту же неопредѣленную общность замѣчаемъ и въ чертахъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, и въ рѣчахъ ихъ. Терзаемый ожиданіемъ роковой развязки, отецъ обращается къ дочерямъ съ такою рѣчью:

Несчастныя! дерзну-ль на васъ
Изречь благословенье?
И въ самой вѣчности для насъ
Погибло примиренье!
Но не сопутствуйте отцу
Съ проклятіемъ въ могилу;
Молитесь; воззовемъ къ Творцу:
„Разгнѣванный, помилуй“!

Едва замѣтная кое-гдѣ попытка держаться русской народной рѣчи, еще болѣе оттѣняетъ своей противоположностью книжныя выраженія высокаго слога [1]):

---

[1]) Такъ служитель Громобоя, желающаго добрыми дѣлами искупить свое паденіе, сзываетъ въ домъ его прохожихъ словами; „есть хлѣбъ-соль“, взятыми изъ народной рѣчи; за ними тотчасъ же слѣдуютъ слова книжныя: „мягко ложе“. Самъ авторъ впослѣдствіи мѣстами стараясь упростить языкъ баллады, уничтожилъ нѣкоторые славянизмы: такъ стихъ: „Почто жъ задумался, глупецъ?“ замѣнилъ онъ стихомъ: „О чемъ задумался“.. вмѣсто: „Отринуто моленье“ написалъ „Напрасное моленье“; вм.: „Предать геенской ночи“—„Предать ихъ адской ночи“; вм.: „На части развлеките“—На части разорвите“;—вм.: “Лишь взоръ онъ мещетъ“...—„Взоръ стремитъ“; вм.: „Воскриліемъ одежды“—„Полой своей одежды“, вм.: „гдѣ зрѣлись прежде Божій храмъ и иноковъ обитель“—„гдѣ древле окружала храмъ отшельниковъ обитель.

Психологическій анализъ героя не глубокъ. Всѣ переливы его чувствъ въ теченіи всей баллады, въ которой—должно замѣтить—нѣтъ недостатка въ драматизмѣ, сводятся къ четыремъ чувствованіямъ: унынію, когда Громобой приходитъ къ мысли о самоубійствѣ, тяготясь своей бѣдностью; страху при видѣ злаго духа; тоскѣ при приближеніи роковаго срока, и нравственной тревогѣ во все продолженіе отсрочки, данной ему злымъ духомъ за души дочерей. Два послѣднія чувства удались Жуковскому лучше другихъ. Нельзя не замѣтить, что положеніе Громобоя, знающаго свое будущее, вслѣдствіе чего всѣ радости жизни для него отравлены, имѣетъ большое сходство съ положеніемъ Кассандры.

Для выраженія тревогъ Громобоя, Жуковскій очень удачно воспользовался Шиллеровыми антитезами: какъ въ Кассандрѣ поэтъ противуполагаетъ героиню „мертвую душой“ жизни и очарованію окружающихъ: такъ здѣсь Громобой является угрюмымъ зрителемъ веселыхъ пировъ. Здѣсь даже болѣе развито изображеніе этого состоянія, потому что оно усложнено угрызеніями совѣсти. Жуковскій прибѣгаетъ къ сопоставленію душевнаго состоянія своего героя съ красотами природы. Природа (26 строфа) изображена идиллическими красками — непосредственно передъ тою строфою, гдѣ представленъ „угрюмый зритель пировъ“, сидящимъ въ своемъ мрачномъ домѣ:

И страшенъ день, и ночь страшна;
    И тѣни гробовыя –
Онъ всюду слышитъ грозный вой;
    И въ часъ глубокой ночи
Бѣжитъ одра его покой,
    И сонъ забыли очи.

Какъ видъ счастливой Поликсены только раздражаетъ Кассандру, такъ видъ „прелестныхъ юныхъ чадъ“ только

„сугубитъ муки“ Громобоя; какъ Кассандра видитъ въ будущемъ только „раннiй гробъ“, такъ Громобой—„отверзту видитъ вдалекѣ пучину адской ночи“. Подобно Кассандрѣ, оплакивающей свое будущее, въ которомъ для нея

Брачный гимнъ не возгремитъ,

Громобой тоскуетъ о судьбѣ дочерей, для которыхъ

Не брачныя зажгутъ,
А погребальны свѣчи,

и которыя пойдутъ

Не въ Божiй, гимновъ полный храмъ.

Для изображенiя мрачной игры его фантазiи, когда она спѣшитъ представить ему наступленiе послѣдней ночи, Жуковскiй воспользовался прiемомъ Гете въ его извѣстной балладѣ „Лѣсной царь“, впослѣдствiи также имъ переведенной, гдѣ возбужденное воображенiе ребенка видитъ призраки въ явленiяхъ природы, и старикъ - отецъ старается разогнать его пугливыя грезы. Жуковскiй изображаетъ тоску Громобоя въ подобномъ же дiалогѣ его съ дочерьми:

„О дѣти, дѣти, гаснетъ день“...
— Нѣтъ, утро; лишь проснулась
Заря на холмѣ; черна тѣнь
По долу протянулась;
И нивы пусты... въ высотѣ
Лишь жаворонокъ вьется! (45 стр.)
„О дѣти, дѣти, ночь близка“...
—Лишь полдень наступаетъ;
Пастухъ у водъ для холодка
Со стадомъ отдыхаетъ;
Молчатъ поля; въ долинѣ сонъ;
Пылаетъ небо знойно.
„Мнѣ чудится надгробный стонъ“!
—Все тихо, и спокойно;
Лишь свѣжiй вѣтерокъ, порой
Подъемлясь съ поля, дуетъ;
Лишь горлица (*испр.*: иволга) въ глуши лѣсной
Повременно тоскуетъ.

И далѣе:

„Не тмится ль, дѣти, неба сводъ?
Не мчатся ль черны тучи?
Не вздулъ ли вихорь бурныхъ водъ?
Не вьется ль прахъ летучій“?
—Все тихо... служба отошла;
Обитель засыпаетъ;
Луна полнеба протекла,
И Божій храмъ сіяетъ
Одинъ съ холма...

Но наиболѣе драматическіе моменты баллады, а именно колебаніе Громобоя и душевная борьба при первомъ искушеніи его—не нашли развитія у Жуковскаго. Между тѣмъ они могли бы дать богатое содержаніе поэту. Громобой едва произноситъ безцвѣтныя слова:

„Страшусь мученій ада“,
А за тѣмъ, послѣ новыхъ убѣжденій Духа—
Сталъ думу думать Громобой,
Подумалъ, согласился...

Вотъ и вся борьба Громобоя.

Итакъ и въ первой самостоятельно обработанной балладѣ Жуковскаго сказались важнѣйшія особенности его таланта: наклонность къ выраженію элегическихъ чувствъ въ ущербъ драматическимъ моментамъ повѣствованія.

Произведеніе отражаетъ невольно личность поэта. И дѣйствительно, какъ въ поэзіи Жуковскаго мы замѣчаемъ натуру, болѣе склонную къ сосредоточенному страданію, такъ и въ жизни онъ является замкнутымъ носителемъ горя, не бросаясь въ борьбу съ тѣми, кто поражаетъ его горемъ.

Всего болѣе это выразилось въ исторіи любви его.

IX.

Жизнь въ собственной деревнѣ.—Планъ самообразованія.—„Эпимесидъ“. — „Ивиковы журавли“. — „Надпись къ солнечнымъ часамъ“. —„Мечты“.—Любовь Жуковскаго.—„Имя гдѣ для тебя“?—„Жалоба.“—„Узникъ къ мотылку“.—„Посланіе къ Батюшкову“.

Въ концѣ 1809 года, оставивъ изданіе „Вѣстника Европы“, редакторомъ котораго еще считался и въ 1810 году, и передавъ его Каченовскому, Жуковскій возвратился въ Мишенское. На завѣщанныя ему Бунинымъ деньги купилъ онъ небольшое имѣніе, смежное съ Муратовымъ Екатерины Аѳанасьевны Протасовой, и поселился тамъ.

Одно стихотвореніе живо рисуетъ намъ этотъ Tusculum нашего поэта. Не видавъ дома Батюшкова, которому позже писалъ онъ отсюда посланіе (въ маѣ 1812 г.), Жуковскій представилъ въ немъ своего друга въ собственной своей обстановкѣ. Его примѣчаніе къ посланію („не видавши твоего дома, я описалъ свой“), даетъ намъ право видѣть въ этой картинѣ домикъ самого Жуковскаго:

Укромный домикъ твой
Не златомъ—чистотой
И свѣтлостью плѣняетъ;
Въ окно твое влетаетъ
Цвѣтовъ пріятный духъ;
Террасъ предъ нимъ дерновый
Узорный полукругъ;
Тамъ ландыши перловы,
Тамъ розовы кусты,
Тюльпанъ, нарцисъ душистый,
И тубероза—чистой
Эмблема красоты,
Съ роскошнымъ анемономъ.
Едва примѣтнымъ склономъ
Твой сходитъ садъ къ рѣкѣ;

Шумитъ не вдалекѣ
Тамъ мельница смиренна:
Съ колесъ жемчужна пѣна
И брызговъ дымъ сѣдой;
Мелькаетъ надъ рѣкой
Веселая купальня,
И гость изъ края дальня
Уютный домикъ свой
Тамъ швабскій гусь спесивой
На островѣ, подъ ивой,
Межъ дикою крапивой
Безпечно заложилъ.

Досугъ свой Жуковскій проводитъ теперь то въ Муратовѣ у Протасовыхъ [1]), то за 40 верстъ оттуда въ Черни, орловскомъ имѣніи одного богатаго любителя искусствъ А. А. Плещеева. У него завязались даже дружескія связи съ этимъ музыкантомъ, поэтомъ и отличнымъ чтецомъ вслухъ. На домашнемъ театрѣ Плещеева игрались комедіи и оперы сочиненія самого хозяина; Жуковскій велъ съ нимъ дружескую стихотворную переписку.

Попытки педагогической дѣятельности при обученіи Протасовыхъ, редакторство журнала, литературная работа, все болѣе и болѣе расширяемая, не могли не давать чувствовать Жуковскому всю недостаточность его собственнаго образованія. Мужавшій талантъ поэта не мирился съ полуобразованностію и диллетантизмомъ, съ которыми, къ сожалѣнію, и лучшая школа того времени оставляла своихъ питомцевъ. Онъ принимается теперь на свободѣ пополнять свое образованіе.

Онъ строго распредѣлилъ часы занятій. А. И. Тургеневъ служилъ ему коммиссіонеромъ по высылкѣ нужныхъ книгъ изъ Москвы. Изъ откровенной переписки съ нимъ мы узна-

[1]) Жуковскій лѣтъ черезъ 15 такъ вспоминалъ это время: „То была поэтическая жизнь, и только тогда я былъ поэтомъ“. (Соч. VI. 513).

емъ, что особенно его озабочивало. „Entre nous soit dit“, пишетъ онъ Тургеневу, „я совершенный невѣжда въ исторіи. Неправда ли, что въ этомъ отношеніи наша переписка нѣсколько далека отъ Миллеровой [1]) съ Бонстеттеномъ. Онъ въ 20 лѣтъ предвидѣлъ политическія перемѣны міра“...„Исторія изъ всѣхъ наукъ самая важнѣйшая; важнѣе философіи, ибо въ ней заключена лучшая философія»...«Для литератора и поэта исторія необходимѣе всякой другой науки: она возвышаетъ душу, расширяетъ понятіе и предохраняетъ отъ излишней мечтательности» [2]).

Планъ Жуковскаго относительно исторіи, по его обыкновенію, весьма обширенъ (не забудемъ упрекъ, сдѣланный ему Мерзляковымъ, который былъ лучше знакомъ съ требованіями научныхъ занятій,—что Жуковскій берется за многое). Онъ собирается прочитать всѣхъ классиковъ-историковъ. Но самъ чувствуетъ, что одного чтенія ему недостаточно: онъ видитъ необходимость составить себѣ „общій планъ всѣхъ происшествій въ связи“. Для этого составлялъ онъ синхронистическія таблицы по Габлеровымъ таблицамъ, сопровождая эту работу чтеніемъ Гаттерера; затѣмъ, закрывъ книги, писалъ себѣ общія обозрѣнія каждой прочитанной эпохи, т. е. составлялъ краткій курсъ исторіи. Такое учебное занятіе считалъ онъ необходимымъ прежде, нежели приступить къ чтенію самихъ историковъ.

Еще болѣе заботъ представляла ему исторія русская: приходилось самому „добираться до источниковъ“ (трудъ Карамзина еще не появился въ то время). Онъ проситъ А. И. Тургенева указать ему на первый случай какой-нибудь краткій учебникъ русской исторіи.

---

[1]) Іоганнъ Миллеръ, нѣмецкій историкъ.

[2]) Письмо къ А. И. Тургеневу 7 ноября, 1810.

Планы этихъ занятій были разсчитаны на три года. Съ радостнымъ настроеніемъ сообщая объ этихъ занятіяхъ, онъ пишетъ, что трудъ этотъ становится ему любезенъ часъ отъ часу болѣе, и что онъ чередуетъ съ нимъ лишь работы, „необходимыя для кармана“ и „минутные набѣги на Парнасскую область, чтобы не раззнакомиться съ музами“ (въ это время онъ писалъ своего „Громобоя“).

Какъ все, чего ни касался Жуковскій,—и эти планы сводятся у него къ общему плану жизни. „Авторство“, пишетъ онъ, „я почитаю службою отечеству, въ которомъ надобно быть или отличнымъ или презрѣннымъ: промежутка нѣтъ“. Онъ сообщаетъ, что не послѣдуетъ совѣтамъ ѣхать въ Петербургъ [1]) для того, чтобы воспользоваться протекціей министра юстиціи (министромъ юстиціи въ январѣ этого года былъ назначенъ И. И. Дмитріевъ) и оканчиваетъ письмо настоятельнымъ напоминаніемъ скорѣйшей высылки латинской и греческой грамматики [2]). Любопытно, что такая независимость въ устройствѣ своей жизни не осталась незамѣченною. Не даромъ гр. Ростопчинъ черезъ пять лѣтъ отказалъ прикомандировать къ себѣ Жуковскаго, потому что считалъ его зараженнымъ якобинскими мыслями! [3])

Якобинецъ нашъ учился въ это время исторіи и латинскому языку, „находя удовольствіе“, какъ онъ выражается, „и въ томъ, чтобы учить наизусть примѣры изъ латинскаго синтаксиса, воображая, что современемъ будетъ читать Виргилія и Тацита“ въ оригиналѣ; теперь же пока доволь-

---

[1]) „Нѣтъ, я не поѣду, не сдѣлаю такой глупости, которую вздумалъ было въ началѣ послѣдняго года сдѣлать“ (въ началѣ 1809 г. Жуковскій не надолго ѣздилъ въ Петербургъ). Ibid.

[2]) Ibid.

[3]) Соч. кн. П. А. Вяземскаго. VII, 504.

ствовался чтеніемъ Горація въ переводѣ. Черезъ нѣсколько времени предполагалъ приняться и за языкъ греческій.

Занятія литературою и исторіей не могли не навести его на мысль о необходимости ознакомиться съ міромъ античнымъ Ни школа, ни новая литература не могли ознакомить его основательно съ этой областью знанія, которая изъ вторыхъ рукъ дается менѣе, нежели что-нибудь другое. Но учиться древнимъ языкамъ уже было поздно: поэтъ подавлялъ въ Жуковскомъ школьника. Тѣмъ не менѣе произведенія того времени свидѣтельствуютъ, что этотъ невѣдомый міръ заинтересовалъ его. Знакомясь съ нимъ съ грѣхомъ пополамъ, то въ переводахъ, то въ подражаніяхъ изъ новѣйшихъ воспроизведеній античныхъ сюжетовъ, Жуковскій влагалъ въ него свою собственную душу.

Къ этому-то времени относятся его „Эпимесидъ“ и „Ивиковы журавли“. Эллинскій эвдемонизмъ предсталъ его сознанію сквозь тусклое стекло Парни, а κάθαρσις греческой трагедіи былъ ему растолкованъ поэтомъ нѣмецкимъ.

Насколько Жуковскій былъ плохо знакомъ съ этой областью знанія, видно изъ того, какъ подчасъ неразборчиво выбиралъ онъ оригиналы для перевода, и какъ мало заботился въ ихъ передачѣ хотя бы о сколько нибудь вѣрномъ выраженіи античнаго характера рѣчи, если не воззрѣній дѣйствующихъ лицъ. Въ одномъ мѣстѣ „Эпимесида“ онъ передастъ понятіе „боги“ (n' offence plus les dieux) словомъ „творецъ“; „покровительственная десница боговъ“ (votre bras protecteur) перевелъ онъ даже словомъ: „Провидѣніе“. И такъ въ древнемъ Эллинѣ Жуковскій увидѣлъ христіанина. Сюжетъ піесы въ томъ, что Эпимесидъ [1]), подавленный сознаніемъ

---

[1]) У Парни невозможное имя Ephimecide. Жуковскій очевидно заглянулъ внимательнѣе, нежели Парни, въ греческій словарь, хотя не

быстролетности жизни, возроптал на Зевса за этотъ безотрадный даръ его, и прося „дара небытія“, уже готовъ былъ, подобно Громобою, броситься въ волны, какъ вдругъ слышитъ голосъ съ облаковъ:

Ты лжешь, хулитель Провидѣнья,—
Богамъ любезенъ человѣкъ,
И благъ источникъ наслажденья.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ снова приходитъ на тотъ же берегъ. На сей разъ рѣчи его иныя: онъ благодаритъ боговъ за неоцѣненное благо, ими посланное: дружбу. И онъ ставитъ статую дружбѣ.

Черезъ годъ, вновь облагодѣтельствованный богами Эпимесидъ опять приходитъ на то же мѣсто. Онъ взысканъ еще бо̀льшимъ счастіемъ: онъ позналъ любовь Гликеры. Алтарь любви остается памятникомъ этого новаго дара боговъ.

И въ третій разъ является на ту же скалу Эпимесидъ, на сей разъ познавшій верховное благо—всю полноту истиннаго счастія.

„Проклятье дерзостнымъ хуламъ,
Произнесеннымъ въ изступленьѣ:
Нашъ въ мірѣ путь одно мгновенье,
Но можемъ быть равны богамъ!“

восклицаетъ онъ и воздвигаетъ скромный храмъ, а на фронтонѣ его пишетъ: „Благотворенію“.

Мѣсто дѣйствія—у Парни Таврида—не указано Жуковскимъ, и одна сосна, опирающаяся на другую, какъ символъ дружбы, замѣнена у него миртомъ, не безъ мысли создать своему Эпимесиду болѣе греческую обстановку, нежели у

нашелъ, конечно, тамъ и Эпимесида. У Парни стихотвореніе это названо „подражаніемъ греческому“.

Парни. Вполнѣ самостоятельно воспроизведены обстановка и видъ построеннаго героемъ храма:

L'or et le marbre ambitieux
Et les arts enfans de la Grèce,
Le bois, le chaume, le gazon,
Remplacent leur vaine opulence....

И онъ воздвигъ на брегѣ храмъ,
Гдѣ все плѣняло простотою:
Столбы, обитые корою,
Помостъ изъ дерна и цвѣтовъ,
И скромный изъ соломы кровъ,
Подъ той же дружественной сѣнью,
Гдѣ былъ алтарь сооруженъ.

Не напоминаетъ ли Эпимеендъ скорѣе тотъ идеалъ, къ которому стремился самъ Жуковскій, будущій Теонъ нашъ, а его скромный храмъ—бесѣдку Бунинскаго сада?

Совсѣмъ иное встрѣтилъ Жуковскій въ „Ивиковыхъ журавляхъ" Шиллера, переводъ которыхъ относится къ тому же времени.

Шиллеръ воспроизвелъ здѣсь греческое сказаніе объ открытіи тайнаго убійства юнаго поэта. Шиллеру предстояло выбрать изъ многихъ видоизмѣненій сказанія такое, которое болѣе соотвѣтствовало бы идеѣ его баллады, или же создать свое собственное. Неудовлетворенный ни однимъ изъ нихъ [1]), всю силу разоблаченія убійства Шиллеръ перенесъ на то настроеніе, которое овладѣло и зрителями греческаго театра, и убійцами, просвѣтленными только что выслушанной сценой трагедіи—и древнее сказаніе въ его балладѣ получило глубокій смыслъ, раскрывая одно изъ зна-

[1]) Лексикографъ Свида это открытіе приписываетъ журавлямъ, Антипатръ Сидоній—мщенію Эринній, а Плутархъ—собственной болтливости убійцъ.

менательнѣйшихъ явленій эллинской жизни: какъ нельзя лучше выступаетъ передъ читателемъ сущность греческой трагедіи и нравственное значеніе греческаго театра. Переводя эту балладу, Жуковскій болѣе, нежели когда нибудь былъ близокъ къ пониманію античнаго міра, руководимый геніемъ Шиллера. Да и явленіе, воспроизведенное въ этой балладѣ — нравственное просвѣтленіе преступника — оказалось столь родственнымъ съ идеями самого переводчика! Въ самомъ дѣлѣ, языческая поэзія никогда не приближалась до такой степени къ идеямъ христіанскимъ, какъ мы то видимъ въ аѳинской трагедіи [1]).

Что „Эпимесидъ" потребовался Жуковскому главнымъ образомъ для выраженія его личныхъ чувствъ — ясно изъ очевидной его связи съ двумя другими стихотвореніями того же времени.

Первое изъ нихъ „Надпись къ солнечнымъ часамъ въ саду И. И. Дмитріева":

И часъ, и день, и жизнь мелькаетъ быстрой тѣнью;
Прошла моя весна, съ минутной красотой;
Прости, любовь! конецъ мечтамъ и заблужденью!
Лишь дружба мирная съ улыбкой предо мной!—

---

[1]) По всей вѣроятности, совершенно случайно Жуковскій устранилъ двѣ-три невѣрности, допущенныя Шиллеромъ; таково въ 8-й строфѣ упоминаніе Мановъ (принадлежности вѣрованій римскихъ) и выходъ хора изъ глубины сцены; самое же появленіе Эвменидъ, которыя обыкновенно вторгались на сцену быстро озираясь и выглядывая свою жертву, конечно, осталось такимъ, какимъ его изобразилъ Шиллеръ: онѣ идутъ „походкой мѣрной и протяжной"... Слѣдуетъ замѣтить однако, что переводчикъ нашъ устранилъ противорѣчіе, допущенное Шиллеромъ въ этомъ изображеніи: черныя мантіи не „ударяются у него о бедра"; стихъ замѣненъ другимъ, болѣе выдерживающимъ характеръ фигуръ, выступающихъ медленно:

Идутъ съ поникшею главою.

т. е. лишенный одного изъ благъ, полученныхъ Эпимесидомъ, поэтъ находитъ утѣшеніе въ другомъ.

Та же мысль внушаетъ ему переводъ Шиллерова стихотворенія: «Die Ideale», которое онъ озаглавилъ: «Мечты». Это—элегія, также разрѣшающаяся свѣтлымъ чувствомъ утѣшенія. Поэтъ оплакиваетъ изчезающую въ немъ силу чувства, нѣкогда дававшаго жизнь самой бездушной природѣ, олицетворяемой здѣсь въ видѣ той статуи изъ слоновой кости, которую одушевилъ нѣкогда своими объятіями Пигмаліонъ. Поэтъ скорбитъ объ утратѣ идеаловъ, наполнявшихъ его сердце (у Жуковскаго надежды, этого «обольстителя неопытной души»), объ утратѣ и вѣры въ созданія фантазіи. Онъ рисуетъ и прежнюю пору жизни своей, когда онъ былъ полонъ вѣры въ идеалъ: она представляется ему быстрымъ полетомъ на колесницѣ въ сопутствіи Любви, Счастія съ золотымъ вѣнкомъ (у Жуковскаго — съ алмазнымъ ключомъ), Славы и Истины. Но на полу-пути спутники эти покинули поэта: вдругъ вокругъ стало пусто. Два только спутника не измѣнили ему: цѣлительная дружба и хранитель души трудъ,

Кому святая власть дана
Всегда творить, не разрушая,
Мирить печальнаго съ судьбой
И, силу въ сердцѣ водворяя,
Беречь въ нихъ ясность и покой [1])!

---

[1]) Конецъ измѣненъ значительно. У Шиллера трудъ характеризуется чертами объективными („медленно создающій, никогда не разрушающій, присоединяющій одну песчинку къ другой для созданій вѣчныхъ, и минутами, днями и годами платящій долгъ временъ"). Градація: „и часъ, и день, и жизнь" въ „Надписи къ солнечнымъ часамъ", слѣдовательно, заимствована изъ этого окончанія „Идеаловъ" Шиллера, оставшагося не переведеннымъ.

Таковы были тѣ «набѣги на Парнасскую область», которыя дѣлалъ поэтъ въ своемъ уголкѣ среди мирныхъ занятій, предпочитая изящный досугъ свой волненіямъ служебной карьеры.

Между тѣмъ скоро суждено было разрушиться и «ясности, и покою», которые тщетно оберегалъ въ немъ мирный «хранитель души—трудъ».

Изъ двухъ ученицъ Жуковскаго, дочерей Е. А. Протасовой, старшая, Марья Андреевна, рано заронила искру въ сердце нашего мечтателя. Въ одномъ изъ стихотвореній еще 1807 года мы имѣемъ прямое указаніе на это чувство, стóившее столькихъ горькихъ минутъ его жизни. Въ „Посланіи къ Филалету" (т. е. къ тому же А. И. Тургеневу), о которомъ выше мы уже упоминали, и которое живо рисуетъ, до какого глубокаго унынія доходилъ Жуковскій въ минуты подобныхъ раздумій, мы встрѣчаемъ мѣсто, которое никакъ нельзя счесть поэтическимъ этюдомъ привычной элегической кисти. Это—исповѣдь другу:

Едва въ душѣ своей для дружбы я созрѣлъ,
И чтó же?.. предо мной—увядшая могила;
Душа, не воспылавъ, свой пламень угасила;
Любовь... но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья
И невозвратное надеждъ уничтоженье.

Наряду съ упоминаніемъ дѣйствительнаго факта его жизни—потери юнаго друга Андрея Ивановича Тургенева, и дальнѣйшіе стихи не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ указаніемъ на фактъ, не менѣе реальный,—любовь, которая по положенію Жуковскаго въ семьѣ Буниныхъ должна была являться мечтою несбыточною и безумною. Жуковскій хорошо зналъ непоколебимый характеръ Екатерины Аѳанасьевны и ея строгія правила, отъ которыхъ она не отступи-

лась бы даже цѣною счастія своей дочери. Жуковскій имѣлъ основаніе предполагать, что на бракъ его съ Маріей Андреевной, его племянницей, Екатерина Аѳанасьевна своего согласія не дастъ. Дальнѣйшіе стихи еще съ бо̀льшею ясностію указываютъ на это:

Съ какимъ бы торжествомъ я встрѣтилъ мой конецъ,
Когда бъ всѣхъ благъ земныхъ, всей жизни приношеньемъ
Я могъ—о сладкій сонъ!—той счастье искупить,
Съ кѣмъ жребій не судилъ мнѣ жизнь мою дѣлить.

Жуковскому тогда было двадцать четыре года, Марьѣ Андреевнѣ четырнадцать.

Еще болѣе обстоятельное разъясненіе чувствъ Жуковскаго и состоянія его сердца мы встрѣчаемъ тамъ, гдѣ можно было бы всего менѣе ожидать этого. Въ № 19 „Вѣстника Европы“ онъ помѣстилъ замѣчательное примѣчаніе къ напечатанной тамъ статьѣ: „Меланхолія“. Примѣчаніе это, освѣщенное тѣми фактами біографіи, о которыхъ мы сообщаемъ здѣсь, вводитъ насъ въ самую глубину души поэта, которую охватила „забота юности—любовь“.

Статья «Меланхолія» принадлежала перу женщины. Редакторъ нашелъ въ ея лирическомъ размышленіи легкомысленное смѣшеніе понятій,—и вотъ при словахъ статьи: „Увѣряютъ, что любовь неразлучна съ меланхоліею! Любовь довольная и еще постоянная—вѣрю! она уже не имѣетъ нужды въ надеждѣ, еще незнакома съ раскаяніемъ, и забавляетъ себя меланхоліею“... Жуковскій помѣщаетъ большую выноску въ которой, горячо взявъ подъ защиту это состояніе духа, изливаетъ тяготѣвшее надъ нимъ чувство, которому не суждено было найти полнаго удовлетворенія. „То чувство“, пишетъ онъ, обращаясь къ автору статьи, „которое почитали вы любовью, кажется намъ, было не

иное что, какъ сильное желаніе нравиться. Послѣ печальной зимы и скучныхъ провинціальныхъ лицъ, явленіе весны и съ нею пріятнаго Парижскаго лица, съ блестящими краснорѣчивыми глазами, съ привѣтливою улыбкою, можетъ показаться очаровательнымъ... привѣтствія, соединенныя съ нѣжнымъ взглядомъ и трогательною гармоніею пріятнаго голоса, дѣйствуютъ совсѣмъ иначе на сердце пятнадцатилѣтней дѣвушки, нежели шумъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, отъ котораго стучатъ окна и хлопаютъ желѣзныя ставни; и мы не удивимся, если первыя покажутся истинною мелодіею любви для той, которая цѣлые три мѣсяца осуждена была внимать однимъ послѣднимъ. Всѣ сіи обстоятельства легко могли обмануть любезную искательницу меланхоліи. Она по совѣсти можетъ насъ увѣрять, что испытала прямую любовь; столь же естественно ей удивляться, что вмѣстѣ съ любовію не чувствовала она меланхоліи; наконецъ весьма позволительно ей утверждать, что меланхолія есть прибѣжище любви праздной, т. е. счастливой и еще постоянной. Мы, съ своей стороны, отваживаемся замѣтить, что любовь, разумѣется истинная, та, которая объемлетъ сердце и не даетъ въ немъ мѣста никакому другому чувству, и счастливая и несчастная, неразлучна съ меланхоліей, несовмѣстною напротивъ съ желаніемъ нравиться—сказать „кокетствомъ“ было бы грубо; но—говоря языкомъ нашихъ прародителей, которые никогда не таили правды, и основываясь на ихъ священномъ правилѣ: тому кто солжетъ да будетъ стыдно,—осмѣлимся признаться нашей остроумной сочинительницѣ, что истинную любовь ея почитаемъ истиннымъ кокетствомъ, слѣдовательно охотно увольняемъ ее отъ меланхоліи. Желаніе нравиться—возвратимся къ учтивости нашихъ современниковъ—оживляетъ, приводитъ въ волненіе, въ безпокойство, слѣдова-

тельно не даетъ мѣста меланхоліи, тихой ограничивающей душу тѣмъ единственнымъ чувствомъ, которымъ она полна, которое для нея дорого, отъ котораго она отдѣлаться не въ силахъ. Любовь, и счастливая и несчастная (выключаю одно несчастіе мучительной ревности) до тѣхъ поръ, пока остается любовію, необходимо соединена съ меланхоліею. Меланхолія не есть ни горесть, ни радость: я назвалъ бы ее оттѣнкомъ веселія на сердцѣ печальнаго, оттѣнкомъ унынія на душѣ счастливца. Любовь, и счастливая и несчастная, съ той самой минуты, въ которую поселяется она въ сердцѣ, усиливается въ немъ безпрестанно, и та минута, въ которую это стремленіе прекращается, или уничтожаетъ ее на вѣки или обращаетъ ее въ тихую, непремѣняемую привязанность: въ обоихъ случаяхъ она теряетъ имя любви, и тогда только отдѣляется отъ нея меланхолія. Счастіе любви есть наслажденіе меланхолическое: то, что чувствуешь въ настоящую минуту, менѣе того, что будешь или что желалъ бы чувствовать въ слѣдующую: ты счастливъ, но стремишься къ большему, болѣе совершенному счастію, слѣдовательно въ самомъ твоемъ упоеніи ощутителенъ для тебя какой-то недостатокъ, который вливаетъ въ душу твою тихое уныніе, придающее болѣе живости самому наслажденію; ты не находишь словъ для изображенія тайнаго состоянія души твоей, и это самое безсиліе погружаетъ тебя въ задумчивость!

И когда же счастливая любовь выражалась веселіемъ? Когда не замѣняла она изобильнаго языка ораторовъ тонкостію меланхолическаго взгляда, задумчивымъ безмолвіемъ, чувствомъ непримѣтно разливающимся по лицу и понятнымъ для одного только взора, тихимъ звукомъ голоса, слышнымъ и отзывающимся въ одномъ только сердцѣ? Пока любовь возрастаетъ, по тѣхъ поръ она неразлучна съ надеж-

дою: надѣяться и не довѣрять почти одно и то же, а невѣрная надежда въ самую минуту счастія соединена съ уныніемъ меланхоліи".

Въ этой части примѣчанія мы имѣемъ взглядъ Жуковскаго на любовь вообще, какъ онъ понималъ ее. Но вотъ онъ переходитъ къ тому состоянію, которое обличаетъ его личное горе:

„Я говорилъ объ одной любви счастливой, т. е. раздѣляемой и не гонимой судьбою. Любовь несчастная, любовь, наполняющая душу, неразлученная съ сладкою надеждою жить для того, что̀ намъ любезно, слишкомъ скоро умертвило бы наше бытіе, когда бы отдѣлено было отъ меланхоліи, отъ сего непонятнаго очарованія, которое предаетъ неизъяснимую прелесть самимъ мученіямъ [1]). Невидимая цѣль привязываетъ тебя къ твоей горести; въ ней твое бытіе; утративъ ее, ты самъ уничтоженъ, ибо все то, что прежде наполняло твою душу, вдругъ изчезаетъ... и какой любовникъ предпочтетъ мертвую пустоту сію животворному, ничѣмъ незамѣняемому терзанію своей страсти? Говоря о несчастіяхъ любви, я воображаю только однѣ препятствія жребія: несчастіе утратить то, что̀ украшало бы нашу жизнь, что̀ для насъ всего выше, всего святѣе, чему нѣтъ никакой замѣны, и утратить безъ надежды возврата, навѣки—такое несчастіе можетъ отвратить душу отъ привязанности къ жизни, ибо жизнь мила не собою, но тѣми привязанностями, которыми животворится наше сердце; но это самое чувство отвращенія отъ жизни можетъ имѣть нѣкоторую сладость, меланхолическую, дра-

---

[1]) Припомнимъ:

И въ самыхъ горестяхъ есть часто наслажденье.

гоцѣнную, благо единственное; сладость, заключенную въ мысли, что ты любимъ, хотя не долженъ мечтать о соединеніи; или въ мысли, которая не даетъ тебѣ счастія, но въ то же время не дастъ и совершенно разрушиться заблужденію души твоей; въ мысли, что сердце, отнятое у тебя судьбою, еще свободно, еще спокойно, еще не отдано; невозможность владѣть имъ тебя терзаетъ, но тайный голосъ тебѣ говоритъ въ то же время: перемѣнись твой жребій—и, можетъ быть, она была бы твоею! Ты призываешь смерть, ты веселишься, примѣчая, что жизнь твоя, въ которой нѣтъ уже будущаго, начинаетъ гаснуть и наконецъ угасаетъ, но разлучаясь съ нею и останавливая на ней послѣдній, меланхолическій взглядъ, ты говоришь: жизнь моя могла бы быть прелестна! Пока человѣкъ упрекаетъ одну только судьбу, по тѣхъ поръ остается ему нѣкоторая обманчивая надежда на перемѣну: и въ сихъ-то упрекахъ, и въ семъ-то обманчивомъ ожиданіи перемѣны заключено тайное меланхолическое наслажденіе, которое самую горесть дѣлаетъ для него драгоцѣнною. Но если мысль о взаимности, существующей или только возможной, отдѣлено отъ любви,—тогда изчезаетъ и то, что въ самой горести было усладительно для сердца: ты чувствуешь одно утомительное отвращеніе отъ жизни; говоря самому себѣ: я для нея ничто, никогда бытіе мое не будетъ необходимо для ея счастія, ты ощущаешь себя слишкомъ одинокимъ, оставленнымъ; самое уваженіе къ самому себѣ нѣкоторымъ образомъ теряется: оскорбительная мысль быть ничѣмъ для того существа, въ которомъ заключается для насъ все, уничтожаетъ самихъ насъ передъ собственными нашими глазами; ты разстаешься съ жизнію безъ сожалѣнія, равнодушный, увѣренный, что въ ней ничто не можетъ уже перемѣниться, что никакія обстоятель-

ства не дадутъ тебѣ единственнаго, незасѣняемаго счастія: любви существа любимаго. Вотъ единственный случай, въ которомъ меланхолія разлучается съ любовію и уступаетъ мѣсто унынію мрачному; во всякомъ другомъ—выключаю одно мучительное состояніе ревности—онѣ нераздѣльны. И такъ, любезная искательница меланхоліи, говоря, что не имѣла ее вмѣстѣ съ любовію, доказываетъ намъ только то, что она—не любила“.

Нужно ли прибавлять что-нибудь къ этому невольному раскрытію души, волнуемой мыслями, „которыя не давали ему счастія, но въ то же время и не разрушала, ея заблужденія“, непрестанно переходящей отъ меланхоліи къ тому мрачному унынію, которое запечатлѣно въ слѣдующихъ словахъ „Посланія къ Филалету“:

Какое счастіе мнѣ въ будущемъ извѣстно!
Грядущее для насъ—протекшимъ лишь прелестно.
Мой другъ, о нѣжный другъ, когда намъ не дано
Въ семъ мірѣ жить для тѣхъ, кѣмъ жизнь для насъ священна [1]),
Кѣмъ добродѣтель намъ и слава драгоцѣнны,
По что жь, увы! по что судьбой запрещено
За счастье ихъ отдать намъ жизнь сію безплодну?
... Съ какимъ бы торжествомъ я встрѣтилъ мой конецъ,
Когда бъ всѣхъ благъ земныхъ, всей жизни приношеньемъ
Я могъ—о сладкій сонъ!—той счастье искупить,
Съ кѣмъ жребій не судилъ мнѣ жизнь мою дѣлить?...
Когда бъ стократными и скорбью и мученьемъ
За каждый мигъ ея блаженства я платилъ,
Тогда бъ, мой другъ, я рай въ семъ мірѣ находилъ,
И дня какъ дара ждалъ, къ страданью пробуждаясь;

[1]) Ср: „Жизнь мила не собою, но тѣми привязанностями, которыя“ и пр.

Тогда, надеждою отрадною питаясь,
Что каждый жизни мигъ погибшія моей
Есть жертва тайная для блага милыхъ дней,
Я бъ смерти звать не смѣлъ, страшился бы могилы.
О незабвенная, другъ милый, вѣчно милый!
Но что повергнувшись въ слезахъ къ твоимъ ногамъ,
Но что, лобзая ихъ горящими устами,
Отъ сердца не могу воскликнуть къ небесамъ:
„Все въ жертву за нее! вся жизнь моя предъ вами!"
Но что и небеса не могутъ внять мольбамъ?
О безразсуднаго напрасное моленье!
Гдѣ тотъ, кому дано святое наслажденье
За милыхъ слезы лить, страдать и погибать?
Ахъ, если бъ мы могли въ сей области изгнанья
Столь восхитительно презрѣнну жизнь кончать,—
Кто бъ небо оскорбилъ безуміемъ роптанья? [1])

Эти свидѣтельства, и прозаическое, и поэтическое, какъ нельзя лучше убѣждаютъ насъ, что загорѣвшаяся любовь Жуковскаго въ тѣ годы, когда онъ занимался обученіемъ племянницъ,—не потухла и во время его московской жизни.

Теперь, возвратившись изъ Москвы, весь преданный планамъ самообразованія, онъ является намъ съ успокоеннымъ сердцемъ. Казалось, самая любовь уступала мѣсто другимъ чувствамъ. Онъ прямо пишетъ объ этомъ А. И. Тургеневу въ томъ же письмѣ, гдѣ поручаетъ ему выслать нужныя книги: „Ахъ, братъ и другъ, сколько погибло времени! Вся моя прошедшая жизнь покрыта какимъ-то туманомъ недѣятельности душевной... Причина этой недѣятельности тебѣ извѣстна. А теперь, другъ мой, эта самая дѣ-

---

[1]) Ср. выше: „Оскорбительная мысль быть ничѣмъ для того существа, въ которомъ заключается для насъ все.. "

ятельность служитъ мнѣ лѣкарствомъ отъ того, что̀ было прежде ей помѣхою. Если романическая любовь можетъ спасать душу отъ порчи, за то она уничтожаетъ въ ней дѣятельность, привлекая ее къ одному предмету, который удаляетъ ее отъ всѣхъ другихъ. Этотъ одинъ убійственный предметъ, какъ даръ, сидѣлъ въ душѣ моей по сіе время. Но теперешняя моя дѣятельность, наполнивъ мою душу (или лучше сказать начиная наполнять), избавляетъ ее отъ вреднаго постояльца". „Не подумай однако", спѣшитъ оговориться Жуковскій, „чтобы моя мысль о дѣйствіи любви была общею мыслію, а не моею; нѣтъ, она справедлива и неоспорима, но только тогда, когда будетъ предполагать нѣкоторыя особыя обстоятельства: она справедлива въ отношеніи ко мнѣ. Надобно сообразить мои обстоятельства: воспитаніе, семейственныя связи",..

Въ душѣ поэта прежняя любовь вспыхнула съ новою силою. Мирный «хранитель души» трудъ уступилъ вновь мѣсто «вредному постояльцу».

Жуковскій строго таилъ свое чувство, сознавая, что любовь къ племянницѣ должна быть встрѣчена ея матерью недружелюбно. Въ этомъ-то и заключались тѣ особыя обстоятельства и семейственныя связи», о которыхъ упоминалъ онъ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу. Но въ стихотвореніяхъ этого періода видимъ невольное выраженіе этого чувства. Даже въ переводныхъ піесахъ замѣчаемъ его проблески.

Вотъ одно изъ нихъ, озаглавленное: „Къ ней" и относящееся съ 1810 году:

Имя гдѣ для тебя?
Не сильно смертныхъ искусство
Выразить прелесть твою! [1])

Лиры нѣтъ для тебя!
Что пѣсни? Отзывъ невѣрный
Поздней молвы о тебѣ!

Еслибъ сердце могло быть
Имъ слышно,—каждое чувство
Было бы гимномъ тебѣ.

Прелесть жизни твоей,
Сей образъ жизни священный,
Въ сердцѣ какъ тайну ношу.

Я могу лишь любить,
Сказать же, какъ ты любима,
Можетъ лишь вѣчность одна!

Нельзя не почувствовать всей силы самаго искренняго чувства въ этомъ крикѣ души, затрепетавшей первою любовью. Стихотвореніе безъ риѳмъ, но оно полно музыки, и такъ и проситъ аккомпанимента. Въ чтеніи изчезаетъ грація спондея, начинающаго каждую строфу. Форма стихотворенія этого какъ нельзя лучше выражаетъ неудержимое волненіе переполненнаго сердца.

Въ романсѣ „Жалоба", передѣланномъ въ томъ же году изъ стихотворенія Шиллера: „Юноша у ручья", видимъ несомнѣнное примѣненіе его къ обстоятельствамъ собственной сердечной жизни. Вотъ какъ воспользовался Жуковскій стихотвореніемъ Шиллера:

Изъ послѣдней строфы оригинала мы узнаемъ, что юноша любитъ знатную дѣвушку и вблизи ея замка, сидя у ручья, рветъ цвѣты для вѣнка, но потокъ уноситъ цвѣты.

---

[1]) Namen nennen dich nicht,
Dich bilden nicht Griffel nicht Pinsel
Sterblicher Künstler je nach!... Въ примѣчаніи къ этому стихотворенію въ изд. 1878 г. оно ошибочно приписано Шиллеру.

Провожая ихъ взорами, онъ сравниваетъ свою юность съ уплывающими цвѣтами и говоритъ, что въ немъ, предоставленномъ одиночеству, всѣ прелести весны возбуждаютъ только тоску. Но жалобу свою онъ заключаетъ обращеніемъ къ любимой, чтобы она сошла изъ своего „гордаго замка“ въ его хижину.

Жуковскій опускаетъ послѣднюю строфу. Отъ этого, главная черта въ положеніи Шиллерова юноши, недоступность любимой дѣвушки вслѣдствіе неравенства состоянія, уничтожается. Причина разлуки у Жуковскаго остается неизвѣстною, что объясняется тайной, въ которую онъ долженъ былъ облекать свое чувство, боясь суровой Екатерины Аѳанасьевны; сохранено только основное чувство тоски и недоступности счастія. Онъ оканчиваетъ романсъ свой словами:

Есть одна во всей вселенной,
Къ ней душа и мысль о ней;
Къ ней стремлю, забывшись, руки, —
Милый призракъ прочь летитъ.

То же элегическое настроеніе побудило Жуковскаго обратиться къ Местру и перевесть его стихотвореніе „Къ мотыльку, влетѣвшему въ темницу“. Узникъ посылаетъ мотылька къ своимъ дѣтямъ, чтобы, порхая съ цвѣтка на цвѣтокъ, онъ привелъ ихъ къ темницѣ: быть можетъ, мольба сиротъ побѣдитъ стражей тюрьмы — и они освободятъ его....

Но что?... Я цѣпью загремѣлъ;
Сокрылся призракъ обольститель;
Вспорхнулъ эѳирный посѣтитель...
Постой!... но онъ ужъ улетѣлъ!

Въ томъ же году написанное „Посланіе къ Батюшкову“, жившему тогда въ Финляндіи, заключаетъ весьма живое

выраженіе того же чувства. Вся вторая половина этого посланія посвящена ему.

Кто любитъ, тотъ душой,
Какъ день весенній, ясенъ;
Его любви мечтой
Весь міръ предъ нимъ прекрасенъ. ..
Ахъ! въ мірѣ семъ — она!
Ея святымъ полна
Присутствіемъ природа.

Далѣе изображаетъ онъ себя при ней „задумчивымъ, робкимъ; разговоръ его не смѣлъ“; безъ нея онъ живъ одними воспоминаніями, мечтами о ней, и во время молитвы, и въ минуты какого нибудь добраго дѣла; онъ готовъ за нее погибнуть и перенести всякія бѣдствія.

Но кромѣ этихъ общихъ очертаній душевнаго состоянія, находимъ въ посланіи и яркое изображеніе переживаемыхъ страданій. Одно мѣсто даже съ значительной энергіей выражаетъ ихъ:

И ты, какъ палачомъ
Преступникъ раздробленный
И къ плахѣ пригвожденный,
Въ безсиліи своемъ
Еще быть долженъ зритель,
Какъ жребій-истребитель
Все то, чѣмъ ты дышалъ,
Что̀ сердцемъ увлеченный,
Въ надеждѣ восхищенной,
Своимъ ужъ называлъ,—
Другому на пожранье
Отдастъ въ твоихъ глазахъ....

Въ концѣ посланія замѣчаемъ однако ту черту Жуковскаго, которая подтверждается и дальнѣйшими фактами его біографіи: успокоеніе въ отреченіи отъ личнаго счастія и въ созерцаніи счастія другихъ.

Прежде нежели перейти къ тому, какъ разыгралась эта семейная драма въ жизни Жуковскаго, опредѣлимъ, какъ смотрѣлъ онъ на задачу человѣческой жизни вообще, задачу, которой предстояло получить свое разрѣшеніе въ жизни самого поэта.

X.

Взглядъ Жуковскаго на истинное назначеніе человѣка.—«Письмо изъ уѣзда» (1808), «Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?» и «Теонъ и Эсхинъ».—Семейный идеалъ поэта.—Отказъ Протасовой въ рукѣ дочери.

До сихъ поръ мы слѣдили за Жуковскимъ въ его поэтическихъ произведеніяхъ, но еще будучи издателемъ „Вѣстника Европы", онъ выступаетъ передъ нами и какъ мыслитель, въ статьяхъ прозаическихъ. Принципы, вырабатываемыя имъ для жизни путемъ отвлеченнаго мышленія—должны быть теперь выяснены, потому что едва ли у кого нибудь изъ поэтовъ принципы разсудка сходились такъ съ идеалами, находившими свое выраженіе въ произведеніяхъ поэтическихъ.

Здѣсь слѣдуетъ разсмотрѣть вмѣстѣ „Письмо изъ уѣзда къ издателю" (В. Е. 1808, № 1), разсужденіе: „Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ? (тамъ же) и оригинальную балладу „Теонъ и Эсхинъ" 1813).

Въ первомъ разсужденіи, разъясняя цѣль журнала, „распространять полезныя идеи", Жуковскій опредѣляетъ просвѣщеніе, какъ „искусство жить, искусство дѣйствовать и совершенствоваться". Далѣе указывается и та сфера, гдѣ долженъ человѣкъ прилагать свое умѣніе дѣйствовать. Для Жуковскаго сфера эта—прежде всего семейство.

„Имѣй въ виду семейство, въ которомъ, со временемъ, на самомъ дѣлѣ ты бы могъ исполнить всѣ лучшія мечты...“ „Воображая, что дѣйствуешь въ глазахъ избраннаго, достойнаго любви, привязаннаго къ тебѣ сердцемъ существа.... ты будешь дѣйствовать съ успѣхомъ, наслажденіемъ, неутомимо“. Только если почему нибудь приходится человѣку „ограничить себя самимъ собою“, тогда—„пусть ищетъ замѣны въ собственной дѣятельности“, совершенствуя себя, „какъ человѣкъ и гражданинъ, принося пользу отечеству“.

Такимъ образомъ гражданская дѣятельность отодвигается на второй планъ, какъ замѣна другой дѣятельности, въ семьѣ. Но и тутъ человѣкъ (слѣдов. самосовершенствованіе) стоитъ впереди гражданина (т. е. дѣятельности общественной и государственной).

„Семейство“, говоритъ онъ во второмъ разсужденіи, „сокрытое отъ людей поприще, на которомъ совершаются самые благородные, самые безкорыстные подвиги добродѣтельнаго....“ „Почитай обязанностію быть дѣятельнымъ для пользы отечества, но лучшія твои наслажденія, но самыя драгоцѣнныя награды твои да будутъ заключены для тебя въ нѣдрѣ семейства“.... „Въ тѣхъ самыхъ чувствахъ, которыя дѣлаютъ его (добраго семьянина) счастливымъ посреди домашнихъ, хранится и чистый источникъ гражданскихъ его добродѣтелей“ [1]). „Какъ можетъ не уклониться отъ зла, когда онъ долженъ приходить невиннымъ передъ судилище безпристрастное, для него драгоцѣнное и святое—передъ судилище своего семейства“?... Но всѣ обязанности, всѣ удовольствія свѣта почитаетъ онъ только по-

---

[1]) Ср.: „Кѣмъ добродѣтель намъ и слава драгоцѣнна“ (Посл. къ Филалету).

сторонними: главная дѣятельность его внутри семейства.

Ни нравственное направленіе руководителей Благороднаго Пансіона, ни университетская среда, въ духѣ которой слагалась сфера этого пансіона—не могли развить въ Жуковскомъ гражданскихъ стремленій, какъ основнаго начала дѣятельности. Масонство было искусствомъ осуществлять общія идеальныя задачи чрезъ усовершествованіе единицъ. Укрѣпленіе личной добродѣтели почиталось у масоновъ основаніемъ нравственности общественной и государственной. Потому-то они придавали верховное значеніе воспитательнымъ учрежденіямъ, индифферентно взирая на учрежденія государственныя: по ихъ мнѣнію, и самыя образцовыя учрежденія не сдѣлаютъ напр. судей справедливыми. Согласно такому характеру, ученіе ихъ могло мѣтить только на отдѣльную личность. Воздѣлываніе личной совѣсти является господствующею заботою каждаго „брата“.

Баллада „Теонъ и Эсхинъ“ въ лицѣ послѣдняго выводитъ человѣка, который не шелъ путемъ этого самоусовершенствованія. Онъ долго всюду искалъ счастія—и въ роскоши, и въ славѣ; не нашелъ ни въ чемъ удовлетворенія и возвращается на родину.

Здѣсь онъ находитъ Теона. Теонъ – совершенная противоположность Эсхину. Чуждый стремленія къ дѣятельности въ сферѣ общественной, онъ выставленъ у Жуковскаго какъ идеалъ; въ его жизни поэтъ воплощаетъ мысль указанныхъ двухъ разсужденій своихъ. Добродѣтельный человѣкъ въ лицѣ Теона осуществилъ истинное назначеніе человѣка въ сферѣ счастливой семейной жизни. Но поэтъ хочетъ вывести его и въ ту пору, когда онъ уже лишенъ благъ этой жизни.

Эсхинъ застаетъ Теона сидящимъ „при домашнихъ Пена-

тахъ“ (обстановка взята изъ древне-греческой жизни). Но онъ уже одинъ... Гдѣ же необходимая спутница его жизни? Ея уже нѣтъ. На вопросъ друга о ней, онъ указываетъ на ея гробницу.

Поэтъ не желалъ дать идилліи, гдѣ человѣку, ищущему удовлетворенія въ одной семьѣ, все благопріятствовало бы для осуществленія его мечтаній. Желая выразить неизмѣнность своего принципа даже вопреки всѣмъ случайностямъ судьбы, поэтъ выводитъ героя своего потерпѣвшимъ чувствительнѣйшую для него утрату; счасливая пора жизни лишь слегка очерчена въ разсказѣ Теона своему другу.

Какъ же перенесъ онъ эту утрату, повидимому разрушившую все основаніе его жизни?—„Не ропщу на Зевесовъ законъ“: вотъ отвѣтъ Теона. Счастіе возможно для него и теперь; оно состоитъ въ сладости возвышенныхъ мыслей; на прошлое счастіе онъ смотритъ, какъ на пору жизни, освятившую его душу. Освященіе души у него выразилось въ успокоеніи себя надеждой, что въ будущемъ погибшее возвратится: за гробомъ ожидаетъ его спутница, явившаяся на мигъ въ этой жизни. Поэтъ, по обычаю своему, не придаетъ важнаго значенія тому, что герой его язычникъ, и приписываетъ ему чувства и образъ мыслей романтическіе. Успокоеніе Теона имѣетъ характеръ твердаго, величаваго убѣжденія; рѣчь его отличается ясностію и оканчивается бодрымъ, примирительнымъ заявленіемъ:

Все въ жизни къ великому средство:
И горесть, и радость—все къ цѣли одной:
Хвала жизнедавцу Зевесу!

И такъ Теонъ и изъ несчастія извлекъ только средство самоусовершенствованія, т. е. удовлетворилъ выраженному

ранѣе въ упомянутомъ разсужденіи первому принципу: лишенному семьи—совершенствовать себя какъ человѣка. Баллада не выражаетъ втораго исхода человѣку, лишенному благъ счастливой семейной жизни,—его гражданскаго совершенства. И не удивительно: по воззрѣнію Жуковскаго—оно дѣло второстепенное. Жуковскій сохранилъ навсегда это воззрѣніе. Черезъ 40 лѣтъ, въ письмѣ къ Великому Князю Константину Николаевичу, онъ писалъ по случаю брака Его Высочества: „Передъ вами два поприща: одно широкое, на виду у отечества, современниковъ и потомства; за то, что̀ будетъ совершено на этомъ поприщѣ, вы дадите отчетъ теперь Россіи, потомъ исторіи. Другое—свое, домашнее, болѣе тайное; за то, что̀ будетъ въ немъ, Вы дадите отчетъ одной Вашей душѣ. Хотя оно не столь блистательно, какъ первое, но оно болѣе дѣйствуетъ на насъ, развивая нашу внутреннюю жизнь и такимъ образомъ образуя насъ и для дѣйствій публичныхъ. На первомъ многое не зависитъ отъ нашей воли: обстоятельства внѣшнія могущественно ею управляютъ; здѣсь, напротивъ,—все мы сами, и наша судьба есть вѣрный отголосокъ души нашей [1]).“

Отличительное свойство идеала, начертаннаго Жуковскимъ въ „Теонѣ и Эсхинѣ“—это даръ находить удовлетвореніе въ области мысли, мечты.

Жуковскій уже ранѣе размышлялъ объ этомъ противорѣчіи мечты съ дѣйствительностію. Подъ живымъ впечатлѣніемъ чтенія „Агатона“ Виланда, онъ такъ толкуетъ это произведеніе: „Виландъ хотѣлъ согласить сіи двѣ противоположности: мечтательность, которая разлучаетъ человѣка съ людьми и переселяетъ его въ жилище духовъ,—и грубую

[1]) Соч. В. А. Жуковскаго. 1878. VI, стр. 366.

тѣлесность, чувственность, которая слишкомъ унижаетъ человѣка и лишаетъ его моральнаго и „первѣйшаго достоинства, единственно отличающаго его отъ скотовъ.“ Онъ прибавляетъ: жить одними идеалами не годится: середина есть то, что̀ всякій человѣкъ съ нѣкоторымъ особеннымъ образомъ чувства избирать долженъ ... Я бы желалъ, чтобы всякій молодой человѣкъ съ пылкою, платоническою душою, предъ своимъ вступленіемъ въ свѣтъ бралъ въ руки „Агатона“, прочитывалъ его нѣсколько разъ и приготовлялъ себя симъ чтеніемъ къ тѣмъ многочисленнымъ, иногда труднымъ опытамъ, которые для всѣхъ насъ приготовлены. Онъ бы изучилъ не ввѣряться своей мечтательности (Schwärmerei), которая сама по себѣ вредна и опасна, но будучи обуздана здравою опытною философіею, можетъ быть источникомъ совершеннѣйшаго земнаго счастія“ [1]).

„Трудный опытъ» наступилъ для Жуковскаго. Онъ вынесъ изъ него идеалъ, начертанный въ «Теонѣ и Эсхинѣ», идеалъ, который могъ дать силы переживать всякую невзгоду жизни; но нельзя не сознаться, что онъ же и лишалъ чувства дѣйствительности, пріучалъ относиться къ жизни недовѣрчиво, а порою и безучастно.

Проникновеніе такимъ міровоззрѣніемъ могло совершиться не вдругъ и не безъ борьбы.

Характеристичны слѣдующіе стихи изъ позднѣйшаго посланія его къ младшей дочери Протасовой (1814):

О, упоеніе томительной мечты,
Покинь меня! Желать безжалостно ты учишь;
Не воскрешая, смерть мою тревожишь ты;
Въ могилѣ мертвеца ты чувствомъ жизни мучишь!

---

[1]) См. письмо къ Ѳ. Г. Вендриху (сосѣду Жуковскаго по деревнѣ) отъ 19 декабря 1805 г. Соч. В. А. Жуковскаго, 1878, VI, стр. 384.

Итакъ и Жуковскій зналъ не одну мечту о таинственномъ „тамъ“; ему была знакома и та томительная мечта, учившая желать осуществленія счастія „здѣсь“. Приведенные стихи вводятъ насъ въ самый разгаръ душевной борьбы, которую переживалъ поэтъ.

Стихотвореніе это писано черезъ два года послѣ того, какъ Жуковскій, не говоря ни слова самой Марьѣ Андреевнѣ, рѣшился просить ея руки у матери и получилъ не только отказъ, но и запрещеніе даже упоминать объ этомъ кому бы то ни было, всего же менѣе дочерямъ ея. Причиной отказа она объявила близкое родство съ ея дочерью. Сколько Жуковскій ни доказывалъ ей, что передъ лицомъ закона, по церковнымъ книгамъ, онъ ей даже и не родственникъ,—все было напрасно. Опираясь на уставы церкви, Протасова не соглашалась—и Жуковскій покорился.

XI.

Отечественная война.—Бородино.—Патріотическія стихотворенія Жуковскаго: „Пѣснь барда“ (1806) и „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“ (1812).

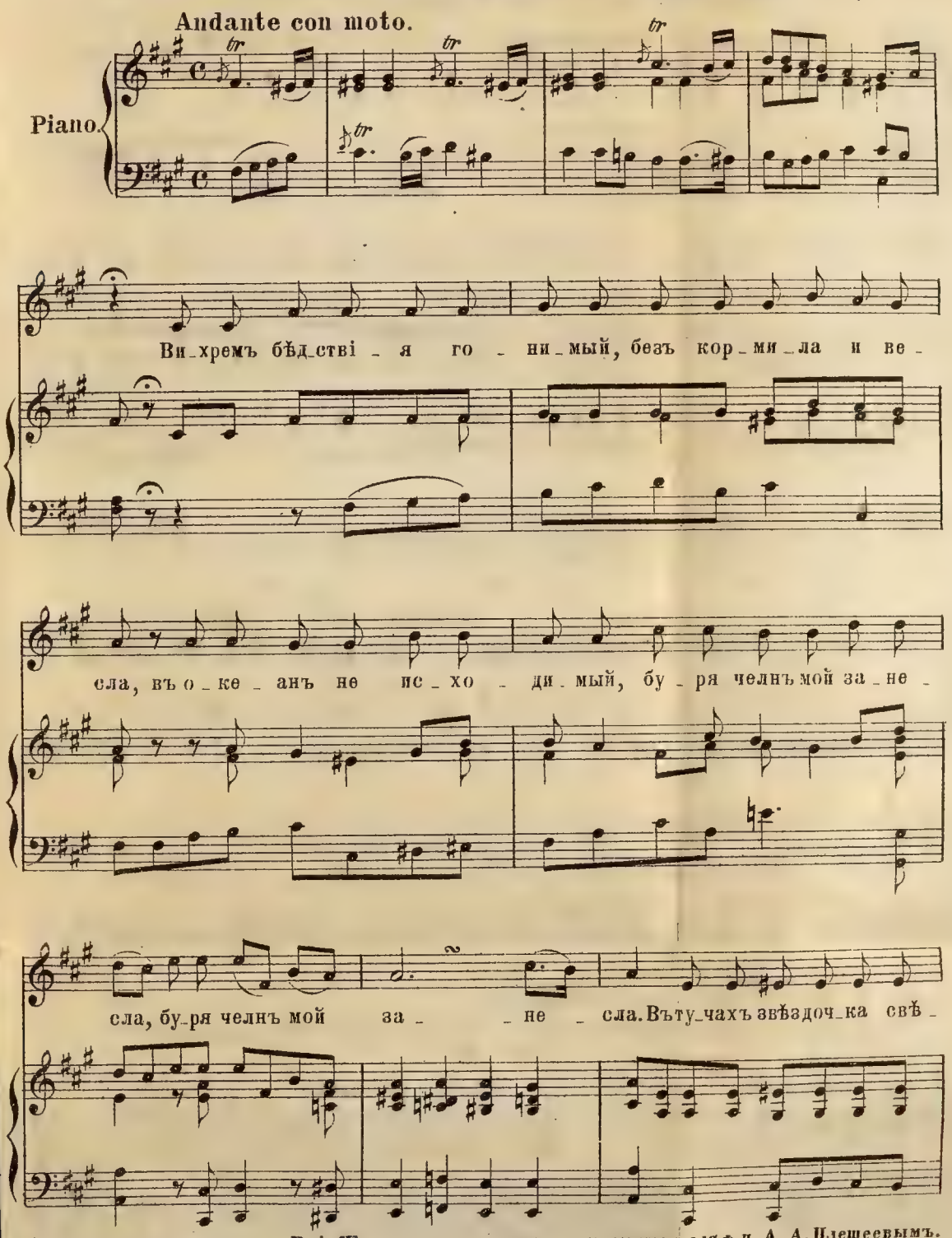
Это было въ 1812 году. Французскія войска уже перешли нашу границу, но никто внутри Россіи еще не предвидѣлъ ихъ успѣховъ. Въ помѣщичьей средѣ, у Плещеева, попрежнему веселились и праздновали семейные праздники; 3-го августа на концертѣ, въ день рожденія жены Плещеева, Жуковскій пѣлъ подъ музыку, сочиненную хозяиномъ дома, своего „Пловца“.

Безъ руля и веселъ пловецъ занесенъ въ океанъ. Гибель грозитъ ему, но Провидѣніе невѣдимою рукою вынесло его

ПЛОВЕЦЪ,

романсъ В. А. Жуковскаго,

положенный на музыку для фортепіано А. А. Плещеевымъ[1].



[1]) См. „Баллады и романсы В. А. Жуковскаго, положенные на музыку для ф. п. А. А. Плещеевымъ. Ч. I. Спб. 1832".

ти_лась. Не скры_вай_ся, я взы_валъ.

Не пре_клон_на_я со_кры_лась, я_корь былъ и тотъ про_

палъ. Не пре_клон_на_я со_кры_лась, я_корь былъ и тотъ про_

палъ, я_корь былъ и тотъ про_палъ.

Дозволено цензурою. Москва. 452 Скоропечатня нотъ П. Юргенсона въ Москвѣ.

изъ ревущихъ волнъ въ райскую обитель. Тамъ увидѣлъ онъ трехъ ангеловъ...

Пѣсня оканчивалась стихами:

...Радость
Ими жить, для нихъ дышать,
Ихъ рѣчей, ихъ взоровъ сладость
Въ душу, въ сердце принимать!
О судьба! одно желанье:
Дай всѣ блага имъ вкусить!
Пусть имъ радость—мнѣ страданье,
Но не дай ихъ пережить!

На этотъ разъ поэта вдохновило торжественное чувство самоотреченія. Въ самоотреченіи для счастія дорогихъ ему лицъ, подъ темной аллегоріей трехъ ангеловъ, Протасова, усмотрѣла однако свою семью, бывшую той „райской пристанью“ для нашего поэта. Она сочла эту пѣсню непозволительнымъ нарушеніемъ ея приказа—молчать о привязанности къ ея дочери—и на слѣдующій же день потребовала, чтобы Жуковскій уѣхалъ.

Прилагамъ ноты этой пѣсни, пропѣтой имъ у автора сочиненной къ нимъ музыки.

Съ небольшимъ черезъ недѣлю (12 августа) мы видимъ уже его поручикомъ Московскаго ополченія, а черезъ 12 дней, въ день Бородинской битвы (26 августа) близъ дѣйствующей арміи. Въ битвахъ ему не пришлось участвовать. По собственному его выраженію,

Въ рядахъ отечественной рати,
Пѣвецъ, по слуху знавши бой,
Стоялъ (онъ) съ лирой боевой
И мщенье пѣлъ для ратныхъ братій.

Онъ находился съ Московскимъ ополченіемъ въ резервѣ, хотя былъ и подъ ядрами, потому что долетали они всюду.

Вскорѣ послѣ сдачи Москвы, онъ причисленъ былъ къ штабу Кутузова. по приглашенію пріятеля своего, дежурнаго генерала Кайсарова. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ видѣнное въ эти достопамятные дни [1]):

„... Двѣ арміи стали на этихъ поляхъ одна передъ другою: въ одной Наполеонъ и всѣ народы Европы, въ другой—одна Россія. Наканунѣ сраженія (25 августа) все было спокойно: раздавались одни ружейные выстрѣлы, которыхъ безпрестанный звукъ можно было сравнить со звукомъ топоровъ, рубящихъ въ лѣсу деревья. Солнце сѣло прекрасно, вечеръ наступилъ безоблачный и холодный, ночь овладѣла небомъ, которое было темно и ясно, и звѣзды ярко горѣли; зажглись костры; наконецъ армія заснула вся съ мыслію, что на другой день быть великому бою. И тишина, которая тогда воцарилась повсюду, неизобразима; въ этомъ всеобщемъ молчаніи и въ этомъ глубокомъ темномъ небѣ, полномъ звѣздъ и мирно распростертомъ надъ двумя арміями, гдѣ столь многіе обречены были на другой день погибнуть, было что-то роковое и несказанное. И съ первымъ просвѣтомъ дня грянула русская пушка, которая вдругъ пробудила повсемѣстное сраженіе. Описывать это сраженіе здѣсь не у мѣста, да я и не умѣлъ бы это сдѣлать, ибо не видалъ подробностей кровавой свалки. Мы стояли въ кустахъ на лѣвомъ флангѣ, на который напиралъ непріятель; ядра, невидимо откуда, къ намъ прилетали; все вокругъ насъ страшно гремѣло; огромные клубы дыма подымались на всемъ полукружіи горизонта, какъ будто отъ повсемѣстнаго пожара, и наконецъ ужасною бѣлою тучею обхватили половину неба, которое тихо и безоблачно сіяло надъ бьющимися арміями. Во все продолженіе боя насъ мало-по-малу

---

[1]) См. письмо къ В. Кн. Маріи Николаевнѣ (1839 г.).

отодвигали назадъ. Наконецъ, съ наступленіемъ темноты, сраженіе, до тѣхъ поръ не прерывавшееся ни на минуту, умолкло".

Итакъ внезапно, изъ элегическихъ грезъ о семейномъ счастіи выхваченный 29-ти лѣтній мечтатель очутился среди непріятельскихъ костровъ и грома пушекъ, а черезъ 4 мѣсяца снова въ Муратовѣ, куда прибылъ 6 января 1813 г. послѣ горячки, которую перенесъ вслѣдъ за сраженіемъ подъ Краснымъ, въ Вильнѣ.

Этотъ военный эпизодъ изъ жизни Жуковскаго, такъ быстро промелькнувшій среди впечатлѣній иного рода, ознаменованъ въ поэтической дѣятельности его знаменитымъ „Пѣвцомъ во станѣ русскихъ воиновъ" [1]). Стихотвореніе произвело сильное впечатлѣніе среди тогдашняго общества.

Основная мысль стихотворенія—торжество побѣды, вызванное увѣренностію близкаго изгнанія враговъ, и возбужденіе воинскаго духа. Увѣренность въ близкой побѣдѣ была общимъ чувствомъ всѣхъ Русскихъ, и потому вполнѣ понятна популярность „Пѣвца", которую быстро пріобрѣлъ онъ, какъ только былъ напечатанъ.

Пѣснь состоитъ изъ тостовъ, предлагаемыхъ пѣвцомъ среди воиновъ, хоромъ отвѣчающихъ четверостишіями на каждое величаніе, которымъ онъ сопровождаетъ тосты свои. Хотя авторъ въ виньеткѣ, приложенной къ послѣднему изданію своихъ сочиненій, бывшему при его жизни, изобразилъ подъ видомъ пѣвца — самого себя въ казачьей курткѣ передъ товарищами-бородачами, лежащими около

---

[1]) „Судьба велѣла мнѣ," писалъ Жуковскій въ одномъ дружескомъ письмѣ, «видѣть войну во всѣхъ ея ужасахъ. Минута энтузіазма, весьма естественнаго при чтеніи манифестовъ нашего государя, заставила меня броситься на такую дорогу, которая мнѣ совсѣмъ не извѣстна» (Разсужденіе о пѣвцѣ въ станѣ р. в. Спб. 1822. 41).

костра: но ни слова пѣсни, ни лира, изображенная въ рукахъ этого казака, не соотвѣтствуютъ русской обстановкѣ виньетки.

Мы видѣли, насколько элегіи и баллады Жуковскаго представляли форму новую сравнительно съ русской поэзіей XVIII вѣка; новое содержаніе баллады, лирическое выраженіе личныхъ чувствъ, элегія въ особенности, мало-по-малу вырабатывались подъ перомъ Жуковскаго частію подъ вліяніемъ иностранной поэзіи, частію самобытно; онъ вживался нѣсколько лѣтъ въ эти романтическія представленія и создавалъ для нихъ особенныя краски, наиболѣе приспособленныя къ выраженію душевнаго страданія... какъ вдругъ теперь берется онъ за пѣснь радостную, хоръ военный. Изъ прежнихъ его произведеній было только одно подобнаго содержанія: это „Пѣснь барда надъ гробомъ Славянъ-побѣдителей“ (1806), вызванная военными обстоятельствами того времени. Мысль и этой „Пѣсни“—воззваніе къ мщенію послѣ того, какъ въ несчастный годъ Аустерлицкой битвы Германія была опустошена и обезсилена... Мѣста этой пѣсни, выражающія героическія чувства, были написаны стихомъ ложно-классической оды стараго, Ломоносовскаго характера:

„Друзья! се часъ побѣдъ! Славяне, возгремимъ!
Простите взоръ окрестъ! лишь дебри запустѣлы...
О, братья! О, сыны возвышенныхъ Славянъ,
Воспрянемъ! вамъ Перунъ для мщенья свыше данъ“...

Къ стилю, разъ навсегда усвоенному героическимъ произведеніямъ, казалось, долженъ былъ бы обратиться Жуковскій и теперь, въ своемъ „Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ“. Но къ классическому стилю героическихъ одъ уже привнесенъ былъ Державинымъ другой элементъ — оссіановскій. Въ одѣ Державина на взятіе Измаила 1790 года мы

уже встрѣчаемъ послѣ строфы, рисующей движеніе колонны Суворова къ Измаилу, стихъ:

Не бардъ ли древній, изступленный,
Волшебнымъ ихъ ведетъ жезломъ?

Въ другомъ мѣстѣ:

Иль мужа нѣка тѣнь сѣдая
Сидитъ очами озирая...

Въ знаменитой одѣ „Водопадъ" этихъ чертъ оссіановскихъ еще болѣе. Картины дикой природы, окружающей водопадъ, ревъ вѣтровъ, скрыпъ деревъ (стр. 29), животныя, оживляющія дикую картину, изображены оссіановскими красками; въ особенности напоминаетъ шотландскаго поэта появленіе тѣней умершихъ:

Но кто тамъ идетъ по холмамъ,
Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды черны?
Чья тѣнь спѣшитъ по облакамъ?
(Водоп. стр. 39).

Не удивительно, что уже въ первой героической „Пѣснѣ барда надъ гробомъ Славянъ" мы находимъ и у Жуковскаго слѣды этого стиля: онъ ждетъ, что при звукахъ пѣсни барда

Тѣни бранныя низринутыхъ во прахъ,
Скитаясь при лунѣ по тучамъ златорунным,
Сойдутъ на мрачный долъ...
Обвороженныя бряцаньемъ тихострунным...

И теперь, послѣ отданія Москвы, передъ сраженіемъ при Тарутинѣ, нашъ поэтъ возвышаетъ голосъ, подражая своимъ предшественникамъ. Однако же не мало принадлежитъ въ этой пѣснѣ и ему самому.

Размѣръ пѣсенъ и форма возглашенія пѣвцомъ хваленій въ сопровожденіи хора — принадлежатъ Жуковскому: размѣръ тотъ же, что и въ балладѣ „Громобой", т. е. 4 и 3

стопный ямбъ съ перемѣнными риѳмами, который Жуковскій могъ встрѣтить у Шиллера (напр. въ Männerwürde). Такой размѣръ въ одѣ былъ большою новостью. Утомленные традиціоннымъ сплошнымъ 4-хъ-стопнымъ ямбомъ одъ ломоносовскихъ, читатели вдругъ встрѣтили въ этой одѣ стихъ, не менѣе звучный, но болѣе оживленный.

Сохранивъ образы оссіановскіе, Жуковскій тѣмъ не менѣе дѣлаетъ шагъ впередъ къ тому, чтобы придать своему изображенію хотя нѣкоторый видъ русской картины. Пѣвца онъ не называетъ уже „бардомъ". Всѣ картины и фигуры воиновъ—въ томъ среднемъ стилѣ, который сливаетъ воедино образы классическіе съ древнерусскими и средневѣковыми рыцарскими. Этимъ стилемъ такъ удачно пользовалась наша скульптура первой половины нынѣшняго вѣка. Таковыя напримѣръ, изящныя фигуры въ извѣстныхъ медальонахъ гр. Ѳ. Толстаго на отечественную войну. Аттрибуты воиновъ Жуковскаго—аттрибуты и древне-русскихъ воиновъ—кольчуга, мечъ, стрѣлы, щиты; фантазія, соединяя героевъ древности (напр. Святослава) съ современными героями 1812 года, и не могла поступить иначе, какъ объединивъ ихъ облики этими общими очертаніями.

Но изображеніе Платова отличается и частными чертами, національными, и показываетъ, что Жуковскому такъ же, какъ и Державину, не были уже теперь чужды тоны русской народной поэзіи...

Хвала нашъ вихорь-Атаманъ,
Вождь невредимыхъ Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь;

Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту—мостъ изчезъ;
Лишь къ селамъ—пышутъ селы [1]).

Съ большимъ тактомъ однако же Жуковскій придалъ этому герою колоритъ сказочный, не переходя къ портретному изображенію атамана, дабы не нарушить тотъ стиль идеализаціи, которымъ проникнута эта лирическая пѣснь, гдѣ восхваляются лица различныхъ эпохъ: вѣдь странно было бы видѣть кольчуги Святослава и Дмитрія Донскаго рядомъ съ пудреною косою Суворова и чулками александровскихъ генераловъ.

Послѣ небольшаго вступленія, рисующаго осѣненный луною лагерь, пѣвецъ предлагаетъ первый тостъ за Святослава, Дмитрія Донскаго и двухъ Іоанновъ. Онъ указываетъ при этомъ на тѣни предковъ:

Смотрите, въ грозной красотѣ
Воздушными полками,
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами....

---

[1]) Ср. посланіе Державина „Атаману и войску донскому“ (1807). У Жуковскаго отразились слѣдующіе стихи этого посланія Платову:

Въ травѣ идешь—съ травою равенъ;
Въ лѣсу—и ровенъ лѣсъ съ главой,
На конь вскокнешь—конь тихъ, не правенъ,
Но вихремъ мчится подъ тобой;
По камню ль черну змѣемъ чернымъ
Ползешь ты въ ночь—и слѣду нѣтъ:
По влагѣ ль бѣлой гусемъ бѣлымъ
Плывешь ты въ день—лишь струйка слѣдъ;
Орломъ ли въ мглѣ паришь сгущенной—
Стрѣлу сѣчешь ей въ слѣдъ пущенной,
И, брося петли округъ шей,
Фазановъ удишь, какъ ершей.

Святославу влагаетъ онъ переданныя лѣтописцемъ слова его, сказанныя передъ битвою съ Греками: „Ляжемъ здѣ костьми, мертвіи бо срама не имуть“ въ стихѣ:

Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!

Второй кубокъ—за Петра I и Суворова.

Суворовъ изображенъ близко къ приведенному выше мѣсту „Водопада“ Державина:

Но кто сей рьяный великанъ,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящій вражій станъ
Вперилъ онъ страшны очи.

Третій кубокъ—за отчизну. Здѣсь-то помѣщены всѣмъ извѣстные прочувствованные стихи, которые въ этой чуждой обстановкѣ, вдали отъ родныхъ мѣстъ, невольно выразили, въ общемъ чувствѣ любви къ родинѣ, и личную привязанность поэта нашего къ Мишенскому:

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что̀ вашу прелесть замѣнитъ?

И оканчиваетъ идиллическую картину элегическимъ вопросомъ:

О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

„Тамъ все“, продолжаетъ онъ: „тамъ родныхъ милый домъ... и далѣе:

Тамъ дѣва—прелесть нашихъ дней.

Выражая такимъ образомъ личныя чувства автора, строфа имѣетъ и важное значеніе въ связи съ идеей стихотворенія—возбудить къ изгнанію врага изъ родной страны.

Четвертый кубокъ—за русскаго царя. Вмѣсто хвалы—здѣсь краткая клятва въ вѣрности и выраженіе любви къ государю.

Пятый кубокъ—за живыхъ ратныхъ и вождей ихъ. Здѣсь Кутузовъ изображенъ склонившимъ голову, а надъ нимъ—парящій орелъ, согласно распространившемуся въ то время слуху о томъ, что когда при Бородинѣ онъ строилъ полки, то надъ нимъ пролетѣлъ орелъ при радостныхъ кликахъ войска. Имѣя интересъ современности, картина орла, предвѣстника побѣдъ, здѣсь вяжется и съ главною мыслію строфы—возбужденіемъ довѣрія къ Кутузову.

Затѣмъ слѣдуютъ Ермоловъ, Раевскій, Милорадовичъ, Витгенштейнъ, Коновницынъ, Платовъ, Бенигсонъ, Остерманъ, Тормасовъ, Багговутъ (павшій въ началѣ Тарутинскаго дѣла), Дохтуровъ, Воронцовъ (изображенный здѣсь раненнымъ), Щербатовъ, Паленъ, Строгановъ, Фигнеръ, Сеславинъ, Денисъ Давыдовъ, извѣстный партизанъ поэтъ:

Онъ въ мірѣ счастливый поэтъ
Вина, любви и славы.

Затѣмъ Кудашевъ, Чернышовъ, Орловъ, Кайсаровъ.

Шестой кубокъ—за вождей павшихъ: Кульнева и юнаго Кутайсова, убитаго подъ Бородинымъ.

Здѣсь снова намекъ на всѣмъ въ то время извѣстный разсказъ, какъ послѣ Бородинской битвы увидѣли его лошадь, всю въ крови, бѣгавшую безъ сѣдока, и какъ не могли долго найти его тѣла:

О, горе! вѣрный конь бѣжитъ
Окровавленъ изъ боя;
На немъ его разбитый щитъ —
И нѣтъ на немъ героя.

Къ Кутайсову, какъ поэту (онъ любилъ литературу, писалъ и стихи), Жуковскій обращается съ особеннымъ сочувствіемъ. Надъ трупомъ павшаго поэта рисуетъ онъ картину, напоминающую обычные его мотивы: какъ прекрасная, въ слезахъ, пойдетъ искать милый прахъ его... и тихій духъ героя прилетитъ изъ таинственной сѣни и, невидимый, дастъ знать о себѣ ея чуткому сердцу.

Тостъ оканчивается хвалой Багратіону, также умершему отъ раны, полученной въ Бородинской битвѣ.

И вотъ вслѣдъ за этими жертвами, павшими въ ужасномъ бою, слѣдуетъ седьмой кубокъ—мщенію. Оно призывается на Наполеона, который называется здѣсь „злодѣемъ", „хищникомъ", „пришлецомъ" согласно общему настроенію тогдашняго русскаго общества. Въ современныхъ журналахъ имя французскаго императора постоянно сопровождалось подобными эпитетами.

Послѣ воззванія къ мщенію поэтъ обращается къ противоположнымъ чувствамъ, и два слѣдующіе кубка, восьмой и девятый посвящаетъ святому братству и любви.

Посвятивъ любви три строфы, авторъ оканчиваетъ ободреніемъ воиновъ, предлагая и имъ свое утѣшеніе:

Святое имя призовемъ
Въ минуту смертной муки;
Кѣмъ мы дышали въ мірѣ семъ,
Съ той нѣтъ и тамъ разлуки.

Хоръ вторитъ „Пѣвцу" въ слѣдующемъ четверостишіи:

„Въ тотъ міръ душа перенесетъ
Любовь и образъ милой....
О други, смерть не все возьметъ:
Есть жизнь и за могилой!“

Освятившись небеснымъ чувствомъ любви, поэтъ предлагаетъ десятый кубокъ за музъ.

„Пѣвцы—сотрудники вождямъ“, говоритъ онъ о поэтахъ. Упомянувъ о Боянѣ и Ломоносовѣ, Жуковскій обращается къ Державину. Онъ ожидаетъ услышать отъ престарѣлаго пѣвца екатерининскихъ героевъ его „лебединую пѣсню“ во славу новыхъ подвижниковъ. Здѣсь упоминаетъ онъ и о себѣ. Струны свои называетъ онъ незвучными.

Доселѣ тихимъ лишь полямъ
Моя играла лира....
Вдругъ жребій выпалъ: къ знаменамъ!
Прости, и сладость мира,
И отчій край, и кругъ друзей,
И трудъ уединенный....

При мысли, что быть можетъ, и ему суждено пасть въ битвѣ, онъ утѣшается однимъ, что послѣ него „привычный голосъ останется въ осиротѣвшей лирѣ“.

Одиннадцатый кубокъ посвященъ Богу силъ. Въ сильныхъ стихахъ, выраженныхъ сжатыми предложеніями, поэтъ указываетъ здѣсь и важнѣйшія условія счастія, и добродѣтели, какъ общественныя, такъ и личныя, необходимыя для водворенія этого счастія. Простота, смиреніе знатныхъ и сильныхъ; разумная умѣренность въ наслажденіи; вѣрность обѣту и честь; покорность правой власти; самопожертвованіе другу—и пламень страсти въ любви; утѣшеніе скорби ближняго и готовность помогать и спасать; борьба съ сильнымъ порокомъ и должное презрѣніе къ слабому; должная дань заслугамъ; наконецъ, мирная кончина съ вѣ-

рою—вотъ тотъ кодексъ общественныхъ и личныхъ добродѣтелей, который сложился у нашего поэта и нашелъ здѣсь полное свое выраженіе.

Пѣснь оканчивается картиной наступающаго утра. Элегическая душа поэта при мысли, что многихъ не окажется въ этихъ рядахъ, когда новый день склонится къ вечеру,—прерывается вѣстовымъ выстрѣломъ. Пѣвецъ предлагаетъ послѣдній (двѣнадцатый) кубокъ—прощанію. Послѣднія стихи пѣсни—завѣтъ, который всѣ должны дать передъ боемъ другъ другу: здѣсь — вѣрная любовь, тамъ — сладкое свиданіе.

Кратковременная военная служба Жуковскаго подала поводъ и къ произведеніямъ его пера въ другомъ родѣ. И. Н. Скобелевъ, бывшій квартиргеромъ главной квартиры Кутузова, получивъ порученіе составить нужную дѣловую бумагу, никакъ не могъ выполнить эту работу; Жуковскій вызвался написать вмѣсто него, и бумага совершенно удовлетворила Коновницына и Кутузова. Коновницынъ обратилъ вниманіе на первый литературный опытъ Скобелева и на каждомъ переходѣ давалъ ему работу, болѣе важную. Жуковскій отъ скуки исполнялъ всѣ эти порученія. Подъ Вязьмой Скобелеву былъ порученъ уже цѣлый приказъ. Онъ поразилъ всѣхъ своимъ слогомъ, отличавшимся отъ приказовъ, до тѣхъ поръ выходившихъ изъ дежурства, а одна бумага, поднесенная Кутузову подъ Краснымъ, такъ ему понравилась, что онъ спросилъ Коновницына: «Откуда, душа моя, взялъ ты такого Златоуста?» Тотъ назвалъ Скобелева. Говорятъ, что Кутузовъ зналъ секретъ, но хотѣлъ польстить князю и просилъ представить ему Златоуста. Скобелевъ былъ обласканъ и награжденъ и вскорѣ получилъ устное приказаніе написать проектъ какой-то бумаги, который онъ и представилъ черезъ нѣсколько часовъ. Прослушавъ прочитанное,

Кутузовъ принялъ видъ недовольный и гнѣвно приказалъ Скобелеву въ другой разъ не терять времени на проекты а представлять писанное прямо на-бѣло. До Вильны важныхъ порученій не было, но въ этомъ городѣ главнокомандующій по нѣскольку разъ въ день призывалъ Скобелева, задавая ему темы, которыя тотъ даже плохо понималъ, прося позволенія записывать приказанія. Въ Вильнѣ были такимъ образомъ написаны: донесеніе Государю и приказъ по арміи; въ то же время велась черезъ Скобелева переписка съ Платовымъ о пожертвованіи отбитаго церковнаго серебра въ пользу церкви, а также сношенія съ митрополитомъ.

Наконецъ дѣло пришло къ разгадкѣ. Въ Вильнѣ часть войскъ получила повелѣніе возвратиться на родину, а армія двинулась за границу. Скобелевъ, уже полковникъ, увѣшанный орденами, долженъ былъ разстаться съ Жуковскимъ. До Калиша не приходилось писать ничего. Кутузовъ берегъ своего Златоуста для дѣлъ важныхъ. И вотъ—вступленіе Пруссаковъ въ союзъ съ нами потребовало громкаго приказа по арміи, съ выраженіемъ политическихъ воззрѣній. Кутузовъ призвалъ Скобелева, велѣлъ ему сѣсть и записать главныя темы приказа. Сверхъ того, отпуская его, прибавилъ: „Смотри, братъ, это первый приказъ, который Европа переведетъ на свой языкъ, не ударь же насъ лицомъ въ грязь; напиши съ вечера, а поутру просмотри, да пораньше и принеси ко мнѣ". Скобелевъ исполнилъ приказаніе, и когда на слѣдующій день сталъ читать собственное свое сочиненіе, Кутузовъ добродушно замѣтилъ ему, что вѣроятно онъ порядкомъ погулялъ съ товарищами въ первомъ заграничномъ городѣ, и велѣлъ приказъ передѣлать къ вечеру же.

Скобелевъ не потерялъ присутствія духа. Не дожидаясь вечера, тотчасъ послѣ обѣда, явился онъ къ фельдмаршалу

съ новымъ приказомъ. Выслушавъ его, Кутузовъ строго велѣлъ изготовить бумагу къ вечеру со всѣми поправками, указанными ему еще поутру. Когда полковникъ вышелъ, Кутузовъ завелъ разговоръ о немъ съ присутствовавшими. Стали говорить о слухахъ, что прежнія бумаги писалъ не онъ, а жившій вмѣстѣ съ Скобелевымъ Жуковскій. Кутузовъ тотчасъ послалъ за Скобелевымъ и, съ свойственной ему сдержанностію, ласково спросилъ: правда ли то, что разсказываютъ? Скобелевъ не рѣшился запираться и признался во всемъ, испрашивая прощенія. Откровенность эта понравилась князю; улыбаясь, онъ замѣтилъ только: «Значитъ не ты Златоустъ, а Жуковскій, а тебя чуть-ли не много назвать и мѣдноустомъ! Ступай, братецъ; извини только за поклепъ мой, что ты почью водку пилъ. За одно тобою недоволенъ, что ты прежде не сказалъ мнѣ, что Златоустъ-то твой товарищъ: мы бы его не упустили.» Данилевскій прибавляетъ, будто посланъ былъ фельдъегерь въ Вильну съ письмомъ, въ которомъ поручалось предложить Жуковскому прибыть въ главную квартиру, но его уже не застали въ Вильнѣ,—а вскорѣ затѣмъ умеръ и фельдмаршалъ [1]).

XII.

Напрасныя надежды Жуковскаго.—Воейковъ.—Его вмѣшательство въ семейныя отношенія Протасовыхъ —Вторичный отказъ Жуковскому. — Жизнь въ Долбинѣ.—Долбинскія стихотворенія.—«Эльвина и Эдвинъ».—«Эолова арфа».

Между тѣмъ Марьѣ Андреевнѣ Протасовой было разсказано о любви къ ней Жуковскаго и объ отказѣ матери. Жизнь

[1]) Разсказъ этотъ заимствованъ нами изъ „Древн. и нов. Росс." 1877, II.

его вблизи Протасовыхъ стала тягостною. Въ дневникѣ своемъ онъ раскрываетъ ту душевную тоску, которая не въ поэтическомъ уборѣ выразилась здѣсь съ большой силою и безъ всякой отрады:

„Мысль, что все можетъ перемѣниться, была моей подпорой. И эта мысль не помѣшала мнѣ пріобрѣсти совершеннаго равнодушія къ жизни, которое убійственно для всякой дѣятельности. Другимъ нужно несчастіе, чтобы привести въ силу ихъ душевныя качества; мнѣ, напротивъ, нужно счастіе, то счастіе, которое можетъ быть моимъ».

Все еще была надежда у Жуковскаго; она его поддерживала. Но весь 1813 годъ прошелъ въ смѣнѣ этой надежды съ отчаяніемъ.

Желая уяснить себѣ, что онъ дѣйствительно не желаетъ ничего противнаго чести и добродѣтели, онъ рѣшается посовѣтоваться съ человѣкомъ почтеннымъ, который могъ бы быть авторитетомъ въ вопросахъ нравственности и совѣсти. Выборъ его палъ на извѣстнаго Ивана Владиміровича Лопухина. 12 февраля онъ поѣхалъ къ нему. Маститый масонъ благословилъ поэта.

Успокоенный этимъ совѣтомъ, Жуковскій воскресъ нравственно. Но въ концѣ года въ семью Протасовыхъ пріѣхалъ А. Ѳ. Воейковъ. Трудно себѣ представить личность, болѣе противоположную Жуковскому. «Это былъ», говоритъ о немъ его біографъ, «характеръ одной минуты, одного часа. На характерѣ этомъ отразилось нѣсколько эпохъ историческаго и литературнаго движенія... Отъ XVIII вѣка... онъ наслѣдовалъ легкую либеральную бойкость, раздражительную предпріимчивость и какую-то самодовольную недоконченность въ характерѣ. Отъ XIX столѣтія... Воейковъ, уже 25 лѣтній юноша, усвоилъ... разгулъ и неразборчивую насмѣшку, безпечность и мотовство, кабинетное отвращеніе къ злу и въ то же время рав-

подушное умѣніе примиряться съ тѣмъ, что̀ въ частной бесѣдѣ, повидимому, волновало всю его душу. Пылая въ счастливую пору общихъ надеждъ высокими стремленіями, онъ не былъ въ сущности страстно и глубоко привязанъ ни къ одному изъ нихъ. Результатъ былъ тотъ, какого и слѣдовало ожидать въ подобномъ положеніи: неудовлетворенная болѣзненная дѣятельность, отсутствіе опредѣленнаго образа воззрѣній"... „Не вынесшій изъ своей долгой жизни никакого завѣтнаго идеала, ни одного твердаго принципа, онъ неизбѣжно долженъ былъ метаться во всѣ стороны и пойти по шаткой дорогѣ"... „Маленькій ростомъ, живой и остроумный, съ отличнымъ образованіемъ и хорошимъ состояніемъ, Воейковъ еще до литературной своей извѣстности былъ замѣтенъ въ числѣ отборнѣйшаго московскаго общества". Впослѣдствіи, опираясь на короткое знакомство съ знатью, и съ другой стороны находясь въ родствѣ съ Карамзинымъ и Жуковскимъ, пріятель Мордвинова, Дашкова, Перовскаго и др. онъ этимъ самымъ пріобрѣлъ большую независимость и въ обществѣ, и въ литературѣ. Даже неумолимый Аракчеевъ былъ довольно любезенъ съ Воейковымъ". [1])

Теперь онъ уже пользовался значительной извѣстностью въ литературныхъ кругахъ; онъ только что воротился изъ путешествія на югъ Россіи и увлекалъ общество своими живыми разсказами обо всемъ видѣнномъ. Эти-то разсказы дали матеріалъ для прекраснаго посланія къ нему Жуковскаго, гдѣ онъ передаетъ ихъ въ изящныхъ 4-хъстопныхъ ямбахъ [2]). Воейковъ, котораго Жуковскій назы-

---

[1]) Е. Калбасина: Литературные дѣятели прежняго времени (243, 245 и 251).

[2]) См. Соч. 1878. I, 319.

ваетъ въ этомъ посланіи „товарищемъ и другомъ, хотя и льстецомъ", дѣйствительно умѣлъ закрадываться въ довѣренность другихъ. Онъ вскорѣ пріобрѣлъ эту довѣренность и у Протасовой, и въ дѣлѣ сватовства Жуковскаго высказался за воззрѣніе матери, не вполнѣ искренно раздѣляя какъ сообщаетъ Зейдлицъ, ея религіозныя убѣжденія.

Гречъ (отзывы котораго однако же приводимъ не безъ оговорки въ томъ, что въ нихъ можетъ быть и пристрастіе), пишетъ въ своихъ запискахъ, что Воейковъ, спустивъ свои двѣ тысячи душъ среди предосудительной жизни, заѣхавъ въ Бѣлевъ, втерся въ кругъ Жуковскаго; въ 1812 году пошелъ было въ ополченіе, но былъ ли на дѣйствительной службѣ—неизвѣстно, и по окончаніи войны вернулся въ Бѣлевъ [1]).

Прошелъ уже годъ послѣ совѣта Жуковскаго съ Лопухинымъ и однако же дѣло не подвинулось ни на шагъ. Даже, письмо Филарета, въ то время Архимандрита и ректора Александро-Невской Духовной Академіи, которое Ал. Ив. Тургеневъ переслалъ своему другу, и въ которомъ ученый богословъ заявлялъ, что браку Жуковскаго съ Марьей Протасовой препятствія не видитъ, не помогли дѣлу.

Но онъ не терялъ надежды. Въ стихотвореніи, написанномъ въ день своего рожденія, 29 января 1814 года, обращенномъ къ Марьѣ Андреевнѣ, сравнивая себя съ человѣкомъ, которому суждено влачить всю жизнь тщетно гоняясь за мечтой, онъ бодро восклицаетъ:

Но жребій мой иной!
Мнѣ ангелъ мой хранитель,
Твой видъ принявъ, сказалъ: я другъ на вѣки твой!
Въ семъ словѣ все сказалъ небесный утѣшитель;

Р. С. 1874. 623 и д.

Въ семъ словѣ цѣль моя, надежда и вѣнецъ!
Благодарю за жизнь, Творецъ!

Но надежда обманула его снова.

Весною того же года, по совѣту Плещеевыхъ, онъ переговорилъ съ самой Марьей Андреевной и съ ея дозволенія повторилъ просьбу руки ея у матери. Полученъ былъ снова отказъ. Пребываніе его у Протасовыхъ стало невозможнымъ, и къ осени онъ покинулъ свою деревню подлѣ Муратова и переѣхалъ къ Юшковымъ (Аннѣ и Авдотьѣ Петровнамъ, дочерямъ Варвары Аѳанасьевны) въ ихъ село Долбино, Калужской губ., Лихвинскаго уѣзда, также недалеко отъ Бѣлева.

Между тѣмъ сестра Марьи Андреевны Александра Андреевна „сдѣлалась", какъ пишетъ Гречъ, „предметомъ страсти Воейкова; но смѣлъ ли онъ, ничтожный человѣкъ, промотавшійся дворянинъ, какъ называлъ его Милоновъ, мечтать о счастіи—получить ея руку? Что же случилось?

Въ апрѣлѣ 1814 года Воейковъ явился въ домѣ Протасовыхъ въ глубокомъ траурѣ съ плерезами, и могильнымъ голосомъ объявилъ, что онъ осиротѣлъ въ мірѣ, что братъ его умеръ отъ ранъ, полученныхъ имъ при взятіи Парижа: „У меня теперь двѣ тысячи душъ—а я бѣднѣйшій человѣкъ въ мірѣ." Непритворная, какъ казалась горесть его тронула весь женскій міръ... но двѣ тысячи душъ произвели также сильный эффектъ. Послышались произносимыя въ такихъ случаяхъ шепотомъ фразы: „дѣвушку пристроить; женится—перемѣнится"... Воейковъ посватался, и Сашеньку за него отдали. День свадьбы вырѣзалъ онъ на своей печаткѣ".

„Едва прошли двѣ недѣли медоваго мѣсяца прибавляетъ Гречъ," какъ явился братъ Иванъ въ опроверженіе подап-

наго Воейковымъ въ Тульскую гражданскую палату прошенія справить за нимъ 2000 родовыхъ душъ, по кончинѣ брата, падшаго за вѣру и царя. Иванъ Ѳедоровичъ былъ тяжело раненъ въ правую руку и, имѣя надобность въ деньгахъ, написалъ приказъ своему старостѣ рукою товарища. Староста, не смѣя вѣрить чужой рукѣ, принесъ письмо къ Александру, и тотъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ жениться на 15-лѣтней красавицѣ. Что было дѣлать? Двѣ тысячи душъ изчезли [1])...»

На многія письма, которыя посылалъ Жуковскій къ неумолимой Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ, отвѣта не воспослѣдовало. Черезъ постороннихъ узналъ онъ и о предположеніи ея выдать младшую дочь Александру Андреевну за Воейкова и переселиться въ Дерптъ, гдѣ Воейковъ, при посредствѣ Жуковскаго, получилъ черезъ А. Н. Тургенева мѣсто профессора русской словесности [2]).

---

[1]) Ibid. 623 и д.

[2]) По отзыву Греча, Воейковъ былъ самымъ плохимъ профессоромъ: на лекціяхъ, на которыя являлся рѣдко, не преподавалъ ничего, а только читалъ стихи Жуковскаго и Батюшкова, приправляя свое чтеніе насмѣшками надъ Хвостовымъ, Шаликовымъ и проч. Такъ продолжалось шесть лѣтъ во все время попечительства Клингера; въ 1820 г. поступилъ попечителемъ Дерптскаго университета кн. К. А. Ливенъ... ... Явились къ нему на общій смотръ всѣ профессоры. Онъ сталъ принимать ихъ одного за другимъ и многимъ изъ нихъ отдавалъ какія-то бумаги, приговаривая: „Вотъ доносъ на васъ". Когда подошелъ Воейковъ, князь поблѣднѣлъ и закричалъ: „Вонъ отсюда!" (Р. С. 1874. III. 625).

Не одинъ Гречъ безславилъ А. Ѳ. Воейкова. Даровитый авторъ „Октавъ" Вердеревскій заклеймилъ его слѣдующей эпиграммой:

Окалѣченный пигмей,
Этотъ новый Асмодей
Съ сардонической улыбкой
Родился на свѣтъ ошибкой
По подобію людей!
Сзади, спереди и въ профиль

Поэтъ нашъ, выжитый изъ милаго семейства Воейковымъ, оставался въ Долбинѣ. Онъ жилъ тамъ даже и въ отсутствіе хозяекъ, уѣзжавшихъ въ Москву,—подъ покровительствомъ Гринева (управляющаго с. Долбина)—какъ онъ выразился въ одномъ изъ стихотворныхъ писемъ къ Плещееву. Въ сосѣдствѣ посѣщалъ онъ знакомыхъ: баронессу Черкасову въ с. Володьковѣ, которая посылала за нимъ экипажъ, полковника Свѣчина и др.

Какъ же перенесъ поэтъ новый ударъ, поразившій его до глубины души? Долбинскія тетради и письма даютъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Онъ начинаетъ ихъ такими словами:

„Выписка изъ моего устава. Заниматься безпрестанно и всегда самымъ лучшимъ образомъ. Во всякую минуту думать: не могу ли сдѣлать что̀ лучше—и дѣлать. Довѣренность къ Творцу и надежда на все хорошее. Аминь“.

„Activité dans un petit cercle. Persévérance!“ прибавляетъ онъ: „Ein einziger Augenblick kann alles umgestalten. Счастіе впереди! Вопреки всему, будь его достоинъ, и оно будетъ твое“.

Живу безъ страха межъ людей,
Мой кровъ святое Провидѣнье,
А спутники грядущихъ дней—
Любовь, надежда и терпѣнье [1])“...

пишетъ онъ въ это время Азбукину [2]).

Адски выразился въ немъ
Съ злонамѣреннымъ умомъ
Совершенный Мефистофель (Р. С. 1874, III, 585).

[1]) Соч. Жук. I, 508.

[2]) Василій Андреевичъ Азбукинъ—сводный братъ Марьи Андреевны, женатый на Екатеринѣ Петровнѣ Юшковой—былъ начальникомъ Жуковскаго по службѣ въ ополченіи 1812 года.

Удаленіе отъ Протасовыхъ цѣлительно подѣйствовало на душу поэта. „Моя душа“, пишетъ онъ къ своимъ Долбинскимъ подругамъ, „ближе ко всему прекрасному; съ ней милѣе всѣ прекрасныя мысли—о провидѣніи, о добрѣ, о настоящей славѣ“... „Не безпокойтесь обо мнѣ; не представляйте себѣ моего состоянія низкимъ уныніемъ. Жизнь безъ счастія кажется мнѣ теперь чѣмъ-то священнымъ, величественнымъ“.

Это душевное просвѣтлѣніе сказалось въ усиленной поэтической производительности поэта и тѣмъ равновѣсіемъ духа, которое чувствуется въ бо̀льшей части стихотвореній, вышедшихъ изъ подъ пера его во время этого добровольнаго изгнанія. [1]) Тѣмъ же глубокимъ душевнымъ миромъ объясняется и та свѣтлая шутливость, которая разсыпана въ его „Долбинскихъ стихотвореніяхъ“, какъ онъ самъ назвалъ ихъ.

Памятникомъ этой поры остался цѣлый рядъ ихъ. Это самыя разнообразныя, большей частію шутливыя записочки и посланія. Онъ глубоко затаилъ свое горе, и только порою вырывалось оно въ его произведеніяхъ иного характера.

Такова, напримѣръ, баллада „Эльвина и Эдвинъ“ (изъ Маллета), гдѣ изображается взаимная любовь двухъ разлученныхъ суровымъ отцомъ:

Съ холодностью смотрѣлъ старикъ суровый
На ихъ любовь—на счастье двухъ сердецъ.
„Разстаньтесь!“ роковое слово
Сказалъ онъ наконецъ.

---

[1]) Одно изъ нихъ даже безпощадно колко въ отношеніи къ его собственному чувству. Вотъ его заглавіе: „Любовная карусель, или пятилѣтнія меланхолическія стручья сердечнаго люблепія, тульская баллада.“ (не издано).

Не трудно узнать здѣсь отголосокъ отвѣта Е. А. Протасовой.

Борьба между влеченіемъ сердца и необходимостію покориться выражена здѣсь такъ:

Увы, Эдвинъ, въ какой борьбѣ въ немъ страсти!
И ни одной нѣтъ силы побѣдить;
Какъ не признать отцовской власти?
Но какъ же не любить?

Въ тоскѣ отцвѣлъ Эдвинъ и умирая проситъ друзей дать ему хоть разъ взглянуть на Эльвину.

Она пришла, но взоръ любви всесильный
Уже тебя, Эдвинъ, не воскреситъ!

Но разлученные людьми здѣсь, тѣмъ скорѣе соединятся въ иномъ мірѣ:

И въ тьмѣ ночной, покинувши Эдвина,
Домой она вблизи кладбища шла,
Души не чувствуя Эльвина...
Кругомъ густѣла мгла....

. . . . . .

И вся душа въ Эльвинѣ замирала,
И взоръ ея во всемъ его встрѣчалъ,
Казалось, тѣнь его летала,
Казалось, онъ стеналъ.

Но.... вотъ и въявь ужъ слышится Эльвинѣ:
Вдали провылъ уныло тяжкій звонъ;
Какъ смерти голосъ, по долинѣ
Промчавшись, стихнулъ онъ—

И къ матери безъ памяти вбѣжала—
Блѣдна, и свѣтъ въ очахъ ея темнѣлъ.
„Прости, все кончено!“—сказала—
Мой Ангелъ улетѣлъ!

Благослови!... зовутъ... Иду къ Эдвину....
Но для тебя мнѣ жаль покинуть свѣтъ...
Умолкла... мать зоветъ Эдвину....
Эдвины—больше нѣтъ!

Разлука же раздѣляетъ любящихъ и въ другой балладѣ: „Алина и Альсимъ“ (изъ Монкрифа).

Зачѣмъ, зачѣмъ вы разорвали
Союзъ сердецъ?
„Вамъ розно жить“! вы имъ сказали—
Всему конецъ!

такъ начинается эта баллада.

Алина разлучена матерью съ милымъ, выдана замужъ за немилаго. Она покорилась судьбѣ своей...

Но все по прежнему, печали
Душа полна;
И что бы взоры ни встрѣчали —
Все мысль одна.
Такъ безутѣшная томила
Пять лѣтъ себя,
Все упрекая, что любила,
И все любя.
Разлуки жизнь—воспоминанье;
Имъ полонъ свѣтъ;
Хотѣть прогнать его—страданье,
А пользы нѣтъ.
Все поневолѣ улетаетъ
Къ мечтѣ своей;
Твердя: забудь! напоминаетъ
Душѣ объ ней.

Къ тому же времени относится и знаменитая «Эолова арфа».

Бѣдный пѣвецъ Арминій любитъ дочь гордаго Ордала. Ихъ разлука неизбѣжна. Онъ покидаетъ Мальвину, привязываетъ свою арфу къ вѣтвистому дубу и даетъ заклинаніе, что въ эти вѣрныя струны перейдетъ его душа, когда его болѣе не будетъ.

Съ тѣхъ поръ, унывая,
Минвана, лишь вечеръ, ходила на холмъ,

И звукамъ внимая,
Мечтала о миломъ, о свѣтѣ другомъ...
И нѣтъ ужъ Минваны...
Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей
Восходятъ туманы,
И свѣтитъ какъ въ дымкѣ луна безъ лучей—
Двѣ видятся тѣни:
Сліявшись, летятъ
Къ знакомой имъ сѣни...
И дубъ шевелится, и струны звучатъ.

Свадьба Александры Андреевны съ Воейковымъ была назначена въ іюлѣ, но она затянулась за неимѣніемъ денегъ на приданое. Тогда Жуковскій продалъ свое имѣніе, купленное имъ на деньги, завѣщанныя Буниной, за 11.000 р. и подарилъ ихъ племянницѣ.

Онъ писалъ послѣ этого, что его утѣшаетъ мысль, что теперь онъ болѣе независимъ ни отъ кого и ни отъ чего, что если сестра не можетъ ничего дать ему, то не можетъ болѣе и ничего отъ него взять. Онъ испытывалъ въ это время гордое чувство независимости.

Другимъ свадебнымъ подаркомъ Жуковскаго Александрѣ Андреевнѣ была его знаменитая „Свѣтлана".

Это совершенная противоположность „Ленорѣ" и „Людмилѣ", хотя и представляетъ передѣлку ихъ. Тонъ ея радостный; самые ужасы, представленные здѣсь сномъ героини, введены въ разсказъ только какъ средство усилить счастіе соединенія ея съ суженымъ. Сверхъ того, обстановка впервые выдержана русская. Ожиданіе жениха происходитъ въ крещенскій вечеръ, среди гаданія русскихъ дѣвушекъ; конь Леноры замѣненъ русской тройкой. Зимняя картина—правдивый пейзажъ русской степи:

Сѣли ...кони съ мѣста въ разъ,
Пышутъ дымъ ноздрями,

Отъ копытъ ихъ поднялась
Вьюга надъ санями.
Скачутъ... пусто все вокругъ,
Степь въ очахъ Свѣтланы,
На лунѣ туманный кругъ,
Чуть блестятъ поляны....
...Вдругъ метелица кругомъ,
Снѣгъ валитъ клоками,
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями;
Воронъ каркаетъ: печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
Подымая гривы;
Брежжетъ въ полѣ огонекъ,
Видѣнъ мирный уголокъ,
Хижина подъ снѣгомъ.
Кони борзые быстрѣй,
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Среди самыхъ ужасовъ, въ этой хижинѣ, гдѣ она покинута въ обществѣ мертвеца, Свѣтланѣ является утѣшитель въ видѣ голубка, и въ самую минуту, когда ей открывается, что мертвецъ—ея милый, весь ужасъ сна отлетаетъ съ радостнымъ пробужденіемъ, а съ нимъ и эта злополучная ночь. Ее смѣняетъ ясное морозное утро:

Сѣла (тяжко поетъ грудь)
Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
Видѣнъ сквозь тумана:
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
Паръ алѣетъ тонкій...
Чу!... вдали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкій;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ, какъ будто на крылахъ,
Санки кони рьяны;
Ближе, вотъ ужъ у воротъ;

Статный гость къ крыльцу идетъ...
Кто?.. Женихъ Свѣтланы.

Къ балладѣ авторъ присоединилъ обращеніе къ племянницѣ, гдѣ онъ толкуетъ смыслъ ея. Она есть выраженіе самаго радужнаго взгляда на жизнь и представляетъ одно изъ немногихъ произведеній поэта, гдѣ элегическое чувство быстро переходитъ въ настроеніе, которое дышетъ всею полнотою радости жизни:

Здѣсь несчастье—лживый сонъ;
Счастье—пробужденье.

Такова мысль баллады. Источникомъ счастія указана вѣра; закономъ Зиждителя—благо. Болѣе полнаго выраженія оптимизма въ воззрѣніяхъ нашего поэта мы не встрѣчаемъ нигдѣ въ его произведеніяхъ.

Душевная бодрость, которая проникаетъ всю балладу обличаетъ и время ея написанія, исполненное надеждъ на собственное семейное счастіе. Она носитъ признаки одновременнаго происхожденія съ „Пловцомъ“ и стихотвореніемъ „Добрая мать“, гдѣ изображается Е. А. Протасова и которое оканчивается словами:

Что жъ Богъ въ награду далъ
Сихъ доблестей чудесныхъ?
Двухъ ангеловъ прелестныхъ
Онъ съ неба къ ней послалъ,
Чтобъ въ сей юдоли слезъ
Ее не покидали,
И на землѣ являли
Ей радости небесъ.

Пережитая же теперь Жуковскимъ душевная тревога не могла не произвести серьезнаго поворота въ стремленіяхъ поэта. Онъ не нашелъ удовлетворенія своему идеалу семей-

наго счастія и любви—и впервые почувствовалъ жажду инаго удовлетворенія: жажду славы.

«Слава для меня теперь—имя святое», пишетъ онъ въ упомянутомъ выше письмѣ къ подругамъ своимъ.

Онъ строго отличалъ „настоящую славу" отъ иной состоящей въ успѣхахъ свѣтскихъ. Это еще болѣе ясно изъ слѣдующихъ словъ другаго дружескаго письма, гдѣ онъ говоритъ о свѣтскихъ успѣхахъ: «Бѣда писателю, если вздумаетъ имѣть эту безславную славу, эти низкія почести..» «Обвитый розами скелетъ»—это можно сказать не объ одной славѣ, но о жизни, т. е. о томъ, что называютъ жить въ обыкновенномъ смыслѣ, объ этомъ безпрестанномъ движеніи, объ этихъ разговорахъ безъ интереса, объ этихъ свиданіяхъ безъ радости и разлукахъ безъ сожалѣнія, объ этомъ хаосѣ свѣта—скелетъ! скелетъ!» [1])

XIII.

Взятіе Парижа.—Всеобщія хвалы Императору Александру I.—„Посланіе Александру I-му" Жуковскаго.

Прежде нежели пойдемъ далѣе въ нашихъ наблюденіяхъ судьбы Жуковскаго, слѣдуетъ упомянуть о событіяхъ, имѣвшихъ большое значеніе для всего русскаго общества. Эти событія извлекли и Жуковскаго изъ его уголка личной жизни въ сферу общественную, а вступленіе на этотъ путь открыло ему доступъ, какъ увидимъ далѣе, и на то поприще, которое придало нашему поэту значеніе человѣка государственнаго, если не по внѣшнему положенію, то по той нравственной связи, которая установилась между нимъ и царскимъ семействомъ.

---

[1]) Рѣчь Шевырева, 12. Письмо къ А. П. Елагиной 1815 г.

Это сближеніе совершилось во имя тѣхъ великихъ дней отечественной славы, которая отозвалась съ равною силою и въ нѣдрахъ царскаго семейства, и въ массахъ русскаго народа. Не происки честолюбиваго искательства, не угодничество праздному славолюбію двора сблизили семью „властелина Европы“ съ пѣвцомъ идеаловъ, не признававшимъ противорѣчія обыденной жизни съ грезами поэзіи. Событія были такъ чрезвычайны, такъ далеки отъ прозы будничнаго существованія, такъ исполнены своего рода поэзіи, что трудно было поэту, захваченному вихремъ этихъ событій, избѣжать ихъ идеализаціи и не преклониться передъ тѣмъ, кому суждено было стать вождемъ этихъ событій. Александръ Благословенный являлъ собою въ тѣ дни предметъ, дѣйствительно просившійся въ поэму. Жуковскому ли, этому чистому сердцемъ идеалисту, было почувствовать въ эти дни ту горечь осадка, которая чрезъ много лѣтъ сказалась въ умахъ скептическихъ, когда стали и великимъ днямъ подводить неумолимые итоги?

Въ началѣ 1813 года, послѣ истребленія наполеоновыхъ полчищъ, когда всѣ, и въ томъ числѣ канцлеръ Румянцевъ и Кутузовъ, считали наилучшимъ заключить миръ, Императоръ Александръ поставилъ своею цѣлію умиротвореніе Европы. Зная Наполеона, онъ понималъ, что достигнуть этого возможно лишь окончательнымъ его низложеніемъ. Онъ рѣшился войну продолжать, хотя она была настолько же на пользу Россіи, насколько и на пользу другихъ государствъ Европы. Только посредствомъ ея могло совершиться освобожденіе Германіи.

Война кончилась взятіемъ Парижа. 18-го марта, стоя подъ Парижемъ, Императоръ послалъ сказать главнокомандующему французскими войсками: „Государь требуетъ сдачи Парижа, стоитъ подъ стѣнами его съ малочисленной

арміей и ведетъ войну не съ Франціей, а съ Наполеономъ".

„Парижъ не устоитъ", говорилъ онъ, „но Богу, даровавшему мнѣ силу и побѣду, угодно, чтобы я употребилъ ихъ для мира и спокойствія вселенной. Если возможемъ достигнуть этой цѣли безъ боя, тѣмъ лучше; если нѣтъ— уступимъ необходимости и сразимся, потому что, волею или неволею, на штыкахъ или въ парадѣ, на развалинахъ или въ чертогахъ, но сегодня же Европа должна ночевать въ Парижѣ".

На слѣдующій день дѣйствительно состоялось вступленіе Государя и войскъ въ Парижъ. Въ упоеніи успѣха на мѣстѣ дѣйствія пришла ему мысль о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ блестящее событіе въ русскомъ обществѣ.

„Ну что, Алексѣй Петровичъ," сказалъ онъ, подозвавъ къ себѣ Ермолова, „что̀ теперь скажутъ въ Петербургѣ? Вѣдь, право, было время, когда у насъ, величая Наполеона, меня считали простячкомъ?"

Посланіе Жуковскаго „Императору Александру" было именно тѣмъ, что сказали и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и повторяли всюду. Начиная съ куплетовъ пѣвца парижской оперы Лаиса, произнесенныхъ имъ въ оперномъ парижскомъ спектаклѣ 1 апрѣля въ присутствіи самого Государя, пріѣхавшаго вмѣстѣ съ Вильгельмомъ Прусскимъ смотрѣть оперу „Весталку", гдѣ Лаисъ называлъ Александра „Царемъ царей", „Августомъ", „Героемъ справедливыхъ" [1],— много лѣтъ прославленіе Императора было однимъ изъ любимыхъ сюжетовъ для произведеній всякаго рода. И живописцы, и ваятели соперничали въ изображеніи монарха, благословляемаго Европой и самой Франціей, имъ освобожденной. Президентъ Французскаго Института при посѣщеніи его союз-

---

[1]) Русск. Инв. № 3.

ными государями говорилъ имъ похвальное слово; ораторъ уголовнаго суда Белларъ, упомянувъ имя Александра, сказалъ: „Герой почти баснословный, отличный плѣнительнымъ обращеніемъ столько же, сколько и доблестью рыцаря; тотъ, чье имя отъ глубокой древности увѣнчано другаго рода славою,—нынѣ украшается единственною, новою въ исторіи славою, показавъ Европѣ, что сила оружія, покровительствуя и милуя, можетъ исторгнуть слезы умиленія". И европейскіе поэты славили Александра. Соути въ одѣ своей такъ обращается къ нему: „Воздвигай, Россія, изъ добычъ твоихъ, изъ орудій смерти, покинутыхъ бѣглецомъ-тираномъ, монументъ, котораго благороднѣе и Римъ не воздвигалъ на всей высотѣ своей гордости и могущества. Но Александръ, на берегахъ Сены, уже поставилъ для всѣхъ вѣковъ твой благороднѣйшій монументъ — „Парижъ взятый и пощаженный". Вальтеръ-Скоттъ, привѣтствуя отъ имени роднаго Эдинбурга, Великаго князя Николая Павловича, призывалъ благословеніе Божіе на наше отечество, на брата его, „умѣвшаго какъ побѣждать, такъ и прощать враговъ своихъ".

Русскія газеты разносили этотъ голосъ всеобщаго восторга. «Русскій Инвалидъ» печаталъ на своихъ страницахъ каждое слово, кѣмъ либо сказанное во славу Государя. Такъ слагались мало по малу тѣ мысли и даже выраженія, которыя вошли въ наши патріотическія произведенія, высказывавшія чувства, поднятыя блестящими событіями эпохи Александра I-го. Послѣдовалъ рядъ празднествъ, спектаклей съ изображавшими Парижъ декораціями, нарочно сочинявшіеся куплеты, иллюминаціи съ транспарантными надписями: „Отцу отечества", „Побѣдителю—Возстановителю Царствъ", „За разореніе Москвы—благодѣяніе Пари-

жу“ [1]), „Спасителю Отечества“.... Старикъ Державинъ слабою рукою прозвучалъ на своей заржавѣвшей лирѣ: „На покореніе Парижа“, „На возвращеніе Императора Александра I-го“ и „На срѣтеніе побѣдителя Европы“, не смотря на то, что еще въ 1811 году, обращаясь къ Жуковскому, писалъ онъ:

Тебѣ въ наслѣдіе, Жуковскій,
Я ветху лиру отдаю;
А я надъ бездной гроба скользкой
Ужъ преклоня чело стою [1]).

И вотъ Жуковскій исполняетъ поэтическое порученіе Державина.

Свое посланіе Александру I-му [2]) онъ начинаетъ скромнымъ вступленіемъ:

Когда летящіе отвсюду шумны клики,
Въ одинъ сливаясь гласъ, тебя зовутъ: *Великій*,
Что̀ скажетъ лирою незнаемый пѣвецъ?
Дерзнетъ ли свой листокъ онъ въ тотъ вплести вѣнецъ,
Который для тебя вселенная сплетаетъ!...
О русскій царь, прости! невольно увлекаетъ
Могущая рука меня къ мольбѣ въ тотъ храмъ,
Гдѣ благодарностью возженный ѳиміамъ
Стеклися въ даръ принесть тебѣ народы міра—
И, радости полна, сама играетъ лира [3]).

Такимъ приступомъ посланіе принимаетъ форму похвальной оды.

Далѣе поэтъ вспоминаетъ вступленіе на престолъ Александра. Этотъ эпизодъ связанъ съ настоящимъ событіемъ

---

[1]) Ср. „Пѣвецъ въ Кремлѣ“ Жуковскаго:
„И за развалины Кремля
Парижу мзда—спасенье“.

[2]) Соч. Держ. Изд. Грота. III, 449.

[3]) Соч. В. А. Жуковскаго. 1878. Т. I. стр. 391.

тѣмъ, что въ немъ поэтъ видитъ совершившійся обѣтъ, данный Александромъ, „когда онъ клалъ на страшный крестъ державную десницу". Затѣмъ рисуетъ онъ состояніе европейскихъ государствъ до наполеоновскихъ войнъ. Это состояніе называетъ онъ „дремотой":

Цари сей грозный сонъ считали за покой.

Покой нарушаетъ французская революція и съ дымящихся развалинъ воздвигается Наполеонъ. Весь міръ затрепеталъ передъ нимъ. Францію временъ Наполеона представляетъ онъ повергнутою въ рабство рядомъ картинъ, изображающихъ бѣдствія, которыя навлекъ онъ своими войнами на подданныхъ; картина Европы въ это время такова:

....окрестъ одинъ лишь стукъ оковъ
Смущалъ угрюмое молчаніе рабовъ,
Да ратей изрѣдка шумѣли переходы,
Спѣшащихъ истребить еще пріютъ свободы....

И вотъ, среди всеобщаго унынія, вѣра обращаетъ взоры на Востокъ. Войну съ Россіей поэтъ называетъ „боемъ свободы съ насиліемъ".

Послѣ упоминанія Бородина и Московскаго пожара, изображенъ рядъ бѣдствій отступающихъ французскихъ войскъ. Въ то время потомство уже готовило Александру титулъ „Благословеннаго".

Этотъ титулъ, нынѣ присвоенный Императору Александру I-му, былъ предложенъ ему Св. Синодомъ, Государственнымъ Совѣтомъ и Сенатомъ, черезъ депутатовъ, 30 іюля 1814 года, когда, возвращаясь изъ заграницы, онъ прибылъ въ Карльсруэ. На предложеніе депутатовъ Государь отвѣчалъ, что „какъ человѣкъ, не позволилъ бы дерзновеніе мыслить, что уже достигъ до того и могъ бы смѣло званіе это принять и носить" и убѣждаетъ „оставить это

безъ исполненія". Вотъ почему въ одѣ Жуковскаго титулъ приписывается рѣчамъ потомства, въ которыхъ и само потомство называется „судіею Царей".

Слѣдующая часть выражаетъ то всеобщее сочувствіе, которое встрѣтилъ онъ въ Европѣ. Самъ Александръ представленъ здѣсь на холмѣ, въ бронѣ, склоненнымъ на щитъ Агамемнономъ.

Вступленіе Русскихъ въ Парижъ Жуковскій изображаетъ очень кратко. Болѣе поэтическимъ представляется ему бывшее вскорѣ послѣ того (29 марта) торжественное молебствіе въ Свѣтлое Воскресенье на площади Согласія, гдѣ погибъ король Лудовикъ XVI. На этой площади былъ воздвигнутъ алтарь, и семь русскихъ священниковъ совершали богослуженіе съ колѣнопреклоненіемъ, въ присутствіи 80,000 союзнаго войска.

Къ этому событію относятся слѣдующіе стихи:

На страшномъ мѣстѣ томъ смиренный вождь царей
Предъ миротворною святыней алтарей
Велитъ своимъ полкамъ склонить знамена мщенья....
.... Простерлись всѣ во прахъ; всѣ вкупѣ слезы льютъ....

Возвращеніе Александра даетъ поводъ Жуковскому нарисовать идиллическую картину въ освобожденныхъ имъ странахъ, чрезъ которыя онъ возвращался въ Россію. Поля, оживающія подъ плугомъ, виноградники, оживленную торговлю въ городахъ:

Вездѣ обиліе, надежда и покой.

Во второй половинѣ оды Жуковскій представляетъ своего героя одного, во дворцѣ, въ тишинѣ ночи. Душою паритъ онъ надъ вселенной, т. е. надъ Россіей. Съ бодрствованіемъ ея хранителя здѣсь представлена въ ретори-

ческомъ противоположеніи картина всеобщаго покоя. Мысль царя при этомъ—о томъ, чтобы оставить имя чистое въ наслѣдіе вѣкамъ.

Затѣмъ онъ призываетъ Александра, оставивъ тронъ, невидимо вмѣшаться въ толпу—вездѣ услышитъ онъ только благословеніе себѣ; во всякомъ домѣ первая чаша и первая пѣсня посвящена ему, благотворителю.

Хвалу свою авторъ отличаетъ отъ лести.

О, дивный вѣкъ, когда пѣвецъ царей—не льстецъ!
Когда хвала—восторгъ, гласъ лиры—гласъ народа,
Когда все сладкое для сердца: честь, свобода,
Великость, слава, міръ, отечество, алтарь—
Все, все слилось въ одно святое слово: царь.

Посланіе кончается призваніемъ царя вѣрить своему народу и обѣтомъ „все въ жертву за царя!“

Сличая эту оду съ одою, написанною тогда же Державинымъ, находимъ въ произведеніи оживавшаго поэта общія обоимъ изображенія: такова 13-я строфа оды Державина, гдѣ онъ также воспроизводитъ упомянутое выше молебствіе на парижской площади Согласія:

Объемлетъ умъ благоговѣйно
Мой—ужасъ, радость и восторгъ:
На стогнѣ молятся смиренно,
Зрю, Александръ!—и свѣта богъ.
. . . . .
И прахъ Лудовика святитъ!
Во изумленьи, золъ столица,
Склоня колѣно, горды лица,
Токъ умиленный слезъ струитъ [1]).

Есть въ одѣ Державина и идиллическая картина отдыхающихъ въ мирѣ странъ:

---

1) Соч Державина. Изд. Грота. III, 220.

Мечи куются въ сельны плуги,
Поля, бывъ труповъ мертвыхъ полны,
Струятся класами, какъ волны.

Словомъ, какъ пишетъ и самъ Жуковскій въ посвященіи, при которомъ это посланіе было отправлено вдовствующей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, онъ здѣсь высказалъ то, что̀ чувствовалъ каждый изъ его соотечественниковъ.

Посланіе свое Жуковскій еще въ рукописи отправилъ на просмотръ въ Петербургъ друзьямъ своимъ. Батюшковъ и Кн. Вяземскій сдѣлали замѣтки на него. Онъ возражалъ на нихъ по своему тогдашнему обычаю шуточными стихами [1]).

Тургеневъ же представилъ „Посланіе" Императрицѣ. Стихотвореніе чрезвычайно понравилось всему царскому семейству; государыня приказала немедленно сдѣлать великолѣпное изданіе этого стихотворенія въ пользу Жуковскаго и пожелала, чтобы самъ авторъ непремѣнно пріѣхалъ въ Петербургъ, и чтобы всѣ новые стихи его были сообщены ей поскорѣе [2]).

„Посланіе" распространилось и по провинціямъ. Устраивались торжества; ставился бюстъ государя, обвитый цвѣтами, и передъ нимъ читалось посланіе [3]).

---

[1]) Ареопогу (Долбинское стих.) I, 453.

[2]) Р. А. 1864, 448.

[3]) См. „Гр. Блудовъ и его время" 1866. стр. 91.

XIV.

Появленіе Исторіи Государства Россійскаго.—Мысль Жуковскаго о поэмѣ „Владиміръ".—Жизнь его въ Дерптѣ.—Безотрадная пора въ жизни Жуковскаго.—Новый ударъ.—Характеръ Жуковскаго и значеніе этого характера для русской поэзіи.

Политическія событія, поднявшія народное чувство въ русскомъ обществѣ, должны были усилить общее вниманіе къ своему, отечественному. Сколько нравственной силы въ борьбѣ съ врагомъ проявилъ русскій народъ въ эти славные годы! Но поэзіи, около вѣка воспѣвавшей положительное лишь въ формѣ похвальной оды, образцы которой заимствовала она изъ вторыхъ рукъ, еще долго не было суждено обратиться къ этому источнику вдохновенія. Къ изображенію русскаго народа обратилась не поэзія, но проза, и то на первый разъ въ формѣ исторіи государства.

Въ 1815 году были окончены первые восемь томовъ „Исторіи Государства Россійскаго" Карамзина. Въ предисловіи къ нимъ авторъ заявляетъ до тѣхъ поръ предубѣжденному обществу, что можно искать интереса не только въ изображеніи жизни чужеземной, но и въ исторіи отечественной; одна часть этого предисловія посвящена именно этому разъясненію и носитъ наивный характеръ заманиванія прочесть интересную повѣсть своего отечества. Кромѣ патріотическаго долга, къ тому обязывающаго, онъ указываетъ на „случаи, картины и характеры" русской исторіи, какъ на любопытныя и способныя увлечь всякаго читателя, ищущаго въ чтеніи изображенія душевной силы, игры страстей. Онъ указываетъ на древнія русскія преданія, какъ на матеріалъ, который можетъ прійтись по вкусу читателей, въ то время и у насъ проявившихъ интересъ къ романтическому воспроизведе-

нію народныхъ преданій, преимущественно среднихъ вѣковъ западной Европы. Подобныя преданія историкъ находитъ и въ русской памяти: Олега и Святослава называетъ онъ „великанами сумрака“.

Жуковскій, который послѣ отъѣзда Протасовыхъ провелъ нѣсколько времени снова въ обществѣ Карамзина, нашелъ въ немъ уже не того усерднаго поклонника всего французскаго, какъ то мы видѣли въ 1816 году въ Кунцовѣ. Теперь собесѣдникъ его прожилъ восемь вѣковъ въ древней Руси, и потому не удивительно, что у Жуковскаго снова всплываетъ мысль, и прежде его занимавшая, написать поэму изъ древнихъ русскихъ преданій. Героемъ ея онъ давно уже намѣтилъ Владиміра Святаго, когда еще составлялъ свои планы занятій исторіею. „Владиміръ“, писалъ онъ тогда, „будетъ моимъ фаросомъ, но чтобы плыть прямо и безопасно при свѣтѣ этого фароса, надобно научиться искусству мореплаванія.“ Что это уже относилось къ задуманной поэмѣ, убѣждаетъ насъ письмо Батюшкова къ Жуковскому отъ 26 іюля 1810 года, гдѣ онъ говоритъ: „пиши своего Володиміра, и пришли кое-что сюда“ [1]).

Онъ отказывается теперь отъ приглашеній гр. Уварова, звавшаго его въ Петербургъ. Полгода предполагаетъ онъ готовиться къ путешествію въ Кіевъ и Крымъ, а затѣмъ назначаетъ въ своихъ новыхъ планахъ—полгода на это путешествіе, необходимое, по его словамъ, для поэмы „Владиміръ“. Что онъ замышлялъ въ этой поэмѣ трудъ важный, видно и изъ того, какъ заботился онъ о сохраненіи полной свободы при ея созданіи. „Еще уговоръ“, пишетъ онъ гр. Уварову 4 августа 1815 г., „чтобы не давать чувствовать, что я пишу „Владиміра“, ищу покровитель-

---

[1]) Р. А. 1875. III. 344.

ства „Владиміру“. Если писать для меня сдѣлается обязанностію непремѣнною, то сказываю напередъ, что написано ничего не будетъ...“. Литературный замыселъ, какъ и всегда, сообщилъ ясное настроеніе Жуковскому. „На свѣтѣ много прекраснаго и безъ счастія!“ восклицаетъ онъ въ томъ же письмѣ, намекая на свою сердечную потерю.

Но то были послѣдніе порывы Жуковскаго, какъ поэта русской жизни. Они не разгорѣлись въ то ровное пламя, которое всегда было у него признакомъ истиннаго вдохновенія. Поэма написана не была, и отъ нея не дошло до насъ ни строчки. Въ томъ же году семейство Протасовыхъ привлекаетъ его въ Дерптъ—и вмѣсто береговъ Днѣпра и Чернаго моря, гдѣ мечталъ онъ искать матеріаловъ для своего поэтическаго вдохновенія, мы видимъ его два года, съ небольшими отлучками, въ умственной столицѣ Прибалтійскаго края.

Но возможность оставаться здѣсь досталась ему не легко. Едва расположился онъ въ своемъ новомъ гнѣздѣ, какъ неумолимая Екатерина Аѳанасьевна заявила свое неудовольствіе на то, что онъ живетъ въ одномъ городѣ съ ея семействомъ. Напрасно повергалъ онъ себя къ ея ногамъ, просясь къ ней въ братья, а къ дочерямъ ея то въ дяди, то въ отцы,—она оставалась непреклонна. Рѣшаясь на отъѣздъ изъ Дерпта, онъ въ то же время еще боится упрека въ капризѣ и неблагодарности; считаетъ нужнымъ оправдаться и передъ своими Долбинскими друзьями и старается извинить виновницу своего несчастія. „Не надобно и отъ тетушки требовать много“, пишетъ онъ, „нельзя же перемѣнить въ ней образа мыслей“.

Это былъ самый тяжелый періодъ во всей его жизни. До насъ дошло письмо къ Авдотьѣ Петровнѣ 16 сентября, которое ярко рисуетъ его душевное состояніе въ это время:

„Тамъ быть невозможно! Какъ ни тяжело розно, какъ ни порывается къ нимъ душа, какъ ни украшаетъ отдаленіе все то, что̀ такъ печально вблизи, но быть тамъ нельзя. Въ этомъ я теперь увѣренъ. Самое бѣдственное, самое низкое существованіе, убійственное для Маши и для меня, быть рабомъ, и что̀ еще хуже, сносить молча рабство Маши— такая жизнь хуже смерти! Но вотъ что̀ диво! На половинѣ дороги отъ Дерпта мой *шептунъ* шепнулъ мнѣ, что все еще можетъ перемѣниться, и я принялся писать къ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ письмо, воображая, что оно подѣйствуетъ. Во всю дорогу думалъ о томъ, что̀ писать; на каждой станціи писалъ то, что̀ думалъ: воображалъ, что меня зовутъ назадъ, что на все соглашаются, что мы всѣ становимся дружны, что между нами, съ уничтоженіемъ всѣхъ препятствій, поселяется искренность, согласіе, покой—однимъ словомъ, воображеніе загуляло, и только на послѣдней станціи остановилось. Я перечитывалъ свое письмо, нашелъ въ немъ все то же, что говорено и писано было двадцать разъ, и все, что казалось такъ возможнымъ за минуту, вдругъ сдѣлалось невозможностью! И я рѣшился спрятать это письмо „за нумеромъ въ архивъ“ разрушенныхъ химеръ и въѣхалъ въ Петербургъ съ самымъ грустнымъ, холоднымъ настоящимъ и съ самымъ пустымъ будущимъ въ своемъ чемоданѣ! Но теперь опять что-то загомонилось для меня въ будущемъ: что-то похоже на надежду!... Изъ этихъ обстоятельствъ вы можете заключить, въ какомъ я волнующемъ положеніи. Не дѣлаю никакихъ плановъ и не имѣю никакого занятія. Между тѣмъ—разсѣяніе, въ которомъ нѣтъ ничего привлекательнаго. Вотъ уже я двѣ недѣли слишкомъ въ Петербургѣ, а еще не принимался ни за что. И не знаю, когда примусь. Къ новой моей надеждѣ я совсѣмъ не привязываюсь; я смотрю на нее, какъ на волка

во овечьей кожѣ, и не подхожу къ ней близко. Если ничто не сбудется, то выползу къ вамъ, на вашъ берегъ, къ друзьямъ и къ уединенію. Здѣсь во всякомъ случаѣ должно мнѣ пробыть по крайней мѣрѣ до конца февраля 1816, чтобы кончить изданіе своихъ стиховъ и еще кое-какія работы. А скоро ли примусь за нихъ—не знаю! Здѣсь не Долбино! Да и перспективы прежней жизни ужъ нѣтъ. Думаю, что голова и душа не прежде, какъ у васъ, прійдутъ въ нѣкоторый порядокъ; у васъ только буду имѣть свободу оглядѣться послѣ того пожара, выбрать мѣсто, гдѣ бы поставить то, что отъ него уцѣлѣло, и вмѣстѣ съ вами держать на готовѣ заливную трубу. Здѣсь безпрестанно кидаетъ меня изъ одной противности въ другую, изъ мертваго холода въ убійственный огонь, изъ равнодушія въ досаду. Я имѣлъ здѣсь и пріятныя минуты—гдѣ же? Тамъ, гдѣ никакъ не воображалъ имѣть ихъ,—во дворцѣ царицы!"

Чтобы понять всю силу великодушія Жуковскаго, слѣдуетъ при всемъ этомъ принять во вниманіе, что по его собственному твердому убѣжденію, бракъ его съ Марьей Андреевной не былъ бы нарушеніемъ законовъ ни гражданскихъ, ни нравственныхъ. „Надобно сказать все своему другу", пишетъ онъ къ Марьѣ Андреевнѣ: „Маша моя (теперь моя болѣе, нежели когда нибудь), поняла ли ты то, что заставило меня рѣшительно отъ тебя отказаться? Ангелъ мой, совсѣмъ не мысль, что я желаю беззаконнаго. Нѣтъ! я никогда не перемѣню на этотъ счетъ своего мнѣнія и вѣрю, что я былъ бы счастливъ, и что Богъ благословилъ бы нашу жизнь. Совсѣмъ другое и гораздо лучшее побужденіе произвело во мнѣ эту перемѣну: твое собственное счастіе и спокойствіе... Право, эти минуты были для меня божественныя, и если можно слышать на землѣ голосъ Божій, то, конечно, въ ту минуту онъ мнѣ послышался!...

До сихъ поръ имя сестра только меня пугало; оно казалось мнѣ разрушителемъ моего счастія: послѣ совершеннаго пожертвованія себя, оно показалось мнѣ самымъ лучшимъ утѣшеніемъ, совершенною всему замѣною. Боже мой, какая прекрасная жизнь мнѣ представлялась! Самое дѣятельное, самое ясное усовершенствованіе себя добромъ" [1]).

„Все въ жизни къ прекрасному средство"! писалъ онъ Марьѣ Андреевнѣ 29 марта 1815 года: „Я прошу отъ тебя только одного: не позволяй тобою жертвовать, а заботься о своемъ счастіи. Этимъ не обмани меня... Меня утѣшаетъ теперь мысль, что маменька будетъ теперь къ тебѣ болѣе прежняго привязана. Противъ остальнаго—терпѣніе и твердость!"...

Какое глубокое горе кипѣло на днѣ души Жуковскаго, мы видимъ изъ окончанія этого письма: оно невольно выдаетъ все душевное волненіе, которое не могло улечься послѣ перенесенной поэтомъ бури: „Тургеневъ зоветъ меня къ себѣ, мы будемъ жить вмѣстѣ. У меня есть много друзей и твое уваженіе—я богатъ, остальное—Провидѣнію!"... А ниже: „Я бы желалъ, чтобы ты написала мнѣ поболѣе. Я отъ тебя жду всего. У меня совершенно ничего не осталось. Ради Бога, открой мнѣ глаза. Мнѣ кажется, что я все потеряю!"

И Жуковскій не ошибся. Ему предстоялъ ударъ еще болѣе сильный. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, послѣ отъѣзда его изъ Дерпта, какъ онъ получилъ отъ Марьи Андреевны письмо, которое глубоко потрясло его.

Въ этомъ письмѣ—на половину русскомъ, на половину французскомъ — Марья Андреевна, опираясь на его обѣща-

---

[1]) Надежда эта была вызвана воображаемымъ содѣйствіемъ родственниковъ (Павла Ивановича и Марьи Николаевны Протасовыхъ).

ніе быть ей вмѣсто отца, проситъ его разрѣшенія на бракъ съ докторомъ Мойеромъ.

Это былъ извѣстный хирургъ, завершившій свое образованіе въ нѣмецкихъ и итальянскихъ университетахъ, работавшій въ 1812 г. въ Рижскомъ и Дерптскомъ госпиталяхъ. Теперь профессоръ Дерптскаго университета, онъ былъ главнымъ лицомъ, около котораго группировались масоны этого города. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ и любовью студентовъ. Донынѣ существуетъ въ Дерптѣ основанная имъ богодѣльня.

Мойеръ вскорѣ сдѣлался домашнимъ врачомъ и вліятельнымъ лицомъ въ домѣ Протасовой, и осенью 1815 года просилъ у нея руки Марьи Андреевны. Въ письмѣ своемъ къ Жуковскому она приводитъ доводы въ пользу замужества. Отзываясь о Мойерѣ съ большою похвалою, она объясняетъ между прочимъ, что этимъ бракомъ сдѣлаетъ счастіе „доброй матери", даруя ей двухъ друзей, т. е. своего будущаго мужа и Жуковскаго! „Милый другъ"! пишетъ она: „то, что тебя теперь съ нею разлучаетъ, не будетъ болѣе существовать. Въ тебѣ она найдетъ утѣшителя, друга, брата"... „Не думай, ради Бога", пишетъ она далѣе, „чтобы меня кто-нибудь принуждалъ на это рѣшеніе... Маменька оставляетъ мнѣ полную волю." Затѣмъ приводитъ она въ доказательство доброй стороны брака и то, что, сдѣлавъ присутствіе Жуковскаго въ Дерптѣ снова возможнымъ, онъ дастъ ему также способъ благотворно вліять на ея сестру.

Жуковскій не отвѣчалъ. Она снова съ большею настойчивостію проситъ его рѣшенія.

„Помни", пишетъ она, „что отъ одного тебя мы ждемъ успокоенія; какъ много еще можетъ быть у насъ счастія впереди—и что все въ твоихъ рукахъ".

Кажется, мать понимала лучше состояніе души Жуков-

скаго послѣ этого удара. Въ припискѣ своей она говоритъ:

„Сердце мое раздирается, когда я о тебѣ думаю; но я знаю твое благоразуміе“. Тѣмъ не менѣе она выражаетъ увѣренность, что онъ будетъ способствовать счастію тѣхъ, кто ему такъ дорогъ.

Жуковскій не вѣрилъ, что замужество это добровольно; подозрѣвалъ принужденіе со стороны матери, и потому поспѣшилъ въ Дерптъ лично — и убѣдился въ противномъ. Онъ далъ свое согласіе. Что̀ перенесъ онъ въ глубинѣ души при этомъ уже окончательномъ и безповоротномъ самоотреченіи — мы можемъ только вообразить: подобныя чувства не передаются на бумагѣ. Но изъ самопожертвованія своего онъ вынесъ вполнѣ успокоенное сердце. Въ письмѣ въ Долбино онъ пишетъ: „Друзья! Какое иногда божественное чувство поднимаетъ душу. Что̀ передъ этимъ прекраснымъ чувствомъ всѣ эти маленькіе безобразные уродцы, которые называются желаніями для себя“?

И такъ поэту пришлось на дѣлѣ, въ самой жизни осуществить тотъ идеалъ, который одушевлялъ его поэзію. Съ твердостію непоколебимаго убѣжденія онъ исполнилъ это и тѣмъ торжественно засвидѣтельствовалъ, что его поэзія была не внѣшнимъ усвоеніемъ чужихъ грезъ или условныхъ догматовъ моднаго направленія, но конкретнымъ явленіемъ живой души, не понимающей разлада между словомъ и дѣломъ.

Испытаніе, встрѣтившее его въ жизни, бросаетъ яркій свѣтъ на всю его литературную дѣятельность. Освѣщенная этимъ свѣтомъ она получитъ значеніе серьезное, свидѣтельствуя, что въ русскомъ обществѣ, съумѣвшемъ воспитать и развить подобнаго человѣка, вмѣстѣ съ успѣхами внѣшней образованности, нашла себѣ мѣсто и идея, какъ начало жизненное, животворное. Самая поэзія, какъ выразительница такого начала, получаетъ въ лицѣ Жуковскаго

значеніе голоса правды, котораго съ той поры она не утрачивала никогда въ нашей литературѣ. Послѣ него стала невозможнымъ ни условная сентиментальность, ни ложная выспренность.

Какъ ни исключителенъ Жуковскій въ своемъ нравственномъ строѣ и идеальномъ міросозерцаніи,—каждый изъ его читателей чувствовалъ, если и не сознавалъ этого, что въ стихахъ его говоритъ человѣкъ, искренно убѣжденный и правдиво чувствующій. Поэты, непосредственно послѣ него выступившіе въ нашей литературѣ, воспитались невольно въ этомъ честномъ отношеніи къ дѣлу поэзіи. Они могли быть болѣе, нежели онъ, близки къ обществу самымъ характеромъ чувствъ, складомъ ума и образомъ мыслей, — скажемъ прямо — могли быть людьми болѣе русскими, и въ этомъ ихъ великое значеніе въ исторіи: но не получили бы они этого значенія, еслибъ не вышли изъ школы этого чуднаго учителя. Не одинъ языкъ новой поэзіи подготовленъ Жуковскимъ для поэтовъ младшаго поколѣнія. Вмѣстѣ съ его языкомъ и *въ* этомъ языкѣ они приняли въ свою душу, если можно такъ выразиться, тѣ неслыханные дотолѣ чары сердечнаго слова, разъ испытавъ которые, поэтъ уже лгать не рѣшался. Вотъ гдѣ истинное значеніе Жуковскаго, этого страннаго человѣка, который, такъ мало походя на другихъ, долженъ былъ производить почти фантастическое впечатлѣніе на людей, знавшихъ его лично. Будучи отъ природы человѣкомъ веселымъ, способнымъ насмѣшить всякаго своимъ ребяческимъ балагурствомъ, онъ въ то же время былъ полонъ такой искренней вѣры во все чудесное, даже сверхъестественное, что почти казался и самъ загадочнымъ и сверхъестественнымъ, какъ дѣйствующія лица его произ-

веденій или его мистическихъ разсказовъ, которыми нерѣдко очаровывалъ онъ своихъ слушателей [1]).

Въ минуты думъ, смѣнявшія дѣтскую веселость, по выраженію современника, онъ съ исключительнымъ участіемъ искалъ на землѣ одной грусти, а живыя радости видѣлъ въ одномъ только небѣ; оттого-то все выбранное на землѣ спѣшилъ обласкать въ его свѣтъ, все тянуло его къ неизвѣстному. По тому же свидѣтельству, онъ напоминалъ нѣжною тоскою своею первыхъ христіанъ. Отъ гадкаго умѣлъ онъ всегда удачно отворачиваться и, „всю низость настоящаго онъ съ молода еще позабылъ и пренебрегъ". „Въ немъ точно смѣшеніе ребенка съ ангеломъ", говоритъ тотъ же современникъ.... „Когда только вспоминаю о немъ, мнѣ всегда становится такъ отрадно: я самъ себѣ кажусь лучше" [2]).

Пониманіе такихъ лицъ не можетъ быть по плечу каждому. Существуя въ мірѣ не для служенія его ежедневнымъ нуждамъ и тревогамъ, такія лица и не могутъ проявить себя въ чемъ-либо захватывающемъ общее вниманіе. Но они оставляютъ неизгладимый слѣдъ въ тѣхъ, кто съ ними сходится.

Чистымъ сердцемъ Жуковскаго несомнѣнно очистился и представитель послѣдующаго періода русской поэзіи, котораго онъ не разъ заставлялъ задумываться среди его „рѣзвой радости" [3]).

---

[1]) О томъ свидѣтельствуетъ наприм. въ своихъ запискахъ гр. А. Д. Блудовъ. (Р. А. 1872, 1240). См. также Муравьева: Знакомство съ русскими поэтами. Кіевъ. 1871, стр. 20.

[2]) Записки Вигеля. стр. 136.

[3]) Припомнимъ, какъ Пушкинъ выразилъ свою первую встрѣчу съ Жуковскимъ:

Могу-ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла.

XV.

Дерптскіе интересы Жуковскаго.—Приглашеніе его ко двору Императрицы Маріи Ѳеодоровны. — Литературный кругъ ея въ Павловскѣ. Дерптская жизнь Жуковскаго.—Обязанность чтеца при И. Маріи Ѳеодоровнѣ.

Бракъ Марьи Андреевны снова открылъ Жуковскому доступъ въ Дерптъ. Поселяясь здѣсь, Жуковскій сдѣлалъ шагъ, который можно было бы назвать гибельнымъ для него, какъ поэта, еслибы его назначеніе было иное, нежели то, какое было указано выше. Читатель, ознакомившійся съ первымъ періодомъ жизни поэта нашего, конечно, увидѣлъ уже, что значеніе его, какъ поэта народнаго въ прямомъ смыслѣ этого слова, было потеряно съ первыхъ же шаговъ его поэтической дѣятельности. Можно было бы теперь опасаться, однако же, что удаленіе въ городъ, чуждый русскимъ интересамъ, лишитъ его той нравственной связи съ русскимъ обществомъ, которая такъ нужна была возникавшему литературному кругу молодыхъ писателей въ Петербургѣ и Москвѣ, начинавшихъ свое поприще вдохновляясь гармоніей его поэтическаго языка. Петербургскіе друзья Жуковскаго, гр. Уваровъ и А. И. Тургеневъ, какъ бы чувствовали это. При первомъ прибытіи Жуковскаго въ Дерптъ, они усиленно призываютъ его въ столицу, хлопочутъ о немъ при дворѣ, гдѣ Императрица Марія Ѳеодоровна сгруппировала вокругъ себя избранное общество ученыхъ и поэтовъ. Въ Павловскѣ на литературныя ея собранія съѣзжались Карамзинъ, Крыловъ, Дмитріевъ, Нелединскій-Мелецкій, Гнѣдичъ и др.

Императрица Марія Ѳеодоровна оставила неизгладимые слѣды своей полезной жизни. Послѣднія тридцать лѣтъ ея были посвящены неусыпной дѣятельности на пользу бѣд-

ныхъ, сиротъ и страждущихъ. Никакой министръ не могъ сравниться съ нею въ дѣятельности. Управленіе воспитательными и богоугодными заведеніями, ею на себя взятое, не было лишь временнымъ, внушеннымъ порывами состраданія, а безпрерывнымъ, стройнымъ трудомъ. Стоитъ только прочитать, обнародованную „Русскимъ Архивомъ" переписку этой неутомимой руководительницы многочисленныхъ учрежденій съ Ю. А. Нелединскимъ-Мелецкимъ, княземъ С. И. Гагаринымъ, почетнымъ опекуномъ М. Воспитательнаго дома Н. И. Барановымъ, съ начальникомъ Парижскаго училища глухонѣмыхъ аббатомъ Сикеромъ, а также съ А. Б. Куракинымъ, чтобы убѣдиться, какой ревностный, порою мелочный трудъ несла государыня.

Всегда немедленно прочитывала она подаваемыя на ея имя прошенія, лично посѣщала женскія учебныя заведенія, гдѣ выслушивала отвѣты дѣвицъ; не взирая на болѣзни, посѣщала она и больницы, гдѣ присутствовала при тяжкихъ операціяхъ съ цѣлію ободрить страждущихъ; даже изъ деревни, гдѣ проводила лѣто каждый мѣсяцъ, объѣзжала свои заведенія, выѣзжая въ 7 часовъ утра и возвращаясь въ 9 вечера [2]).

Но кромѣ благотворительности, эту личность отличаетъ и другое качество, дорогое каждому ревнителю просвѣщенія. Упомянутый выше литературный кругъ, собранный Императрицею Маріей Ѳеодоровной, не служилъ лишь поверхностному развлеченію. Она дѣйствительно любила литературу и знала цѣну умственнаго труда. Въ письмѣ, которымъ она сочла долгомъ напутствовать обоихъ младшихъ сыновей своихъ В. К. Николая и Михаила Павловичей, при отправленіи ихъ въ 1814 году во Францію, она

---

[1]) См. Воспом. Кн. Е. Г. Хилковой (Р. А. 1873. 1123).

настоятельно требуетъ, чтобы и во время хлопотъ путешествія, юные князья не забывали умственной работы. Въ ея наставленіяхъ слышится голосъ собственнаго опыта, вынесеннаго изъ жизни, подѣленной между энергической практикой и изящнымъ досугомъ, посвященнымъ наукѣ и искусству. „Исполнивъ обязанности службы", пишетъ она, „употребляйте въ пользу часы досуга, посвящая ихъ ежедневнымъ занятіямъ, чтенію, настоящему умственному труду. Вамъ нужно укрѣпить вашъ разсудокъ, надобно питаться высокими образцами, которые представляетъ древность и исторія, надобно обогатить умъ (il faut meubler Vos têtes) этими великими примѣрами и стараться пріобрѣсть твердость началъ и возвышенность души..." Надлежащее распредѣленіе времени между умственною работою и отдыхомъ совершенно необходимо; этимъ способомъ невинныя удовольствія вашего возраста будутъ вамъ казаться тѣмъ пріятнѣе, и вы тѣмъ долѣе будете ими наслаждаться". Ей больно было бы, еслибъ сыновья ея дали о себѣ понятіе, что военныя бездѣлицы интересуютъ ихъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Она прямо высказываетъ это ниже въ письмѣ своемъ. Въ самыхъ военныхъ заботахъ ей пріятнѣе видѣть сыновей своихъ изучающими все, что̀ касается до главнаго—„сбереженіе солдата, которымъ такъ часто пренебрегаютъ, жертвуя имъ красивой одеждѣ, безполезнымъ упражненіямъ, личному честолюбію и невѣжеству начальника [1])". Такимъ образомъ личность вдовствующей государыни является источникомъ тѣхъ просвѣтительныхъ началъ, которыя она старается водворить въ юномъ поколѣніи, окружавшемъ ее. Многолѣтнимъ вліяніемъ этой женщины въ царственномъ семействѣ заведенъ и укрѣпленъ

---

[1]) Р. А. 1868 347—355. Письмо писано по французски.

духъ уваженія къ искусствамъ, который и по смерти ея не покидалъ его и во все царствованіе ея сына.

Уже въ маѣ 1815 года Жуковскій былъ представленъ Императрицѣ. Не имѣя собственнаго мундира, кое-какъ раздобылся онъ отъ пріятелей своихъ нужнымъ платьемъ, и вмѣстѣ съ гр. Уваровымъ отправился въ воскресенье къ государынѣ. Вотъ какъ самъ Жуковскій описываетъ это представленіе:

„Проходимъ маленькую горницу. Уваровъ шелъ впереди—входимъ въ другую; передъ дверями ширмы. Вдругъ изъ-за ширмъ говоритъ Уварову женскій голосъ: „Bonjour, monsieur Ouvaroff". Это какая-нибудь придворная дама—думалъ я; иду,—передо мною императрица; за нею, гораздо поодаль, у дверей великіе князья. Разумѣется, началось привѣтствіемъ. Я хотѣлъ было сказать:„ не умѣю изъяснить Вашему Величеству своей благодарности за Ваши милости"; но исполнилъ это на дѣлѣ, а не на словахъ, потому что не умѣлъ ничего сказать, а отдѣлался поклонами. Сначала было довольно трудно говорить, потому что государыня говорила по-русски не очень внятно и скоро, и я не все понималъ Уваровъ это замѣтилъ и сказалъ два слова по-французски; это заставило ее отвѣчать по-французски же, и разговоръ пошелъ очень живо—о войнѣ, о ея безпокойствахъ прошедшихъ и о прошедшихъ великихъ радостяхъ. Въ этомъ разговорѣ было для меня много трогательнаго—мать говорила о сынѣ, и съ чувствомъ: нѣсколько разъ навертывались у ней на глазахъ слезы. Разговоръ продолжался около часу. Наконецъ мы откланялись. „Мы еще съ вами увидимся", сказала она намъ очень ласково. Вслѣдъ за нами вышли и великіе князья. Уваровъ подошелъ къ Николаю Павловичу и просилъ позволенія меня ему представить... Теперь го-

сударыня въ Павловскомъ. Вѣроятно, что и мнѣ тамъ быть доведется“ [1]).

Теперь на призывы друзей своихъ вернуться изъ Дерпта, поэтъ нашъ отвѣчалъ словами, которыя свидѣтельствуютъ о полной его независимости и о невѣдѣніи всей серьезности сдѣланнаго имъ шага при переѣздѣ на чужбину.

„Неужели“, пишетъ онъ, „должно непремѣнно просить вниманія? Довольно того, чтобы его стоить. Вниманіе государя есть святое дѣло! Имѣть на него вліяніе могу и я, если буду русскимъ поэтомъ въ благородномъ смыслѣ сего имени. А я буду! Поэзія часъ отъ часу становится для меня чѣмъ-то возвышеннымъ. Не надобно думать, что она только забава воображенія. Этимъ она можетъ быть только для петербургскаго свѣта. Но она должна имѣть вліяніе на душу всего народа, и она будетъ имѣть это благотворное вліяніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли“ [2]).

Жуковскій въ то время былъ еще полонъ недавней Муратовской и Долбинской жизни, этого поэтическаго досуга, исполненнаго труда, посвященнаго творчеству и самообразованію. Уѣзжая затѣмъ изъ Дерпта въ августѣ, онъ еще мечталъ о покупкѣ трехъ десятинъ земли гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ родныхъ деревень, построить тамъ себѣ домикъ и продолжать эту любезную ему жизнь. „Право я не почитаю эту мысль Аркадіей-химерою“, писалъ онъ.

А за нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ отписывался отъ приглашеній гр. Уварова ко двору и въ то же время пишетъ А. И. Тургеневу: «Вотъ дополненіе къ тому, что я писалъ къ Уварову. Чтобы сдѣлать для меня то, что мнѣ надобно, вы должны имѣть объ немъ настоящее понятіе, т. е. о томъ, что мнѣ надобно. Боюсь я этихъ grands

---

1) Изъ письма къ роднымъ отъ 11 іюня 1815 (Р. А. 1865. № 7. 805.)
2) Р. А. 1867. 802.

projets. Могутъ составить себѣ за меня какой-нибудь планъ моей жизни, да и убьютъ все. Ты можешь обо мнѣ переговорить и съ Нелединскимъ. Онъ въ состояніи все понять и все объяснить государынѣ просто. Переговорите съ Уваровымъ и съ нимъ; объясните все между собою. Тебѣ, кажется, не нужно имѣть отъ меня комментарія на то, что мнѣ надобно. Независимость да и только. Способъ писать, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Что, и гдѣ, и когда писать—мнѣ на волю. Я не буду жильцомъ Петербургскимъ, но каждый годъ буду въ Петербургѣ непремѣнно. Вотъ главная мысль—остальное можешь придумать самъ».

Такъ располагалъ поэтъ, выброшенный отказомъ Екатерины Аѳанасьевны изъ дорогой для него семьи. Но теперь, когда нѣдра этой семьи ему открылись снова, онъ не можетъ удержаться отъ переѣзда въ Дерптъ—и вотъ изъ Петербурга, гдѣ около Рождества 1816 года онъ видѣлъ успѣхъ только что отпечатаннаго собранія своихъ стихотвореній, ободренный славою въ русскомъ обществѣ и одаренный русскимъ царемъ [1]), онъ спѣшитъ въ Дерптъ. Русскій поэтъ, сознающій необходимость имѣть вліяніе на душу русскаго народа,—забывъ и „Владиміра“, и вдохновительныя долбинскіе дни,—погружается въ жизнь чуждую, охватившую его иноземной атмосферой. Мантейфель, Левенштернъ, Брюнингъ, Нолькенъ, Липгардъ, Парротъ, Моргенштернъ, Эверсъ, Еше, Асмусъ, фонъ-деръ—Бергъ, Зенфъ —вотъ тѣ ученые, литераторы и художники, которые овладѣли его душою въ этомъ городѣ. Современная нѣмецкая литература стала теперь предметомъ его ежедневныхъ бесѣдъ, интересъ его окружавшей среды. Тамъ не только читали

---

[1]) Ему назначена была пожизненная пенсія въ 4000 руб.

произведенія великихъ германскихъ поэтовъ, но и сочинялись произведенія дерптской музы. Свои собственныя стихотворенія Жуковскій слышитъ здѣсь положенными на музыку его новымъ пріятелемъ Вейраухомъ; въ университетѣ посѣщаетъ лекціи о хазарскомъ происхожденіи Руси; вмѣсто исторіи Кіева занимается исторіей Балтійскаго края; его симпатіи слились съ симпатіями нѣмецкаго юношества, съ которымъ онъ принимаетъ здѣсь участіе въ фуксъ-комершахъ. Однимъ изъ наиболѣе поэтическихъ воспоминаній нашего поэта былъ 80-лѣтній старикъ, здѣшній профессоръ Эверсъ. Это былъ доживавшій свой вѣкъ старый богословъ, съ грустію смотрѣвшій на возобладавшее въ то время среди богословскаго факультета здѣшняго университета вульгарно-раціоналистическое направленіе [1]), съ которымъ тщетно пытался бороться. Еще въ первый пріѣздъ Жуковскаго въ Дерптъ, когда старый профессоръ предложилъ ему однажды выпить съ нимъ брудершафтъ, то поэтъ нашъ былъ тронутъ до глубины души и отъ всего сердца поцѣловалъ братскую руку». Такъ писалъ онъ объ этомъ черезъ мѣсяцъ къ Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной. «На другой день послѣ студенческаго праздника», продолжаетъ онъ, «отправился я съ Воейковымъ и съ Машей и Сашей въ коляскѣ за городъ. Солнце заходило самымъ прекраснымъ образомъ — и я вспомнилъ объ Эверсѣ и о завѣщаніи Эверса. Я часто любовался этимъ старикомъ, который всякій вечеръ ходилъ на гору смотрѣть на захожденіе солнца. Заходящее солнце въ присутствіи старца, котораго жизнь была святая, есть что-то величественное, есть самое лучшее зрѣлище въ свѣтѣ. Мой добрый нептунъ принялъ образъ добродѣтельнаго ста-

[1]) Rückblick auf die Wirksamkeit der Univers. Dinorpat (1802—1815). 1866. Стр. 139.

рика и утѣшилъ меня въ этомъ видѣ. Я написалъ стихи «къ старцу Эверсу» которые скоро пришлю къ вамъ. Они должны быть дерптскія повторенія моего „Теопа и Эсхина“. Въ обоихъ много для меня добра“. Въ стихотвореніи старцу Эверсу Жуковскій между прочимъ восклицаетъ:

Могу ль забыть священное мгновенье,
Когда, мой братъ, къ рукѣ твоей святой
Я прикоснуть дерзнулъ уста съ лобзаньемъ...

Это письмо, а тѣмъ болѣе стихотвореніе, свидѣтельствуютъ о необыкновенно легко овладѣвавшемъ поэтомъ нашимъ чувствѣ благоговѣнія передъ другими, о способности его идеализировать окружающихъ. Въ этомъ видна черта той женственности его характера, которая всегда отличала личность Жуковскаго. Но такая привязчивость и способность всецѣло отдаваться другимъ не исключаетъ въ немъ и глубины чувства, и возможности твердыхъ безповоротныхъ рѣшеній: не даромъ Шиллерова Тэкла была, по свидѣтельству его біографа, любимымъ поэтическимъ образомъ Жуковскаго. Въ роковыя минуты своей жизни онъ неожиданно являлъ и высокій инстинктъ независимости, и всю силу просвѣтленнаго чувства. Однако же надо сознаться, что теперь нашъ поэтъ игралъ пассивную роль въ этой средѣ, возбуждая ея сочувствіе и восторги конечно постольку поскольку являлся ей отраженіемъ ея собственныхъ чувствованій: любуясь имъ, любовались собою. А онъ, чистый душою, отдавалъ этой средѣ свое довѣрчивое сердце, подобно тому, какъ въ Мишенскомъ отдалъ его «тремъ ангеламъ», приготовившимъ ему столько скорбей. Удивительно ли, что мѣстное свѣтило, дерптскій богословъ, гигантъ въ своемъ муравейникѣ, извлекъ такую апотеозу изъ лиры русскаго поэта? удивительно ли, что впослѣдствіи онъ со-

вѣтуетъ своимъ землякамъ посылать дѣтей для воспитанія въ дерптскій университетъ?

Между тѣмъ старанія друзей не остались совершенно безуспѣшными. Въ четырехъ-мѣсячный промежутокъ невольнаго изгнанія Жуковскаго въ Петербургъ (съ половины августа до конца 1815 года) имъ удалось ввести его въ литературный кругъ Императрицы.

Въ первое время, брошенный въ новую сферу Жуковскій чувствовалъ себя неловко. Исправляя обязанность чтеца при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ въ Павловскѣ, онъ тяготился новой обстановкой. „Здѣшняя жизнь", пишетъ онъ, «мнѣ тяжела, и я не знаю, когда отсюда вырвусь... Все окружающее меня ничтожно, или я самъ ничто, потому что у меня ни къ чему не лежитъ сердце, и рука не поднимается взяться за перо, чтобъ описывать то, что мнѣ какъ чужое. И воображеніе поблѣднѣло, поэзія отъ меня отворотилась". „Не знаю", продолжаетъ онъ, „когда опять поэзія на меня взглянетъ. Думаю, что она бродитъ теперь или около Васьковой горы и у Гремячаго, или въ какой нибудь Долбинской рощѣ... А здѣсь она откликнется рѣдко, да и то осиплымъ голосомъ".

XVI.

Арзамасъ.

Какъ ни тяжела была, судя по письмамъ, жизнь нашего поэта въ это время, все же новыя связи его въ Петербургѣ завязывали тѣ узы, которыми впослѣдствіи онъ былъ извлеченъ изъ чужбины на благо и славу русскаго общества. Нѣмецкій характеръ женской придворной сферы не могъ быть столь исключительнымъ, какъ узкая сфера

дерптскихъ кружковъ, среди которыхъ два года съ небольшими выѣздами суждено было вращаться Жуковскому.

И другой крѣпкій узелъ завязанъ былъ имъ въ Петербургѣ въ томъ же 1815 году.

Въ извѣстной литературной распрѣ изъ-за стараго и новаго слога горячими защитниками Карамзина явились Макаровъ, В. Л. Пушкинъ, Батюшковъ, Дашковъ, кн. Вяземскій и Д. Н. Блудовъ. Горячо былъ преданъ Карамзину и Жуковскій. Во время разгара этой распри, какъ противодѣйствіе членамъ „Бесѣды любителей русскаго слова“ возникло общество «Арзамасъ». Вотъ что послужило къ этому предлогомъ и ускорило его основаніе.

Кн. Шаховской 23 сентября 1815 года поставилъ на сцену комедію «Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды». Она имѣла успѣхъ, потому что въ ней упоминались событія отечественной войны: Лейпцигъ, Кульмъ, Парижъ. Въ этой-то комедіи, въ числѣ каррикатурныхъ лицъ, поклонниковъ героини былъ выведенъ жалкій «балладникъ» Фіалкинъ. Въ этомъ лицѣ осмѣивался Жуковскій. Кн. Шаховской незадолго передъ тѣмъ вышутившій Карамзина въ комедіи «Новый Стернъ», — вызвалъ всеобщее негодованіе молодыхъ писателей того круга, къ которому принадлежали оба эти писателя. Одинъ Жуковскій нисколько не обидѣлся и со свойственнымъ ему добродушіемъ присутствовалъ даже въ театрѣ при представленіи «Липецкихъ водъ» вмѣстѣ съ своими друзьями. Но Блудовъ, Жихаревъ и Вигель, сидѣвшіе вмѣстѣ съ Жуковскимъ въ третьемъ ряду креселъ на этомъ достопамятномъ спектаклѣ, пришли въ неописанное негодованіе, когда при выходкахъ Фіалкина глаза публики обращались на Жуковскаго.

„Теперь страшная война на Парнасѣ“, писалъ онъ своимъ роднымъ: «около меня дерутся за меня, а я молчу;

да лучше было бы, когда бы и они молчали; городъ раздѣленъ на двѣ партіи, и французскія волненія забыты при шумѣ Парнасской бури... Я благодаренъ этому пустому случаю: онъ болѣе познакомилъ меня съ самимъ собою; я теперь знаю, что я люблю поэзію для нея самой, и что комары Парнаса меня не укусятъ никогда слишкомъ больно».

Между тѣмъ кн. Вяземскій назвалъ Шаховскаго Шутовскимъ; это подхватили—и вотъ въ „Сынѣ Отечества" явилось извѣстное „Письмо къ новѣйшему Аристофану" и кантата Дашкова, которую пѣли на собраніи Арзамасцевъ. Каждый куплетъ ея оканчивался стихомъ:

Хвала тебѣ, о Шутовской!

„Рѣшено было дѣйствовать совокупно, общими силами и основать общество", говоритъ Е. Ковалевскій, описывая это время въ книгѣ своей: «Гр. Блудовъ и его время» [1]). „Поводомъ къ названію общества „Арзамасскимъ" была статья Блудова: „Видѣніе въ Арзамасѣ ученыхъ людей" съ эпиграфомъ: Le vrai peut quelque fois n'être pas vraisemblable... Въ то именно время отправлялся въ Арзамасъ воспитанникъ петербургской школы живописецъ Ступинъ, съ тѣмъ чтобы основать тамъ школу живописи. Объ этомъ говорили при гр. Блудовѣ, трунили надъ Ступинымъ, который хочетъ грубую арзамасскую живопись возвести въ искусство и образовать академію. Это дало мысль объ Арзамасѣ и впослѣдствіи повело къ шутовскому названію общества: „Арзамасская академія", „Арзамасское ученое общество"... Гр. Блудова, Дашкова и Жуковскаго можно назвать первыми основателями Арзамаса... Тутъ были, кромѣ названныхъ лицъ, А. Тургеневъ, В. Л. Пушкинъ, А.

[1]) Стр. 108 и д.

С Пушкинъ, Батюшковъ, Полетика, Северинъ, Мих. Орловъ, гр. Уваровъ, кн. Вяземскій и др. Въ уставѣ общества, написанномъ въ шуточномъ тонѣ Блудовымъ и Жуковскимъ, сказано между прочимъ: „По примѣру всѣхъ другихъ обществъ, каждому нововступающему члену „Арзамаса“ надлежало бы читать похвальную рѣчь своему покойному предшественнику, но всѣ члены новаго «Арзамаса» безсмертны, и такъ, за неимѣніемъ собственныхъ готовыхъ покойниковъ, ново-Арзамасцы положили брать на прокатъ покойниковъ между халдеями „Бесѣды“ и „Академіи“.

Вигель въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ такъ описываетъ открытіе Арзамасскихъ засѣданій:

„Въ одно утро нѣсколько человѣкъ получили циркулярное приглашеніе гр. Уварова пожаловать къ нему на вечеръ 14 октября. Въ ярко освѣщенной комнатѣ, гдѣ помѣщалась его библіотека, нашли они длинный столъ, на которомъ стояла большая чернильница, лежали перья и бумага; онъ обставленъ былъ стульями и казался приготовленнымъ для открытія присутствія. Хозяинъ занялъ мѣсто предсѣдателя, и въ краткой рѣчи, хорошо по-русски написанной, осуществляя мысль Блудова, предложилъ засѣдающимъ составить изъ себя небольшое общество „Арзамасскихъ безвѣстныхъ литераторовъ“. Изобрѣтательный геній Жуковскаго по части юмористической въ мигъ пробудился. Однимъ взглядомъ увидѣлъ онъ длинный рядъ веселыхъ вечеровъ, нескончаемую нить умныхъ и пристойныхъ проказъ. Отъ узаконеній, новому обществу имъ предлагаемыхъ, всѣ помирали со смѣху; единогласно избранъ онъ секретаремъ его... При окончаніи каждаго засѣданія, жребій долженъ былъ рѣшить, кому предсѣдательствовать въ слѣдующемъ; для засѣданій не было даже назначено опредѣленнаго мѣ-

ста; у одного изъ членовъ попеременно другіе должны были собираться... Арзамасское общество собиралось каждую недѣлю весьма исправно, по четвергамъ, у одного изъ двухъ женатыхъ членовъ--гр. Блудова или гр. Уварова.

Съ каждымъ засѣданіемъ становилось оно веселѣе, за каждой шуткой слѣдовали новыя; на каждое острое слово отвѣчало другое. Съ какою цѣлію составилось это общество — теперь бы этого не поняли. Оно составилось невзначай, съ тѣмъ, чтобы проводить время пріятнымъ образомъ и про себя смѣяться глупостямъ человѣческимъ... Благодаря неистощимымъ затѣямъ Жуковскаго, Арзамасъ сдѣлался пародіей въ одно время и ученыхъ академій, и масонскихъ ложъ, и тайныхъ политическихъ обществъ. Такъ же, какъ въ первыхъ, каждый членъ при вступленіи обязанъ былъ произносить похвальное слово... какъ въ послѣднихъ, странныя испытанія (впрочемъ не соблюденныя) и клятвенное обѣщаніе въ вѣрности обществу и сохраненіе тайнъ его предшествовали принятію каждаго новаго Арзамасца...

Вечеръ оканчивался вкуснымъ ужиномъ, который также находилъ мѣсто въ слѣдующемъ протоколѣ. Кому въ Россіи не извѣстна слава гусей арзамасскихъ? Эту славу хотѣлъ Жуковскій присвоить обществу, именемъ ихъ родины названному. Онъ требовалъ, чтобы за каждымъ ужиномъ подаваемъ былъ жареный гусь, и его изображеніемъ хотѣлъ украсить гербъ общества... Все шло у насъ не на обыкновенный ладъ.

Дабы болѣе отдѣлиться отъ свѣта, отреклись мы между собою отъ именъ, которыя въ немъ носили, и заимствовали новыя названія у балладъ Жуковскаго. Такимъ образомъ нареченъ я Ивиковымъ журавлемъ, гр. Уварова окрестили Старушкой, гр. Блудова назвали Кассандрой, Жу-

ковскаго—Свѣтланой, Дашкову дали названіе Чу! Тургеневу—Эоловой арфы[1]) и Жихареву—Громобоя...

Слѣдующей зимой среди морозовъ Арзамасъ все болѣе болѣе разцвѣталъ и съ каждымъ мѣсяцемъ обогащался новыми членами, изъ коихъ многими имѣлъ онъ причину гордиться. Существованіе его было непродолжительно; онъ прожилъ не съ большимъ два года.“ [2])

„Кн. Вяземскій и В. Л. Пушкинъ пріѣхали въ Петербургъ вмѣстѣ съ Карамзинымъ, и мѣсяца черезъ два съ нимъ же воротились опять въ Москву. Въ сіе время одинъ уладилъ, а другой потѣшилъ Арзамасъ своимъ соприсутствіемъ... Знакомые пріятели употребляли во зло довѣренность В. Л. Пушкина: кому-то изъ насъ вздумалось, по случаю вступленія его въ наше общество, снова подшутить надъ нимъ. Эта мысль сдѣлалась общимъ желаніемъ, и совокупными силами приступлено къ составленію страннаго, смѣшнаго и торжественнаго церемоніала принятія его въ Арзамасъ. Разумѣется, что Жуковскій былъ въ этомъ дѣлѣ главнымъ изобрѣтателемъ, и сіе самое доказываетъ, что въ этой, можно сказать, семейной шуткѣ не было никакого дурнаго умысла, ничего слишкомъ обиднаго для всѣми любимаго Пушкина. Ему возвѣстили, что непосвященные въ таинства нашего общества не иначе въ него могутъ быть приняты, какъ послѣ довольно трудныхъ испытаній, и онъ согласился подвергнуть имъ себя. Кн. Вяземскій успѣлъ увѣрить его, что они совсѣмъ не безѣдлица, и что самъ онъ весьма утомился, пройдя черезъ всѣ эти мытарства. Жилище гр. Уварова, просторное и богатоубранное, могло одно быть удобнымъ для представленія затѣваемыхъ комическихъ сценъ.

---

[1]) По причинѣ частаго бурчанія въ животѣ.

[2]) Записки Вигеля II, 170—172.

Какъ странствующаго въ мірѣ семъ безъ цѣли, нарядили его въ хитонъ съ раковинами, надѣли ему на голову шляпу съ широкими полями и дали въ руку посохъ пилигрима. Въ этомъ нарядѣ, съ завязанными глазами, изъ парадныхъ комнатъ по задней узкой и крутой лѣстницѣ свели его въ нижній этажъ, гдѣ ожидали его съ руками полными хлопушекъ, которыя бросали ему подъ ноги. Церемонія, потомъ начавшаяся, продолжалась около часу: то обращались къ нему съ вопросами, которые тревожили его самолюбіе и принуждали морщиться, то вооружали его руку лукомъ и стрѣлою, которую онъ долженъ былъ пустить въ чучелу, съ огромнымъ парикомъ и съ безобразною маской, имѣющую посреди груди написанный на бумагѣ извѣстный стихъ Тредьяковскаго: „Чудище обло, озорно, тризевно и лаяй".

Сіе чудовище, повергнутое послѣ выстрѣла его на полъ и имъ будто побѣжденное, должно было изображать дурной вкусъ, или Шишкова. Потомъ заставили его, поддержаннаго двумя аколитами, пронести на блюдѣ огромнаго замороженнаго гуся, а послѣ того... всего не припомню. Между всѣми этими продѣлками, членами произнесены ему были рѣчи назидательныя, ободрительныя или поздравительныя. Въ заключеніе, изъ темной комнаты, въ которой онъ находился, въ другую, длинную, ярко освѣщенную, отдернулась огненнаго цвѣта занавѣсь, ее скрывавшая, и онъ съ торжествомъ вступилъ въ собраніе и сказалъ рѣчь весьма затѣйливую и приличную. Тутъ пошли въ дѣло и „Липецкія воды" Шаховскаго, и „Расхищенныя Шубы" его же, и еще Богъ вѣсть что. Барыня-Арзамасъ требуетъ весь туалетъ [1]). Приведемъ рѣчь Свѣтланы (т. е. Жуковскаго), произнесенную при этомъ торжественномъ обрядѣ [2]):

---

[1]) Р. А. 1870. № 1. (Выдержки изъ записн. кн.).

[2]) Ibid.

„Какое зрѣлище предъ очами моими! Кто сей, обремененный толикими шубами страдалецъ?“ (въ числѣ испытаній было придумано положить В. Л. Пушкина, накидавъ на него шубы и заставить выслушать въ такомъ положеніи нѣсколько длинныхъ рѣчей). „Сердце мое говоритъ, что это почтенный В. Л. Пушкинъ, тотъ Василій Львовичъ, который снизшелъ съ своею музою, чистою дѣвою Парнаса, въ обитель нечистыхъ барышень покушенія, и вывелъ ее изъ сего вертепа не осрамленною, хотя и близокъ былъ сундукъ“ (изъ „Опаснаго сосѣда“ В. Л. Пушкина), „тотъ Василій Львовичъ, который видѣлъ въ Парижѣ не одни переулки“ (Шишковъ однажды намекалъ, что Пушкинъ таскался только по парижскимъ улицамъ и переулкамъ [1]), „но г. Фонтана и г. Делиля; тотъ Василій Львовичъ, который могуществомъ генія обратилъ дороднаго Крылова въ легкокрылую малиновку. Все это говоритъ мнѣ мое сердце. Но что же говорятъ мнѣ мои очи? Увы! Я вижу передъ собою одну только груду шубъ; подъ сею грудою существо друга моего, орошенное холоднымъ потомъ. И другу моему не жарко. И не будетъ жарко, хотя бы груда сія возвысилась до Олимпа и давила его какъ Этна Энцелада. Такъ точно! Сей Василій Львовичъ есть Энцеладъ: онъ славно вооружился противъ Зевеса-Шутовскаго и пустилъ въ него утесистый стихъ, раздавившій его чрево. Но что же? Сей издыхающій Зевесъ наслалъ на него, смиренно пѣшествующаго къ Арзамасу, метель „Расхищенныхъ шубъ“. И не спасла его дѣвственная муза, матерь Буянова. И лежитъ онъ подъ страшнымъ сугробомъ шубъ прохладительныхъ [1]), Очи его постигла курячья слѣ-

[1]) По замѣчанія г. Бартенева, тутъ намекъ на остроту гр. Блудова: „Ты въ „Шубахъ“ Шутовской холодный, въ „Водахъ“—ты Шутовской сухой.

нота Бесѣды; тѣло его покрыто проказою сотрудничества, и въ членахъ его накость Академическихъ Извѣстій, издаваемыхъ г. Шишковымъ. О, другъ нашъ! Скажу тебѣ просто твоимъ же непорочнымъ стихомъ: „терпѣніе, любезной“! Сіе испытаніе, конечно, есть мзда справедливая за нѣкіе тайные грѣхи твои. Когда бы ты имѣлъ совершенную чистоту арзамасскаго гуся, тогда бы прямо и безпрепятственно вступилъ въ святилище Арзамаса; но ты еще скверенъ; еще короста Бесѣды, покрывающая тебя, не совсѣмъ облупилась. Подъ сими шубами испытанія она отдѣлится отъ твоего состава. Потерпи, потерпи, Василій Львовичъ!

Прикасаюсь рукою дружбы къ мученической главѣ твоей. Да погибнетъ ветхій Василій Львовичъ! Да воскреснетъ другъ нашъ, возрожденный Вотъ! Разсыпьтесь, шубы! Встань, другъ нашъ! Гряди къ Арзамасу! Путь твой труденъ. Ожидаетъ тебя испытаніе. „Чудище обло, озорно, трезѣвно и лаяй“ ожидаетъ тебя за сими дверями. Но ты низложи сего Пиѳона, облобызай сову правды, прикоснись къ лирѣ мщенія, умойся водою потока и будешь достоинъ вкусить за трапезою отъ Арзамасскаго гуся, и онъ войдетъ въ святилище желудка твоего безъ перхоты и изыдетъ изъ него безъ натуги“.

„Когда послѣ я спросилъ В. Л. Пушкина“, пишетъ Вигель, „не досадовалъ ли онъ, не скучалъ ли онъ сими продолжительными испытаніями? Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ: c'étaient d'aimables allégories. Въ протоколѣ, который прочиталъ потомъ секретарь Жуковскій, прописанъ былъ весь этотъ обрядъ, яко бы совершенный надъ кн. Вяземскимъ въ предъидущемъ засѣданіи. При этомъ всѣ члены, исключая ново-принятаго, приступили съ требованіемъ на будущее время измѣнить

его, какъ тягостный для вступающихъ и довольно убыточный для вступившихъ. Не доставало балладъ, чтобы давать ихъ названія новымъ членамъ; довольствовались тѣмъ, чтобы для того брать изъ нихъ примѣчательныя имена и слова: вотъ почему въ это же, кажется, засѣданіе кн. Вяземскій нареченъ Асмодеемъ, В. Л. Пушкинъ сталъ назывался Вотъ, а Северинъ удачно прозванъ Котомъ.. .

Въ слѣдующее засѣданіе приглашены были нѣкоторыя, болѣе или менѣе знаменитыя лица, а именно: Карамзинъ, кн. Ал. Ник. Салтыковъ, Мих. Ал. Салтыковъ—и наконецъ Юрій Ал. Нелединскій - Мелецкій. Всѣ они, вмѣстѣ съ отсутствующимъ И. И. Дмитріевымъ, единогласно выбраны почетными членами, или почетными гусями; титулъ сей, разумѣется, предложенъ былъ Жуковскимъ.

Въ это время только удалось мнѣ видѣть Нелединскаго невысокаго роста, умнаго, веселаго, толстенькаго старичка, написавшаго немного прелестныхъ стиховъ и, къ сожалѣнію, такъ много непотребныхъ.... Въ этотъ же день потѣшили и Пушкина. Нѣкогда пріятель и почти ровесникъ Карамзина и Дмитріева, онъ сдѣлался товарищемъ людей, по меньшей мѣрѣ пятнадцатью годами его моложе. Надобно имъ было чѣмъ-нибудь отличить его, признать какое-нибудь первенство его передъ собою. И въ этомъ дѣлѣ помогъ Жуковскій, придумавъ для него званіе старосты Арзамаса, съ коимъ сопряжены были нѣкоторыя преимущества. Изъ нихъ нѣкоторыя были уморительныя и остались у меня въ памяти, напр: мѣсто старосты, когда онъ на лицо,—подлѣ предсѣдателя общества, въ дни же отсутствія—въ сердцахъ друзей его; онъ подписываетъ протоколъ съ приличною размашкою; голосъ его въ нашемъ собраніи имѣетъ силу трубы и пріятность флейты, и т. п. вздоръ.“

„Я полагаю“, замѣчаетъ Вигель, „что еслибъ это обще-

ство могло ограничиться небольшимъ числомъ членовъ, то оно жило бы согласнѣе, но Жуковскій безпрестанно вербовалъ новыхъ... Перваго назову Дм. Ал. Кавелина. Гораздо старѣе Жуковскаго, онъ однако же учился съ нимъ вмѣстѣ въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ, который оставилъ онъ нѣсколько годовъ прежде его. Онъ принадлежалъ къ партіи Сперанскаго, находился подъ покровительствомъ и въ тѣсной дружбѣ съ Магницкимъ. Онъ никогда не былъ выскочкою, держалъ себя тихо, скромно, удалялся отъ общества, оттого, можетъ быть, не увлеченъ былъ ихъ паденіемъ и сохранилъ значительное мѣсто директора Медицинскаго Департамента. Но безъ нихъ онъ какъ будто осиротѣлъ и, какъ кажется, желалъ составить новыя связи, пристать къ чему-нибудь, къ кому-нибудь. Придравшись къ прежнему соученичеству, онъ очень ласкался къ Жуковскому и предложилъ ему печатать его сочиненія въ типографіи своего департамента. Онъ былъ человѣкъ весьма неглупый, съ познаніями, что-то написалъ, казался весьма благоразумнымъ, ко всѣмъ былъ привѣтливъ, а не знаю—какъ то ни у кого сердце не лежало къ нему. Дѣйствующее лицо безъ рѣчей, онъ почти всегда молчалъ; нехорошо улыбался и между нами былъ совершенно лишній. Жуковскій наименовалъ его Пустынникомъ.

Одного только члена, предложеннаго Жуковскимъ, неохотно приняли... Воейковъ никакъ не обидѣлся даннымъ ему у насъ прозвищемъ дымной Печурки.

Еще одного деревенскаго сосѣда, но вмѣстѣ съ тѣмъ Парижанина въ рѣчахъ и манерахъ, поставилъ Жуковскій въ Арзамасъ.... Когда овдовѣвъ Плещеевъ пріѣхалъ въ Петербургъ, Жуковскій возвѣстилъ намъ о немъ, какъ о неизреченномъ источникѣ веселій, а намъ то и надо было. Сначала онъ дѣйствительно всѣхъ смѣшилъ. По смуглому

цвѣту лица всеобщій креститель нашъ назвалъ его Чернымъ враномъ.

Заочно были приняты еще два члена: Батюшковъ подъ именемъ Ахилла, и партизанъ-поэтъ Денисъ Вас. Давыдовъ, подъ именемъ Армянина. Первый слѣдующей осенью обрадовалъ насъ своимъ пріѣздомъ, а послѣдняго никогда мы не видали. Онъ находился въ Москвѣ: тамъ вмѣстѣ съ кн. Вяземскимъ и А. С. Пушкинымъ составили они отдѣленіе Арзамаса, и засѣданія ихъ посѣщали Карамзинъ и Дмитріевъ. Новыхъ членовъ они не набирали безъ согласія горняго Арзамаса, не имѣя на то права....

По тѣснымъ связямъ Александра Тургенева, и братъ его Николай былъ принятъ въ Арзамасъ какъ родной, и кажется, ему самому въ немъ полюбилось.... Въ душевной простотѣ своей Жуковскій далъ Н. Тургеневу имя Варвика.

На выпускъ (изъ Лицея въ 1817 г.) молодаго А. С. Пушкина смотрѣли члены Арзамаса какъ на счастливое для нихъ происшествіе, какъ на торжество... особенно же Жуковскій, воспреемникъ его въ Арзамасѣ, казался счастливъ, какъ будто бы самъ Богъ послалъ ему милое чадо... Я не спросилъ тогда, за что его назвали Сверчкомъ; теперь нахожу это весьма кстати, ибо въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Петербурга, спрятанный въ стѣнахъ Лицея, прекрасными стихами уже подавалъ онъ оттуда свой звонкій голосъ".

Далѣе Вигель повѣствуетъ объ извѣстной попыткѣ Орлова дать Арзамасу новое, политическое направленіе. Съ этого времени въ обществѣ сталъ замѣтенъ расколъ: неистощимая веселость скоро прискучила тѣмъ, у коихъ голова полна была замысловъ; другихъ политическіе вопросы не занимали, и Арзамасъ тихо, непримѣтно заснулъ вѣчнымъ сномъ. „Но прежде кончины своей породилъ онъ чувство, рѣдко, никогда нынѣ не встрѣчаемое,—неизмѣн-

ную, твердую дружбу между людей, которые, оказывая великія услуги государству, въ вѣкъ обмана и златолюбія, служили примѣромъ чести и безкорыстія" [1]).

Большаго значенія и не могли имѣть пріятельскія, шаловливыя бесѣды эти. Напрасно стали бы мы искать въ „Арзамасѣ" серьезнаго сближенія литераторовъ, во имя какой-либо опредѣленной цѣли. Потому нельзя не признать крайнимъ преувеличеніемъ отзывъ автора упомянутой выше книги: „Гр. Блудовъ и его время", который говоритъ, что Арзамасцы „занимались строгимъ разборомъ литературныхъ произведеній; примѣненіемъ къ языку и словесности отечественной источниковъ древней и иностранныхъ литературъ, изысканіемъ началъ, служащихъ основаніемъ твердой, самостоятельной теоріи языка". Если бы это было такъ! Но истина требуетъ признать эти милыя вечера, не болѣе, какъ самымъ непритязательнымъ развлеченіемъ людей, связанныхъ частію школьнымъ товариществомъ, частію дружбою, частію же и родствомъ, болѣе или менѣе принимавшихъ участіе въ легкой литературѣ и раздѣлявшихъ одни и тѣ же вкусы. Такой союзъ и не могъ быть долговѣчнымъ; не могъ и выдержать умноженія своихъ членовъ.

Но при всей случайности своего возникновенія, Арзамасъ представлялъ явленіе отрадное. Не даромъ Карамзинъ, пріѣзжавшій въ Петербургъ въ 1816 голу по дѣламъ изданія первыхъ осьми томовъ „Исторіи", писалъ къ женѣ своей: „Здѣсь изъ мужчинъ всѣхъ для меня любезнѣе Арзамасцы: вотъ истинная Русская Академія, составленная изъ людей умныхъ и съ талантомъ! Жаль, что они не въ Москвѣ или не въ Арзамасѣ," т. е. среди холоднаго и оффиціальнаго столичнаго міра его поразило это русское благодушіе, при всей

---

[1]) Записки Вигеля III, 40 и д.

его интимности не переходившее ни въ шумную распущенность, ни въ скучное молчаніе лицъ, надоѣвшихъ другъ другу. Изящную занимательность всѣмъ этимъ безобиднымъ дурачествамъ сообщалъ несомнѣнно Жуковскій. Симпатичная личность его привлекла въ этотъ кружокъ лучшія силы тогдашняго литературнаго міра.

Другія литературныя группы его въ это и непосредственно слѣдующее затѣмъ время распредѣлялись такъ: въ московскомъ университетѣ первенствовалъ Мерзляковъ, въ „Бесѣдѣ" Шишковъ и кн. Шихматовъ, въ домѣ Оленина Гнѣдичъ [1]). Наибольшее вліяніе изъ всѣхъ русскихъ литературныхъ кружковъ суждено было Арзамасу и въ описываемое нами время—въ особенности Жуковскому. Исторія съ „Липецкими водами" была однимъ изъ проявленій зависти къ его успѣхамъ. Жуковскій никогда не прибѣгалъ къ видимымъ средствамъ внушать къ себѣ уваженіе, и въ наружности его не было ничего внушительнаго; въ обхожденіи, въ рѣчахъ онъ былъ скроменъ и замѣчательно простъ: никакого чванства, ни педантства, ни витійства [2]). Шаховской безопасно могъ напуститься на скромнаго и благодушнаго поэта. Но тѣмъ сильнѣе и единодушнѣе былъ отпоръ, оказанный Арзамасцами. Въ ихъ дружбѣ была сила. „Мы", говоритъ кн. Вяземскій [3]) „уже были Арзамасцами между собою, когда Арзамаса еще и не было. Арзамасское общество служило только оболочкой нашего нравственнаго братства. Шуточные обряды его, торжественныя засѣданія,—

[1]) См. письмо И. И. Дмитріева отъ 1820 г. (въ кн „гр. Блудовъ и е. в." 1866, стр. 236.

[2]) Такимъ является онъ по отзывамъ всѣхъ лицъ, знавшихъ его. См. зап. Вигеля II, 165. Характеренъ портретъ Жуковскаго въ картинѣ Чернецова (Альбомъ Моск. Пушкинской выставки, изд. Общ. люб. росс. слов., 1882, стр. 162).

[3]) Соч. кн. Вяз, VII, 411.

все это лежало на второмъ планѣ. Не излишне будетъ сказать, что съ приращеніемъ общества, какъ бываетъ это со всѣми подобными обществами, связь, растягиваясь, могла частію и ослабнуть—подъ-конецъ могли въ общемъ итогѣ оказаться и Арзамасцы пришлые и полуарзамасцы: но ядро, по сердцевина его сохраняли всегда всю свою первоначальную свѣжесть, свою коренную, сочную, плодотворную силу".

Жуковскій въ это время жилъ сначала у гр. Блудова. Нерѣдко, когда у гр. Блудова не доставало денегъ (до полученія наслѣдства), они попросту хлебали щи у Гаврилы (дядьки Блудова) и тѣмъ ограничивали неприхотливый обѣдъ свой [1]). Когда же А. А. Плещеевъ переѣхалъ въ Петербургъ, то поэтъ устроился съ нимъ, возложивъ на него холостое хозяйство свое, и потому называлъ его женою своей. Они поселились у Кашина моста за каналомъ, въ угольномъ домѣ. Сюда по субботамъ собирались вечеромъ къ Жуковскому литераторы; Арзамасъ видимо продолжалъ существовать на этихъ субботахъ Жуковскаго.

Сторонники стараго направленія угрюмо встрѣчали новое движеніе и тщетно старались предостеречь отъ него читателей. Разбирая „Курсъ драматической поэзіи Шлегеля", „Духъ журналовъ" съ горечью замѣчаетъ: „Мы съ каждымъ днемъ дѣлаемся достойнѣе къ уваженію г. Шлегеля; наше «усовершенствованіе» ведетъ насъ къ романической поэзіи... И такъ пусть не отчаивается г. Шлегель: онъ найдетъ много послѣдователей: если онъ ищетъ любителей декорацій, торжественныхъ процессій, чудовищъ, привидѣній, разбойниковъ, вертеповъ: то не станемъ сомнѣваться—онъ найдетъ ихъ тысячи" [2]).

---

[1]) Г. Блудовъ и его вр., 111.

[2]) „Духъ Журналовъ", 1815, кн. 7, стр. 61.

XVII.

Характеръ Дерптскихъ стихотвореній.—Замыслъ поэмы „Владиміръ".—Лекціи Эверса младшаго.—Вадимъ.

Пребываніе Жуковскаго въ Дерптѣ привязало его къ тѣмъ нѣмецкимъ поэтамъ, которые наиболѣе читались въ кругу его близкихъ. Появился цѣлый рядъ произведеній Уланда (Сонъ, Пѣсня бѣдняка, Счастіе во снѣ, Идиллія, Гаральдъ, Три пѣсни) въ переводѣ Жуковскаго. Затѣмъ слѣдуетъ увлеченіе его Гебелемъ (Овсяный кисель, Красный карбункулъ, Деревенскій сторожъ въ полночь, Тлѣнность). Изъ первыхъ въ большей части звучитъ струна того горя, которое онъ только что пережилъ. Наиболѣе свѣтлымъ чувствомъ отличается „Пѣсня бѣдняка":

Куда мнѣ голову склонить?
Покинутъ я и сиръ;
Хотѣлъ бы весело хоть разъ
Взглянуть на Божій міръ...
И я въ семьѣ моихъ родныхъ
Когда-то счастливъ былъ,
Но горе спутникъ мой съ тѣхъ поръ,
Какъ я ихъ схоронилъ.

Но чувство тоски, одиночества разрѣшается свѣтлымъ чувствомъ примиренія съ земнымъ горемъ во имя инаго міра, отражаемаго и здѣсь на землѣ въ красотахъ природы и молитвахъ людей:

И знаю: будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной сторонѣ;
Тамъ буду праздновать и я,
Тамъ мѣсто есть и мнѣ.

Болѣе мрачно стих. „Счастіе во снѣ". Вотъ его послѣдняя строфа:

Минутное веселье!
Двухъ колоколовъ звонъ:
Она проснулась въ кельѣ,
Въ тюрьмѣ проснулся онъ.

Не менѣе горькимъ чувствомъ исполнено, переведенное въ 1817 году изъ Гёте „Утѣшеніе въ слезахъ". Вообще же къ этому дерптскому періоду не относится ни одного перевода, который могъ бы стать наравнѣ съ лучшими, сдѣлавшими славу Жуковскаго. По исключительности многихъ изъ нихъ и по выраженному въ нихъ складу мыслей и чувствъ, и по формѣ, они не могли найти сочувствія въ русскихъ читателяхъ. „Тлѣнность", разговоръ между внукомъ и дѣдушкой (Гебеля)—одно изъ самыхъ бѣдныхъ по содержанію и неудачное по формѣ, вызвало даже насмѣшку Пушкина (сколько намъ извѣстно, дозволившаго себѣ лишь одинъ разъ подсмѣяться надъ Жуковскимъ, какъ поэтомъ). Извѣстно, что первые стихи этого разговора:

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что если то жъ случится
И съ нашей хижиной?

вызвали слѣдующую пародію Пушкина:

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что если это проза,
Да и дурная?...

Между тѣмъ немногія оригинальныя стихотворенія, въ это время написанныя Жуковскимъ и по большей части вызванныя какими-нибудь родными воспоминаніями, достигаютъ высшей красоты стиха. Такова извѣстная пѣсня („Минувшихъ дней очарованье") и въ особенности („Посла-

ніе къ....“ [1]), начинающееся словами: („Товарищъ! вотъ тебѣ рука!“). Въ этомъ искреннемъ посланіи столько задушевнаго чувства, стихъ его такъ гибокъ и звонокъ, что, не смотря на неполную отдѣлку, можетъ поспорить съ лучшими стихами Пушкина. Вотъ нѣкоторыя мѣста этого посланія:

Дорогой странникъ утомленный,
Узрѣвъ съ холма неотдаленный
Предѣлъ родимой старины,
Трепещетъ, сердцемъ оживаетъ,
И жаднымъ взоромъ различаетъ
За горизонтомъ отчій кровъ,
И слышитъ снова шумъ дубовъ,
Которые давно шумѣли
Надъ нимъ, игравшимъ въ колыбели,
Въ виду родительскихъ гробовъ.
Онъ небо узнаетъ родное,
Подъ коимъ счастье молодое
Ему сказалося впервой—
Прискорбно-радостнымъ желаньемъ,
Невыразимымъ упованьемъ,
Невыразимою мечтой... [2])

Таковъ былъ я одно мгновенье!
Прелестно-быстрое видѣнье,
Давно не посѣщавшій другъ,
Меня внезапно навѣстило,
Меня внезапно уманило
На первобытный въ жизни лугъ.
Любовь мелькнула предо мною;
Съ возобновленною душою
Я къ лирѣ бросился моей,

---

[1]) Соч. Жук. 1878. I, 38—41.

[2]) Невольно приходятъ на память:

И я любовь узналъ душой
Съ ея небесною отрадой,
Съ ея мучительной тоской.

(Русл. и Людм. 1820. Въ изд. Анн. 89).

И подъ рукой нетерпѣливой
Бывалый звукъ раздался въ ней;
И мертвое мнѣ стало живо,
И снова на бездушный свѣтъ
Я оглянулся какъ поэтъ...

Посланіе кончается обращеніемъ къ неизвѣстному другу:

Люби; любовь и жизнь—одно.
Отдайся ей, забудь сомнѣнье,
И жизни жребій соверши.
Она пойметъ твое мученье,
Она пойметъ языкъ души.

Къ лучшимъ же переводнымъ стихотвореніямъ относится элегія изъ Гёте («Опять ты здѣсь, мой благодатный геній»), которую Жуковскій предпослалъ своимъ „Двѣнадцати спящимъ дѣвамъ".

Онъ теперь окончилъ вторую часть „Двѣнадцати спящихъ Дѣвъ" подъ заглавіемъ „Вадимъ" и вмѣстѣ съ „Громобоемъ" напечаталъ, посвятивъ поэму гр. Блудову.

Жуковскій самъ чувствовалъ, что начинаетъ размѣнивать свой талантъ на мелочь. Поощренный царскимъ подаркомъ за собраніе стихотвореній, изданное имъ въ двухъ томахъ въ 1816 году [1]), онъ какъ бы совѣстился этой награды и считалъ ее «наградою за добрую надежду». Мысль о произведеніи крупномъ не покидаетъ его, и онъ мучится своими постоянными поѣздками изъ города въ городъ. «Чтобы работать порядкомъ«, пишетъ онъ [2]), «надобно сидѣть на мѣстѣ; и чтобы написать что-нибудь важное, надобно собрать для этого матеріалы. У меня сдѣланъ планъ: онъ требуетъ множества матеріаловъ историческихъ. Того,

[1]) Стихотворенія Василія Жуковскаго. Спб. Часть I, 1815. Часть II. 1816. Здѣсь подъ заглавіемъ „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ" помѣщена лишь та половина, которая теперь носитъ названіе „Громобоя".

[2]) О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго, Плетнева, стр. 44.

откуда я ихъ почерпнуть долженъ, съ собою взять не могу—а время между тѣмъ летитъ. Что, если оно улетитъ и умчитъ съ собою возможность что-нибудь сдѣлать? Я столько потерялъ времени, что теперь каждая минута кажется важною. Вся моя протекшая жизнь есть не иное что, какъ жертва мечтамъ—жалкая жертва! И боюсь, не потерялъ ли я уже возможности пользоваться настоящимъ. Мнѣ нельзя перетащить съ собою всѣхъ своихъ книгъ; а большая часть ихъ будетъ мнѣ нужна, если не для чтенія, то для справокъ... Однимъ словомъ, въ нынѣшнемъ и будущемъ году я долженъ написать что-нибудь важное; безъ этого душа не будетъ на мѣстѣ. Я не долженъ обмануть надежды царской».

Кажется, мы не ошибаемся, если скажемъ, что неисполненіе Жуковскимъ замысла написать большую историческую поэму можно считать обстоятельствомъ, благопріятнымъ его славѣ. Зная весь предшествующій поэтическій путь его, можно съ увѣренностію сказать, что замыселъ этотъ не соотвѣтствовалъ ни складу его таланта, ни поэтическому его вкусу, все болѣе и болѣе отдалявшемуся въ то время отъ родной земли, ни наконецъ общему духу того времени, въ которое возникъ этотъ замыселъ. Жаль, что не осталось никакихъ слѣдовъ приготовительныхъ работъ къ поэмѣ, но что онѣ должны были существовать, видно изъ того, какъ часто, и въ разное время, онъ обращался къ этой мысли въ перепискѣ съ различными лицами. Теперь, въ Дерптѣ, онъ слушалъ лекціи Эверса младшаго. Предметомъ этихъ лекцій, продолжавшихся отъ февраля до мая, была средняя исторія. Судя по тому, что въ томъ самомъ письмѣ, которое мы сейчасъ цитировали, онъ называетъ эти лекціи «важными для его плана,» онъ не свободенъ былъ отъ того пониманія русской древности, которое рядило ее въ

западно-европейскій костюмъ. Если даже Карамзинъ въ своей исторіи первую ея эпоху показалъ въ ложномъ туманѣ романтическаго сумрака и сообщилъ первымъ князьямъ характеръ рыцарей или чувствительныхъ героевъ и самихъ Древлянъ заставилъ говорить реторическою прозою,—если самому Пушкину чертоги кн. Владиміра или богатырей его предстали въ пестромъ освѣщеніи фантазіи Аріостовской,—чего же мы должны были бы ожидать отъ поэмы Жуковскаго, который готовился къ ней не изученіемъ русской лѣтописи, а лекціями Эверса, вызванными въ Дерптѣ тѣмъ интересомъ къ среднимъ вѣкамъ, который проникъ туда изъ Германіи, интересомъ, возбужденнымъ поэтами нѣмецкой романтической школы. Въ этихъ лекціяхъ дерптскій историкъ горячо бралъ подъ свою защиту средній вѣка: онъ напоминалъ о древнихъ Германцахъ, о рыцаряхъ, о религіозности среднихъ вѣковъ, о новыхъ народахъ, выступившихъ на поприще исторіи, дабы явить элементы юнаго человѣчества. „Не надо", говоритъ онъ, „въ племенахъ, разрушившихъ Римскую имперію, видѣть дикую силу, низринувшую общественный порядокъ и вѣкъ наукъ и искусствъ: все хорошее уже давно не существовало въ Римѣ; на варваровъ надо смотрѣть, какъ на виновниковъ возрожденія общества. Римъ погрязъ въ рабствѣ, изнѣженности и развратѣ. Самое слово варварство приличествуетъ грубой массѣ, переходящей въ состояніе образованности, не менѣе, нежели націи высоко развитой, но вступившей въ періодъ разложенія [1]." И въ самой Германіи едва лишь наступило время историческаго изслѣдованія родной старины; тѣмъ менѣе къ тому была готова литература русская. То было еще смут-

[1]) Лѣтоп. русск. литер. и древ. 1859. Кн. 2 „Знакомство Жуковскаго со взглядами романтической школы".

ное исканіе идеаловъ, которые составили бы противовѣсъ матеріалистическому направленію европейскаго общества нашего вѣка. Съ такимъ настроеніемъ, въ среднихъ вѣкахъ находили то, что найти такъ желалось. Отсюда крайняя идеализація ихъ. Тому содѣйствовало привившееся отъ сочиненій Руссо исканіе идеала среди обстановки, чуждой новѣйшей цивилизаціи. Если эти воззрѣнія дали начало многимъ прелестнымъ лирическимъ и лиро-эпическимъ произведеніямъ германской музы,—то совершенно не были годны для эпоса, самой природѣ котораго такъ чужда всякая историческая неправда. Можно съ увѣренностію сказать, что мы получили бы во «Владимірѣ» Жуковскаго, по стилю образовъ, нѣчто подобное Озерову или, пожалуй, думамъ Рылѣева.

Какъ далекъ былъ Жуковскій въ описываемое нами время отъ мысли воспользоваться чертами народной жизни и древней дѣйствительности для поэзіи, можно видѣть изъ того, что въ самое то время, когда онъ въ письмахъ къ роднымъ поручаетъ имъ собираніе народныхъ сказокъ и преданій,— изъ подъ пера его выходитъ „Вадимъ", въ которомъ кромѣ имени новгородскаго юноши и именъ мѣстностей новгородской и кіевской, да «меча кладенца» и «корнистаго дуба[1])», мы не находимъ ничего русскаго. Самое вниманіе къ народной поэзіи очевидно было вызвано въ Жуковскомъ болѣе той стороною ея, которая могла дать содержаніе «чудесному» эпоса. Сказки, суевѣрія, преданія—вотъ что желалъ бы онъ видѣть записаннымъ. Правда, онъ признаетъ важность такого источника для знакомства съ древностью, какъ то признавалъ и Карамзинъ, — но поэтическому пользованію этими образами не пришло еще время. Пред-

[1]) Неудачный отзвукъ „дуба кряковистаго" народныхъ былинъ.

принимая собираніе народныхъ сказокъ и преданій, подобно Карамзину, считавшему ихъ «любопытными для ума внимательнаго», потому что они «изображаютъ обычаи и духъ времени»,—и Жуковскій признаетъ ихъ дающими понятіе о правахъ, степени просвѣщенія и старинѣ [1]). Но, какъ Карамзинъ преданія считаетъ «несогласными съ важностію исторіи»: такъ очевидно и Жуковскій, и Арзамасцы, не смотря на всю смѣлость своихъ нововведеній, не рѣшались полнымъ ковшомъ черпнуть изъ этого источника.

«Вадимъ», по собственному заявленію автора, выраженному въ посвященіи поэмы гр. Блудову, росъ на глазахъ этого одушевленнаго Арзамасца, «проложившаго ему путь къ цѣли» этой поэмы, — но гр. Блудовъ, вкусъ котораго былъ при этомъ учителемъ Жуковскаго [2]) не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которыхъ и воспитаніе, и обстоятельства жизни ставятъ лицомъ къ лицу съ средой народной. Воспитанный подъ руководствомъ эмигрантовъ, вращавшійся съ дѣтства среди того слоя московскаго общества, гдѣ чаще всего слышались рѣчи о торжествѣ французскихъ энциклопедистовъ надъ предразсудками вѣка, вспоенный идеями литературъ французской, нѣмецкой и италіанской, первую службу въ Архивѣ Госуд. Колл. Иностр. Дѣлъ начавшій переводами дипломатическихъ актовъ, рано переѣхавшій въ Петербургъ въ эпоху космополитическихъ стремленій начала царствованія Императора Александра I-го, жившій подъ руководствомъ Озерова,—могъ ли гр. Блудовъ воспитать въ себѣ вкусъ къ народности? Самая оппозиція Арзамасцевъ Шишкову не была ли вмѣстѣ и оппозиціей народности?

И такъ не будемъ въ „Вадимѣ“ искать того, чего онъ

---

[1]) Письмо въ Бѣлевъ изъ Дерпта, 1816, зимою. Р. А. 1864, 902.

[2]) „Твой вкусъ былъ мнѣ учитель“ (посвященіе къ „Вадиму“).

дать не могъ. Онъ представляетъ интересъ совсѣмъ съ другой стороны. Въ немъ болѣе, нежели гдѣ нибудь, выступилъ мотивъ тѣхъ поэмъ, которыя въ началѣ нынѣшняго вѣка назывались романтическими.

Сличеніе поэмы Жуковскаго съ тѣмъ нѣмецкимъ подлинникомъ, который далъ ему мысль „Вадима", убѣждаетъ насъ, въ какой степени эту поэму мы въ правѣ считать произведеніемъ почти оригинальнымъ. Выше при разборѣ „Громобоя" мы остановились въ изложеніи романа Шписа на 61 страницѣ I его части. Изложеніе остальныхъ частей нѣмецкаго романа читатели найдутъ въ приложеніи (см. Приложеніе II).

Ознакомившись съ окончаніемъ нѣмецкаго романа, не трудно видѣть, какъ очистила цѣломудренная муза Жуковскаго все грубое, все, что̀ роднитъ романъ Шписа съ итальянской средневѣковой новеллой, давшей несомнѣнно свое содержаніе нѣмецкому романисту. Особенность южныхъ источниковъ романа, въ которыхъ идеальная сторона обыкновенно ставится въ служебное положеніе къ сценамъ чувственнымъ и грязнымъ, служа лишь внѣшнимъ поводомъ къ тому, чтобы съ тѣмъ большею свободою развернуть вымыслы грубой фантазіи, слишкомъ даетъ себя чувствовать и въ романѣ Шписа. У Жуковскаго слегка начерченныя сцены чувственнаго характера уже рѣшительно подчинены главной цѣли повѣствованія—прославить чистаго избавителя грѣшницъ. Всѣ декамероновскія условія рожденія избавителя Жуковскимъ опущены.

Обстоятельства юности Вадима имѣютъ сходство съ юностью Вилибальда. Какъ и тотъ, онъ проводитъ время въ охотѣ за звѣрями; такъ же становится онъ задумчивъ:

Уже двадцатая весна
Вадимова настала:

И чувства тайнаго полна,
Душа въ немъ изнывала.
„Чего искать? въ какихъ странахъ?
Къ чему стремить желанье?“
Но все—и тишина въ лѣсахъ,
И быстрыхъ водъ журчанье,
И дня мѣняющійся видъ
На облакѣ небесномъ,—
Все, все Вадиму говоритъ
О чемъ-то неизвѣстномъ.

Видѣніе старца также заимствовано у Шиса; только 12 колокольчиковъ на посохѣ обращены у него въ одинъ серебряный звонокъ. Видѣніе это дополнено образомъ молодой дѣвы съ закрытымъ лицомъ въ благоуханномъ вѣнкѣ замѣнившей Шисову Гутту, которую Вилибальдъ полюбилъ не видавши. Препятствія въ видѣ искушеній, составляющія значительную часть нѣмецкаго романа, замѣнены у Жуковскаго однимъ эпизодомъ избавленія кіевской княжны. Двѣ-три страстныя черты подлинника нашли свое выраженіе и въ „Вадимѣ“ (сцена въ пещерѣ)... Порывъ прекращенъ знакомымъ звономъ и воздушнымъ видѣніемъ:

И кто-то, чудилось, летѣлъ
Незримый, но извѣстный
И взоръ, исполненный тоской
Мелькалъ сквозь покрывало;
И подъ воздушной пеленой
Печальное вздыхало.

Возвративъ Кіевскому князю освобожденную имъ княжну изъ рукъ великана въ медвѣжьей кожѣ, онъ не веселъ на пирѣ, устроенномъ радостнымъ княземъ; глухъ онъ и къ его предложеніямъ дочери въ награду ему за подвигъ:

Веселье всѣмъ; одинъ Вадимъ
Не веселъ—мысль далеко.
Сердечной думою томимъ,
Безмолвенъ, одинокій,

Ни пѣснямъ, ни привѣтамъ онъ
Не внемлетъ равнодушный;
Онъ ступитъ шагъ—и слышитъ звонъ;
Подыметъ взоръ—воздушный
Призракъ летаетъ передъ нимъ
Въ знакомомъ покрывалѣ;
Преклонитъ слухъ—твердятъ: Вадимъ!
Не забывайся далѣ!

Онъ бѣжитъ къ Днѣпровскимъ берегамъ, и челнокъ мчитъ его къ очарованному замку 12-ти дѣвъ. Образъ могилы Громобоя, съ блѣднымъ на ней пламенемъ и недвижимо сидящимъ на ней вороном, и образъ самого стараго грѣшника, приподнимающаго изсохшими руками могильный камень и напрасно оставляющаго могилу и стучащагося въ храмъ,—все это совершенно новые образы, которыхъ не встрѣчаемъ въ романѣ Шписа.

Въ содержаніи „Вадима“ на первый планъ выдвинутъ „путь вѣры“, по которому безъимянный святой вождь ведетъ героя. Неудовлетворяемый и ласками родителей, и любовью друзей, герой, отправляясь на подвиги, такъ прощается съ матерью:

Увы! желаннаго здѣсь нѣтъ:
Спокой себя, родная!
Меня отъ васъ въ далекій свѣтъ
Ведетъ рука святая!

Это стремленіе безсознательное. Онъ самъ говоритъ:

Куда ведетъ? какой стезей?
Не знаю—и напрасенъ
Въ незнаньи страхъ... живъ спутникъ мой;
Путь вѣры безопасенъ.

Она же дастъ ему и силы одолѣть похитителя княжны—исполина. Побѣда эта, напоминающая нѣсколько битву юнаго

Роланда въ извѣстной балладѣ Уланда, переведенной позже Жуковскимъ, составляетъ одну изъ лучшихъ картинъ „Вадима“:

„Стой“! крикнулъ хищнику Вадимъ
И заслонилъ дорогу.
Ни слова тотъ на грозну рѣчь,
Какъ бѣшеный отпрянулъ,
Сорвалъ дубину съ крѣпкихъ плечъ,
Взмахнулъ, въ Вадима грянулъ,
И очи вспыхнули, какъ жаръ....
Конь легкій отшатнулся,
Въ корнистый дубъ пришелъ ударъ,—
И дубъ, треща, погнулся;
Вадимъ всей силою меча
Ударилъ исполина—
Рука отпала отъ плеча,
И въ прахъ легла дубина.
И хищникъ, рухнувъ, захрипѣлъ
Подъ конскими ногами;
Рванулся встать; оцѣпенѣлъ
И стихъ, грозя очами:
И смерть молчаньемъ заперла
Уста, вопить отверзты;
И, роя землю, замерла
Рука, разинувъ персты.

Любимый символъ Жуковскаго—челнокъ, мчащій къ вѣрной пристани ввѣрившагося ему — и здѣсь является орудіемъ той „тайной силы“, которая влечетъ невѣдомо самому избраннику, „смятенному ожиданіемъ“ къ осуществленію «мечтаній молодой души», и всего,

...Чего мы здѣсь не зримъ,
Что вѣрѣ лишь открыто...

Въ «Вадимѣ» мы видимъ такимъ образомъ произведеніе, послѣдовательно связанное съ его предыдущими балладами:

«Людмилой», „Кассандрой“ и «Громобоемъ». Христіанскія добродѣтели—вѣра и надежда, нашедшія свое выраженіе въ тѣхъ произведеніяхъ, здѣсь дополняются изображеніемъ тѣхъ же чувствъ, неразрывно здѣсь связанныхъ съ чувствомъ идеальной любви, руководящей всѣмъ существомъ героя.

Эпизодъ съ кіевской княжной послужилъ Пушкину сюжетомъ для его «Руслана и Людмилы».

Если Жуковскій не былъ удовлетворенъ тѣми произведеніями, которыя были вызваны Дерптской жизнію его, то это нужно приписать его поэтическому чутью и близкому общенію съ русскими писателями. Не могли они, не могъ и онъ самъ удовлетвориться хотя бы и наилучшими переводами такихъ исключительныхъ поэтовъ, какимъ напр. былъ Гебель, поглотившій на время вниманіе Жуковскаго.

Кто былъ этотъ Гебель? Чѣмъ могъ онъ привлечь русскаго читателя?

Побуждаемый тоской по родинѣ, среди чуждаго ему Карлсруэ, этотъ старикъ вспомнилъ свое дѣтство въ мирномъ уголкѣ окрестностей Базеля — и, объятый этой тоской, усладилъ себя сочиненіемъ идилліи на областномъ нарѣчіи этого уголка. Его аллеманскія стихотворенія, требовавшія комментарія даже для нѣмецкаго читателя, вводили въ такой исключительный кругъ представленій, лично дорогихъ автору, который конечно и не притязалъ выразить идеи общечеловѣческія. Правда, Гете очень цѣнитъ Гебеля: „Онъ выбралъ“, говоритъ Гете, „для мирной музы своей прекрасный уголокъ природы, котораго никогда съ нею не покидаетъ: она живетъ и скитается въ окрестностяхъ Базеля... Во всемъ, и на землѣ, и на небесахъ, онъ видитъ своего сельскаго жителя: съ плѣнительнымъ простосердечіемъ описываетъ онъ его полевые труды, его семейныя радости и печали; онъ даетъ душу растеніямъ, привлека-

тельно изображаетъ все чистое, нравственное и радуетъ читателя картинами ясно-беззаботной жизни". Быть можетъ, Гете и правъ, и эти своеобразныя стихотворенія, гдѣ и овсяное зернышко является героемъ цѣлой поэмы, а солнце — доброй матерью, съ рукодѣльемъ въ рукахъ, выходящей на небесную дорогу [1]), гдѣ къ самой наивной аллегоріи добродушно присоединяется ребяческое fabula docet,—быть можетъ, эти стихотворенія дѣйствительно имѣютъ своего рода прелесть, и несомнѣнно, что умѣніе почувствовать эту прелесть и найти для нея выраженіе на русскомъ языкѣ дѣлаетъ честь тонкому чувству воспріимчивой музы Жуковскаго и гибкости его богатаго языка: но нельзя не признать, что поэтъ нашъ удалился наконецъ въ такія захолустья нѣмецкой провинціи, далѣе которыхъ идти было уже некуда. Онъ какъ бы и самъ чувствовалъ это, признаваясь въ письмѣ къ А. И. Тургеневу, гдѣ увѣдомляетъ о переводѣ „Овсянаго киселя", что не считаетъ это произведеніе достойнымъ Арзамаса... Не дѣлаетъ много чести Гебелю и другое признаніе Жуковскаго, которое дѣлалъ онъ И. И. Дмитріеву въ пору этихъ исключительныхъ занятій, на запросъ его о задуманной имъ поэмѣ: „Часто какая-то нравственная сухотка нападаетъ на меня и мучитъ цѣлые мѣсяцы [2])...

---

[1]) „Овсяный кисель".

[2]) Отъ 1 марта 1817, изъ Дерпта.

XVIII.

Назначеніе Жуковскаго преподавателемъ русскаго языка В. Кн. Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Пребываніе двора въ Москвѣ.—„Посланіе на рожденіе В. К. Александра Николаевича".—Великая Княгиня Александра Ѳедоровна.—„Для немногихъ".—Характеръ таланта Жуковскаго.

Новое назначеніе Жуковскаго преподавателемъ русскаго языка при Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, состоявшееся въ концѣ 1817 года, вызвало поэта изъ дерптскаго заколдованнаго круга въ Петербургъ. В. К. Александра Ѳеодоровна—дочь знаменитой Луизы Прусской—съ своей стороны не могла не оказать благотворнаго дѣйствія на нашего поэта. Вся судьба ея сложилась такъ, чтобы развить въ ней качества, служившія украшеніемъ ея нравственнаго облика.

Тяжелое время переживала Пруссія, когда 16 ноября 1798 года вступалъ на престолъ отецъ ея Фридрихъ Вильгельмъ III. Вся Европа была потрясена успѣхами счастливаго завоевателя. Въ то самое время, какъ Бонапартъ плылъ въ Египетъ, новый прусскій король удалялся въ Кенигсбергъ. Когда міръ былъ заключенъ, онъ увидѣлъ свое королевство уменьшеннымъ наполовину; самая столица и важнѣйшія крѣпости оказались въ рукахъ непріятеля. Королевскому семейству оставался Кенигсбергъ; младшій братъ побѣдителя основалъ новый престолъ и по нѣмецкой землѣ раздавалась корсиканско-французская рѣчь. Не оставалось болѣе нѣмецкаго государства, нѣмецкаго народа; глубочайшій позоръ переживали нѣмецкіе государи.

Почти два года, говоритъ біографъ В. К. Александры Ѳеодоровны, Гриммъ[1])—королевскія дѣти съ своими родителями

[1]) A. Th. v. Grimm. Alexandra Feodorowna. Lpz. 1866.

жили въ изгнаніи. Правильное воспитаніе ихъ временно нарушилось. И въ Мемелѣ, и въ Кёнигсбергѣ по цѣлымъ часамъ скорбная мать сама занималась обученіемъ старшей дочери Закону Божію, и впослѣдствіи русская императрица съ гордостію напоминала, что это религіозное чувство, сопутствовавшее ей при всѣхъ обстоятельствахъ жизни, было лучшимъ наслѣдіемъ, полученнымъ ею отъ матери. Принцесса Шарлотта (такъ звали тогда принцессу) была по десятому году, когда заключенъ былъ Тильзитскій миръ; учебныя занятія ея установились правильно, но королевскому семейству не доставало средствъ. Молодой французъ Шамбо, сопутствовавшій ему въ изгнаніи, какъ умѣлъ обучалъ дѣтей въ королевскомъ семействѣ. Жизнь въ сыромъ, нездоровомъ Мемелѣ была не только скромно-мѣщанская, но и бѣдная. Честный король обратилъ все въ монету, назначенную для помощи своему народу. Королева держала дочь подлѣ себя, много читала съ нею и заставляла ее раздѣлять съ собою мелкіе хлопоты по домашнему хозяйству. Тотъ же біографъ разсказываетъ, что однажды принцессѣ понадобилось платье, и король могъ дать ей на это не болѣе пяти талеровъ. Королевское семейство почти никого къ себѣ не принимало. „И все же“, разсказывалъ одинъ старикъ, по дѣламъ прибывшій въ Мемель и имѣвшій тогда случай провести вечеръ въ королевскомъ семействѣ, „я не промѣняю воспоминанія о тысячѣ придворныхъ праздникахъ съ золотыми мундирами и звѣздами на воспоминаніе объ этомъ вечерѣ Королева сидитъ за бѣднымъ столомъ, обставленномъ съ тою же простотою, съ какою она сама одѣта; но тѣмъ свѣтлѣе блещутъ ея грація, красота и достоинство; подлѣ нея сидитъ старшая принцесса.... раздѣляя хозяйственные заботы съ своею матерью. Обѣ восхи-

щали любезнымъ вниманіемъ и оставили въ душѣ моей живую картину, которую не могли изгладить никакіе позднѣйшія событія моей жизни". [1])

„Принцесса Шарлотта отличается замкнутостію характера, но подъ внѣшнею холодностію скрываетъ горячее, участливое сердце; отъ того происходитъ, что въ ея обращеніи замѣчается нѣкоторая важность". Такъ характеризовала ее королева Луиза въ одномъ изъ своихъ писемъ.

Въ началѣ 1808 года все семейство переѣхало въ Кенигсбергъ и помѣстилось въ старомъ замкѣ, вызывавшемъ многія славныя воспоминанія. Въ университетѣ еще свѣжа была память великаго Канта. Въ его умственномъ наслѣдіи нашлись средства воззвать новую государственную жизнь на развалинахъ монархіи. „Убыль внѣшнихъ предѣловъ государство должно возмѣстить внутреннимъ величіемъ и развитіемъ"—вотъ въ чемъ состояла политическая мудрость Канта, которую усвоили и оживотворили государственные люди — и во главѣ ихъ Штейнъ. Поколѣніе новаго столѣтія было уже не то офранцуженное общество XVIII вѣка, которое чуждалось всего національнаго; оно воспиталось подъ вліяніемъ возродившейся родной литературы. Поэты, философы, критики, художники пробудили національный духъ. Новая романтическая школа возбудила дотолѣ подавленный народъ къ гигантской борьбѣ во имя освобожденія отечества. Обстановка прусскаго короля уже не носила и слѣда французскихъ обыкновеній прежняго времени. Онъ оставался вѣренъ народному

---

[1]) Большую часть очерка изъ жизни В. К. Александры Ѳеодоровны извлекаемъ мы изъ книги: Alexandra Feodorowna, A. Th. Grimm. 1866.

духу, и королева Луиза вдохнула его своей дочери, а обстоятельство только поддерживали его. Принцесса Шарлотта, уже будучи русскою императрицею всегда съ особенною любовію вспоминала это время, проведенное въ Кенигсбергѣ. Личность королевы матери неотразимо вліяла на юную душу принцессы, образуя ее сердце.

Подъ непосредственнымъ руководствомъ матери она знакомилась съ произведеніями нѣмецкой литературы, которая приковала къ себѣ юную душу и развивала ее. Она внимательно вслушивалась въ бесѣды матери съ серьезными людьми, порою еще не понимая ихъ; религіозное ея чувство питалось наставленіями матери, въ духѣ той безусловной преданности Богу, которою отличались духовныя пѣсни Пауля Гергардта.

Такъ протекли три года вдали отъ Берлина. Королева привлекла туда все, что̀ могло содѣйствовать образованію ея семейства. Лучшіе люди науки оживляли ея вечера; вдали отъ придворныхъ ласкателей проводила она жизнь скромную, но полную внутренними интересами. Педагогическая система Песталоцци очень занимала королеву Луизу— и она надѣялась съ ея помощію воспитать будущее поколѣніе. И въ этомъ отразилось вѣяніе новаго времени, пробужденіе народнаго чувства; она хорошо постигла горячее воодушевленіе, съ которымъ поэты ея времени воспѣли свободу отчизны. Въ этомъ всенародномъ чувствѣ изчезала даже та пропасть, которая раздѣляла высшіе слои общества отъ низшихъ.

Наконецъ 23 декабря 1809 года выѣхало королевское семейство въ Берлинъ, не предполагая, что наступавшій новый годъ будетъ послѣднимъ въ жизни государыни. 19 іюля того же года ея не стало. Съ самой смерти великаго Фрид-

риха не было такого общаго горя, какое проникло въ сердца нѣмецкаго народа по смерти всѣми цѣнимой королевы. Еще геттингенскій Гайнъ-бундъ пѣлъ у ея колыбели, прекраснѣйшіе звуки нѣмецкаго языка ласкали ея слухъ во все время дѣтства; ей и ея сестрамъ Жанъ-Поль посвятилъ лучшее свое стихотвореніе «Титанъ».

Королева Луиза хорошо понимала, что при обученіи принцессы верховное значеніе принадлежитъ исторіи не по одному тому, что историческія знанія освѣщаютъ пути, по которымъ движется жизнь народовъ, но и потому, что взглядъ на историческія судьбы ихъ возвышаетъ душу, какъ ни одна другая наука, кромѣ религіи. Получивъ своеобразный взглядъ на исторію Германіи, подъ вліяніемъ Сюверна, основательно изучивъ воспитательную систему Песталоцци, она старалась, чтобы и ея дѣти воспитались въ томъ же духѣ. Дѣвица Вильдерметтъ, съ 1805 года воспитательница принцессы, была проникнута идеями королевы. Вотъ гдѣ источникъ того интереса къ литературѣ и искусству, который всегда отличалъ Александру Ѳеодоровну.

Война за освобожденіе, послѣдовавшая за Московскимъ пожаромъ, всенародное одушевленіе, безпримѣрное дотолѣ въ исторіи Германіи, налагали неизгладимую печать на душу принцессы. Она была свидѣтельницей того, какъ берлинская молодежь покидала университетъ для военнаго лагеря, какъ семьи съ какой-то отрадой разставались съ своими сыновьями, напутствуя ихъ на бой за поруганную отчизну. Она переживала тѣ минуты тревоги, когда Берлину вновь грозила опасность — и не достигла она еще 16-лѣтняго возраста, какъ дѣло освобожденія было совершено. Когда ей минуло 17 лѣтъ, вторично былъ низвергнутъ престолъ Наполеона. Принцесса привѣтствовала возвращеніе изъ Франціи побѣдоносныхъ войскъ, маститаго Блю-

хера; вмѣстѣ съ милліонами народа упивалась она духомъ мира, успокоившаго теперь всю Европу.

Пріѣздъ Великаго Князя Николая Павловича рѣшилъ судьбу принцессы Шарлотты. Она произвела глубокое впечатлѣніе на сильную его душу. Онъ открылъ это своему царственному брату и отцу принцессы. Не могла забыть и она величаваго образа русскаго Великаго Князя. Она открылась въ чувствѣ своемъ брату Вильгельму. Оба монарха были извѣщены о томъ; но нужно было еще согласіе Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Когда это согласіе было получено, русскій священникъ Музовскій пріѣхалъ въ Берлинъ и ознакомилъ невѣсту съ догматами и обрядами православной церкви, а также далъ начало знакомства съ русскимъ языкомъ. Великій Князь неоднократно посѣщалъ Берлинъ, куда привлекали его и невѣста, и оригинальная простота Фридриха Вильгельма III. Его пристрастіе къ военнымъ занятіямъ также находило здѣсь пищу.

Послѣ двухъ-лѣтняго приготовленія къ своему новому поприщу, прусская принцесса съ братомъ своимъ, нынѣшнимъ Императоромъ Германіи, отправилась 12 іюня 1817 года въ Петербургъ. На осьмнадцатый день прибыла она въ Гатчину, и оттуда отправилась черезъ Царское село въ Павловскъ, любимое мѣстопребываніе Маріи Ѳеодоровны. Первое же свиданіе убѣдило невѣсту въ томъ, что между сю и Императрицею - матерью установились разъ на всегда отношенія искренней любви. На слѣдующій день былъ торжественный въѣздъ въ Петербургъ.

Знакомясь съ своимъ новымъ отечествомъ, юная Великая Княгиня со вниманіемъ, достойнымъ дочери королевы Луизы, ее воспитавшей, всматривалась въ то значеніе, какое имѣетъ церковь для русскаго народа; она убѣждалась, что

на самую внѣшнюю жизнь народа исповѣдуемая имъ религія оказываетъ здѣсь гораздо сильнѣйшее вліяніе, нежели въ странахъ католическихъ и протестантскихъ.

Первые дни ея прибытія въ Петербургъ оставалась она вдали отъ придворнаго блеска, въ кругу нѣсколькихъ дамъ своей свиты и священника. Она повторяла теперь еще разъ всѣ части новаго вѣроученія, дабы сознательно произнести Символъ вѣры. Такъ приготовлялась она къ причащенію, первому въ своей жизни, потому что конфирмаціи надъ нею совершено еще не было. 24 іюня подъ рукой съ Императоромъ Александромъ явилась она предъ собраніе двора, въ бѣломъ платьѣ съ крестикомъ на груди, одѣтая просто и безъ всякихъ украшеній. Въ смущеніи, не совсѣмъ свободно произнесла она славянскія слова православнаго Символа. Поразительный контрастъ съ нею для иностранной свиты представляла стоявшая подлѣ черная монахиня. Принцесса Шарлотта была наречена именемъ Александры Ѳеодоровны и на праздникѣ 25 іюня, въ день рожденія жениха своего, явилась въ первый разъ въ русскомъ національномъ костюмѣ.

Послѣ бракосочетанія, Великій Князь съ супругою переѣхали въ Аничковъ дворецъ, гдѣ и жили восемь лѣтъ.

Неотразимое впечатлѣніе произвела на Великую Княгиню Москва, уже возрожденная послѣ славнаго пожара, и въ особенности древній Кремль и величавый видъ съ его высотъ на далекое Замоскворѣчье. Долго стояла она у окна, не будучи въ состояніи оторваться отъ этого новаго для нея зрѣлища.

Дворъ рѣшился провести зиму тихо, безъ блеска и пышности. Великая Княгиня воспользовалась благопріятными условіями этой, ей привычной, обстановки для любимыхъ занятій. Въ послѣдніе годы своей Берлинской жизни она

полюбила чтеніе нѣмецкихъ писателей. Теперь она возвратилась къ этому занятію. Значительную часть дня могла она опять посвятить юмористу Жанъ-Полю, который былъ любимѣйшимъ ея писателемъ. Не одинъ рождественскій вечеръ провела она, читая съ своимъ супругомъ романы Вальтеръ-Скотта, которые и ему представляли особенный интересъ, вслѣдствіе личнаго знакомства съ Англіей и Шоттландіей во время его недавняго заграничнаго путешествія. Но новая жизнь, ею начатая, еще ранѣе возбудила въ ней желаніе узнать и русскую литературу. Для этого знакомства и былъ призванъ Жуковскій, который теперь сопровождалъ императорской дворъ въ Москву.

Чуждый обычаямъ придворной сферы, смущавшійся и разсѣянный среди лицъ малознакомыхъ, Жуковскій овладѣвалъ сердцемъ тѣхъ, кто его узнавалъ ближе. Великая Княгиня тонкимъ чувствомъ своимъ усмотрѣла глубокую природу своего учителя и его искреннюю преданность. Занятія съ нимъ были не столько уроками, распредѣленными по строгой методѣ, сколько живыми бесѣдами. Насколько умѣлъ Жуковскій удовлетворить желанію Великой Княгини узнать русскій языкъ, настолько же и она внушала ему интересъ къ поэзіи нѣмецкой.

Съ дѣтской радостью бродилъ онъ", говоритъ Зейдлицъ [1]), „съ другомъ своимъ Блудовымъ по Москвѣ, представлявшей еще на многихъ улицахъ обгорѣлые дома и развалины. Въ такъ называемомъ маломъ великокняжескомъ дворцѣ господствовала самая пріятельская непринужденность.... Жуковскій вскорѣ почувствовалъ себя при дворѣ, какъ на родинѣ". Онъ самъ писалъ объ этомъ въ посланіи „Цвѣтъ за-

---

[1]) Ж. М. Н. П. 1869. Май, стр. 81.

вѣта“ и къ друзьямъ изъ Павловска лѣтомъ 1819 года, что ему выпалъ удѣлъ желанный,

Что не вотще довѣренность къ надеждѣ,
И что теперь плѣнительно, какъ прежде. [1])

„Нашъ другъ“, замѣчаетъ Зейдлицъ, принялъ свою учительскую должность не какъ слуга, отплачиваемый за свои труды, а какъ поэтъ, который съ полною любовью берется за свой священный подвигъ.“

По желанію своей высочайшей ученицы Жуковскій переводилъ многія стихотворенія, которыя и были напечатаны сначала маленькими книжечками съ нѣмецкимъ текстомъ en regard, и носившими заглавіе: „Für Wenige, для немногихъ“.

Прилагаемъ два точныхъ снимка: съ обложки одной изъ этихъ рѣдкихъ книжекъ и съ двухъ страницъ ея текста.

Жуковскій, не измѣняя своему характеру, перенесъ и во дворецъ ту же семейную привязанность, какою отличались его отношенія къ роднымъ и друзьямъ Мишенскимъ, Долбинскимъ и Дерптскимъ. О томъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ оригинальныхъ стихотвореній, вызванныхъ обстоятельствами царской семьи. Таковы: «На кончину Ея Величества Королевы Виртембергской», вызванное неожиданною кончиною королевы Екатерины Павловны, такъ поразившею весь дворъ; посланіе «Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ» (въ іюнѣ 1819), начинающееся шутливымъ вступленіемъ:

Отъ Вашего Величества давно
Я Высочайшее имѣю повелѣнье
О Павловской лунѣ представить донесенье...

(Другой «Подробный отчетъ о лунѣ» былъ написанъ еще и на слѣдующее лѣто) и «Праматерь внукѣ», по случаю

[1]) III, 60.

перваго причащенія Великой княжны Маріи Николаевны. Наибольшую же извѣстность изъ стихотвореній этого рода получило посланіе къ Великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, у которой во время пребыванія ея въ Москвѣ родился Великій князь Александръ Николаевичъ, будущій ученикъ Жуковскаго и потомъ—Царь-Освободитель: «На рожденіе В. К. Александра Николаевича».

Искренно привязанный къ своей ученицѣ, онъ начинаетъ это посланіе, какъ другъ къ молодой женщинѣ, впервые ставшей матерью, подслушавшій ея тихую радость у колыбели малютки послѣ грознаго часа мученій. Эта задушевная дружеская рѣчь такъ напоминающая стихи на рожденіе Кати Воейковой (см. прил. VII), мало-по-малу выростаетъ въ историческую картину прошлыхъ событій русской исторіи и наконецъ обращается въ одушевленное пророческое слово:

Младенчества обвитый пеленами,
Еще безъ словъ, незрящими очами
Въ твоихъ очахъ любовь встрѣчаетъ онъ;
Какъ тишина, его прекрасенъ сонъ;
И жизни вѣсть къ нему не достигала...
Но ужъ судьба свой судъ о немъ сказала;
Уже въ ея святилищѣ стоитъ
Ему испить назначенная чаша.
Что̀ скрыто въ ней, того надежда наша
Во тьмѣ земной для насъ не разрѣшитъ....

...Но онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,
На высотѣ воскресшаго Кремля;
Здѣсь возмужалъ орелъ нашъ двоеглавный;
Кругомъ его и небо и земля,
Питавшія Россію въ колыбели;
Здѣсь жизнь отцовъ великая была;
Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кипѣли,
И здѣсь ихъ прахъ могила приняла—
Обманетъ ли сіе знаменованье?...

...Прекрасное Россія упованье
Тебѣ въ твоемъ младенцѣ отдаетъ.

Тебѣ его младенческія лѣта!
Отъ ихъ пеленъ ко входу въ бури свѣта
Пускай тебѣ во слѣдъ онъ перейдетъ
Съ душой, на все прекрасное готовой;
Наставленный: достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровый,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой...
Лѣта пройдутъ; подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы....
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ.
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ—свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать....

Жуковскому необходимо было дружеское расположеніе новаго круга, котораго онъ такъ опасался прежде, чтобы онъ могъ почувствовать себя хорошо въ новой обстановкѣ. Его поэтическая душа не могла бы вынести оффиціальной холодности, и многія письма его свидѣтельствуютъ о благотворномъ вліяніи этой обстановки.

„Должность, мнѣ теперь порученная“, пишетъ онъ 20 сентября 1817 г. къ И. И. Дмитріеву, „есть счастливая должность, счастливая, не по тѣмъ выгодамъ, которые могутъ быть соединены съ нею, но по той необыкновенной дѣятельности, которой она меня подчиняетъ. Для поэта это главное“. Судя по упомянутому уже выше письму Карамзина, Жуковскій былъ „очарованъ“ своей ученицею. „А что дѣлается у васъ“? пишетъ ему Карамзинъ 11 марта 1818 г., „продолжается ли „очарованіе“, или кроткое удовольствіе сердца“ [1])?

[1]) Р. А. 1870. 1688.

Въ одномъ изъ оригинальныхъ стихотвореній этого времени онъ такъ выражаетъ свое довольство настоящимъ:

Что же вдругъ затрепетало
Надъ поверхностью зыбей?
Что же прелестью бывалой
Вдругъ повѣяло надъ ней?
Легкой птичкой встрепенулся
Пробужденный вѣтерокъ;
Сонный парусъ развернулся:
Дрогнулъ руль; быстрѣй челнокъ

Смотритъ.... ангеломъ прекраснымъ
Кто-то свѣтлый прилетѣлъ,
Улыбнулся, взоромъ яснымъ
Подарилъ и въ лодку сѣлъ:
И запѣлъ онъ пѣснь надежды....

...проникла радость,
Прежней вѣры тишина,
И какъ будто снова младость
Съ упованьемъ отдана. [1])

Вотъ рядъ переводовъ, вошедшихъ въ изданіе „Для немногихъ“ (небольшая часть ихъ была написана еще въ 1817 г., прочіе въ 1818 и 1819 г.):

Изъ Гете: „Къ мѣсяцу“, „Утѣшеніе въ слезахъ“ [2]), „Рыбакъ“, „Мина“ (подражаніе пѣснѣ Миньоны); изъ Шиллера: „Рыцарь Тогенбургъ“. Эти стихотворенія съ „Листкомъ“ (изъ Арно) и „Мольбой пастуха“ (съ нѣм.) составили содержаніе №№ 1 и 2 этого изданія. Въ № 3 вошли: прежній переводъ Гебелевой „Тлѣнности“, „Вѣрность до гроба“ Кёрнера; въ № 4: „Горная пѣсня“ Шиллера, „Деревенскій

---

[1]) Жизнь (видѣніе во снѣ). II, 80.

[2]) Оба эти стих. написаны, по объясненію Зейдлица,—при прощаніи съ дерптскими друзьями.

Лемку.

FÜR WENIGE.

ДЛЯ НЕМНОГИХЪ.

(N°. IV.)

1818.

ПЕЧАТЬ

1613.

Dug. et Dugl. Sc.

ERLKÖNIG.

BALLADE.

Wer reitet so spät durch Nacht und Wind?
Es ist der Vater mit seinem Kind;
Er hat den Knaben wohl in dem Arm,
Er fasst ihn sicher, er hält ihn warm.

Mein Sohn, was birgst du so bang dein Gesicht?
— Siehst, Vater, du den Erlkönig nicht?
Den Erlenkönig mit Kron' und Schweif? —
Mein Sohn, es ist ein Nebelstreif.

« Du liebes Kind, komm, geh mit mir!
» Gar schöne Spiele spiel' ich mit dir;
» Manch' bunte Blumen sind an dem Strand;
» Meine Mutter hat manch' gülden Gewand. »

ЛѢСНОЙ ЦАРЬ.

БАЛЛАДА.

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ его, держитъ и грѣетъ старикъ.

Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?
— Родимый, лѣсной Царь въ глаза мнѣ сверкнулъ!
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой! —
О нѣтъ! то бѣлѣетъ туманъ надъ водой!

« Дитя, оглянися! младенецъ, ко мнѣ!
» Веселаго много въ моей сторонѣ:
» Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи!
» Изъ золота слиты чертоги мои!

сторожъ“ Гебеля, „Лѣсной царь“ Гете, „Лѣтній вечеръ“ Гебеля; въ № 5: „Графъ Габсбургскій“ Шиллера и вышеупомятутое посланіе къ В. К. Александрѣ Ѳеодоровнѣ на рожденіе В. К. Александра Николаевича. Отрывки изъ „Орлеанской Дѣвы“ составили № 6 [1]).

Лучшая изъ нихъ безъ сомнѣнія „Лѣсной царь“, который по благозвучію стиха, по художественному соотвѣтствію его съ изображенными предметами и ощущеніями лицъ, по силѣ діалога, исполненнаго истиннаго драматизма, несомнѣнно превосходитъ самый оригиналъ великаго германскаго поэта.

Въ 1818 году Жуковскій былъ избранъ членомъ Россійской академіи.

Талантъ Жуковскаго возмужалъ—и поэтъ нашъ могъ теперь исполнить то, къ чему былъ предназначенъ: внести въ русскую литературу идеи того идеализма, котораго онъ самъ былъ такимъ чуднымъ типомъ. Женственный геній его, отличительной чертою котораго была тонкая воспріимчивость, былъ какъ бы нарочно созданъ для этого. Но воспріимчивость эта не выносила ничьей исключительной ферулы. При всемъ разнообразіи нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ, которые дали содержаніе его поэзіи, начиная отъ величаваго въ своемъ античномъ спокойствіи Гете и бурнаго Байрона и кончая болѣзненными ново-романтиками юной Германіи, онъ не подчинился ни одному изъ нихъ. Слово женственный въ приложеніи къ Жуковскому не означаетъ пассивный. Напротивъ, трудно указать другаго изъ нашихъ поэтовъ, у котораго все пережитое подвергалось бы такой своеобразной внутренней пере-

[1]) Въ то же время была переведена Жуковскимъ кантата Рамлера „Смерть Іисуса“, произведеніе, имѣющее отношеніе къ послѣднему произведенію Жуковскаго: „Агасоеръ“.

работкѣ, какъ то видимъ у Жуковскаго. Въ немъ сложилось свое, неподражаемое міросозерцаніе, для выраженія котораго онъ находилъ образы повсюду. И если мы въ правѣ назвать его романтикомъ, то въ совершенно особомъ, ему одному свойственномъ смыслѣ. Можно смѣло сказать, что въ этомъ смыслѣ онъ былъ романтикомъ болѣе, нежели сами такъ называемые романтики европейскихъ литературъ, носившіе слишкомъ глубокіе слѣды западнаго Возрожденія. Элементы романтизма, конечно, онъ находилъ въ настроеніи современныхъ ему поэтовъ: но созидалъ изъ нихъ свое личное міросозерцаніе. Существенная черта его идеализма состоитъ въ томъ, что подъ перомъ его идеализмъ этотъ достигъ такого чистосердечія и такой ясности, къ какимъ способны только русское сердце и русскій умъ. И куда же внесъ онъ ясность? Въ область романтизма, всегда характеризуемаго признакомъ туманнаго. Нужды нѣтъ, что похищаемые имъ у западныхъ поэтовъ картины освѣщаетъ онъ тоже полусвѣтомъ луны и наполняетъ ихъ полупрозрачными призраками: но за то среди этихъ ночныхъ видѣній Жуковскій какъ у себя дома; они ясно говорятъ и его сердцу, и его уму, и вмѣсто романскаго раздраженія вносятъ въ нихъ русскую примирительную ясность. То же дѣйствіе ихъ и на читателей. Въ періодъ возмужалости его таланта мы не встрѣчаемся болѣе съ тою недосказанностію поэтической фантазіи, которая побуждала прежде его стихъ, не сладившій съ образомъ, порою переходить въ холодную мѣрную прозу.

Мы не откажемся называть направленіе поэзіи Жуковскаго романтическимъ, въ смыслѣ міросозерцанія, противоположнаго античному, но рѣшительно не умѣемъ пріурочить его къ какой либо опредѣленной школѣ европейскихъ поэтовъ, отмѣченныхъ этимъ именемъ. Съ дѣтства

нѣжная организація его духа получила неотразимое впечатлѣніе отъ русскихъ женщинъ, которыя его воспитывали и окружали, отъ русской природы, которая его лелѣяла, отъ звучнаго великорусскаго языка, который вдохновлялъ его, и отъ тѣхъ трансцедентальныхъ идей, которыя проводились учителями школы, гдѣ онъ образовывался — и все это чудно претворилось въ немъ въ нѣжное, поэтическое и вдумчивое существо. Жуковскій не Карамзинъ, эклектическій умъ котораго въ юности жадно впитывалъ идеи современниковъ, самыхъ противоположныхъ направленій, сначала удовлетворяясь тѣми полуистинами, изъ которыхъ слагаются такъ называемыя вѣянія времени, (на бѣду породившія тогда у насъ не болѣе, какъ сентиментализмъ и пастораль), а потомъ, въ лѣта болѣе зрѣлыя, разрѣшившій свои исканія въ историческое воззрѣніе, не согрѣтое никакимъ философскимъ идеаломъ. Жуковскій, напротивъ, даже у какого-нибудь второстепеннаго выразителя мысли, которая рано залегла въ его душу, нерѣдко воспринималъ слова въ какомъ-то новомъ и серьезномъ значеніи. Что для другихъ было модною фразою—въ душѣ Жуковскаго творчески наполнялось содержаніемъ, дававшимъ начало тѣмъ нитямъ, изъ которыхъ ткалась вся жизнь поэта и человѣка. Онъ не понималъ, что съ словомъ или мыслію можно пошутить или полюбоваться ими для того, чтобы потомъ бросить, какъ вышедшее изъ моды украшеніе.

Какъ честно относился онъ къ мысли, ставшей его собственною, лучше всего видимъ изъ того, что, напр., послѣ первой заграничной поѣздки своей, во время которой посѣщеніе Шильонскаго замка и видѣнныя имъ Шиллеровы трагедіи дали почувствовать ему святость свободы,—едва вернулся онъ въ Петербургъ, какъ тотчасъ рѣшилъ выкупить на волю бывшихъ крѣпостныхъ своихъ, которые были куплены на его

имя книгопродавцемъ Поповымъ. „Прежде я, можетъ быть, и согласился бы ихъ продать“, пишетъ онъ Авдотьѣ Петровнѣ въ іюлѣ 1822 г., „теперь же ни за что не соглашусь... Я желаю купить ихъ и дать имъ волю. Другимъ нечѣмъ мнѣ поправить сдѣланной глупости... Прошу васъ поспѣшить... Дѣло лежитъ у меня на душѣ, и я виню себя очень, что давно его не кончилъ“ [1]). Жуковскій спѣшитъ съ этимъ дѣломъ, не смотря на то, что нужныхъ для того денегъ у него тогда не было. Вслѣдъ за тѣмъ отпустилъ онъ и послѣдняго своего крѣпостнаго Макеима со всѣмъ его семействомъ.

Не понималъ онъ также, какъ можно высокую мысль осквернить неразборчивымъ, легкомысленнымъ ея осуществленіемъ. Характернѣйшимъ фактомъ въ этомъ отношеніи можетъ служить отзывъ Жуковскаго объ уставѣ извѣстнаго тайнаго общества „Союза благоденствія“, предложенномъ ему въ 1819 г. кн. Трубецкимъ. Онъ отозвался, что „уставъ заключаетъ въ себѣ мысль такую благодѣтельную и такую высокую, что для выполненія ея требуется много добродѣтели со стороны лицъ, которыя берутъ на себя ея исполненіе, и что онъ счастливымъ почелъ бы себя, еслибъ могъ убѣдиться, что въ состояніи выполнить требованія этого устава, но что онъ, къ несчастію, не чувствуетъ въ себѣ достаточной къ тому силы“. [2])

Строгій хранитель идеи, какъ святыни, Жуковскій не измѣнялъ началу, вложенному школою въ его душу никогда, кристаллизируя вокругъ этого начала все, что ни проносилось мимо него въ жизни и литературѣ. Художественные его вкусы были до того неразрывны съ этимъ началомъ, что при всей его чуткости, ни одно произведеніе,

---

[1]) Ж. М. Н. П. 1869. V, 89.

[2]) Записки Трубецкаго, стр. 80.

какъ бы геніально оно ни было, не зажигало его творчества, если онъ не чуялъ въ немъ отвѣта на роковые запросы своей души.

Въ этомъ свойствѣ Жуковскаго — и достоинства, и недостатки его, какъ поэта.

Нѣтъ ничего справедливѣе словъ, невольно вырвавшихся у него о себѣ самомъ въ одномъ изъ дружескихъ посланій 1820 года [1]).

...А я, мечтательнаго зритель,
Глядѣлъ до сей поры на свѣтъ
Сквозь призму сердца, какъ поэтъ;
Съ его прекрасной стороною
Я неиспорченной душою
Знакомъ, но въ тридцать слишкомъ лѣтъ
Я все дитя, и буду вѣчно
Дитя, жилецъ земли безпечный
Могу товарищемъ я быть
Во всемъ, что̀ въ жизни сей прекрасно,
Съ душой невинною и ясной
Могу свою я душу слить:
Но не способенъ зоркимъ взглядомъ
Приманокъ свѣта различать;
Могу на счастье руку дать,
Но не впередъ идти, а рядомъ.

Въ томъ же посланіи онъ такъ выражаетъ этотъ ощущаемый имъ недостатокъ, требуя дружеской помощи:

Умомъ бы яснымъ и живымъ
Вы сонный умъ мой разбудили
И зоркость опыта сдружили
Съ слѣпымъ ребячествомъ моимъ,
Не испугавъ воображенья...
...Не знаю камней, жертвы ждущихъ,
И въ обольстительныхъ лучахъ,
Зрю призракъ береговъ цвѣтущихъ
На неприступныхъ берегахъ

[1]) Княгинѣ А. Ю. Оболенскій. II, 134.

Винясь здѣсь въ незнаніи свѣта и своемъ неумѣніи плыть по этому морю «съ обманчивой звѣздой поэта», онъ и не подозрѣваетъ, что пишетъ полную свою характеристику, не только какъ члена свѣтскаго круга, но и какъ поэта, и человѣка. Въ ней какъ нельзя лучше высказывается и его взглядъ на поэзію, и на жизнь. „Безпечный жилецъ земли“ и „зритель мечтательнаго“ онъ чуждался волненій жизни, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ограничилъ свою поэтическую область до крайнихъ предѣловъ. Не одну онъ

...низость настоящаго
И пренебрегъ, и позабылъ [1]),

но пренебрегъ и самимъ настоящимъ, очертивъ вокругъ себя очарованный кругъ созерцаній трансцедентальныхъ, а изъ всего, переживаемаго въ мірѣ явленій—предметомъ поэзіи сдѣлалъ лишь воспоминанія о прошломъ и упованія въ будущемъ. Тѣмъ не менѣе, сказать, что дѣйствительность не отразилась въ его поэзіи—нельзя: но при такомъ отношеніи къ ней, эта дѣйствительность является въ его поэзіи очищенною отъ реальности непосредственнаго созерцанія; вмѣсто ея изображенія—выражается лишь то душевное состояніе, которое, какъ отзвукъ, остается въ душѣ, въ настроеніи ея чувствъ. Самъ Жуковскій называетъ поэзію не изображеніемъ жизни, но отголоскомъ ея [1]). Такое отраженное представленіе дѣйствительности требовало и образовъ особаго рода. Оно любитъ изобразить не самого человѣка, но, такъ сказать, слѣдъ его присутствія, т. е. воспоминаніе о немъ, вмѣсто его самого. Отсюда такіе образы, какъ Эолова арфа, или подобные картинѣ Каруса, которую Жуковскій выбралъ впослѣдствіи для подарка

---

[1]) „Мотылекъ и цвѣты“, 1822.

[2]) См. письмо къ А. П. 27 іюля 1822. Ж. М. Н. Пр. 1869. V. 91.

Гете, при свиданіи съ нимъ, изображавшей смерть Байрона въ такомъ видѣ: передъ ландшафтомъ на балконѣ стоитъ арфа, освѣщенная лучами мѣсяца; за нею пустое кресло, на которое наброшенъ въ богатыхъ складкахъ плащъ; подъ картиною Жуковскій надписалъ: „Offrande à celui dont la harpe a créé un monde de prodiges, qui a soulevé le voile mistérieux de la création, qui donne la vie au passé et prophétise l'avenir“ [1]). Оттуда же и особенное значеніе, которое всегда имѣли для Жуковскаго и могила, и кладбище.

XIX.

Молчаніе Жуковскаго.—Отношеніе Жуковскаго къ Батюшкову, Дашкову, Блудову, Карамзину и И. И. Дмитріеву.

Со всею добросовѣстностію отнесся Жуковскій къ своей новой обязанности. Онъ на время оставляетъ поэзію, занявшись грамматикой [2]). Сверхъ того, новое положеніе вовлекло его въ связи съ высшимъ обществомъ столицы, которое въ одномъ изъ писемъ своихъ, вспоминая это время, онъ называетъ „свѣтомъ съ холодной грязью и душной атмосферою, гдѣ онъ долго бродилъ въ бездѣйствіи“. Вотъ причины, почему въ 1818 году онъ не написалъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ стихотвореній, вызванныхъ царскими семейными обстоятельствами. Онъ не имѣлъ времени даже заняться хорошенько печатаніемъ новаго изданія своихъ стихотвореній: оно вышло хуже перваго и со многими опечатками [3]).

---

[1]) Рѣчи и отчетъ И. М. У. 1853, стр. 74.
[2]) Письмо отъ 22 ноября, 1818. къ И. И. Дмитріеву.
[3]) Id.

Между тѣмъ связь съ Арзамасцами не прекращалась. Въ іюлѣ 1818 г. онъ хлопочетъ о Батюшковѣ, искавшемъ опредѣленія на службу въ Неаполѣ [1]). Осенью послѣ трехънедѣльной болѣзни, приковавшей Жуковскаго къ постели, первый выѣздъ его былъ Царское село, гдѣ всѣ Арзамасцы простились съ своимъ Ахилломъ, который бѣжалъ отъ зимы безъ оглядки [2]).

Батюшковъ былъ близокъ къ Жуковскому. Съ полною откровенностію дѣлился онъ съ нимъ своими задушевнѣйшими мыслями, нерѣдко повѣряя ему мучительные порывы своего славолюбія. «Есть надежда, милый другъ», писалъ онъ ему, «что мы попадемъ въ Академію! [3])». «Вяземскій послалъ тебѣ мои элегіи. Бога ради, не читай ихъ никому и списковъ не давай, особливо Тургеневу. Есть на то важныя причины [4]). Приговоръ Жуковскаго о своихъ произведеніяхъ считалъ онъ для себя роковымъ. Сообщая о выходѣ своихъ стихотвореній, онъ пишетъ уважаемому поэту [5]): «Я начинаю страшиться за талантъ мой, не сбился ли онъ съ добраго пути? Поправился ли мой „Тассъ“? Я желалъ бы этого. Я писалъ его сгоряча, исполненный всѣмъ, что прочелъ объ этомъ великомъ человѣкѣ. А „Рейнъ“? А другія бездѣлки? Воскреси или убей меня. Неизвѣстность хуже всего. Скажи мнѣ, чистосердечно скажи, доволенъ ли ты мною“... „Что скажешь о моей прозѣ? Съ ужасомъ дѣлаю этотъ вопросъ. Зачѣмъ я вздумалъ это печатать? Чувствую, знаю, что много дряни“.... „Я люблю славу и же-

---

[1]) О припискѣ Жуковскаго на письмѣ Батюшкова по этому поводу см. Соч. VI. 411.

[2]) Письмо отъ 22 п. къ И. И. Дмитріеву.

[3]) Р. А. 1875. III, 360. Изъ письма въ началѣ 1816.

[4]) Ibid. 361. Изъ письма 27 сент. 1816.

[5]) Р. А. 1870. 1712.

лалъ бы заслужить ее, вырвать изъ рукъ Фортуны... Не великую славу, нѣтъ; а ту маленькую, которую доставляютъ намъ и бездѣлки, когда онѣ совершенны. Если Богъ позволитъ предпринять другое изданіе, то я все переправлю; можетъ быть, напишу что-нибудь новое. Мнѣ хотѣлось бы дать новое направленіе моей крохотной Музѣ и область элегіи расширить. Къ несчастію моему, тутъ-то я и встрѣчусь съ тобой: Павловское и Грэевское кладбище! Они глаза колютъ". Батюшковъ въ это время занимался переводами италіанскихъ поэтовъ и, когда до него дошло извѣстіе о затѣваемомъ Жуковскимъ изданіи, то онъ предложилъ для него эти переводы.

И въ минуты неудачъ и тоски обращается онъ съ горькими жалобами къ Жуковскому: „Здоровье измѣнило", пишетъ онъ, „и съ нимъ Музы и счастіе. Но дружба твоя не измѣнитъ моему сердцу, милый Жуковскій [1])". Въ самыхъ припадкахъ того душевнаго разстройства, которое вскорѣ свело несчастнаго поэта съ ума, онъ ищетъ опоры Жуковскаго [2]).

Затѣвавшееся Жуковскимъ изданіе объясняется письмомъ его къ другому Арзамасцу, Д. В. Дашкову, которому весною этого же года онъ сообщилъ подробный планъ ежегоднаго изданія двухъ книжекъ: одной изъ русскихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, и другой, которую составляли бы переводы изъ образцовыхъ нѣмецкихъ прозаиковъ и поэтовъ,—обѣ въ форматѣ нѣмецкихъ альманаховъ, съ картинками [3]). Въ сотрудники приглашалъ онъ Дашкова.

И съ этимъ младшимъ своимъ товарищемъ по Благород-

---

[1]) Р. А. 1870, стр. 1717.

[2]) См. ниже.

[3]) Программы этого изданія вполнѣ напечатаны. Соч. Жук. VI, 440—442.

ному Пансіону Жуковскій былъ связанъ сердечной дружбой. Вотъ что писалъ онъ ему однажды послѣ какой-то размолвки, бывшей у нихъ: „Какъ я радъ, душа моя, что ты на меня прикрикнулъ; это заставило тебя написать мнѣ эту драгоцѣнную записку, за которую устами души и сердца тебя цѣлую. Возможно ли когда-нибудь намъ поссориться?... Такого рода размолвки только новая сильнѣйшая смазка дружбы. Благодарствую еще разъ за твою безцѣнную записку; она тронула меня до слезъ. А ты знаешь, что̀ ты для меня, какъ ты высокъ въ моемъ мнѣніи... Промѣнять къ тебѣ дружбу была бы жестокая потеря въ жизни. Но этого никогда, никогда быть не можетъ. Обнимаю тебя съ сердечною благодарностію“ [1]).

Какъ относился Жуковскій къ Блудову всего лучше видно изъ того, что при посвященіи „Вадима“ Жуковскій называетъ вкусъ Блудова своимъ учителемъ, „тайнымъ вождемъ-хранителемъ, проложившимъ ему путь къ цѣли...“

Неизмѣнная дружба связывала Жуковскаго и съ Карамзинымъ, теперь всецѣло преданнымъ историческому труду своему. Короткая разлука съ Жуковскимъ во время его пребыванія съ Дворомъ въ Москвѣ сохранила намъ нѣсколько самыхъ интимныхъ писемъ Карамзина къ его другу. Здѣсь шутливо сообщается о томъ, что Карамзинъ съ женой усердно ищутъ ему невѣсту. „Всѣ Васъ обнимаемъ“, пишетъ онъ, „но за невѣсту не отвѣчаемъ; впрочемъ ищемъ, ищемъ! М-lle Левенштернъ у насъ пила чай, и объ Васъ говорили: бьется ли сердце? Простите. Жена въ особенности Вамъ кланяется—и болѣе, нежели кланяется. Богъ съ Вами и съ нами! Вашъ Н. Карамзинъ“. Такъ оканчивается письмо отъ 1-го ноября 1817 года, къ которому и жена

---

1) Соч. Ж. VI, 443.

Карамзина приписываетъ: Je songe aussi à la promise future. Je suis à la recherche [1]).

Жуковскій съ своей стороны питалъ къ Карамзину и женѣ его самое нѣжное чувство. „Можно сказать", пишетъ онъ къ И. И. Дмитріеву [2]), „что у меня въ душѣ есть особенно хорошее свойство, которое называется Карамзинымъ. Тутъ соединено все, что есть во мнѣ добраго и лучшаго". Говоря о своей новой должности, въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву [3]), Жуковскій называетъ особеннымъ счастіемъ, что, принимая на себя новую привлекательную ему обязанность, исполнять которую будетъ „безъ всякихъ безпокойныхъ постороннихъ видовъ", онъ всѣмъ этимъ обязанъ ревностной дружбѣ Карамзина. „Чтобы доставить мнѣ это мѣсто", пишетъ онъ, „надобно было Карамзину сказать вслухъ, что онъ любитъ меня и уважаетъ. Радость наполняетъ сердце всякій разъ, когда объ этомъ подумаю".

При началѣ своего историческаго труда Карамзинъ охладѣлъ къ стихамъ [4]), но онъ дѣлалъ исключеніе для Жуковскаго. „Видите", писалъ онъ въ 1818 году, благодаря, его за книжки „Для немногихъ",—„видите ли, что я не врагъ стихотворства, хотя и рѣдко читаю стихи. Есть люди, съ которыми рѣдко видимся; не слѣдуетъ изъ того, чтобы мы имѣли къ нимъ нелюбовь" [5]). Впослѣдствіи Пушкинъ его окончательно примирилъ съ поэзіей. Карамзинъ, не обладавшій сильнымъ, поэтическимъ талантомъ, былъ въ извѣстномъ отношеніи учителемъ Жуковскаго въ дѣлѣ

---

1) Р. А. 1870. Стр. 1717.
2) Соч. Жук. VI. 426. Письмо отъ 18 февр. 1816.
3) Письмо отъ 20 сент. 1817.
4) Соч. кн. Вяз. VII, 149.
5) Р. А. 1870.

стихотворства. Первые стихи его служили образцами и Жуковскому. О первой русской балладѣ и первомъ романсѣ мы говорили выше [1]).

Черезъ много лѣтъ, когда Карамзина давно уже не было, Жуковскій, вспоминая о немъ, восклицаетъ: „Лучшей души земля не видала!“ Онъ мечталъ тогда посвятить минуты уединенія, котораго жаждалъ, біографіи Карамзина и называлъ такой трудъ „святымъ дѣломъ“ [2]) и посвятилъ его памяти слѣдующія строки въ посланіи къ Дмитріеву:

О! въ эти дни, какъ райское видѣнье,
Былъ съ нами онъ, теперь ужъ неземной,
Онъ, для меня живое Провидѣнье,
Онъ, съ юности товарищъ твой.
О! какъ при немъ все сердце разгоралось!
Какъ онъ для насъ всю землю украшалъ!
Въ младенческой душѣ его, казалось,
Небесный ангелъ обиталъ!
Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы;
Ей молится Россіи вѣрный сынъ;
И будитъ въ наши дни для дѣлъ прекрасныхъ силы.
Святое имя: Карамзинъ.

Приведенныя выдержки изъ писемъ къ И. И. Дмитріеву показываютъ, какъ уважалъ Жуковскій и этого втораго наставника своихъ первыхъ шаговъ на поприщѣ поэзіи. Онъ любитъ дѣлиться съ нимъ своими впечатлѣніями отъ новостей литературы. Такъ, еще во время пріѣзда своего изъ Дерпта въ Петербургъ зимою 1816 года, послѣ вечера, проведеннаго у Карамзина, гдѣ читалось описаніе взятія Казани изъ „Исторіи Государства Россійскаго“ онъ изливаетъ свой восторгъ И. И. Дмитріеву. „Какое совер-

---

[1]) См. стр. 36.
[2]) Въ письмѣ отъ 23 авг. 1836.

шенство"! пишетъ онъ,[1]): „и какая эпоха, для Русскаго — появленіе этой исторіи! Какое сокровище для языка, для поэзіи, не говорю уже о той дѣятельности, которая должна будетъ родиться въ умахъ. Эту исторію можно назвать воскресителемъ прошедшихъ вѣковъ бытія нашего народа. Счастливы дарованія, теперь созрѣвающія!" И вслѣдъ затѣмъ онъ спѣшитъ передать уважаемому поэту о той дѣятельности, которая уже зародилась въ его умѣ подъ впечатлѣніемъ слышанной исторіи: „Во мнѣ живо желаніе произвести что-нибудь такое, что̀ бы осталось памятникомъ доброй жизни. По сю пору ни дѣятельность, ни обстоятельства не соотвѣтствовали желанію, но оно не умирало, а только иногда засыпало". То были порывы къ созданію исторической поэмы, о которой мы упоминали выше, и которой не было суждено осуществиться. Почти въ каждомъ письмѣ онъ какъ бы даетъ отчетъ Дмитріеву въ своихъ литературныхъ работахъ и замыслахъ. „Готовлюсь" пишетъ онъ ему черезъ годъ[2]) „чтобы хорошо обработать предметъ, взятый изъ нашей исторіи, надобно покороче познакомиться съ этой исторіею: это я и дѣлаю. Безъ подмостокъ нельзя построить зданія. Дай Богъ только не остаться съ одними подмостками". То же видимъ и позже[3]). Въ письмѣ изъ Петербурга въ Москву, гдѣ находился И. И. Дмитріевъ въ сентябрѣ этого же года онъ называетъ его однимъ изъ ближайшихъ своихъ родныхъ въ Москвѣ; выражаетъ нетерпѣніе, съ какимъ онъ ожидаетъ его въ Петербургъ, гдѣ должна для него возобновиться прелесть тѣхъ счастливыхъ вечеровъ, которые прежде съ наслажденіемъ проводилъ онъ въ

---

[1]) Письмо отъ 18 февр. 1816.

[2]) Письмо отъ 1 марта 1817 изъ Дерпта.

[3]) Письмо отъ 20 сент. 1817 изъ Спб.

бесѣдѣ съ нимъ [1]). Съ Дмитріевымъ же дѣлится онъ позже впечатлѣніями, вынесенными изъ свиданія съ Гете, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Неоднократно повторяетъ Жуковскій также просьбу, чтобы И. И. Дмитріевъ писалъ свои записки [2]). Съ какою неподдѣльною радостію онъ всякій разъ принимаетъ присылаемые Дмитріевымъ его произведенія [3]). Когда впослѣдствіи Дмитріевъ прислалъ ему стихотвореніе, въ которомъ маститый поэтъ обращается къ Жуковскому съ словами: „Жуковскій, дай мнѣ руку“ — съ какою гордостью онъ принялъ эту честь. „Въ этихъ словахъ, сказанныхъ мнѣ Дмитріевымъ“, писалъ онъ, „такъ много магическаго; они мнѣ кажутся надписью всей прошедшей моей жизни, въ лучшихъ годахъ которой Дмитріевъ и Карамзинъ играютъ такую свѣтлую роль“ [4]).

XX.

Поѣздка за границу.—Поэтическія развлеченія при прусскомъ дворѣ.—Лалла-Рукъ.

Между тѣмъ, лѣтомъ 1820 года, болѣзнь В. К. Александры Ѳеодоровны прервала уроки Жуковскаго. Врачи предписали ей заграничную поѣздку. Жуковскому предстояло сопровождать ее. Намѣреваясь во время путешествія заняться живописью, онъ теперь упражнялся снятіемъ видовъ Павловска и обучался гравированію ихъ на мѣди.

---

[1]) См. отчетъ о переводѣ 2-й пѣсни Энеиды 1823 г. въ письмѣ отъ 11 февраля.

[2]) Въ письмѣ отъ 22 ноября 1818 г., отъ 11 февраля 1823 г. и 16 окт. 1831. г.

[3]) 28 марта 1825 г. при полученіи Апологовъ.

[4]) Въ письмѣ отъ 16 окт. 1831. г.

Наконецъ, въ сентябрѣ, черезъ Дерптъ и Ригу отправился онъ въ Берлинъ. Изъ письма съ дороги отъ 2 октября въ Бѣлевъ видимъ, что онъ былъ доволенъ этимъ путешествіемъ, ожидая, что оно „оживитъ и расширитъ душу", „пробудитъ и давно заснувшую поэзію". Онъ радовался видѣть на сценѣ Шиллеровы и Гетевы трагедіи, слушать лучшую музыку. Въ Дрезденѣ намѣревался насладиться картинной галлереею, а въ Веймарѣ личнымъ знакомствомъ съ Гете; затѣмъ предполагалось проплыть по Рейну, „посреди очаровательныхъ береговъ, усыпанныхъ древними рыцарскими замками", посѣтить Страсбургъ, Базель, Шафгаузенъ съ Рейнскимъ водопадомъ, Цюрихъ съ его „удивительнымъ озеромъ и видомъ на высокіе Альпы".... Вѣна привлекала его театромъ....

Ожидаемое благотворное дѣйствіе путешествія не замедлило оправдаться. Даже то, чего онъ такъ боялся—прозаичность прусскаго двора—оказалось опасеніемъ напраснымъ. Братъ В. К. Александры Ѳеодоровны, наслѣдный принцъ, оказался очень расположеннымъ къ поэтическому досугу. Къ пріѣзду русскихъ гостей при дворѣ былъ устроенъ великолѣпный праздникъ. Онъ состоялъ изъ блестящаго дивертиссемента, въ основу котораго была положена поэма Томаса Мура—„Лалла-Рукъ".

Эта поэма, плодъ серьезнаго изученія исторіи, преданій, быта и нравовъ Востока, переноситъ европейскаго читателя въ совершенно новый міръ, полный чудесъ и своеобразной красоты, и представляетъ цѣлый рядъ подвиговъ героизма и самоотверженной любви. Герои и героини этой восточной поэмы среди чувственности и нѣги, ихъ окружающихъ, являются съ стремленіями къ идеалу высокому, какъ бы подтверждая, что и здѣсь, въ этихъ плѣнительныхъ рощахъ, садахъ, оживленныхъ роскошными фонтанами, потоками, рѣ-

ками и озерами, съ отраженными въ нихъ зелеными островами, звонкимъ пѣніемъ разнообразныхъ птицъ, блещущихъ всѣми цвѣтами радуги, съ высокими горами, таинственными ущельями, плодородными долинами, различными дворцами и гаремами красавицъ всѣхъ типовъ, среди талисмановъ, охраняющихъ отъ всякой бѣды и волшебства, помогающаго осуществленію всѣхъ человѣческихъ желаній,—все же чувственность не можетъ удовлетворить человѣка и доставить ему полное счастіе.

Сюжетъ поэмы—путешествіе прекрасной Лалла-Рукъ, дочери Императора Аурунгзебы изъ столицы Индостана Дели въ Кашемиръ, гдѣ долженъ встрѣтить ее женихъ, заочно назначенный ей отцомъ ея,—молодой царь Малой Бухаріи Алирисъ. Среди блестящей свиты красавицы находится придворный поэтъ ея жениха—Фераморзъ. Во время путевыхъ роздыховъ онъ услаждаетъ ее пѣніемъ и импровизаціями. Слушая его, молодая, поэтически настроенная принцесса увлекается имъ все болѣе и болѣе, такъ что ее уже начинаетъ страшить предстоящій бракъ съ другимъ; она блѣднѣетъ и вянетъ по мѣрѣ приближенія къ мѣсту своего бракосочетанія. Свадьба была назначена на другое утро послѣ прибытія къ мѣсту, гдѣ въ первый разъ должна была она увидѣть своего царственнаго жениха во дворцѣ, возвышавшемся на другомъ берегу озера. Тяжелую ночь провела она въ «Долинѣ счастія», но когда утромъ придворныя дамы явились одѣвать ее подъ вѣнецъ, она предстала имъ въ красотѣ еще не бывалой. Наступило утро прохладное и прекрасное; берегъ былъ усѣянъ толпами народа, а воды озера безчисленными лодками. Напрасно взоры несчастной невѣсты искали среди этихъ массъ Фераморза, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на него. Его не было тамъ. Вотъ она переплыла уже озеро по водамъ чуднаго канала, мино-

вала арки дворцовыхъ галлерей—и остановилась у ступеней мраморной лѣстницы, по которой ей предстояло взойти въ залу, гдѣ на одномъ изъ двухъ троновъ дожидался Алирисъ своей невѣсты. Онъ сходитъ съ престола навстрѣчу ей, хочетъ взять ее за руку, какъ вдругъ съ крикомъ она падаетъ къ его ногамъ: она узнала Фераморза въ царственномъ женихѣ своемъ.

Этотъ сюжетъ служитъ канвою, связующею четыре восточныхъ преданія, которыя поетъ Фераморзъ во время пути Лалла-Рукъ въ Бухарію. Первое изъ нихъ—„Хорасанскій пророкъ подъ покрываломъ". Герой его Моканно—лжепророкъ, побѣжденный вѣрнымъ исламу Азимомъ, который мстилъ ему за коварное обольщеніе его невѣсты Зелики, доведенной до безумія разлукой съ нимъ. Коварство Моканно состояло въ томъ, что онъ привлекъ безумную красавицу въ свой гаремъ обѣщаніемъ вѣчнаго блаженства, которое Зелика, считая жениха своего умершимъ, мечтала раздѣлить съ нимъ въ томъ мірѣ. Ради этого счастія въ жизни загробной она обрекла себя на позорное служеніе сластолюбію пророка. Зелика пережила своего обольстителя и, встрѣтясь съ Азимомъ еще разъ въ этомъ мірѣ, просвѣтлѣвшая отъ своего безумія, но уже принявшая ядъ по принужденію умирающаго лжепророка, утѣшаетъ дорогаго ей Азима надеждой соединиться съ нимъ за гробомъ, если онъ вымолитъ ей прощеніе неба. Всю жизнь посвятилъ Азимъ молитвѣ на ея могилѣ, гдѣ уже сѣдымъ старикомъ нашли его распростертаго, съ лицомъ, полнымъ блаженства отъ предсмертнаго видѣнія, въ которомъ Зелика, сошедшая къ нему сказала, что молитва его услышана.

Вторая пѣсня—„Рай и Пери" спѣта была Фераморзомъ въ прекрасной „Долинѣ садовъ" близъ Кашемира. Цвѣты сада внушили принцессѣ нѣсколько словъ о тѣхъ нимфахъ,

которыя носятся надъ ними. Фераморзъ, слушая ее, готовъ былъ видѣть въ ней самой одинъ изъ этихъ духовъ, и эпизодъ, который импровизируетъ онъ, Жуковскій перевелъ подъ заглавіемъ „Пери и Ангелъ“.

Третья баллада „Огнепоклонники“ выводитъ Гебровъ, угнетенныхъ арабскимъ пророкомъ, насильно обращающимъ ихъ въ магометанство. Дочь самого тирана Хинда любитъ вождя этихъ несчастныхъ, не зная, кто онъ. Когда она узнаетъ эту ужасную истину, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ за нимъ и въ роковую ночь послѣдней битвы, угадывая гибель своего милаго, бросается въ волны моря.

Четвертая и послѣдняя пѣсня „Свѣтъ гарема“—исторія любимой одалиски Кашемирскаго царя Солимана, Нурмагамъ, которая, желая привлечь его снова къ себѣ послѣ разлуки, прибѣгаетъ къ помощи волшебницы и успѣваетъ въ этомъ, благодаря чарующимъ звукамъ лютни и своего голоса. Пѣсня ея, составляющая контрастъ съ пѣсней другой одалиски, дышащей огнемъ страсти чувственной, есть голосъ любви чистой и высокой, которая и находитъ доступъ къ сердцу Солимана.

Эти-то пѣсни Фераморза и были представлены при Прусскомъ дворѣ въ живыхъ картинахъ, сопровождаемыхъ пѣніемъ. Изъ принцевъ и высшаго дворянства, участвовавшихъ въ представленіи, главныя роли исполняли слѣдущія лица, какъ то напечатано въ отчетѣ объ этомъ дивертиссементѣ. [1])

Фодладинъ, Великій Назиръ—Гр. Гаакъ (Маршалъ двора).

---

[1]) Lallah Roukh, divertissement mêlé de chants et de danses, Berlin, 1822. Изданіе это состоитъ изъ цѣлаго собранія иллюминованныхъ картинъ, изображающихъ группы, процессіи и т. д. въ разнообразныхъ восточныхъ костюмахъ.

Алирисъ, царь Бухаріи—Е. И. В. Великій князь (Николай Павловичъ).

Лалла-Рукъ—Ея И. В. Великая княгиня (Александра Ѳеодоровна).

Аурунгзебъ, Великій Моголъ—Е. К. В. Принцъ Вильгельмъ (братъ короля).

Абдалла, отецъ Алириса—Е. К. В. Герцогъ Кумберлендскій.

Королева, его супруга—Ея К. В. Принцесса Луиза Радзивиллъ.

Кромѣ этихъ и другихъ лицъ были выведены и еще лица подъ именами «мужчинъ и женщинъ Бухаріи и Кашемира», танцующія на праздникѣ розъ, и т. д., всего около 150 лицъ.

О характерѣ исполненія живыхъ картинъ находимъ свѣдѣнія въ указанномъ изданіи. Вотъ что̀ сказано тамъ о представленіи «Рая и Пери»:

«Декорація изображала блестящія двери рая, окруженныя облаками. Въ первой картинѣ—грустная и безутѣшная Пери лежитъ у закрытыхъ дверей рая, и Ангелъ свѣта обращается къ ней съ словами утѣшенія и совѣта.

Во 2-й картинѣ — тотъ моментъ, когда Пери беретъ послѣднюю каплю крови, пролитую юнымъ индійскимъ воиномъ въ надеждѣ, что этотъ даръ откроетъ ей двери рая.

Пери и Ангелъ свѣта вполнѣ соотвѣтствовали тому образу, который невольно возникаетъ при чтеніи этой поэмы. Впечатлѣніе, оставленное послѣдовательнымъ рядомъ картинъ этого нѣжнаго и увлекательнаго эпизода не можетъ изгладиться изъ нашей памяти.

Праздникъ этотъ послужилъ поводомъ къ двумъ переводамъ англійскаго поэта, доставившаго своимъ произведеніемъ столько удовольствія всѣмъ присутствовавшимъ на

праздникѣ. Когда Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна, окончивъ свою роль въ живыхъ картинахъ, съ сожалѣніемъ воскликнула: „Какъ? уже все? Кончилось то, что дало намъ столько наслажденія! Неужели не найдется поэта, который передалъ бы другимъ и будущему времени хоть частицу того счастія, которымъ мы насладились сегодня вечеромъ?“ —то Фуке, исполнявшій роль одного изъ придворныхъ Кашемира, предложилъ свои услуги перевести поэму, и обѣщалъ исполнить это размѣромъ подлинника. Великая княгиня улыбкою одобрила его. [1])

Поэма вдохновила и Жуковскаго, но онъ отнесся къ оригиналу самостоятельно. Прежде всего обращаетъ наше вниманіе выборъ отрывка для перевода. Онъ остановился на второй пѣснѣ Фераморза: «Рай и Пери», который озаглавилъ: «Пери и Ангелъ» и въ которомъ мѣстами допустилъ значительныя отступленія отъ подлинника.

Вѣрный себѣ, не заботясь о мѣстномъ колоритѣ изображаемаго, онъ сгладилъ тѣ мѣста, которыя казались ему слишкомъ страстными. Такова сцена прощанія дѣвушки съ умирающимъ отъ чумы женихомъ. Слова подлинника: „И вотъ ея руки обнимаютъ любимаго“ замѣнены стихами:

Рука горячая слита
Съ его хладѣющей рукою.

Такъ же измѣнена рѣчь невѣсты: „О, дай мнѣ вдохнуть благословенное твое дыханіе! Несетъ ли оно на своихъ крылахъ здоровье или смерть,—оно равно сладко для меня! На, пей мои слезы, пока онѣ текутъ. Если бы кровь моей груди была бальзамомъ,—ты знаешь, я пролила бы ее всю, чтобы освѣжить хоть на мгновеніе чело твое. Нѣтъ не

---

[1]) Примѣч. къ англ. изд. Томаса Мура.

отвращай отъ меня своего дорогаго лица. Не твоя ли я, твоя собственная, любимая невѣста, — та, которую ты избралъ, чье мѣсто подлѣ тебя—и въ жизни, и въ смерти? Думалъ ли ты, что та, для которой единственнымъ блескомъ среди этого тусклаго свѣта былъ лишь свѣтъ, отъ тебя возсіявшій, можетъ перенести долгую скучную ночь, которая настанетъ, когда ты отойдешь? Думаешь ли ты, что я могу жить, а тебѣ дать отойти? тебѣ, кто сама жизнь моя? Нѣтъ, нѣтъ! Когда погибаетъ вѣтвь, то и листъ, растущій изъ ея средины, долженъ погибнуть также! Обратись же ко мнѣ, любовь моя, обратись прежде, нежели, какъ и ты, я сгорю и увяну! Примкни къ этимъ устамъ, еще прохладнымъ, и раздѣли послѣднюю чистую жизнь, которая въ нихъ еще хранится"!

Вмѣсто этого пламеннаго обращенія у Жуковскаго находимъ слѣдующіе стихи:

„Принять
Дай въ сердце мнѣ твое дыханье;
Мнѣ уступи свое страданье,
Мнѣ жребій свой отдай вполнѣ.
Ахъ! очи обрати ко мнѣ,
Пока ихъ смерть не погасила;
Пока еще не позабыла
Душа любви своей земной,—
Любовью подѣлись со мной;
И въ смертный часъ свою мнѣ руку
Подай на смерть, не на разлуку!

Равно и магометанскія представленія у него мѣстами сглажены, такъ что читатель порой забываетъ, что передъ нимъ преданіе мусульманское. Такъ, быстрый полетъ Пери у Томаса Мура сравнивается съ быстротою факеловъ въ рукахъ ангельскихъ, согласно вѣрованію Магометанъ, что падающія звѣзды—факелы добрыхъ ангеловъ, которыми они

отгоняютъ ангеловъ злыхъ, когда тѣ появляются слишкомъ близко къ эмпиреямъ. Жуковскій факелы замѣняетъ звѣздными мечами въ рукахъ Ангеловъ. Въ томъ же смыслѣ измѣнена рѣчь Ангела, вторично отказывающагося отворить Пери дверь Эдема. „Исторія этой дѣвы“, говоритъ Ангелъ о только что упомянутой нами несчастной, погибшей отъ чумы вмѣстѣ съ женихомъ своимъ, „написана огненными письменами надъ головою Аллы и долго будетъ читаема очами Серафимовъ... Но много святѣе этого вздоха долженъ быть даръ, который откроетъ тебѣ двери рая“.

Удались!
(Сказалъ ей стражъ крылатый рая)
Сей вѣрной дѣвы смерть святая
Записана на небесахъ;
И будутъ Ангелы въ слезахъ
Ее читать... но видишь, Пери,
Кристальныя спокойны двери,
И свѣтлый рай не отворенъ;
Не унывай, доступенъ онъ;
Лети на землю съ упованьемъ.

Картины восточной природы переданы Жуковскимъ мастерски и съ сохраненіемъ мѣстныхъ красокъ. Исключеніе составляетъ въ картинѣ Индіи замѣна водяной лиліи лиліею простою. У Мура лилеи „всю ночь купали красу свою въ водахъ озера“; у Жуковскаго

Ночной упившися росой,
Лилеи съ дѣвственной красой
Въ роскошномъ снѣ благоухали [1])

[1]) Нѣкоторыя мѣста требовали для пониманія всѣхъ чудесъ Востока со стороны русскаго читателя примѣчаній. Къ сожалѣнію примѣчанія „Сына Отечества“, гдѣ впервые (въ 1821 г.) явилась у насъ эта поэма, повторенная и въ первомъ отдѣльномъ ея изданіи, не отличаются ни вѣрностію, ни полнотою. Упомянутые выше факелы Ангеловъ здѣсь названы „палицами“. Объясненіе стиховъ:

Болѣе же всего отступилъ Жуковскій въ двухъ послѣднихъ страницахъ оригинала. Конецъ поэмы у него самостоятельный и, какъ увидимъ ниже, къ выгодѣ произведенія.

Святѣйшимъ даромъ, открывшимъ наконецъ Пери двери рая, были слезы покаянія.

Въ долинѣ Бальбека видитъ Пери мальчика, отдыхавшаго подъ ясминомъ. Около него остановился напиться изъ ручья всадникъ. То былъ тяжкій грѣшникъ, грабитель, предатель и богохульникъ: но при видѣ невиннаго младенца, который при звукѣ голоса съ минаретовъ, скликающаго на молитву, поднялся и, сложивъ смиренно свои ручки, сталъ молиться,—вдругъ нечестивецъ вспомнилъ дни своего младенчества—и изъ глазъ его скатилась слеза покаянія. До этого мѣста переводъ вѣренъ подлиннику. Затѣмъ читаемъ у Мура: „Есть капля", сказала Пери, „которая падаетъ съ луны при палящемъ іюньскомъ зноѣ на землю Египта [1]); она обладаетъ такою силою и столь цѣлительнымъ свой-

---

Печально-тихая султана
Какъ идолъ на столпѣ сѣдомъ
Сіяла пурпурнымъ крыломъ

въ примѣчаніяхъ „Сына Отечества" — не вѣрно. Въ дѣйствительности, султана — птица изъ семейства Paludicolae Porphyris hyacinthicus, темносиняго, шея же, грудь и щеки—бирюзоваго цвѣта; ноги мяснаго краснаго, а клювъ—ярко-краснаго (а не синіе, какъ сказано въ указанныхъ примѣчаніяхъ). Слѣд. „пурпурное крыло"—явная ошибка нашего поэта. Непониманіе другаго слова ввело Жуковскаго еще въ одинъ промахъ. У него всадникъ спрыгнулъ съ коня, чтобы напоить его

Надъ мелкимъ ручейкомъ, шумѣвшимъ
Близъ минарета...

въ оригиналѣ же онъ соскочилъ съ коня, подъѣхавъ къ маленькому деревянному колодцу имарета. Imaret—пріютъ для странниковъ, гдѣ они содержались безплатно не свыше трехъ дней.

[1]) Пукта, или чудотворная капля, падающая въ Египтѣ въ Ивановъ день и имѣющая силу прекращать заразу.

ствомъ, что въ тотъ же часъ, какъ ниспадетъ она, зараза умираетъ—и земля и небо вновь оживляются здравіемъ. Не такъ ли и ты, грѣшникъ, роняешь драгоцѣнную слезу раскаянія? Какъ ни оскверненъ ты внутри огнемъ заразы, одна небесная капля удалитъ ее безслѣдно!"

„А теперь—взгляните на него, колѣнопреклоненнаго подлѣ младенца въ смиренной молитвѣ. Одинъ лучъ освѣщаетъ преступнаго и невиннаго, и радостные гимны разносятъ по небу вѣсть о торжествѣ души помилованной!"

„Когда золотое свѣтило закатилось, а они все еще стояли колѣнопреклоненные, блеснулъ лучъ свѣта, несравненно прекраснѣе лучей, когда либо блиставшихъ отъ солнца и звѣздъ. Лучъ этотъ упалъ на горячую и тихую слезу, оросившую щеку кающагося грѣшника. Смертному глазу свѣтъ этотъ могъ бы показаться свѣтомъ сѣвернаго сіянія или блескомъ метеора. Но просвѣтленная радостью Пери хорошо знала, что то былъ свѣтъ улыбки, которою Ангелъ съ небесной ограды привѣтствовалъ эту слезу, предвѣстницу ея близкой славы."

„Радость, радость навѣки! Окончена моя задача.—Ограда пройдена, и Небо выиграно! О, не счастливица ли я? Я твоя, твоя, сладкій Эдемъ! Какъ темны и мрачны всѣ алмазы Шудукіака [1]) и душистыхъ кущей Амберабада [2])!"

„Прощайте же вы, благоуханія земли, которыя умираютъ, улетая какъ вздохъ любовника. Мой пиръ—пиръ дерева Тубы [3]), благоуханіе котораго есть дыханіе Вѣчности!"

---

1) „Страна блаженства"—имя провинціи въ царствѣ Жиннистана или „Прекрасной страны", столица которой—„городъ драгоцѣнностей (City of Jewels).

2) Амберабадъ—другой городъ того же царства.

3) Дерево Туба, райское, находится въ чертогахъ Магомета. „Туба"—вѣчное блаженство.

„Прощайте, прощайте, цвѣты увядающіе, украшавшіе мой прекрасный вѣнокъ такъ ярко и такъ кратковременно. О, что и самые прекрасные изъ нихъ передъ Лотосомъ, разцвѣтающимъ у престола Аллы [1]). Лепестки цвѣтовъ его всѣ одушевленные!“

„Радость, радость навѣки! Окончена моя задача. Ограда пройдена, и Небо выиграно.“

Жуковскаго не удовлетворила эта самодовольная радость Пери. Ея радость показалась ему не достаточно чистой, и дѣйствительно: въ ней звучитъ эгоистическое чувство человѣка, сдѣлавшаго выгодную покупку. Задумчивая Пери точно сбросила съ себя маску, и здѣсь у англійскаго поэта является иною, нежели въ пору своихъ исканій. Жуковскій не могъ допустить ничего подобнаго...

И Пери въ жалости, въ участьѣ,
Забывъ себя и жребій свой,
Съ покорною о немъ (о грѣшникѣ) мольбой
Глаза на небо—свѣтомъ ровнымъ
Надъ непорочнымъ и виновнымъ
Сіяющее—возвела.
Ея душа полна была
Неизъяснимымъ ожиданьемъ ...
На хладномъ прахѣ съ покаяньемъ
Предъ Богомъ плачущій злодѣй
Лежалъ недвижимъ передъ ней,
Къ землѣ приникнувъ головою;
И сострадательной рукою,
Къ несчастному преклонена,
Какъ нѣжная сестра, она
Поддерживала съ умиленьемъ,
Главу, нагбенную смиреньемъ,
И быстро изъ его очей

[1]) Въ 53 гл. Корана Магометъ повѣствуетъ, что видѣлъ ангела Гавріила близъ Лотоса, за который нѣтъ доступа. Подлѣ него Садъ вѣчнаго пребыванія. Это дерево, по словамъ комментатора, находится на седьмомъ Небѣ, по правую сторону престола Божія.

Въ мирительную руку ей
Струя горячихъ слезъ бѣжала;
И на небѣ она искала
Отвѣта милости—слезамъ....
И все прекрасно было тамъ!
И были вечера свѣтилы,
Какъ яркіе паникадилы
Въ небесномъ храмѣ зажжены;
И мнилось ей: изъ глубины
Того незримаго чертога,
Гдѣ чистымъ покаяньемъ Бога
Умѣетъ сердце обрѣтать,
Къ землѣ сходила благодать;
И тамъ, казалось, ликовали:
Какъ будто Ангелы летали
Съ веселой пѣснью по звѣздамъ;
Какъ будто праздновали тамъ
Святую радость примиренья—
И вдругъ, внезапнаго смиренья
Могуществомъ увлечена,
Уже на высотѣ она...
Уже предъ ней почти пропала
Земля—и Пери... угадала!
Съ потокомъ благодатныхъ слезъ,
Въ послѣдній разъ съ полунебесъ
На міръ земной она воззрѣла....
«Прости, земля!»—и улетѣла.

XXI.

Поѣздка по Германіи и Швейцаріи.—Отношеніе Жуковскаго къ природѣ и искусству.—Рафаэлева Мадонна.—„Привидѣніе"; „Таинственный посѣтитель"; „Море".

Въ берлинскомъ театрѣ Жуковскій видѣлъ исполненіе лучшихъ нѣмецкихъ драмъ. Подъ этими впечатлѣніями онъ предпринялъ переводъ „Орлеанской дѣвы" Шиллера, и намѣревался перевести и другія драмы этого поэта. Пер-

вую онъ окончилъ до возвращенія въ Россію. Не мало наслажденія доставляла ему и берлинская опера подъ управленіемъ Спонтини.

Въ апрѣлѣ онъ выѣхалъ изъ Берлина въ Швейцарію. Дорогою рисовалъ онъ виды съ натуры, особенно швейцарскіе. Впослѣдствіи онъ ихъ вырѣзалъ на мѣди. Къ этому времени относятся тѣ письма, которыя печатаются въ собраніи его сочиненій [1]).

Но впереди его ожидало иное наслажденіе—природа, остатки старины, произведенія живописи и бесѣда съ лицами, которыя помогли идеямъ, воплощеннымъ и въ жизни, и творчествѣ, придти къ сознанію и ясному опредѣленію.

Въ Виртембергѣ осматривалъ онъ древнія церкви, комнату Лютера и отрѣзалъ себѣ кусокъ отъ стола его; въ Констанцѣ—огромный готическій Доминиканскій монастырь, гдѣ былъ заключенъ Гусъ, залу Констанцскаго собора, а въ ней—кузовъ той повозки, въ которой Гусъ отвезенъ былъ на мѣсто казни; въ Пречѣ и Торгау привлекли его вниманіе старинные замки; картины знаменитыхъ художниковъ также не были оставлены имъ безъ обозрѣнія. Большинство нѣмецкихъ живописцевъ при всей простотѣ, соединенной съ величіемъ въ ихъ произведеніяхъ, все же казались ему недостаточно идеальными, но „дѣйствующими болѣе на чувство, нежели на воображеніе". То же впечатлѣніе „живой существенности, не смѣшанной ни съ чѣмъ идеальнымъ", вынесъ онъ изъ Таранта въ окрестностяхъ Дрездена. Неоднократно замѣчаетъ „спокойную веселость", „полезное", служащее въ то же время и украшеніемъ — въ деревенькахъ и городахъ средней Германіи. Его идеалистической природы не могло удовлетворить это ограниченное, хотя и

---

1) Въ изданіи 1878 года, томъ V, стр. 441—481.

красивое довольство. „Природа, окружающая меня“, пишетъ онъ изъ Дрездена въ іюлѣ 1821 года, „была прелестна, но главная прелесть окружающаго есть наша душа, есть то чувство, которое она приноситъ къ святилищу природы“. Жуковскій не былъ способенъ удовлетвориться тѣмъ состояніемъ, когда „человѣкъ радуется настоящею минутою, не мечтая о далекомъ“. Настоящее кажется ему бѣднымъ. „Все главное извѣстно“, жалуется онъ, „ничего таинственнаго, неизвѣстнаго“. „Слѣдовательно“, прибавляетъ онъ, „главной прелести недоставало видимому. Но добрый геній, воспоминаніе, прилетѣлъ ко мнѣ на помощь“. И вотъ ему, сидящему на террасѣ Дрезденскаго сада на берегу Эльбы, видится его дорогой Бѣлевъ, Ока, Темрянь, Московская и Тульская дороги, Жебинская пустынь и Дураковская церковь. „И много милыхъ тѣней встало...“ такъ оканчиваетъ онъ это письмо изъ Дрездена (Соч. ж. VI, 447).

Сильнѣйшее впечатлѣніе вынесъ онъ изъ окрестностей разбойничьяго замка при Бастей, плѣнительныхъ мертвымъ своимъ ужасомъ, когда воображенію оставалось достаточно для восполненія видимаго образами прошлаго, когда въ ущельѣ раздался звукъ рога, а потомъ арфы—и было невидимо, кто игралъ (450). Ему нравятся и камни, странными фигурами подавшіе поводъ къ игрѣ народной фантазіи, которая въ однихъ—видитъ монаха и монахиню (450), въ другихъ обезьянъ въ различныхъ положеніяхъ (451); и скала, представляющаяся колоссальною головою, по мѣрѣ движенія путника измѣняющая свою физіогномію (457), и ночная картина горъ, чудесно являющихся и изчезающихъ при быстромъ блистаніи молній (473), и тучи, напоминающія то дымъ пожара, то необъятную сѣдую гриву чудовища. Они заставляютъ его забыть даже всѣ невзгоды: и хо-

лодъ, и вѣтеръ, и проливной дождь, промочившій его до костей, и вечернюю сырость. Ему пріятнѣе видъ, представляющійся взору въ дымкѣ брызговъ водопада (451) или паровъ (451), или сквозь сѣтку дождя (454) или волнующагося тумана (456). Его поражаетъ и обломокъ колонны на Симплонской дорогѣ, потому что онъ видитъ въ немъ символъ судьбы Наполеона, приготовившаго себѣ эту покинутую теперь колонну для тріумфальныхъ воротъ въ Миланѣ. Видъ пещеры доставляетъ ему болѣе наслажденія, если оживленъ памятью минувшаго. „Мы любовались ужасомъ окрестностей", пишетъ онъ, припоминая то бѣдствія тридцатилѣтней войны, то тайныя хищничества разбойниковъ (452), то жизнь гнѣздившихся въ нихъ медвѣдей (458).

Таковы его впечатлѣнія какъ туриста. Но наибольшее наслажденіе доставляли ему тѣ виды, которые не поддаются мелочному разсматриванію. „Прелесть природы—въ ея невыразимости" (449)—вотъ главное эстетическое его положеніе. Окружающее должно заключать или намекать на что либо неизвѣстное, чтобы удовлетворить душу нашего поэта. Въ Швейцаріи зрѣлище съ вершины С. Готарда привело его въ невыразимое восхищеніе: „здѣсь природа ни съ чѣмъ знакомымъ не сходствуетъ", говоритъ онъ (475). Восхищаясь простымъ деревяннымъ крестомъ и часовенкой Телля на вершинѣ Риги, онъ пишетъ: „Они не изчезаютъ посреди этихъ громадъ, ибо говорятъ не о бѣдномъ могуществѣ человѣка, здѣсь столь ничтожномъ, но о величіи души человѣческой, о вѣрѣ, которая возноситъ ее туда, куда не могутъ достигнуть горы своими вершинами" (474),—картина, изображающая нѣчто такое, „чего нельзя истощить мыслію" [1]).

[1]) Рафаэлева Мадонна (468).

До какой степени именно это невидимое, „возбуждаемое въ душѣ дѣйствительностью и напоминающее о томъ, что̀ далѣе жизни“ (459), составляло для Жуковскаго настоящую дѣйствительность,—всего болѣе видно изъ того, что онъ противополагаетъ его „мечтательному“ представленію природы. Говоря о картинахъ живописца Фридриха, съ которымъ онъ познакомился въ Дрезденѣ и картины котораго удовлетворяли этому положенію нашего поэта, онъ ставитъ ему въ заслугу вѣрность изображенія природы, потому что онъ смотритъ на нее „не какъ артистъ, который ищетъ въ ней только образцы для кисти, но какъ человѣкъ, который въ природѣ видитъ символъ человѣческой жизни“. Живописца такъ видящаго природу, онъ называетъ „вытвердившимъ ее наизусть“, художникомъ, который „съ нею какъ семьянинъ“ (459). Итакъ прекрасная картина должна или напоминать о прошломъ или возбуждать мысль о будущемъ: настоящее имѣетъ лишь служебное значеніе. Такія картины Жуковскій называетъ и „простыми“, и „выразительными“ (460). Здѣсь мы видимъ полное совпаденіе съ его пониманіемъ поэзіи, какъ отголоска жизни, о чемъ мы говорили въ одной изъ предъидущихъ главъ. Такое пониманіе сложилось въ немъ рано и здѣсь нашло только подтвержденіе въ картинахъ и мнѣніяхъ его новаго знакомца. То же подтвержденіе нашелъ онъ и въ картинахъ дрезденской галлереи. Отъ изображенія тѣхъ представленій дѣйствительности, которыя мы назвали выше „отраженными“ [1]), не далеко было и до опредѣленія всякой красоты какъ отраженія міра трансцедентальнаго. Такое опредѣленіе сложилось у Жуковскаго подъ вліяніемъ другаго новаго знакомца, съ которымъ онъ со-

---

[1]) Стр. 270.

шелся въ Дрезденѣ. То былъ одинъ изъ вожаковъ нѣмецкой романтической школы Тикъ.

Дѣйствіе прекраснаго на душу онъ выражаетъ словами; „душа распространяется“ [1]). Высшая похвала художнику состоитъ въ томъ, что „онъ писалъ не для глазъ, все обнимающихъ и на мгновеніе, но для души, которая, чѣмъ болѣе ищетъ, тѣмъ болѣе находитъ“. Отсюда и внѣшній признакъ состоянія души, возвысившейся надъ этими мгновенными, случайными впечатлѣніями видимой дѣйствительности,—„взоръ, никуда особенно не устремленный“, который Жуковскій находитъ и въ лицѣ Дрезденской Мадонны и предвѣчнаго Младенца [2]). Подобное изображеніе и въ зрителѣ способно вызвать то „расширеніе души“, о которомъ онъ говорилъ выше. Наслажденіе, доставляемое совершеннымъ произведеніемъ искусства, по Жуковскому, есть наслажденіе самимъ собою, конечно по стольку, по скольку человѣкъ есть часть безконечнаго. Оно производится картиною Рафаэля потому, что на ней въ концѣ концовъ изображено „верховное назначеніе души человѣческой“. Равно и на всѣхъ лицахъ, окружающихъ Богоматерь, видитъ онъ именно такое душевное состояніе, просвѣтленное мыслію, постигнувшею тайны инаго міра. Наконецъ и самъ художникъ въ минуты творчества, по мысли Жуковскаго, испытываетъ то же просвѣтлѣніе. „И Рафаэль“, говоритъ онъ, „прекрасно подписалъ свое имя на картинѣ: внизу ся, съ границы земли, одинъ изъ двоихъ ангеловъ устремилъ задумчивые глаза въ высоту; важная глубокая мысль царствуетъ на младенческомъ лицѣ: не таковъ ли былъ Рафаэль въ то время, когда онъ думалъ о своей Мадоннѣ?“ [3])

---

[1]) Рафаэлева Мадонна. 468.
[2]) Ibid. 469.
[3]) Ibid.

Такимъ образомъ Мадонна, выражая всю высоту душевнаго состоянія, вызываетъ это высокое чувство ея и въ фигурахъ ее окружающихъ; онѣ передаютъ его же зрителю картины—и всего этого не было бы, еслибъ и самъ создатель картины не испытывалъ въ себѣ того же душевнаго состоянія. Но картина не имѣла бы настоящаго зрителя, еслибы это состояніе не испытывалъ бы и смотрящій на нее. Такимъ образомъ—и художникъ, и его изображеніе, и зритель его—всѣ вмѣстѣ объединяются въ одномъ высшемъ душевномъ состояніи. Могъ ли Жуковскій не признать эту картину высочайшимъ произведеніемъ искусства?

Онъ выразилъ всю полноту художественнаго впечатлѣнія стихами:

Онъ (геній чистой красоты) въ чистыя мгновенья
Бытія слетаетъ къ намъ
И приноситъ откровенья
Благодатныя сердцамъ.
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Намъ туда сквозь покрывало
Онъ даетъ взглянуть порой;
А когда насъ покидаетъ—
Въ даръ любви у насъ въ виду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду.

Итакъ то, что называется вдохновеніемъ, по мнѣнію Жуковскаго, есть безсознательное и внезапное откровеніе. Лучшая изъ картинъ—есть „видѣніе". Жуковскій объясняетъ это событіе въ жизни художника, передавая прочитанный имъ разсказъ о томъ, какъ великій живописецъ, заснувъ съ мыслію о Мадоннѣ, внезапно вскочилъ и, вскричавъ: она здѣсь! начерталъ первый рисунокъ. Такъ же объяснялъ ему и знакомецъ его Фридрихъ процессъ собственнаго вдохновенія. Получивъ приглашеніе написать двѣ

картины—природы Италіи во всей ея роскошной красотѣ и природы Сѣвера во всей красотѣ ужасовъ—Фридрихъ и самъ еще не знаетъ, что напишетъ. „Онъ ждетъ минуты вдохновенія, и это вдохновеніе (какъ онъ мнѣ самъ разсказывалъ) часто приходитъ къ нему во снѣ“ (460). Такъ же объяснялъ ему дѣйствіе истиннаго генія и Тикъ. „Привилегія истиннаго генія та, что мысля и не назначая себѣ дороги, по одному естественному стремленію, вдругъ доходитъ онъ до того, что̀ другіе открываютъ глубокимъ размышленіемъ, идя по его слѣдамъ; чувство, которому онъ повинуется, есть темное, но вѣрное; онъ вдругъ взлетаетъ на высоту и, стоя на этой высотѣ, служитъ для другихъ свѣтлымъ маякомъ, которымъ они руководствуются на невѣрной своей дорогѣ“ (462). „Это прекрасно и справедливо!“ прибавляетъ Жуковскій. Эта-то мысль и выражена имъ въ вышеприведенномъ стихотвореніи о „прощальной звѣздѣ“, которую „зажигаетъ у насъ въ виду геній“. Потому для воспріятія произведенія генія также требуется вдохновеніе, какъ и для его созданія. Вотъ почему Жуковскій „смотрѣлъ на картину Рафаэля нѣсколько разъ, но видѣлъ ее только однажды“ [1]). Для этого ему нужно было „съ нѣкоторымъ усиліемъ войти въ самого себя“ [2]).

Вотъ тотъ моментъ въ жизни нашего поэта, когда ручеекъ, получившій свое начало подъ ивами Мишенской долины впадаетъ въ широкую рѣку германскаго романтизма, уже начавшую разливомъ своимъ оплодотворять нивы нѣмецкой науки и поэзіи. Это—то самое пониманіе искусства, которое въ лицѣ философа романтиковъ [3]) нанесло рѣшитель-

---

[1]) Раф. Мадонна. 465.

[2]) Ibid. 467.

[3]) Шеллингъ, самъ помѣщавшій подъ псевдонимомъ Бенавентуры терцины въ „Альманахѣ музъ“ Шлегеля и Тика 1802 года.

ный ударъ дуализму, мучительно тяготѣвшему надъ натурами, подобными Жуковскому. Романтическая теорія поэзіи, какъ ее формулировалъ Шеллингъ, указала нераздѣльность сознательнаго и безсознательнаго какъ въ творчествѣ, такъ и въ воспріятіи художественнаго впечатлѣнія; въ изящномъ являлось наконецъ полное примиреніе конечнаго съ безконечнымъ. Искусство отверзло самыя святая святыхъ, и въ минуту творчества, какъ говоритъ Жуковскій, „занавѣсъ раздергивался, и тайны Неба открывались глазамъ человѣка“ [1]). Сама природа являлась очамъ натуръ-философа только видимымъ проявленіемъ духа, который собственно и былъ для него настоящею дѣйствительностью. „То, что̀ мы зовемъ природою“, говоритъ Шеллингъ,— „есть поэма, замкнутая для насъ въ таинственно-чудныхъ письменахъ... Изъ-за міра, доступнаго чувствамъ, сквозитъ какъ изъ за словъ смыслъ его“ [2]). Наконецъ-то тожество реальнаго съ идеальнымъ было открыто,—и легко вздохнулось всякому, кто мучился „низостью настоящаго“

И эту низость настоящаго
И пренебрегъ, и позабылъ.

Вслѣдъ за стихотвореніемъ, двѣ послѣднія строфы котораго Жуковскій привелъ въ разъясненіе чувства красоты, испытаннаго имъ передъ Мадонной Рафаэля („Лалла Рукъ“, см. ниже) въ рукописи рукою автора слѣдуетъ замѣтка, въ прозѣ разъясняющая эту эстетическую теорію: „Пре-

---

[1]) Раф. Мадонна. 468.

[2]) Не то же ли читаемъ въ позднѣйшемъ (1833 г.) письмѣ Жуковскаго изъ Швейцаріи, гдѣ онъ говоритъ: „Теперь читаю двѣ книги: одна напечатана... на простой бумагѣ, а другая самою природою на здѣшнихъ огромныхъ горахъ, великолѣпнымъ изданіемъ. Титула (т. е. заглавія) этой книги я еще не разобралъ, но и то и другое чтеніе приводитъ меня къ одному и тому же результату?“

красно только то, чего нѣтъ; это не значитъ: только то, что̀ не существуетъ... Оно является намъ только минутами, для того единственно, чтобы намъ сказаться, оживить насъ, возвысить нашу душу... Оно посѣщаетъ насъ въ лучшія минуты нашей жизни; величественное зрѣлище природы, еще болѣе величественное зрѣлище души человѣческой, поэзія, счастіе и еще болѣе несчастіе даютъ намъ сіи высокія ощущенія прекраснаго... Въ эти минуты живаго чувства стремишься не къ тому, чѣмъ оно произведено, и что̀ передъ тобою, но къ чему-то лучшему, тайному, далекому, что̀ съ нимъ соединяется и чего съ нимъ нѣтъ, и что̀ для тебя гдѣ-то существуетъ. И это стремленіе есть одно изъ невыразимыхъ доказательствъ безсмертія души; иначе, отчего бы въ минуту наслажденія не имѣть полноты и ясности наслажденія? Нѣтъ, эта грусть убѣдительно говоритъ намъ, что прекрасное здѣсь не дома, что оно только мимолетающій благовѣститель лучшаго; но есть восхитительная тоска по отчизнѣ; оно дѣйствуетъ на нашу душу не настоящимъ, а темнымъ воспоминаніемъ всего прекраснаго въ прошедшемъ, и тайнымъ ожиданіемъ чего-то въ будущемъ:

А когда насъ покидаетъ,—
Въ даръ любви у насъ въ виду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Намъ прощальную звѣзду.

И эта прощальная звѣзда на нашемъ небѣ есть знакъ того, что прекрасное было въ нашей жизни, и вмѣстѣ того, что оно не къ нашей жизни принадлежитъ. Звѣзда на темномъ небѣ—она не сойдетъ на землю, но утѣшительно сіяетъ намъ издали.... Жизнь наша есть ночь подъ звѣзднымъ небомъ.... 1821 г. 6—18 марта. Берлинъ".

Эти замѣтки объясняютъ два стихотворенія слѣдующаго

(1822) года: „Привидѣніе“ и „Таинственный посѣтитель“, гдѣ поэтъ ищетъ выраженіе для этого романтическаго пониманія поэзіи. Въ первомъ изображено фантастическое явленіе, которое предстало поэту

Въ тѣни деревъ, при звукѣ струнъ, въ сіяньѣ
Вечернихъ гаснувшихъ лучей,
Какъ первое любви очарованье,
Какъ прелесть первыхъ юныхъ дней.

Одежда его бѣлая какъ туманъ (чистое, бѣлое покрывало, „приносимое поэзіей изъ рая для земли“, какъ разъясняется во второмъ стихотвореніи); оно окружено воздушною лазурною пеленою („лазурно-ясное покрывало, принесенное ею для небесъ“, какъ сказано тамъ же).

Таинственно она ее свивала
И развивала надъ собой;
То снявъ ее, открытая стояла
Съ темно-кудрявой головой.
То, вдругъ, всю ткань чудесно распустивши,
Какъ призракъ исчезала въ ней;
То, перстъ къ устамъ, и голову склонивши,
Огнемъ задумчивыхъ очей
Задумчивость на сердце наводила....
Вдругъ.. покрывало подняла....
Трикраты имъ куда-то поманила...
И скрылася..... какъ не была.

Во второмъ стихотвореніи это—дума, которая, мечтательно приложивши перстъ къ устамъ своимъ, приходитъ къ намъ порою для того, чтобы увести съ собою въ минувшее. Это и поэзія и предчувствіе. Второе стихотвореніе оканчивается словами:

Часто въ жизни такъ бывало:
Кто-то свѣтлый къ намъ летитъ,
Подымаетъ покрывало
И въ далекое манитъ.

Романтическія идеи нашли наиболѣе полное выраженіе въ третьемъ стихотвореніи того же года: „Море“.

Море.

(элегія).

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей.
Ты живо; ты дышешь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Что движетъ твое необъятное лоно;
Чѣмъ дышетъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое, свѣтлое небо къ себѣ?...
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льешься его свѣтозарной лазурью,
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.
Когда же сбираются темныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя—
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла изчезаетъ, и тучи уходятъ;
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ;
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.

Поэтъ изображаетъ море среди покоя природы. Его поражаетъ противорѣчіе съ этимъ покоемъ непрестаннаго движенія моря.

Это явленіе служитъ для поэта и символомъ состоянія

любящей души человѣка, и поэзіи (какъ въ «Таинственномъ посѣтителѣ), и всей жизни человѣческой.

Море, какъ любящій, живетъ одною жизнью съ тѣмъ, кого любитъ (т. е. съ небомъ):

Ты чисто въ присутствіи чистомъ его,
Ты льешься его свѣтозарной лазурью,
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.

Эта жизнь—тайна для друхъ:

Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Что̀ движетъ твое необъятное лоно?

Однако же чуткая душа поэта угадала эту жизнь. Она сладостна:

..... „сладостной полное жизни".

Но счастіе, ею доставляемое, не вѣрно; любящему сердцу приходится переживать тяжелыя минуты борьбы, когда пытаются разлучить его съ тѣмъ, кого оно любитъ:

Когда же сбираются темныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя—
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу....

Отъ того самыя минуты счастія возмущаются чувствомъ вѣчной тревоги въ его „напряженной" груди:

.... смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.

То—слѣды пережитаго горя:

Но полное прошлой тревоги своей
Ты долго вздымаешь испуганны волны...

или опасеніе потерять возвращенное счастіе:

Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.

Для полноты счастія нужно стать выше этихъ силъ, его нарушающихъ, а это на землѣ—невозможно!

Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое, свѣтлое небо къ себѣ?...

Будучи символомъ души, море въ стихотвореніи этомъ есть и символъ поэзіи, какъ ее понималъ Жуковскій. Небо является источникомъ красоты для моря, которое передаетъ ему и свѣтозарную лазурь, и свѣтъ зари, и золотыя облака, и звѣзды.

Такимъ образомъ въ этомъ стихотвореніи, одномъ изъ лучшихъ оригинальныхъ произведеній Жуковскаго, какъ въ фокусѣ, встрѣчаются важнѣйшія романтическія идеи, которыми жилъ поэтъ нашъ. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ стихотвореній („Я музу юную бывало. ..") мы видимъ это отождествленіе жизни своего сердца съ вдохновеніемъ поэзіи. Онъ говоритъ тамъ:

На все земное наводило—
Животворящій лучъ оно,
И для меня въ то время было
Жизнь и поэзія одно—

и противопоставляетъ этому состоянію поэтическаго вдохновенія другое, когда душа лишена видѣній—и онъ перестаетъ быть поэтомъ:

Но дарователь пѣснопѣній
Меня давно не посѣщалъ,
Бывалыхъ нѣтъ въ душѣ видѣній,
И голосъ арфы замолчалъ.

XXII.

Философскія ученія, послужившія источникомъ германскаго романтизма.—Фихте и его сочиненіе: «Назначеніе человѣка» —Шеллингъ.—Зольгеръ.

Прежде чѣмъ показать отношеніе Жуковскаго къ нѣмецкимъ романтикамъ его времени, ознакомимся съ тѣмъ порядкомъ идей, который породилъ ихъ въ Германіи.

Философія романтиковъ вытекаетъ изъ Фихте. Дабы ознакомить въ краткихъ чертахъ съ общимъ рисункомъ міровоззрѣнія этого мыслителя, изложимъ здѣсь содержаніе его сочиненія: „Назначеніе человѣка“ (Die Bestimmung des Menschen), которое лучше всего введетъ насъ въ сущность романтическаго міровоззрѣнія, какъ ввело нѣкогда въ него своихъ современниковъ.

Отправляясь отъ критической философіи Канта, Фихте въ своемъ сочиненіи является противникомъ умозрительнаго догматизма прежнихъ временъ. Онъ доказываетъ прежде всего его несовмѣстимость съ нравственными убѣжденіями человѣчества. Послѣдній выводъ всякаго догматизма есть признаніе безусловной необходимости всѣхъ явленій, слѣд. и человѣческихъ дѣйствій, чѣмъ упраздняется самый корень нравственной жизни—свобода воли. Такимъ образомъ анализъ догматизма показываетъ, что между теоретическимъ разумомъ, заявляющимъ притязаніе на знаніе вещей въ нихъ самихъ, въ ихъ внутренней истинѣ,—и неумолкающимъ въ насъ нравственнымъ чувствомъ лежитъ непроходимая пропасть.

Но при дальнѣйшей критикѣ оказывается, что и самыя эти притязанія теоретическаго разума не имѣютъ за себя никакого оправданія. Мы не можемъ знать дѣйствительность

иначе, какъ въ нашихъ мысляхъ. А наши мысли не существуютъ внѣ нашего сознанія. Думая постигнуть вселенную, мы познаемъ только свое собственное *я*. Теоретическій разумъ, согласный самъ съ собою, долженъ все существующее превратить въ призракъ.

Слѣдовательно умозрѣніе не даетъ и не можетъ дать реальной истины. Ея познаніе должно исходить изъ другаго источника,—и этотъ источникъ есть—вѣра. Вѣра основывается на непобѣдимомъ стремленіи къ дѣятельности, прирожденной человѣку. Во имя этого стремленія мы приписываемъ реальность не только земному міру, который есть поприще нашей дѣятельности, но и міру надземному, сверхчувственному, такъ какъ въ немъ только наше существованіе получаетъ высшій смыслъ, и лишь въ немъ осуществляется движущій нами нравственный идеалъ, безконечный по своему содержанію.

Такова общая мысль знаменитаго сочиненія Фихте. Мы считаемъ однако необходимымъ болѣе подробно войти въ процессъ развитія его идей, наложившихъ неизгладимую печать на образъ мышленія его современниковъ и выразившихъ въ себѣ одно изъ глубочайшихъ стремленій эпохи, съ неподражаемою энергіей и поэтическимъ совершенствомъ.

Философія, говоритъ Фихте, исходитъ изъ сомнѣнія. Я окруженъ предметами, которые чувствую потребность познать существующими независимо отъ нашего воспріятія. Но не успѣваю я еще высказать свою мысль о предметѣ въ какой либо данный моментъ, какъ онъ уже улетѣлъ, и все вокругъ меня измѣнилось.

Почему же природа въ данный моментъ облекается въ эти, а не другія формы?—Потому, что ему предшествовали именно такія-то формы, а не иныя, а тѣмъ въ свою очередь другія и т. д. въ безконечность. Природа несется цѣ-

лыми рядами моментовъ, ни на мгновеніе не медля ни на одной изъ этихъ формъ, и смѣна ихъ совершается по неизмѣннымъ законамъ. Все, что ни существуетъ въ природѣ, необходимо должно быть такимъ, каково оно есть, и невозможно быть ему инымъ. Я вступаю въ замкнутую цѣпь явленій, изъ которыхъ каждое опредѣлено неуклонно ему предшествующимъ. Безъ всякаго дальнѣйшаго доказательства я принимаю, что формы предметовъ получаютъ свое бытіе не сами собою, но черезъ что-то, внѣ ихъ лежащее, эти качества предполагаютъ субстратъ—носителя ихъ. Субстратъ не есть вещь, разъ на всегда опредѣленная своими качествами; иначе онъ былъ бы чисто пассивнымъ началомъ: субстратъ есть сила, рождающая свои формы и въ этомъ смыслѣ имъ предшествующая. Вся совокупность вещей есть нѣчто единое; поэтому сила, лежащая въ основѣ вселенной—едина. Но міръ въ то же время представляетъ множественность отдѣльныхъ вещей; слѣдовательно единая сила дробится на многія; каждая вещь есть воплощеніе особой силы. Сила эта опредѣляется частію своей внутренней природной сущностью, частію ея же прежними проявленіями, частію проявленіемъ всѣхъ прочихъ природныхъ силъ, съ которыми она стоитъ въ связи.

А я самъ? Да и я, со всѣмъ тѣмъ, что называю своимъ,—и я—лишь членъ въ этой цѣпи необходимости. Было время, когда и меня не существовало. Не черезъ себя произошелъ и я. Я произведенъ другою силою, внѣ меня лежащею. Какою же силою? И время моего появленія, и свойства, съ которыми я появился на свѣтъ, и всѣ тѣ предметы, подъ вліяніемъ которыхъ проявились эти мнѣ врожденныя свойства и проявятся впередъ, пока существовать буду,—всѣ опредѣлены тою же природною силою. И тѣ мои состоянія, которыя удается мнѣ сознать, и самосозна-

ніе—все, все произведеніе этой природной силы. Все мыслящее возникаетъ и развивается по непреложнымъ законамъ природы. Есть какая-то первобытная мыслящая сила въ природѣ, такъ же, какъ и первобытная сила, все образующая.

Эта мыслящая сила міра развивается во всѣхъ возможныхъ опредѣленіяхъ, къ какимъ только она способна. *Я* не что иное, какъ то, чѣмъ могла стать образующая человѣка сила. Я—только несамостоятельная частица цѣлаго. Эта связь моя съ цѣлымъ всего міра опредѣляетъ все, чѣмъ я былъ, что̀ я есмь и чѣмъ впередъ буду. И хотя я сознаю себя, какъ самостоятельное существо, но это самое сознаніе объясняется изъ другихъ основаній. То, что̀ я называю своимъ *я*, не сама образующая человѣка сила, но лишь одно изъ ея проявленій, и вотъ это-то проявленіе я и сознаю, какъ нѣчто свое собственное. А поэтому я кажусь себѣ свободнымъ въ отдѣльныхъ моихъ дѣйствіяхъ, если эти дѣйствія суть проявленія самостоятельной силы, которая досталась на долю мнѣ, какъ личности; но и ограниченнымъ, когда вижу себя неспособнымъ сдѣлать что либо вслѣдствіе внѣшняго препятствія; наконецъ я являюсь себѣ вынужденнымъ къ чему-нибудь, когда мою личную силу перевѣшиваютъ другія силы, ей противоположныя, и заставляютъ ее проявляться даже вопреки закону, въ нее вложенному. Въ непосредственномъ сознаніи являюсь я себѣ свободнымъ, но по размышленіи о всей природѣ, я нахожу, что свобода немыслима; наша воля должна подчиняться природной силѣ, потому что только ею и можетъ быть объяснена.

Сознаніе не чуждо природѣ; оно имѣетъ полное право гражданства въ ней, и само есть одно изъ неизбѣжныхъ ея проявленій. Природа въ человѣкѣ возвращается къ себѣ

самой, дабы взглянуть на самое себя И бытіе мое и мое знаніе имѣютъ одно основаніе: мою природу. Слѣдовательно все во мнѣ происходящее должно являться въ формѣ сознанія. Я одинъ не изчерпываю всей полноты природныхъ силъ; кромѣ меня есть столько другихъ вещей. Самъ я ограниченъ. Ограниченіе свое я сознаю непосредственно, потому что оно принадлежитъ къ самой моей сущности, да и живу я только благодаря этому ограниченію.

Что же въ такомъ случаѣ наша воля? Она только непосредственное сознаніе внутри насъ дѣйствующей природной силы: хотѣніе—если это стремленіе встрѣчаетъ противодѣйствіе отъ какой либо другой силы, рѣшеніе—если оно побѣждаетъ. Сила побѣждающая побѣждаетъ неизбѣжно: ея перевѣсъ опредѣленъ всею связію вселенной. Существуетъ раскаяніе, и оно есть сознаніе продолжающагося во мнѣ человѣчнаго стремленія и послѣ того, какъ оно потерпѣло пораженіе; это сознаніе связано съ непріятнымъ чувствомъ, что оно побѣждено. Понятіе о винѣ и о вмѣняемости имѣютъ смыслъ лишь для внѣшняго права. Я не могу сдѣлать какого-нибудь употребленія изъ этого сознанія для своихъ дѣйствій, потому что вѣдь дѣйствую не я, но во мнѣ дѣйствуетъ природа; я не могу передѣлать себя вопреки тому, къ чему меня опредѣлила природа, потому что не творю себя, но природа дѣлаетъ меня самого и все, чѣмъ я ни сталъ. Я могу раскаиваться и принимать хорошія намѣренія—хотя строго говоря, я не могу и этого, потому что все во мнѣ происходитъ само собою, если ему суждено произойти — но ни сожалѣніями, ни намѣреніями своими не могу я измѣнить ни іоты въ томъ, чѣмъ я однажды долженъ стать. Я нахожусь подъ властію необходимости. Если она опредѣляетъ мнѣ стать безумцемъ и преступникомъ, то безъ всякаго сомнѣнія я имъ буду, и на-

оборотъ. Это не вина ея, но и не заслуга; равно и не моя вина и не моя заслуга. Она стоитъ подъ своимъ закономъ, а я подчиняюсь ея законамъ. Разъ я сознаю это, я успокоюсь, подчиню этой необходимости мои желанія, потому что мое существованіе ей подвластно.

Зачѣмъ желать? Зачѣмъ же должно разрываться сердце наше отъ того, что̀ такъ всецѣло успокоивается разсудкомъ?

Я хочу самъ быть чѣмъ нибудь, а не другой за меня хочетъ, и никакая нибудь внѣшняя мнѣ сила. Я хочу хотѣть по цѣли свободно поставленной, и эта воля, какъ конечное основаніе, должно дать движеніе и моему тѣлу, и чрезъ него предметамъ окружающаго меня міра—образовать этотъ міръ. Должно же существовать лучшее по нравственнымъ законамъ; я долженъ имѣть способность свободно искать его до тѣхъ поръ, пока не найду, признать его таковымъ, когда найду его,—и ставить въ вину себѣ, если я его не найду. Хотѣть этого лучшаго я долженъ быть въ состояніи, уже по одному тому, что я этого хочу, и обратно: если вмѣсто того я пожелаю чего либо другаго, пусть будетъ это виною моею.

Система вышеизложенная сама объясняетъ и это мое желаніе свободы. Увы! она все объясняетъ, что̀ бы ни приводило противъ нея мое сознаніе. Она отвѣтитъ на жалобы мои: „Говоря о своемъ сердцѣ, о своей любви, своихъ исканіяхъ, ты стоишь на точкѣ зрѣнія непосредственнаго сознанія твоего *я*. Это *я*, ради котораго ты поднимаешь все исканіе, должно быть если не дѣйствіемъ твоей природы, то, по крайней мѣрѣ—ея побужденіемъ; и вполнѣ понятно, какъ необходимо должно было проявиться въ сознаніи это побужденіе къ исканію свободной дѣятельности. Но перенесись изъ этого узкаго кругозора самосознанія на

высшую точку вселенной,—и тебѣ станетъ ясно: то, что̀ ты называешь твоей любовью—не твоя любовь, а чужая: стремленіе первобытной въ тебѣ силы удержать себя. Повѣрь, ты не любишь себя, потому что, собственно говоря, ты и не существуешь.“

Мнѣ самому страшно отъ тѣхъ призраковъ, которые съ такимъ трудомъ я самъ себѣ создалъ. Но вѣдь видимые предметы — лишь созданія моихъ внѣшнихъ чувствъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ я вижу, это *я* чувствую непосредственно. Итакъ непосредственное сознаніе себя самого есть необходимое условіе, чтобъ я могъ познать и другія вещи мнѣ видимыя. Во всякомъ воспріятіи я воспринимаю лишь себя самого и мое собственное состояніе. Я чувствую себя лишь пришедшимъ въ извѣстное состояніе и признаю̀ его за свойство предмета, слѣд. переношу его на самый предметъ, внѣ меня существующій, тогда какъ оно есть лишь видоизмѣненіе меня самого. Я предполагаю предметъ, который будто бы носитъ эти свойства самъ по себѣ.

Какъ же могъ я помощію моего сознанія, которое само непосредственно есть лишь сознаніе себя самого, дойти до того, что я, такъ сказать, отдѣлился отъ себя самого и примѣшалъ къ ощущенію, воспринимаемому мною, мысль о самобытномъ внѣшнемъ предметѣ, котораго воспринять я не могъ?

Я пришелъ въ извѣстное состояніе — это я понимаю. Но эти мои состоянія должны имѣть причину: я чувствую-что не произвожу самъ своихъ состояній, что ихъ причи на гдѣ-то внѣ меня—и спѣшу, безсознательно для себя самого, заключить къ внѣшнему міру; я предполагаю, что онъ своимъ воздѣйствіемъ приводитъ меня въ такое состо-

яніе, и этимъ путемъ я получаю представленіе о внѣшнихъ предметахъ.

Итакъ—всякое мое знаніе есть лишь знаніе о мнѣ самомъ; мое сознаніе никогда не можетъ выйти изъ меня самого, и то, что̀ я считалъ сознаніемъ предмета, есть лишь мое предположеніе предмета, которое я произвожу по внутреннему закону моего мышленія наравнѣ съ самимъ ощущеніемъ.

Что̀ такое я—это я знаю, потому что я существую, а причина, по которой я непосредственно знаю, что вообще я существую,—все я же, потому что я непосредственно знаю это.

Различеніе сознающаго отъ сознаннаго есть лишь продуктъ моего сознанія. Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ себя сознавать, я сознаю себя какъ субъектъ и объектъ, которые однако же непосредственно связаны.

Итакъ сознаніе предмета внѣ меня рѣшительно не что другое, какъ продуктъ моей же способности представленія, такъ что то, что̀ мы называемъ познаніемъ вещей, есть лишь сознаніе меня самого.

Съ такимъ взглядомъ я свободенъ—и на вѣки освобожденъ отъ страха, который унижалъ и мучилъ меня. Не буду же я трепетать передъ необходимостью, которая лежитъ лишь въ моемъ мышленіи; я не буду болѣе бояться быть подавленнымъ окружающимъ, потому что оно мое же произведеніе; не буду болѣе относить къ одному классу и мыслящее и мыслимое, изъ меня самого отрожденное.

Пока я думалъ, что взаправду существуетъ такая система вещей независимо отъ меня, внѣ меня, и что я самъ —членъ въ цѣпи этой системы—до тѣхъ поръ страхъ мой имѣлъ основанія. Теперь же, послѣ того какъ я увидѣлъ, что все это лишь во мнѣ самомъ и чрезъ меня,—не буду

болѣе бояться того, что̀ призналъ своимъ собственнымъ созданіемъ.

Но эта свобода куплена дорогой цѣною. Она возникнетъ лишь тогда, когда я обращу себя въ ничто; въ ничто же обращу и все меня окружающее, отъ котораго я могъ бы зависѣть. Необходимость изчезаетъ, но лишь тогда, когда изчезаетъ все существующее.

Я могъ бы еще примириться съ тѣмъ, чтобы міръ вещественный, внѣ меня существующій, улетучился въ простое представленіе, въ тѣнь, призракъ: съ нимъ не соединена моя личность..... Но вѣдь я самъ изчезаю! Что же такое это духовное мыслящее существо, что̀ оно такое, если не продуктъ моего мышленія, нѣчто вымышленное, которое я, по непостижимому, Богъ вѣсть откуда насланному закону, должень выдумать? Или я сознаю его непосредственно? Но какъ же это возможно? Мнѣ возможно непосредственное сознаніе лишь дѣйствительнаго, опредѣленнаго представленія, мышленія, хотѣнія, какъ извѣстнаго событія, а отнюдь не того существа, которое мыслитъ, представляетъ и хочетъ

То, что̀ я называю моимъ *я*, какъ и все остальное, есть лишь мое представленіе. Оно сопутствуетъ всѣмъ другимъ и связываетъ ихъ въ единство моего сознанія; но мысль о томъ, что мое *я* есть самобытное существо, мысль о его тождествѣ съ собою и личности—такой же вымыселъ, какъ и предположеніе о внѣшнемъ мірѣ.

Въ сущности нѣтъ ничего продолжающагося—ни внѣ меня, ни во мнѣ; есть лишь непрестанное измѣненіе. Я не знаю ни о какомъ бытіи, ни же о моемъ собственномъ. Нѣтъ бытія. Существуютъ лишь образы. И я самъ одинъ изъ этихъ образовъ, даже и не образъ, но лишь смутное отраженіе образовъ. Вся реальность обращается въ чудовищ-

ный сонъ, притомъ сонъ—безъ той жизни, о которой бы снилось; да и безъ того духа, которому бы снилось. Реальность есть сонъ; мышленіе, источникъ всякаго бытія и всякой реальности, которую я себѣ воображаю, и моего бытія, моей силы, моихъ цѣлей— есть сонъ тѣхъ сновъ.

Я ясно вижу, что это такъ. Вижу, но не могу повѣрить.

Все, что̀ возникаетъ черезъ знаніе и изъ него — есть только знаніе. Но мы видѣли, что всякое отдѣльное познаніе есть только образъ, а слѣдовательно и всякая система знаній есть необходимо совокупность простыхъ образовъ, безъ всякой реальности.

Реальность, независимо отъ меня существующій чувственный міръ, рабомъ котораго я такъ страшился быть, изчезли. Система знанія уничтожаетъ заблужденіе, но истины дать она не можетъ, потому что она сама по себѣ безусловно пуста. Напрасно сталъ бы я пытаться создать себѣ реальность чрезъ знаніе. Если у меня нѣтъ другаго органа постигнуть ее, то я никогда не найду ее.

Но я имѣю этотъ органъ.

Не одно же знаніе, но послѣ знанія—дѣятельность есть твое назначеніе: вотъ голосъ, который звучитъ въ моей душѣ, какъ только, хотя на минуту, соберусь съ собою. Не для празднаго разсматриванія себя самого, а для дѣла явился ты. Дѣятельность, одна твоя дѣятельность опредѣляетъ твою цѣну.

Этотъ голосъ выводитъ меня изъ простаго знанія къ тому, что̀ выше, потому что содержитъ въ себѣ всякое знаніе и конечную цѣль его. Онъ возвѣщаетъ мнѣ о томъ, чего я искалъ—независимое бытіе.

Есть во мнѣ стремленіе къ безусловной самостоятельной дѣятельности. Это стремленіе нераздѣльно съ само-

сознаніемъ. Я приписываю себѣ способность начертать идеалъ, осуществить его во внѣшней дѣятельности, силою дѣятельною, которая есть нѣчто совсѣмъ другое, нежели простая способность пониманія. Такія понятія должны быть не копіи чего-либо даннаго, но скорѣе первообразы того, что́ должно быть осуществлено.

Вотъ гдѣ та точка, въ которой сознаніе примыкаетъ къ реальному міру, даже къ міру внѣшнихъ явленій. Реальность я имѣю и постигаю ее: она лежитъ во мнѣ самомъ.

Но это мнѣніе о самостоятельности не есть ли только обманъ моего, ограниченнаго мною самимъ кругозора? На этотъ вопросъ отвѣта нѣтъ, и объ этомъ нельзя знать ничего.

Чувствую ли я что-нибудь? или же только думаю, что чувствую? Все то, что̀ я называю чувствомъ, не поставлено-ли мною самимъ передъ мое сознаніе, благодаря моему объективирующему мышленію? Что̀ можетъ препятствовать умозрѣнію задать этотъ вопросъ—и продолжать спрашивать до безконечности? Знаю я, что на послѣдовательномъ проведеніи и на ясномъ сознаніи этого обстоятельства зиждется то научное зданіе, которое такъ потрясло меня; знаю, что на нихъ основывается все то сомнѣніе. Я не могу желать дѣйствовать потому, что не въ состояніи знать, могу ли я дѣйствовать, и то, что̀ мнѣ кажется моимъ дѣйствіемъ, должно мнѣ явиться лишь обманчивымъ призракомъ. Тогда изчезаетъ всякій интересъ изъ моей жизни, и она сама, какъ и мышленіе, обращается въ простую игру, которая ни отъ чего не исходитъ и ни къ чему не приводитъ.

Но долженъ ли я отказать во вниманіи къ тому внутреннему голосу? Я не хочу поступить такъ. Я хочу добровольно принять это признаніе, котораго требуетъ внутреннее побужденіе, и хочу въ этомъ рѣшеніи постигнуть мысль о его

реальности и о реальности всего того, что̀ оно предполагаетъ. Хочу удержаться на точкѣ зрѣнія естественнаго мышленія, къ которому меня приводитъ это побужденіе, и воздержаться отъ всѣхъ тѣхъ умствованій, которыя могли бы заставить меня усомниться въ его истинности.

Я нашелъ органъ, помощію котораго постигаю эту реальность. То не знаніе: никакое знаніе не можетъ дать себѣ самому основаній и доказательствъ; всякое знаніе предполагаетъ еще высшее знаніе, какъ свое основаніе, и это восхожденіе конца не имѣетъ. То вѣра, добровольное успокоеніе на воззрѣніи, которое представляется намъ естественнымъ, потому что лишь при этомъ воззрѣніи мы можемъ осуществить наше назначеніе; оно только даетъ знанію свое одобреніе, и то, что̀ безъ него могло бы явиться простымъ обманомъ, возвышается до достовѣрнаго убѣжденія. Это не знаніе, но рѣшеніе воли дать ходъ знанію.

Все мое убѣжденіе есть лишь вѣра, и она является изъ нравственнаго настроенія, а не изъ разсудка. Разъ я знаю это,—я уже не пущусь въ препирательства, предвидя, что этимъ ничего не выиграешь; у меня не явится желанія навязать это убѣжденіе, приводя разсудочные доводы; не смущусь, если такая попытка мнѣ и не удастся. Я принялъ мой образъ мыслей прежде всего для себя самого, а не для другихъ. Кто раздѣляетъ мое настроеніе, чистосердечную добрую волю,—тотъ получитъ и мое убѣжденіе: безъ перваго невозможно второе.

Я уже знаю, что каждая истина, высиженная простымъ мышленіемъ и не имѣющая права основываться на вѣрѣ, ложна и добыта путемъ уловки, такъ какъ послѣдовательно проведенное чистое знаніе приводитъ лишь къ убѣжденію, что мы ничего знать не можемъ; я знаю, что̀ такое

знаніе ничего не добудетъ инаго, кромѣ того, что̀ напередъ уже положено имъ, какъ предпосылка. Я вѣдь владѣю теперь пробнымъ камнемъ всякаго убѣжденія. Изъ одной только совѣсти проистекаетъ истина: что̀ противорѣчитъ ей, несомнѣнно ложно, если бы даже я не былъ въ состояніи открыть ложныхъ умозаключеній, помощію которыхъ пришли къ нему.

Что же удерживаетъ человѣка въ тѣхъ естественныхъ воззрѣніяхъ? Конечно, не доводы разума, потому что таковыхъ нѣтъ, а интересъ къ реальности: добраго удерживаетъ интересъ къ осуществленію въ ней добра, человѣка низменнаго, чувственнаго - наслажденіе ею. Отъ этого стремленія никто изъ живущихъ освободиться не можетъ, равно, какъ и отъ вѣры, которую оно влечетъ за собою. Всѣ мы рождаемся въ вѣрѣ: кто слѣпъ—слѣдуетъ слѣпо тайному и необоримому влеченію, кто зрячъ — слѣдуетъ ему сознательно, и вѣритъ, потому что вѣрить хочетъ.

Но я долженъ открыть глаза, долженъ научиться познать себя, я долженъ увидѣть это влеченіе,—вотъ мое назначеніе. Я долженъ самъ создать свой образъ мыслей. Безусловно самостоятельный, я тогда—самъ свое собственное созданіе. Я хотѣлъ быть—и я сталъ: обдуманно избралъ свое воззрѣніе изъ другихъ всевозможныхъ воззрѣній, потому что призналъ его за единственно свойственное моему достоинству и моему назначенію.

Я свободно и сознательно возвратился на ту точку зрѣнія, на которую первоначально меня поставила природа. Я принимаю то, что̀ и она выражаетъ: не потому, что долженъ, но потому что хочу.

Природа, среди которой суждено мнѣ дѣйствовать, не чуждое, безъ вниманія ко мнѣ устроенное существо, въ которое я никогда не могъ бы проникнуть. Она образова-

на моимъ собственнымъ закономъ мышленія, и должна конечно согласоваться съ нимъ; она должна быть мнѣ доступна до самыхъ нѣдръ своихъ. Она всюду не выражаетъ ничего другаго, кромѣ отношенія меня ко мнѣ самому, и какъ я могу надѣяться сознать себя, такъ же я долженъ дать себѣ обѣщаніе ее изслѣдовать.

Голосъ моей совѣсти повелѣваетъ мнѣ въ каждомъ отдѣльномъ положеніи моего существованія, что̀ въ этомъ положеніи мнѣ слѣдуетъ дѣлать и чего избѣгать. Повиноваться этому голосу—вотъ мое единственное назначеніе.

Повелѣніемъ моей совѣсти реальность дѣлается достояніемъ моихъ представленій.

Передо мною—явленія въ пространствѣ, на которыя я переношу понятія о себѣ самомъ: я мыслю ихъ какъ существа мнѣ подобныя. Умозрѣніе научаетъ меня, что эти мнимыя разумныя существа внѣ меня—не что иное, какъ продукты моего собственнаго представленія. Но голосъ моей совѣсти вѣщаетъ: „чѣмъ бы ни были эти существа сами по себѣ, ты долженъ относиться къ нимъ какъ къ существамъ, для себя самихъ существующимъ, свободнымъ, самостоятельнымъ, отъ тебя совершенно независимымъ. Предположи извѣстнымъ, что они совершенно независимо отъ тебя и только чрезъ самихъ себя могутъ поставить себѣ цѣли; уважай ихъ свободу, прими съ любовью ихъ цѣли, подобно твоимъ собственнымъ“.

Такъ долженъ я дѣйствовать.

Передо мною и другія явленія, которыя я считаю предметами бездушными. И они легко уничтожаются разумомъ. Признать ихъ заставляетъ меня и нужда и наслажденіе, которое я отъ нихъ получаю. Не въ силу своего понятія, а вслѣдствіе голода и жажды предметъ обращается въ мою пищу и питіе. Конечно, я буду принужденъ вѣрить въ ре-

альность того, что̀ угрожаетъ самому моему существованію или поддерживаетъ его.

Словомъ, для меня нѣтъ ни одного существа, до котораго бы мнѣ не было никакого дѣла, и которое я созерцалъ бы только ради самого созерцанія; лишь чрезъ отношеніе ко мнѣ существуетъ то, что̀ есть. Но вездѣ возможно лишь одно отношеніе ко мнѣ,—и всѣ другія суть только его видоизмѣненія: мое назначеніе—дѣйствовать нравственно; мой міръ есть объектъ и сфера моихъ обязанностей, и безусловно ничто другое; я не понимаю другаго міра; всѣ способности мои и способности всякаго другаго конечнаго существа не въ состояніи постигнуть инаго міра, кромѣ этого.

На вопросъ: есть ли подлинно такой міръ? я не могу дать никакого другаго основательнаго отвѣта, кромѣ слѣдующаго: въ отношеніи къ различнымъ объектамъ у меня есть опредѣленныя нравственныя обязанности, которыхъ я не могу представить иначе, которыя не могу осуществить иначе, какъ внутри такого міра, какой себѣ представляю.

Итакъ необходимая вѣра въ нашу свободу и въ законъ нашей дѣятельности—вотъ основаніе всего сознанія внѣ насъ существующей реальности. Изъ этой потребности дѣйствія проистекаетъ сознаніе дѣйствительнаго міра,—не наоборотъ.

Каждое дѣйствіе непосредственно связано въ моемъ мышленіи съ будущими послѣдствіями, къ которымъ дѣйствіе относится какъ производящее къ производимому. Но моя дѣятельность не должна зависѣть отъ цѣли, а я просто долженъ дѣйствовать извѣстнымъ образомъ, потому что я долженъ. То, что̀ меня побуждаетъ думать, что я долженъ дѣйствовать такъ, а не иначе, побуждаетъ меня вѣрить, что изъ этого дѣйствія произойдетъ нѣчто, и открываетъ очамъ моимъ перспективу инаго міра, лучшаго, нежели тотъ, который лежитъ передъ моимъ чувственнымъ

взоромъ. Уже при простомъ взглядѣ на существующій міръ, внутри меня является безусловная потребность лучшаго міра. Еслибъ его не было, все было бы однимъ призракомъ; жизнь была бы игрою, не стоющею свѣчъ. Она получаетъ для меня цѣну лишь настолько, насколько разсматривается какъ средство лучшей жизни.

Природа ведетъ борьбу, и часто побѣдоносную, противъ разумной дѣятельности людей. Это не можетъ оставаться такъ. Природа должна постепенно принять такое положеніе, чтобъ можно было вѣрно разсчитывать на ея равномѣрный шагъ, и чтобы ея сила пришла въ опредѣленное отношеніе съ тою властію, которой суждено овладѣть ею.

Но не природа, а сама свобода производитъ большую часть самыхъ разрушительныхъ бурь среди рода человѣческаго. Дикость, страсть, эгоизмъ, недоразумѣнія даже между лучшими изъ людей поглощаютъ силы и разстраиваютъ разумную дѣятельность; и кажется, что всѣ добрыя предположенія изчезаютъ въ пустомъ стремленіи, которое не оставляетъ по себѣ и малѣйшаго слѣда, и все идетъ, дурно-ли, хорошо-ли, единственно въ силу слѣпаго механизма, такъ, какъ могло бы идти и безъ этихъ стремленій, и какъ вѣчно идти будетъ. Что же? такъ и будетъ оно идти вѣчно?—Ни въ какомъ случаѣ, если все человѣческое бытіе не безцѣльная игра, никакого значенія не имѣющая.— Въ томъ-то и заключается назначеніе человѣка, чтобы онъ соединялся съ единымъ организмомъ цѣлаго, во всѣхъ частяхъ сплошь себя знающимъ, и вездѣ одинаково образованнымъ,—и можно вѣрно разсчитывать на то, что эта цѣль будетъ въ свое время достигнута. Пока образованіе, предлежащее каждому періоду времени, не сообщится всему земному шару, (а роду человѣческому свойственно безгра-

ничное единеніе), до тѣхъ поръ каждая нація и каждая часть свѣта должны поджидать на этомъ общемъ пути другъ друга, и въ силу этого приносить въ жертву всечеловѣческому союзу, ради котораго они собственно и существуютъ въ мірѣ, цѣлыя столѣтія кажущагося покоя или попятнаго движенія. Какъ скоро будетъ достигнута эта первая цѣль, тогда уже безъ перерыва, безъ остановокъ, человѣчество возвысится общими силами до такого образованія, о которомъ мы не можемъ составить и понятія.

Съ такой точки зрѣнія мечта Фихте представляетъ существующіе государственные союзы какъ бы сколоченными слѣпымъ случаемъ; злоупотребленія, въ нихъ встрѣчающіяся, имѣютъ нѣкотораго рода прочную форму; господствующія сословія распространяютъ тамъ свои права, а угнетенные въ борьбѣ съ первыми наконецъ придутъ къ тому, что не будетъ среди нихъ мѣста никому, кто не довольствуется равенствомъ со всѣми. Дабы сохранить себя отъ взаимныхъ насилій и отъ новаго гнета, они всѣ установятъ между собою равныя обязательства. Вмѣстѣ съ учрежденіемъ этого единаго идеальнаго государства, съ установленіемъ внутренняго мира—уничтожатся по возможности и внѣшнія войны съ идеальнымъ государствомъ. Противъ же государствъ, не достигшихъ такого совершенства, образуется проповѣдь свободы. Въ идеальномъ государствѣ изчезаетъ всякое покушеніе ко злу, даже болѣе-того самая возможность сознательно рѣшиться на какое либо злое дѣло.

Послѣ того какъ людей не будутъ болѣе раздѣлять никакія эгоистическія цѣли, станетъ невозможна борьба ихъ между собою; имъ ничего не останется, какъ направить соединенныя силы противъ послѣдняго общаго врага,

который еще останется у нихъ, противъ природы. Объединенное одной общей цѣлію возникнетъ тогда тѣло, одушевленное однимъ духомъ и одною и тою же любовью. Всякій ущербъ отдѣльной личности, который уже не можетъ быть болѣе выгоднымъ для кого-нибудь другаго, будетъ ущербомъ цѣлаго, и отзовется столь же болѣзненно на каждомъ членѣ и вызоветъ его на дѣятельность для возмѣщенія ущерба; каждый успѣхъ отдѣльнаго человѣка будетъ успѣхомъ и всего человѣчества.

Такова цѣль нашей земной жизни, которую намъ ставитъ нашъ разумъ, и за успѣхъ которой онъ порукою. Это не такая цѣль, къ которой предстояло бы намъ стремиться, но дѣйствительность которой мы должны были бы отвергать: она должна быть достигнута нѣкогда въ дѣйствительности.

Но что же будетъ дѣлать человѣчество, когда и эта цѣль будетъ достигнута?

Выше того состоянія нѣтъ на землѣ; человѣчество остановилось бы тогда на пути своемъ; самый нравственный законъ въ нашей душѣ сталъ бы излишнимъ; для чего онъ тому существу, которое не предназначено ни для чего высшаго? Дабы признать покорность нравственному закону разумною, нужно, чтобъ она приводила къ какимъ либо послѣдствіямъ и служила къ чему-нибудь. Очевидно, что, при высшемъ состояніи человѣчества, она не можетъ служить цѣлямъ земнаго міра, а слѣдовательно и вообще, ни въ какое время не назначена для одной земли; долженъ существовать надземный міръ, для цѣли котораго и служитъ она.

Еслибъ весь смыслъ нашего существованія въ мірѣ заключался въ осуществленіи земнаго счастія рода человѣческаго, то онъ требовалъ бы только непоколебимаго пра-

вильнаго механизма, которымъ опредѣлялись бы наши внѣшнія дѣйствія. Свобода была бы не только напрасна,—она была бы даже помѣхою, а добрая воля совершенно излишнею. Но я свободенъ, и потому такая связь причинъ и дѣйствій, въ которой свобода совершенно безцѣльна, не можетъ изчерпать всего моего назначенія.

И вотъ вѣчный міръ проясняется передо мною. Первое звено цѣпи слѣдствій, пробѣгающей чрезъ все невидимое царство духовъ, есть не что иное, какъ воля, таящаяся во мракѣ души, невидимо для глазъ смертнаго. Не тогда, когда я вырвусь изъ земнаго міра, получу я доступъ въ міръ надземный; я живу въ немъ и теперь, и еще дѣйствительнѣе, нежели въ мірѣ земномъ; и теперь, уже онъ моя единственная крѣпкая опора; и вѣчная жизнь, которую давно уже я усвоилъ, есть единственное основаніе и моей теперешней земной жизни. Что мы называемъ небомъ, лежитъ не по ту сторону могилы,—оно раскинуто уже здѣсь, въ нашей природѣ, и свѣтъ его возгорается въ каждомъ чистомъ сердцѣ.

Правда, признавая волю, открытую помощію совѣсти, причиною, дѣйствующею въ нравственномъ мірѣ,—я принужденъ относить это Небо къ земной цѣли. Но я слѣдую земной цѣли не ради ея самой, а потому, что моя истинная конечная цѣль—покорность высшему закону; земная цѣль является мнѣ ничѣмъ инымъ, какъ средствомъ къ достиженію той конечной цѣли. Я живу и дѣйствую уже здѣсь, согласно моей сущности, руководимый моей ближайшей цѣлью лишь для инаго міра, и дѣятельность для него—есть единственная, въ которой я уже совершенно увѣренъ. Я дѣйствую для міра чувственнаго лишь въ виду той цѣли и только потому, что я и не могу дѣйствовать для нея иначе, какъ, по крайней мѣрѣ, желая поработать и для цѣли земной.

Дабы настоящая жизнь не была вполнѣ безполезной, она должна по крайней мѣрѣ относиться къ жизни будущей какъ средство къ цѣли. Одна добрая воля можетъ побудить насъ дѣйствовать для иной жизни. Что само собою воля наша должна имѣть послѣдствія—это мы знаемъ уже изъ этой жизни, потому что разумъ не можетъ повелѣть ничего безцѣльнаго; но каковы эти послѣдствія, а тѣмъ болѣе, какъ возможно, что воля можетъ произвести что-нибудь,—объ этомъ мы и думать не можемъ, пока блуждаемъ въ этомъ матеріальномъ мірѣ. Мы убѣждены, что такія послѣдствія существовать должны, и поэтому настоящая жизнь наша, въ виду будущей, есть жизнь въ вѣрѣ.

Теперь настоящая жизнь не является болѣе безполезною и напрасною: для того и только для того, чтобы получить твердое основаніе въ жизни будущей, намъ дарована эта земная жизнь. Настоящій міръ вообще возникъ лишь чрезъ заповѣдь нашего долга, и міръ иной также возникнетъ лишь чрезъ другую такую же заповѣдь; ибо другимъ способомъ не могъ бы произойти міръ для существа разумнаго.

Вѣчная жизнь усвояется лишь пожертвованіемъ чувственнаго и его цѣлей закону высшему. И только отказавшись отъ земнаго, получаемъ мы вѣру въ вѣчное. Для насъ нѣтъ свободы, которая носила бы въ себѣ самой свое основаніе: мы получаемъ ее не иначе, какъ вслѣдствіе стремленія къ тому, что возможно осуществить въ земномъ мірѣ.

Законъ сверхъ-чувственнаго міра имѣетъ отношеніе лишь къ волѣ; слѣдовательно онъ самъ есть воля—воля, которая дѣйствуетъ исключительно какъ воля, сама собою, безъ всякаго орудія, которая собственною силою въ одно время есть и дѣйствіе, и продуктъ его, стремленіе которой есть уже совершеніе, повелѣніе же — исполненіе, въ которомъ

осуществляется требованіе разума: быть безусловно свободнымъ и самодѣятельнымъ.

Природа съ своими законами для этой воли пустое и ничего не значащее слово. Нѣтъ болѣе природы. Есть только воля.

Нити, которыми мой духъ связанъ съ этимъ міромъ, и тайныя движенія которыхъ производятъ въ немъ всякую дѣятельность, отрѣзаны на вѣки—я стою свободный, а со мною и мой собственный міръ стоитъ спокойно и недвижимо. Духъ мой на вѣки недоступенъ заблужденію и сомнѣнію. Есть только одно знаніе, для меня нужное: что̀ долженъ я дѣлать, — и я всегда знаю это безошибочно. Обо всемъ другомъ я ничего не знаю, и знаю, что о томъ ничего не знаю, и крѣпко держусь за это незнаніе и воздерживаюсь думать, предполагать, сомнѣваться въ томъ, о чемъ я ничего не знаю. Никакое событіе въ мірѣ не можетъ потрясти меня ни радостію, ни огорченіемъ; холодный и непотрясаемый взираю я внизъ, ибо знаю, что не могу объяснить ничего; не могу и понять свою связь съ тѣмъ, что̀ одно для меня важно. Все, что̀ ни совершается, принадлежитъ общему плану вѣчнаго міра, и хорошо въ немъ—вотъ все, что я знаю; что̀ въ этомъ планѣ составляетъ пріобрѣтеніе, и что̀ лишь средство для устраненія ущерба, и что̀ поэтому могло бы меня болѣе или менѣе радовать,—я не знаю. Единственно, что̀ для меня можетъ быть важнымъ, это—продленіе разума и нравственности въ царствѣ разумныхъ существъ, и то лишь ради этого продленія. Я ли орудіе къ тому, или кто другой; мое ли дѣло получаетъ при этомъ успѣхъ или встрѣчаетъ препятствіе, или же дѣло кого-нибудь другаго—для меня совершенно безразлично. Я смотрю на себя лишь какъ на орудіе разумной цѣли и уважаю, и люблю себя лишь какъ такую цѣль, по-

тому что вся моя личность въ созерцаніи цѣли уже давно изчезла изъ взоровъ.

Чисто и свято протекаетъ вѣчная жизнь какъ связь воедино соединяющая однихъ духовъ съ другими, непостижимо и въ то же время явно для ока духовнаго. Въ этомъ потокѣ свѣта изливается мысль отъ души къ душѣ. Помощію этой тайны личность находитъ себя самое и понимаетъ и любитъ себя лишь въ другомъ, и каждый духъ развивается лишь въ другихъ духахъ, и нѣтъ болѣе человѣка,—есть лишь человѣчество, нѣтъ отдѣльнаго мышленія и единичной любви, но—лишь мышленіе и любовь въ другихъ и посредствомъ другихъ. Смерть въ природѣ есть рожденіе; не смерть умерщвляетъ, но та болѣе живая жизнь, которая развивается, жизнь, прежде скрытая подъ земною жизнію. Еще менѣе возможно, чтобы природа могла бы уничтожить жизнь, которая не проистекаетъ изъ нея, — природа, которая и существуетъ-то лишь ради меня.

Во всей полнотѣ жизни природа есть только завѣса, за которой для меня закрыта другая жизнь, безконечно совершеннѣйшая. Моя вѣра вступаетъ за эту завѣсу. Она не видитъ ничего опредѣленнаго, но ожидаетъ болѣе того, нежели сколько можетъ постигнуть здѣсь внизу, и можетъ когда либо постигнуть во времени [1]).

Фихте не ошибся въ своемъ желаніи „оставить по себѣ такое начало, которое жило бы въ духѣ и образѣ мыслей современной эпохи". Не говоря о его значеніи для возрожденія Германіи при борьбѣ съ Наполеономъ, (относящейся уже къ концу жизни великаго философа), глубокій слѣдъ оставилъ онъ на нѣмецкой философіи и поэзіи первой половины XIX вѣка. „Это былъ свободный духъ и человѣкъ

---

[1]) См. J. Schmidt. Geschichte der Romantik. II. 172—192.

дѣла, а потому дѣятельность, сама изъ себя текущая, и сама себя уразумѣвающая жизнь была для него кореннымъ началомъ и единственной дѣйствительностью, а природа, дѣйствительный міръ—только средствомъ и матерьяломъ долга и нравственности" [1]). Критицизмъ Канта въ немъ выросъ въ послѣдовательно проведенный субъективный идеализмъ. Но крайнее «правовѣріе Кантовскому категорическому императиву», по выраженію Ю. Шмидта [2]), вызвало потомъ протестъ позабытаго имъ чувства, а изъ „энергіи вѣры" произошелъ культъ любви.

Изъ Фихте истекаетъ, какъ изъ своего источника, и Шеллингъ.

Первыя его произведенія вращались въ кругу идей Фихте такъ свободно и смѣло, какъ будто то были его собственныя мысли. Но потомъ, видя успѣхи естествовѣдѣнія, открытія въ области гальванизма, химіи, геологіи,—онъ былъ охваченъ мыслію Гердера—познавать во всякой твари одинъ изъ звуковъ «міровой гармоніи» и, вопреки дуализму духа и матеріи, фантазія внушила ему положительно утверждать, что природа есть видимый духъ, а духъ—незримая природа. Реальное и идеальное, думалъ онъ, въ сущности тождественны и суть лишь двоякое проявленіе единаго, которое Шеллингъ постигалъ не въ видѣ спокойно замкнутой въ себѣ субстанціи, какъ Спиноза, но, подобно Фихтевскому *я*, какъ самоосуществляющуюся дѣятельность. Одно и то же жизненное начало развертывается во всѣхъ особяхъ и является какъ душа міра органическою связью всѣхъ вещей.... По его ученію, коренныя условія и законы природы должны

---

1) Карьеръ. Искусство и пр. V. 366 (перев. Корша).
2) Geschichte der Romantik v. J. Schmidt. II, 191.

быть вмѣстѣ и законами духа, для того чтобы возможно было вообще познаніе; по схему человѣческаго сознанія, какъ опредѣлилъ ее Фихте, онъ тутъ же непосредственно перенесъ на природу съ тѣмъ, чтобы все, по мелочи и отрывочно дознанное, точнымъ изслѣдованіемъ вызвать чрезъ смѣлую комбинацію какъ цѣлое, прямо изъ первичнаго начала. Сила, ростящая металлы и деревья, достигаетъ наконецъ въ человѣкѣ до самой себя... „То, что̀ мы зовемъ природою", говоритъ онъ, „настоящая поэма, которая замкнута для насъ въ таинственно-чудныя письмена". Трудно себѣ представить тотъ всеобщій энтузіазмъ, который овладѣлъ толпами его учениковъ. Конечно, дѣло не обошлось безъ крайнихъ увлеченій, потому что было такъ легко созидать себѣ природу путемъ остроумныхъ аналогій. Увлеченіе это кое у кого изъ его учениковъ дошло до чудовищныхъ результатовъ: „Въ гранитѣ блестнякъ", говорили они, „есть растительное царство или водородный газъ, фельдшпатъ — животное царство или азотъ, кварцъ—царство ископаемыхъ или кислородъ"... Стеффенсъ видѣлъ въ металлахъ планеты, и въ алмазѣ—дошедшій до самосознанія кварцъ; въ окаменѣлостяхъ — минеральное царство грезитъ о животныхъ и растеніяхъ; настежь отворились двери сомнамбулизму, духовидцамъ, магіи [1])... Тѣмъ не менѣе искаженная основная мысль великаго мыслителя вдохновительно дѣйствовала на умы строгіе.

Шеллингъ формулировалъ сущность романтической поэзіи, указавъ на нераздѣльную совмѣстность сознательнаго и безсознательнаго какъ въ творчествѣ, такъ и въ наслажденіи искусствомъ, и усмотрѣвъ въ изящномъ примиреніе

---

[1]) Карьеръ. Ibid.

обѣихъ противоположностей — безконечное, переданное въ конечномъ. Такъ опредѣлялъ онъ красоту.

Отъ искусства Шеллингъ перешелъ къ религіи. Вмѣстѣ съ Платономъ видитъ онъ въ идеяхъ первообразы вещей, а въ цѣломъ всеединый организмъ. Въ исторіи онъ видитъ постоянное раскрытіе безусловнаго начала, великое зеркало міроваго духа, вѣчную поэму Божественнаго замысла. Въ греческихъ миѳахъ для него лежалъ умственный міръ еще не развернувшейся почкою; христіанство—уже таинство откровенное. Въ Христѣ раскрылось намъ значеніе міра, какъ вѣчнаго самораскрытія Творца. Богъ вѣдаетъ себя въ насъ, какъ мы сознаемъ себя въ немъ.

Въ кругу романтиковъ многократно заходила рѣчь о миѳологіи. Видя, какую крупную выгоду доставляли поэзіи и изобразительному искусству Грековъ миѳы, они задумали создать новую миѳологію, которая символически передавала бы воззрѣнія идеализма и философіи природы, доставляя тѣмъ поэзіи цѣлый міръ идеальныхъ образовъ. Конечно, все дѣло этимъ и ограничилось, но знакомство съ миѳологіей различныхъ народовъ выступило на первый планъ. Индійскія, персидскія религіозныя книги сдѣлались извѣстны ученымъ; Фридрихъ Шлегель обучался въ Парижѣ санскриту; А. Шлегель переводилъ восточныхъ поэтовъ. Шеллингъ всю жизнь трудился надъ философіей миѳологіи.

Къ философамъ романтизма относится также Зольгеръ. „Безконечное развертывается передъ нимъ въ конечномъ, дабы непрестанно въ себя возвращаться, и иронія—вотъ тотъ высшій взглядъ, который паритъ надъ этимъ вѣчнымъ переливомъ бытія въ призрачность и призрачности въ бытіе. Это именно то душевное настроеніе, которое видитъ во всѣхъ вещахъ откровеніе, но вмѣстѣ и скудное осуществленіе идей, и если оно скорбитъ о погибели частнаго, то

за то ликуетъ о торжествѣ божественнаго, которое заявляетъ этимъ свою всемогущую безконечность. [1])"

Была въ этомъ стремленіи и оборотная сторона, которая также состояла изъ существеннѣйшихъ признаковъ романтизма, впавшаго въ обожаніе человѣческаго произвола и чувственности. Объ этой оборотной сторонѣ романтизма такъ говоритъ Карльеръ: „Творчество духа, налагающаго свой законъ на все, создающаго и созерцающаго объективный міръ изъ собственной своей глубины и порождающаго такимъ образомъ естественный, чувственный матерьялъ для нравственной своей дѣятельности,—словомъ преобладаніе производительной силы воображенія, само собою вело къ сліянію философіи съ искусствомъ; но свобода, сама себѣ дающая законы, впала скоро въ своенравный произволъ, который уже не терпитъ никакого надъ собою закона, потѣшается всѣмъ какъ игрушкою и доказываетъ самодержавность свою именно нехотѣніемъ ровно ничего уважать. Это и приводитъ насъ къ боевому слову Фридриха Шлегеля, къ ироніи. . Передъ *я* все—только одинъ кажущійся призракъ, который оно создаетъ и уничтожаетъ по прихоти, такъ что послѣдняя заступаетъ теперь мѣсто серьезности, съ пикантнымъ своевольствомъ проповѣдуетъ культъ наглаго сластолюбія и хочетъ доказать свою высшую натуру, свою аристократическую геніальность тѣмъ, что нравственный долгъ, чувство приличій, стыдливость выдаетъ за принадлежности тѣхъ филистеровъ, которыхъ карканье пренебрежетъ царственный орелъ, а спокойно-гордый лебедь пожалуй и вовсе не услышитъ".

---

[1]) Искусство и пр. V, 376.

XXIII.

Людвигъ Тикъ.—Его характеръ.—Его идеалъ искусства.—Посѣщеніе Жуковскимъ Тика.—Отношеніе Жуковскаго къ нѣмецкимъ романтикамъ.

Типическимъ представителемъ нѣмецкихъ поэтовъ романтической школы является Тикъ.

„Натура субъективная, повидимому богатая и многосторонняя, въ дѣйствительности разбитая и болѣзненная, постоянно повторяющая самое себя въ разнообразнѣйшихъ формахъ, увлекаемая въ разныя стороны мрачными настроеніями, будучи лишена благъ ясной науки, мучимая пресыщеніемъ жизнію, ибо никогда не знала истинной энергіи жизни: вотъ Тикъ“, говоритъ Гоннегеръ въ своей „Исторіи культуры XIX вѣка“ [1]).

„У него, какъ у Жана Поля“, продолжаетъ Гоннегеръ, „видна колоссальная и безпорядочная юношеская начитанность, слишкомъ ранній выходъ на литературное поприще со всякаго рода беллетристическими и артистическими работами. И тотъ, и другой употребляли въ дѣло все нахватанное: они ничего не переработали вполнѣ глубоко. Отсюда воспоминанія всякаго рода: изъ Шекспира, изъ испанцевъ.... Его картины постоянно лишены внутренней правды; жизнь должна быть видимостью, видимость жизнію“.

„Другой духъ Тика есть духъ милый и дружественный большею частью простой, какъ народная книга, или даже заимствованный изъ такой книги; часто умиляющій и трогающій, какъ сладкій дѣтскій сонъ; часто теряющійся въ

---

[1]) Т. I. Спб. 1869. 235.

мелочахъ, часто отсвѣчивающій богатѣйшимъ блескомъ и таинственнымъ очарованіемъ цвѣтущаго міра фей; часто играющій съ духомъ природы. Онъ подсматриваетъ ея сокровеннѣйшую жизнь, подслушиваетъ ея таинственнѣйшіе звуки; но его символика природы произвольна, и въ дѣйствительности у него нѣтъ никакого чутья къ жизни природы. Простота его очень напоминаетъ покрой древнефранкскихъ сказокъ и сагъ, и тамъ, гдѣ она наивно отдается этому тону, — она удачна; гдѣ же она изыскана или нечиста, тамъ она неуклюжа и некрасиво спотыкается на древнихъ формахъ."

„Наконецъ Тикъ въ шутовской курткѣ забавными прыжками гоняется за вдохновеніемъ и юморомъ. Не одно его произведеніе является глупой шуткой, которая забавляется сама собой, своими дѣйствующими лицами и своею публикой...."

„Тику недостаетъ", заключаетъ Гоннегеръ, „глубины и и серіозности духа; его природа рѣдко допускаетъ что-нибудь больше остроумной игры фантазіи; будучи рѣшительно двойственною, она содержитъ въ себѣ рѣзкія реалистическія пріемы, хотя не понимаетъ реальности,— а еще болѣе фразистаго фантастическаго идеализма, хотя не чувствуетъ его истины; онъ постоянно колеблется между тѣмъ и другимъ. Такъ возникаютъ раздвоенныя натуры, которыя въ одно и то же время и привлекаютъ, и отталкиваютъ; энергическія души всегда расположены вооружаться противъ ихъ вліянія, но юношеская фантазія ими подкупается".

Тикъ, котораго въ своемъ дрезденскомъ письмѣ Жуковскій называлъ Штернбальдомъ по имени его романа „Franz Sternbald", въ этомъ произведеніи своемъ выводитъ художника, послѣ долгихъ исканій нашедшаго наконецъ идеалъ искусства, которое здѣсь и толкуется, согласно принципамъ

романтической школы, какъ религіозное освященіе,—пониманіе, внушенное Тику другомъ его юности В. Ваккенродеромъ, который почти отождествляетъ искусство съ религіей. Жуковскій познакомился съ Тикомъ въ ту пору его жизни, когда онъ поселился въ Дрезденѣ и открылъ здѣсь свои знаменитые литературные вечера (1819—1825). Вотъ какъ Жуковскій описываетъ свое знакомство съ нимъ:

„Я хотѣлъ сначала посмотрѣть на него одинъ разъ, какъ достойнаго примѣчанія человѣка, но моя дикость меня останавливала; однако я сладилъ съ нею и пошелъ къ нему. Не скажу, чтобы въ первую минуту онъ сдѣлалъ на меня какое либо впечатлѣніе. Онъ имѣетъ прекрасную наружность; ему около пятидесяти лѣтъ, и въ молодости онъ вѣрно былъ красавецъ; теперь онъ человѣкъ посредственнаго роста, довольно толстый; въ лицѣ нѣтъ ничего разительнаго, но во всѣхъ чертахъ пріятное согласіе; въ глазахъ нѣтъ ни быстроты, ни проницательности, ни блеска, но они выразительны: есть что-то согласное съ тою мечтательностію, которую находимъ въ его сочиненіяхъ, особливо въ „Sternbald's Wanderungen"; видѣнъ человѣкъ, который мыслитъ, но котораго мысли принадлежатъ болѣе его воображенію, нежели существенности. Вотъ поэтическая сторона Тика; а прозаическая та, что онъ страдаетъ безпрестанно ревматизмомъ; ходитъ онъ согнувшись и едва можетъ передвигать ноги. Въ первое мое свиданіе съ нимъ мы немного поспорили: онъ обожатель Шекспира, и можетъ быть никто изъ Англичанъ не понимаетъ Шекспирова духа такъ, какъ онъ. Я признался ему въ грѣхѣ своемъ, сказалъ, что chef-d'oeuvre Шекспира, Гамлетъ, кажется мнѣ чудовищемъ, и что я не понимаю его смысла. На это сказалъ онъ мнѣ много прекраснаго, но, признаться, не убѣдилъ меня. Тѣ, которые находятъ такъ много въ Гамлетѣ,

доказываютъ тѣмъ болѣе собственное богатство мыслей и воображенія, нежели превосходство Гамлета. Я не могу повѣрить, чтобы Шекспиръ, сочиняя свою трагедію, думалъ все то, что̀ Тикъ и Шлегель думали, читая ее: они видятъ въ ней и въ ея разительныхъ странностяхъ всю жизнь человѣческую съ ея непонятными загадками. Но въ томъ-то и привиллегія истиннаго генія, сказалъ мнѣ Тикъ, что, не мысля и не назначая себѣ дороги, по одному естественному стремленію вдругъ доходитъ онъ до того, что̀ другіе открываютъ глубокимъ размышленіемъ, идя по его слѣдамъ; чувство, которому онъ повинуется, есть темное, но вѣрное; онъ вдругъ взлетаетъ на высоту и, стоя на этой высотѣ, служитъ для другихъ свѣтлымъ маякомъ, которымъ они руководствуются на невѣрной своей дорогѣ. Это прекрасно и справедливо! Тикъ переводитъ Шекспира, т. е. однѣ только тѣ пьесы, которыя не переведены еще Шлегелемъ. Сверхъ того, онъ намѣренъ еще выдать критическій и философскій разборъ его трагедій и комедій, но вѣроятно выдастъ не скоро, потому что чрезвычайно лѣнивъ, и мнѣ было пріятно найти въ немъ это похвальное сходство со мною. Тикъ—нѣмецкій Плещеевъ; онъ съ большимъ совершенствомъ читаетъ драматическія стихотворенія, а особливо комедіи. Я просилъ его, чтобы онъ прочиталъ мнѣ Гамлета, и чтобы, послѣ чтенія, сообщилъ мнѣ подробно свои мысли объ этомъ чудесномъ уродѣ. Онъ далъ мнѣ слово, и я, кончивъ свое путешествіе по Саксонской Швейцаріи, явился къ нему. Въ первое мое посѣщеніе нашелъ я его одного, съ какою-то пожилою женщиною, которую принялъ за его жену, потому что она хозяйничала и меня угощала. Но это была не жена его, а какая-то графиня Финкенштейнъ, которая живетъ съ его семействомъ. Жена же его и дочери путешествовали по Са-

ксонской Швейцаріи. Во второй разъ нашелъ я ихъ всѣхъ въ сборѣ: жена его, кажется, женщина простаго и здраваго ума; обѣ дочери милы, особливо старшая, которая, не будучи красавицею, имѣетъ много пріятнаго: милое, доброе дитя, съ образованностью и женскою скромностью. Это семейство мнѣ понравилось. Они всѣ приняли меня съ сердечнымъ доброжелательствомъ, и во всѣ минуты, которыя послѣ я провелъ съ ними вмѣстѣ, былъ я у нихъ какъ дома, какъ съ давнишними знакомцами. И въ Тикѣ нашелъ я то, чего единственно желаю найти въ людяхъ, извѣстныхъ мнѣ по своему генію: любезное, искреннее добродушіе. Онъ не могъ читать мнѣ Гамлета; пьеса слишкомъ длинна, а онъ былъ боленъ. Онъ прочиталъ Макбета: большое искусство! Особенно понравились мнѣ мѣста ужасныя: сцена вѣдьмъ, монологъ Макбета передъ убійствомъ, ужасное описаніе убійства, сцена, въ которой является жена Макбетова сонная. Онъ такъ же, какъ и Плещеевъ, читаетъ, не называя говорящихъ: и по голосу, и по выраженію, и по лицу его можно легко узнавать всѣхъ; только въ выраженіи чувства онъ уступаетъ нашему и вообще лицомъ своимъ не такъ владѣетъ, какъ нашъ смуглый декламаторъ. Онъ еще читалъ мнѣ Шекспирову комедію: Was Ihr wollt, и въ комическомъ онъ еще лучше, нежели въ трагическомъ. Но Плещеевъ кажется мнѣ забавнѣе, можетъ быть, и потому, что комическое Французовъ мнѣ больше знакомо, нежели Шекспирово. Французы прекрасно изображаютъ странное, смѣшатъ противоположностями, остротою или забавностію выраженій; Шекспиръ смѣшитъ рѣзкимъ изображеніемъ характеровъ, но въ шуткахъ его нѣтъ тонкости, по большей части одна игра словъ; онѣ часто грубы и часто оскорбляютъ вкусъ; сверхъ того Тикъ, какъ мнѣ кажется,

дошелъ до смѣшнаго искусствомъ: его характеръ болѣе важный, нежели веселый...“

Невольно обращаетъ на себя вниманіе то спокойствіе, съ которымъ Жуковскій описываетъ свое свиданіе съ знаменитымъ главою романтической школы.

Съ перваго же свиданія онъ вступаетъ съ нимъ въ споръ— и остается при своемъ мнѣніи о предметѣ спора—Гамлетѣ. Знаменитое Тиково искусство чтенія не вполнѣ удовлетворяетъ его, и онъ предпочитаетъ въ этомъ отношеніи Тику своего Черпскаго сосѣда Плещеева. Даже въ чтеніи вещей комическихъ, вообще болѣе поправившемся ему, онъ почувствовалъ искусственность. Жуковскій видѣлъ Тика уже пораженнаго болѣзнію и преждевременной старостью, слѣдами его неумѣренной жизни. Никогда не обладавшій той свѣжестью чувства, которая одна могла зажигать Жуковскаго, онъ теперь вызвалъ съ его стороны похвалу лишь за „любезность и добродушіе“.

Да и трудно было найти бо́льшую противоположность, нежели та, какую представляли этотъ старый нигилистъ и вѣчно юный поэтъ нашъ, хотя лишь девять лѣтъ раздѣляли возрасты обоихъ собесѣдниковъ.

Этотъ едва двигающій ногами ревматикъ, исполненный холодной ироніей надъ всѣми, и въ томъ числѣ и надъ самимъ собою, убѣжденный лишь въ томъ, что жизнь не болѣе, какъ игра, лишенный всякой энергіи совѣсти, вѣры и довѣрія къ себѣ, авторъ фантастическихъ произведеній, въ сущности лишенный всего мечтательнаго, человѣкъ, сердце котораго, по словамъ Гайма „оспаривали разнообразнѣйшіе духи“, этотъ бѣсъ, знаменитый своимъ сценическимъ талантомъ, прикрывшись маскою любезности и искренняго добродушія, конечно, поглядывалъ на Жуковскаго мысленно приравнивая его къ тѣмъ „гармонически-плоскимъ“

писателямъ, которыхъ такъ любилъ щелкать въ своихъ произведеніяхъ.

Рѣзкую противоположность представлялъ Жуковскій съ личностями этой романтической школы, возросшей на почвѣ Германіи. Вопреки Фр. Шлегелю, полагавшему начало поэзіи въ первобытномъ хаосѣ человѣческой природы на счетъ требованій разума, Жуковскій началомъ поэзіи почиталъ человѣческое самоусовершенствованіе; вопреки Тику, заступнику и здраваго смысла, и бездушныхъ грезъ, подъ часъ исполненныхъ грязи и цинизма, онъ явился благоговѣйнымъ жрецомъ фантазіи тихой и цѣломудренной; вопреки гримасамъ Брентано, издѣвавшагося надъ задушевнымъ чувствомъ собственнаго сердца; и распущенности Арнима—Жуковскій со всею искренностію и наивною чистотою лелѣялъ порывы мечтательнаго чувства и выражалъ ихъ въ формѣ, по обработкѣ своей, напоминавшей законченность писателей классическаго періода литературы; вопреки диссонансамъ Гофмана—пропѣлъ онъ простую мелодію своихъ пѣсенъ, порою производящихъ впечатлѣніе унисона; звону колокольчиковъ Новалиса — противопоставилъ онъ нѣжные звуки арфы; вопреки Клейсту, скорбѣвшему бѣдствіями отечества, мученику сомнѣній, окончившему самоубійствомъ—онъ далекъ былъ отъ всякаго скептицизма и ревниво охранялъ нравственное равновѣсіе, находя разрѣшеніе всякому скорбному чувству въ крайней покорности высшему закону необходимости; вопреки Уланду, этому истому пѣвцу народности, достойному имени германскаго Гомера, — Жуковскій, послѣ слабыхъ попытокъ воспроизвести національныя черты народа, долженъ былъ уступить это дѣло ученику своему—Пушкину.

XXIV.

Жуковскій и Шиллеръ.—„Орлеанская дѣва“.—„Шильонскій узникъ“. „Замокъ Смальгольмъ“.—„Цеиксъ и Гальціона“.—„Разрушеніе Трои“.

Но и національному генію Германіи, едва достигшему порога новаго вѣка, по его собственнымъ словамъ „дѣятельно завершившему столѣтіе“ и тѣмъ не менѣе вдохновившему свое отечество на будущій подвигъ вѣка новаго,—Жуковскій представляетъ не мало противоположнаго. Кипучая натура Шиллера, уже на школьной скамьѣ начавшаго свое поприще дикимъ протестомъ противъ закона и общественныхъ условій, и окончившаго зрѣлымъ поэтическимъ завѣщаніемъ сбросить гнетъ иноземнаго ига въ своемъ „Вильгельмѣ Теллѣ“,—не могла найти полнаго отзвука въ мирной душѣ Жуковскаго.

Но одно драматическое произведеніе Шиллера захватило всецѣло чувства нашего поэта. Еще до поѣздки за границу онъ перевелъ изъ „Орлеанской дѣвы“ небольшіе отрывки, а теперь, увидѣвъ ее въ сценическомъ исполненіи на Берлинскомъ театрѣ (гдѣ она шла уже съ 1802 года), принялся за переводъ ея цѣликомъ. Переводъ былъ сдѣланъ близкій къ подлиннику [1]). Жуковскаго привлекла эта дра-

[1]) Незначительныя отступленія указаны Зейдлицемъ (W. A. Joukoffky, 1870, стр. 116), а именно: „Лишь въ двухъ мѣстахъ, кажется съ намѣреніемъ, Жуковскій хотѣлъ смягчить рѣзкій образъ королевы Изабеллы, опустивъ ея фривольныя выраженія о мужественной красотѣ Ліонеля и о своей страстно-горячей крови (Д. II, явл. 2), а также въ сценѣ въ башнѣ (II, 2) обрываетъ разсказъ смотрителя прежде, нежели королева доходитъ до того, что замахивается кинжаломъ на связанную Іоанну (V, 11)“. Небольшіе пропуски обозначены въ новомъ (1878 года) изданіи сочиненій Жуковскаго и возстановлены въ выноскахъ по

матическая поэма религіознымъ характеромъ изображеннаго въ ней патріотическаго подвига, мистическій характеръ дѣйствія, идея святости цѣломудрія и беззавѣтной вѣры въ велѣнія инаго міра, отождествленіе героическаго вдохновенія съ откровеніемъ, которое онъ признавалъ не въ одномъ вдохновеніи художественномъ.

Переводъ этой драмы, отрывки изъ которой были имъ переведены еще два года назадъ и отпечатаны въ изданіи „Для немногихъ", онъ продолжалъ во время путешествія по Германіи и окончилъ до возвращенія въ Россію.

Еще слабѣе связь Жуковскаго съ Байрономъ. Міровоззрѣніе этого поэта было еще далѣе отъ идеала Жуковскаго. „Въ немъ есть что-то ужасающее", писалъ Жуковскій [1]),

---

переводу Мея. Изъ неуказанныхъ тамъ отступленій, весьма незначительныхъ, слѣдуетъ упомянуть лишь измѣненіе именъ двухъ сестеръ Іоанны Margot и Claude Marie на Алину и Арманъ; небольшой пропускъ въ рѣчи Іоанны къ Архіепископу (Д. I, 10), а именно, въ словахъ: „Чистой дѣвѣ доступно все великое земли, когда земной любви она не знаетъ":

„Какъ ты, была я цѣломудренною дѣвой.
Родился у меня Божественный младенецъ—
И стала съ этихъ поръ я дѣвою святою".

Въ 9 явл. II дѣйствія слова:

„Мы защищать пророчицу клялися:
Намъ прежде грудь пронзить твой долженъ мечъ"

ошибочно приписаны Дюнуа вмѣсто Лагира, и нѣсколько ниже короткое „Прочь" замѣняетъ слѣдующіе слова герцога:

Ты за любовника дрожишь!
Въ твоихъ глазахъ онъ долженъ... Прочь!...

А также въ 3 явл. IV акта слѣдуетъ переставить слова Лагира: „Вотъ знамя; поспѣшимъ; король, солдаты и весь народъ зовутъ тебя, Іоанна" нѣсколько выше, послѣ его словъ:

Тебѣ одной принадлежитъ
Вся честь сего торжественнаго дня.

[1]) Письмо 1833 г. къ Козлову (VI, 472).

„стѣсняющее душу; онъ не принадлежитъ къ поэтамъ—утѣшителямъ жизни. Что̀ такое истинная поэзія? Откровеніе Божественное произошло отъ Бога человѣку и облагородило здѣшній свѣтъ, прибавивъ къ нему вѣчность; откровеніе поэзіи происходитъ въ самомъ человѣкѣ и облагораживаетъ здѣшнюю жизнь въ здѣшнихъ ея предѣлахъ. Поэзія Байронова не выдержитъ этой повѣрки".

Изъ поэмъ знаменитаго британскаго поэта онъ избралъ только „Шильонскаго узника". Выборъ этотъ отчасти былъ вызванъ дальнѣйшими путевыми впечатлѣніями нашего поэта въ Швейцаріи.

Изъ Дрездена Жуковскій приглашалъ было съ собою ѣхать Фридриха, но тотъ отказался. Отказъ этотъ понравился Жуковскому, такъ какъ согласовался съ его собственнымъ взглядомъ на вещи. „Мнѣ надобно быть совершенно одному", сказалъ ему Фридрихъ, „и знать, что я одинъ, чтобы видѣть и чувствовать природу вполнѣ. Ничто не должно быть между ею и мною; я долженъ отдаться тому, что меня окружаетъ, долженъ слиться съ моими облаками, утесами, чтобы быть тѣмъ, что я есмь! Бывши съ вами, я не буду годиться ни для себя, ни для васъ".

Въ Швейцаріи между прочимъ Жуковскій посѣтилъ знаменитый Шильонскій замокъ. Сѣвъ въ лодку въ Веве, съ „Шильонскимъ узникомъ" Байрона въ рукахъ, онъ осмотрѣлъ этотъ замокъ, въ которомъ въ 1530 — 1537 годахъ былъ заключенъ женевскій гражданинъ Бониваръ, мученикъ за вѣру и отечество. Зàмокъ этотъ находится на озерѣ Леманѣ. Окруженный со всѣхъ сторонъ глубокими водами озера, онъ имѣетъ видъ утеса; стѣны замка служатъ продолженіемъ гранитной скалы, выдающейся изъ водъ озера; въ ней выдолблена темница замка. Жуковскій осматривалъ мѣсто заключенія Бонивара и видѣлъ то кольцо, къ кото-

рому была прикрѣплена цѣпь его, и на полу—впадину, вытоптанную ногами узника.

Поэма Байрона была переведена Жуковскимъ подъ живымъ впечатлѣніемъ этого посѣщенія.

Нашъ лирикъ при переводѣ и этого произведенія не столько заботился объ ознакомленіи русской публики съ иностраннымъ поэтомъ, сколько помощію его изображенія передавалъ любезное себѣ представленіе страдальца Шильонской легенды. Его привлекла личность трехъ братьевъ, страдальцевъ за вѣру.

Изъ нихъ младшій даже и въ оригиналѣ представляетъ личность, весьма родственную душѣ Жуковскаго: кроткій, терпѣливый, нѣжный юноша съ голубыми глазами, безропотно переносящій свое заключеніе и скрывающій собственныя страданія даже въ минуту смерти,—онъ выведенъ у Байрона, какъ контрастъ, для того, чтобы оттѣнить другаго страдальца—брата средняго—неукротимаго горца, ожесточеннаго неволей, который, отказавшись отъ пищи, погибаетъ первымъ. Въ лицѣ старшаго брата, отъ котораго и ведется весь разсказъ, Байронъ представилъ конкретный образъ губительнаго дѣйствія заключенія на физическую и нравственную природу человѣка, когда, по выраженію В. Скотта, «жертва становится наконецъ частію самой тюрьмы и отождествляется съ своими цѣпями". Въ этомъ героѣ поэмы Жуковскій встрѣтилъ не одного изъ тѣхъ гордыхъ и недоступныхъ слезамъ, добровольныхъ изгнанниковъ изъ общества, которыхъ такъ любилъ изображать авторъ „Каина". Бониваръ въ изображеніи Байрона не ропщетъ на враговъ своей семьи; онъ весь поглощенъ любовью къ несчастнымъ братьямъ (черта, усиленная Жуковскимъ чрезъ прибавленіе въ строфѣ IV-й стиха

Я жребій собственный забылъ)

и послѣ ихъ смерти мыслями о нихъ.

При этомъ тѣ двѣ-три черты, которыя можно назвать истинно-байроновскими, у Жуковскаго, разумѣется, опущены. Такъ, говоря о гибели всей семьи (стр. I) герой Байрона прибавляетъ о жертвахъ: „Гордые силою“ (воздвигнутаго на нихъ) преслѣдованія, или въ другомъ варіантѣ: „посмѣваясь мщенію, цѣпямъ и злобѣ“. Характеризуя младшаго брата, оплакивавшаго только чужое горе, Жуковскій опускаетъ слова: „видъ котораго возмущалъ его“.

Стихами:

Увы! онъ гасъ,
Какъ радуга, плѣняя насъ,
Прекрасно гаснетъ въ небесахъ—

Жуковскій передаетъ слѣдующія стихи Байрона: „Дотолѣ цвѣтъ его ланитъ былъ насмѣшкой надъ могилой; его краски изчезали исподволь, какъ изчезающіе лучи радуги (стр. VIII).

Въ строфѣ XIV, послѣ упоминанія о друзьяхъ его заключенія — паукѣ и мыши—плѣнникъ Байрона прибавляетъ: „Почему долженъ былъ я чувствовать (привязанность къ тюрьмѣ) менѣе ихъ? Мы всѣ были товарищами одного мѣста. И я—монархъ каждой изъ этихъ тварей—имѣлъ власть убивать... но, странно! мы научились жить въ мирѣ“.

Вполнѣ понятно, почему, въ своихъ цѣляхъ, Жуковскій опустилъ и два послѣдніе стиха стр. VIII: „Я чувствовалъ только, что самъ все еще живу,—бѣшеное чувство, когда мы знаемъ, что то, что̀ мы любимъ, уже болѣе никогда тѣмъ не будетъ».

Жуковскій не могъ понять: какъ можетъ разъ бывшее любимымъ стать инымъ для любящаго?

Онъ не оставилъ этого безъ вниманія и, характеризуя (въ стр. IX) состояніе плѣнника по смерти обоихъ брать-

свъ, лишеннымъ «звѣздъ, земли, времени... добра и зла»... въ это перечисленіе лишеній вноситъ небо и Промыселъ:

Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ Промысла, безъ благъ и бѣдъ...

и влагаетъ въ уста несчастнаго восклицаніе:

То страшный міръ какой-то былъ!

Нельзя не замѣтить также, что, быть можетъ, безъ воли переводчика, изчезли всѣ тѣ мѣста, гдѣ плѣнникъ въ своемъ разсказѣ упоминаетъ о собственныхъ личныхъ страданіяхъ. Такъ, въ строфѣ V, описывая страданія средняго брата, узникъ Байрона говоритъ и о своихъ: „Я чувствовалъ, что̀ въ заботѣ постигало и меня, но я заставлялъ себя быть поддержкой этихъ остатковъ семьи". Узникъ Жуковскаго „чувствовалъ только, какъ погибалъ, какъ медленно въ печали гасъ его братъ"...

За этими исключеніями, поэма переведена вообще близко къ подлиннику. Картины переданы въ большинствѣ случаевъ вѣрно. Но нельзя не отмѣтить двухъ мѣстъ, сгладившихъ колоритъ оригинала:

Въ IV строфѣ слова:

Онъ былъ мнѣ все, и увядать
При мнѣ былъ долженъ милый цвѣтъ,

(въ оригиналѣ: видѣть такую птичку, въ такомъ гнѣздѣ)

Прекрасный, какъ тотъ дневный свѣтъ,
Который съ неба мнѣ свѣтилъ,
Въ которомъ я на волѣ жилъ.
Какъ утро, былъ онъ чистъ и живъ:
Умомъ младенчески игривъ,
Безпечно веселъ самъ съ собой—

соотвѣтствуютъ яркой, но неожиданной въ устахъ альпійскаго горца, картинѣ подлинника, гдѣ изображенъ сѣверный полюсъ съ блескомъ безсоннаго лѣта и съ смѣняющимъ его снѣговымъ покровомъ зимы: „такъ былъ младшій братъ чистъ и блестящъ и веселъ отъ природы“.

Если Жуковскій этимъ отступленіемъ отъ подлинника возстановилъ согласіе представленій, нарушенное Байраномъ, то не воспользовался въ стр. V метафорой, вызванной представленіемъ опасности, грозившей „гонителю вепрей (въ ориг.: оленей) и волковъ“, замѣнивъ стихъ: „для него замокъ былъ пропастью“ стихомъ:

И гробъ тюрьма ему была.

Измѣнена нѣсколько и картина, представлявшаяся плѣннику, когда онъ смотритъ изъ окна тюрьмы на окрестности: „Далекій городъ, обнесенный бѣлой стѣною“ онъ дополняетъ видомъ сельскихъ хижинъ. Изъ живыхъ существъ, оживлявшихъ эту картину, нашъ поэтъ не удовольствовался рыбами, весело приплывавшими къ стѣнѣ тюрьмы, какъ то читаемъ въ оригиналѣ, а замѣнилъ ихъ присутствіемъ людей:

И видѣлъ я: къ моей стѣнѣ
Челнокъ съ пловцами приставалъ;
Гостилъ у брега, отплывалъ
И при свободномъ вѣтеркѣ,
Летя, скрывался вдалекѣ.

Въ числѣ предметовъ, представившихся взорамъ плѣнника, Жуковскій упоминаетъ „близкія къ нимъ (горамъ) небеса“, о которыхъ Байронъ забываетъ, а также и „отраженіе облаковъ въ водахъ Роны“.

Такія же прибавленія собственныхъ картинъ мы замѣчаемъ еще въ слѣдующихъ мѣстахъ поэмы. Смерть средняго брата изображена полнѣе, нежели въ оригиналѣ.

Тамъ: „Онъ умеръ. Я видѣлъ и не могъ поддержать его головы, не могъ коснуться руки его ни въ минуту смерти, ни послѣ нея“.

У Жуковскаго:

Я близко былъ и былъ далекъ;
Я слышать могъ, какъ онъ дышалъ,

Какъ онъ дышать переставалъ,
Какъ вздрагивалъ въ цѣпяхъ своихъ,
И какъ ужасно вдругъ затихъ
Во глубинѣ тюремной мглы.

Равно самостоятельно воспроизведена картина трупа младшаго брата, которая представилась ему, когда онъ оторвалъ цѣпь свою:

Онъ на столбѣ — самъ вешній цвѣтъ,
Убитый гладомъ — предо мной
Висѣлъ съ поникшей головой.
Я руку тихую поднялъ:
Я чувствовалъ, какъ изчезалъ
Въ ней слѣдъ послѣдній теплоты...

Живѣе изображена и птичка, показавшаяся въ свѣтломъ окнѣ темницы. Эпитеты Байрона: „птичка съ лазоревыми крылами“, „привычная и довольная, какъ у себя на деревѣ“, распространены въ стихахъ:

Онъ (пѣвецъ) трепеталъ, онъ шевелилъ
Своимъ лазоревымъ крыломъ;
Онъ озаренъ былъ яснымъ днемъ....

Ближе къ подлиннику переводъ баллады В. Скотта: „Замокъ Смальгольмъ“, или, какъ она и была озаглавлена сначала согласно съ подлинникомъ, „Ивановъ вечеръ“ (The eve of St. John). Сначала она не была пропущена цензурою. Жуковскій обратился съ жалобой къ Министру Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія Кн. А. Н. Голицыну. Только черезъ два года, благодаря двумъ горячимъ

письмамъ Жуковскаго [1]) министру, она была наконецъ напечатана въ „Соревнователѣ Просвѣщенія“ (1824 г. № 2) [2]).

Пріѣхавъ въ Берлинъ на возвратномъ пути изъ Швейцаріи, Жуковскій получилъ дозволеніе остаться тамъ до января 1822 года. Окончивъ въ Берлинѣ же „Орлеанскую дѣву“, онъ возвратился въ С.-Петербургъ.

Интересъ къ античному міру, затронутый въ поэтѣ нашемъ, какъ мы видѣли выше, его историческими и историколитературными занятіями, былъ поддержанъ вліяніемъ Гнѣдича.

Къ 1822 году относится сближеніе нашего поэта съ этимъ писателемъ. Онъ завѣдывалъ печатаніемъ „Шильонскаго узника“ въ этомъ году. Къ тому же времени относится извѣстная шуточная записка къ Гнѣдичу, въ которой нельзя не узнать предвѣстника будущей неподражаемой „Войны мышей и лягушекъ“.

Сладостно было-бъ принять мнѣ табакъ твой, о выспренній Гнѣдичъ!
Буду усердно, пріявши перстами, преддверіемъ жаднаго носа
Прахъ сей носить благовонный, и, сладко чихая, сморкаться;
Будетъ платкамъ отъ того помаранье, а носу великая слава! и т. д.

---

[1]) См. Жук. VI.

[2]) Въ томъ же году она явилась въ „Новостяхъ литературы“ Воейкова (кн. 7) подъ третьимъ заглавіемъ: „Дункановъ вечеръ“. Имя „Иванъ“ здѣсь замѣнено именемъ „Дунканъ“. Варіантъ указанъ въ Соч. А. В. Жуковскаго 1878, II, стр. 501. Незначительныя измѣненія сдѣланныя цензурою при печатаніи, въ такомъ родѣ:

И она помолясь и крестомъ оградясь,	Содрогнулась она, и смятенья полна
Вопросила: „Но что же съ тобой“?	Вопросила: „Но что же съ тобой“?

И для римскихъ поэтовъ не сдѣлалъ исключенія Жуковскій, внося въ ихъ пониманіе свое личное вдохновеніе, тѣмъ болѣе, что знакомился съ ними по переводамъ. Плодомъ такого чтенія Овидія и Виргилія явились „Цеиксъ и Гальціона“ [1]) изъ Метаморфозъ перваго, и „Разрушеніе Трои“ изъ Энеиды втораго.

Изъ всѣхъ переводовъ съ классическихъ языковъ „Цеиксъ и Гальціона“ (Ov. Metamorph. Lib. XI. 410—748) — несомнѣнно лучшій. Этотъ поэтъ ближе другихъ подходитъ къ лироэпическому складу, такъ родственному таланту Жуковскаго. Вотъ почему, не смотря на немногія подновленія въ краскахъ римскаго элегическаго поэта, общій характеръ близокъ къ оригиналу. Подновленія оказываются въ выборѣ нѣкоторыхъ синонимовъ для выраженія представленій и въ немногихъ добавочныхъ словахъ, внесенныхъ переводчикомъ отъ себя, что̀ и лишаетъ тонъ того чувства, мѣры, который отличаетъ римскаго поэта [2]). Этотъ пере

---

[1]) Явилось впервые въ „Сынѣ Отечества“ 1821 (№ 9). Въ этомъ журналѣ время отъ времени помѣщались переводы изъ древнихъ классиковъ. Такъ, еще въ 1815—1820 годахъ, встрѣчаемъ отрывки изъ Иліады Гнѣдича (изъ XI пѣсни), который еще съ 1813 года, убѣжденный гр. С. С. Уваровымъ, избралъ для труда своего гекзаметръ.

[2]) „Страшныя видѣнія“, побудившія Цеикса испытать прорицанія Клаpійскаго бога, у переводчика — „видѣнія тайныя, чудесныя“ (ст. 411); въ сценѣ прощанія съ мужемъ Гальціона не просто „обняла“ его (amplexus dedit, 459), но и „нѣжно прижалась къ супругу“; вмѣсто „несчастная печальными устами молвила: прости!“ (tristique miserrima ore vale dixit, 459, 460)—„томно шепнула: прости!“ Когда мужъ отплылъ, „безмолвно въ чертогъ опустѣлый тихо пошла Гальціона и пала на одръ одинокій“ вмѣсто: „робко ищетъ она опустѣлое ложе и ложится на постель“. Среди опасностей бури Цеиксъ скорбитъ о милой своей Гальціонѣ (Halcyone Ceyca movet, 544), „разъ хотѣлъ бы лицомъ обратиться къ милому дому“ (inque domus domum supremos vertere vultus, 547); утопая, онъ зоветъ свою Гальціону; съ нею мысли и сердце; жаль ея, а не жизни (sed plurima nantis

водъ остается однимъ изъ лучшихъ и вдохновенныхъ произведеній русской литературы. Ужъ очень пришлась Жуковскому по сердцу задушевность этого талантливѣйшаго изъ римскихъ поэтовъ.

Значительно ниже переводъ 2-й пѣсни „Энеиды", читанный имъ въ публичномъ собраніи Россійской Академіи 14-го января 1823-го года, одновременно съ чтеніемъ Карамзинымъ отрывка изъ исторіи объ убіеніи царевича Димитрія, и Гнѣдичемъ—отрывка изъ Иліады [1]).

XXV.

Жизнь въ С.-Петербургѣ.—Стихотворенія, вызванныя личностію В. К. Александры Ѳеодоровны. — Послѣднее свиданіе съ Марьей Андреевной.—Ея кончина.

По возвращеніи въ Петербургъ, Жуковскій жилъ съ Воейковыми на Невскомъ, у Аничкова моста, (Воейковъ еще въ 1820 г. какъ мы видѣли, долженъ былъ оставить службу въ Дерптскомъ университетѣ), а лѣто проводилъ въ Царскомъ селѣ съ Екатериной Аѳанасьевной, пріѣ-

in ore Halcyone conjux. Illum meminitque refertque, 563); молитъ онъ волны тѣло его до очей Гальціоны милыхъ донесть" (Illius ante oculos ut agant sua corpora fluctus, optat, 564, 565); въ обращеніи Ириды ко сну, онъ названъ „божествомъ благодати" (placidissime, Somnum, deorum, 623).

Вліяніе напыщеннаго слога Гнѣдича, отъ котораго въ переводныхъ эпическихъ произведеніяхъ древнѣйшихъ поэтовъ Жуковскій не могъ вполнѣ освободиться даже и въ переводѣ Одиссеи, замѣтно менѣе всего въ этомъ отрывкѣ изъ Овидія Сюда можно отнести развѣ только два-три неудачныхъ эпитета: „песъ-сторожитель", „приливное море", „напорныя волны" и церковно-славянскую форму безъ всякой нужды для стилистическаго оттѣнка: „нивные класы".

[1]) Воспоминанія Сербиновича (Р. С. 1871, IX, 63).

хавшей туда къ родинамъ дочери. Въ письмѣ къ Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной, писанномъ въ это время, Жуковскій сообщаетъ о своемъ тогдашнемъ настроеніи: „Іоанна“ кончена въ Берлинѣ, переводъ близкій, и надѣюсь, что вы будете имъ радоваться, но для меня не будетъ радости читать вамъ: вотъ одно изъ очарованій, отнятыхъ для меня у поэзіи! Здѣсь подлѣ меня одна Саша; въ ея гармонической душѣ все отзывается для меня по прежнему: но поэзія уже перестала быть отголоскомъ жизни! Она теперь бываетъ по временамъ однимъ наслажденіемъ: весело творить; это наполняетъ душу, а душа выражается въ томъ, что̀ она производитъ. Но эти прекрасныя минуты раздѣлены пустыми промежутками; прошедшій годъ былъ однако же богатъ роскошными, живыми наслажденіями, и если бы я болѣе писалъ къ моимъ милымъ, то эти наслажденія были бы полнѣе“ [1]).

Жуковскій въ октябрѣ проводилъ Протасову въ Дерптъ. Пусть его собственное письмо къ Елагиной ознакомитъ насъ съ впечатлѣніемъ, которое оставило въ немъ это посѣщеніе:

„Я былъ въ Дерптѣ“, пишетъ онъ, „и радъ тому, что былъ тамъ. Видѣлъ Машу, говорилъ съ нею о ней и доволенъ: это поэзія. Мы говорили о нашей утопіи... Пока то пускай будетъ нашей радостью, что мы всѣ сбережены другъ для друга. Судьба прогремѣла мимо насъ, поколотивъ насъ мимоходомъ, но не разбивъ нашего лучшаго—любви къ добру, уваженія къ жизни и вѣры въ прекрасное. Все остальное—шелуха!“ [2]).

Петербургская жизнь снова потекла въ близкомъ общеніи

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1869. V, 91.

[2]) Ibid.

съ тѣмъ литературнымъ кругомъ, который собирался у него. Въ этомъ кругѣ появился Козловъ, въ которомъ съ потерей зрѣнія вспыхнулъ огонь поэзіи.

Заграничная поѣздка живительно подѣйствовала на Жуковскаго; поэтическое вдохновеніе находило также поддержку и въ этихъ друзьяхъ, и въ его Высочайшей ученицѣ. Мы упоминали выше, какъ былъ очарованъ ею Жуковскій. Памятникомъ этого очарованія остались его два стихотворенія, написанныя подъ впечатлѣніемъ Берлинскаго представленія, въ которомъ Великая Княгиня исполняла роль Лалла-Рукъ. Въ первомъ изъ этихъ стихотвореній [1]) онъ такъ изображаетъ принцессу, поднятую на паланкинѣ во время кашемирскаго праздника розъ:

И блистая, и плѣняя—
Словно Ангелъ неземной—
Непорочность молодая
Появилась предо мной;
Свѣжій завѣсъ покрывала
Отѣнялъ ея черты,
И застѣнчиво склоняла
Взоръ умильный съ высоты.
Все—и робкая стыдливость
Подъ сіяніемъ вѣнца,
И младенческая живость,
И величіе лица,
И въ чертахъ глубокость чувства
Съ безмятежной тишиной—
Все въ ней было безъ искусства
Неописанной красой.

Этотъ образъ послужилъ ему во 2-й половинѣ стихотворенія символомъ красоты вообще, и мы видѣли, какъ Жуковскій воспользовался имъ при описаніи Мадонны для выраженія своихъ мыслей о художественномъ творчествѣ. Онъ

[1]) Лалла-Рукъ.

снова возвратился къ этому милому образу въ другомъ стихотвореніи, уже озаглавленномъ: „Явленіе поэзіи въ видѣ Лалла-Рукъ“:

Какъ свѣжей утренней порою
Въ жемчугѣ утреннемъ цвѣты,
Она плѣняла красотою,
Своей не зная красоты.

И намъ съ своей улыбкой ясной,
Въ своей веселости младой,
Она казалася прекрасной
Возобновляющей весной.

Сама гармонія святая
Ея—намъ мнилось—бытіе,
И мнилось, душу разрѣшая,
Манила въ рай она ее.

При ней всѣ мысли наши—пѣнье!
И каждый звукъ ея рѣчей,
Улыбка устъ, лица движенье,
Дыханье, взглядъ—все пѣсня въ ней [1]).

Мы упоминали въ одной изъ предъидущихъ главъ, какъ благодѣтельно повліяли на Жуковскаго переѣздъ изъ Дерпта въ русскую столицу и поэтическій кружокъ Александры Ѳеодоровны. Въ интимномъ письмѣ къ Елагиной, о которомъ мы упоминали сейчасъ, онъ продолжаетъ: „A propos de прекрасное. Я никогда не говорилъ о Великой Княгинѣ; это прекрасное въ живомъ образѣ передо мною. Мнѣ вѣрить ему легко, потому что я вижу его лицомъ къ лицу: милый хранитель поэзіи! Письма мои, писанныя изъ путешествія къ ней, были писаны и къ вамъ, слѣдовательно я радъ, что у васъ есть ихъ списокъ. Но именно, что

[1]) Кто не узнаетъ въ этомъ стихотвореніи первообразъ знаменитаго стихотворенія Пушкина: „Я помню чудное мгновенье....“

она—Она; и полное созданіе нашей утопіи (т. е. мечты опять жить вмѣстѣ съ дерптскими родственниками и Машей) должно быть отсрочено. Я привязанъ къ своему мѣсту не одними узами выгодъ, о которыхъ не такъ-то много забочусь, но узами лучшими: чистаго уваженія, благодарности всему этому и тою поэзіей, которая..... все еще копошится и вспыхиваетъ [1])".

Плодомъ этихъ поэтическихъ вдохновеній были: представленная въ августѣ 1822 г. въ цензуру знаменитая, благодаря его переводу, баллада Вальтеръ-Скотта: „Замокъ Смальгольмъ", „Побѣдитель" Уланда и „Путешественникъ и поселянка" изъ Гете.

Съ авторами послѣднихъ двухъ произведеній Жуковскій видѣлся за границей.

Свиданіе съ Гете дало поводъ къ прекрасному письму отъ 25 февраля 1822 г., въ которомъ дополняется поэтическій образъ вдохновлявшей его ученицы. Онъ благодарилъ здѣсь за „драгоцѣнный подарокъ", присланный ему великимъ поэтомъ. „Чтеніе письма Вашего", писалъ онъ ему, „вызвало слезы изъ глазъ моихъ.—То, что̀ Вы съ такой добротой говорите о нашемъ свиданіи, я чувствовалъ въ Вашемъ присутствіи и разставаясь съ Вами. Это свиданіе, столь пламенно желаемое и ожидаемое, продолжалось одну минуту, но эта минута была богата новыми ощущеніями: я ничего не могъ сказать Вамъ потому именно, что было слишкомъ много сказать; но я Васъ видѣлъ и Ваше присутствіе было какъ будто быстрый перечетъ лучшихъ дней жизни. И много милыхъ тѣней встало (Und manche liebe Schatten steigen auf!)..."

„Я поспѣшилъ", продолжалъ онъ, показать его (письмо

[1]) Ibidem.

Ваше) великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. То, что̀ Вы о ней сказали такъ вѣрно и такъ прекрасно, глубоко ее тронуло, и она поручила мнѣ выразить Вамъ ея чувства. Эта чистая душа, простая и исполненная глубокаго чувства, создана для того, чтобы быть понятою душою Вашею. Она хорошо себя чувствовала съ Вами, какъ она говорила мнѣ, и свиданіе съ нею, конечно, оставило въ Васъ прекрасное, чистое воспоминаніе, какъ появленіе друга, заключающее въ себѣ все великое, и въ которомъ это великое есть не что иное, какъ простосердечіе и младенческая простота [1]). Такова эта дорогая принцесса.

Гете имѣлъ особенное значеніе при первыхъ шагахъ Жуковскаго на поприщѣ поэзіи. На слѣдующій годъ, посылая портретъ его И. И. Дмитріеву, Жуковскій вспоминаетъ объ этомъ: „Ваши стихи: „Размышленіе по случаю грома", переведенные изъ Гете, были первые выученные мною наизусть въ русскомъ классѣ, и первые мною же написанные стихи (безъ соблюденія стопъ) были ихъ подражаніемъ. Итакъ мнѣ прилично подарить Васъ портретомъ Гете" [2]).

Сороковой годъ своей жизни (29 янв. 1823) Жуковскій встрѣтилъ, окруженный многими друзьями, и въ томъ числѣ—съ Протасовыми. Съ юморомъ, хорошо знакомымъ Арзамасцамъ, онъ объявилъ, что теперь вступаетъ въ чинъ „дѣйствительныхъ холостяковъ". Черезъ мѣсяцъ онъ проводилъ племянницу Воейкову въ Дерптъ и пробылъ тамъ двѣ недѣли; снова увидѣлся съ Марьей Андреевной, которой

---

[1]) Le naturel naïf et l'innocente simplicité d'un enfant (Соч. Жук. VI, 45). Великой Княгинѣ было тогда 23 года.

[2]) См. примѣч. Н. С. Тихонравова къ рѣчи Шевырева, гдѣ сообщается о свиданіи Жуковскаго съ Гете на основаніи Goethe's letzte liter. Thätigkeit, D-r. Karl Wilh. Müller. 1832.

предстояло скоро родить. Наконецъ 10-го марта онъ собрался обратно въ Петербургъ, но просрочивъ цѣлую недѣлю противъ даннаго отпуска. Ѣхать было необходимо. Въ послѣдній вечеръ Воейковы и Мойеры, когда лошади были заказаны, всѣ сидѣли вмѣстѣ и ждали минуты отъѣзда, но лошадей что-то не приводили: было такъ поздно, что всѣхъ клонило ко сну. Наконецъ Жуковскій сказалъ, чтобы шли спать, и что онъ и самъ думаетъ соснуть немного; проводилъ Александру Андреевну до ея дома, потомъ проводилъ Мойеровъ наверхъ до ихъ спальни. Они взяли съ него слово, что онъ разбудитъ ихъ, и сказали, что будутъ ждать и раздѣваться не станутъ. Не болѣе получасу подремалъ Жуковскій, какъ все было уже готово. Онъ всталъ, подошелъ къ лѣстницѣ и думалъ уже не будить хозяевъ, но приходъ его разбудилъ Марью Андреевну; онъ вошелъ въ комнату; она хотѣла встать, но онъ удержалъ ее. Они простились. Она просила, чтобы Жуковскій перекрестилъ ее— и спрятала лицо въ подушку.

То было послѣднее свиданіе Жуковскаго съ Марьей Андреевной. Черезъ недѣлю въ домѣ Мойеръ на столѣ лежала она, усыпанная цвѣтами, и подлѣ нея ею рожденный мальчикъ. „Примемъ", писалъ Жуковскій Елагиной, „вмѣстѣ Машину смерть, какъ увѣреніе Божіе, что жизнь святыня; увѣряю васъ, что это теперь для меня понятнѣе; мысль о товариществѣ съ существомъ небеснымъ не есть теперь для меня одно дѣйствіе воображенія, нѣтъ—это опытъ! Я какъ будто вижу глазами этого товарища и увѣренъ, что мысль эта будетъ часъ отъ часу живѣе, яснѣе и ободрительнѣе. Самое прошедшее сдѣлалось болѣе моимъ, промежутокъ послѣднихъ лѣтъ, какъ будто бы не существуетъ, и прежнее яснѣе, ближе. Время ничего не дѣлаетъ, развѣ только одно: нѣтъ, милый товарищъ будетъ часъ отъ часу

ощутительнѣе своимъ присутствіемъ, я въ этомъ увѣренъ. Мысли о ней, полныя ободренія для будущаго, полныя благодарности за прошедшее, словомъ—религія! Саша, вы и я будемъ жить другъ для друга во имя Маши, которая говоритъ намъ: незримая я, но въ лицѣ мы одномъ..... Машина дочь.... не имѣетъ полнаго понятія ни о чемъ, весела, бѣгаетъ, смѣется..... Милая Машина дочь теперь и ваша! И для нея вамъ должно беречь себя....." [1])

Такъ окончилось печальное существованіе этой добровольной жертвы матери, чтобы не возмущать болѣе живыхъ своимъ тихимъ, едва мерцающимъ свѣтомъ. Въ запискахъ А. П. Кернъ, нѣкогда вдохновлявшей Пушкина, мы имѣемъ нѣсколько строкъ о Марьѣ Андреевнѣ. Она рисуется тамъ уже женою Моейра, еще носящею въ глубинѣ души любовь къ Жуковскому. Часто Кернъ проводила время съ нею и у нея въ ея маленькомъ садикѣ, или въ уютной гостиной, слушая, какъ Марья Андреевна играла съ мужемъ въ четыре руки на фортепьяно: оба близорукіе, въ очкахъ. Своихъ дѣтей у нея тогда еще не было. И вотъ, забившись куда нибудь за дверь, присѣвъ на маленькомъ стуликѣ, баюкала она чужое дитя, взятое у родныхъ мужа....

Кернъ помнитъ нѣсколько лѣтъ спустя и грустную осиротѣлую Протасову, подлѣ внучки, оставленной ей дочерью, тихо доносившей свое горе вдали отъ „дивнаго человѣка", душу котораго почитала „украшеніемъ міра Божія". Такъ называла покойная незадолго до смерти Жуковскаго въ письмѣ къ Зейдлицу, [2]) жалуясь на него за „Пѣсню", одно изъ безотраднѣйшихъ стихотвореній нашего поэта.

---

[1]) Письмо отъ 28 марта 1823 г. Ж. М. П. Пр. V, 94—96.

[2]) Ibidem V, 92.

Наше счастіе разбитое
Видимъ мы игрушкой волнъ,
И въ далекій мракъ сердитое
Море мчитъ нашъ бѣдный челнъ...
. . . . . .
Хладъ, какъ будто ускоренная
Смерть, заходитъ въ душу къ намъ;
Къ наслажденью охлажденная,
Охладѣвъ къ самимъ бѣдамъ,
Безъ стремленья, безъ желанія,
Въ насъ душа заглушена,
И на вѣкъ очарованія
Слезъ отрадныхъ лишена.
На минуту ли улыбкою
Мертвый ликъ нашъ оживетъ,
Или прежнею ошибкою
Въ сердце сонное зайдетъ,—
То обманъ, то плющъ, играющій
По развалинамъ сѣдымъ.
Сверху листъ благоухающій—
Прахъ и тлѣніе подъ нимъ...

Марья Андреевна называла эти стихи „дурными"—но много, много разъ перечитывала ихъ...

Дорого было для нея прошлое. Въ послѣднее лѣто (1822 г.), она съѣздила взглянуть на Муратово, гдѣ прожито было ею столько дорогихъ мгновеній. Не смотря на свою болѣзнь, она не чувствовала усталости, пріѣхавъ послѣ утомительной дороги на милую родину. На зарѣ прибывъ въ Бѣлевъ, она тотчасъ побѣжала осмотрѣть знакомыя мѣста. Ее поразило разрушеніе роднаго дома; она пошла къ дому Жуковскаго: онъ весь обросъ крапивою, а у забора шумѣли ивы, шестнадцать лѣтъ тому назадъ ею посаженныя. Внѣ себя отъ прилива чувствъ бросилась она на траву и горько плакала по всемъ, что миновало. „Въ этомъ домѣ", писала она Зейдлицу, [1]) „пережила я лучшіе

[1]) Письмо писано по-нѣмецки (W. A. Joukowsky 120).

часы моей жизни; каждое утро было для меня наступленіемъ блаженства, и каждый вечеръ былъ мнѣ любъ, потому что я засыпала въ ожиданіи слѣдующаго утра... Мнѣ выпалъ совсѣмъ иной жребій сравнительно съ тѣмъ, о чемъ я мечтала". Она долго оставалась на этомъ дорогомъ ей дворѣ, вспоминала о каждой малости, которая прежде была мелочью, а теперь какъ звѣзда свѣтила съ туманнаго холоднаго неба.

Наконецъ Марья Андреевна обратила на себя вниманіе; раздались голоса, столь чуждые слуху бѣдной женщины; пораскрылись окна—и наверху изъ чистой комнатки, нѣкогда принадлежавшей Жуковскому, выглянуло лицо мужика. Марья Андреевна поспѣшила прочь. Въ домѣ помѣщался теперь земскій судъ.

Вдали отъ города, на берегу Оки, гдѣ нѣкогда по цѣлымъ часамъ проводила она съ Жуковскимъ, живо предстало ей прошлое. „Стадо паслось на берегу", пишетъ она, „солнце начинало всходить и вѣтеръ приносилъ волны къ ногамъ моимъ. Я молилась за Жуковскаго, за мою Китти! О, скоро конецъ моей жизни—но это чувство доставитъ мнѣ счастіе и тамъ. Я окончила мои счеты съ судьбой, ничего не ожидаю болѣе для себя и совершено счастлива.... Катя такъ еще мала, а я стара — и такъ для меня нѣтъ будущаго!"—[1])

Въ церкви, гдѣ будучи 8-ми лѣтъ въ первый разъ она нѣкогда говѣла, ее охватило было дѣтское чувство. Но силы ей измѣнили. Она не вынесла прилива ощущеній, пережитыхъ ею въ это утро, и упала безъ чувствъ на помостъ церкви. Когда она пришла въ себя, то увидѣла себя въ домѣ доктора, который нѣкогда лѣчилъ ее.

---

[1]) Письмо писано по-нѣмецки (W. A. Joukowsky, 120).

Тяжело ей было пребываніе среди людей чужихъ.

«Теперь я у моего добраго Азбукина» пишетъ она— «онъ очень измѣнился. Вообще здѣсь царствуетъ тонъ, къ которому я никакъ не могу привыкнуть. Какъ не похожъ на всѣхъ нихъ мой дивный Мойеръ! Нынче говорили о какомъ-то молодомъ человѣкѣ, который составляетъ предметъ всеобщаго поклоненія въ обществѣ. Его долго хвалили. Наконецъ Елагинъ спросилъ, видѣлъ ли Азбукинъ ту тройку, которую укралъ этотъ чудотворецъ у казны? Мы переглянулись съ Мойеромъ и замолкли. Мой дѣятельный Мойеръ не можетъ понятъ, какъ могутъ люди жить такъ; цѣлый день они на охотѣ, ночи за картами, а утромъ спятъ. Шампанское тянутъ какъ квасъ—а по дорогамъ валяются нищіе!—О, если бы я была теперь въ Муратовѣ! Сегодня 2 іюля, день, когда Мойеръ въ первый разъ посватался за меня. Я тогда была очень несчастлива—но я благодарю милосердіе Бога, что все случилось такъ, какъ оно случилось.“ [1]) Наконецъ Марья Андреевна, добралась до Муратова. Сидя въ бывшей комнаткѣ Жуковскаго, за его бюро, она писала: „Что̀ я здѣсь чувствую—нечего и говорить Вамъ. Когда въ воскресенье вечеромъ, часовъ въ 10, мы въ послѣдній разъ мѣняли лошадей, я хотѣла посмотрѣть, кого перваго я встрѣчу по дорогѣ въ Муратово, какой предметъ обрадуетъ меня болѣе всего? Въ одномъ мѣстѣ вышла я изъ экипажа—и вижу: на прекрасномъ, темносинемъ Орловскомъ небѣ блеститъ во всей красотѣ Большая Медвѣдица. Я сочла это хорошимъ предзнаменованіемъ. Ночевали мы въ имѣніи моего незабвеннаго друга Плещеевой—я тотчасъ навѣстила ея могилу. Ночь была чудная, небо звѣздное—и отъ полноты души я повторяла «Три слова вѣры» Шиллера.

---

[1]) Ibidem.

На могилѣ дорогаго, добродѣтельнаго существа жизнь получаетъ свою цѣну, потому что чувствуешь, что тамъ можно быть снова вмѣстѣ! Мы пробыли въ имѣніи ихъ до самаго утра; съ трудомъ могла я обойти всѣ мѣста, которыя мнѣ напоминали покойницу. Она вѣдь любила меня, какъ дочь свою» [1]).

О Муратовѣ писала Марья Андреевна: „Здѣсь прекрасно, но прекрасно какъ на украшенной Божіей нивѣ. Тьма цвѣтовъ, и среди нихъ бѣгаетъ въ неописанномъ восторгѣ Катя.... Мнѣ здѣсь хорошо, тихо и грустно; цѣлый день я занята, а вечеромъ благодарю Создателя. Какъ спокойно, какъ уединенно чувствуешь себя здѣсь, и однако же все такъ говоритъ душѣ, что право сама теряешься въ своихъ мысляхъ“ [2]).

Въ этихъ строкахъ живо рисуется передъ нами эта надломленная женщина, ничего уже не ждавшая отъ жизни.

Не прошло и года, и Марьи Андреевны не стало. Слова Евангелія: „Пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы“ и проч. (Матѳ. XI, 28) были отлиты на бронзовой доскѣ ея памятника, поставленнаго Жуковскимъ на ея могилѣ. „Да не смущается сердце ваше“ и пр. (Іо. XIV,)—слова, любимыя покойною, стояли тамъ же [3]).

Не смутилось сердце Жуковскаго. Для него не умерла совсѣмъ любимая имъ женщина. Всякій разъ, когда пріѣзжалъ онъ въ Дерптъ, первымъ его посѣщеніемъ было русское кладбище этого города (вправо отъ почтовой дороги). Нѣсколько видовъ этой могилы были нарисованы Жуков-

---

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem.
[3]) Зейдлицъ Ж. М. Пр. 1869. V, 99.

скимъ, и не разлучался онъ съ этимъ напоминаніемъ о незабвенномъ другѣ своемъ. Особенно любилъ онъ одну изъ такихъ картинъ. На ней могила изображена зимою. На свѣжемъ снѣгу видны слѣды, и у памятника сидитъ въ плащѣ мужская фигура.

XXIV.

Жуковскій—другъ и заступникъ юности.—Печальная судьба Батюшкова.—Кончина Императора Александра Павловича.—Присяга Императора Николая.—Печальная судьба Н. И. Тургенева.—Ходатайство Жуковскаго.—Жертва худаго воспитанія—Баратынскій.—Ходатайство Жуковскаго о г-жѣ Якубовской.—Взглядъ Жуковскаго на судьбу юныхъ преступниковъ.—Апологъ.

И еще тяжелый ударъ суждено было перенести Жуковскому. Лѣтомъ слѣдующаго 1824 года ему пришлось провожать въ Дерптъ несчастнаго Батюшкова, сошедшаго съ ума. Впечатлительная и крайне мнительная натура Батюшкова не вынесла тревогъ, въ которыя ввергло его несчастное увлеченіе его близкихъ. Когда двоюродный братъ его, Никита Михайловичъ Муравьевъ, случайно попавшій въ общество парижскихъ революціонеровъ, впиталъ въ себя ихъ идеи и вступилъ въ союзъ декабристовъ, Батюшковъ былъ внѣ себя отъ досады и огорченія. Находясь передъ этимъ при посольствѣ въ Неаполѣ, онъ видѣлъ хорошо оборотную сторону революціи; онъ содрогался при видѣ казней, которымъ подвергались не одни преступники, но и восторженные мечтатели. Каково же было ему видѣть теперь близкихъ ему людей, которые вмѣстѣ съ другими мечтателями, легкомысленно увѣровали въ святость идей, принятыхъ въ пылу юнаго увлеченія за непогрѣши-

мую истину. Нервная натура Батюшкова не вынесла этого. По возвращеніи въ Россію, узнавъ отъ Никиты Муравьева о существованіи тайныхъ замысловъ и въ его отечествѣ, выслушавъ отъ него, какъ разсказывали, приглашеніе вступить также въ тайный союзъ [1]), а можетъ быть и оскорбительные упреки въ отвѣтъ на горячія убѣжденія отказаться отъ опаснаго заблужденія,—Батюшковъ былъ потрясенъ до глубины души и, предрасположенный къ наслѣдственной въ его родѣ душевной болѣзни, лишился разсудка. Лѣченіе не помогло ему и онъ окончилъ дни свои въ Вологдѣ, послѣ тридцати-трехлѣтней жизни въ этомъ печальномъ состояніи.

Жуковскій еще надѣялся на излѣченіе своего друга и до самаго 1828 года не терялъ этой надежды. Онъ везъ его теперь къ дерптскимъ докторамъ; и по ихъ совѣту отправилъ его въ Дрезденъ въ Зонненштейнскую больницу въ Пирнѣ на попеченіе д-ра Пёница. Съ теплымъ участіемъ поручаетъ онъ бѣднаго друга хорошей знакомой своей Еленѣ Григорьевнѣ Пушкиной, жившей тогда въ Дрезденѣ. Цѣлый рядъ писемъ Жуковскаго свидѣтельствуетъ о томъ, какъ заботила его судьба бѣднаго поэта, который не смотря на попеченіе Пёница и сестры больнаго, Александры Николаевны, не поправлялся.

Новыя утраты ожидали любящее сердце Жуковскаго. Императора Александра Павловича не стало. 27 ноября, вмѣстѣ съ многими приближенными императорской фамиліи, онъ находился въ церкви Зимняго дворца, гдѣ служили благодарственный молебенъ за Императора. „Церковь была полна“, пишетъ онъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ воспоминаній объ этихъ дняхъ, „всѣ лица сіяли радостію: слу-

---

[1]) Изъ записокъ Н. И. Греча (Р. В. 1868. IV, 406).

жилъ духовникъ Императора Криницкій. Вдругъ, когда послѣ громкаго пѣнія пѣвчихъ, въ церкви сдѣлалось тихо, и слышались только молитвы, въ полголоса произносимыя священникомъ, раздался какой-то легкій стукъ за дверями—отчего онъ произошелъ, не знаю; помню только то, что я вздрогнулъ, и что всѣ находившіеся въ церкви съ безпокойствомъ оборотили глаза на двери; никто не вошелъ въ нихъ; это не нарушило моленія, но оно продолжалось недолго: отворяются сѣверныя двери, изъ алтаря выходитъ Великій Князь Николай Павловичъ, блѣдный; онъ подаетъ знакъ рукою къ молчанію: все умолкло, оцѣпенѣвъ отъ недоумѣнія; но вдругъ всѣ поняли, что Императора не стало; церковь глубоко ахнула. И черезъ минуту все пришло въ волненіе; все слилось въ одинъ говоръ криковъ, рыданія и плача. Мало по малу молившіеся разошлись, я остался одинъ; въ смятеніи мыслей я не зналъ, куда идти, и наконецъ машинально, вмѣсто того, чтобы выйти общими дверями изъ церкви, вошелъ сѣверными дверями въ алтарь. Что же я увидѣлъ? Дверь въ боковую горницу (подлѣ алтаря: въ ней Императрица Марія Ѳеодоровна имѣла обыкновеніе слушать обѣдню всякій разъ, когда не желала быть видима никому изъ находившихся въ трапезѣ) отворена; тамъ Императрица Марія Ѳеодоровна, почти безчувственная, лежитъ на рукахъ Великаго Князя; передъ нею на колѣняхъ В. К. Александра Ѳеодоровна, умоляющая успокоиться: maman, chère maman, au nom de Dieu, calmez-vous! Въ эту минуту священникъ беретъ съ престола крестъ и, возвысивъ его, приближается къ дверямъ; видя крестъ, Императрица падаетъ передъ нимъ на землю, притиснувъ голову къ полу, почти у самыхъ ногъ священника. Несказанное величіе этого зрѣлища меня сразило: увлеченный имъ, я сталъ на колѣни передъ святынею мате-

ринской скорби, передъ головою царицы, лежащей во прахѣ предъ крестомъ испытующаго Спасителя. Императрицу, почти лишенную памяти, подняли въ кресла, понесли во внутренніе покои; двери за нею затворились; я не могъ идти далѣе и возвратился на оставленное мною мѣсто въ церкви; она была пуста; царскія двери были затворены, за престоломъ стоитъ безмолвный священникъ; кругомъ меня царствовала глубокая тишина; я стоялъ неподвижно, какъ будто прикованный къ мѣсту. Не прошло десяти минутъ, какъ вдругъ снова отворяются сѣверныя двери: входитъ В. К. Николай Павловичъ.

Великій Князь приказалъ принести аналой и присяжный листъ и, задыхаясь отъ рыданія, повторялъ за священникомъ слова присяги. „Что былъ свидѣтель", пишетъ далѣе Жуковскій, „подсмотрѣвшій его въ эту великую минуту жизни, онъ того не зналъ,—онъ былъ одинъ" [1]...

Душою преданный юному Императору, Жуковскій глубоко скорбѣлъ о томъ, какъ было встрѣчено его воцареніе. Скорбь его вдвойнѣ усиливалась при видѣ, что въ числѣ виновниковъ печальныхъ событій были близкіе его друзья. Николай Ивановичъ Тургеневъ, не явившійся къ суду послѣ вызова, долженъ былъ нести всю тяжесть обвиненій, которыя легли на него по показаніямъ сочленовъ его по тайному обществу [2]), хотя участвовалъ въ его дѣлахъ лишь сочувствіемъ своимъ и выраженіемъ мнѣній [3]).

Но несчастіе, постигшее Николая Тургенева, еще тяжеле отразилось на младшемъ братѣ его, Сергѣѣ. Онъ сошелъ съ ума, и Жуковскому, во время его вторичной поѣздки за границу въ 1827 году, пришлось везти и эту жертву

---

[1]) Письма 1848 къ гр. Шувалову (Соч. Жук. 1878. VI, 151 и д.)
[2]) По поводу бумагъ Жук. Кн. Вяземскаго (Р. А. 1876, 2).
[3]) Изъ запис. Греча (411).

тревожнаго времени на излѣченіе въ Парижъ, гдѣ несчастный юноша и умеръ въ припадкѣ страшныхъ судорогъ. Жуковскій оставался при тѣлѣ покойнаго для послѣднихъ распоряженій и въ Духовъ день похоронилъ его на кладбищѣ Перъ-Лашезъ. Александръ Тургеневъ также нуждался въ сердечномъ участіи Жуковскаго, и онъ не разставался съ нимъ до Эмса, куда, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, поѣхали они изъ Парижа.

Между тѣмъ Николай Тургеневъ все время жилъ въ Лондонѣ. Много тревогъ стоили Жуковскому бѣдствія этого дорогаго ему семейства. Самая личность Николая Тургенева была въ высшей степени достойная любви его. Болѣзненный, хромой на лѣвую ногу вслѣдствіе золотухи, онъ былъ самымъ умнымъ и наиболѣе образованнымъ изъ всѣхъ братьевъ[1]). Онъ учился въ Геттингенѣ и добровѣстно, и безкорыстно исполнялъ свои служебныя обязанности правителя дѣлъ у знаменитаго прусскаго государственнаго человѣка барона Штейна, пользовался его довѣріемъ и дружбою; впослѣдствіи былъ онъ помощникомъ Статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ. Онъ имѣлъ солидныя знанія въ финансовой наукѣ, написалъ „Опытъ теоріи налоговъ“[2]). Совѣсть и свѣтлый умъ во-время извлекли его изъ тайнаго союза, и онъ пришелъ къ заключенію, что ему необходимо удалиться изъ общества и прекратить съ нимъ всѣ сношенія. Онъ и поступилъ такъ, уѣхавъ за границу. Сначала добровольное, потомъ невольное изгнаніе было тяжело этому человѣку, привыкшему къ энергическому труду и чувствовавшему себя способнымъ для дѣятельности на пользу роднаго государства. Главною и завѣтною думою

---

[1]) Изъ зап. Гр. 411.

[2]) Ibid.

его было освобожденіе крестьянъ. „По его мнѣнію, освобожденіе крестьянъ въ Россіи можетъ быть съ успѣхомъ произведено только верховною властію самодержца. Онъ имѣлъ мысли свободныя, но въ то же время имѣлъ умъ образованный. Онъ любилъ конституцію въ Англіи и Америкѣ и зналъ ея невозможность въ Россіи. Республику же, вездѣ почиталъ химерою .. Онъ счелъ должностью вступить въ него (общество), надѣясь хотя нѣсколько быть полезнымъ, особенно въ отношеніи къ цѣли своей, т. е. освобожденію крестьянъ. Но скоро увидѣлъ онъ, что общество не имѣло никакого дѣла, и что члены, согласившись съ нимъ въ главномъ его мнѣніи, т. е. въ необходимости отпустить крѣпостныхъ людей на волю, не исполняли сего на самомъ дѣлѣ. Это совершенно его къ обществу охладило. И во всю бытность свою членомъ, онъ находился не болѣе пяти разъ на такъ называемыхъ совѣщаніяхъ“... [1]). Служа въ Государственномъ Совѣтѣ, онъ былъ горячимъ послѣдователемъ гр. Н. С. Мордвинова.

При всей невинности въ дѣлѣ 14 декабря, все же онъ не былъ правъ, уклонившись отъ суда. Жуковскій употребилъ всѣ возможныя мѣры въ его пользу. Н. Тургеневъ долженъ былъ удалиться въ Лондонъ изъ Парижа, такъ какъ по требованію нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, правительство Карла X воспретило ему жить во Франціи [2]). Жуковскій писалъ о немъ нѣсколько докладныхъ записокъ Государю. „Прошу на колѣнахъ Ваше Величество“, говорится въ одной изъ нихъ, «оказать мнѣ милость. Смѣю надѣяться, что не прогнѣваю Васъ сею моею просьбою. Не могу не принести ея Вамъ, ибо не буду имѣть покоя ду-

---

[1]) Изъ докладной записки Жуковскаго Государю Николаю Павловичу (ibid.).

[2]) Р. А. 1875. III. 327 (письмо отъ 5 авг. 1827).

шевнаго, пока не исполню то, что почитаю священнѣйшею должностію. Государь, снова прошу о Тургеневѣ; но уже не о его оправданіи: если чтеніе бумагъ его не произвело надъ Вашимъ Величествомъ убѣжденія въ пользу его невиновности, то ужъ онъ ничѣмъ оправданъ быть не можетъ". Жуковскій просилъ теперь разрѣшенія Тургеневу выѣхать изъ Англіи, климатъ которой для него оказывался вреднымъ, и обезпечить его отъ преслѣдованій. „По волѣ Вашей», пишетъ Жуковскій, „сего преслѣдованія быть не можетъ; но наши иностранныя миссіи сочтутъ обязанностію не позволять ему имѣть свободное пребываніе въ земляхъ, отъ вліянія ихъ зависящихъ". Записка не осталась безъ послѣдствій. Тургеневъ могъ жить безопасно въ Швейцаріи, Франціи и вездѣ за границею [1]). Услуга эта была крайне необходима изгнаннику. Въ письмахъ его изъ Лондона къ друзьямъ видно, что имъ овладѣвала порою „скорбь мрачная, суровая", свидѣтельствующая о крайнемъ потрясеніи. „Что-то подобное бреду", писала Жуковскому принимавшая въ немъ живѣйшее участіе гр. Разумовская, «замѣчается въ иныхъ мѣстахъ его писемъ, которыя вселили въ меня страшное опасеніе, чтобы въ немъ не повторилось несчастіе его брата; такая скорбь, вносящая въ душу хаосъ, можетъ довести до этого" [2]). „Я была поражена его истощеніемъ", пишетъ она, черезъ 2 мѣсяца, возвратившись отъ него: „не знаю, не будетъ ли поздно, если зима пройдетъ такъ; кровообращеніе его неправильно; у него постоянные приливы къ мозгу... Доктора подаютъ несчастный совѣтъ ѣхать на югъ. Судите сами, каково ему выслушивать такой совѣтъ"!... „Ему кажется,

---

[1]) По поводу бум. Ж. (256).
[2]) Р. А. 1875. III, 325.

что онъ живетъ для несчастія брата Александра»... и „теперь думаетъ только о соединеніи съ Сергѣемъ» [1]).

Государь не препятствовалъ Жуковскому, человѣку столь близкому къ его семейству, быть въ сношеніяхъ съ Николаемъ Тургеневымъ и ходатайствовать о немъ. Разсказывали, что послѣ учрежденія слѣдственной коммиссіи по дѣлу декабристовъ, Жуковскій спрашивалъ Государя, нужно ли Николаю Тургеневу возвратиться изъ-за границы? и Николай Павловичъ отвѣчалъ: „Если спрашиваешь меня какъ Императора, скажу: нужно; если спрашиваешь какъ частнаго человѣка, то скажу: лучше ему не возвращаться". Кн. Вяземскій считаетъ этотъ разсказъ правдоподобнымъ. Самъ Жуковскій разсказывалъ князю другое обстоятельство, касающееся судьбы Николая Тургенева. „Спустя уже нѣсколько времени, Тургеневъ, по собственному желанію своему, изъявилъ готовность пріѣхать въ Россію и предать себя суду. Онъ писалъ о томъ Жуковскому, который поспѣшилъ доложить Государю. Императоръ изъявилъ на то согласіе свое. Дѣло пошло въ ходъ, но по силѣ вещей, не могло быть доведено до конца. Не состоялось оно, между прочимъ, и потому, что не только трудно было, но положительно несбыточно, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, возобновить бывшее слѣдствіе и бывшій судъ. Обвиненія, павшія на Тургенева, были не исключительно частныя и личныя. Это былъ не уголовный, обыкновенный процессъ за отдѣльный поступокъ; дѣло было государственное и въ связи со многими другими лицами, а изъ этихъ другихъ, иныхъ не было уже на свѣтѣ, прочіе сосланы были въ отдаленныя мѣста Сибири. Голословное сужденіе о виновности Тургенева не повело бы ни къ какому юридическому за-

---

[1]) Ibid. 133

ключенію. Поднять на ноги все минувшее и весь злополучный процессъ было дѣло невозможное. Такъ оно и кончилось" [1]).

Такимъ образомъ цѣлый рядъ семейныхъ бѣдствій повлекло за собою это несчастное 14-е декабря. „Сколько новыхъ горестей!" пишетъ Жуковскій въ упомянутой выше перепискѣ съ Е.Г.Пушкиной по поводу пострадавшихъ декабристовъ Муравьевыхъ. „Состояніе Екатерины Ѳедоровны Муравьевой неописанно. Все, что̀ могло привязывать ее къ жизни, разомъ рухнуло. Она ходитъ какъ тѣнь. Что̀ ее ожидаетъ, не знаю; но нельзя и надѣяться никакого облегченія судьбы ея. Бѣдный нашъ другъ! (т. е. Батюшковъ). Для него теперь все это не существуетъ! Но къ какимъ развалинамъ онъ возвратится, если Богъ возвратитъ ему его разсудокъ! Мы живемъ во времена испытанія. Теперь нѣтъ ничего другаго для подкрѣпленія души и для сохраненія дѣятельности, кромѣ вѣры въ Провидѣніе. Ибо только эта вѣра можетъ объяснить то, что̀ вокругъ насъ происходитъ" [1]).

Мы будемъ имѣть случай коснуться всѣмъ извѣстнаго заступничества Жуковскаго за Пушкина въ 1820 году, которое окончилось передачей юнаго поэта на руки достойному питомцу Благороднаго Пансіона генералу Инзову. Но упомянемъ еще объ одномъ, менѣе общеизвѣстномъ, ходатайствѣ Жуковскаго, которымъ онъ возвратилъ русской поэзіи другаго ея представителя. Это было въ послѣдній годъ царствованія Александра Павловича. Жертва по истинѣ ужаснаго упадка нравственности въ средѣ того училища, гдѣ воспитывался,—15-ти-лѣтній Баратынскій былъ

---

[1]) Изъ бум. Жук. (254).

[2]) Письмо 24 февр. 1816 г. (XIX вѣкъ, I, стр. 409).

втянутъ въ воровское предпріятіе, задуманное сыномъ одного камергера и его родственника, также его товарища по пажескому корпусу. Нельзя безъ крайняго волненія читать чистосердечную исповѣдь юнаго поэта, обращенную къ Жуковскому, гдѣ ярко выступаетъ весь душевный мракъ, въ который было погружено несчастное юношество, лишенное всякаго воспитательнаго руководства, не вѣдавшее самыхъ элементарныхъ понятій о добрѣ и злѣ, предоставленное всѣмъ случайностямъ безпорядочнаго чтенія, и полное самыхъ непріязненныхъ чувствъ къ начальству несправедливому и не умѣвшему внушить къ себѣ ни малѣйшаго уваженія. Совершенно одичавшіе, по ночамъ собиравшіеся на чердакѣ, несчастные кадеты составили свой особый міръ, гдѣ и слагались понятія этихъ дѣтей, вступившихъ въ юношескій возрастъ. Можно себѣ представить отрока той нѣжной организаціи, какою отличался Баратынскій, съ сердцемъ котораго „въ продолженіи четырехъ лѣтъ никто не говорилъ". Выключенный изъ корпуса за участіе въ позорномъ предпріятіи съ тѣмъ, чтобы никуда иначе не опредѣляться, какъ въ солдаты, непринятый и ни въ одинъ частный пансіонъ, куда ни обращался,—больной, онъ долженъ былъ вернуться къ своимъ родителямъ. Перенесши жестокую нервическую горячку, пригрѣтый въ родномъ гнѣздѣ, несчастный юноша ожилъ нравственно. 18-ти лѣтъ вступилъ онъ рядовымъ въ гвардейскій Егерскій полкъ, гдѣ и сошелся съ нѣкоторыми изъ молодыхъ стихотворцевъ, которые пробудили въ немъ любовь къ поэзіи, а черезъ годъ, по представленію В. К. Николая Павловича, переведенъ былъ унтеръ-офицеромъ въ Нейшлотскій полкъ. Послѣ того всѣ представленія о немъ оставались безуспѣшными. „Не служба моя, къ которой я привыкъ", писалъ теперь Баратынскій Жуковскому, „меня обременяетъ; меня тяготитъ

противорѣчіе моего положенія. Я не принадлежу ни къ какому сословію, хотя имѣю какое-то званіе. Ни чьи наслажденія, ни чьи надежды мнѣ не приличны. Я долженъ ожидать въ бездѣйствіи, по крайней мѣрѣ душевномъ, перемѣны судьбы моей, ожидать, можетъ быть, еще новые годы! Не смѣю подать въ отставку, хотя, вступивъ въ службу по собственной волѣ, долженъ бы имѣть право оставить ее, когда мнѣ заблагоразсудится; но такую рѣшимость могутъ принять за своевольство... Должно сносить терпѣливо заслуженное несчастіе—не спорю, но оно превосходитъ мои силы, и я начинаю чувствовать, что продолжительность его не только убила мою душу, но даже ослабила разумъ" [1]).

Жуковскаго до глубины сердца тронуло письмо это, и онъ немедленно же обратился съ письмомъ къ Министру Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ кн. А. Н. Голицыну [2]). Онъ горячо ходатайствуетъ въ немъ за „молодаго человѣка съ пылкимъ и благороднымъ сердцемъ, одареннаго талантами, но готоваго, при началѣ дѣятельной жизни, погибнуть нравственно отъ слѣдствій проступка первой молодости". „Я знаю его лично", писалъ онъ, „и свидѣтельствуюсь всѣми, которые его вмѣстѣ со мною знаютъ, что онъ имѣетъ полное право на уваженіе какъ по своему благородству, такъ и по скромному поведенію... Кто̀ въ лѣтахъ неопытности, оставленный на произволъ собственной пылкости и обольщеній внѣшнихъ, знаетъ, куда они влекутъ его, и способенъ угадать послѣдствія, часто рѣшительныя на всю жизнь? И чѣмъ болѣе живости въ душѣ, т. е. именно, чѣмъ болѣе въ ней такого, что̀ могло бы при обстоятельствахъ благопріятныхъ способствовать къ ея усо-

---

[1]) Р. А. 1868. I, 155.

[2]) Соч. Жук. 1878. VI. 454.

вершенствованію, тѣмъ болѣе для нея опасности, когда нападутъ на нее обольщенія, и никакая чуждая, хранительная опытность ея не поддержитъ... Онъ не упалъ! Убѣдительнымъ этому доказательствомъ служитъ еще и то, что именно въ такое время, когда онъ былъ угнетаемъ и тягостною участію, и еще болѣе тягостнымъ чувствомъ, что заслужилъ ее,—въ немъ пробудилось дарованіе поэзіи. Онъ—поэтъ! И его талантъ не есть одно богатство безпокойнаго воображенія, но вмѣстѣ и чистый огонь души благородной: прекрасными гармоническими стихами выражаетъ онъ чувства прекрасныя, и простота его слога доказываетъ, что чувства сіи неподдѣльныя, а искренно выходящія изъ сердца. Однимъ словомъ, я смѣло думаю, что въ этомъ несчастномъ, страдающемъ отъ вины, въ которую впалъ онъ тогда... скрывается человѣкъ, уже совершенно понимающій достоинство жизни, и способный занять не послѣднее мѣсто въ свѣтѣ. Но онъ исключенъ изъ этого свѣта... Возвратись онъ въ свѣтъ,—онъ возвратится въ него очищенный; можно даже подумать, что онъ будетъ надежнѣе многихъ чистыхъ... Представьте Государю Императору письмо Баратынскаго: прочитавъ его, вы убѣдитесь, что оно написано не съ тѣмъ, чтобы быть показаннымъ. Но тѣмъ лучше! Государь узнаетъ истину безъ украшенія" [1]). На предложеніе кн. Голицына, чтобы Жуковскій сдѣлалъ краткое извлеченіе изъ покаяннаго письма Баратынскаго для Государя, Жуковскій [2]) отказался отъ этого, настаивая на томъ, чтобы было показано подлинное письмо поэта. „Смѣю думать", писалъ онъ, „что Государь, знающій человѣческое сердце, легко распознаетъ языкъ

---

[1]) Письмо отъ 2 янв. 1824.

[2]) Письмо отъ 10 февр. 1824.

истины, если удостоитъ своего милостиваго вниманія строки Баратынскаго, котораго вся будущая жизнь, можно сказдѣсь зависитъ теперь отъ тѣхъ немногихъ минутъ, которыя Его Величество употребитъ на прочтеніе прилагаемаго здѣсь письма его. Прибавлю: отъ этихъ минутъ зависитъ, можетъ быть, и жизнь его матери. Нынче по утру еще услышалъ я отъ дяди Баратынскаго, что мать его отъ горести, произведенной въ ней судьбою ея сына, лежитъ на одрѣ болѣзни; а она имѣетъ еще шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ нашъ несчастный—старшій.

Ходатайство было уважено. Баратынскаго произвели въ офицеры.

Въ горячихъ словахъ выразилъ Жуковскій въ 1826 году просьбу на имя государя отъ Н. Н. Шереметевой по поводу зятя ея И. Д. Якушкина. „Государь", написано тамъ, „я не смѣю ничего говорить въ его защиту... но смѣю просить о моей невинной дочери; Государь, позвольте ей имѣть отъ него извѣстіе не откажите въ этомъ ея невиннымъ дѣтямъ" [1]).

„Можно", писалъ Жуковскій по поводу той же жертвы 14 декабря (т. е. И. Д. Якушкина) тещѣ его Н. Н. Шереметевой, „часто стать на колѣни передъ этимъ несчастіемъ и благодарить его за тѣ великія откровенія, которыя оно намъ дѣлаетъ. Такъ я понимаю и вашего далекаго страдальца" [2]),

Возсылая свои мольбы къ Высочайшей власти за юныхъ страдальцевъ, Жуковскій къ нимъ самимъ обращался съ учительнымъ утѣшеніемъ, внушая имъ „подыматься духомъ въ ихъ страданіи". Онъ указывалъ имъ, конечно лично зная хорошо ихъ душу, и очистительное значеніе перено-

---

[1]) Соч. Ж. VI. 497.
[2]) Ibid. 498.

симыхъ невзгодъ. Таковъ смыслъ небольшаго аполога, нарочно имъ сочиненнаго Николаю Тургеневу.

„Кусокъ золотой руды лежалъ въ горнилѣ на сильномъ огнѣ. Голикъ смотрѣлъ на него изъ угла и такъ разсуждалъ самъ съ собою: „Бѣдное золото! Жаль мнѣ тебя! Какъ тебя жгутъ и мучатъ! Какому жестокому тирану досталось ты въ руки“!

„Между тѣмъ огонь погасъ, и золото вышло чистымъ изъ горнила. Изъ него сдѣлали крестъ, и люди стали въ немъ обожать символъ спасенія“.

„Глупый голикъ! Тебѣ ли судить о золотѣ? Положи въ огонь тебя—затрещишь, разлетишься дымомъ! И послѣ тебя останется горсточка пепла“!

„А золото?—И въ самомъ пылу огня не роптало оно на судьбу свою! Оно вѣрило тому, кто положилъ его въ горнъ; знало, что безъ огня не быть ему чистымъ и даже радовалось жгучему пламени, которое возвышало его достоинство“ [1]).

Такимъ рядомъ самыхъ сердечныхъ и настоятельныхъ заступничествъ за молодыя жертвы тяжелаго времени, Жуковскій явилъ себя истиннымъ другомъ молодости, ангеломъ-хранителемъ нашего бѣднаго юношества, лишеннаго и серьезной школы, и просвѣщеннаго руководительства.

---

[1]) Р. Ст. 1875 г. апр. 742.

XXVII.

Положеніе просвѣщенія въ Россіи въ концѣ царствованія Александра I.—Министръ Князь А. Н. Голицынъ и Фотій.—Магницкій.—Вступленіе на престолъ Николая I-го.

Зло чувствовалось и самимъ правительствомъ, но къ сожалѣнію, недальновидно лѣчилось средствами ложными. Такъ было въ послѣдніе годы царствованія Александра I. Европейская политика поглощала теперь всѣ его интересы. Послѣдовалъ цѣлый рядъ дѣйствій со стороны лицъ, ложно понявшихъ нужды отечественнаго просвѣщенія и погрузившихъ ножи въ самое его сердце. Вспомнимъ ревизію Казанскаго университета 1819 года, инструкціи этому университету, присланныя въ слѣдующемъ году, а еще черезъ годъ распространенныя и на университетъ С.-Петербургскій; торжественное погребеніе по приказанію Магницкаго въ Казанскомъ университетѣ анатомическихъ препаратовъ; упраздненіе курсовъ естественнаго права и запрещеніе книги проф. Куницына по этому предмету (1820); обвиненіе 1821 года профессоровъ С.-Петербургскаго университета во вредномъ преподаваніи наукъ. И все это дѣлалось „съ цѣлію основать народное воспитаніе на благочестіи, согласно съ актомъ Священнаго Союза". Въ поразительномъ ослѣпленіи Магницкій былъ увѣренъ въ цѣлительности этихъ мѣръ. „Все чистое и благомыслящее изъ современниковъ и потомства будетъ на сторонѣ Правительства", писалъ онъ, ожидая осуществленія своей мысли о закрытіи Казанскаго университета [1]). Слѣдствія извѣстны. Все честное и благомыслящее бросилось прочь изъ тѣхъ рядовъ, которые

[1]) Р. Арх.

приступили къ гибельнымъ мѣрамъ. Самъ Министръ Народнаго Просвѣщенія кн. Голицынъ, для котораго и мистицизмъ и піетизмъ были дѣломъ личной совѣсти [1]), а не

[1]) Многіе сомнѣвались въ чистотѣ религіозныхъ чувствъ этого государственнаго человѣка, который въ молодости оставлялъ впечатлѣніе личности „веселаго и сатирическаго характера, рѣдкой способности къ подражанію“ (см. франц. рукопись изъ Госуд. архива въ Дрезденѣ. Русск. Стар. 1882 г. дек., стр. 802), но по свидѣтельству другихъ, былъ „добродушный человѣкъ, при добрѣйшемъ, довѣрчивомъ сердцѣ, склонный по самому характеру своему къ созерцательности, къ чудесному, дѣйствовалъ вслѣдствіе внутренняго увлеченія; отъ того, можетъ быть, переходилъ онъ за черту, не зналъ предѣловъ ревности, вѣрилъ ложному благочестію другихъ, и къ сожалѣнію, подчинялся вредному ихъ вліянію“ (См. Воспоминанія Папаева въ В. Евр. 1867). Его религіозныя воззрѣнія такъ характеризуетъ Чистовичъ (Христ. Чт. 1872, XI): „Разности, раздѣляющія различныя исповѣданія и ихъ членовъ.... имѣли въ его глазахъ только второстепенное значеніе.... Православіе и всякое другое христіанское исповѣданіе.... казались ему образованіями, по составу болѣе сложными и по времени болѣе поздними, нежели собственно христіанство, или христіанство Евангелія“. Въ 1824 г. архимандритъ Юрьевскаго монастыря Фотій требовалъ отъ министра „остановить“ не нравившіяся ему мистическія книги, въ теченіи министерства князя изданныя, и учинить другія мѣры противъ просвѣщенія. Фотій даже отказалъ ему въ благословеніи. „Въ книгѣ Таинство Креста, подъ твоимъ надзоромъ“, сказалъ онъ ему, „напечатано: духовенство есть звѣрь, а я Фотій, изъ числа духовенства, іерей Божій,—то благословить тебя не хощу, да тебѣ и не нужно того.“—На вопросъ князя, за это-ли одно,—Фотій продолжалъ: „И за покровительство сектъ, лжепророковъ и за участіе въ возмущеніи противъ церкви съ Госнеромъ, и вотъ на нихъ съ тобою слова Іереміи, 23 гл., прочти и покайся.“ На отказъ князя, Фотій грозилъ ему осужденіемъ со стороны Господа (Р. Ст. 1882 г. III, 770), кричалъ ему: „Пойди къ Царю, стань передъ нимъ на колѣни и скажи, что ты виноватъ, самъ дѣлалъ худо и его вводилъ въ заблужденіе (Ковал. „Гр. Блудовъ“, 143). Князь быстро вышелъ изъ комнаты, а Фотій, отворивъ дверь, вслѣдъ кричалъ ему: „Если ты не покаешься и все сполна не откроешь Царю—не узришь царствія и снидешь во адъ. Аминь“. (Р. Ст. 1882, III, 770). На другой же день Фотій представилъ Императору описаніе этого свиданія съ Кн. Голицынымъ, который черезъ 20 дней и былъ отставленъ отъ министерства (Р. Ст. 1882, III, 770). Считаемъ

орудіемъ безполезныхъ мѣропріятій, любимецъ Императора, былъ удаленъ въ послѣдній годъ его царствованія съ своего поста. Министерство финансовъ лишилось еще за годъ гр. Гурьева. Изъ лицъ, близкихъ Жуковскому, Александръ Ивановичъ Тургеневъ, директоръ духовныхъ дѣлъ и статсъ-секретарь Государственнаго Совѣта, пользовавшійся довѣріемъ князя, тоже долженъ былъ оставить службу. Не рѣшился болѣе оставаться на ней и гр. Д. Н. Блудовъ, готовясь бѣжать изъ Петербурга.

Жуковскій, теперь особенно сблизившійся съ Карамзинымъ, часто проводилъ съ нимъ часы досуга, обсуждая обстоятельства тяжелаго времени и гонимое просвѣщеніе [1]), и положеніе цензуры [2]).

Результаты канувшаго въ вѣчность царствованія, памятнаго въ исторіи блестящими успѣхами оружія и политики, обратившими на Россію взоры всей Европы, не могли не разоблачить, что этотъ внѣшній успѣхъ, при всей доблести многихъ лицъ и всего войска, превзошелъ заслугу образовательныхъ силъ нашего отечества, еще очень слабыхъ и во всякомъ случаѣ не соотвѣтствовавшихъ достоинству великаго государства.

Жиденькая, поверхностная просвѣщенность, въ лучшихъ случаяхъ—традиціонная благовоспитанность въ хорошихъ семействахъ—вотъ тѣ образовательныя средства, какія мы видимъ наверху могучаго народа, которому суждено было еще много лѣтъ представлять безразличную стихію во славу будущаго.

Удивительно ли, что, опасаясь готовившагося взрыва

излишнимъ напоминать, что Фотій былъ покровительствуемъ Аракчеевымъ.

[1]) См. Воспитанія Сербиновича (Р. Ст. 1877 г., 241).

[2]) Ibid. 245.

нѣсколькихъ шутихъ въ главномъ складѣ параднаго фейерверка—всѣ такъ позорно растерялись? Люди, наиболѣе энергическіе, въ партіи Магницкаго, быть можетъ, и отъ чистаго сердца думали оказать услугу, бросившись съ пожарною трубою туда, гдѣ ея вовсе не требовалось. Гоненіе направлено было на университеты,—а бѣда оказалась въ столичныхъ войскахъ. Зло полупросвѣщенія было принято за зло просвѣщенія, и въ переполохѣ оказалось нужнымъ, по русской пословицѣ, „осердившись на вошь, да всю шубу въ огонь"!

Правда, не высоко стояла наука и въ университетахъ, но что же могли сдѣлать они, когда, за отсутствіемъ серьезной средней школы, должны были зачислять въ студенты совершенныхъ дѣтей? Мы имѣли уже случай указать на ту одичалость, какая царила въ школахъ, лишенныхъ благъ и той малой науки, какая была возможна въ тогдашнихъ университетахъ.

И точно, что̀ называлось наукою и принималось въ обществѣ за таковую—было легкомысленное ученіе „чему нибудь и какъ нибудь". Если сравнить образованіе двадцатыхъ годовъ нашего вѣка въ томъ кругѣ, которому тогда никто не отказалъ бы въ названіи просвѣщеннаго,—съ дѣйствительною потребностію руководящихъ классовъ могучаго народа,—нельзя не признать всей его несостоятельности, нельзя не прійти къ заключенію, что труденъ путь народнаго преуспѣянія тамъ, гдѣ и лучшіе люди, съ умомъ свѣтлымъ и сердцемъ чистымъ, не въ силахъ поднять непосильнаго бремени, безнадежно озираясь кругомъ и ни отъ кого не видя себѣ вѣрной помощи. Они умѣли только плакать, безсильно простирая руки къ милосердію, при видѣ юныхъ жертвъ полупросвѣщенія, отвозя ихъ въ дома умалишенныхъ или провожая на казнь и въ далекую ссылку.

Велико было бремя честнаго Государя, который, по выраженію поэта, такъ зорко имъ оцѣненнаго,

„На рубежѣ Европы бодро сталъ!“

~~XXXI.~~ XXV

Русскія педагогическія силы при вступленіи на престолъ Императора Николая I.—Назначеніе Жуковскаго наставникомъ Наслѣдника престола.—Его отношеніе къ новой своей обязанности.

Безопасность общественная была обезпечена. Каждый чувствовалъ себя подъ охраной руки сильной. Испытаніе, посланное на русское просвѣщеніе въ лицѣ Магницкаго, съ воцареніемъ Николая Павловича изчезло. Однимъ изъ первыхъ его распоряженій было порученіе генералу Желтухину подробно осмотрѣть Казанскій университетъ, а Магницкому повелѣно оставаться въ Казани до окончанія этой ревизіи. Когда же онъ, вопреки приказанію Государя, самовольно явился въ Петербургъ, чтобы личнымъ вліяніемъ отклонить ударъ, на него направленный, Государь угадалъ его намѣреніе. Вотъ двѣ собственноручныя записки, лучше всего рисующія образъ дѣйствій Государя:

„Я слышалъ, будто бы Магницкій сюда прибылъ; я считаю весьма нужнымъ велеть за нимъ близко присматривать. За нимъ должно что нибудь крыться, и вѣрно, по крайней мѣрѣ, ничего полѣзнаго“.

„Прошу Васъ, любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ, приказать Магницкому явиться къ генералу Бенкендорфу; пусть онъ ему вретъ что хочетъ, мнѣ самому нѣтъ время съ нимъ говорить. Еслибъ сегодня онъ успѣлъ кончить, то можно его до завтра оставить подъ надзоромъ» [1]).

[1]) Р. Ст. X. 274.

Магницкій затѣмъ былъ высланъ изъ Петербурга въ Ревель.

Исторія показала, какъ непривѣтлива жизнь въ той средѣ, гдѣ за неимѣніемъ благъ истиннаго просвѣщенія, суровая необходимость замѣняетъ его путемъ кратчайшимъ—путемъ предписаннаго долга и безразличнаго повиновенія. А первымъ примѣромъ исполненія этого долга былъ самъ юный Императоръ, руководимый единственно голосомъ своего доблестнаго сердца.

Но наступившая эпоха, по непреложному закону жизни, будучи сама плодомъ временъ минувшихъ, готовила сѣмя для неизвѣстнаго будущаго...

Въ семействѣ, по волѣ судебъ ставшемъ семействомъ царскимъ, возросталъ тотъ его первенецъ, котораго рожденіе въ комнатахъ малаго дворца было нѣкогда привѣтствовано нашимъ поэтомъ.

Ему шелъ уже восьмой годъ. 14 декабря присягала ему Россія, какъ Наслѣднику русскаго престола. Нужно было озаботиться его образованіемъ.

Въ царскомъ семействѣ, какъ мы имѣли случай упоминать выше, интересы просвѣщенія хранились въ женской его сферѣ нѣжными руками невѣстки великой Екатерины. Въ Гатчинскомъ дворцѣ своей матери слушалъ и Николай Павловичъ послѣдній томъ Ист. Госуд. Росс., читанный самимъ авторомъ. Эти интересы поддерживались Великими Княгинями, въ особенности любознательною ученицею Кювье—Еленою Павловной [1]), удивлявшею и Иннокентія Херсонскаго своими знаніями по исторіи православія. «Елена—это ученый нашего семейства», отзывался о ней Императоръ Николай Павловичъ. Къ ней отсылалъ онъ евро-

---

[1]) Р. Ст. Мартъ 1874. 789, 790.

пейскихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ русскій Императорскій дворъ.

Въ послѣдніе годы царствованія Александра I и для всей Россіи интересы просвѣщенія были призрѣны единственно сострадательнымъ сердцемъ Маріи Ѳеодоровны, этой августѣйшей заступницы всякой нищеты и сиротства обездоленнаго.

Образованіе мужескаго пола русскаго юношества далеко не было въ рукахъ столь же дѣятельныхъ, какъ женское воспитаніе, руководствуемое неутомимою Маріей Ѳеодоровною. Она умѣла находить и нужныхъ сотрудниковъ доброму дѣлу, которые первенствовали на поприщѣ русскаго педагогическаго дѣла.

Военныя школы воспитывалъ Аракчеевъ; университетами правили Магницкій и Руничъ. Въ самыхъ духовныхъ академіяхъ едва была спасена философія заступничествомъ извѣстнаго Павскаго [1]). Серьезнаго образованія искать было негдѣ.

При такомъ общемъ низкомъ уровнѣ науки, самаго понятія объ образованіи въ слояхъ просвѣщенныхъ не существовало. Тамъ царилъ самый поверхностный диллетантизмъ; „свѣдѣнія“ заступали мѣсто знаній, сентиментальная фраза—религіозно-нравственнаго убѣжденія, избитая „апофѳегма“—философіи. Примѣръ воспитанія Вѣнценосца попеченіями иноземца былъ въ свѣжей памяти, и вотъ, среди этихъ-то условій отечественнаго просвѣщенія нужно было организовать образованіе Наслѣдника престола.

Упрекнемъ ли нашего поэта въ томъ, что онъ рѣшился взять на себя эту отвѣтственную обязанность, когда она ему была предложена?

---

[1]) Р. Ст. 1880. III, 498.

Не получивъ самъ, какъ мы видѣли, прочнаго образованія, онъ, одинъ изъ лучшихъ представителей просвѣщенной среды русскаго общества, всегда оставался горячимъ сторонникомъ науки и искусства. Не его вина, что онъ раздѣлялъ съ громаднымъ большинствомъ Русскихъ печальную необходимость быть самоучкой. Притомъ, по тѣмъ воззрѣніямъ, которыя были въ его время воззрѣніями лучшихъ людей, онъ могъ стать достойнымъ руководителемъ въ сообщеніи нужныхъ свѣдѣній, правилъ и истинъ, входившихъ въ понятіе воспитанія. Раздѣляя трудъ съ лицами спеціально подготовленными для преподаванія различныхъ наукъ, рѣшившись себя всего посвятить великому дѣлу, онъ могъ надѣяться, что исполнитъ его по мѣрѣ силъ и таланта. Сверхъ того, Жуковскій могъ предполагать, что къ тому времени, когда онъ окончитъ начальное ученіе Великаго Князя, для завершенія его будетъ избрано лицо болѣе компетентное. Онъ самъ выражаетъ эту мысль въ письмѣ своемъ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ [1]).

Назначеніе Жуковскаго наставникомъ Великаго Князя совершилось не вдругъ. Государыня сначала возложила на него сообщеніе ему нѣкоторыхъ первоначальныхъ познаній во время ея отъѣзда изъ Россіи. Этотъ опытъ убѣдилъ Жуковскаго въ способности вести первоначальное ученіе.

Передъ самой коронаціей своей Императоръ Николай Павловичъ избралъ его въ наставники къ Наслѣднику; генералъ-маіоръ К. К. Мердеръ состоялъ при немъ воспитателемъ,—должность, которую и исполнялъ онъ до 1833 г.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Государынѣ, пытаясь быть безусловно справедливымъ, Жуковскій подвергаетъ

---

[1]) Отъ 1 іюля. См. Соч. Жук. VI. 296. Письмо писано на фр. языкѣ.

оцѣнкѣ собственныя силы. Напоминая Государынѣ о первомъ опытѣ своемъ съ ея сыномъ, онъ признаетъ за нимъ успѣхъ: «Я самъ убѣдился», пишетъ онъ, „что обладаю нѣкоторою способностію преподавать такимъ способомъ, который могъ бы привязать ученика къ труду, развивать умъ и сообщить ему вкусъ къ занятіямъ".

Но далѣе Жуковскій безпощадно строгъ къ самому себѣ въ виду серьезности возложенной на него теперь обязанности. „Но, Государыня, развѣ это достаточно? Все это очень хорошо для обученія частнаго лица. Но, повторяю, здѣсь дѣло идетъ о Монархѣ. Я вполнѣ увѣренъ, что приготовительное обученіе, которое займетъ первый періодъ образованія, и обученіе болѣе подробное, которое займетъ періодъ второй, могутъ идти успѣшно по составленному мною плану. Но другая сторона обученія, самая рѣшительная и поэтому самая существенная—образованіе Цесаревича, верховное довершеніе его познаній, ихъ приложеніе къ его великому предназначенію, его вступленіе на то поприще, которое ему предназначено проходить для своей славы и для счастія народовъ—увы! я имѣю о томъ понятіе (j'en ai l'idée), но могу лишь трепетать передъ его величіемъ, и съ прискорбіемъ сознаюсь, что не чувствую себя на высотѣ этой идеи... Здѣсь уже дѣло идетъ не о томъ, чтобы хотѣть, но о томъ, чтобы быть. Можно ли придать себѣ опытность, которой не имѣешь? Чтобы быть преподавателемъ наукъ Цесаревичу, не достаточно только быть ученымъ; нужно быть умудреннымъ знаніемъ человѣка, разсматриваемаго во всѣ времена и въ особенности во время, въ которое мы живемъ; слѣдуетъ испытать человѣческія страсти, въ особенности столь сложныя на поприщѣ политическомъ, столь бурныя въ нашъ вѣкъ; слѣдуетъ пройти этотъ курсъ не по кни-

гамъ, но въ самыхъ событіяхъ, извлечь начала нравственности изъ этихъ практическихъ наблюденій,—словомъ, слѣдуетъ имѣть характеръ человѣка общественнаго, прочно основанный и на знаніяхъ, пріобрѣтенныхъ въ тиши кабинета, и на испытанномъ знаніи свѣта — не того мелкаго свѣта, называемаго обществомъ, гдѣ разыгрываются страсти мелкія, волнуемыя интересами ничтожными, но того свѣта, который есть Вселенная, который состоитъ изъ неизмѣримаго собранія государей и народовъ, гдѣ идетъ дѣло о интересахъ великихъ, о счастіи народовъ, о славѣ, о самомъ человѣчествѣ. И что же? Это поприще мнѣ неизвѣстно [1]).

Высказывая съ такою искренностію трезвое мнѣніе о себѣ, Жуковскій считаетъ долгомъ указать и на то, что назначенный воспитателемъ Наслѣдника Мердеръ, человѣкъ безконечно имъ уважаемый за чистоту его нравственныхъ свойствъ и, по его мнѣнію, принесшій чрезвычайную пользу воспитаннику своему, развивъ его чувства и внушивъ любовь къ себѣ, имѣющій многія качества, драгоцѣнныя въ воспитателѣ—твердость и ровность—при всѣхъ этихъ достоинствахъ, не соотвѣтствуетъ своему назначенію во всей его полнотѣ. „Мердеру", пишетъ онъ, „не достаетъ того, что̀ не менѣе необходимо, какъ и нравственныя свойства: образованія, потребнаго неразлучному спутнику Наслѣдника великой Имперіи. Онъ хорошій воинъ—воинъ и все..."

„Той науки, которая обнимаетъ всѣ части воспитанія Монарха, которая есть результатъ столькихъ другихъ знаній, необходимыхъ въ нашъ вѣкъ, которая неразрывно связана съ практическимъ знаніемъ людей всѣхъ состояній, въ частности Европы, а равно и духа вѣка, съ которымъ слѣ-

---

[1]) Соч. Ж. 286. 287.

дуетъ идти въ уровень, чтобъ быть полезнымъ своимъ современникамъ и основать на прочномъ фундаментѣ счастіе будущаго, — этой науки недостаетъ ему совершенно. И однако же наступитъ пора, когда она будетъ ему необходима. Теперь онъ еще можетъ исполнять свою обязанность: теперь онъ имѣетъ дѣло не болѣе какъ съ ребенкомъ, чистымъ созданіемъ, чистоту котораго слѣдуетъ охранить, заботясь только о развитіи въ немъ качествъ исключительно человѣческихъ: но когда этотъ ребенокъ возрастетъ, когда нужно будетъ раскрыть ему сокровенныя задачи его великаго призванія, гдѣ найдетъ Мердеръ языкъ, которымъ нужно будетъ говорить съ нимъ, ту рѣчь, къ которой онъ теперь не приготовленъ, къ которой онъ уже не будетъ имѣть времени приготовиться? Допустимъ даже, что онъ будетъ пользоваться нѣкоторымъ досугомъ, но, не получивъ самъ основъ европейскаго образованія, онъ навсегда будетъ въ невозможности образовать себя для того, чтобы быть просвѣщеннымъ руководителемъ Цесаревича и пріобрѣсти все, что для этого нужно [1]."

„Здѣсь идетъ дѣло о Россіи, о ея будущности", прибавляетъ Жуковскій, „о судьбѣ и славѣ Вашего сына, Государыня! Вы непремѣнно должны имѣть руководителемъ человѣка, который и по нравственному, и по общественному характеру своему приближался бы къ идеалу, мною начертанному. Мы съ Мердеромъ годимся только для деталей. Вы можете положиться на нашу преданность, но намъ нуженъ кто-нибудь, который могъ бы наблюдать за нами въ общемъ, направлять наши труды къ ихъ главной цѣли и, наконецъ, далъ бы опредѣленную санкцію, которую намъ невозможно

[1]) Соч. Ж. VI. 285.

положить на нихъ, при видѣ совершенной нашей неспособности съ этой стороны“ [1]).

Облегчивъ свою душу этимъ признаніемъ и за себя, и за своего товарища, Жуковскій указываетъ такое лицо, которое могло, по его мнѣнію, удовлетворить всѣмъ требованіямъ отъ воспитателя русскаго Цесаревича. Онъ указываетъ для этого гр. Іоанна Антоновича Каподистрію, извѣстнаго дипломата Александра I-го (1776—1831), черезъ нѣсколько лѣтъ павшаго, какъ извѣстно, отъ руки наемныхъ убійцъ.

Въ одномъ письмѣ А. И. Тургенева живо рисуется предъ нами этотъ человѣкъ, весь преданный охватившей его идеѣ освобожденія Греціи: «Онъ похудѣлъ и совершенно сѣдъ“, пишетъ Тургеневъ: „онъ заваленъ дѣлами, и важными, государственными,—ибо уже какъ президентъ хлопочетъ у трехъ державъ за Грецію,—и мелкими, ибо всѣ обращаются къ нему съ проектами и претензіями». Со словъ Свѣчиной, онъ описываетъ его въ самомъ разгарѣ его хлопотъ: „Онъ все отдалъ Грекамъ—и сумму, вырученную за аренду, и жалованье, и теперь голъ какъ соколъ, и только думаетъ о спасеніи отечества. Императоръ Николай предлагалъ ему величайшія денежныя пособія; но онъ не принялъ болѣе того, сколько думаютъ дать другія главныя государства: Франція и Англія, дабы не возбудить подозрѣнія противъ Россіи и не быть ей болѣе благодарну, чѣмъ другимъ. Кромѣ денегъ, ничего—разумѣется и кромѣ оружія—не принимаетъ; ибо людей деньгами, и именно швейцарцевъ, можно нанять. Свѣчина, находя, что прежде въ немъ было нѣкоторое пристрастіе къ діалектикѣ, видитъ въ немъ теперь какую-то воплощенную мудрость: восхищается нравственнымъ, спокойнымъ его ха-

---

[1]) Соч. Ж. VI. 287.

рактеромъ и цѣлію всей его жизни. Увѣряетъ, что никогда онъ не былъ такъ проникнутъ религіей, какъ теперь, и во всѣхъ словахъ онъ сходенъ съ своими поступками. Не сердится и на тѣхъ, кто противъ святой его цѣли; но носитъ въ сердцѣ тѣхъ, кто доброжелательствуетъ Грекамъ: это его собственное выраженіе съ графиней [1])".

Гр. Разумовская оставила также въ письмѣ своемъ отъ 26 окт. 1827 г. величавый образъ этого человѣка: „Я видѣла Каподистрію. Настоящее положеніе сообщило ему какой-то видъ законченности, который меня пугаетъ. Онъ созрѣлъ для Неба. Даже прекрасное лицо его приняло выраженіе могильнаго спокойствія... Та же мирная улыбка. Чувствуешь, что онъ принадлежитъ землѣ тѣмъ добромъ, которое еще можетъ совершить на ней, но совершеніемъ этого добра онъ не спѣшитъ; онъ исполнитъ долю его, „ему назначенную, ничего не предвосхищая изъ будущаго; онъ чувствуетъ то, что̀ можетъ совершить одно только время; онъ знаетъ, что торопливость людей приноситъ вредъ" [2]).

Въ черновомъ наброскѣ письма Жуковскаго (въ сент. того же года), не отосланномъ Каподистріи, поэтъ нашъ такъ размышляетъ о людяхъ подобныхъ ему: „Кто наши истинные благодѣтели человѣчества? Тѣ, которые оставляютъ потомству примѣръ великой и честной дѣятельности. Государства изчезаютъ вмѣстѣ съ тѣми, которые способствовали тому, чтобъ ихъ возвеличить или ихъ разрушить, но величіе души, любившей добро, останется неприкосновеннымъ" [3]).

При выборѣ этой замѣчательной личности Жуковскій

---

[1]) Русск. Ст. 1875. Апр. 746, 747.
[2]) Р. А. III. 334.
[3]) Р. Ст. 1875. Апр. 745, 746.

имѣлъ и еще одно соображеніе. Онъ считалъ нужнымъ поручить лицу авторитетному, одно имя котораго внушало бы довѣріе. Имена гр. Панина при сынѣ Екатерины II, гр. Салтыкова при ея внукахъ и др. приводятся имъ въ примѣръ такого образа дѣйствія. „Онъ обладаетъ", пишетъ Жуковскій, „обширной образованностію, замѣчательно разнообразною. Онъ извѣдалъ людей, изучилъ ихъ во всѣхъ видахъ и во всѣхъ отношеніяхъ; онъ знаетъ свой вѣкъ и дѣйствительныя нужды своего вѣка. Онъ знаетъ всѣ партіи, которыя нынѣ господствуютъ и соперничаютъ между собою, не принадлежа ни къ одной изъ нихъ исключительно. По своимъ правиламъ, онъ такъ же далекъ отъ ложнаго либерализма, который стремится возстановить народы противъ правительствъ, какъ и отъ самовластнаго обскурантизма, вооружающаго правительства противъ народа... Ему еще нѣтъ 50 лѣтъ, но душа его моложе его возраста... Съ этой душевной живостью онъ соединяетъ умъ холодный, необыкновенно логическій и владѣетъ даромъ выражать свои мысли ясно и методически... Онъ нашего вѣроисповѣданія— а это предметъ весьма существенный. Въ немъ есть настолько энтузіазма, насколько оно нужно, чтобы быть разумнымъ, не будучи холоднымъ, и горячо стремиться къ цѣли, не будучи увлеченнымъ какою либо обманчивою страстію, способною переступить предѣлы. Быть можетъ, Вы помните нѣсколько разговоровъ съ Вашимъ Величествомъ, которыхъ я имѣлъ честь удостоиться по поводу выбора лица въ руководители воспитаніемъ Великаго Князя. Тогда я не назвалъ Вамъ Каподистрію, потому что онъ былъ при особѣ Государя. Теперь онъ удаленъ отъ дѣлъ, но онъ пользуется уваженіемъ Россіи и Европы. Поручая сына Вашего такому человѣку, Вы встрѣтите всеобщее одоб-

реніе. Онъ наблюдалъ бы воспитаніе въ цѣломъ, направлялъ бы все и сумѣлъ бы въ совершенствѣ привести дѣло къ его главной цѣли" [1]).

~~XXVII.~~ XI

Лѣченіе Жуковскаго за границей.—Переписка съ Императрицею Александрой Θеодоровной.—Характеръ этой переписки.

Письмо Жуковскаго, выдержками изъ котораго мы заключили предъидущую главу, было писано имъ уже изъ-за границы, куда онъ отправился моремъ тотчасъ послѣ своего новаго назначенія, вмѣсто Москвы, готовившейся къ празднествамъ коронаціи и ожидавшей прибытія всего императорскаго двора.

Къ заключеніямъ, выраженнымъ въ этомъ письмѣ, онъ пришелъ послѣ цѣлаго ряда предварительныхъ трудовъ, имѣвшихъ цѣлію—приготовленіе къ новой обязанности, которымъ онъ отдался съ свойственной ему горячностью, не смотря на болѣзнь, бывшую главной причиной этой заграничной поѣздки.

Доктора предписали ему два лѣтнихъ курса эмскихъ водъ и спокойную жизнь зимою, вслѣдствіе значительнаго разстройства его здоровья. Геморроидальные припадки и потеря крови ослабили его жестоко; лицо его пожелтѣло и отекло[1]); ноги его отекли также [2]); одышка его мучила. Подниматься по лѣстницѣ Зимняго дворца болѣе, нежели въ сто ступеней, которая вела въ его новое помѣщеніе, было крайне тяжело. Въ маѣ же 1826 года онъ выѣхалъ изъ Петербурга

---

[1]) Зейдлицъ. Ж. М. Н. П. 1869. V, 101.
[2]) Zeidlitz. W. A. J. 130.

съ тѣмъ, чтобы прожить за границею до осени слѣдующаго года.

Такъ отозвались на нѣжной природѣ нашего поэта всѣ тревоги, пережитыя имъ въ послѣдній годъ! Ко всему этому, не успѣлъ онъ выѣхать изъ Берлина, гдѣ остановился на нѣкоторое время, какъ получилъ новое горькое извѣстіе— о кончинѣ Карамзина. „Когда я покидалъ его", пишетъ онъ къ овдовѣвшей Е. А. Карамзиной, „я чувствовалъ, что это навсегда. Я не смѣлъ съ нимъ проститься. Я счастливъ, что поцѣловалъ его руку. Это было безмолвнымъ выраженіемъ всей моей благодарности за то, что былъ онъ для меня въ жизни. И кто могъ быть болѣе? Лучшее мое чувство, честное и высокое какъ религія, была моя къ нему привязанность. Смерть этого чувства ни ослабить, ни измѣнить не можетъ: она перемѣнила только его имя"!... „Сколько вѣры, сколько поощренія къ добродѣтели, сколько стоитъ надеждъ въ воспоминаніи объ немъ для насъ, дѣтей и друзей"! прибавляетъ Жуковскій [1]). Когда осенью слѣдующаго года, уже вернувшись въ Россію, онъ встрѣтилъ въ „Литературномъ Музеумѣ" Измайлова отрывокъ изъ письма Карамзина, онъ съ восхищеніемъ дѣлится своимъ впечатлѣніемъ въ такихъ строкахъ къ редактору этого журнала: „Отрывокъ письма Карамзина былъ для меня не чтеніе, а слышимый голосъ съ того свѣта: столь жива въ этихъ строкахъ вся небесная душа его, чистая и здѣсь, какъ теперешняя святая жизнь его въ другомъ мірѣ [2])".

Въ Эмсѣ поэтъ пашъ шесть недѣль пилъ воды (по 4 стакана въ день) и бралъ ванны [3]) вмѣстѣ съ д-ромъ Зейдли-

---

[1]) Соч. Жук. VI. 511.

[2]) Н. М. Карамзинъ. Погодина. II. 504.

[3]) Письмо къ Козлову (Соч. Ж. VI. 464). Письмо къ Е. Г. Пушкиной 8 іюля (XIX вѣкъ I, 410).

цемъ, который пишетъ, что воды принесли Жуковскому большую пользу. Онъ поручилъ здѣсь себя д-ру Крейсигу и проходилъ весьма суровый курсъ лѣченія.

„Одно приключеніе“, пишетъ Зейдлицъ, „сильно испугало здѣсь Жуковскаго, но къ счастію не имѣло никакихъ худыхъ послѣдствій. Онъ занималъ квартиру въ нижнемъ этажѣ угловаго дома у крутаго переулка, черезъ который протекалъ ручеекъ, струившійся съ горы отъ такъ называемой Moos-hütte; 4-го августа послѣ обѣда, въ ту минуту, когда Жуковскій отдыхалъ, сдѣлался вдругъ ужасный ливень, и въ нѣсколько минутъ дождевая вода смыла съ горъ такъ много земли и камней, что они совершенно запрудили переулокъ“; вода проникла и въ комнату спящаго, который съ трудомъ могъ выбраться изъ потопа [1]).

По окончаніи лѣчебнаго курса, Жуковскій, все еще больной, проѣхался вдоль Рейна. „Надобно было“, писалъ онъ Козлову, „любоваться утесами съ козелъ [2])“; бродить же по высотамъ и ровнымъ мѣстамъ ему мѣшала слабость.

Въ Дрезденѣ, куда отправился Жуковскій осенью, получилъ онъ письмо отъ Государыни, извѣщавшей его о празднествахъ коронаціи. Въ своемъ отвѣтѣ на это письмо [3]) онъ выражаетъ удовольствіе, что его будущій ученикъ видѣлъ простую любовь народа, которая должна была оставить глубокій слѣдъ въ его душѣ; онъ совѣтуетъ не давать изгладиться этому впечатлѣнію, замѣчая, что по этой канвѣ можно многое вывести въ будущемъ...

Въ томъ же письмѣ онъ выражаетъ благодарность Государю за дозволеніе провести всю зиму въ Германіи и обѣ-

---

[1]) Ж. М Н. П. 1869. V. 102.
[2]) Соч. Ж. VI. 467.
[3]) Отъ $^{2}/_{11}$ окт. Соч. Ж. VI. 272.

щается всѣ минуты, свободныя отъ лѣченія, посвятить приготовленіямъ. Онъ дѣлится съ Государыней и своимъ удовольствіемъ, что онъ нашелъ въ Дрезденѣ друзей своихъ Тургеневыхъ, сообщаетъ о своихъ занятіяхъ; онъ продолжалъ здѣсь составлять свои историческія таблицы, которыя давно занимали его. Мысль объ этихъ таблицахъ и первые ихъ опыты мы видѣли еще во время его деревенскихъ занятій исторіей; затѣмъ, когда уже состоялось его настоящее назначеніе въ Петербургѣ, онъ приносилъ эти таблицы и показывалъ Карамзину, теперь уже покойному. Вотъ почему онъ называетъ эту работу „имѣющею прелесть прежнихъ его поэтическихъ работъ".

Это письмо, какъ и другія письма къ Государынѣ, носятъ характеръ простоты и дружеской задушевности. Онъ сообщалъ такія мелочи касательно себя, которыя свидѣтельствуютъ о полномъ довѣріи и съ его стороны къ такому же дружескому расположенію Государыни. При чтеніи этихъ писемъ становится совершенно понятно, почему Жуковскій, человѣкъ, совершенно не созданный для придворной жизни, могъ себя чувствовать въ ней такъ хорошо. Вступивъ въ этотъ кругъ, онъ не измѣнилъ себѣ нисколько, оставаясь, какъ и всегда доселѣ, добрымъ членомъ семьи въ той средѣ, которой отдавалъ свое сердце. Онъ не задумывается въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Государынѣ обратиться съ просьбами, имѣющими уже характеръ порученій, относительно ожидающей его въ Петербургѣ квартиры. Онъ выражаетъ удовольствіе на выборъ этого новаго помѣщенія въ квартирѣ, которую тогда занималъ Нарышкинъ. Его заботило, что Нарышкинъ не выѣзжалъ изъ нея; онъ проситъ Государыню „ввести во владѣніе" и милостиво сказать нѣсколько словъ Нарышкину; онъ объясняетъ, что это тѣмъ болѣе ему необходимо, что Воейкова, у которой были оста-

влены его петербургскія вещи, мѣняетъ квартиру, и онѣ останутся безъ пристанища: „Я былъ бы выведенъ изъ большаго затрудненія,“ писалъ онъ Государынѣ, „если бы оказалось возможнымъ пріютить мои скудныя богатства во дворцѣ и ввѣрить ихъ надзору какого нибудь честнаго истопника [1]).

Умилительно читать эти письма, въ которыхъ кромѣ этой забавной просьбы нѣтъ ни одной лично о себѣ,—за то какъ горячо хлопочетъ онъ объ одномъ талантливомъ художникѣ, лишенномъ всякихъ средствъ къ усовершенствованію. Разговорившись, онъ не можетъ кончить. Ему нужно еще подѣлиться съ высочайшей собесѣдницей своей о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя онъ вынесъ изъ мастерской любимаго имъ Фридриха отъ одной картины, которую онъ видѣлъ тамъ. „Онъ только что началъ большой пейзажъ, который будетъ прелестенъ, если выполненіе будетъ соотвѣтствовать идеѣ. Съ обычнымъ наслажденіемъ любимыми поэтическими образами, которыми не разъ увлекалъ свою ученицу, описываетъ онъ эту будущую картину. Въ ней, быть можетъ, добрая половина принадлежитъ самому ему. Большія желѣзныя ворота, ведущія на кладбище, отворены. Вблизи отъ воротъ виднѣются, опершись на одинъ изъ ихъ столбовъ и прикрытые его тѣнью—мужчина и женщина. То супруги, только что похоронившіе свое дитя; они видятъ среди ночнаго мрака его могилу, которую можно различить въ глубинѣ кладбища; это небольшое возвышеніе изъ дерна, и подлѣ него еще видна лопата. Недалеко отъ этой могилы видна другая съ возвышающеюся надъ нею урною: здѣсь покоится прахъ предковъ ребенка. Кладбище покрыто соснами. Ночь; луны не видно, но она

[1]) Соч. Жук. VI. 276.

гдѣ-то свѣтитъ. Колеблющійся туманъ окуталъ кладбище; онъ скрываетъ отъ глазъ стволы сосенъ, которые отъ того кажутся отдѣлившимися отъ земли... Сквозь эту пелену едва виднѣются другія могилы, и въ особенности сельскія простыя памятники: длинный камень, утвержденный стоймя, представляется сѣроватымъ привидѣніемъ - все это образуетъ очаровательный видъ. Но художникъ желалъ дать болѣе: онъ желалъ обратить наши мысли къ міру иному. Бѣдные родители остановились у воротъ кладбища. Ихъ взоры, устремленные на могилу ребенка, поражены какимъ-то таинственнымъ видѣніемъ. И точно: туманъ, окружающій ее одушевленъ; имъ кажется, что они видятъ свое дитя, поднимающимся изъ могилы, что тѣни его предковъ направляются къ нему, простирая объятія, и что ангелъ мира съ масличною вѣтвію витаетъ надъ ними и соединяетъ ихъ. Ни одинъ изъ этихъ воздушныхъ образовъ не выдѣляется ясно; не видно ничего, кромѣ тумана, но воображеніе дополнитъ намекъ живописца, и видѣніе, не прибавляя ничего къ этому простому пейзажу, только придаетъ естественному явленію[1])"...

Письмо здѣсь обрывается, и мы остаемся въ неизвѣстности, гдѣ нашла бы свой предѣлъ эта поэтическая импровизація Жуковскаго, вновь почувствовавшаго себя на чужбинѣ, какъ въ былое время въ комнатѣ малаго дворца съ тетрадкою „Для немногихъ" въ рукахъ. Душа занесеннаго далеко поэта продолжала украшать своимъ милымъ присутствіемъ досугъ русской Императрицы послѣ блеска и шума торжественныхъ увеселеній коронаціи.

---

[1]) Соч. Ж. VI. 271.

XXVIII.

Приготовленія Жуковскаго къ новой обязанности.—Его заграничные знакомые.—Парижскія впечатлѣнія.—Взглядъ Жуковскаго на французскую жизнь и искусство.—Общій характеръ парижскихъ впечатлѣній.

Среди лѣченія и переѣздовъ изъ города въ городъ, поэтъ нашъ то работалъ надъ подробнымъ планомъ ученія Наслѣдника, то составлялъ собраніе нужныхъ учебныхъ пособій для предстоящихъ уроковъ. Но чѣмъ болѣе вдумывался онъ въ предстоявшій ему подвигъ, тѣмъ болѣе убѣждался въ его трудности.

„Работы у меня много", писалъ онъ 7 февраля 1827 года къ Елагиной изъ Дрездена, гдѣ жилъ съ сентября до конца марта: „на рукахъ моихъ важное дѣло!... Мнѣ не только надобно учить, но и самому учиться, такъ что не имѣю средства и возможности употреблять ни минуты на что нибудь другое. Если бы вы видѣли, чѣмъ я занятъ и какъ много объемлетъ кругъ моихъ занятій, и какъ онъ долженъ будетъ безпрестанно распространяться[1])"... По „Плану ученія Великаго Князя", имъ составленному, все главное лежало на немъ самомъ; всѣ лекціи должны были сходиться въ его собственной, которая „служила бы для всѣхъ пунктомъ соединенія: другіе учителя должны быть только дополнителями и репетиторами[2])". „Можете изъ этого заключить", продолжаетъ онъ, „сколько мнѣ нужно приготовиться, чтобы лекціи могли идти безъ всякой остановки. Съ этой стороны болѣзнь моя есть для меня благодѣяніе. Она дала мнѣ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ свободныхъ,

---

[1]) Ж. М. Н. П. 1869. V. 102.
[2]) Ibid.

и я провелъ ихъ въ совершенномъ уединеніи, забывъ, что я въ чужой землѣ, гдѣ много любопытнаго можно видѣть, и посвятивъ свои мысли одной главной, около которой вся дѣятельность моя вертѣлась. И теперь это рѣшено на весь остатокъ жизни. У меня въ душѣ одна мысль; все остальное—только въ отношеніи къ этой царствующей... Поэзія мною не покинута, хоть я и пересталъ писать стихи, хотя мои занятія и могутъ со стороны показаться механическими. Есть въ душѣ какая-то теплота, которая животворитъ ее" [1]).

Среди этихъ горячихъ приготовленій къ новому служенію находили на него минуты колебанія. Слѣдствіемъ такихъ сомнѣній въ своихъ силахъ и были вышеприведенныя строки къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Предложеніе Жуковскаго относительно Каподистріи не имѣло послѣдствій. Императоръ понималъ чуткую совѣсть Жуковскаго и, разъ остановившись на своемъ выборѣ, не измѣнялъ его.

Въ Дрезденѣ посѣщалъ Жуковскій Е. Г. Пушкину, вниманію которой, какъ мы упоминали выше, поручилъ онъ лѣчившагося неподалеку Батюшкова и просилъ „держать въ рукахъ" сестру больнаго, за нимъ ухаживавшую. Былъ онъ и въ Пирнѣ и видѣлъ несчастнаго поэта [2]).

---

[1]) Ibid.

[2]) О томъ состояніи, въ какомъ находился бѣдный другъ его въ Зонненштейнской больницѣ, можетъ свидѣтельствовать слѣдующая записка къ Жуковскому, дошедшая до насъ и относящаяся къ этому времени: „Я рѣшился отвѣчать тебѣ на твои два письма, полученныя мною послѣ твоего посѣщенія,—одно отъ 20 марта, другое отъ 27,—сими строками: Выбитый по щекамъ, замученный и проклятый вмѣстѣ съ Мартыномъ Лютеромъ въ машинѣ Зонненштейна безумнымъ Нессельродомъ, имѣю одно утѣшеніе въ Богѣ и дружбѣ такихъ людей, какъ ты, Жуковскій. Надѣюсь, что Нессельродъ будетъ наказанъ какъ убійца. Я ему ни-

Въ Дрезденѣ Жуковскій проводилъ свободное отъ составленія „Плана ученія“ время въ русскомъ обществѣ. Кромѣ Тургеневыхъ (Александра и Сергѣя, тогда еще бывшаго въ живыхъ), съ которыми и жилъ поэтъ нашъ, о здѣшнемъ пребываніи оставили самое пріятное воспоминаніе Барклай, Викулинъ, семейство гр. Гудовича. Большое утѣшеніе доставило ему здѣсь свиданіе съ гр. Каподистріей. Онъ пишетъ объ этомъ Козлову отъ 23 іюля [1]). Какъ высоко ставилъ Каподистрію Жуковскій, мы уже видѣли.

Письма къ Козлову свидѣтельствуютъ о томъ, какъ хорошо жилось нашему поэту въ Дрезденѣ. „Я пріѣхалъ“, пишетъ онъ, „въ Дрезденъ, гдѣ нашелъ свою родину, ибо живу вмѣстѣ съ Тургеневыми. Мы ведемъ прекрасный образъ жизни, сколько возможно при болѣзни. Никуда не выхожу“ [2].)

Но Жуковскаго отвлекали новыя заботы изъ спокойнаго уголка, гдѣ онъ, готовясь къ своему педагогическому дѣлу, позабылъ, что находится въ чужой землѣ.

Въ апрѣлѣ повезъ онъ вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ въ Парижъ несчастнаго его брата. Въ Лейпцигѣ, гдѣ они остановились теперь дней на десять, Жуковскому предстояли хлопоты съ книгопродавцами, составленіе каталоговъ, отсылки закупаемыхъ книгъ. На бѣду Аммонъ, которому Жуковскій далъ порученіе, затерялъ реестръ книгъ [3]). Умственное состояніе Сергѣя Ивановича Тургенева улучшилось. Въ письмѣ Жуковскаго къ

когда не прощу, ни я, ни Богъ правосудный, ни люди добрые и честные. Утѣшь своимъ посѣщеніемъ; ожидаю тебя съ нетерпѣніемъ на сей каторгѣ, гдѣ погибаетъ ежедневно Батюшковъ“. (27) 28 марта. (Вторникъ) Среда. (Р. А. 1870. Стр. 1717).

[1]) Р. С. 1875. IV. 745.

[2]) Ibid. 740.

[3]) См. біогр. оч. Павскаго (въ Р. С. 1880. II. 284).

Е. Г. Пушкиной больной собственноручно, въ большой припискѣ, даетъ весьма связный отчетъ о полученныхъ письмахъ отъ брата Николая изъ Лондона, сообщаетъ ей, что собирается въ отвѣтъ ему изложить мнѣнія Елены Григорьевны о вопросахъ касательно финансовъ и исторіи, бывшихъ предметомъ ихъ дрезденскихъ бесѣдъ. Александръ Ивановичъ, запечатывая письмо приписалъ подъ нимъ: „судите сами!“ [1]) Жуковскій находилъ, что главное, противъ чего должно быть направлено его лѣченіе, это—„безпорядокъ и безсвязность мыслей больнаго, происходящая отъ главной, всѣ прочія подавляющей“ [2]).

Еще изъ Дрездена испрашивалъ Жуковскій у Государыни согласія воспользоваться пребываніемъ въ Германіи, чтобы составить самое полное собраніе всѣхъ предметовъ, могущихъ быть необходимыми въ теченіе всего обученія Его Высочества, какъ для наставниковъ, такъ и для ученика, изъ книгъ, рисунковъ, картъ, плановъ.... „Петербургскіе книжные магазины“, пишетъ онъ, „вообще бѣдны всѣмъ этимъ. Находишься въ полной зависимости отъ книгопродавцевъ, теряешь много времени при выписываніи изъ-за границы, а что̀ и находишь тамъ, сто́итъ въ три дорога. Зная, что̀ намъ теперь нужно и что̀ можетъ потребоваться послѣ, я лучше всякаго другаго въ состояніи составить эту коллекцію, строго примѣняя ее къ нашему учебному плану“. Онъ просилъ позволенія нѣмецкія книги купить въ Лейпцигѣ, а потомъ ѣхать въ Парижъ для покупки французскихъ и англійскихъ. На этотъ предметъ Жуковскій считалъ необходимымъ ассигновать около 2000 р., считая эту сумму достаточною лѣтъ на десять.

---

[1]) См. XIX вѣкъ. I. 413.
[2]) Ibid. 412.

Подъ этой коллекціей Жуковскій разумѣлъ и книги учебныя для учителей и ученика, и книги для его чтенія, которое должно было дополнять классные уроки, и наконецъ наглядныя пособія. „Умоляю Ваше Величество", прибавлялъ онъ, „быть моимъ ходатаемъ передъ Государемъ Императоромъ; то, что̀ я предлагаю, почитается мною дѣйствительно полезнымъ, и мнѣ было бы весьма желательно, для пользы нашихъ занятій, чтобы моя мысль удостоилась одобренія его Величества" [1]).

Онъ привлекалъ всѣхъ, кого могъ на помощь своему дѣлу. Впослѣдствіи, въ Парижѣ, онъ привлекъ и Гизо къ пріисканію и покупкѣ ему книгъ [2]), и Дежерандо (извѣстнаго французскаго филантропа, съ которымъ Жуковскій познакомился въ Парижѣ), и аббата Николя (извѣстнаго педагога, воспитавшаго многихъ русскихъ дѣятелей въ началѣ нынѣшняго столѣтія, позднѣе—директора Ришельевскаго лицея въ Одессѣ) [3]). Николай Тургеневъ, жившій въ то время въ своемъ изгнаніи, также служилъ ему коммиссіонеромъ по этому дѣлу. „Не придумаешь ли", писалъ брату дрезденскій сожитель Жуковскаго Александръ Тургеневъ, „назначить намъ какія нибудь лучшія книги англійскія въ разныхъ родахъ и лучшія изданія, но не великолѣпныя. Мы дѣлаемъ для Жуковскаго реэстръ всего классическаго въ разныхъ родахъ, для составленія библіотеки Великаго Князя) [4]). Онъ перечисляетъ и тѣ предметы, по которымъ составлялись катологи: исторія во всѣхъ ея родахъ и подраздѣленіяхъ, философія, литература, педагогія, во-

---

[1]) Соч. Ж. VI. 276.

[2]) Соч. кн. Вяз. VII.

[3]) Р. А. 1875. III, 330.

[4]) Р. С. 1875. Апр. 740. Письмо А. Тург. отъ 11 окт. 1826.

енное искусство, законодательство и правовѣдѣніе. Изъ другаго письма А. И. Тургенева узнаемъ, что до 2-го мая 1827 г. Жуковскій накупилъ книгъ уже на 4000 талеровъ, по ихъ общему выбору и по совѣту ученыхъ [1]).

А. И. Тургеневъ и самъ увлекся заботами Жуковскаго. Послѣ Парижа, уже разставшись съ нимъ, осенью онъ былъ озабоченъ даже составленіемъ выбора изъ писемъ Бонета о Мюллерѣ въ связи съ письмами самого Мюллера, до и послѣ кончины его напечатанными. Онъ думалъ составить изъ нихъ нѣчто цѣлое, присоединивъ краткія біографическія статьи къ каждому изъ корреспондентовъ съ изчисленіемъ ихъ сочиненій. „Ему бы это послужило", прибавляетъ онъ заботливо, «для воспламененія юной души его питомца къ прекрасному въ различныхъ родахъ, и согрѣло бы его сердце чувствомъ дружбы, которое оживляло всю жизнь юношей и старцевъ, ибо 80-ти-лѣтній Бонштетенъ и въ семъ году писалъ къ Матисону перомъ 20-ти-лѣтняго Мюллера» [2]).

Въ маѣ друзья пріѣхали въ Парижъ. Они пробыли тамъ недолго, около шести недѣль. Выше мы уже имѣли случай разсказать о печальной кончинѣ здѣсь Сергѣя Тургенева. Схоронивъ несчастнаго юношу, Жуковскій обратился къ своему долгу.

Не смотря на кратковременное пребываніе свое, онъ воспользовался многимъ въ этомъ городѣ. Онъ познакомился съ замѣчательными лицами литературнаго и ученаго міра: съ Шатобріаномъ, Кювье, съ филантропомъ Дежерандо, и даже сблизился съ знаменитымъ Гизо. Этому знакомству содѣйствовали Александръ Ив. Тургеневъ и графиня Разумовская, съ которою Жуковскій былъ еще знакомъ въ Петербургѣ

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid 747.

и о которой мы будемъ имѣть случай говорить ниже. „Личность Гизо“, пишетъ кн. Вяземскій [1]), «была такова, что болѣе подходила къ Жуковскому, нежели многія другія извѣстности и знаменитости. Гизо былъ человѣкъ мысли, убѣжденія и труда: не рябилъ въ глаза блестками французскаго убранства. Онъ былъ серьезенъ, степененъ; протестантъ вѣроисповѣданіемъ и всѣмъ своимъ умственнымъ и нравственнымъ складомъ“. Въ то время, проигравъ свою политическую игру, Гизо уединился и предался своимъ литературнымъ занятіямъ.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ [2]) Жуковскій высказываетъ впечатлѣніе, произведенное на него этимъ знаменитымъ Французомъ. Онъ называетъ его „очень интереснымъ“, „однимъ изъ тѣхъ ученыхъ, которые выигрываютъ при ближайшемъ знакомствѣ съ ними“. Жуковскій пишетъ, что онъ уважалъ его издали и полюбилъ вблизи.

Кн. Вяземскій приводитъ выдержки изъ дневника, веденнаго Жуковскимъ въ Парижѣ. Здѣсь мы видимъ его взгляды и на государственныя учрежденія Франціи, и на ея искусства, и на характеръ народа.

Такъ, описывая камеру депутатовъ, „Il parle en acteur“ замѣчаетъ онъ объ одномъ изъ нихъ. Тѣ же недостатки замѣтилъ онъ и въ театрѣ.

Но онъ любуется понятливостію и живой воспріимчивостію Французовъ, по его словамъ, „рожденныхъ для публичныхъ преній“, но лишенныхъ потребности углубляться въ предметы. Жуковскій, прекрасно владѣвшій французскимъ языкомъ, который имѣлъ случай усвоить въ обществѣ эмигрантовъ, наѣхавшихъ послѣ 1812 года въ Мура-

---

[1]) Соч. кн. Вяз. VII.

[2]) Письмо къ г-жѣ Моро де ла М. 1827 (Соч. Ж. VI, 516).

тово, однако же отмѣчаетъ въ дневникѣ своемъ, что „нуженъ большой навыкъ слушать и удерживать въ памяти слышанное, чтобы съ пріятностію слѣдовать за дебатами". Онъ замѣчаетъ, что во время засѣданій крѣпко достается здѣшнимъ министрамъ: „въ глаза ихъ судятъ безъ пощады. Эти часы должны быть для нихъ тяжелы; но, кажется, они къ этой пыткѣ привыкли", прибавляетъ онъ.

Съ Дежерандо Жуковскій посѣтилъ школу глухонѣмыхъ, но остался недоволенъ слишкомъ бѣглымъ обзоромъ ея. „Съ охотою Тургенева торопиться", пишетъ онъ, „нельзя ничего видѣть и слышать". Однако же онъ успѣлъ ознакомиться съ ходомъ методы обученія. Особенное вниманіе остановила на себѣ здѣсь одна дѣвочка, ослѣпшая на 13-мъ году. „Она счастлива внутреннею жизнію", пишетъ Жуковскій: „которая вся религіозная".

Онъ слушалъ лекціи Вильмена о Генріадѣ и эпопеѣ и внесъ въ свой дневникъ опредѣленіе эпопеи, какъ высшаго рода поэтическихъ произведеній.

Въ засѣданіи исправительной полиціи просидѣли наши путешественники четыре часа [1]). По свидѣтельству Александра Тургенева, Жуковскаго въ Парижѣ болѣе всего заинтересовали эти судебныя сцены. Но друзья разошлись во мнѣніи объ одной изъ рѣчей королевскаго адвоката, которая Жуковскому понравилась [2]). Между прочимъ на него крайне непріятно подѣйствовалъ грубый тонъ судившихся въ тотъ день студентовъ и неприличный обычай здѣшнихъ судовъ вмѣшивать политическое въ полицейское разбирательство. Онъ нашелъ образъ разспросовъ пристрастнымъ

---

[1]) Р. С. 1875. Апр. 741.

[2]) Порою между друзьями происходили даже стычки. Кн. Вяземскій замѣчаетъ, что А. Тургеневъ былъ задирщикомъ. Вѣроятно это вполнѣ справедливо, ибо онъ однажды вывелъ изъ себя Жуковскаго, кото-

и записалъ въ дневникъ: „краснорѣчіе французовъ всегда тенденціозно“.

Охотникъ до театра, Жуковскій чуть ли не въ первый же день пріѣзда пошелъ во французскую оперу на представленіе „Взятія Коринѳа“ Россини. „Пѣніе Французовъ“, записалъ онъ, „послѣ итальянцевъ кажется крикомъ“. Но Нурри ему понравился. Сравнивая игру французскихъ актеровъ съ нѣмецкими, Жуковскій упрекаетъ французовъ за пристрастіе къ эффекту, а о нѣмцахъ замѣчаетъ, что иногда у нихъ видно слишкомъ явное стараніе рисоваться, но игра ихъ вообще проще.

Жуковскій издавна былъ любителемъ и знатокомъ сценическаго искусства. Еще въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1809 года помѣщалъ онъ мастерскіе отчеты о представленіяхъ г-жи Жоржъ, которую онъ находилъ способною „производить удивленіе, поражать, а не трогать. [1])“

Посѣтилъ онъ и балетъ, и трагедію старика Кребильона (Адамисъ и Зенобія), которую разбиралъ нѣкогда въ „Вѣст-

---

рый покаялся въ этомъ лаконическою замѣткою въ дневникѣ: „Споръ съ Тургеневымъ и моя безсовѣстная вспыльчивость“.(Ibid). Здѣсь дѣло идетъ объ одной изъ тѣхъ вспышекъ, которыя вызывала въ Жуковскомъ напускная горячность и упрямство въ спорахъ А. И. Тургенева. „Когда онъ бывало упрется“, пишетъ кн. Вяземскій объ А. И. Тургеневѣ, „заупрямится, то, по французскому выраженію,—un poltron révolté—онъ выказывалъ въ себѣ взбунтовавшееся, озлобившееся добродушіе. Тутъ запылитъ онъ, закричитъ, выйдетъ изъ себя, и буквально выйдетъ: потому что у себя и въ себѣ вовсе не чувствовалъ онъ подобнаго пыла, и никакая гроза въ немъ не бушевала. Однажды въ припадкѣ притязанія на таковую страстность бѣсновался онъ предъ Жуковскимъ. „Послушай, любезнѣйшій“, сказалъ ему другъ его, „ты напоминаешь мнѣ людей, которые разчесываютъ малѣйшій пупырушекъ, вскочившій на ихъ лицѣ, и растравляютъ его до настоящей болячки: такъ и ты—работалъ, работалъ, ковырялъ въ сердцѣ своемъ, да и расковырялъ себѣ страсть“ (Соч. кн. Вязем. VIII. 276).

[1]) Соч. Ж. V. 370.

никѣ Европы» 1810 года (№ 22). Онъ сожалѣетъ объ упадкѣ трагедіи. Не остался доволенъ и игрою Дюшенуа. Вопреки общимъ отзывамъ, что эта уже пожилая, некрасивая собою актриса, все же можетъ соперничать съ красавицами, Жуковскій осуждаетъ ее, находя слишкомъ старой. Кн. Вяземскій объясняетъ это его пристрастіемъ къ видѣнной еще въ Москвѣ знаменитой Жоржъ и нежеланіемъ измѣнить прежнимъ воспоминаніямъ. По поводу этого спектакля Жуковскій въ нѣсколькихъ словахъ высказываетъ замѣчательно вѣрный взглядъ на французскій театръ и на истинно поэтическія произведенія вообще: «Все дѣло состоитъ въ декламаціи стиховъ, а не въ изображеніи всего характера съ его нюансами, ибо такихъ характеровъ нѣтъ въ трагедіяхъ французскихъ. Ихъ лица суть не что иное, какъ представители какой нибудь страсти. Какъ въ басняхъ Левъ представляетъ мужество, Тигръ — жестокость, Лисица — хитрость, такъ напр. Оросманъ, Ипполитъ, Орестъ представляютъ любовь въ разныхъ выраженіяхъ, но характеръ человѣка тутъ не видѣнъ. Отъ этого великое однообразіе въ піесахъ и въ игрѣ актеровъ. Актеръ долженъ много творить отъ себя, чтобы дать своей ролѣ что нибудь человѣческое: таковъ былъ одинъ Тальма».

«Франція не имѣетъ трагедіи», прибавляетъ онъ послѣ присутствія на представленіи Меропы: «она во гробѣ съ Тальмою: онъ одинъ оживлялъ пустоту и сухость французскихъ трагедій» [1]). Наконецъ, посмотрѣвъ Сида, Жуковскій записываетъ въ дневникѣ своемъ послѣ замѣчанія о простотѣ и силѣ стиховъ Корнеля: «Нѣтъ характера. Одни отрывки».

[1]) Выставляя Тальму идеальнымъ исполнителемъ, Жуковскій опирается единственно на общее мнѣніе, такъ-какъ самъ онъ его не видалъ. Тальма умеръ въ 1826 году (Соч. кн. Вяз. VII).

Комедіей французской всякій разъ Жуковскій оставался очень доволенъ.

Кн. Вяземскій замѣчаетъ, что Жуковскій, вообще лѣнивый писать, скоро наскучилъ веденіемъ своего дневника, который, будучи начатъ охотно и горячо, потомъ сталъ слишкомъ кратокъ и заключалъ лишь однословныя замѣтки. «Не каждый одаренъ», прибавляетъ кн. Вяземскій, «свойствомъ пріятеля Жуковскаго—Александра Тургенева: этотъ прилежно записывалъ каждый свой шагъ, каждую встрѣчу, каждое слово, имъ слышанное... Въ журналахъ-фоліантахъ, оставленныхъ по себѣ Тургеневымъ, вѣроятно можно было бы отыскать много поясненій и пополненій къ краткому дневнику Жуковскаго».

Не забылъ прежній Арзамасецъ записать и нѣсколькихъ парижскихъ остротъ [1]).

„Дневникъ Жуковскаго кое-гдѣ иллюстрированъ рисунками или набросками пера его: таковы напр. théâtre français и другіе очерки, которые трудно разобрать. Вообще Жуковскій писалъ, хотя и некрасиво, но четко, когда прилагалъ къ тому стараніе; но про себя писалъ онъ часто до невозможности неразборчиво [2])“.

Вспоминая въ позднѣйшемъ письмѣ къ Александрѣ Андреевнѣ Воейковой (1828) [3]), свое пребываніе во Франціи, Жуковскій такъ высказываетъ общее впечатлѣніе, вынесенное имъ отъ этой страны. „Народъ“, писалъ онъ, „мнѣ нравился своею дѣятельною живостію. Не знаю, весело ли было бы съ ними остаться, но узнать ихъ было пріятно“. Онъ на-

---

[1]) Que font les vaches à Paris?—Des vaudevilles (des veaus de ville).—Quel est l'animal le plus âgé?—Le mouton, car il est l'ainé (laineux—шерстистый). Ibid.

[2]) Ibid.

[3]) P. A. 1875 III, 220.

ходилъ въ характерѣ французовъ гораздо болѣе мелочности, нежели въ русскомъ. Сторонникъ личнаго совершенствованія преимущественно передъ гражданскимъ, онъ и самые успѣхи гражданственности оцѣниваетъ здѣсь ихъ воздѣйствіемъ на личность человѣка. „У нихъ", пишетъ онъ, „болѣе жизни: гражданская жизнь развиваетъ чрезвычайно всѣ стороны частной. Чего не родится отъ партій? А у нихъ на все партіи: на религію, на литературу, на правительство". „У насъ", прибавляетъ онъ, невольно сравнивая свое отечество, только что пережившее послѣдніе тяжелые годы Александровскаго царствованія: „все спитъ—и религія, и литература, а правительство дѣйствуетъ безъ насъ. Поневолѣ и ты будешь сонный; какъ ни таращь глазъ, ничего не замѣтишь".

Личныя знакомства ослабили въ Жуковскомъ непріятныя воспоминанія о парижской жизни. „Не говорю уже о гр. Разумовской", пишетъ онъ тутъ же, „которая есть прототипъ умной, живой, огненной француженки; семейство Гизо было для меня чрезвычайно привлекательно".

Но грустью отзываются непосредственныя впечатлѣнія, пережитыя Жуковскимъ въ Парижѣ. Въ письмѣ Козлову о Парижской жизни изъ Эмса [1]), куда онъ возвратился снова для втораго курса лѣченія, „она не оставила мнѣ", пишетъ онъ, „веселаго воспоминанія". То же выражаетъ онъ г-жѣ Моро-де-ля-Мельтьеръ [2]), своей знакомой изъ Муратовскихъ сосѣдокъ, съ которою онъ познакомился еще около 1812 года: „Благодаря Вамъ, я очутился въ кругу давнишняго

---

[1]) Соч. Жук. 468.

[2]) Французская писательница (ум. въ Москвѣ, въ убѣжищѣ Св. Даріи, на Малой Лубянкѣ), переводчица Нибелунговъ. Она перевела также „Оксану" Основьяненки на франц. яз. Нѣкоторыя ея сочиненія (романы, драмы) посвящены Жуковскому (Р. А. 1875. III, 320).

знакомства: говорю о любезномъ семействѣ Гизо... Но мнѣ кажется, я обреченъ испытывать въ Парижѣ одни лишь печальныя ощущенія: я засталъ г-жу Гизо больную. Она очень слаба. Ей предписано путешествіе, и Богъ знаетъ, въ состояніи ли она предпринять его. Трудолюбіе сокрушило ее".

XXXI.

Спиритуалистическій идеализмъ Жуковскаго и его круга.—Переписка по поводу смерти г-жи Гизо и гр. Разумовской, болѣзни А. А. Воейковой и ея смерти.—А. Ѳ. Воейковъ.

Прежде нежели перейдемъ къ возвращенію Жуковскаго въ Россію, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ новыхъ лицахъ, которыя окружали его за границей, или съ которыми у него происходилъ обмѣнъ мыслей помощію дѣятельной переписки.

Центральной личностію этого круга была гр. Разумовская, имя которой упоминалось нами, когда мы говорили о Лондонскомъ изгнанникѣ.

Въ концѣ прошлаго вѣка Григорій Кирилловичъ Разумовскій (извѣстный минералогъ и съ 1790 г. почетный членъ Россійской Академіи), изрѣдка наѣзжая въ отечество, проживалъ долго въ Швейцаріи. Въ „Письмахъ Русскаго Путешественника" Карамзина встрѣчаемъ замѣтку изъ Лозанны объ этомъ русскомъ ученомъ, пишущемъ однако всѣ свои сочиненія по-французски. Здѣсь-то Григорій Кирилловичъ встрѣтилъ, среди множества семействъ французскихъ эмигрантовъ, выселившихся тогда въ Лозанну, - Эльзасское семейство Мальсенъ, голландскаго происхожденія, издавна жившихъ въ Эльзасѣ, гдѣ еще въ концѣ XVII вѣка они получили баронство. Семья состояла изъ матери и дочери—

Генріетты. Григорій Кирилловичъ влюбился въ послѣднюю и, вопреки желаніямъ отца своего, женился на ней, обвѣнчавшись во Франціи по обрядамъ латинской церкви.

Старый фельдмаршалъ, зная крайне непостоянный характеръ своего сына, пророчилъ бѣду. „Союзъ сей", писалъ онъ, „не можетъ продолжаться, хотя бы она ангелъ или чортъ была". И дѣйствительно, не далѣе какъ черезъ три года Григорій Кирилловичъ съ женой разошелся и покинулъ Швейцарію окончательно, а еще черезъ три года женился въ Тріестѣ на нѣмкѣ, баронессѣ Шенкъ де-Кастель, обвѣнчанный православнымъ греческимъ іеромонахомъ. Опираясь на то, что первый бракъ былъ совершенъ по обряду иновѣрному, графъ объявлялъ его недѣйствительнымъ. Положеніе гр. Генріетты Разумовской было тяжело. Никто изъ родства Разумовскихъ не захотѣлъ ее принимать, но у нея были письма отъ швейцарскихъ и парижскихъ друзей къ эмигрантамъ въ Россію; съ помощію ихъ она вошла въ Петербургѣ въ тотъ кругъ высшаго общества, въ которомъ вращались г-жа Свѣчина, кн. Щербатова, гр. Головина и др. Благодаря связямъ съ Новосильцевыми, она нашла доступъ и ко двору, а у Свѣчиной встрѣчала и лицъ русскаго литературнаго круга, между прочимъ братьевъ Тургеневыхъ, чрезъ которыхъ сблизилась и съ Жуковскимъ. Между тѣмъ мужъ ея, въ Теплицѣ, гдѣ жилъ съ молодою женою во время компаніи 1813 года, нашелъ случай воспользоваться присутствіемъ Императора Александра Павловича и его всегдашнею любезностію къ дамамъ; выслушавъ отъ жены его жалобу на щекотливое ея положеніе, Государь, безъ дальнихъ справокъ, приказалъ выдать ей паспортъ на имя гр. Разумовской для въѣзда въ Россію.

Между тѣмъ графиня Генріетта своимъ привлекатель-

нымъ характеромъ и блестящимъ умомъ плѣнила большую часть петербургскаго высшаго общества. Вторая жена двоеженца была встрѣчена здѣсь недружелюбно. Начался процессъ, въ свое время надѣлавшій много шуму. Святѣйшій Синодъ передалъ дѣло римско-католическому Митрополиту и, согласно его рѣшенію, постановилъ признать дѣйствительнымъ бракъ первый; второй женѣ было воспрещено называться графинею Разумовскою, а на него наложена церковная эпитимія. Новая попытка графа о покровительствѣ у Государя оказалась такъ же безуспѣшною: рѣшеніе духовныхъ властей было подтверждено; наконецъ не помогло и личное обращеніе графа къ Императору. Вторая жена не выдержала удара и умерла съ отчаянія.

Гр. Генріетта поселилась въ Парижѣ. Гостиная ея, rue du Bac, № 27, стала извѣстна всему Парижу. Гизо, Дежерандо, Огюстенъ Тьерри, Вильменъ и др. стали ея друзьями. Она была въ тѣсной дружбѣ съ гр. Каподистріей [1]), съ Тургеневыми въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Мы видѣли, какое горячее участіе она принимала въ судьбѣ Николая. Она взяла на себя трудную обязанность объявить ему о смерти брата его Сергѣя, скончавшагося на ея рукахъ, и для этого ѣздила въ Лондонъ.

Жуковскій, разставаясь съ нею при выѣздѣ изъ Парижа въ Эмсъ, оставилъ ее у постели погасающей жены Гизо. Уже въ Эмсѣ онъ получилъ отъ графини подробное описаніе послѣднихъ минутъ этой страдалицы.

Письмо это, живо рисующее и самую умирающую, и эту сердечную женщину, такъ часто стоявшую лицомъ къ лицу со смертію, вводитъ насъ въ религіозныя идеи и представ-

---

[1]) См. „Семейство Разумовскихъ“ кн. Васильчикова. Т. II, стр. 176—203.

ленія, которыя были, повидимому, общими въ томъ кругѣ, гдѣ вращался теперь Жуковскій. И Гизо, и графиня Разумовская, и Тургеневы, насколько показываютъ письма, говорили однимъ языкомъ, и въ общихъ чертахъ вѣровали одинаково. Печальныя семейныя событія, потрясшія ихъ дружескій кругъ въ это время, подавали поводъ неоднократно высказывать самыя задушевныя мысли, касавшіяся ихъ вѣрованій. Во всемъ этомъ шепотѣ людей, поникшихъ головою передъ ударами неумолимаго рока, разлитъ тотъ идеализмъ, который такъ былъ по душѣ Жуковскому. Читая, напр. письмо гр. Разумовской о кончинѣ жены Гизо Полины, кажется, слышишь мѣстами одну изъ элегій или читаешь письмо самого Жуковскаго:

„Эти послѣдніе дни, которые только что протекли, освятятъ и направятъ остатокъ моей жизни. Я думала о васъ подлѣ этой умирающей, сіявшей безсмертіемъ, и пожалѣла о вашемъ отсутствіи: вашъ благородный геній нашелъ бы тутъ вдохновеніе, его достойное. Я провела съ нею четыре дня неразлучно. Будучи въ Пломбіерѣ, мужъ самъ объявилъ ей, что выздоровленіе ея невозможно. Тогда она тотчасъ пожелала возвратиться въ Парижъ, чтобъ умереть среди всѣхъ своихъ и воспоминаній всей своей жизни... Она сказала мнѣ, что предалась уже Богу (qu'elle avait fait son sacrifice à Dieu, qu'elle était entièrement resignée)... Мужъ ея былъ такъ совершенъ, насколько то возможно существу человѣческому. Подъ его мужествомъ скрывалось нѣчто превышающее человѣка, но волосы его посѣдѣли въ эти четыре дня и лицо его состарѣлось на двадцать лѣтъ. Онъ говорилъ ей о ея смерти, о ихъ будущемъ, о Богѣ, съ увѣренностію апостола и съ нѣжностію лучшаго изъ мужей. Страданія прекратились, и въ эти четыре дня жизнь оставалась лишь въ сердцѣ и

головѣ; все въ ней изчезло, но душа оставалась тою же, и являлась намъ ощутительнѣе, нежели когда нибудь"... Когда явившійся къ нимъ Ремюза разсказывалъ у постели больной о своемъ путешествіи, о Николаѣ Тургеневѣ и хвалилъ его, — „тогда", говоритъ гр. Разумовская, „Полина взглянула на меня ласково и сказала: „И онъ также добрый; это хорошіе друзья; скажите Александру и Жуковскому, что мнѣ хотѣлось бы видѣть ихъ здѣсь, что они для меня не иностранцы; я совершенно сроднилась съ ними (je les ai entièrement adoptés); это благородныя души"...

На замѣчаніе г-жи Гизо о томъ, что гр. Разумовская готовитъ себѣ горе, увлекаясь сношеніями съ Николаемъ Тургеневымъ, такъ какъ имъ нѣтъ будущаго, и что не слѣдуетъ давать такъ много, если нельзя отдать всей жизни, графиня отвѣчала ей, что она ничего не требуетъ отъ своего друга кромѣ того, что̀ равно доступно во всякомъ положеніи. Это успокоило больную.

Прощаясь на другой день съ графиней, она сказала: „Вы не забудете меня, вы будете любить его (ея мужа). Я буду подлѣ васъ, если это возможно. Другъ мой! Богъ насъ ожидаетъ всѣхъ; мы всѣ свидимся, чтобы любить другъ друга вѣчно; смерть пріятна, другъ мой: она полна будущаго".

„Во вторникъ", продолжаетъ гр. Разумовская, „былъ спазматическій припадокъ, но скоро утихъ; день и ночь протекли въ трогательныхъ изъявленіяхъ нѣжности и въ разговорахъ, которые укрѣпляли наши души. Она жила только однимъ чувствомъ; жизнь матеріальная прекратилась; она не принимала никакой пищи, только немного сахарной воды. Днемъ была минута особенной слабости. Мужъ ея вызвалъ ее къ жизни, какъ это ему удавалось и прежде, приложивъ свои губы къ безцвѣтнымъ губамъ

достойной женщины. Она пришла въ себя и улыбнулась ему. Небо заключалось въ этой улыбкѣ. Я сказала это Гизо, и что это будетъ прекраснымъ для него воспоминаніемъ. „О“, отвѣчалъ онъ, „покуда только она дышетъ, она будетъ любить меня и чувствовать, что я люблю ее, а тамъ, на небесахъ (là-haut) она будетъ это чувствовать еще болѣе“... „Въ 11 часовъ (слѣдующаго дня) она попросила мужа прочитать письмо Фенелона, и назначила которое; она была довольна имъ и попросила проповѣди Боссюэта о смерти.

Въ половинѣ этого чтенія ему показалось, что глаза ея болѣе не видятъ; онъ спросилъ ее объ этомъ; она подала знакъ въ отвѣтъ и уже не могла говорить, но была въ полномъ сознаніи: она сжимала его руку, улыбнулась еще разъ и перестала дышать. Мужъ долго оставался неподвижнымъ подлѣ нея, потомъ поднялся и сказалъ: „Пойдите, друзья мои, проститесь и вы съ нею.“ Мы простились. Всѣ, кого она любила, собрались въ Парижъ: Ремюза, Брольи, м-мъ де С.-Олеръ“...

„Я не думала,“ продолжаетъ гр. Разумовская, „чтобы можно было съ такимъ удовольствіемъ цѣловать мертвую. Мои губы не могли оторваться отъ нея. Лицо ея хранило видъ величія. Мы съ Элизой убрали ее; это я ей обѣщала, не понимая, чего мнѣ это будетъ стоить; тѣмъ не менѣе я исполнила это дѣло дружбы, и ни одна рука, которая не была бы дорога для нея, къ ней не прикоснулась. Гизо не отходилъ отъ гроба; всю послѣднюю ночь Элиза и я провели вмѣстѣ съ нимъ. Въ четвергъ онъ отправился отдать ей послѣдній долгъ“... „Постель ея,“ прибавляетъ графиня Разумовская, „была пустою лишь одну ночь... онъ можетъ тутъ спать; онъ еще услышитъ тутъ благословенія жены своей...“

„Всѣ просятъ вамъ напомнить о себѣ; ваши оба имени произносятся здѣсь безпрестанно. Вы „водворились здѣсь, какъ будто составляете для нихъ важнѣйшее въ жизни. Вы прозрачны, Жуковскій: васъ полюбишь скоро и съ полной довѣренностью".

«Дежерандо напоминаетъ вамъ о себѣ; въ его рукахъ всѣ бумаги Монморанси...» «Онъ мнѣ сказалъ (примите во вниманіе, что онъ былъ другомъ Монморанси), что въ его запискахъ нѣтъ ничего достойнаго сообщенія; что онъ самъ удивился, какъ этотъ характеръ и этотъ умъ въ концѣ концовъ измельчали отъ худо-понятой набожности (de ce que ce caractère et cet esprit a pris à la fin de retréci par le fait d'une dévotion mal entendue); вы вѣдь знаете, что Дежерандо самъ очень набоженъ. Монморанси опирался только на одну свою совѣсть, а совѣсть, отданная подъ управленіе духовника, не можетъ достаточно просвѣтить".

Не прошло и пяти мѣсяцевъ, какъ Александру Тургеневу пришлось повѣствовать въ письмѣ къ Жуковскому въ Петербургъ о кончинѣ самой гр. Разумовской.

„Еще дышетъ наша благодѣтельница," пишетъ онъ, „но сегодня рано поутру потребовала приходскаго священника не для исповѣди, а для успокоенія совѣсти; послѣ объясню тебѣ это обстоятельство [1]. Онъ пришелъ. Я былъ въ другой комнатѣ. Она позвала графиню С. Олеръ и желала, чтобы она была при немъ. Священникъ убѣждалъ; графиня С.Олеръ на минуту вышла, но скоро она опять ее потребовала, и священникъ оставилъ ее. С. Олеръ уговорила ее опять позвать его. Онъ возвратился не на долго; она

---

[1]) Въ письмѣ къ Н. Тургеневу это объяснено такъ: „Она говорила мнѣ, что онъ глупъ, а сама она trop vive была съ нимъ. (Васильчиковъ. „Сем. Разум." II, 204).

болѣе не увидитъ его,—и спокойна, исполнивъ то, что̀ почитала для себя достаточнымъ. Она много и часто говорила о своихъ послѣднихъ минутахъ, о смерти, о религіи, о спокойствіи и преданности волѣ Божіей...“

„Сижу съ Гизо надъ умирающей,“ приписываетъ онъ ночью... „Она стонетъ, страдаетъ не сильно... Узнавъ, что я провожу ночь въ другой комнатѣ, позвала она меня и сказала, чтобъ я отправилъ письмо къ брату, не читая его. Я обѣщалъ... „Это одно, что̀ меня еще безпокоило“, сказала она. „Je vous aime; je vous aime beaucoup; je suis bien aise de ce qui arrive“, повторила она два раза: „qu'ai-je faire de la vie? Потомъ поговорила о вчерашнемъ свиданіи съ священникомъ. Между тѣмъ руки ея искали мою руку. Она держала ее нѣсколько минутъ; потомъ опять метала около себя...“

Черезъ три дня онъ пишетъ: „Въ полночь съ 16 по 17 ея не стало. Она почти не страдала; была все въ памяти но давно уже на вопросы отвѣчала только: oui et non или кивала головою. Иногда говорила: „c'est long,“ разумѣя, какъ и прежде, борьбу со смертію...“

„Между тѣмъ какъ я писалъ къ брату письмо, она скончалась. Гизо сидѣлъ еще въ другой комнатѣ и заснулъ. Она кашлянула, и къ ней подошли. Разбудили Гизо въ ту же минуту, и едва-едва успѣлъ онъ принять послѣдній вздохъ ея. Меня Богъ лишилъ сего поученія. Тихо, безъ страданія, отошла она туда, гдѣ умолять будетъ за насъ милосердіе Божіе и правду Его“.

„Мнѣ тяжело и грустно здѣсь, но и отлучиться страшно“, заключаетъ Тургеневъ свое печальное повѣствованіе: „Какой-то ужасъ охватываетъ меня, когда только мысль придетъ объ отъѣздѣ. Въ Москвѣ похоронилъ я матушку,

въ Петербургѣ Карамзина, въ Лондонѣ живаго брата, здѣсь Сережу и графиню Разумовскую. Хотѣлось бы уѣхать, но куда? Милый другъ, береги себя, и если опять однѣ воды могутъ быть тебѣ полезны, то возвратись. Никогда я не чувствовалъ такого желанія жить не въ этомъ мірѣ и никогда такъ не страшился за тебя и за себя. У насъ еще одинъ остался. Я только въ любви къ нему и присоединяю тебя къ судьбѣ своей...“

Черезъ пять дней Тургеневъ уже описывалъ Жуковскому похороны графини.

Но вернемся къ Жуковскому, который, покидая Парижъ, еще не думалъ о смерти г-жи Гизо, а тѣмъ менѣе о кончинѣ этой „огненной“ француженки, казавшейся всѣмъ ее знавшимъ столь полною жизни.

Возможность новой утраты, и притомъ личности, которая была теперь ему дороже всѣхъ въ жизни, сжала его сердце, когда онъ возвратился изъ Парижа въ Эмсъ. Его ожидало здѣсь письмо Александры Андреевны Воейковой, которое, по собственному его выраженію, „многое ему сказало“. Письмо заключало извѣстіе объ отчаянной болѣзни, побудившей ее спѣшить въ Италію. Краткость этого письма возбудила въ немъ тысячи тревожныхъ сомнѣній, и онъ умоляетъ Козлова поскорѣе написать всю правду: что̀ заставило д-ра Арендта рѣшиться послать ее въ Италію, и имѣетъ ли она нужныя для того средства?

Козловъ, уже съ 1821 года слѣпецъ, былъ очень друженъ съ друзьями Жуковскаго. Вотъ какъ онъ самъ въ посланіи своемъ „Къ другу В. А. Ж. по возвращеніи его изъ путешествія“ [1]) повѣствуетъ о томъ участіи, какое Александра Андреевна принимала въ немъ:

---

[1]) Стих. Ив. Козлова. Изд. Смирдина. I. 33.

Случалось ли когда, что вдругъ,
Невольной угнетенъ тоскою,
Я слезы лилъ,—тогда, мой другъ,
Свѣтлана плакала со мною;
Въ надеждахъ вѣры устремлять
Всѣ чувства на дѣтей искала,
И чѣмъ мнѣ сердце услаждать,
Своимъ то сердцемъ отгадала,—
И вслѣдъ за ней явились мнѣ
Тѣ добродѣтели святыя...
... Прекрасный другъ тоски моей,
Небесной кротостью своей
И силой нѣжныхъ увѣщаній
Она мнѣ сладость въ душу льетъ,
Ласкаетъ, радуетъ, поетъ;—
И рой моихъ воспоминаній,
Съ цвѣтами жизни молодой,
Какъ въ блескѣ радужныхъ сіяній,
Летаетъ снова надо мной.

Козловъ поспѣшилъ успокоить Жуковскаго. Черезъ три недѣли полученный отъ него отвѣтъ и еще письмо Татьяны Семеновны Вейдемейеръ [1]) обрадовали Жуковскаго, сообщивъ, что Александра Андреевна ѣхать можетъ.

А на пути въ Россію, въ Берлинѣ, Жуковскій даже съѣхался съ Александрой Андреевной. Онъ спѣшитъ сообщить объ этомъ Государынѣ въ предпослѣднемъ письмѣ своемъ къ ней [2]). „Слава Богу", пишетъ онъ, „я нашелъ ее лучше, чѣмъ предполагалъ. Она путешествуетъ, не утомляясь, и путешествіе повидимому ей приноситъ пользу. Тяжелая половина пути теперь окончена: каждый день будетъ отдалять ее отъ сѣвера и приближать къ прекраснымъ странамъ юга. Не смотря на то, что теряю съ ней

---

[1]) Рожденная княжна Херхеуладзева, которую Жуковскій называлъ Темирой.

[2]) Соч. Жук. VI. 451.

мой домашній кругъ, я до глубины души радуюсь, что она была въ состояніи выѣхать"... „Александрина уѣзжаетъ въ будущее воскресенье", пишетъ далѣе Жуковскій, „я провожу ее до Потсдама".

Но надеждамъ его не суждено было осуществиться.

Мы не нарушимъ нашего повѣствованія, если заглянемъ и здѣсь нѣсколько впередъ и изъ писемъ Жуковскаго къ Александрѣ Андреевнѣ Воейковой, писанныхъ имъ уже въ Петербургѣ, извлечемъ тѣ строки, которыя такъ родственны разсмотрѣннымъ выше напутствованіямъ въ міръ иной людей близкихъ.

Впечатлѣніе отъ этихъ писемъ еще поразительнѣе. Здѣсь уже рѣчь не о третьемъ лицѣ; здѣсь самой умирающей говорится о ея смерти; во второмъ письмѣ даже эта рѣчь ведется условно: „можетъ быть, ты уже стала ангеломъ", пишетъ здѣсь ей Жуковскій. До такой степени эти люди чувствовали себя близкими къ иному міру, который былъ для нихъ такою же реальностію, какъ и тотъ міръ, въ которомъ они жили, приготовляясь къ міру иному.

„Я прочелъ твое письмо къ Перовскому", пишетъ Жуковскій въ первомъ письмѣ [1]): „намъ должно лишиться тебя; я даже не знаю, кому я пишу; жива ли ты еще, прочтешь ли ты это письмо?... Не для того, чтобы разжалобить или потревожить тебя моею печалью, пишу я въ такую минуту. Я знаю, что въ смерти для тебя нѣтъ ничего страшнаго. Неужели такъ трудно стать ангеломъ, принять спокойствіе иной жизни, покинуть страхъ жизни здѣшней? Твоя жизнь была чиста! Иди же къ своему назначенію! Благословляю тебя! Я знаю, что ты спокойна и свѣт-

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1869. V. 106. Письмо отъ 4 февраля 1829 года на французскомъ языкѣ.

ла. Я хочу только успокоить твои послѣднія минуты извѣстіемъ о томъ, что̀ останется отъ тебя въ этомъ мірѣ". Успокоивъ умирающую относительно участи ея дѣтей, Жуковскій заканчиваетъ: „Благословляю тебя, покоряясь необходимости потерять тебя! Если же Богъ въ своей благости судилъ иначе, да послужитъ тебѣ это письмо завѣщаніемъ, сдѣланнымъ заблаговременно".

„Саша, ангелъ мой", пишетъ онъ во 2-мъ письмѣ [1]), „можетъ быть, ты уже стала ангеломъ во всѣхъ отношеніяхъ. Пиши о себѣ безъ тревоги; развѣ ты можешь тревожиться о своемъ будущемъ? Въ твоемъ переходѣ въ жизнь, столь достойную тебя, есть что-то чистое. Я не могу думать о моей потерѣ; я думаю только о томъ, что̀ происходитъ съ тобою. А что̀ совершается съ тобою—такъ божественно! Осмѣлюсь ли тутъ примѣшивать что̀ нибудь свое?...

„Мнѣ кажется", продолжаетъ онъ, „что все это происходитъ со мною самимъ, и что я долженъ готовиться къ переходу въ этотъ таинственный міръ. Есть что-то торжественное въ этомъ ожиданіи. Теперь только я начинаю знакомиться короче съ жизнью будущею. Что̀ всего дороже—переходитъ туда. Развѣ ты покидаешь меня? Нѣтъ, ты становишься для меня осязательнымъ звеномъ между здѣшнимъ міромъ и тѣмъ; ты налагаешь на меня священное обязательство остаться вѣрнымъ тебѣ въ этомъ мірѣ, и эта вѣрность будетъ заключаться въ привязанности къ твоимъ дѣтямъ. Молю Бога, да дозволитъ онъ, чтобъ это письмо еще застало тебя—если только успокоеніе тебѣ нужно. И ты увидишь изъ письма, какъ я смотрю на свое горе: я нахожу въ немъ сердечную религію. Я нахожу въ тебѣ убѣдительнаго проповѣдника, который говоритъ мнѣ обо всемъ: и о

---

[1]) Id. 107.

здѣшней жизни, и о той. Я знаю, что въ моемъ письмѣ ничто не можетъ смутить тебя. Твоя душа создана для того, чтобы съ ясностію принять счастіе перехода въ лоно Божіе. Говоря мнѣ о дѣтяхъ, ты успокоишь себя насчетъ дѣла, которое можетъ тебя безпокоить. Но жизнь ихъ матери будетъ ихъ ангеломъ-хранителемъ".

Въ письмѣ къ Зейдлицу [1]), присутствовавшему при смерти А. А., о томъ же предметѣ,—Жуковскій даже съ чувствомъ нѣкоторой зависти представляетъ себѣ своего друга, который у гроба сестры дорогой его Марьи Андреевны снова съ ней встрѣтился. „Вы двое были подлѣ нея представителями всего лучшаго", пишетъ онъ: „она—невидимо съ того свѣта, на свиданіе, а ты—при исходѣ изъ здѣшняго, на прощаніе. Такого рода счастіе не многимъ достается, и ты вполнѣ достоинъ получить его. Она не обманулась: „Розы разцвѣтаютъ" [2]) на ея гробѣ, и твоей дружеской рукѣ суждено было посадить ихъ. Ты берегъ ея милую душу въ послѣднія минуты, и ты же берегъ для насъ всю прелесть этихъ небесныхъ послѣднихъ минутъ. Благодаря тебѣ, мысль о ней возбуждаетъ въ сердцѣ все, что̀ есть прекраснаго въ жизни: какая-то чистая музыка слышится, когда переносишься воображеніемъ въ эту минуту. Для меня теперь все прекрасное будетъ синонимомъ смерти".

„Все прекрасное будетъ синонимомъ смерти!" горькое слово. Но не будемъ спѣшить упрекомъ поэту нашему въ пессимизмѣ. Были серьезныя причины такому безотрадному чувству при мысли о смерти этой женщины, бывшей для него послѣ сестры ея, быть можетъ, дороже всѣхъ его близ-

---

[1]) Id. 108.

[2]) Покойница очень любила слушать эту пѣснь Жуковскаго, положенную на музыку Вейраухомъ (Прим. Зейдл.).

кихъ. Съ нею отрывалось столько драгоцѣннаго въ его жизни!

Но еще болѣе должно было трепетать его сердце при мысли, отъ какой жизни освободила ее эта „прекрасная смерть“.

Мы имѣли уже случай упоминать о ея мужѣ. Чтобы получить полное представленіе о томъ, чѣмъ долженъ былъ быть для ея нѣжнаго и благороднаго существа бракъ съ Воейковымъ, приведемъ еще нѣсколько характеристическихъ чертъ изъ воспоминаній о немъ, дошедшихъ до насъ въ печати. Если въ этихъ сообщеніяхъ и есть преувеличенія, однако тонъ отзывовъ объ этомъ человѣкѣ и другихъ лицъ, которыхъ нѣтъ никакого основанія подозрѣвать въ несправедливости, замѣчательно согласуется съ этими сообщеніями. Припомнимъ, между прочимъ, впечатлѣніе, произведенное Воейковымъ на И. С. Тургенева, встрѣтившаго его у Плетнева, гдѣ на литературномъ вечерѣ предстало ему это тогда уже полуразрушенное „хромоногое и какъ бы искалѣченное существо, съ повадкой стариннаго подъячаго, съ желтымъ припухлымъ лицомъ и недобрымъ взглядомъ черныхъ крошечныхъ глазъ“ [1]). Этотъ человѣкъ, въ которомъ гнѣздились всевозможные пороки, полный самыхъ непростительныхъ противорѣчій, и въ ту пору, когда былъ полонъ жизненныхъ силъ, оставлялъ рядомъ съ милой головкой жены своей впечатлѣніе хромоногаго Вулкана подлѣ Венеры. Такъ и называли ихъ встрѣчавшіе вмѣстѣ въ обществѣ. Воейковъ, единственное пятно и той школы, гдѣ имѣлъ честь обучаться и откуда вынесъ умѣніе владѣть перомъ лишь на собственную пользу, — и честнаго Арзамаса, гдѣ подъ именемъ „Печурки“, конеч-

---

[1]) „Литературный вечеръ у Плетнева“ (Соч. Тург. Т. I.).

но, не разъ оскорблялъ чувство добрыхъ копотью грязной души своей,—самый даръ свой, не лишенный блеска юмора, которымъ надѣлила его природа, примѣнялъ чаще къ оскорбленію другихъ, нежели къ изящной насмѣшкѣ надъ тѣмъ, что̀ достойно посмѣянія. Виновный передъ Жуковскимъ въ прямомъ противодѣйствіи его исканіямъ въ семьѣ у Протасовой, безъ всякихъ цѣнныхъ принциповъ, которыя бы его къ тому побуждали; по мѣткому выраженію Зейдлица—какъ ежъ извѣстной басни, выживший поэта нашего изъ семьи, столь для него драгоцѣнной, и затѣмъ не задумавшійся воспользоваться протекціей своего друга при полученіи дерптской профессуры, — этотъ мелкій услужникъ „остраго слова", рабъ дешевой репутаціи остроумца,— сумѣлъ сдѣлать и жизнь жены своей полною терній, тѣмъ болѣе для нея язвительныхъ, что она воспитана была въ семьѣ чистой и убѣжденій возвышенныхъ. „Обязанный", по словамъ Греча, „всѣмъ своимъ существованіемъ" [1]) несравненной женѣ своей, онъ, по тому же извѣстію, торговалъ кротостію ея. Гречь приводитъ такой примѣръ:

„Пріѣдетъ Александръ Тургеневъ и идетъ, по обычаю, въ ея кабинетъ. Двери заперты. Что это? спрашиваетъ онъ у Воейкова.—„ Она заперлась", отвѣчаетъ Воейковъ, „плачетъ".—„Плачетъ? о чемъ?"—„Какъ, о чемъ? Въ домѣ копѣйки нѣтъ, не на что обѣдать завтра. Заплачешь съ горя".—„Пусти меня къ ней". — „Не пущу, дай пятьсотъ рублей."—„Возьми!".

Отпираютъ дверь кабинета. Тургеневъ находитъ Александру Андреевну дѣйствительно въ слезахъ, но вслѣдствіе огорченій, претерпѣнныхъ ею отъ мужа [2])".

---

[1]) Р. С. 1874. III, 631.
[2]) Ibid. 632.

А каковы были эти огорченія, даже оскорбленія, можно посудить изъ другаго факта, сообщаемаго Гречемъ:

„Однажды въ обществѣ Жуковскаго, Гнѣдича, Дельвига и еще нѣсколькихъ знакомыхъ, зашла рѣчь о томъ, можно ли желать себѣ возвращенія молодости. Мнѣнія были различны. Жуковскій сказалъ, что не желалъ бы вновь пройти сквозь эти уроки опыта и разочарованія въ жизни. Воейковъ возразилъ: — „Нѣтъ! я желалъ бы помолодѣть, чтобъ еще разъ жениться на Сашенькѣ“.....

. . . . . .

(Это выражено было самымъ циническимъ образомъ). Всѣ смутились. Александра Андреевна заплакала. Поспѣшили встать изъ за стола“. Гречь прибавляетъ—и намъ пріятно заключить этимъ разсказъ этотъ—что когда гости вышли въ верхнюю свѣтелку и, снявъ съ себя фраки, расположились курить,—услышавъ какую-то новую грубость Воейкова, кроткій Жуковскій, въ порывѣ неудержимаго негодованія, схватилъ палку и отколотилъ его по обнаженнымъ плечамъ... А на другой день опять помогалъ ему, во имя дорогой ему Александры Андреевны [1]).

[1]) Мы рѣшились изложить этотъ разсказъ Греча, во-первыхъ, потому, что этотъ фактъ послѣ сообщенія его въ Русской Старинѣ еще 1874 года донынѣ никѣмъ опровергнутъ не былъ; во вторыхъ, потому, что такъ естественна въ данномъ случаѣ крайняя степень негодованія со стороны цѣломудреннаго Жуковскаго, оскорбленнаго въ самомъ лучшемъ чувствѣ своемъ; въ третьихъ, потому, что на него бросаетъ нѣкоторый свѣтъ собственное сознаніе Жуковскаго въ посѣщавшихъ его порою проявленіяхъ вспыльчивости въ одной замѣткѣ парижскаго дневника его (см. стр. 375 нашей книги). Не забудемъ также турецкую кровь, текшую въ жилахъ Жуковскаго. Сверхъ того, въ невольныхъ вспышкахъ Жуковскаго убѣждаетъ насъ слѣдующій разсказъ, слышанный нами отъ А. П. Петерсона. Жилъ онъ въ Долбинѣ въ антресоляхъ надъ комнатою Жуковскаго, изъ которой печь проходила къ нему наверхъ. Полъ комнаты, занимаемой А. П. Петерсономъ, какъ это часто дѣлается для большей безопасности отъ пожара, не прилегалъ плотно къ печкѣ и оставлялъ зна-

Съ чувствомъ безпредѣльнаго снисхожденія и всепрощающей кротости, Жуковскій во все время жизни Александры Андреевны окружалъ ея мужа услугами своей заботливости, съ терпимостію, достойною Алеши въ семьѣ Карамазовыхъ.

Онъ думалъ поднять его нравственно; поэтому содѣйствовалъ и его опредѣленію профессоромъ, даже вопреки его правамъ на это мѣсто, какъ прапорщика въ отставкѣ, не имѣвшаго никакой ученой степени. Мы слышали, что на рѣзкія, хотя и справедливыя нападки другихъ противъ Воейкова, Жуковскій съ горькимъ состраданіемъ замѣчалъ: „Не упрекайте его. Сохрани Богъ, если человѣкъ потеряетъ самъ къ себѣ уваженіе“!

Безсердечный человѣкъ этотъ заклевалъ свою голубку и умножилъ число дорогихъ Жуковскому душъ, „милыми тѣнями“ постепенно населявшихъ тотъ таинственный свѣтъ, къ которому такъ часто ощущалъ онъ стремленіе, охватывавшее порою, какъ мы видѣли, и Александра Тургенева, не смотря на полную его противоположность съ Жуковскимъ.

И въ самомъ дѣлѣ, сколько жизней погасло вокругъ на-

чительное отверзтіе, прикрытое рѣшеткой, черезъ которую было слышно все, происходящее внизу. Однажды А. П. Петерсонъ слышалъ, какъ Жуковскій, выведенный изъ терпѣнія своимъ Максимомъ (тѣмъ самымъ, котораго, какъ мы имѣли случай упоминать, онъ потомъ отпустилъ на волю), любившимъ порядкомъ выпить, ударилъ его по лицу. Надо видѣть, разсказывалъ намъ А. П. Петерсонъ, съ какимъ чувствомъ совѣстливости и сожалѣнія о своемъ поступкѣ онъ потомъ просилъ у Максима прощенія и цѣловалъ его при этомъ. Это тотъ самый Максимъ, который, по выраженію Жуковскаго,

..... былъ не глупъ,
Прекрасенъ такъ, что заглядѣться.
Всегда онъ надѣвалъ тулупъ,
Когда въ тулупъ хотѣлъ одѣться.

(Долбинскія стих. Соч. Ж. Т. I, 460).

шихъ друзей. Эти питомцы Благороднаго Пансіона не умѣли смотрѣть на смерть равнодушно. Смерть была для нихъ и тайною, и «поученіемъ», какъ выразился Тургеневъ въ письмѣ своемъ; смерть была для Жуковскаго событіемъ, „въ которомъ поэта ожидало вдохновеніе", какъ писала гр. Генріетта Разумовская. То были представленія, общія всему этому дружескому кругу, изъ котораго смерть вырвала на ихъ глазахъ двухъ лучшихъ женщинъ и готовилась, какъ мы уже знаемъ, унесть и третью. Мы нарочно сдѣлали значительныя выдержки изъ писемъ графини Разумовской. Читатель видитъ, что тутъ нѣтъ и тѣни того католическаго обскурантизма, въ которомъ, быть можетъ, вздумалъ бы онъ заподозрить ея кругъ, нерѣдко посѣщавшійся извѣстнымъ Жозефомъ де-Местромъ. То были лица, жившія умомъ собственнымъ. Общимъ у нихъ былъ тотъ поэтическій спиритуализмъ, который умягчалъ ихъ души и дѣлалъ воспріимчивыми къ добру и терпѣливыми въ перенесеніи несчастій. Этотъ идеализмъ сообщалъ ихъ нравственному міру цѣлительную гармонію въ это время, тяжелое для обществъ и государствъ, которыя, въ судорожныхъ перемѣщеніяхъ своихъ членовъ, искали безболѣзненнаго положенія и правительству, и церкви, и искусству, и наукѣ, и нравственности. Жуковскій былъ изъ числа этихъ людей, умѣвшихъ и встрѣчать смерть, и жить, не посрамляя достоинства человѣка.

Но онъ умѣлъ жить, не посрамляя и достоинства гражданина.

Обязанности призывали его въ Россію. Его сердце сжималось передъ тѣмъ великимъ поприщемъ, котораго никогда прежде не думалъ избирать онъ для себя, и на которое считалъ себя увлеченнымъ какою-то силою судьбы, безъ участія собственной воли. „И вотъ", писалъ онъ, „я преданъ

дѣятельности, которая совсѣмъ иная, нежели дѣятельность, наполнявшая прежде мою душу. Не я выбралъ ее. Она предстала передо мною, какъ повелѣніе Провидѣнія, которому я хочу покориться съ полнѣйшей преданностію. Меня пугаетъ это дѣло, которое, конечно, превышаетъ мои способности: но оно наполняетъ собою мое существованіе; оно возвышаетъ мою душу; вся моя жизнь принадлежитъ ему" [1]).

Передъ отъѣздомъ изъ Берлина Жуковскій напутствовалъ гр. Каподистрію, посвятившаго себя тогда дѣлу освобожденія Греціи. Прочитавъ его письмо къ барону Штейну, въ которомъ онъ, отправляясь на подвигъ, просилъ благословенія у этого знаменитаго государственнаго мужа Пруссіи, Жуковскій пишетъ Каподистріи: „Ваша жизнь есть проповѣдь добродѣтели и долга. Я воспользуюсь ею для своего безвѣстнаго поприща и постараюсь сдѣлаться достойнымъ любви къ памяти Каподистріи" [2]).

Напутствовавъ его на подвигъ освобожденія угнетеннаго народа, Жуковскій простился съ берлинскими друзьями и двинулся на свой подвигъ, посвященный отечеству, „заключавшій теперь все, что̀ ему было дорого въ жизни" [3]).

XXXII.

Кончина Вдовствующей Императрицы. — «У гроба Императрицы Маріи Ѳеодоровны». — Жуковскій и Шиллеръ. — «Поликратовъ Перстень». — «Жалоба Цереры».

Настроеніе, выразившееся въ приведенныхъ выше письмахъ, тѣ образы, которые цѣлымъ рядомъ пережитыхъ впе-

---

1) Письмо къ г-жѣ Моро-де-ля-М. (VI. 513).

2) Соч. Жук. VI, 515.

3) Письмо къ Имп. Алекс. Ѳеод. отъ 15 сент. 1827 (Соч. Ж. VI, 299).

чатлѣній внѣдрялись въ воображеніи нашего поэта, весь этотъ складъ идей, смолоду выношенныхъ въ глубинѣ души и теперь нашедшихъ подкрѣпленіе въ опытахъ жизни,— могли ль не выразиться и въ произведеніи поэтическомъ?

12 октября 1828 года, въ половинѣ пятаго часа утра, Императрица Марія Ѳеодоровна начала чувствовать лихорадочные припадки, колику и тошноту. Четыре слѣдующіе дня лихорадочные припадки продолжались; затѣмъ наступившій кризисъ прекратилъ ихъ; возвратились сонъ и аппетитъ, такъ что больная могла иногда вставать съ постели, и всѣ считали ее выздоравливающею; она выразила желаніе, чтобы о ея болѣзни не сообщалось во всеобщее свѣдѣніе.

Но 22 октября лѣчившій ее медикъ вдругъ замѣтилъ при сильномъ раздраженіи нѣкоторое затрудненіе въ выговорѣ, притупленіе памяти, слуха и вообще онѣмѣлость въ органахъ чувствъ, что̀ и побудило его немедленно составить консультацію. По общему совѣту рѣшено было прибѣгнуть къ кровопусканію. На слѣдующій день, въ 6 часовъ пополудни, неблагопріятные признаки побудили Министра Двора послать за духовникомъ Государыни, которая сама изъявила желаніе пріобщиться Св. Таинъ, лишь только Государь упомянулъ ей объ этомъ. Исполнивъ этотъ долгъ христіанки, она приподнялась на постели и сѣла. Государь и Государыня Александра Ѳеодоровна безотлучно находились при ней. Больная благословила ихъ и пожелала видѣть Цесаревича. Онъ самъ спросилъ у нея, не угодно ли ей видѣть и сестрицъ, и получивъ на то согласіе, побѣжалъ за ними и привелъ Великихъ Княженъ къ умирающей. Она благословила внучатъ и уже съ трудомъ, при пособіи Государя, положила ослабѣвающую руку на поднесеннаго къ ней пробужденнаго отъ сна младенца Константина.

Потомъ, послѣ краткой дремоты на одно мгновеніе обратила она глаза на Государя, но не произнесла уже ни одного слова. Ей оставалось жить только одинъ часъ. Въ исходѣ третьяго часа утра, 24 октября, легкій трепетъ на устахъ возвѣстилъ окружавшимъ о наступленіи послѣдняго мгновенія [1]).

Ночь наканунѣ погребенія, проведенная у ея гроба, послужила Жуковскому первымъ поводомъ выразить тѣ мысли, которыя неотступнымъ роемъ наполняли его душу и, казалось, только дожидались перваго случая, чтобы прозвучать на гармоническихъ струнахъ его лиры, къ которой, занятый своими обязанностями наставника, онъ такъ рѣдко теперь прикасался.

Но пѣсня не удалась поэту. Съ усиліемъ попыталъ онъ извлечь изъ лиры своей звуки, чтобы разрѣшить накипѣвшую горечь отъ этихъ неумѣренныхъ поборовъ алчной судьбы, которымъ, казалось, и конца не предвидѣлось. Жуковскій въ безсиліи опустилъ руки. Стихотвореніе не получило той художественной формы, къ какой теперь уже былъ способенъ возмужавшій талантъ нашего поэта.

Стихотвореніе „У гроба Маріи Ѳеодоровны“ остается не болѣе, какъ страницею изъ дневника человѣка, имѣвшаго случай понять всѣ достоинства покинувшей міръ государыни, которая изъ семидесятилѣтней, безъ малаго, жизни своей посвятила пять десятъ лѣтъ добрымъ дѣламъ. Это сознательный голосъ благодарности

За прелесть кроткой простоты
Среди блистанья царской славы,
За младость дѣвъ, за жизнь дѣтей,

---

[1]) „Извѣстіе Лейбъ-Медика Рюля“. — „О обстоятельствахъ, сопровождавшихъ кончину блаженныя памяти Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны“. 1828.

За чистые, душой твоей
Полъ-вѣка сохраненны нравы,
За благодать, съ какою ты
Спѣшила въ душный мракъ больницы,
Въ пріютъ страдающей вдовицы
И къ колыбели сироты...

Да и не столько эти воспоминанія просились подъ перо поэта: онъ останавливается передъ тѣмъ вопросомъ, который неотступно задаетъ смерть слабому человѣческому сердцу—вопросомъ объ „ужасѣ небытія“.

Вслушиваясь въ читанное тою ночью Евангеліе, Жуковскій внезапно поражается словами, прозвучавшими какъ что-то давно знакомое, близкое, родное... „Да не смущается сердце ваше“ [1]) прочиталъ среди тишины ночи очередной священникъ—и снова смерть не страшна поэту:

Но что̀ же, что̀ здѣсь погребутъ?
— Лишь гробъ, лишь скрытое во гробѣ,
Лишь смерти безымянный знакъ...
Одинъ лишь видъ уничтоженья,
Одинъ символъ небытія.

Но испытаніямъ кроткаго человѣка, казалось, не было предѣловъ. Едва наступила весна 1829 года, какъ мы уже видѣли,—не стало его дорогой Александры Андреевны.

Неужели всѣ эти утраты неизбѣжны? Гдѣ же найти силы для ихъ перенесенія? — вотъ вопросы, поставленные снова жизнію и требовавшіе поэтическаго отвѣта.

На нихъ отвѣтили „Поликратовъ перстень“ и „Жалоба Цереры“ поэта, котораго Жуковскій держалъ отъ себя въ нѣкоторомъ отдаленіи, но лишь до тѣхъ минутъ жизни, когда ему становилось невыносимымъ отъ мрака, окутывающаго порою его мысль и нравственное чувство. Взгляды-

---

[1]) См. главу XXV.

вались въ ясныя очи и высокое чело поэта-мыслителя, онъ каждый разъ находилъ въ нихъ ободреніе и съ особенной любовію передавалъ его лирическія и лиро-эпическія произведенія.

Мы имѣли уже случай коснуться отношенія Жуковскаго къ Шиллеру, говоря объ „Орлеанской дѣвѣ“ [1]), и пришли къ тому заключенію, что этотъ поэтъ шелъ иною дорогою, нежели Жуковскій—и то, что̀ вписало его имя въ рядъ великихъ именъ Германіи, Жуковскій, по своему обыкновенію, Германіи же и оставилъ. Однако онъ хранилъ въ своемъ сердцѣ глубокую симпатію къ этому поэту и, какъ видимъ, считалъ его однимъ изъ надежныхъ друзей своихъ. Но какъ и всегда, Жуковскому нужно было собственнымъ процессомъ, внутри своей души, дойти до запросовъ, совпадавшихъ съ запросами этой сильной личности, умѣвшей находить имъ художественное разрѣшеніе.

Будучи юношей, еще путаясь въ противорѣчіяхъ, когда ковалъ себѣ броню оптимизма, Жуковскій освѣжался у цѣлительнаго ключа Шиллера, переводя его „Кассандру“ и „Счастіе“ (1809); онъ вмѣстѣ съ Шиллеровымъ „Юношей у ручья“ поплакалъ о недоступности впервые мелькнувшаго счастія (1810) и утѣшился его вѣрою въ „Идеалы“ (1810) и высшую правду, которую чуткое ухо слышитъ и въ курлыканіи журавлей (1810); въ самыя тяжелыя минуты жизни, по свидѣтельству его друга, онъ находилъ силы въ любимомъ образѣ Тэклы и произвелъ одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній „Голосъ съ того свѣта“ [2]), взятое изъ того же Шиллера (1815). Слагая свои идеи о высшемъ отправленіи человѣческаго духа—вдохновеніи, онъ у Шил-

---

1) См. главу XXIV.
2) Соч. Ж. I. 407.

лера же нашелъ ея воплощеніе въ его „Раздѣлѣ земли“ (вошедшемъ какъ часть въ „Посланіе Батюшкову 1810 г.), и наконецъ—въ „Орлеанской дѣвѣ“ (1821). Мы перечислили далеко не всѣ произведенія, переведенныя и заимствованныя Жуковскимъ у Шиллера: но достаточно и этихъ указаній, чтобы, съ одной стороны, не впасть въ заблужденіе (какъ это намъ случалось читать), будто вся заслуга Жуковскаго—чуть ли не въ томъ, что онъ ознакомилъ русскую публику съ этимъ великимъ поэтомъ Германіи; а съ другой—чтобы не умалить чуткости нашего поэта, умѣвшаго рѣшенія запросамъ своей мысли по свободному выбору находить повсюду.

Сильная рука Шиллера дружески поддерживала всякій разъ дрогнувшаго поэта: но не могъ онъ удовлетворить всѣмъ его запросамъ. Души обоихъ друзей были ужъ слишкомъ различны! Достаточно было Жуковскому опознаться и успокоиться, какъ Шиллеръ его уже не удовлетворяетъ болѣе. Ему непонятно это самоувѣренное и властное построеніе всего міра, порою вопреки настоятельному голосу сердца, которое нельзя закупить ни мудрымъ словомъ, ни громогласными звуками.

Но теперь поэтъ нашъ переживалъ одну изъ тѣхъ минутъ, когда трепетное его сердце искало помощи—и онъ ищетъ стараго друга—и тотъ готовъ протянуть ему свою мощную руку.

Сильною кистью своею рисуетъ онъ образъ человѣка, который не знаетъ бѣдствій. Масса даровъ безумнаго счастія осыпаетъ голову Поликрата. Въ рядѣ сценъ, быстро смѣняющихъ одна другую, вѣстникъ за вѣстникомъ приносятъ эти дары къ ногамъ счастливаго Эллина: но этому пожирателю благъ авторъ противопоставляетъ неумолимаго свидѣтеля. Египтянинъ изъ унылой пустыни своей вынесъ

познаніе инаго міра, нежели тотъ, что̀ окружаетъ пресыщеннаго Самосца. Поразительно то дѣйствіе, которое испытываетъ этотъ мудрецъ при каждой вѣсти о новой несправедливости злаго рока. Въ той картинѣ міра, которую носитъ въ себѣ авторъ—нѣтъ мѣста безумію, хотя бы то безумствовала высшая изъ силъ, ему извѣстныхъ. Внутренній голосъ говоритъ ему, что должна быть высшая справедливость, которая уравняетъ мѣру благъ по заслугамъ людей. Но послѣ явнаго нарушенія безошибочно разсчитаннаго испытанія судьбы (чудеснаго возвращенія перстня), Египтянинъ не можетъ болѣе оставаться въ домѣ человѣка, который служитъ лишь для явнаго издѣвательства боговъ надъ послѣдними требованіями справедливости—и онъ бѣжитъ отъ него, объятый ужасомъ.

Какой упрекъ малодушному воздыхателю о счастіи, какое напоминаніе о позабытомъ требованіи общей гармоніи!

Но не все же красовался своей увѣнчанной головой и самодовольный избранникъ „Счастія“ [1]). Приходилось и Шиллеру испытать, что „Боги въ посланіи благъ“ не все „повинуются сердцу“, или же рѣшенія ихъ сердца порою не совпадаютъ съ близорукимъ рѣшеніемъ „безстрашнаго юноши“, который такъ разсчитываетъ на ихъ благосклонность за

Взоръ непреклонный, владычества смѣлаго поступь,
И волны власовъ, оттѣнившихъ чело и ланиты [2]).

Опытомъ собственной жизни узналъ онъ, что милый „простоты непорочныя дѣвственный образъ“ [3]) такъ же можетъ полюбиться Плутону, какъ и Церерѣ; пришлось

---

[1]) „Счастіе“ изъ Шиллера. Соч. Ж. I. 118.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.

и ему—какъ предсказывалъ Египтянинъ—расплачиваться за то, что

Великій божественный жребій счастливца постигнулъ.

Быть можетъ, никогда Шиллеръ не былъ такъ близокъ къ Жуковскому, какъ въ то время, когда писалъ онъ свою „Жалобу Цереры". И понятно: весною того года, когда онъ слагалъ эту балладу-элегію (1796) [1]), умерла младшая сестра Шиллера — Наннетта, которая только что собиралась начать свое служеніе искусству на поприщѣ сценическомъ, чтобы быть живою истолковательницею женскихъ типовъ въ драмахъ брата. Эпидемія, распространившаяся въ Южной Германіи послѣ войны, унесла эту даровитую дѣвушку.

Выраженіе, которое нашла себѣ поэтическая скорбь Шиллера въ этой элегіи, не могло не привлечь Жуковскаго. Это стремленіе въ далекое туда, томленіе души, разлученной съ милыми умершими,—и наконецъ, исходъ этой скорби—въ красотѣ созданія—художественно сочетали мысль романтической философіи съ чувствомъ романтической любви, поэта-мыслителя съ поэтомъ-страдальцемъ. Они должны были доставить Жуковскому то удовлетвореніе, котораго онъ искалъ, ощутивъ въ душѣ холодное дыханіе хаоса, для него всегда невыносимое.

Весенняя природа, раскинувшая свои красы передъ очами Цереры, напомнила ей объ утраченной дочери. Нужды нѣтъ, что Церера не была именно богинею цвѣтовъ: нашимъ поэтамъ нужна красота въ ея царствѣ—и все стихотвореніе принимаетъ эту богиню въ смыслѣ повелительницы

---

[1]) См. Фигофа: „Schiller's Gedichte". II. 143.

царства Флоры [1]) (строфа I).—Напрасно ищетъ несчастная мать дочери своей въ этомъ царствѣ красоты. Самъ Аполлонъ не могъ сообщить ей никакого о ней извѣстія [2]) (стр. II).—Положеніе ея трагическое. Какъ богинѣ, нѣтъ ей доступа въ область тѣней [3]). Особенной силы достигаетъ монологъ страдалицы въ томъ его мѣстѣ, гдѣ она обращается къ Паркамъ, моля ихъ не пощадить несноснаго права ея, какъ богини, на безсмертіе! Устами „безрадостно-блаженной“ богини здѣсь говоритъ мать [4]), (стр. III и IV). Жаждущая свиданія съ милою дочерью—живо воображаетъ она себя сошедшею въ мрачное царство тѣней. Ея фантазія представляетъ ей и скорбящую тамъ о ней дочь. Самого недоступнаго чувствамъ Плутона тронула скорбь этой его жертвы. И скорбь ея у Жуковскаго прежде всего о покинутой матери [5]) (стр. V).—Но это несбыточная мечта! Неизмѣнны законы неумолимой природы. Зевсу мало заботы о преисподней. Свиданіе разлученныхъ этими двумя

---

1) Къ тому же на празднествахъ ея цвѣты играли значительную роль.

2) По гомерическому гимну, Геліосъ сообщаетъ богинѣ, что Гадесъ похитилъ дочь ея.

3) У Виргилія сказано, что не долженъ Харонъ брать въ свою лодку corpora viva.

4) Эпитетъ погребальнаго пламени, котораго жаждетъ здѣсь мученица безсмертія—„легкій“, прибавленный Жуковскимъ, ослабляетъ выражаемый строфою порывъ скорби и сообщаетъ этому мѣсту монолога несвойственный ему тонъ спокойствія. За то выразительное измѣненіе эпитета боговъ: seligen въ „безрадостно-блаженные“ возстановляетъ нарушенный тонъ монолога.

5) Однимъ словомъ: „о волѣ“ переводчикъ только намекаетъ на мысль оригинала: „Ахъ, ея взоръ, влажный отъ слезъ, ищетъ напрасно золотаго свѣта“. И понятно: не о радости жизни привыкъ мечтать поэтъ нашъ, и его Прозерпина скорбитъ не столько о покинутой землѣ и ея золотомъ свѣтѣ, сколько о матери.

мірами двухъ властителей, никогда не будетъ доступно имъ. Развѣ совершится что нибудь невозможное! (Стр. VI).

И вдругъ—блеснула Церерѣ радостная мысль, что свиданіе это возможно.

Нѣтъ ли тайныхъ узъ, чтобъ ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвыхъ съ милыми живыми [1]),
Съ свѣтлымъ днемъ подземну ночь?...
Такъ! Не всѣ слѣды пропали!
Къ ней дойдетъ мой нѣжный кликъ:
Намъ святые боги дали
Усладительный языкъ. (Стр. VII).

И вотъ — скорбь нашла свое разрѣшеніе въ надеждѣ: осенью положитъ она сѣмена въ землю; эти сѣмена, взятыя ею изъ рукъ Вертумна [2]), возростутъ цвѣтами, корни которыхъ пламенное воображеніе представляетъ себѣ проникающими въ глубину земли. То, что̀ властительница растительнаго царства производитъ всегда,—теперь дѣлаетъ она ради дочери. А слѣдующею весною получитъ она отъ сѣмянъ цвѣты, какъ вѣсть дочери изъ темнаго подземнаго ея царства, сюда, на землю, о ея любви къ ней (стр. VIII и IX).

И ко мнѣ въ живомъ дыханьѣ
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается призванье,
Гласъ родной изъ глубины;

---

[1]) Жуковскимъ сохраненъ и символическій хіазмъ, столь естественный въ выраженіи нетерпѣливаго сближенія фантазіей скорбящей матери обоихъ царствъ, разлучающихъ ее съ дочерью (мать и дочь, мертвыхъ (т. е. дочь) съ живыми (т. е. матерью).

[2]) Римское божество (Вертумнъ, собственно богъ Этрусскій) допущено Шиллеромъ наряду съ римскимъ именемъ самой Цереры.—Прозерпины Шиллеръ не называетъ.

Онъ разлуку услаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ:
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ (стр. X).

Символомъ таинства этой любви со стороны матери является благоуханіе цвѣтовъ [1]).

Таково поэтическое разрѣшеніе скорби объ утратѣ милыхъ живыхъ. Жуковскій, повидимому, снова переживалъ старые вопросы, поднятые испытаніями жизни, передъ его внутренними очами. Снова принялся онъ и за „Ленору". Какъ должна была показаться ему теперь слаба „Людмила"! Онъ переводитъ балладу Бюргера вновь близко къ подлиннику.

Итакъ поэту нашему была цѣлительна бесѣда съ Шиллеромъ, на лицѣ котораго пережитая имъ самимъ утрата провела мягкую черту, привлекательную для нѣжнаго сердца Жуковскаго. Онъ на этотъ разъ остался дольше въ сообществѣ съ своимъ громогласнымъ другомъ. Цѣлый рядъ его балладъ изъ Шиллера — остались памятникомъ этого сближенія съ нимъ въ 1829 году: кромѣ „Поликратова перстня" и „Жалобы Цереры" въ томъ же году онъ перевелъ его „Кубокъ" и „Перчатку".

XXXIII.

Учебный планъ, составленный Жуковскимъ для обученія Великаго Князя Александра Николаевича.

Ознакомимся ближе съ „Планомъ ученія", который былъ положенъ въ основу обученія Цесаревича.

---

[1]) У Шиллера нѣтъ благоуханія; у него: „Ваши чашечки палью я чистѣйшею росою нектора" Переводчикъ изъ этого извлекъ два явленія: влагу („напою росою") и благоуханіе „налью благоуханіемъ").

Въ предварительныхъ замѣткахъ къ плану[1]) своему Жуковскій выражаетъ ту мысль, что по окончаніи воспитанія, въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова, питомца принимаетъ судьба изъ рукъ воспитателя и наставника и продолжаетъ его земное воспитаніе до гроба.

Здѣсь исходный пунктъ воспитателя и наставника. Его долгъ—сдѣлать питомца своего способнымъ внимать наставленіямъ судьбы и воспользоваться ими съ достоинствомъ человѣка. Умѣніе послѣдовать этимъ наставленіямъ онъ считаетъ возможнымъ лишь для человѣка добродѣтельнаго. Согласно съ этимъ, онъ ставитъ цѣлію воспитанія вообще и ученія въ особенности—„образованіе для добродѣтели".

Установивъ цѣль, Жуковскій все время ученія, полагаемое имъ отъ 8 до 20-лѣтняго возраста, раздѣляетъ на три главные періода: первый—до 13-ти, второй—до 18-ти и третій—до 20-ти-лѣтняго возраста. Въ набросках, гдѣ онъ очерчиваетъ характеръ ученія въ каждомъ изъ этихъ трехъ возрастовъ, онъ выражается любимыми своими метафорами и сравненіями: первый періодъ (отрочество) онъ сравниваетъ съ приготовленіемъ къ путешествію, для чего нужно дать питомцу компасъ („практическая логика" и „развитіе нравственнаго чувства посредствомъ первыхъ понятій религіи"); карту (знанія, „сообщенныя вкратцѣ, въ связи, въ ясной и полной системѣ"; это—отвѣты на четыре вопроса: гдѣ я? что̀ я? что̀ я быть долженъ, и къ чему предназначенъ?), и наконецъ орудія (языки, какъ способы дополнять знанія,—„таланты").

Такъ-какъ въ доселѣ напечатанной части Плана есть уже подробный планъ ученія въ этомъ первомъ періодѣ, то мы имѣемъ возможность ознакомиться ближе съ „приготовленіемъ къ путешествію".

---

[1]) Р. С. 1880. 231.

Результатомъ этого приготовительнаго курса Жуковскій желаетъ видѣть—обогащеніе ученика основными понятіями, которыя въ другіе возрасты будутъ предложены подробно, какъ знанія отдѣльныхъ наукъ.

Итакъ, если имѣть въ виду цѣлый образовательный курсъ, то понятія, выработанныя курсомъ приготовительнымъ, въ послѣдующихъ возрастахъ предполагалось разсмотрѣть въ ихъ отдѣльныхъ видахъ: то есть путь всего ученія предполагался дедуктивный, отъ общаго къ частному. Составленіе же общихъ понятій, высшихъ изъ частныхъ, весь возлагался на курсъ приготовительный. Слѣдовательно знанія двухъ высшихъ курсовъ, болѣе основательныя, предполагалось дать уже послѣ составленныхъ питомцемъ понятій и о мірѣ (гдѣ я?), и о человѣкѣ (кто я?), и о назначеніи человѣка (что̀ я быть долженъ?), и о цѣли его земнаго существованія (къ чему я предназначенъ?),—понятій, очевидно пріобрѣтенныхъ наскоро, прежде прохожденія наукъ. Противъ этого стремленія обобщить въ концѣ приготовительнаго курса первыя дѣтскія свѣдѣнія, построить навремя своего рода систему въ головѣ ученика—сказать нечего. Это путь вполнѣ естественный. Каждое мыслящее существо стремится къ этому синтезу—и помогать ему воспитатель долженъ. Но весь дальнѣйшій курсъ, курсъ юности и молодости до самой зрѣлости, назвать только развитіемъ этой игрушечной системы мыслей было бы большою ошибкою плана. Между тѣмъ слова о знаніяхъ приготовительнаго курса: «Сообщеніе вкратцѣ, въ связи, въ ясной и полной системѣ... познаній, которыя послѣ должны быть предложены ему отдѣльно, какъ науки со всѣми необходимыми подробностями»—даютъ право предполагать именно такую мысль у Жуковскаго. Не уничтожаютъ этого предположенія и прибавленныя здѣсь же сло-

ва: „сообразуясь съ понятіемъ воспитанника и наблюдая нужную постепенность“, такъ-какъ эти слова выражаютъ только содержаніе пріобрѣтенныхъ понятій, а не объемъ ихъ: поставлено требованіе «ясной и полной системы [1])». Затѣмъ въ «Подробномъ планѣ» прибавлено: «чтобы въ головѣ воспитанника, по истеченіи перваго періода, могла остаться полная система приготовительныхъ знаній».

Второй коренной недостатокъ Плана заключается въ томъ, что языки разсматриваются въ немъ исключительно какъ «способы дополнять самому знанія,—какъ орудіе». Такъ какъ древніе языки преподаваемы не были, то это вполнѣ понятно. Цѣль языкоученія указывается исключительно утилитарная. Планъ выражаетъ это съ такою ясностію, что даже замѣчаетъ: «Прибавляются языки, не имѣющіе никакой связи съ предметами главными», и они характеризуются какъ «симъ (главнымъ предметамъ) не мѣшающіе».

Такъ-какъ подробный планъ напечатанъ лишь въ той его части, гдѣ изложено обученіе перваго возраста, то о двухъ остальныхъ мы должны судить лишь по тѣмъ краткимъ характеристикамъ, которыя изложены въ замѣткахъ предварительныхъ.

Второй періодъ — это «путешествіе». «Карта извѣстна», говоритъ здѣсь Жуковскій (разумѣя подъ картою «знанія»); «нѣтъ опасности заблудиться: умъ приготовленъ, любопытство пробуждено. Не опасаясь смутности и безпорядка, воспитанникъ можетъ обращать все свое вниманіе на каждый предметъ отдѣльно“.

Здѣсь слова: „не опасаясь безпорядка въ понятіяхъ“ вполнѣ вытекаютъ изъ предположенія извѣстной цѣльности знаній, сведенныхъ въ исходѣ приготовительнаго кур-

---

[1]) Ibid. Стр. 232.

са въ полную, хотя и дѣтскую систему. Но откуда можно было ожидать, чтобъ не было „смутности“ понятій въ 13-лѣтнемъ возрастѣ,—это къ сожалѣнію не ясно. Если допустить, что индуктивный методъ приготовительнаго ученія, очевидно заимствованный изъ школы Песталоцци, дѣйствительно даровалъ бы ясность всѣхъ понятій уже въ этомъ возрастѣ, то что̀ же оставалось бы дѣлу наставниковъ въ классахъ послѣдующихъ? Въ этомъ заблужденіи видно крайнее увлеченіе теоріей знаменитаго педагога. Даже видно или неполное пониманіе мысли Песталоцци или неудачное ея измѣненіе: главная задача швейцарскаго педагога состояла въ томъ, чтобы помощію нагляднаго воспріятія (зрѣніемъ и слухомъ) типическихъ экземпляровъ вещей, дѣти составляли изъ живыхъ представленій ясныя понятія, „возвышались бы отъ чувственныхъ созерцаній къ яснымъ понятіямъ“. Но тутъ дѣло идетъ только объ уясненіи отдѣльныхъ понятій, дабы знаніе словъ не предшествовало знанію самихъ предметовъ и ихъ свойствъ, а такъ какъ всякое познаніе, по Песталоцци, исходитъ изъ созерцанія числа, формы и слова, то главными предметами его начальнаго обученія указываются ариѳметика, геометрія и отечественный языкъ (Rechenlehre, Form - und Raumlehre и Sprech-und Denkübungen). Дѣти, обучаясь по его методѣ, учились вглядываться въ предметы, уяснять себѣ ихъ свойства,—но отсюда далеко до того синтеза, который показалъ бы каждому предмету его мѣсто въ общей системѣ идей. Планъ Жуковскаго и страдаетъ именно тѣмъ, что въ основу его положена метода, возникшая подъ руками знаменитаго педагога для удовлетворенія нуждъ школы народной, элементарной, которая, по самой сущности своей, есть учрежденіе, сообщающее знанія скороспѣлыя, пойманныя въ короткій срокъ

школьнаго времени, для бѣднаго люда всегда крайне краткаго. Остановиться на результатахъ этой школы въ системѣ созиданія идей, и растратить все остальное ученіе (двѣ трети лучшаго школьнаго времени) на „подробное преподаваніе наукъ, нужныхъ воспитаннику какъ члену просвѣщеннаго общества“ (такъ опредѣленъ смыслъ обученія 2-го возраста въ краткой его характеристикѣ), время самое драгоцѣнное (отъ 13 до 18-лѣтняго возраста)—значитъ подавить мышленіе массою знаній, разсѣявающихъ умъ и обременяющихъ память. Неужели у послѣдователей этой ложной системы, а слѣдовательно и у поэта нашего, было столько вѣры въ результатъ пресловутой начальной школы, что они предполагали всякое знаніе послушно укладывающимся въ ею приготовленныя категоріи, а самыя категоріи столь устойчивыми, столь полными жизни, что имъ оставалось бы только расширяться и обогащаться гостинцами тѣхъ реальныхъ знаній, которыя предполагается разсыпать по нимъ въ теченіи почти шести лѣтъ созрѣванія юноши? Жуковскій въ своемъ планѣ разложилъ ихъ въ двѣ красивыя бонбоньерки: 1) наукъ антропологическихъ (исторія, географія, т. е. этнографія и статистика, политика и философія) и 2) наукъ онтологическихъ, („имѣющихъ предметомъ вещь“: математика, естественная исторія, физическая географія, физика). Вѣра въ чудеса приготовительнаго курса такъ велика, что въ этомъ 2-мъ періодѣ, науки формальныя (каковы математика и философія) даже не выдѣлены, согласно своему логическому назначенію, но смѣшаны съ свѣдѣніями реальными наряду съ географіей (въ отдѣлѣ антропологическомъ) и съ технологіей (замѣтимъ притомъ, отождествляемой съ физической географіей) въ отдѣлѣ „онтологическомъ“. О языкахъ въ этомъ отдѣлѣ не упоминается вовсе, вѣроятно,

въ томъ предположеніи, что они, какъ не имѣющіе никакой связи съ „предметами главными“, должны были идти своимъ порядкомъ.—Если принять во вниманіе, что въ старшемъ курсѣ замѣтно преобладаютъ знанія историческія и вообще такія, которыя относятся къ наукамъ гуманистическимъ, то будетъ понятно все несовершенство курса среднеучебнаго. Знанія гуманистическія, не подкрѣпленныя серьезнымъ языкоученіемъ, неминуемо получаютъ характеръ поверхностнаго диллетантизма и подчиненія случайнымъ теченіямъ идей, въ потокѣ которыхъ не закаленное мышленіе учащагося безсильно проложить самостоятельный путь мыслей, творчески построяемыхъ окрѣпшимъ на языкоученіи мышленіемъ.

Курсъ третій (18—20-лѣтняго возраста) снова получаетъ болѣе серьезную постановку. Это „окончаніе путешествія“ имѣетъ цѣлію привести въ порядокъ все пріобрѣтенное въ курсѣ среднемъ. Сколько можно судить по краткому опредѣленію занятій въ этомъ періодѣ—онъ предназначался на чтеніе „немногихъ истинно-классическихъ книгъ“ съ цѣлію моральною, съ цѣлію выяснить себѣ „взглядъ на мѣсто, занимаемое въ обществѣ, и на обязанности, съ нимъ соединенныя“, „дать отчетъ въ самомъ себѣ передъ самимъ собою и утвержденіе правилъ, необходимыхъ для дѣятельности добродѣтельной“, для „составленія идеала человѣка вообще и своего званія въ особенности“.

Прекрасныя цѣли здѣсь поставленныя, при просвѣщенномъ руководствѣ этимъ чтеніемъ, которое однако же предполагалось производить самостоятельно, дабы оканчивающій свое образованіе „самъ составлялъ для себя коренныя правила жизни,“—несомнѣнно начертаны рукою чело-

вѣка, опытомъ собственной жизни и самообразованія, постигшаго самую суть правильнаго обученія.

Итакъ методическая народная школа въ курсѣ первомъ и затѣмъ философскій факультетъ въ курсѣ третьемъ, съ шестилѣтнимъ зыбкимъ интерваломъ въ срединѣ — вотъ тотъ образъ ученія, какой представляетъ намъ напечатанный набросокъ плана, составленнаго Жуковскимъ.

Мы могли бы разобрать подробнѣе планъ курса элементарнаго, такъ-какъ онъ находится сполна въ томъ спискѣ, который мы видимъ въ „Русской Старинѣ“: но мы не имѣемъ цѣли писать здѣсь трактатъ по дидактикѣ и потому ограничимся указаніемъ на то, что въ Планѣ положено много старанія устроить преподаваніе путемъ нагляднымъ. Послѣднее слово элементарной дидактики того времени было усвоено Жуковскимъ усердно. Не даромъ онъ такъ заботился о наглядныхъ пособіяхъ.

Въ разъясненіяхъ, слѣдующихъ за планомъ, въ отдѣлѣ: „Пособія“ [1]), читатели найдутъ перечисленіе обильныхъ коллекцій всякаго рода отъ „маленькаго физическаго кабинета“ до „фантасмагоріи“ и „косморамы“. Болѣе обдумана обстановка учебной комнаты. Не забыты и помѣщенія для игръ, и даже мастерская.

На учебномъ планѣ этомъ отразились и личныя воспоминанія Жуковскаго о той школѣ, гдѣ онъ самъ обучался, и опыты самообученія, не разъ имъ начинаемаго, прерываемаго и вновь возобновляемаго, и впечатлѣнія заграничныя, и личный взглядъ Императора Николая Павловича. Первое мы видимъ въ шаткости курса, соотвѣтствующаго средней школѣ,—недостатокъ, общій съ тою школою, которая описана въ главѣ II-й нашей книги, — и въ пре-

---

[1]) Р. С. 1880. II, 247.

красныхъ начертаніяхъ самостоятельныхъ занятій въ курсѣ высшемъ. Опыты самообученія отразились—въ томъ сведеніи серьезнаго чтенія къ цѣлямъ личной жизни, которое отличало всегда нашего поэта, не понимавшаго чтенія празднаго. Впечатлѣнія заграничныя оставили слѣдъ—въ методѣ наведенія, въ „извлеченіи правилъ изъ упражненій практическихъ", въ умственныхъ вычисленіяхъ („головномъ счетѣ", какъ онъ называетъ ихъ); въ методичности наблюденій, „начинаемыхъ съ того, что̀ насъ окружаетъ", и не всегда этому отвѣчающемъ переходѣ „отъ легкаго къ трудному, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному", а также—въ наблюденіи, чтобы воспитанникъ на другомъ языкѣ и слышалъ и самъ говорилъ лишь о томъ, что̀ уже было ему предложено на языкѣ природномъ; наконецъ—въ „разговорной формѣ преподаванія" и въ заботѣ о „пріятности" его. Личный взглядъ Императора отразился въ томъ, что изъ курса были выключены древніе языки. По свидѣтельству Гримма, Императоръ не могъ забыть собственныхъ мукъ, испытанныхъ имъ въ юности отъ педантовъ, обучавшихъ его латинской грамматикѣ—и, воспрещая обученіе древнимъ языкамъ, онъ имѣлъ въ виду избавить своихъ дѣтей отъ подобныхъ мученій. Разумнаго же обученія древнимъ языкамъ ему не пришлось видѣть.

Объ исходной точкѣ воспитанія и ученія, какъ образованія для добродѣтели, мы уже говорили; упоминали также о той мѣрѣ воспитательныхъ притязаній, которыя не шли далѣе цѣли — приготовить къ пониманію наставленій [1]) судьбы, подъ которою конечно должно понимать руководительство небеснаго Промысла.

Что касается мысли, вложенной Жуковскимъ въ изуче-

[1]) Въ текстъ „Русской Старины" здѣсь вкралась опечатка. Тамъ напечатано: поставленіямъ (стр. 231).

ніе политической исторіи, то главныя основанія ихъ ясно выражены имъ въ письмѣ изъ Швейцаріи 1833 года, которое мы изложимъ ниже разсказывая о третьемъ его путешествіи за-границу), а также въ той части письма къ В. К. Александрѣ Ѳеодоровнѣ, которая потомъ была напечатана Жуковскимъ въ „Собирателѣ“ и которую мы уже приводили.

Весь день Наслѣдника былъ распредѣленъ по опредѣленному порядку. Вставая въ 6 часовъ, помолившись и позавтракавъ, въ семь часовъ садился онъ за уроки. Уроки не шли сплошь одинъ за другимъ, но чередовались отдыхами: такъ отъ 9 часовъ до 10-ти было назначено время для визитовъ; отъ 12 до 2—прогулка. Послѣ обѣда, происходившаго въ третьемъ часу, послѣ отдыха, игръ и прогулки, въ пять часовъ Великій Князь садился вновь за уроки, которые продолжались до 7-ми. Отъ 7 до 8 час. онъ занимался гимнастикой и играми, а въ девятомъ ужиналъ. Отъ 9 до 10 час. назначалось „обозрѣніе прошедшаго дня и веденіе „Журнала“.

Въ праздничные дни, которыми были дни воскресные, дни рожденія и именинъ Государя, Государыни и самого Великаго Князя, первые четыре дня Святой недѣли и Святки отъ Рождества до Новаго года,—кромѣ игръ, ручной работы, визитовъ, гимнастики и прогулки—два раза въ день назначалось чтеніе.

Замѣчательна мысль Жуковскаго—организовать практическое знакомство съ военнымъ искусствомъ, для котораго онъ назначаетъ вакацію (іюнь и іюль), на основаніи опыта, указаннаго исторіей.

„Петръ Великій“, пишетъ онъ, „имѣлъ свой потѣшный полкъ; онъ находилъ въ немъ одну забаву, но эта забава, быть можетъ, образовала Полтавскаго героя и создателя

русской арміи; будущему Наслѣднику его престола и въ этомъ слѣдуетъ подражать великому своему праотцу: можно составить маленькій временный корпусъ изъ хорошо-воспитанныхъ дѣтей, числомъ отъ100 до 200 и снабдить его всѣмъ, что входитъ въ составъ арміи... Великій Князь узналъ бы на опытѣ службу и всѣ ея оттѣнки. И сіе занятіе, которое могло бы мѣшать и вредить его ученію, когда бы оно во всякое время было соединено съ нимъ, сдѣлалось бы новымъ, весьма дѣйствительнымъ средствомъ образованія, когда бы совершенно отъ остальнаго ученія отдѣлилось, когда бы ему посвящено было только такое время года, въ которое всякое другое занятіе обременительно. Каждая вакація могла бы составлять полную кампанію, и каждая кампанія могла бы имѣть предметомъ особенную часть военнаго искусства" [1]...

Жуковскій ревниво оберегалъ часы, назначенные для ученія его воспитанника. Онъ требовалъ, чтобы военныя „наставительныя игры" не вмѣшивались бы въ остальное ученіе, которое въ противномъ случаѣ разстроятъ совершенно, ибо уничтожатъ вниманіе" [2]. „Великому Князю", говоритъ онъ, „должно быть не простымъ солдатомъ, а мужемъ, достойнымъ престола Россіи" [3].

И ниже возвращается онъ въ планѣ своемъ къ непремѣнному условію—охраненія воспитанника отъ всего, что бы отвлекало его отъ ученія.

Онъ признаетъ возможнымъ достигнуть успѣха лишь при условіи, чтобы „никто, ни въ какомъ случаѣ, не нарушалъ порядка, одинъ разъ навсегда установленнаго". Онъ требуетъ для этого и полной независимости воспитателя и на-

---

1) Р. С. 1880. II, 242.
2) Ibid.
3) Ibid.

ставника. „И особа, и время, и все окружающее Великаго Князя“, говорилъ онъ, „будутъ, безъ всякаго ограниченія, подчинены тѣмъ людямъ, коимъ Его Высочество будетъ порученъ довѣренностію Государя“, и прилагая эту независимость своей особы, какъ наставника, къ своему Плану, имъ составляемому, энергически прибавляетъ: „Государь Императоръ, конфирмовавъ сей планъ, да благоволитъ быть первымъ безпрекословнымъ его исполнителемъ» [1]). „Дверь учебной горницы, въ продолженіе лекцій, должна быть неприкосновенна... Изъ этого правила не должно быть ни для кого исключенія“. „Осмѣлюсь сказать откровенно“, пишетъ Жуковскій далѣе: „частые переѣзды изъ мѣста въ мѣсто кажутся мнѣ весьма вредными для занятій Великаго Князя“ [2]).

Возможность неправильности учебныхъ занятій тѣмъ болѣе озабочивала Жуковскаго, что самое положеніе августѣйшаго воспитанника легко могло давать случай къ впечатлѣніямъ, и слишкомъ сильнымъ, и не своевременнымъ. Такъ, въ первомъ письмѣ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ [3]) по поводу пребыванія Двора въ Москвѣ, онъ пишетъ: „Сознаюсь здѣсь откровенно, что я былъ нѣсколько встревоженъ при мысли о томъ вліяніи, которое великолѣпныя московскія сцены могли имѣть на умъ Великаго Князя. Подобныя впечатлѣнія въ столь нѣжномъ возрастѣ могутъ оставить неизгладимый слѣдъ на всю остальную жизнь. Свидѣтель этихъ народныхъ поклоненій, принимая въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти личное въ нихъ участіе, онъ легко могъ бы усвоить себѣ нѣкоторыя незрѣлыя понятія о величіи, которыя, какъ несвоевременныя,

---

[1]) Ibid. 248.
[2]) Ibid.
[3]) Соч. Ж. VI. 272.

могутъ вредить развитію свойствъ исключительно - человѣческихъ, самыхъ драгоцѣнныхъ, единственныхъ, которыя составляютъ достоинство человѣка и должны быть сохранены въ цѣлости. Воспитаніе должно возвысить его до предстоящаго ему величія; но это будетъ возможно лишь тогда, когда онъ будетъ въ состояніи понять, что это величіе, чтобъ не быть призрачнымъ, должно казаться ему не правомъ его, а долгомъ, священною религіею, великими узами, приковывающими человѣка, подобно Прометею, къ высокой скалѣ, откуда онъ можетъ ближе созерцать сводъ небесный, но гдѣ также существуетъ и коршунъ-мститель, готовый растерзать того, кто дерзнетъ посягнуть на права небесныя!" Здѣсь, въ откровенномъ порывѣ сердца вылилось убѣжденіе нашего поэта въ томъ истинномъ значеніи величія, которое должно ожидать въ будущемъ высокаго его питомца. Глубоко было понятіе Жуковскаго объ этомъ величіи. Согласно всему его міросозерцанію, и величіе получаетъ характеръ нравственный, неразрывный съ доблестію, съ самопожертвованіемъ. Въ его понятіе о величіи не входило понятія о блескѣ. Онъ неоднократно выражалъ всю несовмѣстность блеска съ истиннымъ величіемъ. Даже въ мелочахъ онъ остерегается служить этому блеску. При составленіи реестра библіотеки для Великаго Князя, исполнитель порученій Жуковскаго А. И. Тургеневъ, въ письмѣ къ брату, котораго проситъ выбрать англійскія книги въ Лондонѣ, онъ проситъ „назначить... лучшія... но не великолѣпныя" [1]).

Какъ смотрѣлъ Жуковскій на внѣшній блескъ, всего лучше видно изъ одного письма его къ Е. Г. Пушкиной. Посылая ей еще изъ Лейпцига скатерть для чайнаго сто-

---

[1]) Р. С. 1875 апр. 740.

лика съ изображеніемъ коронаціи Венгерской королевы, онъ пишетъ полушутливо: «Это зрѣлище будетъ всегда трогать ваше сердце и разительно напоминать о ничтожности земнаго величія. Коронація подъ самоваромъ! Какой урокъ!“ И затѣмъ уже серьезно прибавляетъ: „Я здѣсь видѣлъ однако нѣчто разительное, изображающее ничтожность этихъ земныхъ величій. Здѣсь въ маленькомъ трактирѣ, ознаменованномъ вывѣскою „Золотой Пилы“, живетъ на чердакѣ бывшій Шведскій король подъ именемъ Полковника Густавсона. Третьяго дня мнѣ удалось его видѣть. Я шелъ мимо трактира, заглянулъ въ окно; вижу кого-то въ бѣдномъ шлафрокѣ и, догадавшись, кто это, вхожу. Онъ сидитъ у стола съ газетами въ рукахъ. Я началъ говорить съ хозяиномъ, попросилъ пива; хозяинъ вышелъ. Я подошелъ къ его бывшему Величеству и спросилъ, могу ли взять газеты. Онъ подалъ ихъ молча. Mais peut - être les lisez - vous, vous même.—Si je ne les avais pas lus, je ne vous les aurais donnés, отвѣчалъ онъ гордо. Всталъ и ушелъ... У него всего-на-все доходу до 500 талеровъ, ходитъ въ замаранномъ шлафрокѣ и однажды отморозилъ себѣ пальцы дорогой, потому что нечѣмъ было защититься отъ холода. Вотъ вамъ прибавка къ моей скатерти“ [1]...

Это гамлетовское письмо какъ нельзя лучше вводитъ насъ въ то глубокое пониманіе воспитательныхъ задачъ, съ которымъ поэтъ нашъ подходилъ къ учебной комнатѣ будущаго царя Россіи.

Желая внести ту же глубину въ воззрѣніи на обязанности въ юную душу августѣйшаго ученика своего, Жуковскій проситъ Государя, чтобы величайшею наградою за хорошее поведеніе и прилежаніе Великаго Князя было

---

[1]) XIX-й вѣкъ I. 413

Его Императорское Высочество
Великій Князь Александръ Николаевичъ
Наслѣдникъ Всероссійскаго престола.
(1827).

одно только изъявленіе одобренія Его Величества, а изъявленное неодобреніе—самымъ тяжкимъ наказаніемъ за недостаточность ихъ. „Смѣю думать", прибавляетъ онъ, „что Государь Императоръ не долженъ никогда хвалить Великаго Князя за прилежаніе, а просто оказывать свое удовольствіе ласковымъ обращеніемъ, безъ всякаго выраженія сего удовольствія. Таковое выраженіе должно быть предоставлено для немногихъ случаевъ. Чѣмъ будетъ оно рѣже, тѣмъ болѣе будетъ имѣть цѣны... Великому Князю надлежитъ привыкать видѣть въ исполненіи своихъ обязанностей простую необходимость, не заслуживающую никакого особеннаго одобренія... Его Высочество долженъ пріучиться дѣйствовать безъ награды: мысль объ отцѣ должна быть его тайною совѣстью!... Государь будетъ всегда знать о его мелкихъ проступкахъ, но пускай это будетъ тайною между Его Величествомъ и наставниками; пускай воспитанникъ чувствуетъ вину свою, и самъ наказываетъ себя тягостнымъ своимъ чувствомъ. Но испытать явный гнѣвъ отца должно быть для него случаемъ единственнымъ въ жизни" [1]).

Согласно идеѣ нравственности, положенной въ основу «Плана», Жуковскій главною наукою почитаетъ исторію, освященную религіею, предназначенною къ тому, чтобы воспламенить любовь къ великому, стремленіе къ благотворной славѣ, уваженіе къ человѣчеству. «Изъ нея извлечетъ Великій Князь», сказано въ примѣчаніяхъ къ плану: «правила дѣятельности царской».

Русскую исторію преподавалъ, какъ указано выше, Арсеньевъ, «отличившійся уже во времена Александра I своимъ преподаваніемъ въ университетѣ»; всеобщую же ис-

---

1) Р. С. 1880. II. 249 и 250.

торію—Липманнъ, «уроки котораго были приправлены аттической солью»[1]) Окончательнымъ результатомъ изученія этой науки долженъ быть слѣдующій выводъ: „Вѣрь, что власть Царя происходитъ отъ Бога, но вѣрь сему, какъ вѣрили Маркъ Аврелій и Генрихъ Великій; сію вѣру имѣлъ и Іоаннъ Грозный, но въ душѣ его она была губительною насмѣшкою надъ Божествомъ и человѣчествомъ. Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ... Люби и распространяй просвѣщеніе: оно—сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти; народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства; имъ кажется легко управлять только тому, кто хочетъ властвовать для одной власти—но изъ слѣпыхъ рабовъ легче сдѣлать свирѣпыхъ мятежниковъ, нежели изъ подданныхъ просвѣщенныхъ, умѣющихъ цѣнить благо порядка и законовъ. Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ просвѣтителемъ Монарха; оно вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо строжайшій и безпристрастный судія исполнителей его воли: мысли могутъ быть мятежны, когда правительство притѣснительно или безпечно; общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго государя. Люби свободу, то есть правосудіе, ибо въ немъ и милосердіе царей и свобода народовъ; свобода и порядокъ—одно и то же; любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ. Владычествуй не силою, а порядкомъ: истинное могущество государя не въ числѣ его воиновъ, а въ благоденствіи народа. Будь вѣренъ слову: безъ довѣренности нѣтъ уваженія; неуважаемый—безсиленъ. Окружай себя достойными тебя помощниками; слѣпое самолюбіе Царя, удаляющее отъ него людей превосходныхъ, предаетъ его на жертву коры-

---

[1]) A. Th. v. Grimm. Alex. Feod. I, 291.

столюбивымъ рабамъ, губителямъ его чести, и народнаго блага. Уважай народъ свой: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой: безъ любви Царя къ народу нѣтъ любви народа къ Царю. Не обманывайся насчетъ людей и всего земнаго, но имѣй въ душѣ идеалъ прекраснаго—вѣрь добродѣтели! Сія вѣра есть вѣра въ Бога! Она защититъ душу твою отъ презрѣнія къ человѣчеству, столь пагубнаго въ правителѣ людей. Наконецъ, въ заключеніе слова Іоанна Мюллера, которыми онъ оканчиваетъ свою „Всемірную Исторію»: «Умѣренность — порядокъ, а смыслъ ихъ не упускай никогда изъ глазъ; подвигайся впередъ не быстро, но постоянно; строй безъ спѣха, но для вѣковъ; исправляй не разрушая, не упреждай своего вѣка, но и не отставай отъ него, не будь его рабомъ, но свободно съ нимъ согласуйся: будешь владѣть имъ, когда не презришь его совѣта; будешь его жертвою или окружишь себя жертвами, если хочешь его пересилить“ [1]).

При такой широкой цѣли, какую указываетъ здѣсь Жу-

---

[1]) Р. С. 1830. II. 252. Послѣдніе выводы о значеніи исторіи были помѣщены Жуковскимъ въ „Собирателѣ“ подъ заглавіемъ: „Польза исторіи для государей.“ Изданіе „Собирателя“ относится къ 1829 году. Его вышло лишь два нумера, и оно представляло родъ хрестоматіи, предназначенной для уроковъ Наслѣдника. Оригинальныя статьи и выписки на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ чередовались здѣсь съ переводами. Преобладала проза; стиховъ не много, преимущественно подлинники Гете, Шиллера, Вольтера, Расина, а изъ русскихъ помѣщено лишь четверостишіе изъ „Пѣвца во станѣ“; два перевода: изъ Гете и съ англійскаго, вмѣстѣ съ подлинниками („Памятники“), Полтавскій бой изъ „Полтавы“ Пушкина, и вполнѣ стихотвореніе: „Смертный и боги“ (Соч. Ж. V, 566 стр. прим. Ефремова и самые стихи стр. 567). Г. Ефремовъ считаетъ также извѣстную статью Жуковскаго: „Черты исторіи государства Россійскаго“ (Соч. Ж. V, 504) отрывкомъ изъ его лекцій, который составляетъ связный

ковскій урокамъ, извлекаемымъ изъ исторіи, весь центръ образовательнаго плана переносится на то, какъ будетъ понимаемо слово „просвѣщеніе". Какимъ это понятіе должно было предстать по плану Жуковскаго при раскрытіи его въ среднеучебной части курса—мы видѣли выше...

XXXIV.

Обученіе и воспитаніе В. К. Александра Николаевича.

Возвратившись въ октябрѣ 1827 г. въ Петербургъ, Жуковскій предался весь осуществленію начертаннаго плана. Онъ жадно продолжалъ готовить себя къ каждому шагу на отвѣтственномъ поприщѣ; читалъ все, что̀ могъ найти полезнаго для этого дѣла, совѣтовался съ извѣстнѣйшими педагогами столицы, и между прочимъ съ пасторомъ Муральтомъ, изъ отличнаго пансіона котораго онъ избралъ нѣкоторыхъ преподавателей для августѣйшаго своего питомца [1]).

обзоръ его вспомогательныхъ „Хронологическихъ таблицъ къ „Исторіи Государства Россійскаго". Историческія таблицы Жуковскаго изъ Древней Исторіи съ отзывомъ о нихъ помѣщены въ Журналѣ Министерства Народнаго Пр. (1836, авг. № VI), гдѣ указывается мѣсто этого пособія въ ряду другихъ, тогда существовавшихъ таблицъ и картинъ (Страсса, Лесажа, Кольрауша, Ниссена и др.)"

[1]) О законоучителѣ мы будемъ имѣть случай говорить ниже. Здѣсь приводимъ списокъ преподавателей по другимъ предметамъ ученія. Въ первое время преподавали: Математику — Академикъ Эд. Христ. Коллинсъ, языки: французскій—Флоріанъ Антоновичъ Жилль, нѣмецкій—Вас. Андр. Эртель, англійскій—Альфрее; чистописаніе—Алекс. Роман. Рейнгольдъ; рисованіе—проф. баталич. живописи Ал. Ив.—Зауервейдъ. Въ 1832 г. англійскимъ учителемъ былъ приглашенъ Сам. Алекс. Варрандъ (наставникъ Благороднаго Пансіона при Спб. университетѣ). Съ 1829 года число предметовъ увели-

Занятый за тѣмъ организаціей ученія Наслѣдника всѣмъ предметамъ курса, а потомъ и Великихъ Княженъ Маріи и Ольги Николаевнъ; вообще мало склонный къ постоянному, непрерывному, требующему порою крайняго напряженія труду,—поэтъ нашъ началъ какъ бы новую жизнь. Ежедневно, съ точностію, какой требуетъ педагогическое дѣло, онъ являлся для присутствованія на урокахъ Августѣйшихъ дѣтей и, полный вниманія, оживленный участіемъ, слѣдилъ за ними неослабно. „Жуковскій", говоритъ Плетневъ, „былъ неутомимъ въ изысканіи средствъ, которыя бы, облегчая пріобрѣтеніе, въ то же время и укрѣпляли его въ умѣ и памяти. Его жилище превратилось въ мастерскую ученаго художника, гдѣ по особеннымъ планамъ готовились всѣ пособія для классныхъ комнатъ [1]."

Оно было убрано съ изящной простотою. Большія кресла, диванчики, письменные столы, библіотека, все было уставлено такъ, что здѣсь онъ могъ писать, тамъ читать, а тамъ бесѣдовать съ друзьями. На большомъ письменномъ столѣ, у котораго онъ писалъ стоя, возвышались бюсты царской фамиліи; въ углахъ комнаты стояли гипсовые слѣпки съ античныхъ головъ, на стѣнахъ висѣли картины и портреты, которые напоминали ему его любимое прошедшее и отсутствующихъ друзей.

„Въ комнатахъ господствовалъ такой порядокъ, что ихъ

чилось: Всеобщей исторіи обучалъ Ѳедоръ Ив. Липманъ, естествовѣдѣнію—Акад., д-ръ Карлъ Ант. Триніусъ, фехтованію—Ив. Еф. Севербрикъ. Въ 1833—1836 годахъ г. Жилль читалъ лекціи исторической географіи; Константинъ Ив. Арсеньевъ—русской исторіи и статистики; Петръ Александровичъ Плетневъ—грамматики и русской словесности; Егоръ Христ. Вессель—артиллеріи; генералъ-маіоръ Христ. Христ. Христіани (начальникъ инженернаго училища), а послѣ него Лясковскій—фортификаціи.

[1]) О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жук. Спб. 1853. Стр. 76.

можно было принять за жилище какого-нибудь педанта, если бы любезный юморъ самого хозяина не противорѣчилъ такому впечатлѣнію [1]).“

Жуковскій провелъ полныя пять лѣтъ почти въ безраздѣльныхъ занятіяхъ главнымъ дѣломъ. Недаромъ писалъ онъ къ друзьямъ своимъ: „Прощай навсегда, поэзія съ рифмами! Поэзія другаго рода со мною, мнѣ одному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная жизнь.“ Онъ даже сокращаетъ дружескія переписки, прося дать ему „отпускъ на счетъ письменнаго молчанія [2]).

Обученіе Цесаревича шло по начертанному плану. Сердечное отношеніе наставника питало и въ юномъ Августѣйшемъ воспитанникѣ чувства любви и искренности, которыя согрѣвали его отношенія и ко всѣмъ прочимъ учителямъ, выбраннымъ для его обученія. Приставленный къ нему еще въ то время, когда Императоръ Николай Павловичъ былъ Великимъ Княземъ, воспитатель Мердеръ продолжалъ свое дѣло. По мысли Государя, воспитаніе Наслѣдника не должно было упускать изъ виду и развитія необходимыхъ ему свойствъ воина. Постель его должна быть жестка, столъ простъ, отдыхъ состоять изъ игръ военнаго характера, тѣло должно закаляться всякаго рода физическими упражненіями; воля его должна была подчиняться строгой военной дисциплинѣ.

Между тѣмъ Императрица Александра Ѳеодоровна женскимъ чувствомъ своимъ предусмотрѣла, что будущему Монарху будутъ предстоять въ жизни многотрудныя занятія, подъ часъ сухія, такъ сказать прозаическія, кото-

---

[1]) Зейдлицъ. Ж. М. Н. Пр. 1869. Май. 104.

[2]) Плетневъ. стр. 69.

рыя въ состояніи лечь тяжкимъ бременемъ на его душу. Она понимала, что нужно заранѣе дать средства юному духу подняться надъ обыденною прозою жизни. Истолкователемъ и осуществителемъ этихъ намѣреній Государыни и пришлось быть Жуковскому.

Воспитаніе совершалось въ непосредственной близи Августѣйшихъ родителей и предъ ихъ глазами, въ противоположность тому, какъ шло воспитаніе обоихъ младшихъ сыновей Императора Павла. Одна изъ картинъ въ Романовской Галлереѣ изображаетъ домашнюю сцену, гдѣ Государыня, сложивъ съ себя величіе, является единственно матерью, счастливою присутствіемъ дѣтей своихъ [1]). Великому князю были избраны заботливымъ окомъ родителей и товарищи. „Столица съ удовольствіемъ видѣла ежедневно своего царевича гуляющимъ пѣшкомъ въ сопровожденіи Мердера. Ни дождь, ни холодъ, ни какія нибудь общественныя развлеченія не нарушали разъ установленнаго порядка. По воскресеньямъ же и праздничнымъ днямъ къ Наслѣднику приглашалось большое общество. Великіе Князья принимали участіе въ развлеченіяхъ, дозволенныхъ на этихъ вечерахъ. Звуки фортепьяно и танцы оживляли ихъ. Нерѣдко можно было видѣть здѣсь и самого Императора, за-просто бесѣдующаго съ Жуковскимъ, „какъ нѣкогда Генрихъ VIII Англійскій съ геніальнымъ Гольбейномъ“ [2]).

Французскій языкъ былъ единственно употребительнымъ въ высшемъ кругѣ, который имѣлъ доступъ въ общество, окружавшее Наслѣдника. Отъ зоркаго глаза Государя не ускользнуло то обстоятельство, что этотъ обычай можетъ

---

[1]) Эти подробности и другія, здѣсь переданныя см. въ книгѣ Гримма: „Alexandra Feodorowna“.

[2]) Слова Гримма.

быть и въ ущербъ языку родному, если не принять должныя мѣры въ его интересахъ. И онъ исполнилъ это [1]).

Между тѣмъ не упускались и военныя упражненія; Наслѣдникъ былъ посвящаемъ и въ военную науку. Знакомили его и съ ремеслами, водя на нѣкоторыя фабрики и другія подобныя заведенія. Лѣтомъ, въ Царскомъ селѣ, образъ жизни видоизмѣнялся. Августѣйшимъ воспитанникамъ[2]) былъ отведенъ островъ на прудѣ; они усадили его деревцами и цвѣтами, собственноручно построили посрединѣ кирпичный домикъ и сдѣлали нужную для него мебель. Впослѣдствіи Цесаревичъ поставилъ въ этомъ домикѣ бюстъ Жуковскаго, какъ воспоминаніе о счастливѣйшихъ дняхъ дѣтства. До насъ сохранилась пѣсенка, написанная Жуковскимъ отъ лица Августѣйшихъ дѣтей, въ которой живо изображается этотъ уголокъ, радовавшій сердца ихъ во время милыхъ игръ въ Царскомъ селѣ. Вотъ она:

Какъ весело, весело!
Опять собралися мы
Подъ свѣтлыми сѣнями
Завѣтнаго острова!...
Вкругъ свѣта оплавайте—
Нигдѣ не найдете вы
Подобнаго острова.
Не море широкое,
Шумя, разливается
Вкругъ нашего острова;
Не бездной глубокою
Отрѣзанъ отъ твердыхъ онъ
Бреговъ матерой земли.
Къ ней крѣпко привязанный
Канатомъ хранительнымъ,

---

[1]) Къ сожалѣнію Гриммъ не указываетъ подробнѣе этого важнаго обстоятельства.

[2]) Ихъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ Цесаревичу Александру Николаевичу, Константину Николаевичу и Маріи Николаевнѣ.

Всегда намъ доступенъ онъ;
И плотикъ съ перилами,
Безъ вѣтра-попутника,
Безъ паруса-кормщика,
На островъ привозитъ насъ,
Увозитъ насъ съ острова.
У нашего острова
О бурѣ не слыхано,
И воды окружныя
При вѣтрѣ порывистомъ
Едва покрываются
Чешуйкой блестящею,
Какъ будто ласкаяся
Къ зеленому берегу. [1])

Въ томъ же саду Августѣйшія дѣти построили крѣпостцу и, собравъ сверстниковъ, раздѣлившись на партіи, брали и разрушали ее. Наконецъ было тутъ и пріютное мѣсто для бѣга, прыганья, лазанья и борьбы.

Все царское семейство, какъ извѣстно, отличалось вкусомъ къ живописи и охотно занималось ею. Онъ развивался и въ Цесаревичѣ подъ руководствомъ извѣстнаго батальнаго живописца Зауервейда, замѣчательнаго какъ по своему таланту, такъ и по своеобразному характеру. Гриммъ такъ описываетъ его: «Это былъ человѣкъ нрава простаго, характера, отличавшагося стоическою ровностію; свободный и самобытный въ своихъ воззрѣніяхъ, онъ сохранилъ и

---

1) Русск. А. 1873. II. 1701. Не ко времени ли обученія Цесаревича относится и прекрасное изложеніе бѣлыми стихами библейскаго повѣствованія объ Іосифѣ: „Повѣсть объ Іосифѣ Прекрасномъ"? Она помѣщена въ изд. Соч. Ж. 1878 года подъ 1846 годомъ, единственно на томъ основаніи, что вмѣстѣ съ нею напечатана была статья въ прозѣ, писанная 16 января 1846 года („Азъ есмь Богъ твой" и т. д.). См. Соч. Ж. III, стр. 481.—Изложеніе имѣетъ несомнѣнный характеръ произведенія писаннаго для дѣтей, что и даетъ намъ право сдѣлать наше предположеніе. Стихотворенія же, написанныя Жуковскимъ для собственныхъ дѣтей, относятся не ранѣе, какъ къ 1849 году.

среди царскаго семейства независимость истиннаго философа; его замѣчанія отличались особаго рода юморомъ, передъ которымъ отступалъ даже гнѣвъ самого Государя. Великій Князь Николай Павловичъ узналъ его, еще во время своего путешествія въ Англію.... Никто такъ не изучилъ бытъ русскаго солдата, никто не умѣлъ передавать малѣйшія мелочи этого быта карандашомъ или кистью такъ, какъ Зауервейдъ. Къ сожалѣнію, этой областью только и ограничивался его талантъ, и ему оставалось чуждымъ болѣе высокое пониманіе искусства» [1])

Наслѣдникъ оказывалъ болѣе склонности къ музыкѣ, нежели къ живописи. Тогдашнія музыкальныя средства въ Петербургѣ не были особенно богаты. Тѣмъ не менѣе Государыня наблюдала, чтобы этотъ вкусъ получилъ въ сынѣ ея надлежащее развитіе. Время отъ времени приказывала она исполнять оперы, доступныя пониманію одиннадцатилѣтняго Цесаревича и его юныхъ товарищей, напр., Мегюлева «Іосифа въ Египтѣ» [2]). И изъ предметовъ учебныхъ, по словамъ А. Гримма, «Наслѣдникъ оказывалъ болѣе наклонностей къ исторіи и литературѣ, нежели къ математическимъ наукамъ». Графъ Іосифъ Віельгорскій, товарищъ и соученикъ Цесаревича, бывшій съ дѣтства его другомъ, отличался также глубокимъ чувствомъ, и наслѣдовалъ отъ своего отца наклонность къ музыкѣ. Независимо отъ уроковъ, которые бралъ онъ совмѣстно съ Цесаревичемъ, онъ изучалъ дома и классическіе языки и музыку, посвящая этому уже ночи [3])...“

Сердце будущаго царя Россіи было въ рукахъ надежныхъ. Какъ отдалъ себя Жуковскій своему дѣлу—мы имѣли слу-

---

[1]) A. Th. v. Grimm. Alex. Feod. I, 290.

[2]) Ibid.

[3]) A. Th. v. Grimm. A. F. I. 292.

чай указывать неоднократно. Что̀ за личность былъ воспитатель Цесаревича генералъ Мердеръ, мы можемъ судить изъ слѣдующаго факта, сообщаемаго Гриммомъ: въ 1832 году, когда однажды Цесаревичу случилось упасть съ лошади, горячо преданный своему дѣлу воспитатель до того принялъ это къ сердцу, что сдѣлался боленъ. Болѣзнь сердца побудила его вскорѣ ѣхать въ Италію, гдѣ онъ и умеръ въ 1833 году, въ Римѣ. Онъ былъ замѣненъ при Наслѣдникѣ директоромъ Пажескаго корпуса генераломъ Кавелинымъ.

Съ совершеннолѣтіемъ Наслѣдника въ 1834 году воспитаніе его, согласно начертаніямъ Жуковскаго, должно было принять иной характеръ. Къ нему былъ избранъ попечителемъ кн. Ливенъ. Сперанскій знакомилъ его съ юридическими науками; Баронъ Брунновъ—съ отношеніями Россіи къ иностраннымъ государствамъ Европы. Эти лица, вмѣстѣ съ нѣкоторыми министрами и генералъ-адъютантами, а также представителями науки и искусства, составляли теперь общество Цесаревича.

Съ 1834 года занятія Жуковскаго съ Наслѣдникомъ умножились на столько, что къ В. К. Константину Николаевичу былъ приглашенъ другой наставникъ А. Ѳ. Гриммъ, на сочиненіе котораго мы неоднократно ссылались.

Во все время обученія Цесаревича, по плану Жуковскаго, должны были происходить экзамены ежемѣсячные въ присутствіи Государыни, полугодовые (въ половинѣ іюня и концѣ декабря), если возможно, въ присутствіи самого Государя [1]). Теперь, черезъ годъ по наступленіи совершен-

---

[1]) Р. С. 1880. II, 249. Объ одномъ изъ полугодичныхъ экзаменовъ упоминается въ VI-мъ письмѣ Жуковскаго къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. При немъ присутствовала вдовствующая Императрица, такъ какъ Государь былъ на мѣстѣ военныхъ дѣйствій (25 іюня 1828 г.).

полѣтія было послѣднее испытаніе Цесаревича въ присутствіи всего Августѣйшаго семейства, всѣхъ учителей и многихъ лицъ, нарочно приглашенныхъ Государемъ [1]).

XXXV.

Законоучитель Великаго Князя Александра Николаевича Г. П. Павскій.

Еще во второмъ письмѣ, посланномъ изъ-за границы въ самый новый годъ (1827), Жуковскій увѣдомляетъ Императрицу о полученіи имъ плана обученія Закону Божію.

То былъ планъ, составленный протоіереемъ; Андреевскаго Собора, что̀ на Васильевскомъ островѣ; Герасимомъ Петровичемъ Павскимъ, избраннымъ въ законоучители ко Двору самимъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который велѣлъ Жуковскому и Мердеру обратиться къ нему. Мердеръ, передавъ Павскому „Планъ“ Жуковскаго для соображеній, пригласилъ къ себѣ его и поручилъ написать свои мысли о законоученіи. Это было 22-го октября 1826 года. Черезъ недѣлю порученіе это уже было исполнено. Планъ этотъ заключалъ въ первыхъ пространныхъ 10-ти тезисахъ изложеніе основныхъ началъ богословскаго міровоззрѣнія самого автора, за которыми уже слѣдуетъ самая программа преподаванія Закона Божія Цесаревичу, по которой весь учебный курсъ богословія раздѣленъ на два періода, согласно сдѣланному имъ различенію двухъ періодовъ въ развитіи духовныхъ силъ учащагося: возрасту чувства, воображенія и памяти—и возрасту разсудка. Въ первомъ—предметомъ занятій указаны „молитвы, заимство-

---

[1]) A. Th. v. Grimm. A. F. II, 91.

ванныя главнымъ образомъ изъ св. Писанія, жизнеописанія, написанныя слогомъ легкимъ, удобопонятнымъ для дѣтскаго возраста" и „разительныя сцены изъ натуры и общежитія, которыми питается благоговѣніе къ Творцу. Промыслителю". Затѣмъ считаетъ онъ нужнымъ по временамъ обращать вниманіе воспитанника на благочестивыя учрежденія церкви и въ нихъ указывать духъ и „намѣренія учредителей", напр. „при случаѣ причащенія представить сіе священное дѣйствіе съ благочестивой его стороны". Съ особенною подробностію, по его мнѣнію, слѣдуетъ „изложить обряды при совершеніи литургіи, не вдаваясь, впрочемъ, въ мистическія толкованія". Настольною книгою воспитанника онъ указываетъ Библію, преимущественно же Евангеліе и Псалтирь на русскомъ языкѣ. „Для бо̀льшаго дѣйствія на воображеніе", прибавляетъ Павскій, „эти книги должны имѣть и внѣшность прекрасную—въ чистомъ, отличномъ отъ прочихъ книгъ переплетѣ. Отличная внѣшность будетъ напоминать и о внутреннемъ достоинствѣ книги". Не находя пособій и руководствъ, которыя могли бы служить при обученіи Закону Божію, Павскій предоставляетъ составленіе ихъ себѣ. Наизусть, въ этомъ первомъ періодѣ ученія, „воспитанникъ долженъ изучить кратчайшую св. исторію въ хронологической связи, Символъ вѣры, заповѣди, Молитву Господню". Это—зародышъ подробной исторіи церкви, системы догматовъ и правилъ нравственности, которая должна быть изложена въ слѣдующемъ періодѣ воспитанія—„въ лѣтахъ разсудка".

На всѣ запросы разсудка, въ годы, когда пробуждается у человѣка мыслительная самодѣятельность,—„должна отвѣчать религія, потому что ей болѣе всего знакомо то вѣчное начало, отъ котораго и къ которому все". Для этого періода Павскій назначаетъ „исторію религіи". „Но здѣсь",

говоритъ онъ, „исторія не должна уже просто повѣствовать о происшествіяхъ, а должна выяснять происшествія изъ началъ и излагать ихъ со всею обстоятельностію“. Для этого онъ избираетъ „извѣстныя точки, на которыхъ слѣдуетъ остановиться и смотрѣть на религіозныя явленія въ мірѣ“. „Моисей, пророки и Іисусъ Христосъ суть главные дѣйствователи, посредствомъ которыхъ религія явилась міру“... „Моисей начинаетъ вводить религіозныя идеи въ общественную жизнь и въ учрежденія государственныя; пророки, продолжая его дѣло, расширяютъ область воздѣйствія религіознаго ученія; Христосъ довершаетъ сочетаніе неба съ землею. Подробное изложеніе сихъ понятій и ихъ дѣйствованія составитъ прекрасную исторію религіи“. „Когда человѣчество въ Христѣ достигло полноты возраста и ничего уже болѣе и желать не оставалось, начинается исторія церкви Христовой. Нынѣ церковь продолжаетъ вводить религіозныя идеи, открытыя Христомъ, въ человѣческія мысли и дѣйствія, не предлагая ничего новаго“. Изъ исторіи церкви четвертый вѣкъ Павскій предлагалъ описать подробно, какъ такой, въ который „установились догматы и обряды“. „Изъ сего подробнаго описанія“, говоритъ Павскій, „можно видѣть начало, значеніе и твердость догматовъ и обрядовъ нашей церкви“. „Затѣмъ ясно, подробно и безпристрастно должно изложить ходъ и духъ церкви россійской и показать ея отношеніе къ церкви единой, вселенской. За историческимъ изложеніемъ религіи послѣдуетъ систематическое изложеніе догматовъ, нравоученія по духу Христову и понятіямъ церкви и подробное (но не обширное) изложеніе обрядовъ и учрежденій церкви“.

При нравственномъ ученіи Павскій настаиваетъ на отсутствіи холодныхъ разсужденій разума объ обязательствѣ, о законѣ, о наградахъ и наказаніяхъ, ибо „начало христіан-

ской нравственности есть любовь, которая выше всякаго закона и обязательства и которая дѣйствуетъ безъ всякихъ видовъ награды и наказанія".

«Симъ (изложеніемъ обрядовъ и учрежденій церкви) окончитъ руководитель свои наставленія воспитаннику»,—заключаетъ свою записку Павскій, — „пожелавъ отъ всего сердца, чтобы во всю дѣятельную жизнь его религія была душою его дѣлъ и начинаній, но такъ, чтобы религія не останавливала прочнаго дѣйствованія въ общежитіи, а только давала внутреннюю силу. Чувство религіозное, яко внутреннѣйшая жизнь человѣка, умѣетъ дать жизнь, силу и достоинство всѣмъ предпріятіямъ и дѣламъ человѣка. А историческое изложеніе религіозныхъ идей и наблюденіе хода человѣческихъ понятій научаетъ благоразумію и сдѣлаетъ опытнымъ. Опытное же наблюденіе и внутреннее чувство, соединившись вмѣстѣ, сдѣлаютъ мужемъ мудрымъ и благочестивымъ".

Всматриваясь въ это начертаніе обученія Закону Божію, нельзя не замѣтить, что въ немъ отдано предпочтеніе историческому изученію религіи [1]).

Даже въ первомъ періодѣ ученія, въ возрастѣ „чувства, воображенія и памяти", какъ его опредѣляетъ Павскій, слѣдуетъ уже по временамъ обращать вниманіе на учрежденія церкви и въ нихъ указывать духъ и намѣренія учре-

---

[1]) „Историческій взглядъ на религію", говорилъ Павскій и въ составленномъ имъ ранѣе „Краткомъ наставленіи законоучителю кантонистовъ высшаго разряда",—„долженъ предшествовать всякому другому взгляду на религію... И нравственное, и догматическое ученіе родилось и составилось на основаніи исторіи, ибо извѣстно, что мы не прежде размышляемъ о чемъ нибудь въ себѣ, какъ взглянувъ на какое либо происшествіе, т. е. получивъ историческое познаніе", и прибавляетъ, что преподаватель долженъ какъ можно меньше вводить своихъ личныхъ соображеній и сужденій.

дителей.—Во второмъ же періодѣ историческій взглядъ уже очевидно получаетъ подавляющее значеніе въ его курсѣ. Неясное выраженіе, что исторія религій должна «выяснять происшествія изъ началъ», какъ увидимъ ниже, да и весь характеръ программы могли даже подать поводъ къ упреку въ томъ, что составитель плана обученія закону Божію находился подъ излишнимъ вліяніемъ протестантскихъ богослововъ.

Герасимъ Петровичъ Павскій, опредѣленный въ Александро-Невскую семинарію въ 1798 году, т. е. въ годъ ея преобразованія въ Академію, получалъ въ ней свое образованіе въ такую пору, когда ея учебныя и ученыя силы были весьма неудовлетворительны. Тѣмъ не менѣе выходящія изъ ряда способности и усердіе дали ему возможность пріобрѣсти и въ этой школѣ, и внѣ ея полное развитіе формальныхъ мыслительныхъ способностей, и хорошее знаніе языковъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ, и большой запасъ всякаго рода знаній,—но онъ не удовольствовался этимъ и перешелъ во вновь открытую С.-Петербургскую Духовную Академію въ ея новомъ видѣ, въ основу ученія которой было положено „возбужденіе ума слушателей“, дабы способствовать „раскрытію собственныхъ силъ и дѣятельности ихъ разума“. Не смотря на то, что въ числѣ организаторовъ Академіи были Митрополитъ Амвросій и М. Л. Сперанскій (по классу наукъ философскихъ и древнихъ языковъ), и Ѳеофилактъ Калужскій (которому была поручена организація класса наукъ словесныхъ „по обширности свѣдѣній и изящному вкусу“),—Павскій не былъ доволенъ и новымъ мѣстомъ своего обученія. „Только и было хорошихъ профессоровъ“, говоритъ онъ, „что Филаретъ (впослѣдствіи Московскій Митрополитъ) и Фесслеръ (преподававшій еврейскій языкъ, а потомъ философію); ректора

Академіи Архимандрита Евграфа Музалевскаго онъ осуждаетъ за то, что тотъ „смотрѣлъ на все свысока и былъ мистикъ“. „Богъ ихъ знаетъ, этихъ московскихъ ученыхъ“, говорилъ Павскій: „у нихъ все какъ-то не спроста“; другаго ректора (Архимандрита Сергія Платонова-Крылова) Павскій называлъ „добрымъ, но недалекимъ“. Фесслеръ, одинъ изъ послѣдователей Канта, прибылъ, сильно поддерживаемый Сперанскимъ, изъ Германіи въ числѣ нѣсколькихъ учениковъ знаменитаго философа, не находившихъ тамъ болѣе возможности распространять его ученіе. Изъ нихъ извѣстны профессоры Московскаго университета: Мельманъ, удаленный въ 1795 г., и Буле (котораго слушателемъ былъ, какъ извѣстно, Грибоѣдовъ), дерптскаго—Парротъ и харьковскаго—Якобъ. Задавшись превзойти своихъ учителей, Павскій всецѣло предался наукамъ и съ особеннымъ усердіемъ изучалъ теперь богословіе съ его отраслями, церковную исторію и еврейскій языкъ. Пять съ половиною лѣтъ провелъ онъ въ этихъ трудахъ подъ руководствомъ Филарета и окончилъ курсъ магистромъ перваго выпуска въ 1814 году.

Онъ отказался отъ поприща монашескаго, которое было предложено ему новымъ ректоромъ Академіи (Филаретомъ). „По окончаніи курса“, пишетъ онъ въ своей автобіографіи, „когда другіе изъ московскихъ нѣсколькихъ пошли въ монахи, онъ ожидалъ того же и отъ меня“... „Когда я отказался отъ монашества, тогда видимымъ образомъ отвратился отъ меня ректоръ“, продолжаетъ Павскій: „вмѣсто того, чтобы назначить мнѣ богословскую каѳедру, къ чему я былъ способнѣе другихъ, дали мнѣ еврейскій языкъ“. Такъ объяснилъ себѣ Павскій рѣшеніе Филарета, зорко всматривавшагося въ новую серьезную силу, которая явилась его взору въ лицѣ этого неутомимаго и горячаго дѣятеля на поприщѣ русской бо-

гословской науки. Свои лекціи еврейскаго языка Павскій обращалъ въ то же время въ лекціи богословія. „Посредствомъ знанія языка я хотѣлъ дойти до вѣрнаго толкованія и пониманія св. Писанія“, говоритъ онъ въ своей автобіографіи: „а извѣстно, что вѣрное пониманіе еврейскаго языка ведетъ къ пониманію богословія. Языкъ я узналъ наилучшимъ образомъ, какъ никто не зналъ изъ моихъ соотечественниковъ и даже изъ чужеземцевъ“ (sic). „По силѣ языка удавалось узнать многое, что противно толкованію нашихъ мудрыхъ толковниковъ“... „О псалтыри я первый высказалъ вѣрныя свѣдѣнія, что она не вся написана Давидомъ... Послѣ псалтыри съ особенною подробностію и охотою разобралъ я книгу Іова, какъ труднѣйшую въ переводѣ. При чтеніи Пророковъ я... старался растолковать время, когда произнесено пророчество, обстоятельства, въ какихъ произнесено... Студенты съ охотою записывали всѣ мои толкованія и переводы, и такимъ образомъ составили изъ переводовъ и толкованій литографированную книжку, которая и пошла по рукамъ и подала впослѣдствіи поводъ къ разысканіямъ и гоненію“.

Читатели видятъ изъ этихъ отрывковъ дневника не только высокую ученость 27-лѣтняго магистра, но и не менѣе высокое сознаніе своего превосходства надъ всѣми его окружавшими. Широкая дѣятельность на дальнѣйшемъ поприщѣ его жизни только утверждала его въ этомъ сознаніи.

Въ 1819 году Попечитель Петербургскаго учебнаго округа пригласилъ Павскаго занять каѳедру во вновь открытомъ университетѣ. Лекціи его здѣсь собирали толпы слушателей. Онъ ввелъ въ преподаваніе „Исторію развитія религіозныхъ идей въ человѣческомъ обществѣ“. „Судя по отрывкамъ этихъ лекцій, приводимыхъ въ брошюрѣ С. В. Про-

топопова", замѣчаетъ его біографъ, „онъ старался въ своихъ лекціяхъ, такъ сказать, раціонализировать религіозное ученіе, сопоставить съ общечеловѣческимъ міросозерцаніемъ научнымъ и доказать состоятельность его предъ запросами раціоналистическаго отрицанія". Онъ старался, по словамъ С. В. Протопопова, каждое явленіе религіозной жизни человѣчества объяснить такимъ образомъ, чтобы оно представлялось слушателямъ, какъ необходимое слѣдствіе законовъ естественныхъ и откровенныхъ. Происхожденіе жертвъ, напримѣръ, по его мнѣнію слѣдуетъ искать въ чувствѣ преданности и благоговѣнія, какое низшій оказываетъ высшему. Различіе въ жертвахъ объясняетъ онъ различіемъ климатовъ, обыкновеній и нравовъ. Необходимость откровенія доказывается у него всеобщимъ желаніемъ и вѣрованіемъ въ откровеніе..."

Лекціи эти, прерванныя во время всемогущества Рунича, возобновились при новомъ Министрѣ Народнаго Просвѣщенія Шишковѣ.

Кругъ дѣятельности Павскаго быстро расширялся [1]).

Врагъ всякаго мистицизма, Павскій естественно отклонилъ всѣ попытки привлечь его въ масонство. Критическій складъ ума не допустилъ его до этого. Что до Библейскаго Общества, то цѣль его—дать возможность всѣмъ вѣрующимъ читать слово Божіе и филологическая сторона занятій (переводъ Библіи) должны были привлечь Павскаго,—и вотъ, тотчасъ же по окончаніи своего ученія, вступаетъ онъ ди-

---

[1]) Дѣятельный сотрудникъ въ основанномъ въ 1821 году „Христіанскомъ Чтеніи", Павскій помѣстилъ здѣсь между прочимъ переводъ почти всѣхъ твореній Св. Отцевъ. Въ то же время въ немъ не умиралъ филологъ: въ бумагахъ автора „Филологическихъ наблюденій", найдены отрывки обширнаго разбора русской грамматики Греча и переводъ „Слова о Полку Игоревѣ".

ректоромъ этого Общества. Онъ взялъ на себя переводъ Евангелія отъ Матѳея; изъ прочихъ Евангелистовъ, Іоанна— взялъ на себя Филаретъ. Четвероевангеліе было отпечатано въ 1818 году. При переводѣ историческихъ книгъ Ветхаго Завѣта Павскій принялъ на себя главную редакцію. Ему безраздѣльно принадлежалъ и переводъ Псалмовъ. По представленію Филарета и смѣнившаго его Григорія, Павскій былъ возведенъ въ степень доктора богословія.

Послѣ кончины жены его въ 1824 году, ректоръ Академіи вновь обратился къ нему съ убѣжденіемъ вступить въ монашество, но онъ снова наотрѣзъ отказался отъ этого. Взглядъ его на монашество высказанъ имъ въ автобіографіи въ слѣдующихъ словахъ: „Я понимаю его дѣломъ нечистымъ и противнымъ закону натуры и, слѣдовательно, закону Божію, въ чемъ увѣрила меня и церковная исторія. Церковная исторія учитъ, что въ духѣ христіанской церкви и практикѣ ея не было монашества; было скитничество, отшельничество, но въ такомъ смыслѣ, въ какомъ утвердилось нынѣ, считалось богопротивнымъ“ [1]).

Филаретъ высоко цѣнилъ научную эрудицію Павскаго. Это видно изъ того, что онъ считалъ его достойнымъ высшей ученой степени. Но сторонникъ убѣжденій инаго закала, могъ ли онъ взирать на это новое явленіе безъ внутренняго трепета сердца, уже давно горѣвшаго ревностію къ идеалу другому? Глубоко уважая науку во имя раскрытія истины въ своемъ высокомъ идеалѣ, онъ не могъ не поднять внимательнаго взора на выроставшаго юнаго борца съ невѣжествомъ, ронявшимъ святое дѣло вѣры,—и съ пер-

---

1) Всѣ вышеизложенныя факты заимствованы нами изъ обстоятельнаго и согрѣтаго горячимъ чувствомъ уваженія къ Г. П. Павскому очерка жизни его проф. Н. И. Барсова въ Р. С. 1880 года. См. также „Напоминаніе о Павскомъ“ М. Погодина (Р. А. 1870. 1948).

выхъ же шаговъ его пытливо всматривался въ этотъ небывалый на Руси образъ ученаго, вооруженнаго съ головы до ногъ знаніями европейской науки и богатаго дарами природы. Но вотъ, по мѣрѣ того, какъ ему уяснялась эта личность, ея самоувѣренныя движенія, порою презрительные взгляды на все что̀ было дорого сердцу іерарха, на святой своею древностію городъ, — много требовалось самообладанія и разумной терпимости, чтобы сдержать голосъ сердца, обманувшагося, быть можетъ, въ самыхъ радостныхъ ожиданіяхъ, какія могъ внушать этотъ талантливый ученикъ его. Филаретъ еще вынесъ ударъ, нанесенный самому завѣтному его чувству—неприкосновенности монашескаго идеала—несправедливымъ мнѣніемъ о немъ, неоднократно высказывавшимся Павскимъ. Но когда ревнивый хранитель истаго древне-русскаго идеала, вынесшій изъ русской исторіи выводъ, вполнѣ противоположный выводу Павскаго,—увидѣлъ новаго богослова вблизи русскаго престола совѣтникомъ русскаго Царевича,—сердце его не выдержало. И онъ извлекъ мечъ свой — и борьба двухъ могучихъ противниковъ загорѣлась.

То не было схваткою двухъ лицъ, оскорбленныхъ эгоистическимъ соперничествомъ (относительно Филарета мы въ этомъ убѣждены непоколебимо): то была битва двухъ идей, двухъ нравственныхъ стихій, всколебавшихся порывами юной науки.

XXXVI.

Жуковскій въ трудахъ по наставничеству и въ досугѣ.—Борьба Митрополита Филарета съ Павскимъ.

А что̀ же главный наставникъ, горѣвшій, не менѣе пламенно въ порывѣ къ общей цѣли, двигавшей души этихъ людей?

Получивъ еще въ Дрезденѣ планъ уроковъ по закону Божію Павскаго, онъ писалъ Государынѣ [1]): „Меня истинно сдѣлала счастливымъ на дняхъ записка, доставленная мнѣ достопочтеннымъ Павскимъ... Планъ составленъ ясно, просто и по опредѣленной методѣ; въ немъ свѣтитъ чистота прекрасной души. Мнѣ кажется, что мы вправѣ поздравить себя съ нашимъ выборомъ. Этотъ человѣкъ повидимому весьма способенъ имѣть прекрасное вліяніе на Вашего ребенка. Найди мы только богослова, свѣдущаго по части догматовъ, законъ Божій ничего бы не выигралъ. Для Вашего ребенка, для его будущей судьбы требуется религія сердца. Ему необходимо имѣть высокое понятіе о Промыслѣ, чтобы оно могло руководить его жизнію, религію просвѣщенную, благодушную, проникнутую уваженіемъ къ человѣчеству, религію, которая могла бы сохранить душу отъ стѣсняющихъ ее предразсудковъ, которые подчиняютъ ее малодушнымъ опасеніямъ и подвергаютъ вліянію тѣхъ, кто желалъ бы овладѣть ею, — словомъ религію, которая возстановила бы въ ихъ истинномъ значеніи тѣ слова, которыя столько повторялись въ послѣднее время и которыя, правильно понятыя, заключаютъ въ себѣ высокую истину, что „власть царей исходитъ отъ Бога“.

Развивая мысль, уже приведенную нами выше, гдѣ мы

---

[1]) Письмо II. Соч. Ж. VI, 279.

раскрывали воззрѣніе Жуковскаго на истинное величіе, онъ говоритъ и здѣсь, что „пользоваться могуществомъ не значитъ царствовать“; что только понятіе о верховномъ судилищѣ, объ отвѣтственности передъ всемогущимъ Судіею — можетъ внушить воспитываемому „недовѣріе къ собственной его волѣ, подчинить его долгу, внушить ему уваженіе къ праву, справедливости, свободѣ, просвѣщенію“. „Мнѣ кажется“, пишетъ онъ, „что Павскій обладаетъ всѣмъ, что̀ нужно для внушенія подобнаго взгляда нашему дорогому воспитаннику. Чтеніе его записки исполнило меня уваженія къ нему и подружило его со мною. Его познанія весьма полезны для меня. Мы протянемъ другъ другу руку, чтобы дѣйствовать сообща, всякій по своей части, на чистое сердце Вашего сына. Какое счастіе понимать другъ друга и взаимно помогать одинъ другому при исполненіи такой задачи“!

Могъ ли Жуковскій, всей своей жизнію отдаленный отъ того русла просвѣщенія, по которому текло оно, не изсякая и теряясь въ дали древне-русской жизни,—угадать возможность значенія той борьбы, зачатокъ которой уже таился въ общихъ начертаніяхъ плана Павскаго? Теоріей религіи, по свидѣтельству А. О. Смирновой, Жуковскій сталъ заниматься лишь подъ старость, послѣ женитьбы [1]). Одушевленный иною религіею, нежели та, какую привыкъ, вмѣстѣ со всѣмъ образованнымъ русскимъ кругомъ, ожидать отъ лицъ духовныхъ; не имѣя ни случая, ни способовъ вдуматься въ сложную и требующую большой подготовленности сферу богословской науки,—онъ былъ очарованъ умѣніемъ Павскаго упростить и логично свести важнѣйшія части курса Закона Божія къ тезисамъ, столь на-

---

[1]) Р. А. 1871. XI. 1863.

поминавшимъ терминологію его собственнаго Плана и выразить языкомъ, такъ не похожимъ на тяжелую для свѣтскаго уха рѣчь тѣхъ представителей церкви, которыхъ случалось встрѣчать ему. Мысленно противополагая лицамъ, подобнымъ Фотію, свѣжее лицо богослова просвѣщеннаго, онъ не задумался привязаться къ послѣднему. Онъ и не подозрѣвалъ третьяго возможнаго голоса; настолько былъ ему невѣдомъ этотъ міръ духовенства ученаго, въ скромныхъ трудахъ совершавшаго свое дѣло въ то время, когда за благочестіе у всѣхъ на глазахъ ратовали лица въ родѣ Фотія, Магницкаго и имъ подобныя, вкривь и вкось рѣшая вопросы вѣры и, что̀ уже вовсе худо, внося свои толкованія въ государственную практику. Какъ уживались эти слѣпцы въ дѣлѣ вѣроученія съ идеями новаго порядка, которыя проводилъ юный Павскій? Трудно повѣрить, но въ этомъ хаосѣ взаимнаго непоминанія кн. А. Н. Голицынъ оказался на сторонѣ Филарета, котораго „Православный катехизисъ“ подвергся вмѣстѣ съ Библейскимъ обществомъ преслѣдованію; Шишковъ—на сторонѣ Павскаго, которому было поручено разсмотрѣніе этого катехизиса (въ 1824); Павскій—подъ руку съ Руничемъ, вводящимъ его программы и расписаніе уроковъ по закону Божію во всѣ гимназіи вѣдомства М. Н. Просвѣщенія своего округа, въ „Петербургскій Благородный Пансіонъ и Высшее Училище; Аракчеевъ—вмѣстѣ съ Павскимъ, по указаніямъ котораго кантонисты наблюдали, какъ „нравственное догматическое ученіе родилось и составилось на основаніи исторіи“—и оберегались отъ „неудовлетворительнаго изложенія ученія о богопознаніи естественномъ“ въ Катехизисѣ Филарета.

Легко ли было разобраться въ этомъ хаосѣ нашему поэту, душѣ котораго такъ нужно было согласить для себя все ми-

молетящее къ особому гармоническому прекрасному единству? Ему дорого было въ Павскомъ замѣтить одно: его уваженіе къ наукѣ. „Ваша религія,—другъ просвѣщенія“, писалъ онъ Павскому изъ Дрездена, въ отвѣтномъ письмѣ по полученіи его „Записки“ [1]).

Онъ весь былъ полонъ тогда своихъ собственныхъ плановъ: выборомъ книгъ для библіотеки Великаго Князя и педагогикой Песталоцци.

На первыхъ порахъ занятія Жуковскаго не оставляли ему много свободнаго времени. Онъ не написалъ тогда ни одного стихотворенія, да и потомъ лишь изрѣдка позволялъ себѣ снова наслажденіе поэтическимъ творчествомъ въ минуты досуга.

Памятникомъ этихъ досуговъ осталась юмористическая переписка его съ одною изъ фрейлинъ, А. О. Смирновой, урожденной Россети. Она узнала Жуковскаго въ 1826 году, на масляницѣ, въ Екатерининскомъ Институтѣ когда держала выпускной экзаменъ. Экзаменъ былъ публичный, торжественный, какъ это любила Императрица Марія Ѳеодоровна. Послѣ успѣшнаго экзамена по словесности, которую преподавалъ у нихъ П. А. Плетневъ, возбужденныя произнесенными стихами Жуковскаго, дѣвицы съ особеннымъ интересомъ оглядывали самого знаменитаго поэта, „преусердно занявшагося блинами“, какъ выражается А. О. Смир-

---

[1]) См. Р. С. 1880. II, 283.

Результатомъ законоучительства Павскаго были: статьи о Богослуженіи въ „Христіанскомъ чтеніи“, книги: „Христіанское ученіе въ краткой системѣ“, „Начертаніе церковной исторіи и жизнь Іисуса Христа, разсказанная подробнѣйшимъ образомъ“, нѣсколько молитвъ и наставленій на разные случаи общественной жизни Россіи и частной—В. Князя Наслѣдника и сборникъ нравоучительныхъ статей (послѣднія не изданы и находятся въ распоряженіи „Русской Старины“) (Р. С. 1880. II. 287).

нова въ своихъ воспоминаніяхъ [1]. „Насъ всѣхъ поразили“, говоритъ она, „добрые, задумчивые глаза Жуковскаго.“ Уже будучи фрейлиною, у обѣденнаго стола вдовствующей Императрицы никогда не видала она Жуковскаго и познакомилась съ нимъ только въ домѣ Карамзиныхъ. Мало по малу знакомство ихъ завязалось, и Жуковскій часто обѣдалъ у Александры Осиповны запросто. Между ними установились дружескія и, какъ это нерѣдко было съ Жуковскимъ, особыя юмористическія отношенія. Такъ, видя другихъ гостей А. О. Россети пріѣзжающими во фракахъ, онъ, продолжая являться въ сюртукѣ, приказывалъ слугѣ вносить за собою развернутый фракъ и, входя, говорилъ: „вотъ я пріѣхалъ во фракѣ, а теперь, братецъ Григорій, уложи его хорошенько“. Повторивъ раза три эту шутку, когда она уже и ему и Александрѣ Осиповнѣ надоѣла, увѣрялъ, что въ передней она всегда имѣла большой успѣхъ, и очень этимъ восхищался [2].

Въ фрейлинскій корридоръ ходили всякіе люди просить помощи и подавать прошенія. Однажды забрался къ Александрѣ Осиповнѣ Сербскій князь, отецъ ея товарки по институту; А. О. Россети позвала къ себѣ Жуковскаго, который отличался безмѣрною щедростію. (Г-жа Смирнова разсказываетъ, что съ утра на его лѣстницѣ толпились нищіе, бѣдные и просители: въ одинъ годъ онъ роздалъ 18.000 руб. асс., т. е. половину тогдашнихъ своихъ годовыхъ средствъ). [3]) Вотъ этотъ случай и подалъ поводъ къ пер-

---

[1]) Р. А. 1871. XI. 1870.

[2]) Восп. А. О. См. Р. А. 1871. XI. 1873.

[3]) Ibid. (1871). Вотъ еще случай, разсказанный въ воспоминаніяхъ А. О. Смирновой. Однажды Жуковскій явился къ ней съ портфелемъ и говоритъ: „Посмотрите, какую штуку я выдумалъ! Я такъ надоѣлъ просьбами, что они, лишь увидятъ меня, просто махаютъ руками. Надобно 3000 руб., чтобы выкупить крѣпостнаго живописца у барина. Злодѣй, узнавши, что я инте-

вому изъ извѣстныхъ шуточныхъ писемъ Жуковскаго, подъ которыми онъ по бо́льшей части подписывался прозвищемъ, даннымъ ему фрейлинами: „Быкъ“, съ приложеніемъ ста рублей въ пользу Серба. Въ числѣ этихъ писемъ, есть и стихотворныя. Вотъ, напримѣръ, записочка при посылкѣ денегъ, которыя однажды Россети занимала у него для себя:

И я веселой жизнью жилъ,
Мечталъ, и о мечтахъ стихами
Довольно складно говорилъ!...
Зачѣмъ же не въ то время съ Вами
Мнѣ рокъ знакомымъ быть судилъ!
Въ свои магическія сѣти
Меня схватила бы Россети,
И муза бъ ожила моя!
О, какъ бы разбренчался я
На лирѣ, счастливый невольникъ.
Но молодость, увы! прошла,
И я теперь въ любви раскольникъ.
Россети страшно какъ мила...
А я не потерялъ свободы!
И вмѣсто пламенныя оды
На блескъ ея живыхъ очей,
Безъ всякихъ нѣжныхъ комплиментовъ,
Даю, какъ добрый, безъ процентовъ
Взаймы ей тысячу рублей.

Вотъ отрывки изъ другаго стихотворнаго посланія при воз-

ресуюсь его человѣкомъ, заломилъ вишь какую сумму! Вотъ что̀ я придумалъ: всю исторію представилъ въ рисункахъ. Сидятъ Ю. Ѳ. Баранова, и В. К. Марія Николаевна. Я разсказываю исторію. Всѣ говорятъ: „это ужасно! Ахъ бѣдный! его надобно высвободить“. Картина вторая. Я показываю рисунки; восхищаются: „C'est charmant, quel talent! Картинъ этихъ тутъ было нѣсколько, и размѣстивъ всѣхъ, приложивъ своихъ денегъ, Жуковскій собралъ съ царской фамиліи деньги и послалъ ихъ въ Оренбургъ, гдѣ томился художникъ у невѣжды-барина“.

вращеніи взятой у Александры Осиповны для прочтенія книги, съ извиненіемъ въ какомъ-то передъ нею проступкѣ:

„Милостивая государыня Александра Іосифовна!
Честь имѣю препроводить съ моимъ человѣкомъ
Ѳедоромъ къ Вашему Превосходительству данную вами
Книгу мнѣ для прочтенья: Записки французской извѣстной
Вамъ герцогини Абрàнтесъ. Признаться, прекрасная книжка".

Начатая въ формѣ пародіи на самую форму безтолковаго гексаметра, шутливая записочка мало-по-малу, съ третьяго же стиха принимаетъ правильный размѣръ гексаметра:

...Во первыхъ,
Я ужъ ее прочиталъ; во-вторыхъ, столь несчастно навлекши
Гнѣвъ на себя вашъ своимъ непристойнымъ вчера поведеньемъ,
Я не дерзаю болѣе думать, чтобъ было возможно
Мнѣ грѣховоднику ваши удерживать книги. Прошу васъ,
Именемъ дружбы, прислать мнѣ и сдѣлать
Милость мнѣ, недостойному псу, и сказать мнѣ, прошла ли
Ваша холера, и что̀ мнѣ, собакѣ, свиной образинѣ,
Надобно дѣлать, чтобъ грѣхъ свой проклятый загладить..?

Посланіе кончается такъ:

Пользуюсь случаемъ симъ, чтобъ опять изъявить передъ вами
Чувства глубокой, сердечной преда́нности, съ коей пребуду
Вѣчно вашимъ покорнымъ слугою Василій Жуковскій [1]).

Изъ другихъ придворныхъ дамъ Жуковскій особенно любилъ и уважалъ г-жу Вильдерметтъ, о которой мы имѣли уже случай говорить при изложеніи жизни В. К. Александры Ѳеодоровны. Черезъ нее-то онъ выпрашивалъ раз-

---

[1]) 1831 года. (Соч. Ж. VI. 522).

ныя милости для лицъ, дѣйствительно нуждавшихся. Г-жа Смирнова пишетъ, что M-lle Вильдерметтъ была такъ же несвѣдуща въ „придворныхъ хитростяхъ", какъ и самъ Жуковскій, и часто говорила ей, что онъ наивенъ, какъ дитя, а Жуковскій такъ же точно отзывался о ней. „Вообще", говоритъ г-жа Смирнова, „въ чисто-русской натурѣ Жуковскаго было много германизма, мечтательности и того, что̀ называютъ Gemüthlichkeit. Онъ любилъ расходиться, разболтаться и шутить въ маленькомъ кружкѣ знакомыхъ, самымъ невиннымъ, почти дѣтскимъ манеромъ" [1]).

Въ третьемъ этажѣ дворца занималъ онъ нѣсколько просторныхъ, хорошо убранныхъ комнатъ и украшенныхъ любимыми картинами его знакомца Фридриха [2]). Въ минуты досуга, одинъ сидя въ турецкомъ халатѣ на диванѣ съ поджатыми подъ себя ногами, покуривая изъ длиннаго чубука съ янтарнымъ мундштукомъ, онъ походилъ, по словамъ Зейдлица [3]), на турецкаго пашу. Тому много способствовало сложеніе его головы и нѣсколько желтоватое лицо. Широкій, короткій черепъ съ высокимъ лбомъ, прямой лицевой уголъ, квадратный окладъ лица, не очень большіе, но быстрые глаза, тѣлосложеніе, нѣсколько расположенное къ полнотѣ, наклонность къ нѣгѣ, басовой голосъ—вотъ признаки, обнаруживавшіе турецкую кровь въ организмѣ Жуковскаго.

Усиленныя занятія снова побудили его въ 1832 году съѣздить въ чужіе края для поправленія разстроеннаго здоровья. Ниже мы разскажемъ объ этомъ третьемъ его пребываніи за границею и познакомимъ съ тѣми произведеніями, которыя не замедлили явиться изъ подъ пера его,

---

1) Р. А. 1871. XI. 1873.

2) Ibid.

3) Zeidlitz. W. A. J. 134. Его же Ж. М. Н. П. 1869. III. 105.

какъ только онъ почувствовалъ себя на время свободнымъ отъ главнаго его занятія.

Отдохнувъ на берегахъ Женевскаго озера, среди родственныхъ ему художественныхъ впечатлѣній, обвѣянный воздухомъ горъ и долинъ подъ яснымъ, голубымъ небомъ юга,—возвратился онъ въ Петербургъ въ началѣ сентября 1833 года и снова принялся за ежедневные труды по ученію Наслѣдника.

Привыкшій въ теченіи многихъ лѣтъ къ мысли, что другаго лица для руководства учебными занятіями Наслѣдника избрано не будетъ, и видя успѣхъ ученія, Жуковскій былъ покоенъ.

Уже шелъ послѣдній годъ ученія Наслѣдника. Жуковскій готовился пожать плоды многолѣтняго труда, и снова чаще и чаще обращался къ поэзіи.

Каково же было его изумленіе, когда 14 августа 1834 года вдругъ получаетъ онъ письмо отъ Г. П. Павскаго, въ которомъ, прилагая объясненія на замѣтки Митрополита Филарета о его книжкахъ, онъ въ тревогѣ умоляетъ Жуковскаго постараться, чтобы Государь какъ можно скорѣе увидѣлъ дѣло во всей его ясности. Замѣтки Митрополита называетъ „пребезсовѣстными, между нами сказать“; жалуясь на то, что въ этихъ замѣткахъ ученіе его выставлено „не христіанскимъ, неправовѣрнымъ“, онъ объясняетъ такой отзывъ желаніемъ Митрополита „излить гнѣвъ на того, который ничѣмъ невиненъ передъ нимъ“ [1]). Онъ проситъ, въ случаѣ, если чтеніе всѣхъ его отвѣтныхъ объясненій окажется утомительнымъ для Государя, чтобы Жуковскій выбралъ по крайней мѣрѣ тѣ примѣчанія, въ которыхъ онъ выставленъ „какъ безбожникъ, какъ язычникъ, социніанинъ,

---

[1]) Р. С. 1880. Апр. IV. 710.

раціоналистъ, ересевводитель". Въ потокѣ этихъ просьбъ онъ прибѣгаетъ и къ такому аргументу: „Мнѣ вас ъ жаль; падающее на меня подозрѣніе касается и васъ". Нѣкоторыя мѣста проситъ онъ показать и кн. А. Н. Голицыну, дабы „заградить уста при самомъ началѣ" шептунамъ, которые заговорили уже вслухъ предъ Государемъ. Обѣщается впредь „быть осторожнѣе".

Павскому предстояло быть, по его словамъ, не только учителемъ, но и совѣтникомъ В. К. Тогда, говоритъ Павскій, „происки противъ него обнаружились съ особенною силою" [1]). „Къ авторитетнымъ лицамъ изъ монашествующихъ присоединилось нѣсколько придворныхъ дамъ" [2]). Онѣ „съѣзжались лѣтомъ къ Митрополиту Серафиму, взявъ себѣ въ помощь оберъ-прокурора св. Синода кн. Мещерскаго, уговаривая его удалить Павскаго отъ Двора [3])". Митрополитъ сталъ усердно рекомендовать на мѣсто протопресвитера (открывшееся тогда при Московскомъ Успенскомъ Соборѣ) Павскаго и чрезъ Жуковскаго усердно хлопоталъ о томъ при Дворѣ. Но когда сказано было это Павскому, онъ отказался отъ этого повышенія, и его оставили въ покоѣ [4]). Филаретъ, отправляясь въ Москву, получилъ передъ отъѣздомъ порученіе написать замѣчанія на книжки Павскаго. Онъ не замедлилъ исполнить это порученіе и прислалъ свои замѣчанія. Павскій пишетъ, что „Императоръ Николай Павловичъ, узнавъ объ этомъ, будто бы сказалъ: „Это монашескія продѣлки, я ихъ уйму".

Изъ тѣхъ мѣстъ автобіографіи Павскаго, которыя приводятся въ указанномъ выше очеркѣ „Русской Старины",

---

1) Р. С. 1880. II, 106.
2) Ibid.
3) Ibid.
4) Ibid

нельзя не замѣтить въ это время крайняго безпокойства Павскаго за свое положеніе и доброе имя, хотя казалось бы опасаться ему было нечего: вѣдь самъ Государь былъ за него.

Жуковскій, отъ котораго Павскій получилъ замѣтки Московскаго Митрополита, на его имя присланныя, еще ранѣе совѣтовалъ Павскому объясниться по поводу ихъ съ Митрополитомъ Серафимомъ и разсказать ему весь свой планъ преподаванія,—понимая замѣтки за „недоразумѣніе". Теперь Павскій пишетъ, что видитъ и самъ необходимость объясниться съ Митрополитомъ. Онъ взываетъ къ Жуковскому, чтобы онъ взглянулъ на этотъ случай, какъ на опасное обстоятельство, которое пожалуй іерархи „обратятъ себѣ въ право надзирать надъ воспитаніемъ и поведеніемъ царей" [1]). Разгоряченная фантазія Павскаго въ этомъ письмѣ не имѣетъ предѣловъ; подозрительный и трепещущій за себя, онъ прибавляетъ объ іерархахъ: „У нихъ все клонится къ тому, чтобы власть свою простереть подальше, даже до тѣхъ предѣловъ, куда простиралась власть папъ!" Онъ не обронилъ ни слова о томъ, что поведеніе Московскаго Митрополита могло быть внушено ему руководившею имъ идеей и однимъ изъ поступковъ „твердости и прозорливости" [2]), которыя онъ считалъ необходимою принадлежностію лица духовнаго. Вмѣсто этого, все дѣло объясняется намѣреніемъ „очернить того законоучителя, который поставленъ не по ихъ милости". Далѣе Павскій, внушая Жуковскому мысль, что по духу учрежденія Петрова правительствующій синодъ—въ томъ же точно

---

[1]) Р. С. 1880. V. 711.

[2]) Записки о жизни и врем. Святителя Филарета, Митр. Моск. Н. Сушкова. М. 1868. 55.

отношеніи къ Государю, какъ правительствующій сенатъ, и жалуясь, что въ синодѣ разсуждающихъ одинъ, много—два, и что „синодъ вышелъ чуть-чуть не то же, что патріархъ", онъ прибавляетъ: „О, вы этого не знаете, а мы видимъ и знаемъ, и гдѣ можно и должно, говоримъ объ этомъ" [1]). Павскій плодовитъ въ изобрѣтеніи всякихъ объясненій поступку Филарета, кромѣ того, которое приходитъ само собою каждому, кто зналъ Московскаго Митрополита. Онъ уже видитъ въ его поступкѣ намѣреніе „возстать противъ нижайшаго въ то время, когда по степени и по ходу дѣла онъ приближается къ членству синода".

Что же это были за замѣчанія на книжки Павскаго, которыя привели его въ такую тревогу?

Къ сожалѣнію, „Замѣтки" Московскаго Архипастыря намъ извѣстны лишь изъ объясненій Павскаго [2]), слѣдовательно постольку, поскольку онъ самъ выписываетъ ихъ для своихъ отвѣтовъ.

Филаретъ упрекаетъ „Христіанское ученіе въ краткой системѣ" и „Начертаніе Церковной Исторіи", присланныя ему для разсмотрѣнія, между прочимъ въ неточности или неясности выраженій. Въ отвѣтѣ своемъ на это обвиненіе самъ Павскій сознается, что это не что иное, какъ „учебныя тетради, наскоро напечатанныя", и что онъ „и самъ видѣлъ нѣкоторые недостатки и долженъ былъ дѣлать поправки и прибавленія, и впредь готовъ пользоваться совѣтами и примѣчаніями другихъ, если найдетъ ихъ дѣльными."

Упреки Филарета за неполноту „Христіанскаго ученія", Павскій объясняетъ тѣмъ, что Филаретъ принялъ эту книжку за употребляемую вмѣсто Катихизиса, и соглашается,

---

1) Ibid. 712.
2) См. Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1870. II. 175.

что съ этой точки зрѣнія, конечно, она была бы недостаточна. Потому Павскій счелъ нужнымъ теперь разъяснить весь планъ своего ученія, т. е. ему пришлось сдѣлать то, что̀ должны бы потребовать лица, поручавшія разсмотрѣніе книжекъ. Онъ указываетъ, что курсъ дѣлится у него на 1) Предварительный обзоръ, который онъ самъ признаетъ „неизвѣстнымъ примѣчателю“ [1]), 2) Библейскій курсъ, одно изъ пособій котораго, и при томъ неоконченное, московскій митрополитъ „счелъ Катихизисомъ“, и 3) Церковный курсъ, при которомъ Павскій, какъ оказывается изъ его объясненій, проходилъ катехизисъ по „Катехизису“, изданному Св. Синодомъ.

Затѣмъ мы видимъ обращики возраженій Филарета съ отвѣтами на нихъ. Кто знакомъ съ логичностію, непобѣдимою и неуступчивою, въ опредѣленіяхъ, какими отличался знаменитый московскій проповѣдникъ, тотъ пойметъ, могъ ли онъ отнестись безъ крайней строгости къ недосказанности, неточности, даже порою неряшливости текста книжекъ Павскаго?

На правильный выводъ Филарета изъ неполнаго опредѣленія „благочестія“, Павскому приходится пояснять, что „здѣсь выставлено не опредѣленіе благочестиваго, а сказано только, что въ общежитіи (въ текстѣ вовсе объ общежитіи и не сказано) случается намъ слышать, что“ и т. д. Затѣмъ читаемъ многословный періодъ о томъ, какъ слѣдуетъ понимать благочестіе, выходящій совершенно изъ предѣловъ текста, бывшаго въ рукахъ Филарета, — и за нимъ слѣдуетъ новое сознаніе, что „въ семъ періодѣ есть нѣсколько сбивчивости“.

По поводу неяснаго тезиса книжки Павскаго: „Религія

---

[1]) Ibid. 177.

въ основаніи своемъ у всѣхъ одна"; замѣчаетъ Филаретъ что „по сему ученію религія у христіанъ и у язычниковъ въ основаніи своемъ одна"...

Въ возраженіи своемъ на это замѣчаніе Павскій, ссылаясь на другія §§ своей книги, спрашиваетъ, развѣ не правда, что у всѣхъ „одно основаніе религіи" и затѣмъ подставляетъ опять новое понятіе, продолжая: „т. е. одно ли основное врожденное чувство заставляетъ благоговѣть предъ Божествомъ и Грека, и Римлянина, и Негра, и Камчадала?" и отвѣчаетъ: „безъ сомнѣнія одно, только способы выраженія сего основнаго чувства—различны", а ниже уже: „способъ развитія сего основнаго чувства различенъ"!

На слова Павскаго: „по мѣрѣ того, какъ люди стали углубляться въ познаніе себя и природы, и посредствомъ образованія выходить изъ подъ власти природы и судьбы, религія сдѣлалась чище, по крайней мѣрѣ благообразнѣе, посредствомъ изобрѣтенія",—у Филарета, между прочимъ, замѣчено, что „уменьшеніе власти природы надъ человѣкомъ далеко еще отъ того, чтобы религія сдѣлалась чище". Весь смыслъ оправданія Павскаго, относящагося къ этой части замѣчанія, уже стремится доказать, что религія становится „нѣсколько чище"; онъ болѣе направляетъ свое доказательство на то, что религія становится благообразнѣе, „благороднѣе", какъ онъ уже говоритъ здѣсь. Но неотступная логика Филарета направляетъ свое возраженіе на поставленное во главѣ понятіе—чище, и, неумолимо раскрывая неумѣстную въ конспектѣ метафору, толкуетъ его какъ усовершеніе религіи. Павскій недоволенъ этимъ; „Новый терминъ", говоритъ онъ, „а у меня идетъ рѣчь о благообразіи или безобразіи, и то сравнительномъ", т. е. умалчиваетъ о главномъ понятіи своемъ [1]).

[1]) Ibid. 184.

Мы не имѣемъ намѣренія, да и было бы намъ не кстати, излагать тезисъ за тезисомъ выписки изъ примѣчаній Филарета и защитительныхъ объясненій Павскаго.

Скажемъ одно: Московскій Архипастырь „твердо и прозорливо" усмотрѣлъ въ книжкахъ Павскаго далеко не зрѣлыя попытки приложенія новой науки, опыты въ которой на педагогическомъ поприщѣ по меньшей мѣрѣ безтактны. Онъ взглянулъ на дѣло прямо—и вывелъ его на чистоту. Не о словахъ препирался онъ, а о всемъ методѣ богословскаго ученія. Можно придумать различныя комбинаціи, сводя контексты §§ Павскаго, который конечно велъ дѣло умно и усердно, пытаясь достигнуть примиренія раціонализма съ вѣрою: но кто вдумается въ общую мысль замѣтокъ Филарета, тотъ увидитъ ясно, что онъ какъ нельзя лучше учуялъ весь духъ направленія Павскаго, несовмѣстный съ уроками религіи, цѣль которыхъ самъ же онъ указывалъ въ воспитаніи религіознаго чувства несовершеннолѣтняго юноши, а между тѣмъ сдѣлалъ изъ уроковъ религіи предметъ историческій.

Филарету должна была казаться крайнимъ педагогическимъ промахомъ мысль дать въ „Христіанскомъ ученіи" опредѣленіе „Пѣсни пѣсней" только какъ „изліянія пламенныхъ чувствъ любви двухъ лицъ, юноши и дѣвицы". Напрасно Павскій возражаетъ, что эту пѣснь представилъ онъ такъ по библейскому ученію, поставивъ себя на такую точку зрѣнія, „будто смотритъ на библію тогда, когда церковное понятіе о той или другой книгѣ еще не существовало [1])", т. е. „воспроизводитъ религіозное міровоззрѣніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно представлено въ Библіи, какъ оно

---

[1]) Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1870. II, 187.

понималось самими библейскими писателями [1])“ (и это въ «Христіанскомъ ученіи», а не въ историческомъ курсѣ!), между тѣмъ какъ ученіе церковное отлагалъ до особаго отдѣла курса.

Такое возраженіе не могло примирить двухъ взаимно-исключающихъ отношеній къ матеріалу ученія. Въ этомъ рѣзкомъ разногласіи двухъ богослововъ выступаетъ непримиримая противоположность. Павскій имѣетъ въ виду предметъ, разъятый на двѣ точки зрѣнія, не задумываясь оставить до позднѣйшей поры курса одностороннее понятіе о священной книгѣ, какъ онъ объясняетъ то въ отвѣтѣ на примѣчаніе Филарета. Не говоря уже о томъ, что этого объясненія въ книгѣ, подлежавшей разбору, не было,—можно ли въ дѣлѣ обученія допускать такое искусственное отношеніе къ священной книгѣ? Аналитическій умъ филолога далъ здѣсь себя знать въ томъ забвеніи, которое рѣзко выступаетъ передъ педагогическимъ требованіемъ—исходить изъ живой личности воспринимающаго предметъ ученика, а не изъ самого предмета. Впечатлѣніе учащагося, какъ лица живаго,—и мыслящаго, и чувствующаго одновременно,—не можетъ дожидаться, пока дойдетъ въ своей искусственной системѣ профессоръ до второй точки зрѣнія на предметъ въ своемъ убійственномъ историческомъ отношеніи къ нему. Впечатлѣніе и, слѣдовательно, отношеніе къ священной книгѣ должно сложиться при первомъ же знакомствѣ съ нею—и остаться всецѣло въ душѣ юноши, не притязающаго быть ни археологомъ, ни филологомъ. Вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, слабое мѣсто означеннаго § его „Христіанскаго ученія“. Но логическій умъ Филарета, очевидно, не нашелъ и вовсе мѣста „изліянію

---

[1]) Р. С. 1870. IV, 725.

пламенныхъ чувствъ любви двухъ лицъ" въ Библіи, какъ книгѣ священной, и тысячу разъ правъ въ своемъ мѣткомъ замѣчаніи. Если бы намѣреніе Павскаго до времени ограничиться міровоззрѣніемъ на нее библейскимъ, было состоятельно, то оно, дабы быть послѣдовательнымъ, должно въ первомъ курсѣ допустить изученіе всей Библіи исключительно лишь историко-литературное, а во второмъ уже открыть священное значеніе въ этихъ памятникахъ съ точки зрѣнія ученія христіанской церкви. Какъ же было Филарету не обвинить Павскаго въ неологизмѣ и раціонализмѣ [1])?

Изъ приведенныхъ обращиковъ читатель достаточно видитъ характеръ примѣчаній Филарета и объясненій Павскаго: съ одной стороны—всепобѣждающая логика, съ другой—искусное отбиваніе полновѣсныхъ ударовъ могучаго бойца.

Могъ ли Жуковскій, далекій отъ всѣхъ этихъ тонкостей богословскихъ преній, понять ихъ и оцѣнить, даже придать имъ надлежащее значеніе?

Какъ бы то ни было—удаленіе Павскаго было рѣшено. Митрополитъ Серафимъ испросилъ у Государя аудіенцію, и въ воскресенье, 16 декабря 1835 года, палъ предъ нимъ на колѣни и просилъ его такими словами: „Я по старости моей, не могу вникать въ богословскіе вопросы, но Филаретъ находитъ, что Павскій преподаетъ Наслѣднику неправославное ученіе".

Государь согласился. Павскій утѣшаетъ себя въ автобіографіи надеждою, что Государь „до конца дѣла видѣлъ

---

[1]) Желающіе прочесть горячую защиту Г. П. Павскаго въ этомъ дѣлѣ, найдутъ ее въ IX-й главѣ монографіи „Русской Старины" 1880. IV. 721 и д.

во всей этой исторіи не что иное, какъ „происки партіи, враждебной ему“. Кто знаетъ характеръ Императора Николая Павловича, можетъ ли повѣрить такому объясненію? Князю Голицыну поручено было передать Павскому, чтобы онъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ законоучительства—по болѣзни. О томъ же сообщилъ ему словесно, на урокѣ, Жуковскій [1]).

Въ письмѣ, по этому поводу написанномъ ему Павскимъ, онъ проситъ объ одномъ, чтобы „удаленіе было почти непримѣтно и приготовлялось постепенно“, и тутъ же учитъ Жуковскаго, какъ бы это сдѣлать. Онъ пользуется тѣмъ, что Великій Князь Константинъ Николаевичъ скоро долженъ былъ начинать обученіе Закону Божію—и указываетъ на это какъ на случай взять новаго законоучителя, „которому сперва и поручить его одного“. „Между тѣмъ“, продолжаетъ Павскій, „да позволено мнѣ будетъ еще три мѣсяца продолжать уроки законоучительскіе со всѣми моими учениками и ученицами“. Три мѣсяца онъ полагаетъ на постепенную смѣну его новымъ законоучителемъ: въ эти три мѣсяца онъ проситъ приглашать послѣдняго лишь на воскресныя чтенія. А послѣ Пасхи проектируетъ онъ, по случаю наступленія весны, попросить себѣ покоя на годъ или болѣе, для поправленія здоровья своего и дѣтей своихъ—„и такимъ образомъ“, прибавляетъ онъ, „если послѣдуетъ Высочайшее соизволеніе, я удалюсь отъ Двора съ именемъ, однако же, придворнаго протоіерея“. И добавляетъ: „Сіе послѣднее нужно для того, чтобы не подпасть власти епархіальной“. „Вотъ постепенный ходъ моего удаленія“, заключаетъ онъ, „легкій и для меня и для любезнѣйшихъ учениковъ моихъ, и почти непримѣтный

---

[1]) Р. С. 1880. IV, 714.

для прочихъ". „Онъ даже придумалъ—въ эти три мѣсяца время отъ времени жаловаться ученикамъ на нездоровье, такъ чтобы они сами пожелали ему отдохновенія".

Нѣтъ! Такъ не сходятъ съ поля битвы бойцы безъ страха и упрека. Съ выбитымъ мечомъ, осторожно озираясь, удалялся Павскій, благоразумно приготовляя себѣ еще и видъ непобѣжденнаго.

Императоръ отпустилъ Павскаго по-царски. 12 января Жуковскій объявилъ законоучителю волю Государя, чтобы онъ продолжалъ уроки до экзамена, и вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ долженъ подать формальную просьбу объ увольненіи по болѣзни. Государь повелѣлъ обратить въ пенсію Павскому половину его жалованья по законоучительству и по должности духовника Ихъ Величествъ, и все жалованье—по званію профессора Академіи; Императрица двумъ дочерямъ его назначила по 500 р. въ годъ впредь до замужества. Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великія Княжны пожаловали ему свои портреты. Для доставленія спокойствія предложено ему перейти въ Таврическій дворецъ съ сохраненіемъ прежняго званія и соединеннаго съ нимъ старшинства, и всего по оному получаемаго жалованья. Просьба объ увольненіи имѣла форму письма Павскаго къ Жуковскому. Въ статьѣ „Русской Старины" указаны три черновыя редакціи этого письма. Въ послѣдней, вѣроятно посланной Жуковскому, послѣ выраженной просьбы объ удаленіи вслѣдствіе усилившейся болѣзни, и сожалѣнія, что эта болѣзнь не дозволяетъ исполниться его единственному желанію—кончить только уроки съ Его Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ и съ Ея Высочествомъ Великою Княжною Маріею Николаевною.—„Я надѣюсь", прибавляетъ онъ, „что Всемилостивѣйшій Государь Императоръ и на неоконченные труды мои воззритъ окомъ благо-

воленія, и остальные дни жизни моей, которая доселѣ текла мирно подъ его монаршимъ благоволеніемъ, не позволитъ провести въ печали и бѣдности съ моимъ маленькимъ семействомъ". Въ одномъ изъ черновыхъ этого письма читаемъ еще такія соображенія: „Переходъ изъ большаго дворца въ меньшій во мнѣніи всеобщемъ считается пониженіемъ и почти наказаніемъ. Сему мнѣнію не возможно ли противопоставить оговорку, что я переведенъ въ Таврическій дворецъ по болѣзни, съ сохраненіемъ степени, которую занималъ въ Большомъ дворцѣ между собратіями. Кромѣ того, я знаю, что квартира тамошняя вовсе не равняется моей настоящей. Она и низка, и сыра, и тѣсна для моего семейства, хотя и небольшаго. Не можете ли устроить такъ, чтобы или квартира была отведена мнѣ лучшая, или чтобы я получалъ для квартиры деньги" и т. д. [1]).

Мы имѣемъ два письма Жуковскаго къ Павскому. Одно—оффиціальный отвѣтъ на просьбу объ отставкѣ. Читатели могутъ найти его въ Сочиненіяхъ Жуковскаго (Т. VI, стр. 535); другое—записка, оставленная Жуковскимъ, не заставшимъ дома Павскаго, къ которому онъ заходилъ 2-го февраля послѣ того, какъ просилъ его прислать ему подробную записку обо всемъ, что онъ и изъ какихъ мѣстъ получалъ, для того, чтобы приложить эту вѣдомость къ письму, содержавшему просьбу объ отставкѣ. Въ этой запискѣ Жуковскій пишетъ: „Я былъ у васъ и очень сожалѣю, что васъ не засталъ; еще не написалъ вамъ ничего оффиціально, потому что хочется, чтобы все устроилось; между тѣмъ вы не трудитесь теперь ходить служить, ибо уже отъ

---

[1]) Р. С. 1880. VI. 717.

князя Петра Михайловича (Волконскаго, Министра Двора) о вашемъ отпускѣ дано знать куда слѣдуетъ. Письмо мое къ вамъ не замедлитъ [1])".

Такъ разыгралось это дѣло, въ которомъ Жуковскому пришлось быть лишь позднимъ ходатаемъ за матеріальные интересы горячаго неолога, признаннаго побѣжденнымъ.

Павскій послѣ этого оказалъ большія услуги наукѣ на поприщѣ, болѣе ему сродномъ. Кому не извѣстны его „Филологическія наблюденія"?

XXXVII.

Жуковскій и Пушкинъ.—Сказки Жуковскаго. — „Война мышей и лягушекъ".

Не желая прерывать повѣствованія о томъ событіи, въ которомъ Жуковскому пришлось быть скорѣе недоумѣвающимъ зрителемъ, нежели дѣйствующимъ лицомъ, мы довели нашъ разсказъ до 1835 года. Возвратимся теперь назадъ, чтобы остановиться на 1831 годѣ. Этотъ годъ ознаменованъ сближеніемъ поэта нашего съ другимъ поэтомъ, который съ первыхъ шаговъ своего поприща былъ привѣтствованъ Жуковскимъ.

На 16 лѣтъ моложе Жуковскаго, воспитанный въ школѣ инаго характера, нежели его учитель въ дѣлѣ поэзіи, брошенный въ жизнь, столь далекую по своему складу отъ жизни, въ которой возрасталъ Жуковскій,—Пушкинъ сна-

---

[1]) Р. С. 1880. VI. 718. Здѣсь прибавлено: „На этой запискѣ Павскаго помѣчено, что въ тотъ же день введенъ къ Наслѣднику Василій Борисовичъ (Бажановъ) и принятъ со слезами; „это сказывалъ Семенъ Алексѣевичъ (Юрьевичъ)".

чала только смутно чуялъ что-то безконечно прекрасное въ этомъ непонятномъ ему человѣкѣ.

Видая его, еще когда сидѣлъ на школьной скамьѣ, пріѣзжающимъ въ Лицей нарочно освѣдомляться о занятіяхъ даровитаго юноши и прочитывать ему свои стихотворенія, онъ съ трепетомъ исполненнаго любви и уваженія сердца встрѣчалъ этого простаго и благостнаго человѣка, уже пользовавшагося громкой славой, который съ большимъ вниманіемъ отмѣчалъ каждый стихъ своихъ стихотвореній, позабытый юнымъ поэтомъ, признавая такой стихъ уже по одному этому подлежащимъ исправленію [1]).

Послѣ выхода изъ Лицея, тотчасъ же записанный въ Арзамасъ, Пушкинъ видѣлъ тамъ этого неистощимаго въ веселыхъ шуткахъ секретаря Арзамаса и долженъ былъ чувствовать двойную къ нему привязанность за ясность его души, родственную его собственной. И позже эта черта Жуковскаго всегда восхищала Пушкина. „Жуковскій со мной такъ проказитъ, что нельзя его не обожать“ [2]), пишетъ онъ кн. Вяземскому. Когда приходилось Жуковскому иногда и сдерживать юнаго друга своего, то это дѣлалось помощію тѣхъ же „проказъ“: „Нельзя и не сердиться на него“, добавляетъ въ томъ же письмѣ Пушкинъ. „Но чуялъ онъ въ Жуковскомъ и другое, для него роковое, значеніе,—какъ руководителя въ поэзіи. Когда Жуковскій въ посланіи своемъ къ кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину 1814 года, горячо вступился за благородное поприще поэтовъ, вопреки голосу „завистниковъ генія славы“, А. С. Пушкинъ отвѣчалъ ему.

Жуковскій въ своемъ посланіи говоритъ:

---

[1]) Соч. Пушк. Изд. Анн. I. 50.
[2]) Соч. Пушк. 8-е изд. VII. 33.

Мужъ праведный прямымъ путемъ
Идетъ, и терпитъ ли гоненья,
Избавленъ ли отъ нихъ судьбой—
Онъ сходенъ тамъ и тутъ съ собой;
Онъ благъ безъ примѣси не проситъ—
Нѣтъ, въ лучшій міръ онъ переноситъ—
Надежды лучшія свои...
Такъ и поэтъ, друзья мои.
Поэзія есть добродѣтель
. . . . .
Страшись къ той славѣ прикоснуться,
Которою прельщаетъ свѣтъ—
Обвитый розами скелетъ;
Любуйся издали, поэтъ,
Чтобы вблизи не ужаснуться...
Внимай избраннымъ судіямъ.

И кончаетъ посланіе тѣмъ полнымъ достоинства приговоромъ, который впослѣдствіи выразился въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній Пушкина („Поэту"):

Собою счастливый поэтъ,
Твори, будь твердъ, ихъ зданья ломки,
А за тебя дадутъ отвѣтъ
Необольстимые потомки. [1])

Въ отвѣтѣ своемъ, юный Арзамасецъ (такъ и подписался онъ въ рукописи), упомянувъ о Карамзинѣ, Дмитріевѣ и Державинѣ, обращается здѣсь къ нашему поэту:

И ты, природою на пѣсни обреченный,
Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?
Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?
. . . .

---

[1]) Соч. Жук. I. 335—339

Пушкинъ здѣсь, въ обращеніи къ Жуковскому, какъ бы послѣ раздумья надъ трудностями поэтическаго поприща, стряхнувъ непріятную мысль, рѣшаетъ свое избраніе:

Нѣтъ, нѣтъ, рѣшился я безъ страха въ трудный путь!
Отважной вѣрою исполнилася грудь.
Творцы безсмертные, питомцы вдохновенья!
Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья!
Лечу къ безвѣстному отважною мечтой,
И, мнится, Геній вашъ промчался надо мной [1]).

Вотъ что̀ значило мягкое ободрительное отношеніе поэта нашего къ этому юношѣ, сначала видно не довѣрявшему себѣ. Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Онъ смѣло хочетъ идти за поэтомъ, проложившимъ новый путь среди тѣхъ дебрей, гдѣ

Возвышенныхъ творцовъ зоилы записные
Сидятъ, безсмыслицы дружины боевыя,

и гдѣ

Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой,
Варяжскіе стихи визжитъ Варяговъ строй.

Въ 1818 году чувство Пушкина къ Жуковскому выливается въ одномъ изъ совершеннѣйшихъ его стихотвореній, гдѣ такъ юношески-искренно звучитъ этотъ стихъ о произведеніяхъ плѣнительнаго поэта: „И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость“—и въ другомъ посланіи къ нему, гдѣ именно Жуковскаго онъ избираетъ для своего изумительно живаго представленія поэта въ минуту творчества:

Когда смѣняются видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлетъ на челѣ.

---

[1]) Ibid.

Поймавъ въ свой стихъ заглавіе тѣхъ брошюръ (Für Wenige), которыя въ то время Жуковскій издалъ для своей Августѣйшей ученицы и близкихъ ему людей, Пушкинъ прибавляетъ:

Ты правъ, творишь ты для немногихъ.

Первая поэма Пушкина [1]), создававшаяся подъ руководствомъ извѣстныхъ писателей на вечерахъ Жуковскаго, и сюжетъ ея, какъ мы указали выше, внушены ему „Вадимомъ".

Анненковъ приводитъ одинъ анекдотъ, свидѣтельствующій, какъ цѣнилъ Пушкинъ каждую строчку своего учителя: „Жуковскій часто, вмѣсто переписки стиха, которымъ былъ недоволенъ, заклеивалъ его бумажкой съ другимъ, новымъ. Разъ, на вечерѣ у Блудова, одинъ изъ чтецовъ новаго произведенія Жуковскаго, вѣроятно недовольный перемѣной, сорвалъ такую бумажку и бросилъ на полъ. Пушкинъ тотчасъ же поднялъ ее и спряталъ въ карманъ, сказавъ весьма важно: „Намъ не мѣшаетъ подбирать то, что̀ бросаютъ отъ Жуковскаго [2])".

Когда Пушкинъ прочелъ „Шильонскаго узника" и замѣтилъ, что нѣкоторые стихи его „Братьевъ-разбойниковъ" напоминаютъ мѣста изъ поэмы Жуковскаго, то въ немъ шевельнулось чувство соперничества. „Нѣкоторые стихи („Разбойниковъ") напоминаютъ переводъ Шильонскаго узника: это несчастіе для меня—я съ Жуковскимъ сошелся нечаянно. Отрывокъ мой написанъ въ концѣ 1821 года" [3]).

Удаленіемъ Пушкина на югъ, гдѣ хранителемъ его былъ

---

[1]) Русланъ и Людмила въ 1819 г.

[2]) Анн. I. 64.

[3]) Соч. Пушк. VII. 13. Письмо къ кн. Вяз. 11 ноября, 1823.

другой питомецъ Благороднаго Пансіона, Инзовъ, прекратились на время сношенія Пушкина съ Жуковскимъ.

Но едва онъ появляется вновь на сѣверѣ, еще не допущенный до Петербурга, какъ въ ушахъ Жуковскаго раздается давно знакомый голосъ:

„Милый, прибѣгаю къ тебѣ Посуди о моемъ положеніи...“

То было письмо злополучнаго Михайловскаго плѣнника, который, въ нетерпѣливыхъ порывахъ среди своего заточенія дѣлая тысячи глупостей, — обращается къ доброму своему покровителю: побранившись съ отцомъ и перепугавшись не на шутку, что тотъ его пожалуй подвергнетъ уголовному обвиненію, что это пожалуй пахнетъ ка́торгой [1]), — онъ молитъ Жуковскаго спасти его «хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ» [2]) пишетъ Псковскому губернатору прошеніе объ исходатайствованіи ему заключенія въ одной изъ крѣпостей [3]); и только случай не допустилъ этого письма до губернатора. Не прошло мѣсяца, какъ уже Пушкинъ кается въ письмѣ Жуковскому въ тревогѣ, которую тогда было поднялъ: „Мнѣ жаль, милый, почтенный другъ“, пишетъ онъ ему, „что надѣлалъ эту всю тревогу, [4]), а кончаетъ горячимъ объясненіемъ въ любви: „Тебя да Карамзиныхъ люблю страстно“.

Но вотъ черезъ мѣсяцъ, или нѣсколько болѣе, снова закипаетъ на сердцѣ у Пушкина. На этотъ разъ пишется проектъ прошенія Государю. „Разнесся слухъ“, пишетъ онъ въ немъ, „что я былъ высѣченъ... Я почелъ себя опозореннымъ передъ свѣтомъ, я потерялся, дрался — мнѣ

---

[1]) Черновой варіантъ письма къ Жук. отъ 31 октября 1824. Соч. Пушк. 8-е издан VII. 194.

[2]) Чистовое письмо (Id. 193).

[3]) Ibid. 195.

[4]) Письмо отъ 24 ноября 1824 (Ibid. 195).

было 20 лѣтъ! Я размышлялъ, не приступить ли мнѣ къ самоубійству"... „Я былъ глубоко тронутъ великодушными мѣрами правительства относительно меня", кончаетъ онъ это черновое и никогда не посланное прошеніе „которыя окончательно уничтожили смѣшную клевету" [1]). Ему душно въ Михайловскомъ. Опять на мысль приходитъ Жуковскій. Лѣтомъ слѣдующаго года опять письмо. Не открывая своему другу тайнаго замысла бѣжать за-границу, Пушкинъ ищетъ какого нибудь предлога ѣхать въ Дерптъ, откуда уже побѣгъ не труденъ. И вотъ придумывается „аневризмъ въ ногѣ", пишется просьба о дозволеніи отправиться для совѣта съ докторами въ Дерптъ. Но, о ужасъ! Жуковскій, не подозрѣвая обмана, обѣщаетъ прислать къ нему Мойера во Псковъ. Пушкинъ, какъ пойманный школьникъ, вертится: „Вотъ тебѣ человѣческій отвѣтъ», пишетъ онъ Жуковскому: „мой аневризмъ носилъ я десять лѣтъ и съ Божіею помощію могу проносить еще года три, слѣдственно дѣло не къ спѣху"—и посылаетъ при этомъ на усмотрѣніе Жуковскаго французское прошеніе „къ самому Бѣлому", какъ онъ выражается, о дозволеніи ѣхать за-границу.

Получивъ разрѣшеніе лѣчиться во Псковѣ, Пушкинъ пишетъ Жуковскому, тѣмъ же лѣтомъ: „Я рѣшился остаться въ Михайловскомъ", и спѣшитъ написать уже самому Мойеру: „Сейчасъ получено мною извѣстіе, что В. А. Жуковскій писалъ Вамъ о моемъ аневризмѣ и просилъ васъ пріѣхать во Псковъ для операціи... Умоляю васъ, ради Бога, не пріѣзжайте... Благодѣяніе Ваше было бы мучительно для моей совѣсти; я не долженъ и не могу согласиться принять его[2])". Къ Жуковскому же пишетъ: „Отче, въ руцѣ твои

[1]) Ibid. 196.
[2]) Ibid. 201.

предаю духъ мой! Мнѣ право совѣстно, что жилы мои такъ всѣхъ васъ безпокоятъ. Операція аневризма ничего не значитъ"... „Мойера не хочу рѣшительно", пишетъ онъ 6 октября: „Ты пишешь: прими его какъ меня! Мудрено. Я не довольно богатъ, чтобъ выписывать себѣ славныхъ операторовъ, а даромъ лѣчиться не намѣренъ—они не ты. Конечно, я съ радостію и благодарностію далъ бы тебѣ срѣзать не только становую жилу, но и голову: отъ тебя благодѣяніе мнѣ не тяжело, а отъ другаго не хочу—будь онъ тебѣ распріятель, будь онъ сынъ Карамзина"—такъ хитритъ попавшійся въ ловушку Пушкинъ. „Отче"! „кончаетъ онъ письмо свое „не брани меня и не сердись, когда я бѣшусь. Подумай о моемъ положеніи!"[1])...

Мѣсяца черезъ три-четыре онъ считаетъ нужнымъ написать Жуковскому, что онъ не хочетъ требовать его заступленія предъ Государемъ...„Вѣроятно, правительство удостовѣрилось, что я къ заговору не принадлежу... А между ими друзей моихъ довольно... Теперь положимъ, что правительство захочетъ прекратить мою опалу; съ нимъ я готовъ условливаться (буде условіе необходимо); но вамъ рѣшительно говорю—не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc.".

Много заботъ доставлялъ неугомонный Пушкинъ своему другу. То пишетъ: „Милый, помоги", то ощетинится: „не отвѣчать и не ручаться за меня"!

Мѣсяца черезъ два пишется однако же прошеніе на Высочайшее имя съ „истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить общепринятому порядку" и съ просьбою разрѣшить въѣздъ въ одну изъ столицъ или за-

---

[1]) Ib. 203, 204.

границу. При прошеніи приложено офиціальное письмо къ Жуковскому, гдѣ излагается вкратцѣ исторія его опалы.

Разумѣется, милый другъ сдѣлалъ свое дѣло. Исполнилось желаніе Пушкина получить свободу именно „отъ Жуковскаго, а не отъ другаго", какъ писалъ онъ въ мартѣ 1826 къ Плетневу [1]): Пушкину возвращено право въѣзда въ столицы, и 8 сентября 1826 года онъ былъ уже въ Петербургѣ.

Въ Москвѣ Жуковскій ввелъ Пушкина въ привлекательный домъ Авдотьи Петровны, бывшей теперь уже за Елагинымъ. Но не долго пришлось Пушкину попользоваться обществомъ лучшаго круга образованной Москвы. Послѣ неудачи перваго сватовства за Н. Н. Гончарову уѣхавши на Кавказъ и въ Арзерумъ, Пушкинъ снова изчезаетъ изъ глазъ Жуковскаго. Но размолвка съ Паскевичемъ вернула его въ половинѣ ноября въ Петербургъ.

Между тѣмъ, среди всей этой тревожной, порывистой жизни была одна пристань вѣрная, тихая, гдѣ укрывался Пушкинъ отъ всѣхъ невзгодъ жизни, и дѣйствительныхъ и кажущихся. То были минуты поэтическаго творчества, преображавшія нашего поэта совершенно. Можно сказать, что онъ только и жилъ этими минутами и, самъ не сознавая, созидалъ великое дѣло. Отыскивая себѣ то денегъ, то внѣшняго положенія, то жену, — онъ никакъ и не подозрѣвалъ, что и его богатство, и слава, и вѣрная супруга его—была одна поэзія, чистая, безпримѣсная—и ревнивая. Она не раздѣляла своихъ даровъ съ нимъ ни среди блеска и шума столицы, ни въ бесѣдахъ съ милою женою. Она урывками похищала его и у свѣта, и у службы, и у жены, и такова была безраздѣльная родственность съ нимъ этой чистой подруги его, что онъ никогда не былъ въ состояніи сознать того до кон-

---

[1]) Соч. Пушк. 8 изд. VII, 286.

ца, и согласно съ этимъ устроить жизнь свою. И въ самомъ дѣлѣ: среди бѣшеныхъ порывовъ своего Михайловскаго плѣненія онъ создаетъ „Бориса Годунова"; среди нетерпѣливаго стремленія къ невѣстѣ, задержанный въ Лукояновской непролазной грязи холерными карантинами,—производитъ безпримѣрный и по количеству, и по качеству рядъ перловъ своей поэзіи; среди дорожной или походной безурядицы—лучшія свои лирическія произведенія; и во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ — своего Евгенія Онѣгина. Но онъ все искалъ на сторонѣ способовъ устроить свою жизнь. Первые мѣсяцы семейной жизни Пушкина еще могли обмануть его призракомъ того согласія поэтическихъ потребностей его души съ имъ избраннымъ внѣшнимъ положеніемъ въ жизни; но вскорѣ эта мечта разлетѣлась дымомъ. „Ты не можешь себѣ представить", писалъ онъ Плетневу передъ свадьбою, „какъ весело удрать отъ невѣсты, да и засѣсть стихи писать. Жена не то, что невѣста... Жена—свой братъ! При ней пиши сколько хочешь, — а невѣста пуще цензора Щеглова, языкъ и руки связываетъ..." [1]) И дѣйствительно, вскорѣ онъ сообщаетъ Плетневу: „Скажу тебѣ, что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ." [2]) Послѣ свадьбы онъ мечтаетъ: „Мысль благословенная—остаться по пріѣздѣ изъ Москвы до зимы въ Царскомъ селѣ. Лѣто и осень такимъ образомъ я проведу въ уединеніи вдохновительномъ, вблизи столицы, въ кругу милыхъ воспоминаній и тому подобныхъ удобностей. Съ тобою (Плетневымъ) буду видѣться всякую недѣлю, съ Жуковскимъ также. Петербургъ подъ-бокомъ; жизнь дешевая; экипажа не надобно. Чего лучше"? [3]) На одно письмо

[1]) Пушк. Изд. 8 т. VII, 268. Письмо отъ 9 октября 1830 г.
[2]) Ibid. Стр. 289. Письмо конца 1830 г.
[3]) Ann. Стр. 291. Письмо отъ 26 марта 1831 г.

Плетнева, написанное имъ въ мрачную минуту, онъ отвѣчаетъ. „Опять хандришь. Эй, смотри: хандра хуже холеры; одна убиваетъ тѣло, другая убиваетъ душу [1].“ Время было тяжелое. Въ Петербургѣ свирѣпствовала холера. Пріуныли всѣ. Но Пушкинъ не унывалъ. Напротивъ, въ это время видимъ въ немъ необыкновенную ясность духа, которая послѣ уже никогда не возвращалась къ нему. Послѣ всѣ мечты о „вдохновительномъ уединеніи“ разлетѣлись прахомъ; скромная жизнь, друзья, милыя воспоминанія—все изчезло какъ призракъ. Дорогая жена оказалась не „своимъ братомъ“. Поэзія лишь набѣгами отвоевывала себѣ досугъ поэта, которому удобнѣе было сочинять въ коляскѣ [2]), покупая себѣ это удобство письмами женѣ, въ которыхъ утѣшалъ ее, что „вернется съ добычей“ [3]), что „заплатитъ половину долговъ“ [4]). Въ такомъ положеніи у него голова болитъ, хандра все грызетъ его, ни къ чему охоты нѣтъ [5]), но въ это самое время создается „Капитанская дочка“, „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ“ и „Мѣдный всадникъ“. А втянутый въ ту обстановку, которую создала его женатая жизнь въ Петербургѣ, онъ чувствуетъ себя въ такой средѣ, гдѣ ему приходилось даже стыдиться своего званія какъ поэта. Онъ принимаетъ видъ человѣка степеннаго. Начались попытки стать то человѣкомъ науки, и онъ мѣтитъ въ исторіографы, намѣриваясь тѣмъ составить себѣ положеніе въ обществѣ, — то журналистомъ, разсчитывая этимъ путемъ добывать болѣе денегъ.

Пушкинъ не предвидѣлъ ничего этого, и теперь въ Царскомъ Селѣ, проводя медовые мѣсяцы среди „вдохновитель-

---

1) Id. 291. Письмо того же времени.

2) Письмо къ женѣ изъ Оренбурга 19 сент. 1833 г.

3) Письмо изъ Болдина 2 окт.

4) Отъ 8 окт.

5) Отъ 21 окт.

наго уединенія", согрѣтый загорѣвшейся въ душѣ его поэзіей, былъ счастливъ болѣе, чѣмъ когда нибудь. Его желаніе, выраженное вслѣдъ за женитьбою, „одно желаніе, чтобы ничего въ жизни не измѣнилось" [1]), казалось осуществленнымъ.

Но кромѣ этого цѣлительнаго заблужденія, была и другая причина тому, что огонь поэзіи вспыхнулъ у него въ это время: подлѣ него былъ вдохновитель его юности—Жуковскій. Вслѣдствіе холеры, дворъ оставался въ Царскомъ Селѣ, и Жуковскій жилъ до глубокой осени подлѣ Пушкина.

Въ это-то время происходило знаменитое состязаніе обоихъ поэтовъ въ сказкахъ, породившее со стороны Жуковскаго: „Спящую Царевну", „Сказку о Царѣ Берендеѣ" и неподражаемую „Войну Мышей и Лягушекъ" [2]).

„Кому принадлежитъ первая мысль этого поэтическаго турнира", говоритъ Анненковъ, „мы можемъ только догадываться. Пушкинъ уже ознакомился съ міромъ народныхъ сказаній. Онъ владѣлъ уже значительной коллекціей народныхъ пѣсенъ, переданныхъ имъ П. И. Кирѣевскому, но до сихъ поръ приступалъ къ этому новому источнику только урывками... Послѣ „Сказки о Салтанѣ", Пушкинъ, особенно замѣчавшій и любившій юмористическую сторону народныхъ разсказовъ, написалъ сказку „О купцѣ Остолопѣ", которая такъ смѣшила Жуковскаго и друзей его".

XXXVIII.

«Война мышей и лягушекъ».

Пушкинъ не остался безъ вліянія на настроеніе Жуковскаго. Врожденный ему юморъ проснулся въ немъ снова—и нашелъ

---

[1]) Соч. 8-е изд. VII. 290.

[2]) Въ это же время написаны обоими и изданы вмѣстѣ: „Три стихотворенія на взятіе Варшавы".

выраженіе въ сказкахъ имъ написанныхъ, напоминая, по замѣчанію Зейдлица, счастливыя времена арзамасскихъ шалостей. Г. Зейдлицъ говоритъ, что въ „Войнѣ мышей" и „Сказкѣ о Царѣ Берендеѣ" находятся нѣкоторые намеки на тогдашнихъ журналистовъ, что Жуковскій по поводу этого просилъ въ письмѣ къ А. П. Елагиной „перекрестить кота-мурлыку изъ Ѳаддея въ Ѳедота: „ибо могутъ подумать, что я имѣлъ намѣреніе изобразить въ немъ Ѳаддея Булгарина [1])".

„Война мышей и лягушекъ" не есть переводъ извѣстной „Батрахоміомахіи", прежде приписывавшейся Гомеру. Часть этой греческой поэмы, пересказанная Жуковскимъ, лишь въ общемъ имѣетъ сходство съ оригиналомъ; непосредственнымъ же источникомъ Жуковскому послужилъ несомнѣнно Der Froschmäuseler Георга Ролленгагена.

Этотъ нѣмецкій писатель XVI-го вѣка († 1609), одинъ изъ послѣдователей обновителя древнегерманскаго животнаго эпоса, автора Рейнеке-Фоса, воспользовался басней о войнѣ мышей и лягушекъ для политическихъ намековъ на современныя ему событія. Народная книга его „Froschmäuseler" или Исторія войны мышей и лягушекъ Маркса Гупфинсгольца изъ мышиной норы, запѣвалы юныхъ лягушекъ" вѣроятно стала извѣстна Жуковскому въ новой перепечаткѣ (съ сокращеніями, но безъ измѣненій), сдѣланной въ Тюбингенѣ въ 1819 году. Въ этомъ убѣждаетъ насъ сличеніе перевода Жуковскаго какъ съ Батрахоміомахіей, такъ и съ книгою Ролленгагена.

„Батрахоміомахія", послѣ призванія всего хора музъ и обычнаго эпическаго указанія содержанія всей поэмы—побѣды лягушекъ, подражавшихъ дѣяніямъ гигантовъ—также

---

[1]) Ж. М. Н. П. 1869. V, 111. Намъ кажется эти слова письма Жуковскаго недостаточно подтверждающими предположеніе г. Зейдлица.

начинается сценою между Пузаномъ, „квакающимъ другомъ болотъ“ съ мышью, „Похитителемъ крошекъ“, пришедшей къ водѣ напиться, и ихъ взаимнымъ знакомствомъ.

Въ „Батрахоміомахіи“ Пузанъ оказывается не такъ добродушенъ, какъ царь-Квакунъ Жуковскаго: на повѣствованіе мыши, не чуждое хвастливости, Пузанъ улыбаясь, отвѣчаетъ: „Другъ мой, ты очень гордишься родомъ своимъ, но и намъ не мало чуднаго предлагаютъ земля и болото... Намъ Кронидъ даровалъ двойную жизнь—мы прыгаемъ и по землѣ, скрываемся и подъ водою... Если хочешь узнать все это, то нѣтъ ничего легче: садись ко мнѣ на спину и держись крѣпко, а то утонешь, и... весело вступи со мною въ домъ мой“. Сказавъ это, Пузанъ подставилъ спину, и Похититель крошекъ, проворно вскочивъ на нее, обвилъ своими лапками нѣжный затылокъ. Сначала не было конца его восхищенію при видѣ заливовъ, открывшихся его взору со всѣхъ сторонъ; но скоро, почуявъ, что пурпурныя волны начали омывать его, жалостно заплакалъ онъ, и бранился, упрекая себя, рвалъ на себѣ волосы, поджималъ ноги, и сердце его трепетало отъ страха.... Ледяной ужасъ охватилъ его, непривычнаго къ водѣ. По волнамъ простиралъ онъ свой хвостъ, влача его подобно веслу; онъ призывалъ боговъ, моля ихъ доставить его до берега, и громко кричалъ. Вдругъ обоимъ предстало ужасное зрѣлище: явилась выдра, высоко вытянувшая надъ водою свою шею. Увидя это, Пузанъ немедленно нырнулъ въ воду: онъ забылъ, какого спутника подвергалъ этимъ гибели, и скрылся въ водѣ у самаго дна, убѣгая темнаго Рока.“ Далѣе слѣдуетъ изображеніе бѣдственнаго положенія покинутаго „Похитителя крошекъ“ и гибели его въ волнахъ болота. Умирая, онъ угрожаетъ мщеніемъ божества, которое нашлетъ на губителя полчище мышей—и погубитъ

предателя. Слова его были услышаны сидѣвшею на берегу мышью. Страшно завыла она и бросилась съ ужасною вѣстью къ своимъ, взывая ко мщенію; поднялся средь нихъ Хлѣботочитель—и возгорѣлась война, въ ходѣ которой принялъ участіе и Зевсъ, и другіе безсмертные боги. Непримиримой противницей мышей на Олимпѣ явилась Аѳина, у которой онѣ нагло изгрызли платье, и притомъ въ такое время, когда ее притѣснялъ портной, требуя уплаты за взятую пряжу. Грозно зазвучали трубы комаровъ, и наступила жестокая битва. Много храбрыхъ погибло съ обѣихъ сторонъ, но болѣе — со стороны лягушекъ. Наконецъ жалость проникла въ сердце Зевса, и онъ мечетъ пламенный перунъ. Но мыши не унялись. Тогда послалъ онъ лягушкамъ защитниковъ: броненосные, съ кривыми когтями и отверзтою пастію явились пучеглазые раки; чешуями одѣты они, криво-ползущіе, костлявые, съ плечами блестящими, съ мощными широкими спинами, ребрастые, съ осьмью ногами и о двухъ головахъ каждый; безлапые, пригнувъ головы къ груди, явились они—и мышей обнялъ ужасъ. Онѣ бросились въ бѣгство. Не успѣло сѣсть солнце, какъ война прекратилась однимъ днемъ (1—305 стих.).

Жуковскій въ неоконченной сказкѣ своей оборвалъ разсказъ на рѣчи Похитителя крошекъ, названнаго имъ Бѣлой Шубкою. Слѣдовательно все передѣланное Жуковскимъ соотвѣтствуетъ невступно шестой части греческой поэмы, а именно первымъ 55-ти стихамъ ея. Судя по тому, что поэтъ нашъ сохранилъ заглавіе подлинника, онъ предполагалъ сохранить главный сюжетъ, позволяя себѣ свободно обработать типы дѣйствующихъ лицъ.

Характера пародіи на героическую поэму нѣтъ у Жуковскаго. Вмѣсто обычнаго начала такой эпопеи, онъ помѣстилъ вступленіе сказочное:

Слушайте: я разскажу вамъ, друзья, про мышей и лягушекъ.

Но очевидно онъ хотѣлъ, сверхъ того, придать поэмѣ и другое значеніе, имѣвшее какое-нибудь отношеніе къ современности. О томъ свидѣтельствуетъ продолженіе вступленія:

Сказка ложь, а пѣсня быль, говорятъ намъ; но въ этой
Сказкѣ моей найдется и правда.

Эти слова какъ бы подтверждаютъ предположеніе о Булгаринѣ, указанное выше.

Матеріалъ, послужившій какъ мы увидимъ ниже, для распространенія словъ мыши о козняхъ кота, русскимъ читателямъ былъ уже знакомъ изъ извѣстныхъ басенъ Эзопа и Крылова о мыши, перегрызшей тенета, въ которыхъ запутался Левъ, и о Пѣтухѣ, напугавшемъ неопытнаго мышенка, между тѣмъ какъ Котъ прельстилъ его своей обманчивой наружностью. Сюжетомъ послѣдняго эпизода И. И. Дмитріевъ воспользовался въ баснѣ своей: „Пѣтухъ, Котъ и Мышенокъ".

Въ III-мъ приложеніи къ нашей книгѣ читатели найдутъ перечень всего содержанія повѣсти Ролленгагена. Здѣсь же мы укажемъ тѣ мѣста, которыя послужили матеріаломъ для „Войны мышей и лягушекъ" Жуковскаго.

Самое вступленіе:

Слушайте, я разскажу вамъ, друзья, про мышей и лягушекъ—[1])

и замѣчаніе: „Въ сказкѣ моей найдется и правда", [2]) столь естественное въ сатирѣ Ролленгагена, заимствовано прямо изъ нѣмецкаго образца. Приглашеніе тѣмъ, „кто любитъ

---

[1]) „Я хочу разсказать въ этой книгѣ о мужественныхъ лягушкахъ и мышахъ"...

[2]) „Чтобъ видѣть на лягушкахъ и мышахъ, какъ что творится на свѣтѣ".

смотрѣть изъ подлобья.... къ намъ не ходить и дома сидѣть, да высиживать скуку“ соотвѣтствуетъ у Ролленгагена обращенію къ старикамъ отойти къ сторонкѣ и не мѣшать разсказу; „когда наши носы сдѣлаются сизыми, а бороды сѣдыми“, говоритъ онъ, „тогда и мы послушаемъ стариковъ“.

Картина игръ, устроенныхъ для потѣхи лягушинаго царя Зебальда-Толстощека (состоявшія въ ныряньи съ разинутыми ртами, бросаніи мяча, ловлѣ на скаку комаровъ) замѣнены у Жуковскаго русской сценой кулачнаго боя:

Царь приказалъ изъ толпы его окружавшихъ почетныхъ
Стражей, вызвать бойцовъ, чтобъ его, царя, забавляли
Боемъ кулачнымъ. Вышли бойцы. Началося. Ужъ много
Было лягушечьихъ мордъ царю въ угожденье разбито—
Царь хохоталъ; отъ смѣха придворная квакала свита
Вслѣдъ за его величествомъ — солнце взошло уже на полдень....

Появляется — „Похититель крошекъ“ греческой поэмы, сохранившій и у Ролленгагена это имя, замѣненное у Жуковскаго именемъ „Бѣлой шубки“ по цвѣту его шерсти,— „съ тоненькимъ хвостикомъ, острымъ какъ стрѣлка“ [1]) въ сопровожденіи четырехъ сѣрыхъ спутниковъ и принялся пить воду.

.... Рысцой они подбѣжали къ болоту.
Бѣлая шубка, носикъ въ болото уткнувъ, и поднявши
Правую ножку, началъ воду тянуть и, казалось,
Былъ для него тотъ напитокъ пріятнѣе меда, головку
Часто онъ вверхъ подымалъ, и вода съ усатаго рыльца
Мелкимъ бисеромъ падала; вдоволь напившись и лапкой

[1]) У Ролленгагена: „Хвостикъ служилъ ему мечомъ“.

Рыльце обтерши, сказалъ онъ: „Какое раздолье студеной
Выпить воды, утомившись отъ зноя! Теперь понимаю
То, что̀ чувствовалъ Дарій, когда онъ, въ бѣгствѣ изъ мутной
Лужи напившись, сказалъ: Я не зналъ вкуснѣе напитка“ [1])!

Жуковскій подчеркнулъ въ Бѣлой шубкѣ тотъ оттѣнокъ комическаго самодовольства и склонности блеснуть своей мудростью, который нашелъ у Ролленгагена; онъ замѣтенъ и въ сейчасъ приведенномъ сравненіи себя съ Даріемъ. Выражая готовность заплатить за прекрасный напитокъ равнымъ добромъ, онъ прибавляетъ: „благодарность есть добродѣтель возвышенныхъ душъ“. Эффектъ удался какъ нельзя лучше. Посланный лягушинаго царя, Пышка, удивленъ мудрою рѣчью. Но при видѣ самого Квакуна, мудрецъ нѣсколько струсилъ:

Квакунъ отличался зеленымъ
Платьемъ, глаза на выкатѣ сверкали какъ звѣзды, и пузомъ
Громко онъ, прядая, шлепалъ. Царевичъ Бѣлая-шубка,
Вспомнивши, кто онъ, робость свою побѣдилъ. Величаво
Онъ поклонился царю Квакуну. А царь благосклонно
Лапку подавши ему, сказалъ: Любезному гостю
Очень мы рады [2])....

---

[1]) У Ролленгагена: „Жадно поспѣшилъ онъ къ озеру, потому что сильно жегъ его солнечный жаръ. Онъ соскочилъ къ водѣ, оперся лѣвой лапкой, наклонилъ головку такъ, что бородка его усѣялась каплями словно бисеромъ, потому что бородку сунулъ онъ въ воду, жадно лакая ее, какъ будто въ ней былъ сахаръ или медъ. Язычкомъ облизалъ онъ носикъ и мордочку. „Какъ вкусна мнѣ вода!“ сказалъ онъ, „послѣ жажды, нынче мною перенесенной: точно молоко“.

[2]) У Ролленгагена: „Когда юный царь увидѣлъ царя лягушекъ, идущаго къ нему навстрѣчу въ своемъ лѣтнемъ зеленомъ платьѣ, съ золотыми швами по бокамъ и съ глазами подобными утреннимъ звѣздамъ,

У Жуковскаго Квакунъ нѣсколько потревожилъ самолюбіе Бѣлой-шубки. На обѣщаніе Квакуна, высказанное не безъ простоватаго покровительственнаго тона, угостить царевича, если онъ, не таяся, скажетъ ему о себѣ правду,

„Нѣтъ никакой мнѣ причины", отвѣтствовалъ Бѣлая-шубка,
„Царь-государь, утаивать истину. Самъ я породы
Царской, весьма на землѣ знаменитой; отецъ мой изъ дома
Древнихъ величественныхъ Бубликовъ, царь Долгохвостъ Иринарій
Третій; владѣетъ пятью чердаками, наслѣдіемъ славныхъ
Предковъ.

Онъ не прочь нѣсколько и попугать собесѣдника своимъ отцомъ:

.... Область свою онъ самъ расширилъ войнами:

Вся эта рѣчь—оригинальная, равно какъ и распространеніе его владѣній помощію политическаго брака съ царевной Прасковьей Пискуньей.

Затѣмъ нѣтъ у Ролленгагена и всего разсказа объ услугѣ Льву, доставившей ему прозваніе Хвата, заимствованнаго, какъ мы указали выше, у Эзопа [1]). Жалоба Бѣлой-шубки

то подумалъ: „Постыдно царю потерять храбость свою; тебѣ слѣдуетъ встать передъ нимъ безъ страху, хотя его присутствіе и пугаетъ... онъ—точно левъ"! И вотъ „Похититель крошекъ" повернулся къ нему, наклонилъ скромно лицо свое къ землѣ, правую лапку прижалъ къ груди и поклонился, какъ только умѣлъ. Потомъ протянулъ онъ правую лапу навстрѣчу къ царю,—и тотъ сказалъ ему: Милости просимъ, дорогой гость..."

[1]) У Ролленгагена этому соотвѣтствуютъ другіе эпизоды животнаго эпоса: о посѣщеніи полевою мышью мыши городской (гл. X). Повѣствованію мыши о врагахъ ея здѣсь предшествуетъ разсказъ лягушинаго царя о своихъ врагахъ (гл. XI). См. Приложеніе III.

о грозящихъ мышамъ опасностяхъ снова заимствована у Ролленгагена:

.... Такъ Богъ ужъ землю устроилъ.
Все здѣсь воюетъ: съ травою овца, съ овцою голодный
Волкъ, собака съ волкомъ; съ собакой медвѣдь, а съ медвѣдемъ
Левъ; человѣкъ же и льва, и медвѣдя, и всѣхъ побѣждаетъ.
Такъ и у насъ, отважныхъ мышей, есть много опасныхъ
Сильныхъ гонителей: сòвы, ласточки, кошки, а всѣхъ ихъ
Злѣе козни людскія [1]).

Царевичъ, замѣняющій мышинаго Царя нѣмецкаго подлинника еще полонъ той школьной мудрости, которую ему натвердилъ его наставникъ крыса-Онуфрій. У него еще свѣжи въ памяти уроки: отъ того онъ припомнилъ и Дарія. Теперь онъ спѣшитъ выложить Квакуну свои правила, несовсѣмъ согласующіяся съ его поведеніемъ. „Бѣды", говоритъ онъ, „насъ смиренію учатъ. Съ вѣрой такою ничто не бѣда". Онъ наконецъ заинтересовываетъ простоватаго Квакуна.

„Гость дорогой", сказалъ онъ ему, „признаюсь откровенно:
Столь разумныя рѣчи меня въ изумленье приводятъ.
Мудрость такая въ такія цвѣтущія лѣта! Мнѣ сладко
Слушать тебя: и пріятность, и польза [2])!"

---

[1]) У Ролл: „Такъ Господь устроилъ міръ свой, что всякій звѣрь встрѣчаетъ вездѣ враговъ и опасности: ничтожная травка находитъ врага своего въ овечкѣ, овечка—въ волкѣ, волкъ—въ собакѣ; собака—въ когтяхъ и пасти медвѣдя, медвѣдь—въ великодушномъ львѣ, а левъ боится лошака! У насъ три врага: соколы, кошки и мышеловки".

[2]) У Ролленгагена все это мѣсто безцвѣтнѣе: „Царь давно любовался юнымъ мышонкомъ. Онъ удивлялся его великодушію и вѣжливой скромности и сказалъ: „Я право радъ, что мы здѣсь въ добрый часъ сошлись для бесѣды. Мнѣ пріятно узнать имя твое и твоего рода, и вп-

Одобреніе поощрило Долгохвоста. Онъ пускается въ длинный разсказъ объ опасностяхъ, какія строитъ имъ человѣкъ. Описаніе бѣдствій, которыя претерпѣли мыши отъ мышеловки и отравъ, и изображеніе самой мышеловки у Жуковскаго свои. Ролленгагенъ имѣетъ иную цѣль. Описанныя у него мышеловки—сатира на духовенство [1]).

Разсказъ о первомъ знакомствѣ неопытнаго мышенка съ пѣтухомъ и кошкой заимствованъ у Ролленгагена [2]).

Вся остальная часть сказки принадлежитъ Жуковскому.

дѣть твое безстрашное сердце. Кромѣ шутокъ, я очень расположенъ къ тебѣ".

[1]) „Стоитъ прекрасный домикъ, украшенный дверками и окнами, точно поповское жилище. На перекладинѣ виситъ жареное сало. Лишь только захочешь войти туда, чтобы поглядѣть тамъ и попробовать, удачно ли поваръ изготовилъ жаркое: не мало ли сала или соли, хорошо ли оно прожарено, не сыро ли,—не очень-то обрадуешься: двери и окна мигомъ захлопываются, прибѣгаютъ дѣти человѣка и кричатъ: „Поймали врага! Сжечь что ли, или повѣсить его?" Боже! мы бѣдные пойманы—и некому взмиловаться надъ нами!" Затѣмъ гость описываетъ мостикъ, сбрасывающій мышей въ воду и капканъ иного рода: „Беретъ человѣкъ доску или широкій камень, подопретъ его крестикомъ, — что твоя часовенка! Если же мышь, сотворивъ молитву, подойдетъ къ распятому салу, возьметъ съ благочестіемъ перекладинку, желая поцѣлуемъ отереть раны его,—то падаетъ и крестъ, и часовенка. Никто еще не возвращался домой отъ такой молитвы" (гл. I гл. второй части).—Объ отравахъ у Ролленгагена лишь упомянуто, а именно—„о красномъ смертоносномъ порошкѣ".

[2]) „Благочестивая мать моя разсказала о Мурлыкѣ. Какъ безпокойный ребенокъ, просилъ я ее позволить мнѣ познакомиться съ свѣтомъ, потому что дѣти, воспитанныя дома, остаются глупыми какъ скотина. Это ты сама не разъ слыхала отъ отца.

Но она замахала руками и начала меня отговаривать. Много мнѣ разсказывала она о собакахъ и кошкахъ, какъ онѣ опасны для насъ. Но я просилъ все неотступнѣе, пока она не согласилась меня отпустить отъ себя на одинъ часъ. Всѣми силами предостерегала она меня и знакомила съ манерою Мурлыки: какъ онъ тайно садится въ уголъ и какъ глотаетъ мышей безъ хлѣба. „Это его любимѣйшая пища", говорила она, „ты долженъ остерегаться его".

Нѣкоторыя черты эпизода о хитрости Ѳедота Мурлыки, прикинувшагося мертвымъ, могли быть извѣстны рус-

---

Я прокрался вдоль стѣны къ парадному выходу нашего замка, въ домъ человѣка, откуда проходили къ намъ и тепло, и дымъ. Тутъ, какъ мышенокъ еще неопытный, сначала выглянулъ я осторожно, не грозитъ ли какая опасность, не сидитъ ли гдѣ Мурлыка. И что же? На солнцѣ въ дому сидѣла прекрасная бѣлая дѣвушка: глазки ея свѣтились ясно, она лизала и гладила свои волосы, цѣловала свои ручки и чисто умывала ими свои нѣжныя щечки. И взяла меня тоска, такъ захотѣлось мнѣ подойти къ ней и благородно попросить ее удостоить меня своею любовью и дружбою, позволить поцѣловать ея снѣжныя ручки; такъ и казалось мнѣ, что вся тоска моя тогда пройдетъ сейчасъ же.

Но тутъ стало ходить по этому мѣсту такое страшное чудовище, что вся моя шкура задрожала отъ головы до ногъ. Весь онъ былъ таковъ, какъ пишутъ василиска. Я подумалъ: ужъ не Мурлыка ли это, врагъ мышей? Впереди торчалъ у него острый и кривой клювъ — злыхъ духовъ изображаютъ такъ, — ноги его похожи на вилы, борода раздѣлена на двое — скверное подобіе человѣка. На головѣ у него прекрасная, блестящая корона со многими башенками. Изъ тѣла выходятъ у него пуки желтаго пламени, страшно и отвратительно сгибаясь и переплетаясь между собой. Этимъ величался онъ и шагалъ точно лошадь, а за нимъ шла свита его, десятокъ драбантовъ, но далеко не такіе красивые. Пока я смотрѣлъ изъ своей норки на это любопытное явленіе, началъ онъ клювомъ своимъ стукать по землѣ и разрывать ее своими вилами, крича: гукъ, гукъ, курицы, замѣчайте! Вся свита бросилась исполнить приказаніе своего короля. Онѣ вытягивали головы и разсматривали мѣсто, чтобъ узнать причину его крика, пока наконецъ король съ шумомъ не взлетѣлъ на ворота, ведущія на улицу, захлопавъ руками по бокамъ своимъ, разинувъ, что есть мочи, свою пасть, и прокричалъ три страшныя слова: „Rück, rück ihn herausser bei'm Kragen!“ (Тащи, тащи его за шворотъ!). Точно громомъ пораженный бросился я въ свою нору и побѣжалъ къ матери. Она испугалась и спросила меня: что со мною, отчего задыхаюсь, отчего такъ дрожу? и дала мнѣ лѣкарства. „Матушка“, сказалъ я, „Мурлыка напугалъ меня такъ, что не могу передохнуть. Какъ хорошо, что предостерегли вы меня!“ „Что жъ сдѣлалъ онъ тебѣ?“ спросила она, а я отвѣтилъ: „Увидалъ я въ домѣ нѣжную, прекрасную дѣвушку въ бѣлой шубкѣ; облизавъ ручку, гладила она себя ею. Мнѣ хотѣлось обратиться къ ней и попросить ее поцѣловать меня. Но тутъ подошелъ Мур-

скимъ читателямъ изъ лубочной старинной картины „Мыши кота погребаютъ“ [1]). Изъ текста этой картины несомнѣнно заимствованъ образъ старой мыши (Степаниды) [2]); а также Клима-Бѣшеный Хвостъ, читающаго надгробное слово, напоминаетъ крысу, которая на лубочной картинѣ „поминаетъ кота брыса сбрысу (?) по нотной книгѣ воспѣваетъ“ [3]). Наконецъ, первыя слова надгробнаго слова:

Жилъ Мурлыка, былъ Мурлыка, котъ сибирскій,—

напоминаютъ начальныя слова картины: „Котъ казанскій, а умъ астраханскій, разумъ сибирскій“ [4]).

Нужно ли распространяться о неподражаемомъ юморѣ, разлитомъ въ этомъ произведеніи нашего поэта съ такою насквозь проникающею силою, что вся сказка получаетъ въ высшей степени своеобразный характеръ: по обстоятельности повѣствованія, по полнотѣ картинъ, рисующихъ въ дѣйствіи всякую мелочь съ изумительною доконченностью,—это образецъ настоящаго эпоса; рѣшительное преобладаніе діалога надъ про-

---

лыка съ ногами на подобіе вилъ, съ короной на головѣ, съ огненнымъ хвостомъ, и закричалъ, чтобы меня схватили. Навѣрное это и исполнили бы, если бъ я не убѣжалъ. Вотъ отчего я перепугался такъ.“ Тогда отвѣтила мнѣ мать: „Милое дитя, тѣ, которые страшны на видъ, намъ зла не дѣлаютъ. Но тѣ, которые притворяются друзьями, расхаживаютъ, тихо и нѣжно цѣлуютъ ручки и протягиваютъ ихъ здороваясь, тѣ—ядовитыя созданія, дьяволы подъ личиною ангеловъ. Это опасныя кошки, которыя спереди лижутъ, а сзади царапаютъ. Кто улыбкой встрѣчаетъ тебя, тотъ тебя губитъ. Таковъ-то порядокъ въ свѣтѣ. Твоя дѣвица-красавица—врагъ намъ, мышамъ. Она питаетъ свою шубку кровью нашей. Слава Богу, что Онъ сохранилъ тебя!“

[1]) Эта картинка, какъ говоритъ Ровинскій (Русск. Нар. Карт. IV, 259), чисто русское произведеніе, ни откуда не заимствованное.

[2]) „Старая подовинная сѣдая крыса смотритъ въ очки, у которой котъ изорвалъ (весь задъ) въ клочки“ (см. Ровинскаго, Русск. Нар. Карт. I, 397).

[3]) Ibid. 396.

[4]) Ibid. 392.

стымъ повѣствованіемъ (что́ еще болѣе сближаетъ разсказъ съ эпосомъ, какимъ мы видимъ его у Гомера) оживило произведеніе характерными рѣчами разговаривающихъ, чѣмъ достигнута необыкновенная типичность дѣйствующихъ лицъ. Мѣста чисто повѣствовательныя, т. е. гдѣ авторъ ведетъ рѣчь отъ себя, просты и не замедляютъ ни на минуту потока событій. Между тѣмъ лиризмъ характернаго для поэта нашего настроенія перелился въ каждое слово этихъ мышей и этихъ лягушекъ,—и читатель чувствуетъ себя переселившимся въ какой-то очарованный уголокъ задушевнаго, милаго дѣдушки, который, самъ обратившись въ малое дитя, разсказываетъ „въ досужій часокъ“ дѣла инаго маленькаго міра, какъ событія великой важности, то любуясь и умиляясь, то труся самъ и ободряясь, то смѣясь, по мѣрѣ того какъ движутся событія умилительныя, страшныя, успокоительныя и смѣшныя, въ рѣчахъ этихъ звѣрковъ, все это переживающихъ.

XXXIX.

Третья поѣздка Жуковскаго за границу.—Лѣченіе.—Его «горная философія».—Уландъ, Жуковскій и Пушкинъ. — «Плаваніе Карла Великаго».

Отъ сидячей жизни, говоритъ д-ръ Зейдлицъ, „опять усилились у Жуковскаго завалы въ печени; онъ началъ жаловаться на воспаленіе глазъ. Академикъ Триніусъ (прежде практическій врачъ, а потомъ ботаникъ и съ 1829 г. преподаватель естествознанія у Великаго Князя) уговорилъ Жуковскаго лѣчиться по методѣ Ганеманна. Триніусъ, племянникъ Ганеманна, былъ и самъ послѣдователь гомеопатіи, которая въ то время вошла въ Петербургѣ въ моду. Лѣченіе

оказалось безполезнымъ — и въ іюнѣ 1832 года Жуковскій долженъ былъ ѣхать снова въ Эмсъ. Онъ чувствовалъ себя столь слабымъ, что не могъ пуститься обычной своей дорогой на Дерптъ, но отправился на пароходѣ въ Любекъ. Эмскія воды и на сей разъ оказали благодѣтельное дѣйствіе, но ходить пѣшкомъ онъ здѣсь еще затруднялся и на все время пребыванія своего въ Эмсѣ нанялъ осла Blondchen, на которомъ и дѣлалъ свои прогулки. Окончивъ курсъ этихъ водъ, пилъ онъ еще четыре недѣли сѣрныя, Вейльбахскія воды (близъ Франкфурта), [1]), а на всю зиму 1832—1833 г. поселился въ Верне, близъ Веве на Женевскомъ озерѣ, гдѣ и жилъ вмѣстѣ съ семействомъ друга своего, живописца русскаго полковника, Рейтерна [2]), который усердно рисовалъ здѣсь съ натуры [3]). Жуковскій жилъ здѣсь такъ уединенно, что въ теченіи пятидесяти дней былъ только разъ въ обществѣ [4]). „Я пріѣхалъ“, писалъ онъ Козлову отъ 27 января 1833 г., „въ Швейцарію ѣсть виноградъ, съ новымъ румянцемъ на щекахъ, съ большими силами, безъ одышки. Но въ Швейцаріи ходъ моего выздоровленія остановился; не скажу, чтобъ мнѣ было хуже, чтобы выигранное было проиграно— нѣтъ, но я не двигаюсь впередъ и еще не дошелъ до такого состоянія, чтобъ смѣло возвратиться на сѣверъ [4])“. Среди прекрасной природы, дѣлалъ онъ ежедневно освѣжительные

---

[1]) Письмо къ Козлову. Соч. Ж. Стр. 471.

[2]) Плетневъ, О жизни и соч. Ж. 85.

[3]) Ibid. Плетневъ сообщаетъ, что „тогда же былъ сдѣланъ и прекрасный портретъ Жуковскаго. Поэтъ стоитъ передъ открытымъ окномъ; его сигара дымится, и онъ въ задумчивости смотритъ на возносящіяся передъ нимъ вершины горъ“ (86). Снимокъ съ этого потрета кисти Рейтерна мы прилагаемъ съ фотографіи, сообщенной намъ А. П. Петерсономъ. Существующая гравюрка съ него очень неудовлетворительно передаетъ лицо поэта.

[4]) Письмо къ Козлову. Соч. Ж. 1878, VI, 471.

прогулки. По шоссе отъ Верне на три версты къ Шильону и настолько же черезъ Кларанъ въ Веве онъ означилъ каждую версту своимъ именемъ, нацарапавъ его на камняхъ.

Иногда во время этихъ прогулокъ сочинялъ онъ стихи [1]). „Теперь 4-го января", пишетъ онъ въ другомъ письмѣ [2]): „день ясный и теплый; солнце свѣтитъ съ прекраснаго голубаго неба; передъ глазами моими разстилается лазоревая равнина Женевскаго озера; нѣтъ ни одной волны; не видать движенія, а только его чувствуешь: озеро дышетъ. Сквозь голубой паръ подымаются голубыя горы съ снѣжными, сіяющими отъ солнца вершинами. По озеру плывутъ лодки, за которыми тянутся серебряныя струи, и подъ ними вертятся освященные солнцемъ рыболовы, которыхъ крылья блещутъ, какъ яркія искры. На горахъ, между синевою лѣсовъ, блестятъ деревни, хижины, зáмки; съ домовъ бѣлыми змѣями вьются полосы дыма. Иногда въ тишинѣ, межъ огромными горами, которыхъ громады приводятъ невольно въ трепетъ, вдругъ раздается звонъ часоваго колокола съ башни церковной: этотъ звонъ, какъ гармоника, промчавшись по воздуху, умолкаетъ и все опять удивительно тихо въ солнечномъ свѣтѣ; онъ ярко лежитъ на дорогѣ, на которой тамъ и здѣсь идетъ пѣшеходъ, и за нимъ его тѣнь. Въ разныхъ мѣстахъ слышатся звуки, не нарушающіе общей тишины, но еще болѣе оживляющіе чувство спокойствія; тамъ далекій лай собаки, тамъ скрыпъ огромнаго воза, тамъ человѣческій голосъ. Межъ тѣмъ въ воздухѣ удивительная свѣжесть; есть какой-то запахъ не весенній, не осенній, а зимній; есть какое-то легкое, горное благоуханіе, котораго не чувствуешь въ равнинахъ. Вотъ вамъ картина одного утра на берегахъ моего озера.

---

[1]) Письмо къ Козлову. Соч. Ж. Стр. 472.

[2]) Плетневъ: О жизни и соч. Ж. Стр. 83.

„Мнѣ было бы душно отъ ужасающей взоры огромности“, пишетъ онъ далѣе, „когда бы мнѣ не сопутствовалъ другой великанъ, который можетъ безъ страха съ ними соперничать: этотъ великанъ есть мысль, могущая не только въ одну минуту подняться на ихъ непреступныя высоты, но, перелетѣвъ вѣка и пространство, присутствовать при ихъ рожденіи, въ то время когда они сами были только прахъ, кипѣвшій въ первобытной водѣ, которая наконецъ сгустивъ и набросавъ ихъ тѣми огромными грудами, въ коихъ онѣ столько вѣковъ стоятъ неподвижно, сама успокоилась, и теперь тихимъ, таинственнымъ моремъ окружаетъ нашу цвѣтущую землю, вышедшую изъ хаоса первобытнаго“ [1]).

Въ этомъ письмѣ, главная мысль котораго выражена въ восклицаніи: „Какое сходство въ исторіи этихъ безжизненныхъ великановъ съ исторіею живаго человѣческаго рода“!— Жуковскій излагаетъ свои историко-философскія воззрѣнія, къ которымъ онъ пришелъ, прочитавъ двѣ книги: одну— „Исторію нашего времени Менцеля“ и другую „самою природою напечатанную на огромныхъ горахъ великолѣпнымъ изданіемъ“. „Земля не рай, человѣкъ не ангелъ—но наше время, со всѣми его конвульсіями, лучше прошедшаго; это лучшее само собою истекаетъ изъ зла минувшаго; и это лучшее не человѣкъ своею силою производитъ, но время, покорное одному Промыслу.... во всякое время человѣкъ на своемъ мѣстѣ, въ своемъ кругѣ можетъ совершить все, что̀ онъ какъ человѣкъ совершить обязанъ—вотъ тотъ философскій выводъ, который дѣлаетъ нашъ оптимистъ, прочитавъ обѣ указанныя книги. Видъ развалинъ горы, задавившей нѣ-

[1]) Соч. Ж. VI. 495. Отрывки этого письма изъ Швейцаріи первоначально появились въ печати въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1835 (№ 4) и озаглавлены тамъ: „Двѣ всемірныя исторіи“.

сколько деревень, даетъ поводъ ему еще прибавить „отрывокъ изъ той же горной философіи". На этотъ разъ дѣло идетъ о революціяхъ, насильственныхъ переворотахъ, кѣмъ бы они производимы ни были: бурнымъ ли бѣшенствомъ толпы, дерзкою ли властію одного. Выводъ Жуковскаго таковъ: „Средство не оправдывается цѣлію; что̀ вредно въ настоящемъ, то есть истинное зло, хотя бы и было благодѣтельно въ своихъ послѣдствіяхъ; никто не имѣетъ права жертвовать будущему настоящимъ и нарушать вѣрную справедливость для невѣрнаго возможнаго блага. Человѣкъ, во всякую настоящую минуту можетъ быть справедливымъ; въ этомъ его человѣческая свобода" [1]).

Жуковскій замѣчаетъ, что если бы даже переворотъ принесъ пользу, какъ и гора, завалившая деревни, можетъ замѣнить прежнюю почву новою плодоносною землею,—то для кого и когда?—„Время возьметъ свое, и новая жизнь начнется на развалинахъ: но это дѣло его, а не наше; мы только произвели гибель, а произведенное временемъ изъ созданныхъ нами развалинъ ни мало не соотвѣтствуетъ тому, чего мы хотѣли вначалѣ" [2]). Примѣненіе этого вывода къ жизни таково: „иди за временемъ, вслушивайся въ его голосъ, и исполняй то, чего оно требуетъ. Отставать отъ него столь же бѣдственно, какъ и перегонять его". Письмо оканчивается политической системой Жуковскаго: „Работая безпрестанно, неутомимо, наряду со временемъ, отдѣляя отъ живаго то, что̀ оно уже умертвило, питая то, въ чемъ уже таится зародышъ жизни, и храня то, что̀ зрѣло и полно жизни, ты безопасно, безъ всякаго гибельнаго потрясенія, произведешь или новое необходимое, или

[1]) Ibid. 499.
[2]) Ibid. 498.

уничтожишь старое, уже безплодное или вредное Однимъ словомъ, живи и давай жить; а паче всего блюди Божію правду" [1])!

Эти политическія воззрѣнія нашего поэта неоднократно повторялись имъ, какъ мы видѣли въ главѣ объ обученіи Цесаревича.

Какія же поэтическія произведенія возникали въ головѣ Жуковскаго, когда мысль его отъ размышленій философскихъ переносилась къ любимымъ образамъ нѣмецкой музы, въ то время, когда одинъ, сопровождаемый только своею тѣнью, двигался онъ подъ лучами яснаго зимняго солнца, по шоссе, свѣтлою полосою разрѣзавшему каменныя обломки, этихъ свидѣтелей вѣковъ давно минувшихъ?

Имъ овладѣлъ теперь Уландъ, къ которому обращался онъ и прежде, въ особенности же въ 1816 году [2]). Къ переведеннымъ въ 1832 году „Роланду Оруженосцу", „Нормандскому обычаю" и „Рыцарю Роллону", онъ присоединилъ въ 1833 году баллады: „Плаваніе Карла Великаго" и «Братоубійцу».

Уландъ, на произведеніяхъ котораго донынѣ воспитывается національное чувство германскаго юношества,—одно изъ тѣхъ рѣдкихъ явленій, которыя заставляютъ забывать различіе народной пѣсни отъ произведенія искусственнаго Природа, окружающая его, давнее прошлое, силу котораго онъ умѣлъ подслушивать у вѣковъ отдаленныхъ,—вотъ кругъ его поэзіи. И въ то же время—онъ весь принадлежитъ настоящему и не перестаетъ быть поэтомъ современнымъ. Языкъ его простоты поразительной. „Сжатость этого языка порою заставляетъ меня вскрикнуть отъ восторга", пишетъ о немъ Варнга-

---

[1]) Ibid. 499, 500.

[2]) См. „Сонъ", „Счастіе во снѣ", „Мщеніе",„Гаральдъ", „Три пѣсни" (1816); „Утѣшеніе" (1818); „Побѣдитель" (1822); „Алонзо" (1829); „Замокъ на берегу моря", „Появленіе весны" (1831).

генъ. По остроумному выраженію Шамиссо, этотъ низенькій, невзрачный и косолапый оригиналъ отличался отъ всѣхъ поэтовъ; „многіе“ говоритъ онъ, „пишутъ отличныя стихотворенія такъ, какъ всѣ,—и никто не читаетъ ихъ,—Уландъ пишетъ ихъ такъ, какъ никто,—а его всѣ читаютъ». Классически образованный, профессоръ, знатокъ древне-германской поэзіи, которую умѣлъ отыскать и въ живыхъ устахъ народа, и въ архивной пыли библіотекъ Германіи и Франціи,—онъ возвращалъ ее народу, дѣлая достояніемъ людей всѣхъ сословій и всѣхъ степеней образованности. Нѣмецкіе простолюдины поютъ его пѣсни и донынѣ, часто не зная имени автора, и считая ихъ народными. Замѣчательна его воспріимчивость къ природѣ, иногда двумя-тремя чертами воскрешаемой въ лирическомъ наброскѣ. Такова его „Похвала весны“, по формѣ стиха [1]) недурно переданная Жуковскимъ въ его стихотвореніи „Появленіе весны“ [2]):

Зелень, нивы, рощи лепетъ,
Въ небѣ жаворонка трепетъ,
Теплый дождь, сверканье водъ,
Васъ назвавши, что̀ прибавить,
Чѣмъ инымъ тебя прославить,
Жизнь души, весны приходъ?

---

[1]) Знакомой намъ болѣе въ стихотвореніяхъ Фета, часто воспроизводящаго эту форму.

[2]) Стихотвореніе это, и озаглавленное не точно, не отмѣчено переводнымъ ни въ Р. А., гдѣ оно впервые напечатано, ни въ 8 изд. Соч. Жук. Въ дословномъ переводѣ оно читается такъ: „Зелень нивы, запахъ фіалки, трепетъ жаворонка, бой дрозда, лѣтній дождикъ, мягкій воздухъ! Спѣвши такія слова, нужны ли еще вещи великія, чтобы прославить тебя, день весенній“?

Lob des Frühlings.

Saatengrün, Veilchenduft,
Lerchenwirbel, Amselschlag,
Sommerregen, linde Luft!
Wenn ich solche Worte singe,
Braucht es da noch grosser Dinge,
Dich zu preisen, Frühlingstag?

Къ сожалѣнію, той простоты и, такъ сказать, ядрености языка, которая отличаетъ и тутъ и повсюду стихи Уланда, Жуковскій не передалъ въ этомъ никогда имъ и не напечатанномъ стихотвореніи: описательное выраженіе „жизнь души“ и второе „обращеніе“ къ предметамъ природы (васъ назвавши) прямо даже противорѣчитъ мысли послѣдняго предложенія. Вся тайна прелести Уландова стихотворенія именно въ томъ, чтобы, избѣгнувъ стилистическихъ украшеній, простымъ, прозаическимъ перечисленіемъ явленій природы (потому: „что̀ прибавить?“) произвести поэтическое впечатлѣніе исключительно одною метрической формой, гармоніей словъ [1]) и въ са́мо̀мъ концѣ единственнымъ обращеніемъ къ само̀й веснѣ, которое послѣ простоты ранѣе „пропѣтыхъ словъ“ сосредоточиваетъ фантазію читателя на этомъ послѣднемъ, совершенно неожиданномъ олицетвореніи.

Въ подобной объективности заключается особая прелесть Уландовой поэзіи: необыкновенная ясность и сила впечатлѣнія. Съ нею можно лучше всего сравнить прозу С. Аксакова, когда, называя предметы ихъ точными именами, не допуская ни одной метафоры, ни одного фигуральнаго выраженія, да еще и въ прозѣ—онъ достигаетъ живыхъ поэтическихъ представленій.

Начало поэзіи Уланда—въ романтизмѣ; въ о̀рганахъ его онъ и началъ впервые печатать свои пьесы: но, по выраженію Ваккернагеля, „онъ выступилъ изъ душной трущобы современнаго ему нѣмецкаго романтизма на свѣтлый, свѣжій лугъ народности“. Музыкальность его стиховъ сдѣлала его имя неразрывнымъ съ именами Шумана, Мендельсона и др., вдохновлявшихся его лирикой. Онъ пѣлъ, по собственному лаконическому указанію, „старыя благочестивыя саги,

---

[1]) Ср. напр. „Зимній день“ его.

любовь, вино и весну“ [1]),—и дѣйствительно, тутъ вся его поэзія. Наведенный на мысль романтиками писать баллады и романсы, онъ не пользовался въ нихъ ни манерою, ни размѣрами романтиковъ—и слѣдовалъ единственно собственному вкусу, воспитанному на подлинникахъ средневѣковой поэзіи.

Жуковскій, по своему обыкновенію, не былъ переводчикомъ Уланда, какъ поэта въ томъ его качествѣ, какое ему указываетъ исторія литературы. Лучшія его произведенія не вдохновили его. Онъ не перевелъ ни „Проклятія пѣвца“, ни „Малютки-Роланда“, ни „Бертрана-де-Борнъ“, ни „Меча“, ни „Меча Сигфрида“ и т. п. произведеній первой величины. Понятно: они слишкомъ національны и едва-ли переводимы даже и для такого переводчика, какимъ бывалъ Жуковскій. Но за то пьесы Уланда, задѣвавшія симпатіи нашего поэта, онъ передавалъ неподражаемо. Въ богатой природѣ Уланда была одна сторона, такъ сказать конгеніальная нашему поэту: это лиро-эпическое отношеніе къ изображаемому. Наконецъ нѣкоторые типы, имѣющіе чарующую силу, какъ образцы чистосердечія, не могли не привлечь Жуковскаго. Къ образцовымъ переводамъ изъ Уланда должно отнести „Роланда-оруженосца“, гдѣ типъ юнаго, безсознательнаго героя, столь свойственный поэзіи всѣхъ народовъ, нашелъ неподражаемаго выразителя. Народная поэзія любитъ изображать одного изъ малыхъ сихъ, не имѣющихъ, казалось бы, ничего героическаго ни по лѣтамъ, ни по наружности—и за ихъ простоту имъ посылается побѣда надъ врагомъ, на сторонѣ котораго все: и возрастъ, и физическая сила, и самоувѣренность. Это библейскій Давидъ, отчасти Зигфридъ Нѣмцевъ, испанскій Сидъ (въ битвѣ съ Донъ-Гормасомъ), и Иванушка русскихъ сказокъ, ирониче-

---

[1]) „Ich sang in vor'gen Tagen etc.

ски называемый «дурачкомъ». Мальчикъ Роландъ, напросившійся съ отцомъ въ оруженосцы при трудномъ подвигѣ возвращенія Карлу Великому его талисмана, изъ рукъ чудовищнаго исполина, невзначай совершаетъ то, чего не могли совершить всѣ блестящіе рыцари Карловы.

Теперь, въ 1833 году, Жуковскій перевелъ также одну изъ лучшихъ балладъ Уланда: „Плаваніе Карла Великаго".

Съ первыхъ же стиховъ этой баллады чувствуется что-то знакомое—въ размѣрѣ, въ отрывистомъ, лишенномъ всякаго возбужденія, какъ-бы даже апатичномъ разсказѣ:

Разъ Карлъ Великій моремъ плылъ,
И съ нимъ двѣнадцать перовъ плыло.
Ихъ путь въ Святую землю былъ;
Но море злилося и выло.

Это слогъ сказки самой первобытной. Это само событіе, очищенное не только отъ всего театральнаго, сентиментальнаго, но даже и поэтическаго. Кажется, что разсказчикъ нехотя началъ свою повѣсть по усиленной просьбѣ слушателей, недоумѣвая самъ: да что же тутъ разсказывать?

Но вотъ заговорили спутники Карла. Въ ихъ рѣчи—та легкая насмѣшка надъ самимъ собою, тотъ простонародный юморъ, который ранѣе никому не удавалось передавать порусски такъ, какъ Жуковскому. Въ „Роландѣ-оруженосцѣ" напр. гдѣ разсказчикъ безпощадно заставляетъ всѣхъ этихъ рыцарей, возвратившихся къ Карлу безъ талисмана, еще и объявить о своей оплошности въ цѣломъ рядѣ признаній,—этотъ юморъ воспроизведенъ Жуковскимъ почти самостоятельно. Здѣсь мы встрѣчаемся съ нимъ снова.

Буря. Всѣмъ богатырямъ Карла жутко (люди тоже вѣдь), и вотъ каждый заговорилъ. Чувствуется скрытая тревога, а на языкѣ—насмѣшка. Какъ хорошо знакома эта черта каж-

дому русскому человѣку! Удивительно ли, что она такъ передана русскимъ поэтомъ? [1])

Первый говоритъ Роландъ. Онъ уже здѣсь не мальчикъ. Рѣчь его удалѣе всѣхъ: Это старый вояка.

Тогда Роландъ сказалъ друзьямъ:
„Деруся я на сушѣ смѣло;
Но въ злую бурю по волнамъ
Хлестать мечемъ плохое дѣло“.

Гольчеръ-гудочникъ (не хочется сказать музыкантъ — такъ онъ народенъ и въ переводѣ) говоритъ вторымъ.

Датча́нинъ Гольчеръ молвилъ: „Радъ
Я веселить друзей струнами;
Но будетъ ли какой въ нихъ ладъ
Между ревущими волнами?“

Рѣчь третьяго игривѣе. Онъ очевидно ободренъ словами товарищей:

А Оливьеръ сказалъ, съ плеча
Взглянувъ на бурныхъ волнъ сугробы:
„Мнѣ жалко новаго меча:
Здѣсь утонуть ему безъ пробы“.

Не таковъ злой, скрытный Ганелонъ. Этотъ себѣ на умѣ. Въ немъ только чувство самосохраненія:

Нахмурясь Ганелонъ шепнулъ:
„Какая адская тревога!
Но только бъ я не утонулъ!...
Они жъ?... Туда имъ и дорога!

Въ живомъ контрастѣ съ нимъ наивный Тюрпинъ. (Это тотъ самый, который въ „Роландѣ Оруженосцѣ“, опоздавъ, нашелъ великана уже безъ головы, и въ тряпицѣ привезъ

---

[1]) Тѣ же черты недавно напомнилъ русскимъ читателямъ гр. Алексѣй Толстой. Ср. напр. его.

только великанову руку, наканунѣ отрубленную Роландомъ). Онъ не скрываетъ своего страха передъ бурею:

„Мы всѣ плывемъ къ святымъ мѣстамъ!
Сказалъ, крестясь Тюрпинъ-Святитель:
Явись, и въ пристань по волнамъ
Насъ грѣшныхъ проведи, Спаситель!“

Новый контрастъ. Ричардъ не очень-то разборчивъ въ выраженіяхъ. Чортъ не сходитъ съ его языка. Волненіе его выражается по-просту:

„Вы, бѣсы!» графъ Ричардъ вскричалъ:
„Мою вы вѣдаете службу;
Я много въ адъ къ вамъ душъ послалъ—
Явите вы теперь мнѣ дружбу“.

Не такъ-то простъ Наимъ. Онъ давно предвидѣлъ эту бѣду. Но его не хотѣли слушать, ему не повѣрили,—отъ того произошла вся бѣда. Онъ утѣшается по крайней мѣрѣ сознаніемъ своего превосходства.

„Ужъ я ли,—вымолвилъ Наимъ—
Не говорилъ: нажить намъ горе!
Но слово умное глухимъ
Есть капля масла въ бурномъ морѣ!“

Дѣло приняло ужъ серьезный оборотъ. Видно, умникъ достаточно струсилъ, если чуть не назвалъ глупцомъ самого Карла, который сидитъ тутъ же. Но снова звучитъ знакомый юморъ, на этотъ разъ въ рѣчи стараго Ріоля:

„Бѣда! сказалъ Ріоль сѣдой,
Но если море не уймется,
То мнѣ на старости въ сырой
Постели нынче спать придется“.

Раздалась затѣмъ и пѣсня юнаго Гюи:

А графъ Гюи вдругъ началъ пѣть,
Не тратя жалобъ безполезно:
„Когда бъ отсюда полетѣть
Я птичкой могъ къ своей любезной“!

Послышались остроты Гварина и Ламберта:

„Друзья, сказать-ли вамъ? Ей, Ей“!
Промолвилъ графъ Гваринъ, вздыхая:
„Мнѣ сладкое вино вкуснѣй
Чѣмъ горькая вода морская»
Ламбертъ прибавилъ: «что за честь
Съ морскими чудами сражаться?
Гораздо лучше рыбу ѣсть,
Чѣмъ рыбѣ на обѣдъ достаться“

Рѣчи заключаетъ чистосердечный Годефруа свѣтлымъ словомъ своимъ:

„Что Богъ велитъ, тому и быть“!
Сказалъ Годефруа; съ друзьями
Я радъ добро и зло дѣлить;
Его святая власть надъ нами“.

Но какъ не выразительны всѣ эти рѣчи, несравненно краснорѣчивѣе высказался самъ Карлъ, подвигнувшій своихъ спутниковъ на святое дѣло:

А Карлъ молчалъ: онъ у руля
Сидѣлъ и правилъ. Вдругъ явилась
Святая вдалекѣ земля;
Блеснуло солнце; буря скрылась.

Нужно ли прибавлять, что турниръ Жуковскаго съ Пушкинымъ, начатый въ Царскомъ селѣ въ 1831 году сказками, не окончился, что „Плаваніе Карла“ написано черезъ годъ послѣ Шотландской баллады: „Воротился почью мельникъ“, а „Воевода“, „Будрысъ и его сыновья“ съ нимъ одновременно, „Сватъ Иванъ“ даже впервые набросанъ въ письмѣ къ Жуковскому (28 марта 1833 года)[1], и, наконецъ, что послѣ этого

[1]) Семь автографич. писемъ Пушкина (1816—1837) Изъ собранія Кн. П. П. Вяземскаго, 26 мая 1880 г. Письмо отъ П. А. Вяземскаго и Пушкина къ Жуковскому (писано рукою П. А. Вяземскаго, 3-я страница рукою Пушкина).

года мы не встрѣчаемъ болѣе у Пушкина ни одного стихотворенія простонароднаго характера.

XL ~~XXXVIII~~.

Ундина.

Разсказывая о праздникѣ при Берлинскомъ дворѣ, на которомъ поэтъ нашъ вдохновился поэмою Мура, мы упомянули и о Ламоттъ-Фуке, который тогда же обѣщалъ В. К. Александрѣ Ѳеодоровнѣ свой переводъ „Лалла-Рукъ". Жуковскій до этого личнаго свиданія съ Фуке былъ уже знакомъ съ лучшимъ его произведеніемъ—„Ундиною". Еще въ 1817 году онъ началъ для задуманнаго тогда альманаха передѣлывать эту поэму, которая въ оригиналѣ имѣетъ форму прозаическую, но оставилъ ее.

Теперь, будучи въ Швейцаріи, въ своемъ поэтическомъ уединеніи, онъ вспомнилъ чудный образъ Ундины, принялся за нее снова и написалъ три первыя главы ея. Черезъ три года, когда занятія его съ Цесаревичемъ прекратились, и время дозволило ему возвратиться къ поэзіи,—первою мыслію его было вернуться къ этой, столь родственной душѣ его, поэмѣ, и онъ окончилъ ее. Занимался онъ ею снова въ уединеніи, на этотъ разъ близъ Дерпта, въ Элистферѣ, гдѣ онъ провелъ половину лѣта[1]).

---

[1]) Соч. Жук. III. 15. 3, вып. Окончена 26 іюля 1836. См. также Ж. М. Н. П. 1869. V. 115 выноску Зейдлица, гдѣ онъ сообщаетъ, что каждое утро, прохаживаясь по залѣ Элистферскаго дома, Жуковскій диктовалъ дочерямъ А. А. Воейковой свою „Ундину". При этомъ онъ пилъ Вейльбургскія воды. Эта жизнь съ родными ему такъ понравилась, что онъ купилъ имѣніе близъ Дерпта, чтобы переселиться туда подъ старость.

Съ образомъ Ундины невольно „много прежнихъ тѣней встало“. Отъ нея „дышало прошлою молодостію[1])“ Но къ этимъ грезамъ молодости присоединилось и то прошлое, которое пережилъ онъ послѣ нея. Самая мысль приняться снова за „Ундину“ была внушена ему его „хранительницей поэзіи“. Еще такъ свѣжо стояли въ его памяти вдохновлявшіе его дни перваго сближенія съ Августѣйшей ученицей, первые восторги матери—а потомъ и сынъ ея, которому поэтъ нашъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни. Всѣ эти впечатлѣнія, соединясь вмѣстѣ, излились въ лирическомъ вступленіи къ новой поэмѣ, которымъ онъ замѣнилъ пол упленіе Фуке.

Фридрихъ де-Ламоттъ-Фуке, французъ происхожденіемъ, родился однако же въ Потсдамѣ и, получивъ военное воспитаніе, принимая участіе въ походѣ 1794 года, душою былъ преданъ германскому національному дѣлу. Вступивъ на литературное поприще при содѣйствіи Августа Шлегеля, онъ, покинувъ военную службу, предался поэтическому досугу. Только война за освобожденіе вызвала его временно на прежнее поприще, и его звучныя солдатскія пѣсни огласили ряды германской арміи. Первую извѣстность въ литературѣ доставили ему его многочисленные рыцарскіе романы, въ которыхъ онъ пытался воскресить феодальныя сказанія XII вѣка, чѣмъ и заслужилъ отъ Эйхендорфа прозвище „Донъ-Кихота романтизма“. Но онъ создалъ и одно истинно прекрасное произведеніе. „Ундина“ не забыта и до нынѣ, между тѣмъ какъ другихъ его сочиненій никто не читаетъ болѣе.

Героиней этой поэмы является одна изъ тѣхъ водяныхъ нимфъ, которыя рождаются лишенными безсмертной души.

---

[1]) Ж. М. Н. П. 1869. V. 114.

„Видомъ наружнымъ мы то же, что̀ люди; быть можетъ и лучше,
Нежели люди; но съ нами не то, что съ людьми: покидая
Жизнь, мы вдругъ пропадаемъ какъ призракъ, и тѣломъ и духомъ
Гибнемъ вполнѣ“...

Такъ открываетъ Ундина свою тайну, радостная и счастливая на другой день свадьбы, своему мужу, рыцарю Гульбранду, который полюбилъ ее и женился на ней, встрѣтивъ у рыбака, ее воспитавшаго.

„Сильный царь въ голубой глубинѣ Средиземнаго моря“,

продолжаетъ она разсказъ свой:

„Мнѣ любимой, единственной дочери, душу живую
Дать пожелалъ, хотя онъ и вѣдалъ, что съ нею и горе
(Всѣхъ одаренныхъ душою удѣлъ) меня не минуетъ.
Но душа не иначе дана быть намъ можетъ, какъ только
Тѣснымъ союзомъ любви съ человѣкомъ. И, милый, отнынѣ
Я съ душою навѣки; тебѣ одному благодарна
Я за нее!“ [1]).

Вотъ эти-то радости, но и неизбѣжныя для человѣка страданія, и составляютъ существенное въ поэмѣ. Вполнѣ понятно, почему Жуковскаго привлекло это чудное дитя съ двойственною природой, которое въ ея счастливой долѣ хотятъ отвоевать у земли холодныя волны ее породившей стихіи. Но дорогой ея мужъ, одной любви котораго суждено быть хранительницей ея жизни, не постигаетъ всей цѣны посланной ему супруги — и теряетъ ее. Не понятая

---

[1]) Ундина. Гл. VIII.

людьми, не понятая и бездушной стихіей, она является глубокой страдалицей, унося въ иной міръ свою любовь, и въ минуту, когда дорогой ей рыцарь готовъ соединиться съ Бертальдой, по природѣ болѣе ему родственной, она является къ нему изъ инаго міра, и не можетъ онъ болѣе избѣжать ея могучей любви. Ундина овладѣваетъ имъ—и не вопреки его волѣ:

...И въ зеркало рыцарь увидѣлъ, какъ двери
Тихо, тихо за нимъ растворились, какъ бѣлая гостья
Въ нихъ вошла, какъ чинно замокъ заперла за собою.

Всѣ ея старанія при жизни охранить дорогаго мужа оказались напрасны; она пришла теперь объявить ему неизбѣжную смерть.

...Холодъ, по сердцу
Рыцаря вдругъ пробѣжавшій, почувствовать далъ, что минута
Смерти настала. Зажавши руками глаза, онъ воскликнулъ:
О, не дай мнѣ въ послѣдній мой часъ обезумѣть отъ страха!
Если ужасенъ твой видъ, не снимай покрывала, и строгій
Судъ соверши надо мной, мнѣ лица твоего не являя.
„Ахъ!“ она отвѣчала, „развѣ еще разъ увидѣть,
Другъ, не хочешь меня? Я прекрасна, какъ прежде, какъ въ оный
День, когда твоею невѣстою стала“.—О, еслибъ
Это правда была!—Гульбрандъ воскликнулъ - о, еслибъ
Мнѣ хоть одинъ поцѣлуй отъ тебя! и пускай бы
Въ немъ умереть!—„Охотно, возлюбленный мой!“ покрывало
Снявши, сказала она,—и прекрасной Ундиной, прежней
Милой, любящей, любимой Ундиною первыхъ, блаженныхъ
Дней предстала. И онъ, трепеща отъ любви и отъ близкой

Смерти, склонился къ ней въ руки. Съ небеснымъ
она поцѣлуемъ
Въ руки его приняла, но изъ нихъ уже не пустила
Болѣ его; а крѣпче, все крѣпче къ нему прижимаясь,
Плакала, плакала тихо, плакала долго,
Выплакать душу хотѣла... какъ будто... пока напо-
слѣдокъ
Въ немъ не пропало дыханье, и онъ не упалъ изъ
прекрасныхъ
Рукъ Ундины бездушнымъ трупомъ къ себѣ напо-
душку.

Нѣтъ границъ богатству языка, которымъ передалъ эту поэму поэтъ нашъ. Двѣ поры въ жизни Ундины—до и послѣ ея окончательнаго одушевленія—даютъ случай къ самымъ разнообразнымъ сценамъ: то игривымъ, когда она, еще веселою, рѣзвою, капризною дикаркою является въ хижинѣ рыбака, или на травѣ острова, усѣвшись у ногъ Гульбранда слушаетъ его разсказы о своемъ прошломъ; то вѣрной женою, исполненной всеобъемлющей любви, которой стало и на долю ея разлучницы Бертальды, когда трепещетъ она за любимаго человѣка, и хочетъ, и не можетъ предотвратить его гибельнаго шага.

Любовь рано закралась въ это чудное дитя, еще въ то время, когда случай завелъ рыцаря въ хижину рыбака. Ничего не вѣдая, разсказываетъ ей простодушный рыцарь о своихъ успѣхахъ на турнирѣ, о прежней Бертальдѣ, которую встрѣчалъ онъ въ герцогскомъ дворцѣ. Увлеченный воспоминаніями онъ передаетъ Ундинѣ:

...„А вечеромъ съ нею одною
Я танцовалъ; и такъ продолжалось во всѣ остальные
Дни турнира“.—Въ эту минуту почувствовалъ рыцарь
Сильную боль въ опущенной лѣвой рукѣ: оглянувшись,
Видитъ онъ, что Ундина, жемчужными зубками стиснувъ
Палецъ ему, сердито нахмурила брови, и въ глазкахъ,
Ярко свѣтившихся, бѣгали слезки; потомъ на Гульбранда

Съ грустнымъ упрекомъ взглянувъ, она ему погрозила
Пальцемъ; потомъ вздохнула, потомъ наклонила головку [1]).

Повѣсть Фуке представляетъ не мало драматическихъ моментовъ. Жуковскій на этотъ разъ мастерски воспроизвелъ ихъ въ своемъ переводѣ. Вотъ напр. тотъ моментъ, когда среди безумной рѣзвости, овладѣвшей Ундиной тотчасъ послѣ вѣнчанія, священникъ остановилъ ее, приглашая подумать о томъ, „какъ съ душою даннаго Богомъ супруга свою сочетать христіански душу“ — и на легкую шутку ея строго взглянулъ на нее. Тогда съ Ундиной произошла неожиданная перемѣна.

---

[1]) Гл. IV. Въ послѣднихъ двухъ стихахъ Жуковскій отступилъ отъ подлинника, гдѣ сказано: „Она грустно-ласково взглянула на него и прошептала: Ты самъ виноватъ въ этомъ; потомъ скрыла свою голову“.—Кромѣ этого мѣста, мы замѣчаемъ болѣе яркія или измѣненныя краски характеристики Ундины въ слѣдующихъ мѣстахъ: Только что обвѣнчанная Ундина долго не вставала съ колѣнъ. „Она откинула покрывало“, читаемъ въ подлинникѣ: „и сказала, робко взглянувъ на Гульбранда: „Ты вѣрно покинешь меня; а я не сдѣлала тебѣ никакого зла— бѣдное, бѣдное дитя!“—Она была въ эту минуту такъ безконечно прекрасна, что женихъ позабылъ все, что̀ было въ ней страннаго и загадочнаго, поспѣшилъ къ ней, принимая ее въ свои объятія. Тогда она усмѣхнулась сквозь слезы: точно утренняя заря играла въ ручейкѣ. „Не въ силахъ ты оставить меня!“ прошептала она увѣренно, нѣжно гладя ручкою по бородѣ рыцаря. Отклонилъ рыцарь страшныя мысли, шевелившіяся въ душѣ его и шептавшія ему, что онъ вѣдь повѣнчанъ съ чародѣйкой или съ какимъ-нибудь существомъ недобрымъ, которое смѣется надъ нимъ. Только одинъ вопросъ еще нечаянно сорвался у него: „Скажи мнѣ только, Ундиночка: что̀ говорила ты о духахъ земли, когда постучался къ намъ священникъ?“—„Ахъ, это все сказки, дѣтскія сказки!“ отвѣчала, смѣясь, Ундина съ прежней веселостью: „сначала я напугала васъ этимъ, а теперь ты напугалъ меня. Вотъ и конецъ всей этой исторіи и конецъ свадебному вечеру!“—„Нѣтъ, не конецъ!“ отвѣчалъ рыцарь, опьяненный любовью, потушилъ свѣчи и, озаренный луною, которая привѣтливо смотрѣла въ окно, понесъ милую любу, покрывая тысячью поцѣлуевъ въ брачный покой свой“.

Всѣ на нее съ любопытствомъ смотрѣли;
Что̀ творилося съ нею, не вѣдалъ никто. Напослѣдокъ
Слезы отерла она, и священнику, въ сильномъ волненьи
Сжавши руки, сказала: Отецъ мой, не правда ль ужасно
Душу живую имѣть? И не лучше ль, скажи мнѣ, не лучше ль
Вѣчно пробыть безъ души?... Она замолчала, уставивъ
Острый, разстроенный взоръ на священника. Всѣ поднялися
Съ мѣстъ, какъ будто дичася ея; не дождавшись отвѣта,
Съ тяжкимъ вздохомъ она продолжала: великое бремя,
Страшное бремя душа! При одномъ ужъ ея ожиданьи
Грусть и тоска терзаютъ меня; а донынѣ мнѣ было
Такъ легко, такъ свободно!—Она опять зарыдала,

Этотъ нѣсколько растянутый конецъ VII-й пѣсни передань у Жуковскаго такъ:

Ундина
Все еще на колѣнахъ стояла въ молчаньи; когда же
Всѣ удалились, она потихоньку лицомъ обернулась
Къ рыцарю, кудри раздвинула, мало-по-малу, какъ будто
Въ чувство входя, голову свою подняла, и уныло
Очи лазурныя, полныя слезъ, на него устремила.
„Милый, ты вѣрно также покинешь меня“, прошептала.
Руки ея такъ призывно, такъ жарко къ нему поднялися,
Взоры ея такъ похожи на небо прекрасное стали,
Голосъ ея такъ глубоко изъ сердца раздался, что рыцарь
Все позабылъ, и въ порывѣ любви протянулъ ей объятья;
Вскрикнула, вспрыгнула, кинулась къ милому въ руки Ундина,
Грудью прильнула ко груди его и на ней онѣмѣла.

И еще ранѣе (въ пѣснѣ V) мы замѣчаемъ различіе въ Ундинѣ Жуковскаго и Фуке. „Когда рыцарь приносилъ съ охоты добычу, то Ундина почти всегда бранила его за то, что онъ похитилъ у милыхъ, веселыхъ жителей воздушнаго лазурнаго моря ихъ радостную жизнь; она часто плакала даже при видѣ безжизненныхъ птичекъ. Если же онъ возвращался, не принося съ собою ничего, то она опять-таки бранила его, называя небрежнымъ и неловкимъ, жалуясь, что, благодаря ему, имъ приходится ѣсть только рыбъ да раковъ“. Жуковскій вовсе опускаетъ все это, и вставляетъ 26 собственныхъ стиховъ, характеризующихъ Ундину. Сущность этой характеристики укажемъ въ стихѣ:

Словомъ, Ундина была несравненнымъ, мучительно-милымъ,
Чуднымъ созданьемъ.

Скрыла въ ладони лицо, и, свою наклонивши головку,
Плакала горько, а свѣтлыя кудри, скатясь на прекрасный
Лобъ и на жаркія щеки, повисли густымъ покрываломъ[1]).

Зная, какъ поэтъ нашъ смотрѣлъ на страданія, мы поймемъ, съ какимъ наслажденіемъ встрѣтилъ онъ въ переводимой поэмѣ родственный ему взглядъ на этотъ предметъ.

---

[1]) Образъ Ундины въ послѣднихъ двухъ стихахъ у Жуковскаго свой; въ оригиналѣ сказано просто: „закрылась своимъ покрываломъ". Это не единственное мѣсто, гдѣ замѣчаемъ у переводчика бо́льшую изобразительность сравнительно съ оригиналомъ. Таковы: въ гл. II-й, въ сценѣ рыцаря съ рыбакомъ, которые среди бесѣды безпокойно ожидаютъ возвращенія скрывшейся Ундины, къ словамъ подлинника, что оба собесѣдника умолкали при малѣйшемъ стукѣ, Жуковскій прибавляетъ: „и палецъ поднявши, глаза неподвижно уставивъ въ двери, слушали". Въ разсказѣ рыцаря (гл. IV) о томъ, какъ посланный своенравной Бертальдой въ страшный лѣсъ, онъ въѣхалъ въ него, и вокругъ стало пустынно и тихо,—переводчикъ прибавляетъ: „Густѣя лѣсъ предо мной и за мною сдвигался, какъ будто хватая тысячью рукъ волшебныхъ меня"; а также въ олицетворенной картинѣ лѣснаго водопада, представшаго рыцарю блѣдно-туманнымъ столбомъ, послѣ словъ подлинника, что столбъ этотъ почудился рыцарю съ головою, прибавлено: „(чудилось мнѣ), что въ меня упирались тускло и зорко съ чуднымъ какимъ-то миганьемъ глаза. „Въ главѣ VI-й, въ сценѣ, гдѣ жители хижины узнаютъ, что наводненіе отрѣзало ихъ отъ проѣзжихъ мѣстъ, слова подлинника о томъ, что Ундина, прижавшись къ рыцарю нараспѣвъ прошептала: „Ты остаешься съ нами, ты остаешься съ нами!" Жуковскій дополнилъ: „жаркой ручкой стиснула руку ему и, уставивши глазки, полные острыхъ лучей на него". И въ началѣ VIII-й главы при изображеніи спящей Ундины находимъ совершенно самостоятельную картину: „Спала, положивши горячую щеку на руку; вольно дышала она и сквозь сонъ, какъ журчанье, шепотъ невнятный бродилъ по жарко-раскрывшимся губкамъ". Къ лучшему же дополнено и въ гл. XVII-й видѣніе въ послѣднюю ночь рыцаря. Къ словамъ оригинала, что вдругъ предъ нимъ невидимкой ужасное что-то предстало, и онъ очнулся, Жуковскій добавляетъ: „какъ будто услышавъ какой-то голосъ шепнувшій: къ тебѣ подошелъ посѣтитель безплотный». Усилены краски и въ изображеніи страдалицы Ундины, какою она является за дорогимъ своимъ мужемъ. „Очи столь

Когда сбылось предчувствіе Ундины, и душѣ ея пришлось переживать муки при видѣ, какъ сердце влекло мужа ея къ Бертальдѣ, авторъ замѣчаетъ:

ясныя прежде, были тусклы, щеки впали, болѣзненъ былъ образъ. Все то рыцарь замѣтилъ". И наоборотъ, видимъ нѣсколько мѣстъ, опущенныхъ при переводѣ: то или черты бытовыя (таково пѣніе старой рыбачкой псалмовъ,—въ гл. III-й) или ненужныя распространенія, замедляющія движеніе событія. Таковы: въ I-й гл. длинное разсужденіе рыбака, какъ ему было жаль покинуть родной полуостровъ, когда Богъ послалъ имъ дочку; начало обращенія къ читателю въ гл. V-й о томъ, что „быть можетъ радости первой любви—и заблужденіе, которое потомъ доставляетъ тяжкое страданіе"; растянутая рѣчь Ундины (въ той же главѣ), къ рыбаку и его гостю, пріунывшимъ, когда вышло все ихъ вино; слова Ундины же въ VI-й главѣ, гдѣ она, успокоивая священника, говоритъ ему, что и она знаетъ Бога и умѣетъ славить Его, прибавляя: „конечно, всякій дѣлаетъ это по-своему; на то онъ и создалъ насъ". Опущено непонятное обстоятельство, что для вѣнчанія Ундина приноситъ собственныя кольца, не разъясненное нигдѣ въ разсказѣ и мало вяжущееся съ цѣлымъ; опущены и размышленія Гульбранда, когда Ундина открываетъ ему свое происхожденіе въ гл. VIII-й: „хотѣлъ успокоить себя, что прекрасной женой его овладѣла снова шаловливость, что она хочетъ снова поддразнить его различными вымышленными сказками; но какъ ни старался развлечь себя, ни на минуту не вѣрилъ себѣ самъ"; опущены и подробности о служителяхъ, оставшихся на постояломъ дворѣ, пока жилъ рыцарь въ хижинѣ рыбака (гл. X), и разсказъ о томъ, какъ, не дождавшись возвращенія Гульбранда изъ лѣсу, Бертальда безпокоится и уговариваетъ молодежь ѣхать искать его (тамъ же); въ началѣ гл. XII-й выпущены размышленія Гульбранда послѣ того, какъ открылось низкое происхожденіе Бертальды, вызвавшее дурное съ ея стороны чувство,—размышленія о томъ, почему рыцарь задумалъ было покинуть этотъ городъ, столь тяжелый для Ундины. Выпущено и поясненіе автора, что въ словахъ овдовѣвшаго рыбака, при отказѣ принять къ себѣ Бертальду высказавшаго опасеніе за милую Ундину, „Бертальда пропустила мимо ушей эти слова объ Ундинѣ, а о его отказѣ взять ее—запомнила, какъ то дѣлаютъ всѣ въ подобныхъ случаяхъ" (гл. XIII). Ненужная длиннота въ гл. XV, гдѣ послѣ изображенія размолвки изъ-за оставленнаго закрытымъ колодца, согласно желанію Ундины, охранявшей домъ свой отъ проникновенія чрезъ его отверстіе водяныхъ духовъ,— Фуке распространяется о Бертальдѣ. На

...Знаю, что это все я умѣлъ бы,
Добрый читатель, порядкомъ тебѣ разсказать, но позволь мнѣ,
Лучше о томъ позабыть, что́ такъ больно душѣ; испытали
Всѣ мы невѣрность здѣшняго счастья; ты самъ, вѣроятно,
Былъ имъ обманутъ—таковъ ужъ земной человѣческій жребій;
Счастливъ еще, когда, при раздѣлѣ житейскаго, былъ ты
Самъ назначенъ терпѣть, а не мучить; на свѣтѣ семъ доля
Жертвы—блаженнѣй, чѣмъ доля губителя.

...Ундина страдала:
Но и Гульбрандъ и Бертальда не были веселы [1]).

И еще одно родственное душѣ Жуковскаго воззрѣніе, коренной вопросъ его жизни, затронулъ Фуке въ поэмѣ своей.

Послѣ того, какъ Ундина, потерявъ любовь Гульбранда, безвинно навлекла на себя его гнѣвъ, которому и суждено погубить обоихъ, она была взята неумолимыми стихіями, нѣкогда давшими ей жизнь; съ раздирающимъ воплемъ не за себя, за милаго мужа:

Что ты сдѣлалъ! Ахъ, что ты сдѣлалъ! О горе! о горе!... скользнула она въ воду, а Гульбрандъ внѣ себя отъ своей потери позабылъ и Бертальду. Авторъ начинаетъ XVI-ю главу своей повѣсти размышленіемъ: къ сожалѣнію ли или же къ счастію бываетъ то, что горе земное для человѣка не надолго? «Есть, правда», говоритъ онъ,

---

конецъ, исключено замѣчаніе о томъ, что во время приготовленій къ погребенію Гульбранда „Бертальда не переставала бранить Ундину убійцей и колдуньей“ (гл. XIX), вѣроятно, съ цѣлію не нарушать общій тонъ священной тишины, которою въ изображеніи Жуковскаго сопровождается это погребеніе.

[1]) Глава XIII.

„много избранныхъ
Душъ на свѣтѣ, въ которыхъ святая печаль,
какъ свѣча предъ иконой
Ярко горитъ [1]); но она и для нихъ ужъ
Все не та подъ конецъ, какою была при началѣ—
Полная, чистая; много, много инаго, чужаго
Между утратою нашей и нами уже протѣснилось;
Вотъ наконецъ и всю измѣняемость здѣшняго въ самой
Нашей печали мы видимъ...

И заключаетъ:

...„И такъ, скажу: къ сожалѣнью,
Наше горе земное не надолго. Это и рыцарь
Также извѣдалъ—къ худу-ль, къ добру-ль своему, мы
увидимъ“.

Изъ второстепенныхъ лицъ повѣсти Жуковскій нѣсколько дополнилъ личность стараго рыбака. Въ V-й главѣ онъ вставляетъ самостоятельную характеристику его, какъ „мудреца простодушнаго“, человѣка бывалаго, который извѣдавъ тревоги житейскія, зналъ людей. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ былъ ратникомъ и много могъ разсказать на досугѣ и про счастіе, и про несчастіе земное. „Онъ былъ—живая лѣтопись“—заключаетъ поэтъ нашъ,—и „время безъ скуки шло въ разговорахъ межъ старцемъ отжившимъ и юношей, полнымъ пламенной жизни“. Нельзя не замѣтить здѣсь отзвука стараго образа того старца, который въ первой повѣсти Жуковскаго, написанной за тридцать три года („Вадимѣ Новгородскомъ“) неяснымъ очеркомъ мелькнулъ въ фантазіи поэта. И тамъ на берегу шумящаго озера въ хижинѣ, „на скатѣ скалы, заросшей кустарникомъ и глубоко вдавшейся въ пространное озеро“, старецъ, потомъ оказывающійся Гостомысломъ, умудренный жизнію, повѣствуетъ юному „Вадиму“ о прошломъ.

---

[1]) Фуке; „какъ бы священная жертва передъ изображеніемъ“.

Жуковскій смягчилъ характеръ старика Фуке. Упреки его Ундинѣ за ея эгоистическія рѣчи (въ концѣ V-й главы) добродушнѣе.

Фантастическій элементъ повѣсти, олицетворенія водяной стихіи—потоковъ, водопадовъ и т. п. переданы въ переводѣ мастерски. Этотъ дядя Ундины—Струй—съ его измѣнчивымъ неуловимымъ обликомъ, то неотступно слѣдующимъ въ образѣ смиреннаго путника, съ виду похожаго на священника, и вступающаго въ разговоръ во время пути съ героями нашей повѣсти, то—вдругъ выростающаго въ чудовище и приводящаго въ трепетъ Ундину. Когда, на просьбу оставить ее, чтобы мужъ не пугался ея видя съ такою роднею, Струй разсердился и

...сдѣлалъ такую
Страшную харю, и такъ глазами сверкнулъ, что Ундина
Громко вскрикнула; рыцарь выхватилъ мечъ и хотѣлъ имъ
Въ голову Струя ударить, но мечъ по волнамъ водопада
Съ свистомъ хлестнулъ, и въ водѣ какъ будто шипящій
Хохотъ раздался; рыцаря обдало пѣной холодной.

Насмѣшливый шепотъ водопада, переданный въ прозаической повѣсти Фуке звукоподражательными стихами, въ которыхъ слышится то порывистый краткій напоръ волнъ, то длинный разливъ брызговъ, расплескавшихся по прибрежнымъ камнямъ:

Rascher Ritter,
Rüst'ger Ritter,
Ich zürne nicht,
Ich zanke nicht;
Schirm' nur dein reizend Weiblein stets so gut,
Du Ritter rüstig, du rasches Blut!—

въ гексаметрѣ Жуковскаго искусно переданъ введенными въ него риѳмами, напоминающими тѣ риѳмованныя рѣчи, которыми въ дѣтскихъ сказкахъ среди плавной прозы, нѣсколько измѣнившимся голосомъ хорошая сказочница приводитъ въ сладкій трепетъ сердца дѣтей, слушающихъ сказку:

Вотъ что̀ шепталъ водопадъ: ты смѣлый рыцарь, ты бодрый
Рыцарь; я силенъ-могучъ; я быстръ и гремучъ; не сердиты
Волны мои; но люби ты, какъ очи свои, молодую,
Рыцарь, жену, какъ живую люблю я волну.... и волшебный
Шепотъ, какъ ропотъ волны, разлетѣвшейся въ брызги, умолкнулъ [1]).

[1]) Т. е.: Ты смѣлый рыцарь,
Ты бодрый рыцарь;
Я силенъ—могучъ;
Я быстръ и гремучъ;
Не сердиты
Волны мои;
Но люби ты,
Какъ очи свои,
Молодую,
Рыцарь, жену,
Какъ живую
Люблю я волну...
И волшебный
Шепотъ,
Какъ ропотъ
Волны, разлетѣвшейся въ брызги,
Умолкнулъ...

Изданіе „Ундины“ въ 1837 году (Смирдина) украшено рисунками, которыя были по желанію Жуковскаго нарисованы Майделемъ, дерптскимъ знакомцемъ его, на маперъ очерковъ Флаксмана.

XLI.

Путеуказатель.—Путешествіе Государя Наслѣдника Цесаревича по Россіи.—Добрыя дѣла Жуковскаго: декабристы, Кольцовъ, Шевченко.—Поѣздка въ Бѣлевъ.

Зима 1836—1837 года была посвящена Жуковскимъ на составленіе, вмѣстѣ съ преподавателемъ исторіи К. И. Арсеньевымъ, „Путеуказателя“ для путешествія Цесаревича по Россіи.

Путешествіе Наслѣдника входило уже въ планъ, первоначально начертанный Жуковскимъ. Онъ долженъ былъ завершить свое образованіе непосредственнымъ знакомствомъ съ своимъ отечествомъ—какъ съ Европейской Россіей, такъ и съ Сибирью. Путешествіе продолжалось отъ 2 мая до декабря 1837 года.

„Въ Путеуказателѣ изложены всѣ важнѣйшія примѣчательности на пути Его Высочества. Каждый переѣздъ, достопамятныя въ немъ мѣста, любопытное селеніе или городъ, даже частныя лица, сдѣлавшіяся извѣстными по какимъ-либо полезнымъ предпріятіямъ, все уже въ системѣ предварительно мелькавшее воображенію путешественника, ожидало его воззрѣнія и новой мысли“ [1]).

2 мая, изъ Царскаго Села Цесаревичъ выѣхалъ въ свое путешествіе. Его сопровождали Жуковскій, А. А. Кавелинъ и нѣсколько сверстниковъ по воспитанію.

6 мая путешественники были въ Твери, а 10-го въ Ярославлѣ. Дорога отъ Твери до Ярославля была довольно затруднительна. Хотя она и была хорошо исправлена, но дождь, преслѣдовавшій путешественниковъ во многихъ мѣстахъ испортилъ ее. Однообразныя болотистыя равнины, покрытыя сосновымъ и еловымъ лѣсомъ или кустарникомъ—

---

[1]) „Современникъ“ 1838.

около Валдая смѣнились нѣсколькими довольно обширными видами. Наконецъ приближеніе Волги дало себя знать всеобщимъ оживленіемъ. Покинувъ шоссе и поворотивъ на Ярославскую дорогу, пріѣхали они въ Угличъ, гдѣ осмотрѣли соборную церковь временъ Михаила Ѳеодоровича, палату царевича Димитрія и церковь, построенную на крови его. На нихъ пахнуло русскою природою и русскою древностію.

8 мая предсталъ предъ ними Рыбинскъ, эта древняя Рыбная Слобода, оживленная теперь промышленностію и торговлею. Въ Ярославлѣ былъ осмотрѣнъ Демидовскій Лицей, монастыри, фабрики, выставка кожъ, сальныхъ свѣчъ, писчей бумаги и полотенъ, и учрежденія для призрѣнія несчастныхъ. Окруженный тысячью лодокъ, большихъ и малыхъ, катался здѣсь Цесаревичъ по Волгѣ въ виду набережной, сплошь покрытой массами собравшагося народа [1]).

Будучи въ Сибири, Наслѣдникъ Цесаревичъ послалъ свои ходатайства къ Императору за несчастныя жертвы политическаго заблужденія. Жуковскій писалъ о томъ же изъ Златоуста, безъ вѣдома Цесаревича, которому сообщилъ объ этомъ уже послѣ того, какъ отдалъ письмо свое фельдъегерю. Жуковскій выражаетъ глубокое умиленіе передъ этимъ „порывомъ къ милосердію“, какъ, называетъ онъ великодушное движеніе своего Августѣйшаго питомца. „Никто не побуждалъ его къ состраданію“, пишетъ онъ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ [2]): „онъ самъ съ прелестною сыновнею свободою и довѣренностію высказалъ все Государю... Я поцѣловалъ съ жаромъ Великаго Князя, а послѣ мнѣ стало жаль, что я не поцѣловалъ у него руку: ибо я по-

[1]) Письмо къ Императрицѣ Ал. Ѳеод. Соч. Жук. VI. 311. Письма къ ней изъ этого путешествія писаны Жуковскимъ уже порусски.

[2]) Письмо изъ Симбирска. 24 іюня. Соч. Ж. VI, 316.

чувствовалъ живо, что въ эту минуту мое отношеніе къ нему было иное" [1]). „Какое восхищеніе", пишетъ онъ далѣе, „произведетъ во всѣхъ этотъ новый союзъ милосердія между отцомъ, умѣвшимъ въ свое время быть правосудно-строгимъ и грознымъ, и сыномъ, котораго юношескій, умоляющій голосъ такъ легко претворилъ строгость въ помилованіе".

Въ свою очередь и Кавелинъ отъ себя послалъ ходатайство о томъ же. Всѣ трое, не сговариваясь, сдѣлали одно и то же. Легко себѣ представить то общее радостное чувство, съ какимъ на дорогѣ между Буинскомъ и Симбирскомъ, когда Цесаревичу было вручено встрѣтившимся здѣсь фельдъ-егеремъ отвѣтное письмо Императора, выйдя изъ экипажей, посреди дороги, обнялись Августѣйшій воспитанникъ и достойные его наставники.

Умилительно видѣть ту изобрѣтательность, съ которою нѣжное сердце Жуковскаго, описывая въ томъ же письмѣ положеніе каждаго изъ ссыльныхъ, вызываетъ сердце Государыни на новое милосердіе. «Въ Ялотуровскѣ», пишетъ онъ [2]), «находятся поселенцы Муравьевъ- Апостолъ, Черкасовъ и Якушкинъ. Къ несчастію, отставъ на дорогѣ, я пріѣхалъ въ этотъ городъ въ ту минуту, когда Великій Князь выѣзжалъ изъ него, и послѣ горько, горько упрекалъ я себя, что тамъ на минуту не остановился: я пропустилъ случай утѣшить своимъ посѣщеніемъ бѣдныхъ изгнанниковъ, и этотъ случай уже никогда не возвратится. Черкасова я зналъ ребенкомъ; его погубила молодость, но онъ стоитъ въ той же категоріи, въ коей находятся Кривцовъ и Чернышевъ, кои возвращены ихъ семействамъ. Про-

---

1) Ibid. 317.
2) Ibid. 318.

сить этой же милости и ему пріѣзжала его мачиха въ Петербургъ, въ прошедшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ, но болѣзнь гр. Бенкендорфа лишила ее возможности довести просьбу свою до престола. Якушкинъ, болѣе виновный, нежели Черкасовъ, особенно достоинъ замѣчанія по своему характеру. Его прежнее невѣріе обратилось въ глубокую вѣру; онъ сноситъ съ удивительною твердостію свое заслуженное бѣдствіе, и онъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, коимъ несчастіе обращается въ спасительный урокъ и кои возвышаются нравственно признаніемъ вины своей и покорностію Провидѣнію: такіе люди достойны того, чтобы милосердіе подало имъ руку и подняло ихъ изъ той пропасти, въ которую впали они въ минуту заблужденія, ослѣпившаго умъ, но не развратившаго сердца". „Въ Курганѣ", прибавляетъ онъ, „я видѣлъ Нарышкину (дочь нашего храбраго Коновницына), по порученію ея матери: она глубоко меня тронула своею тихостію и благородною простотою въ несчастіи. Но она больна и, можно сказать, таетъ отъ горя по матери, которую хотя разъ еще въ жизни желала бы увидѣть. Тутъ же видѣлъ я Розена, который имѣлъ несчастіе, оступившись, вывихнуть ногу, ходитъ на костыляхъ и могъ бы легко вылѣчиться, но въ Курганѣ для этого нѣтъ никакихъ средствъ; надобно было бы отправиться хотя въ Тобольскъ. Тамъ же я видѣлъ еще Бриггена, Назимова и Лорера. Особенно поразила меня во всѣхъ ихъ смиренная покорность судьбѣ своей и въ то же время признаніе вины своей и той кротости, какая была имъ оказана во всѣ эпохи ихъ изгнанія"... Описавъ всю тяжесть изгнанія, Жуковскій заключаетъ: „И всему этому будетъ изцѣленіемъ одно минутное появленіе царскаго сына, которое освѣтитъ и дальніе края посѣщенной имъ Сибири"!... [1])

[1]) Ibid. 319.

Путешествіе совершалось быстро, Жуковскій неоднократно жалуется на это. „Я не жду отъ него большой жатвы положительныхъ практическихъ свѣдѣній о состояніи Россіи: для этого слишкомъ скоро ѣдемъ... Мы сберемъ конечно очень много фактовъ отдѣльныхъ, и это будетъ имѣть свою пользу; но главная польза ея нравственная... польза глубокаго, неизгладимаго впечатлѣнія". [1]) „Наше путешествіе можно сравнить съ чтеніемъ книги, въ которой теперь Великій Князь прочтетъ одно только оглавленіе", прибавляетъ онъ въ другомъ письмѣ къ ней же. Мимо оконъ дормеза, въ которомъ слѣдовалъ Жуковскій, мелькали унылые пейзажи восточной Россіи. Въ продолженіи мѣсяца отъ Вятки до Казани, черезъ Пермь, Тобольскъ и Оренбургъ сдѣлано было 4500 верстъ; ѣхали день и ночь [2]). На этомъ пути путешественники осмотрѣли лишь нѣсколько заводовъ, но за то полюбовались оренбургскими степями.

Въ дормезѣ съ Жуковскимъ ѣхалъ и юный Вієльгорскій (Іосифъ Михайловичъ), соученикъ Великаго Князя Цесаревича; о немъ мы упоминали въ своемъ мѣстѣ. Въ 1836 году, присутствуя при испытаніи артиллерійскихъ орудій на Волковомъ полѣ въ Петербургѣ, онъ получилъ ударъ осколкомъ въ правое бедро и съ этихъ поръ сталъ чахнуть. Жуковскій дорогою развлекалъ больнаго юношу, приготовивъ ему нарочно тетрадки, для того чтобы онъ по пути отмѣчалъ все, что видитъ справа и слѣва дороги. Не смотря на однообразіе видовъ, съ которымъ самъ Жуковскій по его собственному выраженію „сладить не могъ", графъ не переставалъ дѣлать свои отмѣтки, и составилъ себѣ полный живописный маршрутъ. Памятникомъ путешествія и у Жуковскаго остался цѣлый альбомъ видовъ Россіи.

---

[1]) Письмо къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Соч. Ж. VI, 310.
[2]) Письмо къ гр. Л. Е. Вієльгорской. Соч. Ж. VI, 662.

ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СПРАВОКЪ ЗАНЯТЫХ

Болѣзнь побудила графа остаться въ Казани, и послѣ уже онъ одинъ возвратился въ Царское Село къ родителямъ.

7-го іюля мы видимъ Жуковскаго уже въ Воронежѣ. Кольцовъ, который познакомился съ Жуковскимъ еще ранѣе въ Петербургѣ, былъ очарованъ его привѣтливостію. „Ахъ, любезный Андрей Александровичъ", писалъ Кольцовъ Краевскому, „какъ онъ меня принялъ, что я не нахожу словъ!.. Всего вамъ пересказать имѣю много, много... и все хорошо, прекрасно! Едва ли Ангелъ имѣетъ столько доброты въ душѣ, сколько Василій Андреевичъ: онъ меня удивилъ до безумія... Не только кой-какіе купцы, даже батька не вѣрилъ кой-чему, теперь увѣрились... Ничего, слава Богу!... Словомъ, мнѣ теперь жить и съ горемъ стало теплѣй дюже" [1]).

Въ Воронежѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ посѣтилъ между прочимъ гимназію въ сопровожденіи Жуковскаго и Арсеньева. На нихъ было обращено особенное вниманіе гимназистовъ, пишетъ одинъ изъ бывшихъ въ то время въ числѣ учениковъ III класса этой гимназіи М. Де-Пуле [2]). И не удивительно: здѣсь давно знали обоихъ: одного какъ поэта, другаго какъ автора географическаго учебника. На другой день гимназисты, къ удивленію, были вновь собраны въ гимназіи; дѣло разъяснилось, когда всѣ собрались. Оказалось, что оба бывшіе наставника Цесаревича пожелали быть въ гимназіи вторично, запросто. „Особенно", продолжаетъ М. Де-Пуле, „понравился всѣмъ В. А. Жуковскій (несомнѣнно и устроившій это посѣщеніе),—ученикамъ и учителямъ. Съ послѣдними онъ бесѣдовалъ особенно, и рѣчь его была о Кольцовѣ: онъ говорилъ о его общественномъ положеніи, о его стремленіи къ самообразо-

[1]) Др. и Нов. Росс. 1878.
[2]) Ibid.

ванію и трудностяхъ, соединенныхъ съ этимъ; онъ совѣтовалъ и даже просилъ воронежскихъ педагоговъ, какъ людей просвѣщенныхъ, сблизиться съ поэтомъ-прасоломъ".

Прибытіе Наслѣдника произвело большой переполохъ въ семьѣ Кольцовыхъ, какъ сообщаетъ М. Де-Пуле. Въ самый день пріѣзда является къ Кольцовымъ жандармъ и требуетъ Алексѣя Васильевича къ губернатору. Семья поэта перетрусила. Оказалось, что его просилъ къ себѣ Жуковскій. Цесаревичъ пробылъ въ Воронежѣ сутокъ двое, и Жуковскій свое свободное время проводилъ съ Кольцовымъ; былъ у него въ домѣ, познакомился съ семьей его, пилъ чай. „Весь городъ", прибавляетъ М. Де-Пуле, „видѣлъ, какъ знаменитый поэтъ и воспитатель Наслѣдника просто прогуливался (пѣшкомъ, и въ экипажѣ) по городу вмѣстѣ съ поэтомъ-прасоломъ, гдѣ и надъ чѣмъ они останавливались, гдѣ присаживались для отдыха, какъ напр. на Острожной горѣ, съ которой открывается прекрасная зарѣчная панорама... Удивлялся всему и гимназическій міръ, удивлялся совѣту Жуковскаго, данному Кольцову,—собирать пѣсни и сказки: совѣтъ этотъ назадъ тому сорокъ лѣтъ поражалъ даже образованныхъ людей, по крайней мѣрѣ, провинціальное большинство [1]). М. Де-Пуле считаетъ несомнѣннымъ и представленіе Кольцова Наслѣднику Цесаревичу.

Онъ прибавляетъ также, что до сихъ поръ посѣщеніе Жуковскаго хранится въ памяти родныхъ Кольцова, но уже приняло легендарный характеръ, и приводитъ разсказъ о немъ, записанный со словъ одного изъ нихъ [2]).

И еще одинъ поэтъ, находившійся въ положеніи гораздо

---

[1]) Ibid. 330.
[2]) Ibid. 331.

болѣе тяжкомъ, нежели Кольцовъ, нашелъ не только поддержку, но и свободу, благодаря Жуковскому. Это случилось уже по возвращеніи поэта нашего въ Петербургъ, весною слѣдующаго года.

Тарасъ Шевченко былъ, какъ извѣстно, крѣпостнымъ Кіевскаго помѣщика, обрусѣвшаго нѣмца, и служилъ у него въ казачкахъ. Чувствуя склонность къ живописи, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ срисовывалъ картины, какія находилъ въ господскомъ домѣ, и сопровождая своего помѣщика въ разъѣздахъ, увозилъ тайкомъ съ постоялыхъ дворовъ лубочныя картинки, за что̀ поплатился однажды и розгами. Законтрактованный въ 1832 году своимъ помѣщикомъ къ петербургскому маляру Ширяеву, Шевченко въ свѣтлыя весеннія ночи бѣгалъ въ лѣтній садъ рисовать со статуй и познакомился съ однимъ художникомъ, который въ 1837 году представилъ его конференцъ-секретарю Академіи Художествъ В. И. Григоровичу съ просьбой освободить его отъ жалкой участи. Григоровичъ передалъ просьбу Жуковскому, которому было не въ первый разъ выручать несчастныхъ. Сторговавшись съ помѣщикомъ, онъ попросилъ К. П. Брюллова написать съ себя портретъ, чтобы разыграть его въ частной лотереѣ. Портретъ былъ написанъ и съ помощію гр. М. Ю. Віельгорскаго разыгранъ въ лотерею за 2.500 рублей, на которые и была куплена свобода Шевченка, 22-го апрѣля 1838 года. Онъ началъ посѣщать классы Академіи Художествъ и сдѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ Брюллова, а въ 1844 году удостоился и званія свободнаго художника [1]).

---

[1]) Таковъ разсказъ объ этомъ въ автобіографіи Шевченка. Въ Р. С. 1877. XI. 534, Н Д. Быковъ сообщаетъ объ этомъ портретѣ, что на немъ изображенъ Жуковскій въ коричневомъ сюртукѣ. Сходство его лучше, нежели на многихъ другихъ портретахъ Брюллова. „Какъ

В. А. Жуковскій.

(*Съ портрета К. Брюллова*).

Въ іюлѣ [1]) Жуковскій отпросился изъ Калуги въ Бѣлевъ, гдѣ А. П. Елагина приготовила для его встрѣчи лавровый вѣнокъ, который онъ отклонилъ [2]); заѣхалъ онъ въ Мишенское, гдѣ провелъ нѣсколько дней съ родными. Онъ нашелъ многихъ уже состарѣвшимися. Видѣлъ онъ и Е. А. Протасову, переселившуюся изъ Дерпта въ село Бунино подъ Орломъ, въ имѣніе Мойера. Ее окружали уже не дочери, но три внучки тѣхъ же лѣтъ, какихъ были ихъ матери [3]) въ то время, которое такъ любилъ вспоминать Жуковскій.

Мишенское произвело на него удручающее впечатлѣніе. „Время—большой обжора", писалъ онъ съ дороги послѣ этого посѣщенія родныхъ мѣстъ: „я поглядѣлъ на Мишенское; въ немъ все такъ измѣнилось, такъ все вверхъ дномъ, что я въ другой разъ и заглянуть въ него не захочу. Оно мнѣ дорого прошедшимъ; а слѣдъ этого прошеднаго уничтоженъ, частію временемъ (что̀ грустно, но не обидно), частію рукой человѣческой, что̀ грустно и обидно. Но на старыхъ развалинахъ поселилось новое племя".

поступлено впослѣдствіи съ этимъ портретомъ", прибавляетъ г. Быковъ, „не припомню, только знаю, что прежде, чѣмъ портретъ былъ взятъ изъ мастерской, деньги (по Быкову 5000 руб.) были выданы отъ покойной Императрицы Александры Ѳеодоровны. Прежде взятія портрета гр. М. Ю. Віельгорскій заказалъ мнѣ сдѣлать копію; копія была удачна и хороша; и вотъ, спустя годъ или больше послѣ того, я слышу разыгрывается портретъ В. А. Жуковскаго въ домашнемъ кружкѣ; но былъ ли то оригиналъ или моя копія—того не знаю, и гдѣ эти портреты въ настоящее время тоже нигдѣ не найду.

Прилагаемый нами портретъ есть снимокъ съ портрета кисти Брюллова, находящагося въ извѣстной Московской галлереѣ П. М. Третьякова, любезно предоставившаго намъ право изданія его. Съ него же фотогравюра помѣщена и въ „Альбомѣ Пушкинской выставки."

[1]) Письмо къ Булгакову отъ 10 іюля. Соч. Ж. VI. 551.

[2]) Р. А. 1877. II. 494.

[3]) Письмо къ С. М. Соковнину. Соч. Ж. VI. 546.

Мысль о дорогихъ умершихъ не покидала его. Среди иногда шутливыхъ строкъ его писемъ этого времени часто сквозитъ это горе. Вѣдь не задолго до выѣзда изъ Петербурга онъ потерялъ и Пушкина, съ которымъ сошелся именно въ послѣдніе годы его жизни: ему пришлось присутствовать и краснорѣчиво повѣствовать о смерти великаго поэта, именно въ то время, когда уже изгладилось рѣзкое различіе возрастовъ обоихъ поэтовъ; когда серьезныя ноты чаще и чаще звучали въ произведеніяхъ Пушкина [1]); когда отношеніе учителя къ ученику уступило мѣсто отношеніямъ равнаго къ равному (и не по одной силѣ художественнаго творчества), а наконецъ и отношенію ученика къ учителю по глубинѣ поэтическаго постиженія души человѣка и души народа...

„Сколько недочету въ нашемъ кругу“! вырывается у Жуковскаго въ этомъ же письмѣ, посланномъ изъ Бѣлева.

Переѣзжая изъ города въ городъ въ свитѣ Великаго Князя, и присутствуя при оффиціальныхъ встрѣчахъ и на балахъ, и при восторженной встрѣчѣ Наслѣдника Цесаревича въ Московскомъ Кремлѣ, Жуковскій мысленно переносится то въ Москву, на Пречистенку, [2]) то къ первымъ годамъ своего пребыванія въ Кремлѣ при Государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, къ тѣмъ, „кои тогда были и коихъ теперь уже нѣтъ“ [3]), то на долины и холмы Мишенскаго.

---

[1]) Припомнимъ отзывъ Жуковскаго, напримѣръ, о „Пирѣ во время чумы „Пушкина. Жуковскій считалъ эту пьесу едва ли не выше „Каменнаго гостя“. См. записочку Жук. къ Пушкину. Р. А. 1876. VIII. 453.

[2]) Письмо къ Соковнину отъ 20 іюля. На углу Пречистенки и Дѣвичьяго поля въ первое время своей московской жизни Жуковскій живалъ въ домѣ Соковнина.

[3]) Письмо къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ іюля 24 изъ Москвы. Соч. Ж. VI. 321.

Письма свои къ друзьямъ онъ запечатывалъ въ это время знаменитымъ талисманомъ-перстнемъ Пушкина, снятымъ имъ съ мертвой руки его [1]). Онъ съ нимъ не разлучался, храня какъ драгоцѣнную память о другѣ-поэтѣ. Изъ рукъ же смерти, по собственному его выраженію, досталась ему книга, приготовленная покойнымъ поэтомъ для новыхъ стиховъ, въ которой онъ не успѣлъ однако же написать ни строки. Эту книгу послалъ Жуковскій въ слѣдующемъ году гр. Растопчиной, начавъ ее собственными прозаическими строками.

Письма, которыя писалъ Жуковскій съ дороги Императрицѣ, по большей части носятъ тотъ же характеръ простоты и откровенности, какой мы имѣли случай замѣтить прежде, такъ что даже онъ вызвалъ упрекъ за поспѣшность своихъ писемъ. Тономъ дружеской шутки оправдывается онъ въ своемъ невольномъ проступкѣ. „Мы летимъ", пишетъ онъ, „и я едва успѣваю ловить тѣ предметы, которые мелькаютъ, какъ тѣни, мимо глазъ моихъ... До сихъ поръ единственно свободныя минуты для писемъ были всегда послѣднія минуты нашихъ пребываній въ губернскихъ городахъ, то есть именно такія минуты, въ которыя возвращаешься къ себѣ изломанный всякаго рода усталостями. Къ этимъ тяжелымъ минутамъ надобно присоединить страшилище особеннаго рода, которому имя фельдъ-егерь, которое стоитъ надъ тобою, какъ неумолимая судьба, и кричитъ: пиши скорѣе! И разъ я воспользовался одною изъ такихъ свободныхъ минутъ. Что же вышло?—Такое письмо, котораго и разобрать было невозможно. Кажется, мнѣ, какъ записному автору, должно бы писать на-лету—выходитъ со-

---

[1]) Изображеніе и толкованіе надписи на немъ читатели могутъ найти въ „Альбомѣ Пушкинской выставки", изд. Общ. Люб. Росс. Слов.

всѣмъ напротивъ. Именно тогда-то ничего и не могу написать, когда писать непремѣнно надобно. Чтобы избавить себя отъ жестокой муки, похожей на угрызеніе (хотя, впрочемъ, совѣсть моя чиста совершенно), я рѣшился принести Вашему Величеству мою исповѣдь и объяснить дѣло, какъ оно есть... Великій Князь постоянно пишетъ къ Вашему Величеству, и вы получаете отъ него обо всемъ самыя свѣжія извѣстія. Завидую ему въ этой способности владѣть перомъ во всякое время съ незапутанными мыслями, послѣ величайшей усталости. Завидую—и въ то же время радуюсь. Но у меня голова идетъ кругомъ, и я никакъ не могу приняться за перо въ этой лихорадкѣ, которая имѣетъ злое вліяніе и на самый мой почеркъ. Все это въ то же время доказываетъ, что я устарѣлъ, и что мнѣ трудно тягаться съ крылатою молодежью. По крайней мѣрѣ могу всѣмъ сердцемъ радоваться живымъ полетомъ нашего возмужавшаго орла и, слѣдуя за нимъ глазами и душою въ высоту, кричать ему съ земли: смѣлѣе, впередъ по твоему небу. И дай Богъ силы его молодымъ крыльямъ! Дай Богъ любопытства и зоркости глазамъ его! То небо, по которому онъ теперь мчится, прекрасно, широко, и свѣтло: это наша родная Россія“ [1]).

Жуковскій любовался и народомъ русскимъ. Сообщая свои впечатлѣнія о народныхъ массахъ, всюду спѣшившихъ на встрѣчу Царевичу, онъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что въ этомъ изъявленіи почтенія не видно ни малѣйшаго слѣда раболѣпства. „Напротивъ“, пишетъ онъ [2]), „выражалось какое-то простосердечное чувство, внушенное предками и сохраненное, какъ чистое, святое преданіе, въ потомкахъ.

---

[1]) Соч. Ж. VI. 315.

[2]) Ibid. 312.

Однимъ словомъ, видишь русскій народъ, умный и простодушный, въ его истинномъ, неискаженномъ образѣ".

Такое представленіе русскаго народа вынесъ поэтъ нашъ изъ своего путешествія вдоль и поперекъ обширнаго отечества.

XLII.

Возвращеніе въ Петербургъ.—Юбилей Крылова.—Четвертая поѣздка Жуковскаго за-границу.—„Очерки Швеціи".—Смерть Іосифа Віельгорскаго.

17-го декабря поэтъ нашъ подъѣзжалъ уже къ Петербургу. Въ Тоснѣ, за 50 верстъ отъ столицы, увидѣлъ онъ зарево, а не доѣзжая десяти верстъ до нея, узналъ, что въ столицѣ не благополучно. Горѣлъ Зимній дворецъ. Плетневъ пишетъ, что послѣ пожара, нашедши въ своихъ комнатахъ все въ цѣлости, такъ, что ничего даже съ мѣста не было тронуто, Жуковскій съ трогательнымъ простодушіемъ говорилъ: „мнѣ было какъ-то стыдно" [1]).

Начало 1838 года было ознаменовано важнымъ событіемъ въ литературномъ мірѣ. Въ февралѣ готовился 50-тилѣтній юбилей маститаго баснописца нашего. Задуманный на одномъ изъ пятничныхъ вечеровъ Н. В. Кукольника, юбилей этотъ обсуждался особымъ комитетомъ. Государь, любившій Крылова, пожелалъ при этомъ случаѣ оказать ему свое благоволеніе, пожаловалъ ему орденъ Станислава 2-й степени со звѣздою и разрѣшилъ юбилей. Министръ Народнаго Просвѣщенія назначилъ въ комитетъ для составленія программы торжества между прочими и Жуковскаго. Дѣло обошлось, какъ это всегда бываетъ у насъ, не

[1]) Плетневъ. О ж. и соч. Ж. 101.

безъ пререканій. Гречь, Булгаринъ и Полевой оскорбились, что не были приглашены въ комитетъ ни гр. Вьельгорскій, ни Брюловъ, ни Кукольникъ, ни Гречь. Гречь, получившій отъ Жуковскаго приглашеніе раздавать билеты, даже возвратилъ ихъ Жуковскому при письмѣ, въ которомъ объявилъ, что не только не берется раздавать билеты, но и самъ не пойдетъ на юбилей. Воейковъ напечаталъ объ этомъ въ „Пчелѣ"; Жуковскому пришлось объяснить въ „Инвалидѣ", что билеты къ Гречу были посланы, но онъ самъ отъ нихъ отказался. Тѣмъ не менѣе юбилей прошелъ благополучно; на немъ Жуковскій произнесъ свою рѣчь, въ которой между прочимъ помянулъ теплымъ словомъ о Пушкинѣ [1]).

Къ веснѣ Жуковскій готовился снова въ путь. Онъ назначенъ былъ сопровождать Государя Наслѣдника Цесаревича въ заграничное путешествіе, которымъ должно было окончательно завершиться его образованіе.

Въ Берлинѣ снова пришлось Жуковскому видѣть борьбу юнаго Іосифа Віельгорскаго съ его недугомъ. Несчастный юноша началъ уже харкать кровью. Съ какою-то жадностію, едва оправившись отъ далекаго пути, онъ бросился удовлетворяя своей любознательности, осматривать городъ и слушать лекціи въ университетѣ. Между прочимъ въ одинъ день онъ побывалъ на лекціяхъ Стефенса, Риттера, Савиньи, Ганса, Бека и, кажется, Раумера. Кровохарканіе возобновилось. Рѣшено было, что онъ отправится въ Вевеа виноградное лѣченіе, а оттуда въ Италію [2]).

---

[1]) Др. и Нов. Росс. 1876. I. 194 и д. Гречь пишетъ, что для печати эти слова о Пушкинѣ Жуковскому пришлось отвоевать у Министра Народнаго Просвѣщенія, который вычеркнулъ было ихъ изъ его рѣчи.

[2]) Письмо отъ 27 мая (8 іюня) 1838 г. Л. К. Віельгорской. Соч. Ж. VI. 663.

Изъ Берлина Жуковскій отправился въ Свинемюнде, гдѣ ожидалъ прибытія Великаго Князя. Съ послѣднимъ долженъ былъ прибыть и самъ Государь, который неожиданно рѣшилъ посѣтить Швецію, не оглашая этой поѣздки [1]).

Памятникомъ пребыванія Жуковскаго въ Швеціи остались его „Очерки Швеціи", гдѣ живо изображена эта страна съ ея гранитными обломками, „этимъ нѣмымъ преданіемъ о какомъ-то давнишнемъ боѣ стихій", и озерами, то стѣсненными между крутизнами утесистыхъ береговъ, то разливающимися водною равниной, усыпанною островами.

Но кромѣ природы, страна эта представила путешественникамъ и много слѣдовъ былой жизни. Здѣсь увидѣлъ Жуковскій одинъ изъ тѣхъ замковъ, „о которыхъ такъ много было разсказано его воображенію в о в р е м я о н о". Онъ съ наслажденіемъ замѣчаетъ, что каждый изъ этихъ замковъ имѣетъ особенную репутацію: въ нихъ гнѣздятся привидѣнія. Поэтическая фантазія его особенно разыгралась при посѣщеніи замка Грипсгольма. Уже старинная зала его, въ которой сохранено все такъ, какъ было при Густавѣ Вазѣ, охватила его чувствомъ древности. Но когда сказали, что изъ всѣхъ комнатъ замка та именно, которая отведена была ему для ночлега, особенно предпочитается привидѣніями, то все его окружающее „получило въ глазахъ его какую-то таинственную прелесть". Еще сидя за столомъ, когда взглянулъ онъ на зрителей, расположившихся въ залѣ позади стульевъ, и за ними—на ряды старинныхъ портретовъ,—его воображенію представилось, что съ того свѣта собрались привидѣнія, узнать, что̀ дѣлаетъ на землѣ поколѣніе нашего вѣка. „И что же вижу"?

---

[1]) Ibid.

пишетъ онъ: „Блѣдная фигура съ оловянными глазами, которые тускло свѣтились сквозь очки, надвинутыя на длинный носъ, смотрятъ на меня пристально. Я невольно вздрогнулъ. Фигура тронулась, прошла мимо зрителей такъ тихо и медленно, что, казалось, не шла, а вѣяла, и вдругъ пропала. Кто была эта гостья—не знаю. Но мнѣ пришло въ голову, что это былъ обращикъ того явленія, которое ожидало меня ночью“ [1]).

Описаніе конца этого вечера подъ перомъ поэта нашего мало-по-малу принимаетъ характеръ какой-то баллады въ прозѣ, гдѣ фантастическое, незамѣтно вкрадываясь въ душу читателя и возбуждая въ ней жуткое чувство, усиленное сопоставленіемъ элемента чудеснаго съ изображеніями крайне реальными, незамѣтно переходитъ въ едва уловимый юмористическій тонъ, сообщающій всему очерку невыразимую прелесть.

„Мы разстались“, пишетъ онъ, „и я пришелъ въ свою комнату, довольно приготовленный къ тому, что̀ меня тамъ ожидало. Вотъ ея описаніе: узенькая, недлинная лѣстница винтомъ идетъ въ переднюю, обвѣшанную старинными портретами, съ темною каморкою, гдѣ приготовлена была постеля для моего человѣка. Изъ этой мрачной передней входъ въ круглую спальню съ двумя огромными окнами, идущими отъ потолка до полу. Но эти огромныя окна едва могутъ освѣщать комнату, ибо стѣны ея аршина въ три толщиною—и окна кажутся какъ будто на концѣ корридора. Стѣны этой спальни также обвѣшаны огромными портретами, изъ которыхъ многіе новые, напримѣръ портреты Екатерины II и Императора Павла Петровича. За то другіе кажутся выходцами съ того свѣта. Особенно не понра-

---

[1]) Соч. Ж. VI. 28.

вились мнѣ два женскіе портрета, которые оба показались списанными съ Берлинской Бѣлой Женщины. И всѣ эти портреты смотрятъ на тебя пристально, такъ что никуда нельзя оборотить головы, не встрѣтивъ мертвыхъ, вытаращенныхъ на тебя глазъ. Въ простѣнкѣ зеркало, въ которомъ темно и пусто. На столѣ другое зеркало, въ которомъ такая же темнота и пустота. Противъ зеркала огромная, длинная печь изъ темныхъ кафель, похожая на неподвижнаго великана съ отрубленной головой въ черной мантіи. Противъ оконъ, глубокій темный альковъ съ старинною кроватью—и въ ногахъ этой кровати маленькая потаенная дверь, ведущая Богъ знаетъ куда, ибо, отворивъ ее, увидѣлъ я передъ собою мрачный, длинный, узкій каменный корридоръ со сводомъ, изъ котораго такъ и повѣяло на меня сыростію могилы. Къ довершенію всего, на этой потаенной дверцѣ виситъ портретъ, на который нельзя взглянуть не содрогнувшись: лицо какъ будто какого-то старика—но какія черты его? и видишь ихъ и нѣтъ; за то поражаютъ тебя глаза, въ которыхъ явственны одни только бѣлки, и эти бѣлки будто кружатся и все за тобою слѣдуютъ.

Такова была храмина, приготовленная мнѣ для ночлега. Человѣкъ мой ушелъ, заперся въ своей каморкѣ, и скоро его храпѣніе возвѣстило мнѣ, что онъ погрузился въ глубокій сонъ. Я остался одинъ — и по своему обыкновенію началъ ходить по комнатѣ, куря свою сигару. Чувствительно было, что въ замкѣ все-мало-по-малу засыпало. Нѣсколько разъ слышались голоса—они замолчали. Нѣсколько разъ слышались шаги идущихъ черезъ дворъ или по лѣстницамъ, или двери стучали, затворяясь... Наконецъ все это смолкло; стало совершенно тихо. Я слышалъ одни только собственные шаги свои; со мной ходила моя тѣнь: то являлась пе-

редо мною, то слѣдовала сзади, то вдругъ протягивалась по потолку—и отъ этого въ темномъ зеркалѣ, на которое я иногда косился, замѣтно было какое-то движеніе.

Было уже за полночь. Ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, я подходилъ часто къ окнамъ. Передъ самыми окнами растутъ деревья. Сквозь нихъ видъ на озеро Меларнъ, которое вдали сливается съ горизонтомъ, и отъ этого кажется (особенно въ лѣтнюю полусвѣтлую ночь), что за этими деревьями все оканчивается, и что за́мокъ стоитъ на краю пустаго пространства. И ночь была удивительно тиха. Ни малѣйшаго слѣда волны не было замѣтно на озерѣ. Можно было пересчитать листья, которые всѣ вырѣзывались на туманной бѣлизнѣ воды и неба и были совершенно неподвижны. Не помню, чтобы когда нибудь прежде я имѣлъ такое полное, таинственное чувство тишины, которое въ то же время есть и глубокое чувство жизни. Удивительное молчаніе царствовало повсюду. Все вокругъ меня спало, кромѣ одного только паука, который работалъ въ окнѣ, то тихо опускался по длинной своей паутинкѣ, то быстро прялъ своими ножками, подымаясь вверхъ—и это движеніе безо всякаго шороха только что увеличивало чувство всеобщаго спокойствія.

Такимъ образомъ прогуливался я болѣе часу по своей комнатѣ. Наконецъ надобно было рѣшиться загасить свѣчу и лечь спать. Что же? Я подхожу къ постели... Но мнѣ надобно оставить перо до слѣдующаго письма, въ которомъ доскажу, что̀ случилось со мною въ замкѣ Гринсгольмѣ [1])".

Во время дальнѣйшаго путешествія, Жуковскій два раза съѣхался съ юнымъ страдальцемъ Іосифомъ Віельгорскимъ: въ Эмсѣ, гдѣ Великій Князь воспользовался водами, и по-

---

[1]) Соч. Ж. VI. 28—30.

томъ въ Комо. Несчастный юноша обреченъ былъ на молчаніе. „Ходитъ", пишетъ о немъ Жуковскій, „какъ командоръ, съ книгою на черной лентѣ, висящею у него на шеѣ. Обыкновенный костюмъ его — сюртукъ, и на сюртукѣ шлафрокъ" [1]). То сидѣлъ онъ на жаркомъ солнцѣ, передъ дверями своими, въ саду, въ огромныхъ креслахъ, около которыхъ сдѣланъ былъ родъ кибитки. Подъ этимъ балдахиномъ сидѣлъ онъ съ огромною тетрадью, въ которую вкладывалъ травы съ ярлыками и, по выраженію Жуковскаго, имѣлъ видъ восточнаго волшебника, бѣжавшаго изъ „Тысячи одной ночи". Жуковскій, почти уже потерявшій надежду на его выздоровленіе, пишетъ о немъ его матери, стараясь всѣми чарами своего пера успокоить ее; посылаетъ ей рисунокъ того вида, который разстилался передъ окномъ ея сына. „Обнимаю васъ отъ всего сердца", заключаетъ онъ одно изъ своихъ писемъ къ ней: „не могу сказать вамъ: будьте спокойны; такой совѣтъ будетъ сердцу матери непонятенъ; скажу только: помните, что и онъ, и вы въ рукѣ Божіей. Это одна изъ тѣхъ lieux communs, которыя становятся въ нѣкоторыя минуты жизни великими истинами, имѣющими характеръ новости и неожиданности. Простите, милая" [2]).

И вотъ, еще одна смерть обратила мысли Жуковскаго къ роковымъ вопросамъ, задаваемымъ жизни. „Указываютъ люди", пишетъ онъ, нѣсколько времени спустя, отцу покойнаго юноши гр. М. Ю. Віельгорскому, „на время, какъ на утѣшителя. И я на него указываю, но не какъ на утѣшителя. Нѣтъ! Имя его выше. Время—просвѣтитель сердца. Оно ничего не изглаживаетъ изъ его памяти. И такого рода утѣшеніе (доступное мелкимъ душамъ) было

[1]) Письмо изъ Комо 8 (20) окт. 1838. Соч. Ж. VI. 664.
[2]) Ibid.

бы страшнымъ утѣшеніемъ. Нѣтъ! Оно дѣлаетъ только сердце внимательнымъ къ тому голосу, Божьему голосу, который въ немъ глубоко таится и въ первую минуту бываетъ заглушенъ крикомъ бѣды, на него напавшей"... „Какъ часто мы здѣсь бываемъ розно съ своими! Девять десятыхъ жизни не проходятъ ли въ разлукѣ съ ними? Почему же не плачемъ мы о тѣхъ, которые уходятъ въ другую горницу и затворяютъ за собою двери? Знаемъ ли, что̀ они въ эту минуту, въ которую мы ихъ не видимъ? И что̀ можетъ въ каждое мгновеніе съ ними случиться? Мысль, что мы вольны, какъ скоро захочемъ, быть съ ними вмѣстѣ, уничтожаетъ всѣ страхи этихъ безпрестанныхъ разставаній, и мы ихъ не называемъ ихъ именемъ: дверь отворится, и мы опять съ ними. Зная это, мы не боимся того, что̀ однако всякую минуту можетъ случиться за этою дверью безъ нашего вѣдома. А теперь что̀? Дверь затворилась навсегда; но за то уже ничто за нею ужасное для насъ не случится. Наши глаза его не увидятъ. Но за то гдѣ онъ! А то мѣсто, гдѣ онъ можетъ быть, онъ, чистый ангелъ, не взявшій съ собою ни одного темнаго воспоминанія объ этой жизни?... Все это, какъ мысль, выраженная словами, конечно не поможетъ душѣ, недавно вытерпѣвшей операцію, оторвавшую отъ нея лучшую ея часть. Но конвульсіи болѣзни пройдутъ; и то, что̀ теперь одно неслышное слово, сдѣлается чувствомъ, любовію, прибѣжищемъ души. И тогда ничто не перемѣнится: дверь останется затворенною, какъ теперь; но за нею будетъ и видно, и слышно, и вмѣсто этихъ темныхъ створовъ, которые кажутся теперь тюремными створами, будетъ въ нихъ стоять утѣшительный Ангелъ, сторожъ нашего края" [1]).

---

[1]) Соч. Ж. VI. 667.

XLIII.

Свиданіе Жуковскаго съ Гоголемъ въ Римѣ и съ Тютчевымъ въ Генуѣ.—„Камоэнсъ".

Наканунѣ новаго, 1839 года, Гоголь изъ Рима сообщаетъ А. С. Данилевскому, что туда пріѣхалъ Жуковскій. „Онъ все такъ же добръ, такъ же любитъ меня. Свиданіе наше было трогательно".

Они сошлись еще въ Петербургѣ въ 1831 году когда въ тѣ счастливые мѣсяцы Пушкинской жизни, которые мы назвали медовыми, Гоголь, уже авторъ своего „поросенка" (какъ онъ называлъ „Вечера на Хуторѣ") жилъ все лѣто въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ. „Почти каждый вечеръ собирались мы, Жуковскій, Пушкинъ и я", пишетъ Гоголь... „Онъ въ восторгѣ отъ той перемѣны, которая тогда замѣчалась въ Жуковскомъ. „У Жуковскаго тоже русскія народныя сказки", пишетъ онъ, „однѣ эксаметрами, другія просто четырехстопными стихами, и чудное дѣло! Жуковскаго узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэтъ, и уже чисто русскій; ничего германскаго и прежняго. А какая бездна балладъ!" [1]). Когда Гоголь былъ профессоромъ исторіи въ тамошнемъ университетѣ, вмѣстѣ съ Пушкинымъ посѣтилъ Жуковскій однажды его блестящую лекцію объ Аравитянахъ, которую онъ приготовилъ какъ поэтическое угощеніе знаменитымъ посѣтителямъ [2]). Съ нимъ же дѣлится онъ радостію, получивъ первый листъ русскаго перевода малороссійскихъ пѣсенъ, сдѣланнаго Максимовичемъ [3]).

При встрѣчѣ поэтовъ въ Римѣ уже не было съ ними то-

---

[1]) Зап. о жизни и соч. Н. В. Гоголя. I. 109.

[2]) Воспоминанія Иваницкаго въ Зап. о жизни Н. В. Гоголя. I. 105.

[3]) Зап. о ж. Н. В. Гог. I. 137.

го третьяго поэта, который служилъ посредствующимъ звеномъ между обоими, но образъ его не переставалъ возникать въ ихъ памяти. „Онъ весь полонъ Пушкинымъ“, пишетъ Гоголь въ указанномъ выше письмѣ Данилевскому.

Жуковскій здѣсь особенно сошелся съ Гоголемъ. Они ѣздили вмѣстѣ по вѣчному городу, въ который, по выраженію Гоголя, „Жуковскій влюбился весь“ [1]). Оба друга рисовали на лету лучшіе виды Рима. Гоголь удивлялся проворству, съ какимъ Жуковскій дѣлалъ это. „Онъ въ одну минуту рисуетъ ихъ по десяткамъ, и чрезвычайно вѣрно и хорошо“, замѣчаетъ Гоголь [2]).

Но не долго пришлось Жуковскому пробыть здѣсь. Съ небольшимъ мѣсяцъ его здѣсь пребыванія пролетѣлъ незамѣтно. Пусто сдѣлалось Гоголю по его отъѣздѣ. „Это былъ какой-то небесный посланникъ ко мнѣ“, пишетъ Гоголь, „какъ тотъ мотылекъ, имъ описанный, влетѣвшій къ узнику“ [3]).

Какъ Гоголь относился къ Жуковскому, можетъ служить одинъ случай, разсказанный біографомъ перваго [4]). Мы видимъ здѣсь, что Гоголь является „такимъ же баловнемъ маститаго поэта, какимъ былъ въ свое время и Пушкинъ“: „Когда Жуковскій уже жилъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ, Гоголь прогостилъ у него довольно долго. Однажды Гоголь пришелъ въ кабинетъ Жуковскаго и, разговаривая съ своимъ другомъ, обратилъ вниманіе на карманные часы съ золотой цѣпочкой, висѣвшіе на стѣнѣ. — Чьи это часы? спросилъ онъ. — Мои, отвѣчалъ Жуковскій. — Ахъ, часы

---

[1]) Ibid. Стр. 248.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid. I. 231.

Жуковскаго! никогда съ ними не разстанусь! Съ этими словами Гоголь надѣлъ цѣпочку на шею, положилъ часы въ карманъ, и Жуковскій, восхищаясь его проказливостью, долженъ былъ отказаться отъ своей собственности".

Въ Генуѣ [1]) Жуковскій видѣлся съ Тютчевымъ. Будучи старшимъ секретаремъ посольства въ Туринѣ и исправляя должность повѣреннаго въ дѣлахъ за отсутствіемъ посланника, Тютчевъ позволилъ себѣ поэтическую вольность: заперъ дверь посольства и самовольно отлучился изъ Турина въ Швейцарію, за что̀ и поплатился отставкою и лишеніемъ камергерскаго званія [2]). Жуковскому полюбился Тютчевъ. Онъ зналъ его еще ребенкомъ, а теперь полюбилъ созрѣвшимъ человѣкомъ. Онъ называетъ его человѣкомъ „необыкновенно геніальнымъ и весьма добродушнымъ, ему по сердцу".

Кажется, сама судьба назначила поэту нашему при всѣхъ встрѣчахъ наталкиваться на опустошенія, производимыя смертію. Такъ и съ Тютчевымъ онъ встрѣчается именно въ ту пору, когда тотъ потерялъ жену свою. „Судьба, кажется, и съ нимъ не очень ласкова", грустно замѣчаетъ Жуковскій въ письмѣ своемъ къ Н. Н. Шереметевой. Отвѣчая ей здѣсь на поздравленіе его со днемъ рожденія, онъ прибавляетъ: „День рожденія въ мои лѣта болѣе напоминаетъ о смерти, чѣмъ о жизни. Старость не радость! А она ужъ начинаетъ мнѣ глядѣть въ глаза; я же морщусь и отвѣрачиваюсь, и это не помогаетъ, остаются однѣ только морщины [3])".

Жуковскому минуло уже 56 лѣтъ. Болѣе полувѣка сохранялъ онъ ту броню оптимизма, которая сберегла его чи-

[1]) Соч. Ж. VI. 502. Письмо къ Н. Н. Шереметевой.
[2]) И. С. Аксаковъ. Ѳ. И. Тютчевъ. Стр. 32.
[3]) Соч. Ж. VI. 502.

стую душу посреди всѣхъ испытаній жизни. Онъ вынесъ изъ самыхъ страданій цѣлительное чувство, проникающее произведенія всей его жизни.

.... Я былъ поэтъ вполнѣ.
Неправедно роптал я на страданье;
Мнѣ въ душу Богъ вложилъ его—онъ правъ;
Страданіемъ душа поэта зрѣетъ,
Страданіе—святая благодать!...
И здѣсь любилъ я истину святую,
И голосъ мой былъ голосомъ ея;
И не развѣется, какъ прахъ ничтожный,
Жизнь вдохновенная моя; безсмертны
Мои мечты; ихъ сѣмена живыя
Не пропадутъ на жатвѣ поколѣній;
Предъ Господа могу предстать я смѣло [1])».

Такими словами вышедшей во время его путешествія по Италіи новой драматической поэмы „Камоэнсъ" онъ выразилъ то, что̀ и имѣлъ бо̀льшее право выразить, нежели 33-хъ-лѣтній Мюнхъ-Беллингаузенъ, авторъ этой поэмы, скрывавшійся подъ вымышленнымъ именемъ Гальма. Зейдлицъ свидѣтельствуетъ, что Жуковскій велъ переводъ этой піесы, за который принялся немедленно по его полученіи, поспѣшно, „какъ знаменіе собственнаго memento mori" [2]) Портретъ, снятый съ него въ это время въ Венеціи и присланный Зейдлицу, по свидѣтельству послѣдняго, „представляетъ его въ скорбномъ раздумьи сидящимъ у письменнаго стола своего. Онъ подписалъ подъ этимъ портретомъ слова умирающаго Камоэнса:

Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли [3]).

Въ этой поэмѣ сопоставленъ поэтъ отживающій—съ юнымъ, начинающимъ поэтическое творчество Васко. Такое рас-

---

[1]) Камоэнсъ. Соч. Ж. III. 269.
[2]) Ж. М. Н. П. V. 120.
[3]) Ibid.

предѣленіе чувствъ между обоими представителями искусства какъ нельзя болѣе пришлось по душѣ Жуковскому: онъ носилъ въ себѣ и то грустное бремя жизни перваго, о которомъ упоминаетъ Зейдлицъ, и сохранялъ въ душѣ тотъ вѣчно-юный пламень втораго, пламень, который еще много лѣтъ сохранилъ поэта нашего и для жизни, и для поэзіи.

Камоэнсъ при концѣ своей жизни полонъ воспоминаній прошлаго. Старый школьный его товарищъ Кеведо, живой контрастъ съ умирающимъ поэтомъ, отыскавшій его въ лиссабонскомъ госпиталѣ, приходитъ къ Камоэнсу уговорить его образумить его сына, который „совсѣмъ рехнулся". Старый процентщикъ такъ характеризуетъ своего сына, юнаго Васко:

Горе
Мнѣ съ нимъ великое; не знаю самъ,
Что̀ дѣлать; съ отвращеньемъ смотритъ онъ
На наше ремесло, и не проценты
Считаетъ—стопы, да стихи плететъ,
Да о вѣнкахъ лавровыхъ безпрестанно
И сонный и не сонный бредитъ...

Камоэнсъ благодушно протягиваетъ руку этому свидѣтелю его милаго дѣтства:

Дай руку мнѣ! ты знаешь, мы съ тобою
Въ то время не были друзьями; ты
Казался... но быть можетъ не таковъ ты,
Какимъ тогда казался намъ... Ну дай же
Мнѣ руку: въ дѣтствѣ ты со мной игралъ,
Со мной дѣлилъ веселье, а теперь
Туманный вечеръ мой ты освѣтилъ
Воспоминаніемъ прекрасной нашей
Зари...

Не подозрѣвая умысла стараго товарища, поэтъ описываетъ ему жизнь свою, тѣ дни, когда впервые плѣнила его

поэзія, и время, когда судьба привела его въ Лиссабонъ къ блестящему Двору. Въ словахъ Камоэнса слышится искреннее слово Жуковскаго о своей придворной жизни.

Увидѣлъ онъ Лиссабонъ, увидѣлъ блестящій Дворъ и короля во славѣ державнаго могущества, и пышность

Его вельможъ... Но я на это робко
Смотрѣлъ издалека и, ослѣпленный
Блистательной картиною, за призракъ
Ее считалъ

говоритъ онъ.

„Обвитый розами скелетъ!“ невольно приходитъ на мысль при чтеніи этихъ стиховъ поэмы.

При воспоминаніи о пережитыхъ потеряхъ снова личное чувство Жуковскаго нашло поводъ излиться въ стихахъ, на этотъ разъ самостоятельныхъ, которые, какъ горячая слеза на страницѣ дневника собственной жизни, запечатлѣли пережитое имъ въ послѣднее время:

Всѣхъ я схоронилъ;
Все, что̀ любилъ я, что̀ меня любило,
Давно во гробѣ... Я стою одинъ
Передъ своей могилою, одинъ!...
И не протянетъ мнѣ никто руки,
Чтобы помочь въ нее сойти; свалюся
Туда, какъ чумный трупъ, рукой наемной
Толкнутый въ общій гробъ.

Повѣствованіе Камоэнса о любви къ знатной дѣвушкѣ, которую удалили въ монастырь, заключается словами:

О, блаженъ, блаженъ,
Кому любви досталася награда!...
Мнѣ не была назначена она.
Насъ разлучили...
... Я
Былъ увлеченъ потокомъ жизни; въ бурѣ
Войны хотѣлъ я рыцарски погибнуть...
И смерть мнѣ не далась.

И вотъ онъ приступаетъ наконецъ къ повѣствованію о томъ великомъ часѣ, который его всего пересоздалъ. То было явленіе поэзіи. Какъ не узнать здѣсь того пониманія ея, которое сложилось и у нашего поэта еще тогда, когда онъ размышлялъ о ней, сидя въ Дрезденѣ передъ Сикстинской Мадонной:

И вдругъ—сказать не знаю—подошло,
Иль нѣтъ, не подошло, а подлетѣло,
Иль нѣтъ, какъ будто Божіе съ небесъ
Дыханье свѣяло—свѣжо какъ утро,
И пламенно, какъ солнце, и отрадно
Какъ слезы, и разительно какъ громъ,
И увлекательно какъ звуки арфы—
. . . .
И унесенъ я былъ неодолимымъ
Могуществомъ далеко въ высоту.
. . . .
Моя душа на крыльяхъ пѣснопѣнья
Взлетѣла къ Богу, и нашла у Бога
Утѣху, свѣтъ, терпѣнье и замѣну.

Послѣ разсказа о путешествіи въ Индію вмѣстѣ съ Васко-де-Гамою, вдохновившемъ Камоэнса при созданіи его Лузіады, на вопросъ Квеведо:

А много ль принесла тебѣ она?
— „Мнѣ принесла
Гоненіе и ненависть она“,

отвѣчаетъ Камоэнсъ:

„Великихъ предковъ я ничтожнымъ внукамъ
Осмѣлился поставить въ образецъ,
Я карламъ указалъ на великановъ—
И правда мнѣ въ погибель обратилась“.

И вотъ ждетъ несчастный конца своего на нищенской постели лазарета.

Квеведо, не забывая цѣли своего прихода, проситъ вели-

каго поэта переселиться къ нему въ домъ и избавить его сына отъ увлеченія „проклятыми пергаментами“ и поэзіей.

Накипѣвшая у Камоэнса горечь, въ первомъ порывѣ растравленнаго воспоминаніями чувства обиды, неожиданно совпадаетъ съ проклятіями стараго ростовщика. Перебраться въ домъ его онъ отказывается, но предохранить юнаго „безумца“ отъ ядовитой страсти обѣщается:

Такъ,
Пускай меня увидитъ онъ! Пришли
Его сюда; я вылѣчу его
Отъ гибельной мечты. Слѣпецъ! безумецъ!

Въ послѣдней сценѣ сходятся оба поэта. Сцена искушенія юнаго Васко — голосъ человѣка, признающаго лишь одно великое на поприщѣ, которому отдалъ всю жизнь. Говоря о любви юнаго Васко къ поэзіи, онъ внушаетъ ему, что

Любовь еще не сила; постигать
Не есть еще творить; а увлекаться
Стремленіемъ къ великому—еще
Не есть—великаго достигнуть.

На вдохновенную рѣчь юноши о томъ, какъ и въ немъ загорѣлась поэзія, зажженная великой Лузіадой, и что власть, влекущая его, неодолима,—старый поэтъ почувствовалъ эту власть—и, приподнимаясь на постели своей, съ изумленіемъ и участіемъ произноситъ:

Свидѣтель Богъ! твои глаза блестятъ
Какъ у поэта...

Но слишкомъ онъ близокъ уже къ предѣламъ жизни, въ которой вынесъ столько незаслуженныхъ страданій—и снова вырывается у него совѣтъ: не мѣнять „тропы смиренной“ на путь славы.

Тогда юноша открываетъ ему ту тайну, которая, какъ исповѣдь самого Жуковскаго, въ одушевленныхъ стихахъ выражаетъ всю цѣну поэзіи, какъ теперь онъ понималъ ее:

Быть хочу крыломъ могучимъ,
Подъемлющимъ родныя мнѣ сердца
На высоту; зарей, побѣду дня
Предвозвѣщающей; великихъ думъ
Воспламенителемъ; глаголомъ правды;
Лѣкарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ,
И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
Которою предъ нами горній міръ
Задернутъ, чтобъ порой для смертныхъ глазъ
Ее приподымать и святость жизни
Являть во всей ея красѣ небесной—
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!

Однако старецъ не перестаетъ искушать Васко. „Глухонѣмыхъ плѣнять гармоніей!“ горько замѣчаетъ онъ на его одушевленное слово. Но рѣшеніе юноши безповоротно.

О Камоэнсъ! Поэзіи небесной
Религія сестра земная...
. . . .
И пусть разрушено земное счастье,
Обмануты ласкавшія надежды,
И чистыя обруганы мечты...
Объ нихъ ли сѣтовать?

Затрепетало сердце стараго поэта, почуявшаго въ этихъ словахъ голосъ истиннаго рѣшенія. Слаба его послѣдняя попытка разувѣрить Васко. Услыхавъ, что по его глубокому убѣжденію „прекраснѣй лавра тернъ мученика,“ онъ сознаетъ наконецъ, что предъ нимъ истинный поэтъ, — и посылаетъ его съ Богомъ на битву!

И такова сила этого юнаго голоса, освятившаго послѣднія мгновенія страдальца, что онъ самъ изцѣляется отъ осадка горечи, окоптившаго его сердце—и въ порывѣ не-

сказанно-свѣтлаго чувства онъ умираетъ, произнося ясныя и радостныя слова:

Опять зажглась
Моя звѣзда, мой путеводецъ милый!..

Видѣніе поэзіи въ образѣ молодой дѣвы, увѣнчанной лаврами съ сіяющимъ крестомъ на груди — представшее умирающему—символъ той поэзіи, въ которой онъ узнаетъ и первую любовь свою:

О, ты ль? Тебя ль часъ смертный мнѣ отдалъ,
Моя любовь, мой свѣтлый идеалъ?

и поэзію:

Такъ, ты поэзія; тебя я узнаю;
У гроба я постигъ твое знаменованье.

и религію:

Мой сынъ, мой сынъ; будь твердъ, душою не дремли!
Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли!

Весь этотъ конецъ поэмы принадлежитъ самому Жуковскому. Въ оригиналѣ въ видѣніи является геній Португаліи. Какъ неразрывно связана идея изобрѣтеннаго нашимъ поэтомъ окончанія съ образами прошлаго, ясно каждому, какъ скоонъ припомнитъ замѣтки, начертанныя Жуковскимъ въ черновой рукописи вслѣдъ за стихотвореніемъ „Лалла-Рукъ". [1]) Самое видѣніе Камоэнса не то же ли „Привидѣніе" и „Таинственный посѣтитель", которые ознаменовали поэтическое усвоеніе Жуковскимъ сущности романтизма?

---

[1]) См. гл. XXI.

XLIV.

Вторая жизнь Жуковскаго.—Его письмо о бракѣ.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что поэтъ нашъ началъ какъ бы вновь переживать чувства прошлаго. Египтянинъ „Поликратова перстня“ явился репликой Кассандры; чувство, связывавшее его съ дорогими умершими, въ „Жалобѣ Цереры“ повторили юношескія мечтанія о мірѣ иномъ; „Ленора“ явилась новою жертвою своего забвенія объ иномъ мірѣ; въ драматической поэмѣ Гальма свелъ онъ къ одру умирающаго поэта „Привидѣніе“ въ чистомъ бѣломъ покрывалѣ, въ которомъ невѣдомая посланница небесъ прежде „какъ призракъ изчезала“:

То, перстъ къ устамъ, и голову склонивши,
Огнемъ задумчивыхъ очей
Задумчивость на сердце наводила...
Вдругъ покрывало подняла,
Трикраты имъ куда-то поманила
И скрылася... какъ не была. [1])

А вотъ, близъ Виндзора, на кладбищѣ, вдохновившемъ нѣкогда Грэя, вновь прозвучала первая его элегія—„Сельское кладбище“ уже во всей безъискусственной прелести стиховъ подлинника“ [2]).

Едва воротился Жуковскій въ Россію, какъ ему пришлось пережить и еще одно изъ былыхъ поэтическихъ впечатлѣній. „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“ зашевелился въ его груди и явился „Бородинской годовщиной“. Въ письмѣ къ Е. И.В. Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ, послѣ праздника въ память двадцатипятилѣтія славной бит-

---

1) Ibid.
2) Плетневъ. О ж. и с. Ж. 103.

вы, онъ самъ свидѣтельствуетъ объ этомъ: „Вечеръ этого дня провелъ я въ лагерѣ. Тамъ сказали мнѣ, что наканунѣ въ арміи многіе повторяли моего «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ», пѣсню современную Бородинской битвѣ: признаюсь, это меня тронуло до глубины сердца... Новое поколѣніе повторило давнишнюю пѣсню мою на гробѣ минувшаго... Возвратясь изъ лагеря, я въ тотъ же вечеръ написалъ половину моей новой Бородинской пѣсни, а на другой день, на переѣздѣ изъ Бородина въ Москву, кончилъ ее... Итакъ привелъ Богъ, по прошествіи четверти вѣка, на томъ же мѣстѣ, гдѣ въ молодости душа испытала высокое чувство, повторить то же, что̀ въ ней было тогда, но уже не въ тѣхъ обстоятельствахъ.

Окончено было дѣло, къ которому судьба призвала поэта нашего, поручая ему Наслѣдника русскаго престола—и что̀ повторилось въ поэзіи этими новыми отголосками былыхъ пѣсенъ, тому суждено было повториться и въ жизни, какъ бы доводя до конца нѣкогда сказанное поэтомъ слово:

Жизнь и поэзія одно.

Это обстоятельство въ жизни Жуковскаго, которое породило разнообразныя догадки, по нашему мнѣнію, есть въ высшей степени любопытное психологическое явленіе, къ которому слѣдуетъ по меньшей мѣрѣ отнестись съ полнымъ вниманіемъ. Не есть ли это вполнѣ естественное слѣдствіе той отрѣшенности отъ дѣйствительности, того переживанія жизни въ области мечты,—слѣд. всего, что̀ досталось на долю Жуковскаго и отъ его воспитанія и другихъ обстоятельствъ жизни, и отъ той безконечной искренности, съ которою онъ въ лицѣ своемъ воплотилъ идею романтика въ томъ смыслѣ, какой нами указанъ былъ въ своемъ мѣстѣ? И въ самомъ дѣлѣ, то, что̀ было игрою фантазіи для

другихъ, подъ часъ поэтическимъ и даже реторическимъ украшеніемъ жизненнаго ихъ досуга,—онъ, со всею неподдѣльною простодушною довѣрчивостію, принявъ за чистую монету всечеловѣческой культуры, съ неумолимою послѣдовательностію какъ бы стихійной силы осуществилъ всецѣло въ своихъ мысляхъ, чувствахъ, желаніяхъ и наконецъ поступкахъ.

Могъ ли состарѣться человѣкъ, прожившій такою жизнію хотя бы и 57 лѣтъ?

Сохранивъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова „младенчески-нѣжную душу" и цѣломудріе юноши, не начинавшаго жить, чуждый и жажды той жизни, которая, пустивъ корни въ почву, насыщается ея соками; въ самыхъ отправленіяхъ духа своего—поэзіи и мысли—поразительно сторонившійся отъ всѣхъ зазывающихъ явленій чувственнаго міра,—этотъ „зритель жизни", создавшій себѣ свою жизнь, долженъ былъ долго и много пережить этою жизнію, чтобы почувствовать неудовлетворенность ею. Такъ и было съ Жуковскимъ. Поэзія его, вѣрный указатель жизни, начала повторяться: шевельнулось въ немъ и исканіе иныхъ условій внѣшняго существованія.

Нуженъ былъ переворотъ для юнаго его духа. До тѣхъ поръ относившійся къ браку лишь юмористически [1]), онъ заговорилъ о немъ теперь серьезно.

Дабы быть вполнѣ правдивыми и не подать какимъ либо невольнымъ личнымъ освѣщеніемъ односторонняго толко-

---

[1]) См. напр. письмо къ Булгакову отъ 10 іюля 1837 г.: „Поздравляю тебя дѣдушкой, я не только не дѣдушка, но еще и не батюшка. Припаси мнѣ невѣсту, хорошенькую, умненькую, добренькую, вдовушку лѣтъ въ 30, съ милліономъ приданаго и болѣе. Очень одолжишь, но не присылай ее по почтѣ, а оставь у себя до моего пріѣзда; только смотри не прятай ее, а сдай мнѣ въ цѣлости. (Соч. Ж. VI. 551).

ванія, изложимъ этотъ фактъ словами самого поэта. Это тѣмъ болѣе возможно, что мы имѣемъ письмо Жуковскаго къ лицамъ, которыя изъ всѣхъ его присныхъ, еще остававшихся въ живыхъ, были теперь самыми близкими его сердцу въ цѣломъ мірѣ. Жуковскій, и всегда искренній, говоритъ здѣсь безусловно искренно.

Письмо это писано тогда, когда императорскій дворъ, въ маѣ 1840 года, по случаю кончины Фридриха Вильгельма III находился въ Берлинѣ, а Жуковскій отъѣхалъ въ Дюссельдорфъ къ своему старому знакомцу Рейтерну. Оно писано отсюда въ теченіи двадцати пяти дней (отъ 10 августа по 5 сентября 1840 г.) въ Муратово и адрессовано къ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ Протасовой и ко всѣмъ роднымъ. Приводимъ его здѣсь почти цѣликомъ, съ самыми незначительными пропусками [1]):

„Въ 1816 году, когда мы были въ Дерптѣ, являлся тамъ на минуту молодой человѣкъ, красавецъ, съ отстрѣленной рукою:—это былъ гусаръ Рейтернъ; я съ нимъ тогда не познакомился; онъ видѣлъ меня только разъ (какъ онъ мнѣ самъ теперь разсказываетъ) на балѣ у m-me Berg и помнитъ, что я ему тогда показался очень мраченъ: у меня же онъ остался въ памяти только по Рейнскимъ видамъ, прекрасно нарисованнымъ перомъ, которые видѣлъ я у графини Юліи Мантейфель. Ровно черезъ 10 лѣтъ, въ 1826 году, въ Эмсѣ, гдѣ я медленно воскресалъ отъ смертельной болѣзни, въ одно утро я встрѣтился во второй разъ съ моимъ Дерптскимъ безрукимъ красавцемъ, но онъ въ эту минуту былъ изнуренъ болѣзнію; и горе, и забота о будущемъ своемъ и семьи своей бременили его; онъ тогда потерялъ въ Императорѣ Александрѣ и Императрицѣ Елизаветѣ Але-

[1]) Напечатано въ „Русской Бесѣдѣ“ 1859. III. 17 и д.

ксѣевнѣ своихъ благотворителей и всѣ свои подпоры на свѣтѣ. Эта встрѣча была первая минута долголѣтней дружбы. Мы покинули Эмсъ въ одно время, проведши тамъ вмѣстѣ около шести недѣль; я отправился въ Дрезденъ, гдѣ и поселился на зиму; мой Безрукій отправился къ своей семьѣ, жившей въ замкѣ Виллингсгаузенъ, во владѣніи Гессенъ Кассельскомъ. На другой годъ та же причина свела насъ опять въ Эмсѣ... Мы отправились вмѣстѣ изъ Эмса; онъ проводилъ меня до Веймара, гдѣ вмѣстѣ мы видѣли Гёте.—Помню, что когда мнѣ надобно было сѣсть въ свой дормезъ и ѣхать въ одну сторону, а ему идти въ другую, крупная слеза, какъ бриллiантъ, выкатилась изъ его глазъ и упала на мою руку. Тогда проѣхалъ я черезъ Берлинъ, гдѣ встрѣтилъ нашего отлетавшаго ангела Сашу; съ нею разстался я на мосту Постдамскомъ; долго смотрѣлъ за нею вслѣдъ, и когда она изчезла на поворотѣ, то было это на вѣки. Въ эту минуту, оба мои прежніе ангела перестали существовать для меня въ этой жизни. Жизнь какъ будто бы получила другое направленіе, между прошедшимъ и будущимъ опустился занавѣсъ: я этого не видалъ тогда, но оно уже и тогда такъ было...

По возвращеніи въ Россію, я не переставалъ быть въ перепискѣ съ моимъ Безрукимъ; хотя и съ нимъ моя эпистолярная лѣнь была въ той же силѣ, какъ и со всѣми ближайшими друзьями моими,—но наша связь сохранилась и осталась не тронута ни временемъ, ни отдаленіемъ. Богъ помогъ мнѣ быть для него орудіемъ земнаго блага; надежда наша на Государя и на Императрицу насъ не обманула; его обстоятельства, послѣ многихъ затруднительныхъ усилій, устроились прочнымъ образомъ. Въ 1830 году, онъ былъ въ Петербургѣ для свиданія со мною, и это свиданіе было ему въ пользу. Надобно

было случиться, или лучше сказать, назначено было Провидѣніемъ, чтобы я опять покинулъ Россію, такъ же приговоренный къ смерти, какъ и въ первый разъ (въ 1832-мъ году, въ іюнѣ). Я опять очутился на берегу Рейна, но мнѣ уже назначили не Эмскія воды, а скучный Вейльбахъ гдѣ я, въ совершенномъ одиночествѣ, долженъ былъ провести 6 недѣль, утѣшая себя питьемъ вонючей, сѣрной воды Вейльбахской; Рейтернъ, узнавъ о моемъ положеніи, пріхалъ съ женою и съ меньшею дочерью въ Вейльбахъ и поселился тамъ въ одномъ со мною трактирѣ на все время моего грустнаго затворничества. Мы прожили 6 недѣль тихо и ясно, и конечно такая жизнь, благодаря заботливой дружбѣ, помогла мнѣ возстановить мои силы. Окончивъ курсъ лѣченія въ Эмсѣ, я долженъ былъ ѣхать въ Швейцарію довершить свое лѣченіе виноградомъ близъ Веве и оттуда отправиться на зиму въ Италію. Мой Безрукій рѣшился проводить меня въ Швейцарію, чтобы тамъ разстаться со мною въ ту минуту, когда бы мнѣ надобно было перешагнуть черезъ Альпы. Жена его и дочь отправились обратно въ замокъ Виллингсгаузенъ, а мы пустились на югъ и, взглянувъ на нѣкоторыя прекрасныя стороны Альповъ, поселились въ Веве. По окончаніи моего виноградного курса, я почувствовалъ, что единственнымъ спасеніемъ моимъ могъ быть только совершенный покой, и что Италія не только не дастъ мнѣ его, но еще и все произведенное лѣченіемъ уничтожитъ: это меня испугало. Но остаться одинокимъ въ Швейцаріи, гдѣ я такъ привыкъ быть вмѣстѣ съ роднымъ товарищемъ, было для меня не менѣе страшно... Онъ рѣшился вызвать въ Швейцарію всю свою семью: жену, трехъ дочерей (старшей было тогда 13 лѣтъ) и сына (младшаго; старшій былъ тогда у родныхъ въ Лифляндіи). Что задумано, то и исполнено... Мы всѣ

вмѣстѣ переселились въ наше уединеніе (въ Верне). И съ этой минуты начинается для меня жизнь покоя, и ясный миръ домашній обхватываетъ мою душу, какъ въ бывалые, лучшіе, прежніе годы. Это была одна изъ тѣхъ эпохъ жизни, которыя, прекращаясь, оставляютъ въ душѣ неизъяснимое чувство тоски по отчизнѣ. Мнѣ казалось, что Провидѣніе опять хотѣло порадовать мнѣ душу минутнымъ зрѣлищемъ желаннаго, мечтательнаго, того, что̀ видимъ во снѣ и что̀ никогда не сбывается; но за этимъ воздушнымъ призракомъ таилось и существенное. Вы видите, что какъ ни розно былъ мой Безрукій со мною обстоятельствами, какъ ни велико было пространство, насъ раздѣляющее, а все, въ нѣкоторые, свыше назначенные часы, мы должны были съ нимъ сходиться, и послѣ каждой встрѣчи узелъ нашъ стягивался тѣснѣе. Дороги наши шли врозь, и казалось невозможнымъ, чтобы онѣ когда нибудь могли сблизиться: онъ съ своею кистью долженъ былъ оставаться на Рейнѣ и былъ прикованъ къ семьѣ многочисленной; мнѣ указанъ былъ Дворъ, и вся моя жизнь была предана безусловно одному, главному; казалось, что между нами не могло быть ничего общаго, также какъ Рейну не можно было никогда слиться съ Невою. Но вотъ однако мы сошлись въ Верне, и дороги наши на минуту слились въ одну. Восемь мѣсяцевъ провелъ я въ совершенно беззаботномъ покоѣ, посреди милой семьи, которую могъ назвать своею. Весною (1833) оживилось во мнѣ желаніе взглянуть на Италію, и я, и мой Безрукій покинули нашъ тихій уголокъ на берегу Женевскаго озера, и два мѣсяца промчались для насъ удивительно быстро посреди очарованій Италіи; потомъ, вмѣстѣ же возратились мы въ свой тихій Верне, гдѣ всѣ наши насъ встрѣтили, и гдѣ еще два мѣсяца прошли для меня также безмятежно, какъ и первые. Наконецъ

пришло разставаться. Они улетѣли отъ меня, какъ свѣтлыя, райскія тѣни.... Прощаясь съ своимъ Безрукимъ, я обѣщалъ по пути заѣхать въ замокъ Виллингсгаузенъ, гдѣ онъ съ своею семьею жилъ у своего тестя Шверцеля; — такъ и сдѣлалось. Опять, на минуту, очутился я въ своемъ родномъ кругѣ; медлить было невозможно; три дня, которые провелъ я въ этомъ старинномъ замкѣ, прошли какъ свѣтлый сонъ; и когда мы прощались, то старшая дочь моего Безрукаго, тогда 13-ти лѣтній ребенокъ, кинулась мнѣ на шею и прильнула ко мнѣ съ необыкновенной нѣжностью; это меня тогда поразило, но, разумѣется, никакого слѣда на душѣ не оставило. Вотъ мы опять розно, и каждому изъ насъ опять своя особенная дорога, безъ всякой вѣроятности опять гдѣ нибудь встрѣтиться. Я для нихъ пропалъ, они для меня отодвинулись вдаль; казалось, всему конецъ. И подлинно, съ этой поры до 1838 года, т. е. въ продолженіи пяти лѣтъ, не было между мною и моимъ Безрукимъ другой связи, кромѣ рѣдкой переписки, и кромѣ еще того, что мнѣ удалось довершить начатое для него издавна и устроить судьбу по милости нашего великодушнаго Императора.

Для полноты моей біографіи надобно однако здѣсь замѣтить, что въ промежуткѣ между 1827 и 1833 годами, я видѣлся разъ съ нимъ: онъ пріѣзжалъ въ Лифляндію къ роднымъ своимъ для того, чтобы имѣть святое счастіе присутствовать при послѣдней минутѣ своей матери и принять ея благословеніе; потомъ онъ со мною увидѣлся въ Петербургѣ и въ Царскомъ Селѣ. Но послѣ моего послѣдняго возвращенія въ Россію (въ 1833 г.), казалось, что мы разстались на долго. И судьба опять свела насъ, т. е. не судьба, а Провидѣніе Божіе, которое обо мнѣ, безъ моего вѣдома (а въ это время, какъ будто и вопреки мнѣ), ми-

лосердно заботилось. Вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ поѣхалъ я въ путешествіе по Европѣ. Въ мысляхъ моихъ было одно это путешествіе; ничто другое не привлекало вниманія; тысячи предметовъ смѣнялись одни другими и вполнѣ владѣли мною. Что же? Надобно было, чтобы В. К. занемогъ, и чтобы для совершеннаго его изцѣленія были назначены Эмскія воды. Вотъ мы поселяемся на шесть недѣль въ Эмсѣ. Эмсъ недалеко отъ Дюссельдорфа (куда между тѣмъ переѣхалъ мой Безрукій, чтобы пользоваться Дюссельдорфской школой живописи); въ одинъ день изъ Эмса черезъ Кобленцъ, на пароходѣ, можно поспѣть въ этотъ городъ. Я туда и отправился, единственно для того, чтобы осмотрѣть работы тамошнихъ живописцевъ и повидаться съ своимъ Вернескимъ семействомъ. Я ихъ увидѣлъ всѣхъ вмѣстѣ; къ прежнимъ дѣтямъ прибавилось три; старшія дочери, Елизавета и Мія, разцвѣли, какъ чистыя розы; я пробылъ съ ними три дня и, возвращаясь въ Эмсъ, увезъ съ собою моего Безрукаго, который и прожилъ съ нами до нашего отъѣзда. Опять мы простились, и опять по всей вѣроятности на долгое время. Но покинувъ Эмсъ для Италіи, мы должны были проѣхать черезъ Веймаръ, гдѣ надлежало намъ встрѣтиться съ Императоромъ и Императрицей; туда явился и Рейтернъ на минуту; и ему такъ тяжело было со мной разставаться на долгое, неопредѣленное время, что мы даже и не простились. Мы поѣхали въ Италію, провели нѣсколько недѣль въ Комо, потомъ нѣсколько недѣль въ Венеціи; польза здоровья В. К. требовала, чтобы онъ на всю зиму остался въ Италіи, пожертвовалъ этому необходимому своимъ путешествіемъ въ Голландію и Англію, и потомъ весною, черезъ Вѣну, возвратился въ Россію. Убѣжденный въ этомъ, я съ своей стороны убѣдительно просилъ Государя о принятіи этого

плана, и когда мы отправились въ Римъ, былъ совершенно увѣренъ, что намъ прикажутъ тамъ остаться до конца зимы, что на весну мы опять въ Неаполь и что намъ (по крайней мѣрѣ въ этотъ разъ) не видать ни Голландіи, ни Англіи. Вышло напротивъ. Приказано въ началѣ февраля ѣхать въ Вѣну, оттуда черезъ Мюнхенъ, Штутгардъ и Карлсруэ въ Гагу, и потомъ въ Англію. Такое распоряженіе показалось мнѣ непонятнымъ, оно огорчило меня; и что-же? Если бы случилось по моему, то и судьба В. К. и моя взяли бы совсѣмъ другой оборотъ: и для него, и для меня, въ одно время назначена была одна рѣшительная минута, почти въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Онъ остановился въ Дармштадтѣ, увидѣлся съ семействомъ Великаго Герцога,—и въ этомъ семействѣ онъ встрѣтилъ свою невѣсту. Я опять очутился на Рейнѣ, опять очутился въ семьѣ моего Безрукаго, и въ этотъ разъ уже недаромъ;—хотя однако же и въ этотъ разъ еще я самъ не зналъ того, что̀ приготовило для меня Провидѣніе.—Покинувъ Дармштадтъ, В. К. заѣхалъ въ Эмсъ, а я отправился въ Дюссельдорфъ, гдѣ провелъ два дня, и тамъ дождался его. Вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ я далѣе въ Гагу, но уже въ надеждѣ, что черезъ два мѣсяца опять увижу своихъ Швейцарскихъ друзей. Изъ Гаги въ Англію; изъ Англіи по Рейну въ Дармштадтъ, и опять черезъ Дюссельдорфъ. Этотъ проѣздъ была одна минута; мы пріѣхали въ Дюссельдорфъ ввечеру, нашли тамъ Кронъ-принца Прусскаго (нынѣшняго Короля); для него приготовленъ былъ праздникъ, въ которомъ должны были участвовать и мы, и я увидѣлъ семью моего Безрукаго въ густой толпѣ зрителей, изъ которой кивнули мнѣ двѣ прелестныя головки. По окончаніи праздника, я у нихъ ужиналъ, а на другой день я видѣлъ ихъ только минуту, когда мы уже садились въ свои экипажи, чтобъ ѣхать въ Дармштадтъ; но

эта разлука была уже съ скорою надеждою на свиданіе; мой Безрукій долженъ былъ въ условленное время явиться въ Франкфуртъ и тамъ соединиться со мною, чтобъ оттуда вмѣстѣ же со мною ѣхать въ Берлинъ, (ибо ему надобно было отправиться въ Россію, и В. К. пригласилъ его на свой пароходъ); на пути мы должны были завернуть въ замокъ Виллингсгаузенъ, куда, на все время его отсутствія, все его семейство переселилось. Такъ все и сдѣлалось.

Вотъ я черезъ 6 лѣтъ опять на томъ же мѣстѣ, гдѣ мнѣ и въ первый разъ такъ было пріятно посреди семьи друзей моихъ; но въ первый разъ моимъ пребываніемъ въ замкѣ Виллингсгаузенъ означено было только мое выздоровленіе отъ болѣзни, которая два раза приводила меня къ дверямъ гроба, а въ этотъ второй разъ оно означило конецъ моей странической, одинокой жизни; оно случилось въ эпоху, рѣшительную для жизни В. К., съ которымъ до этой поры моя жизнь была неразрывна. Оно было и для меня рѣшительно, хотя еще безъ моего вѣдома. Я провелъ только два дни въ замкѣ Виллингсгаузенъ, и въ эти два дни были для меня минуты очаровательныя Старшая дочь Рейтерна, 19-ти лѣтъ, была предо мною точно какъ райское видѣніе, которымъ я любовался отъ полноты души, просто, какъ видѣніемъ райскимъ, не позволяя себѣ и мысли, чтобъ этотъ свѣтлый призракъ могъ сойти для меня съ неба и слиться съ моею жизнью. Я любовался ею, какъ образомъ Рафаэлевой Мадонны, отъ которой, послѣ нѣсколькихъ минутъ счастія, удаляешься съ тихимъ воспоминаніемъ и... Однако нѣтъ; въ тогдашнемъ чувствѣ, съ которымъ смотрѣлъ я на это ангельское лице, не было того совершеннаго покоя, съ какимъ смотришь на тихую Мадонну; оно было соединено съ грустью; мнѣ было жаль

себя; смотря на нее и чувствуя, что молодость сердца была еще вся со мною, я горевалъ, что молодость жизни миновалась, и что мнѣ надобно проходить равнодушно мимо того, чему бы душа могла предаться со всѣмъ неистощеннымъ жаромъ своимъ, и что однако навсегда должно ей остаться чуждымъ. Это были два вечера грустнаго счастія. И всякій разъ, когда ея глаза поднимались на меня отъ работы (которую она держала въ рукахъ), то въ этихъ глазахъ былъ взглядъ невыразимый, который прямо вливался мнѣ въ глубину души, и я бы изъяснилъ этотъ взглядъ въ пользу своего счастія, и онъ бы тутъ же рѣшилъ мою судьбу, если бы только мнѣ можно было позволить себѣ такого рода надежды, и не должно было отъ себя всѣми силами отталкивать подобныя желанія, моимъ лѣтамъ уже неприличныя и только что для меня тревожныя. Но что же? этотъ взглядъ говорилъ мнѣ правду, о которой я не смѣлъ и мечтатъ. И этотъ вечеръ, безъ моего вѣдома, рѣшилъ навсегда мою участь. Разставшись съ замкомъ Виллингсгаузенъ, унесъ я съ собою грустное воспоминаніе о моемъ пролетѣвшемъ ангелѣ, съ которымъ, казалось, простился на вѣки, ибо не было никакой вѣроятности, по крайней мѣрѣ въ эту минуту, чтобъ я когда нибудь могъ очутиться на Рейнѣ. Мы поѣхали вмѣстѣ съ моимъ Безрукимъ въ Берлинъ, гдѣ надобно было соединиться съ В. К. для переѣзда въ Штеттинъ, и оттуда на пароходѣ въ Петербургъ. Дорогою я не говорилъ ни слова о томъ, что̀ на минуту побывало въ душѣ моей; я самъ считалъ это впечатлѣніе непродолжительнымъ, которому и дѣйствительно я не далъ власти надъ собою и которое осталось въ душѣ какъ воспоминаніе, наравнѣ со всѣми прекрасными воспоминаніями объ Италіи и Рейнѣ и пр. Только разъ, въ Петергофѣ, я напомнилъ ему о вечерѣ въ Виллингсгаузенѣ. Я сказалъ

ему: „Тамъ я видѣлъ то, что̀ мнѣ вполнѣ было бы счастіемъ, но я увидѣлъ это уже поздно; мои лѣта не позволяютъ мнѣ ни искать, ни надѣяться, ни даже желать такого счастія; однако, я въ глубинѣ души увѣренъ, что оно именно то, какое мнѣ надобно!“ — Онъ согласился со мною, и мы вмѣстѣ пожалѣли обо мнѣ. Онъ прибавилъ: „Я здѣсь не могу и не долженъ съ своей стороны ничего дѣлать. Вижу, что это несбыточно. Однако ищи; если она сама тебѣ отдастся, то я напередъ на все согласенъ. Ни отъ меня, ни отъ матери, она не услышитъ объ этомъ ни слова“.—Эти слова отца были только выраженіе дружбы. Но если бъ я могъ имѣть право надѣяться, если бъ я могъ позволить себѣ искать, то гдѣ была бы для этого какая нибудь возможность? Я на Невѣ, она на Рейнѣ; и нѣтъ никакой вѣроятности, чтобъ меня опять что нибудь къ ней приблизило. Итакъ мы оба вздохнули другъ о другѣ, и послѣ объ этомъ ужъ не говорили ни слова. Мой ангелъ, казалось, отъ меня улетѣлъ навсегда, и я долженъ съ горемъ признаться, что въ эту минуту я менѣе, нежели когда-нибудь, стоилъ того, чтобы онъ при мнѣ остался.

Но Провидѣніе безъ вѣдома моего обо мнѣ заботилось. Вы знаете, какъ прошелъ для меня 1839 годъ. Въ немъ какъ будто возобновилось для меня все мое прошедшее: съ Бородинскаго поля (гдѣ повторилась моя старая пѣсня), пріѣхалъ я къ вамъ; я увидѣлъ опять всѣ родныя мѣста; и милые живые, и милые мертвые со мною всѣ повидались разомъ; все это совокупилось въ одно, какъ будто бы для того, чтобы поставить живую грань между всѣмъ прошедшимъ моимъ и будущимъ, которое должно было съ этой поры для меня начаться.

Въ началѣ 1840 года, я узнаю, что мнѣ назначено сопутствовать В. К. въ Дармштадтъ и тамъ остаться

послѣ него для преподаванія русскаго языка Принцессѣ Маріи. Эта необходимость остаться послѣ него была для меня непріятна; хотя я и радовался тому, что буду первымъ Русскимъ знакомцемъ невѣсты В. К., но назначеніе оставаться на неопредѣленное время за границею противорѣчило сдѣланному мною плану; я хотѣлъ посвятить три года исключительно новой обязанности, возложенной на меня Государемъ,—надзору за ученіемъ младшихъ Великихъ Князей, и между тѣмъ заняться устройствомъ моего Мейергофскаго пріюта, чтобы, по истеченіи этихъ 3 лѣтъ, переселиться туда на покой и поэзію въ кругу моихъ милыхъ. Изъ этого можете заключить, какъ внутренно былъ я увѣренъ, что минутная мечта моя въ замкѣ Виллингсгаузенъ была несбыточна; я даже не обрадовался возможности туда опять возвратиться. Но Провидѣніе вело меня, безъ моего вѣдома, по дорогѣ, которая имъ самимъ была для меня приготовлена, и на концѣ этой дороги была уже ясная, вѣрная цѣль. 5-го марта мы покинули Петербургъ: въ головѣ моей была только мысль о томъ, что я буду дѣлать въ Дармштадтѣ, и какъ мнѣ самымъ лучшимъ образомъ заняться русскимъ языкомъ съ своею новою ученицею.

Между тѣмъ надобно вамъ знать, что мой Безрукій, проживши мѣсяцъ въ Россіи, отправился на пароходѣ, черезъ Швецію, въ Копенгагенъ и оттуда черезъ Любекъ возвратился въ Дюссельдорфъ. Это путешествіе разстроило его здоровье до того, что онъ на все время долженъ былъ переселиться въ Ганау, дабы пользоваться тамъ лѣченіемъ доктора Коппа (который и меня уже разъ поставилъ на ноги); семейство его оставалось въ Дюссельдорфѣ, а съ нимъ была одна старшая дочь, которая во всю эту зиму ходила за отцомъ, какъ дочь, какъ другъ, какъ сестра милосердія. Ганау лежитъ на дорогѣ въ Франкфуртъ; намъ должно было

черезъ него проѣзжать. А мой Безрукій, который около того времени долженъ былъ покинуть Ганау, чтобы возвратиться въ Дюссельдорфъ, отложилъ свой отъѣздъ на нѣсколько дней, дабы увидѣть В. К. и меня. Я зналъ, что найду ихъ въ Ганау, но радовался этому просто какъ пріятной встрѣчѣ съ друзьями; прежняя мечта моя спала въ душѣ глубокимъ сномъ; спала, однако была въ ней, безъименно, безъ моего вѣдома. Отобѣдавъ и пробывъ вмѣстѣ съ ними до вечера, я поздно пріѣхалъ во Франкфуртъ.

Это было 29 марта. На другой день мой Безрукій явился съ дочерью во Франкфуртъ, мы вмѣстѣ обѣдали у Радовица, а ввечеру отецъ и дочь заѣхали къ намъ въ трактиръ (на обратномъ пути въ Ганау); онъ пошелъ повидаться съ В. К., а дочь осталась со мною въ ожиданіи его возвращенія, и въ эти немногія минуты, моя мечта нѣсколько разъ сквозь сонъ пошевелилась въ душѣ моей; что-то похожее на домашнее счастіе за одно съ такимъ милымъ, чистымъ созданіемъ, какъ привидѣніе, мелькнуло передо мною и улетѣло. На другой день мы переѣхали въ Дармштадтъ, и я исключительно занялся однимъ, т. е. счастіемъ В. К. и моею особенною, новою должностью; я совершенно предался моей приготовительной работѣ для уроковъ моей новой ученицы; работалъ прилежно каждый день цѣлое утро и потомъ каждый вечеръ до 2, 3-хъ часовъ ночи. Ничто не отвлекало меня отъ этой главной, единственной заботы; и это было большимъ для меня счастіемъ, ибо, если бы тогда уже было бы у меня въ душѣ что нибудь подобное тому, что̀ теперь наполняетъ ее, какъ могъ бы я думать о чемъ нибудь иномъ? Только одинъ разъ въ этотъ промежутокъ видѣлся я съ отцомъ и съ дочерью. Покинувъ Ганау, они должны были проѣхать черезъ Франкфуртъ, чтобъ возвратиться въ Дюссельдорфъ. Мы условились тамъ

съѣхаться: это было 6 апрѣля. За обѣдомъ у Радовица намъ пришло въ голову провести весь этотъ вечеръ въ Майнцѣ (куда въ 1 часъ можно переѣхать по желѣзной дорогѣ); такъ и сдѣлалось. Это былъ прекрасный, тихій, живой вечеръ между тремя искренними друзьями, которыхъ кругъ оживленъ былъ присутствіемъ прелестнаго созданья, которое было между ними, какъ тихій, добрый ангелъ, и котораго смиренное, безмолвное присутствіе казалось связью ихъ дружескаго круга. На другой день, въ 6 ч. утра, путешественники пошли на пароходъ; я проводилъ ихъ; и когда пароходъ тронулся, я остался на берегу, смотрѣлъ за нимъ вслѣдъ, и она смотрѣла на меня съ палубы такимъ взглядомъ, который опять заволновалъ душу, и опять могъ бы произвести въ ней все, отъ чего уже она давно отказалась, если бы я могъ дать ей на то волю. Но и это была одна минута; я возвратился съ Радовицемъ въ Франкфуртъ, и оттуда въ тотъ же день въ Дармштадтъ, и опять прилежно принялся за свое дѣло. Это послѣднее прощанье въ Майнцѣ было, повидимому окончательнымъ; по крайней мѣрѣ въ ту минуту я не зналъ, когда мы опять увидимся, и будетъ ли возможность еще разъ увидѣться. Но все устроилось само собою. 10 мая (ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этого послѣдняго свиданья съ Рейтерномъ) получены были въ Дармштадтѣ рѣшительно худыя вѣсти о болѣзни Короля Прусскаго. Они побудили В. Князя (который собирался на встрѣчу къ Императрицѣ, ѣхавшей въ Эмсъ) ускорить отъѣздъ свой и, прежде свиданья съ Государыней, ѣхать въ Берлинъ; отсутствіе его должно было продолжиться болѣе двухъ недѣль; Принцесса Марія, моя ученица, захотѣла воспользоваться этимъ временемъ и отправиться въ Мюнхенъ, дабы тамъ провести также двѣ недѣли съ своею теткой, вдовствующей королевой Бавар-

ской; вдругъ я остался совершенно свободенъ на двѣ недѣли; какъ ими воспользоваться? Я нѣсколько минутъ былъ въ нерѣшимости: куда ѣхать? въ Берлинъ ли? ибо слухи о Королѣ меня тревожили и за него и за Императрицу. Въ Веймаръ ли? Туда приглашала меня Великая Княгиня Марія Павловна. Въ Баденъ ли? чтобы просто побродить посреди прелестной горной природы и нѣсколько дней пожить про себя на свободѣ. Но передо мной вдругъ блеснуло воспоминаніе о тихой жизни на берегу Женевскаго озера, воспоминаніе о Верне и о моемъ тогдашнемъ семейномъ кругѣ (вмѣстѣ съ Верне представились воображенію нѣкоторыя ясныя эпохи Муратова, Долбина, Камби и послѣднія 6 недѣль Элисфера); передъ этимъ воспоминаніемъ всѣ другіе планы изчезли, и я написалъ своему Безрукому, что буду къ нимъ въ Дюссельдорфъ на цѣлыя двѣ недѣли, чтобъ пожить на просторѣ сердцемъ, и потомъ можетъ быть на долгое, долгое время съ ними разстаться. И какія были обстоятельства мои въ ту минуту, когда я писалъ это роковое письмо? Дѣло мое при В. К. было совершенно кончено, и его судьба была рѣшена; и то дѣло, для котораго я былъ съ нимъ посланъ за границу, также было кончено, ибо Принцесса Марія, по возвращеніи своемъ изъ Мюнхена (за коимъ надлежало послѣдовать свиданіе ея съ Императрицей), почти не имѣла уже ни возможности, ни времени заниматься своимъ ученіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, пойдетъ ли въ голову сухая грамматика, когда передъ глазами и въ мысляхъ безпрестанно милый женихъ? Однимъ словомъ, эта минута была послѣднею тѣхъ 20 лѣтъ, которыя посвящены были мной семейству царскому. Я былъ свободенъ, стоялъ на границѣ новой области жизни, въ которую надобно было вступить. Еще не зналъ ея имени, но уже рука Провидѣнія начертила ее на моей картѣ.

Я поѣхалъ въ Дюссельдорфъ безъ всякаго другаго плана, кромѣ того, какой означенъ выше; и двѣ недѣли пролетѣли для меня какъ двѣ свѣтлыя минуты. Наконецъ надобно было сбираться въ дорогу; я назначилъ для отъѣзда моего субботу (это было 1 іюня); но въ этотъ день и я, и все семейство Рейтерна были приглашены къ обѣду, отъ котораго нельзя было отказаться; мнѣ жаль было провести послѣдній день съ ними не вполнѣ для нихъ, и я остался на Воскресенье, съ тѣмъ, чтобы весь этотъ день былъ нашъ, чтобъ ни къ кому не ходить, никого не принимать и пробыть вмѣстѣ безъ помѣхи. Вотъ и Воскресенье, въ 11 ч. вечера надобно быть на пароходѣ.... Было половина 11-го. Пароходъ долженъ былъ отправиться ровно въ 11-ть. Оставалось для насъ цѣлые полчаса. Ночь была тихая, ясная; небо въ звѣздахъ; посреди звѣздъ великолѣпная полная луна; на Рейнѣ ни струи, и кругомъ тишина удивительная. Мы начали ходить взадъ и впередъ по палубѣ. Разлука на неопредѣленное время, можетъ быть навсегда, бременила мою душу; и эти двѣ недѣли, прошедшія такъ быстро, были такъ счастливы недаромъ; опять побывалъ я такъ близко подлѣ милаго, прекраснаго, давно желаннаго, но теперь казавшагося невозможнымъ; и въ эту минуту надобно было съ нимъ навсегда разстаться, и мнѣ было жаль его. Въ темнотѣ говоришь смѣлѣе и откровеннѣе, нежели при свѣтѣ, и я сказалъ своему Безрукому: „Теперь мы прощаемся на долго; въ Эмсѣ (куда онъ хотѣлъ пріѣхать со всѣмъ семействомъ, чтобы показать ему Императора и Императрицу) увидимся опять на минуту; потомъ уже разойдемся по разнымъ дорогамъ, и сойдемся ли когда нибудь, кто знаетъ. А мнѣ въ эти дни наше вмѣстѣ представилось болѣе нежели когда нибудь прелестнымъ. Помнишь ли то, о чемъ я говорилъ тебѣ въ Петербургѣ?

Теперь, болѣе нежели когда нибудь почувствовалъ я всю правду того, что̀ говорилъ тогда. Я зналъ бы, гдѣ взять счастіе жизни, если бы только могъ думать, что оно мнѣ дастся. Но, хотя я вижу его передъ собою, я не могу позволить себѣ никакой надежды. Остается, полюбовавшись имъ, какъ прекраснымъ видѣніемъ, отойти отъ него и пожалѣть, что присвоить его невозможно."—Mon cher ami—отвѣчалъ онъ мнѣ,—la chose n'est pas si impossible que vous le croyez et que moi je l'ai cru d'abord.—„Comment? Qu'est ce que vous me dites-là? Pensez au nom de Dieu, que vos paroles sont pour moi la destinée! Expliquez vous.»—Je crois, d'après ce que m'a dit ma femme et d'après mes propres observations, qu'Elisabeth a dans son cœur un attachement pour vous! Et c'est déjà depuis longtemps.—«Cela me suffit; dès ce moment je suis à elle, si vous consentez, qu' elle soit à moi. Voici ma main.»—Et voici la mienne.—«Une seule condition. Ni vous, ni sa mère ne devez lui dire un seul mot. Laissons la Providence achever ce qu'elle a elle-même préparé. Si Dieu veut que cela se fasse, cela se fera, sans notre participation: en nous melant de son affaire, nous ne pourrons due la gâter. De mon côté tout est dit, définitivement, sans la moindre hésitation. Mais nous ne savons pas encore au juste ce qui se passe dans son cœur; il faut que (lorsque le moment viendra) il se prononce librement, sans la moindre influence de la part de qui que cela soit. A présent je pars pour revenir, je préparerai tout de mon côté, et lorsque je me retrouverai vis-á-vis d'elle, elle me dira oui ou non, d' après ce que lui dictera son cœur.»—Колоколъ на пароходѣ зазвонилъ, и мы разстались. Вы можетъ быть вообразите, что я былъ въ сильномъ волненіи. Какой быстрый и неожиданный переломъ въ жизни! Что былъ я за четверть часа? Одинокій

пассажиръ парохода, на которомъ куда-то ѣхалъ, не имѣя передъ глазами ясной цѣли. И вдругъ въ одно мгновеніе изъ чаши судьбы Провидѣніе вынуло мнѣ жребій, съ которымъ все, такъ давно желанное, разомъ далось мнѣ. Но я не былъ въ волненіи. Удивительная ясность, самая сладкая тишина, похожая на полное, внезапное выздоровленіе (отъ котораго вдругъ и жизнь становится милою, и все окружающее прекраснымъ,) влилась въ мою душу, обхватила ее всю и съ той минуты до теперешней ее не покидала. Половину этой ночи я не спалъ, а на другое утро проснулся какъ новый человѣкъ. Въ Кобленцѣ я вышелъ на берегъ и отправился сухимъ путемъ въ Франкфуртъ, куда прибылъ на другой день въ 7 часовъ утра (4 іюня.) Въ этотъ день ждали прибытія Императора и Императрицы; описаніе ихъ свиданія съ невѣстою Наслѣдника вы читали въ Сѣверной Пчелѣ и конечно догадались, кѣмъ оно написано. Но дѣло не о томъ.

Опишу теперь съ меньшими подробностями все, что̀ случилось со мною послѣ. Императоръ и Императрица поѣхали вмѣстѣ въ Эмсъ, и я за ними (ибо и Великій Князь и его невѣста поѣхали туда же), но прежде я видѣлся съ Радовицемъ, которому (нашему общему другу, человѣку, котораго я во всякое время выбралъ бы и руководцемъ, и судьею моей жизни) я сказалъ о томъ, что̀ сдѣлалось со мною. Если слова отца о дочери могли вдругъ рѣшить меня, то слова Радовица прибавили къ этой рѣшимости и радостную бодрость на счетъ самого себя, ибо мнѣ все еще казалось, что я въ мои лѣта не могъ имѣть права на исканіе любви 19-лѣтней дѣвушки, и что такая любовь есть несбыточное дѣло. Но Радовицъ, которому характеръ моей Елизаветы давно коротко знакомъ, который и меня также коротко знаетъ, усмирилъ мои сомнѣнія, сказавъ, что при всей ихъ

основательности вообще, они въ этомъ особенномъ случаѣ неумѣстны, и что онъ ручается мнѣ за счастіе, если только она подастъ мнѣ руку произвольно, отъ сердца, безъ всякаго вліянія со стороны.—Я отправился въ Эмсъ, гдѣ на другой день явился и мой Безрукій со всею семьею. Я смотрѣлъ на нее уже совсѣмъ другими глазами; а она не подозрѣвала ничего: мы провели этотъ день вмѣстѣ; всѣ они обѣдали у меня, потомъ пили у меня же чай, который разливала моя Елизавета. Между тѣмъ я уже приготовилъ письмо къ Государю, въ которомъ, объявляя ему о своемъ намѣреніи и прося его устроить мое будущее, просилъ въ то же время, чтобы онъ сохранилъ сказанное мною въ тайнѣ (сообщивъ его только Императрицѣ); ибо это дѣло была только моя надежда, можетъ быть обманчивая, и я не зналъ и не могъ быть увѣренъ, получу ли ея согласіе. Это письмо въ-чернѣ показалъ я Рейтерну. Ввечеру того же дня, онъ отправился назадъ въ Дюссельдорфъ, а я на другое утро переписалъ свое письмо, и немедленно отнесъ его къ Государю (который ввечеру пустился въ обратный путь изъ Эмса). Какой будетъ результатъ моей просьбы—я не знаю и не забочусь о томъ. Все это дѣлалъ я съ такимъ совершеннымъ спокойствіемъ, какъ будто бы приготовился къ тому издалека и послѣ долгаго размышленія. Узнаю въ Петербургѣ, какова должна быть моя судьба: жить ли въ нѣкоторомъ довольствѣ и имѣть вокругъ себя всѣхъ моихъ милыхъ, или ограничить себя и довольствоваться однимъ необходимымъ.

Выпросивъ у Государя позволеніе остаться на два мѣсяца за границей по отъѣздѣ В. К. и Принцессы Маріи, я отправился вслѣдъ за моею ученицею въ Дармштадтъ (гдѣ она хотѣла пробыть во всѣ послѣдніе дни, оставшіеся ей до отбытія ея въ Россію). Это было 3 іюля; а 25 должна

была пріѣхать Императрица и остаться до 29. Итакъ почти цѣлый мѣсяцъ надлежало мнѣ пробыть въ неизвѣстности; и не смотря на то, этотъ мѣсяцъ прошелъ для меня въ блаженно-ясномъ спокойствіи души; мало въ жизни моей эпохъ, которыя были бы такъ счастливы; еще ничто не было для меня рѣшено, но какой-то ободрительный голосъ безпрестанно мнѣ слышался; и удивительнымъ наслажденіемъ было для меня сидѣть одному въ своей горницѣ, думать объ ней и даже не думать, а только какъ сквозь сонъ чувствовать, что она подлѣ меня, и что это такъ останется на все мое будущее. Нетерпѣніе тормошило меня, когда я считалъ дни, которые переваливались одинъ за другимъ съ несносною медленностію; но число ихъ становилось все менѣе и менѣе: наконецъ пріѣзжаетъ Императрица; вотъ она и уѣзжаетъ, и на другой день ея отъѣзда является въ Дармштадтъ самъ мой Безрукій (онъ хотѣлъ застать Императрицу, но это не удалось), и вотъ я стою передъ нимъ — вообразите эту минуту, самую рѣшительную минуту въ моей жизни. Наканунѣ былъ вокругъ меня Дворъ, я былъ прикованъ ко всѣмъ его суетамъ (хотя и никогда не былъ имъ порабощенъ совершенно), и посреди всѣхъ этихъ суетъ чувствовалъ себя одинокимъ, хотя и былъ въ тревожной толпѣ, которая кругомъ меня тѣснилась и меня съ собой увлекала; и вдругъ все это пропало какъ сонъ, все это уже позади меня, я одинъ, и передо мною человѣкъ, вышедшій не изъ толпы меня покинувшей, а какъ будто изъ другой, противоположной, обѣтованной стороны; онъ пришелъ за мною, чтобъ меня взять, чтобъ вдругъ переселить туда, гдѣ я нѣкогда жилъ и уже пересталъ жить мечтою, куда влекло и уже перестало влечь сердце, гдѣ ясный миръ, гдѣ поэзія (бывшій товарищъ молодости и теперь ея представитель и замѣна); и я свободенъ; прошлая жизнь осы-

палась съ меня и лежитъ на моей дорогѣ, какъ сухой листъ вокругъ дерева, воскресающаго съ весною. Можете или не можете вообразить, какъ я вздохнулъ свободно, какъ мнѣ весело было покинуть Дармштадтъ, какъ весело было на другой день въ Франкфуртѣ, гдѣ я пробылъ втроемъ съ Рейтерномъ и Радовицемъ, съ какимъ сладкимъ стѣсненіемъ пошелъ я (въ 7 ч. вечера) вмѣстѣ съ моимъ Безрукимъ на паровозъ, чтобъ по желѣзной дорогѣ ѣхать въ Майнцъ. Мы взяли особенную карету, которую заняли двое; насъ въ ней заперли и паровозъ помчалъ. Было для меня, что-то невыразимое въ этой совершенной отдѣльности отъ цѣлаго міра, подлѣ одного только человѣка, который въ эту минуту представлялъ мнѣ все мое будущее, и въ этомъ быстромъ стремленіи, которое мчало меня къ желанному, за два мѣсяца мечтательному, а теперь вдругъ осуществленному счастію. Съ какимъ легкимъ сердцемъ я заснулъ въ этотъ вечеръ въ Майнцѣ, и съ какимъ легкимъ сердцемъ проснулся на другой день.

Этотъ день былъ долженъ кончиться для меня тамъ, гдѣ ждало меня все, чего душа желала. На пароходѣ имѣли мы особенную каюту, въ которой можно было укрываться отъ пассажировъ; тамъ провели мы все время этого очаровательнаго плаванія; день былъ и ясный и дождливый; послѣ обѣда прояснилось совсѣмъ; вотъ мы уже въ Кельнѣ (въ 5 часовъ); до Дюссельдорфа осталось только два часа плаванія; они были и радостны, и смутны, и тревожны; вотъ уже вдали и башня Дюссельдорфская, но тутъ Рейнъ, какъ нарочно, дѣлаетъ большой изгибъ, и эта башня является намъ то съ права, то съ лѣва; но дымъ нашего парохода уже видѣнъ тѣмъ, кои ждутъ насъ въ Дюссельдорфѣ, и Безрукій, и я взлѣзли на площадку надъ колесами, чтобы видѣть вдаль; наконецъ вотъ и Дюссельдорфъ вы-

тянулся вдоль Рейна передъ нашими глазами; мостъ раздвинули, чтобы насъ пропустить, и мы промчались быстро мимо пристани, полной народомъ, дабы поворотить, и потомъ противъ теченія рѣки пристать къ берегу. На этомъ поворотѣ увидѣли мы въ толпѣ нѣсколько платковъ, которые подавали намъ знаки: на нихъ отвѣчали мы своими шляпами—и черезъ минуту мы на берегу. Встрѣтились, обнялись, пошли; я подалъ руку женѣ Безрукаго, а онъ пошелъ впередъ съ дѣтьми, по правую и по лѣвую сторону обѣ дочери: можете вообразить, съ какимъ чувствомъ я за ними шелъ. Дорогою мы зашли въ тотъ домъ, гдѣ были наняты три комнаты (двѣ для меня, одна для моего человѣка) на все время пребыванія моего въ Дюссельдорфѣ; (этотъ домъ былъ въ двухъ стахъ шагахъ отъ ихъ дома, окнами въ ихъ садъ; въ двѣ минуты можно отъ меня придти къ нимъ, такъ что мы какъ будто подъ одною кровлею; чистыя, покойныя комнаты). Велѣвъ моему человѣку выкладываться и убираться, я отправился въ свой Дюссельдорфскій Верне, окруженный тѣми же, которые тогда со мной были. И вотъ наконецъ я на мѣстѣ, странствіе мое кончилось во всѣхъ смыслахъ. Какъ спокойно и свободно вздохнулъ я! Какое свѣжее чувство домашняго быта пролилось мнѣ въ душу! Въ немногихъ словахъ доскажу вамъ остальное; но это остальное есть главное.

Я покинулъ Дармштадтъ съ яснымъ и покойнымъ чувствомъ—все было рѣшено для меня лично, на счетъ того, что̀ я долженъ былъ дѣлать; чего я желалъ—не было для меня ни малѣйшаго сомнѣнія; но я не зналъ, что̀ найду въ ней; не зналъ обманулись ли отецъ и мать на счетъ ея чувствъ ко мнѣ; они имѣли однѣ только догадки; но и я просилъ ихъ, и они сами считали самымъ важнымъ, не только не мѣшаться ни во что, но даже и не давать чув-

ствовать, что они что-нибудь замѣтили; для нашего общаго счастія была нужна полная увѣренность, что здѣсь все устроилось свободно, безъ всякаго внѣшняго вліянія. Едва ли когда нибудь случалось что-нибудь подобное! И отецъ, и мать были въ заговорѣ противъ своей дочери, за одно съ тѣмъ человѣкомъ, который искалъ ея руки; но въ заговорѣ не для того, чтобъ помогать ему, а напротивъ для того, чтобъ (насильно ему не содѣйствуя) дать полную свободу сердцу дочери согласиться или не согласиться. И пріѣхавъ въ Дюссельдорфъ, я не зналъ, что̀ скажетъ мнѣ это сердце, отдастся ли оно мнѣ или нѣтъ; я не хотѣлъ даже сдѣлать шагу для того, чтобъ склонить его къ тому какимъ нибудь убѣжденіемъ; я былъ готовъ на да и на нѣтъ; и послѣднее меня бы не оскорбило; но признаюсь, поживъ столько времени всею душою въ землѣ обѣтованной, мнѣ было бы горько изъ нея вырваться и начать снова странствовать въ пустынѣ. Невольно приходила мнѣ въ голову мысль: то, что̀ замѣтили отецъ и мать, можетъ быть и правда. Но это чувство неопредѣленное и темное. Оно могло ненарокомъ зайти въ молодое сердце, могло понравиться ему и въ немъ остаться, не пустивъ корня. Удержится ли оно въ немъ, если надобно будетъ взглянуть на него глазами разсудка, когда оно вдругъ изъ неопредѣленнаго сдѣлается яснымъ, при вопросѣ рѣшительномъ, на который надобно будетъ отвѣчать на цѣлую жизнь? Признаюсь, эта минута яснаго взгляда на темное чувство меня пугала, и я рѣшился было нѣсколько времени помедлить, дабы продолжить эту неизвѣстность, въ которой еще не имѣешь ничего вѣрнаго, но по крайней мѣрѣ можешь все почитать возможнымъ. Такъ прошли два дня. Въ субботу, 3-го августа прихожу по обыкновенію въ свой уголокъ, чтобъ потомъ вмѣстѣ съ Безрукимъ идти прогуливаться;

эти утреннія прогулки наши были посвящены имъ и мною все одному и тому же: разговорамъ объ ней; я, не зная, что̀ будетъ, и робѣя передъ рѣшительною минутою, утверждалъ, что мнѣ гораздо лучше и легче написать къ ней, а не говорить, дабы все высказать ясно; онъ, напротивъ убѣждалъ меня говорить, дабы я могъ самъ, своими глазами, увидѣть то, что̀ рѣшитъ первая минута, и какой будетъ отвѣтъ, отъ сердца или отъ разсудка? Во всякомъ случаѣ однако я хотѣлъ подождать. Но вотъ мы пошли прогуливаться, и мой товарищъ сказалъ мнѣ: Vous ne devez plus remettre votre explication; vous devez agir; hier après souper Elisabeth est venue se jeter au cou de sa mère et lui a fait presque une confession. Il faut finir cet état d'incertitude.[1])

И возвращаясь домой, я еще не имѣлъ никакой ясной мысли, о томъ на что рѣшусь, что сдѣлаю; но вошедъ въ прихожую, я увидѣлъ ее вмѣстѣ съ матерью; онѣ заняты были укладкою бѣлья. Elisabeth, ma chère, сказалъ я ей, проходя мимо, apportez, je vous prie, dans mon cabinet votre encrier et une plume. [2])

Я пошелъ къ себѣ, и черезъ нѣсколько минутъ она явилась и подошла робко къ столу, передъ которымъ я стоялъ, поставила чернильницу, положила перо и хотѣла уйти. Attendez, Elisabeth, venez-ici — сказалъ я ей; я взялъ ее за руку, а у меня въ это время были въ рукахъ маленькіе часы, подаренные мнѣ Наташею Кирѣевскою. Per-

---

[1]) Вы не должны болѣе откладывать вашего объясненія; вы должны дѣйствовать. Вчера, послѣ ужина, Елизавета бросилась въ объятія матери и почти высказала признаніе. Надо покончить съ этимъ состояніемъ неизвѣстности.

[2]) Милая Елизавета, прошу васъ принесите въ мой кабинетъ вашу чернильницу и перо.

mettez moi de vous faire cadeau de cette montre, mais la montre indique le temps, le temps est la vie: avec cette montre je vous offre ma vie entière. L'acceptez-vous? Ne me faites pas de réponse à présent, réfléchissez bien à ce que vous direz, mais ne consultez personne. Votre père et votre mère savent tout, mais ils ne vous donneront pas de conseil.[1])"—Такъ или почти такъ сказалъ я ей. Отвѣтъ былъ въ двухъ словахъ: *je n'ai pas besoin de réfléchir*[2]). Съ этимъ она кинулась ко мнѣ на шею. Я сказалъ ей, чтобъ привела отца и мать, и они тутъ же насъ благословили. Далѣе мнѣ вамъ описывать нечего; вотъ уже 4 недѣли съ этой блаженной минуты; онѣ пролетѣли для меня какъ одна минута, и эта быстрота приводитъ меня часто въ страхъ и уныніе. Всему на землѣ есть конецъ, и я въ эту минуту чувствую себя столь вполнѣ счастливымъ, что это не можетъ продолжиться и должно измѣниться. Но зачѣмъ останавливаться на такихъ мысляхъ?....

Но вы спросите: какъ могъ я такъ скоро рѣшиться? Какъ могъ мой выборъ пасть на молодую дѣвушку, которой я почти втрое старѣе, и которой я не имѣлъ времени узнать коротко?—На все это одинъ отвѣтъ: я не искалъ, я не выбиралъ, я не имѣлъ нужды долго думать, чтобъ рѣшиться; нашло, выбрало и рѣшило за меня Провидѣніе, которое очевидно все устроило. А короткаго знакомства мнѣ здѣсь не нужно; здѣсь есть полная, спокойная вѣра серд-

---

[1]) „Подождите, Елизавета, подойдите...Позвольте мнѣ поднести вамъ въ подарокъ эти часы. Но часы обозначаютъ время, время жизнь: съ этими часами предлагаю я вамъ всю жизнь мою. Принимаете-ли вы ее? Не отвѣчайте мнѣ сейчасъ же, подумайте хорошо о томъ, что̀ вы отвѣтите, но не совѣтуйтесь ни съ кѣмъ. Отецъ вашъ и мать ваша знаютъ все, но они не дадутъ вамъ совѣта".

[2]) Мнѣ не нужно думать.

ца, которому вдругъ, какъ будто какимъ откровеніемъ, все въ ней стало знакомо; такая вѣра не на убѣжденіи, не на опытѣ основана—она есть внутренній голосъ, есть необманчивое предчувствіе, есть seconde vue будущаго. Но здѣсь есть болѣе, нежели вѣра,—есть живая, нѣжная, исключительная любовь молодаго сердца, которое вполнѣ отдалось мнѣ. Какъ это могло сдѣлаться, я не понимаю. Не почитая этого возможнымъ и въ твердомъ увѣреніи, что въ мои лѣта было бы и безразсудно и смѣшно искать и надѣяться взаимной любви отъ молодой 19-лѣтней дѣвушки, и при всѣхъ моихъ съ нею встрѣчахъ (раздѣленныхъ столь долгими промежутками, и каждая была на минуту), какъ ни влекло меня къ ней чувство, ни словомъ, ни взглядомъ не показывалъ я никакого особеннаго ей предпочтенія; и могъ ли я себѣ что-нибудь подобное позволить? Подобнымъ чувствомъ можно забавляться въ большомъ свѣтѣ, но какъ играть имъ при такомъ чистомъ, непорочномъ созданіи? И какъ его къ себѣ допустить со всѣми надеждами, которыя могутъ быть приличны только молодости? И къ тому же, имѣлъ ли я на то время? И не смотря на все это, она моя, не потому моя, что согласилась отдать мнѣ руку, а потому, что ея молодое сердце сначала (безъ ея вѣдома) полюбило меня, и что эта привязанность, которой я не старался и не позволилъ бы себѣ стараться произвести, и не имѣлъ на то времени,—вдругъ въ ней пробудилась, не ослабѣла, а усилилась отъ времени, разлуки и отдаленія, и осталась въ ея душѣ, не смотря на то, что она сама почитала это чувство безразсуднымъ и потому только не открыла его ни отцу, ни матери, что оно казалось ей сумасшествіемъ, отъ котораго ей самой надлежало себя вылѣчить. И этому уже полтора года; это не есть минутная вспышка души, разгоряченной романическимъ вообра-

женіемъ; это просто сродство, и во всемъ этомъ видимо для меня одно дѣйствіе Провидѣнія...

Я гонюсь не за многимъ: жизнь спокойная, посвященная труду, для которой я былъ назначенъ и отъ которой отвлекли обстоятельства; жизнь смиренная, посреди домашняго круга, безъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, съ нѣкоторымъ, весьма умѣреннымъ, если можно, избыткомъ; дѣятельность, болѣе обращенная на то, чтобъ всему, что есть во мнѣ добраго, дать бо́льшую твердость; чтобъ все дурное или испорченное жизнью поправить или привести въ порядокъ, чтобъ наконецъ разчесться какъ должно со всѣмъ здѣшнимъ, подвесть подъ жизнь итогъ и собрать какъ можно болѣе на дорогу въ другую жизнь,—вотъ идеалъ моего земнаго счастія, которое стало мнѣ гораздо возможнѣе теперь, нежели прежде. Для достиженія къ этому смиренному идеалу, у меня теперь есть вѣрный товарищъ, и пустота, донынѣ окружавшая дорогу мою, отъ чего я шелъ по ней съ перевалкою и какъ будто нехотя, вдругъ изчезла.

Итакъ, милые мои друзья, благословите меня и примите въ ваши дружескія объятія мою милую, добрую, непорочную Елизавету. Я бы вамъ описалъ ее, но письмо мое стало безъ мѣры долго и на него уже употребилъ я слишкомъ много времени. Вы вѣрно уже обо мнѣ слышали, вы давно ждете отъ меня извѣстія и вѣроятно меня обвиняете;—но въ это блаженное для меня время я болѣе, нежели когда нибудь былъ съ вами и сердцемъ и воспоминаніемъ; какое было бы для меня счастіе, когда бы я могъ вамъ показать ее и вмѣстѣ съ вами устроить наше будущее! Все это впереди, и будетъ какъ Богъ велитъ. Разумѣется, что теперь въ томъ планѣ, который мы дѣлали вмѣстѣ, и котораго главная основа была наша жизнь въ Мейерегофѣ, должно быть измѣненіе;—но это наше вмѣстѣ и те-

перь есть все та же надежда, которая веселила меня прежде и которая должна непремѣнно со временемъ исполниться, съ тою только разницею, что теперь нашего полку прибыло (какъ бывало мы пѣвали, когда сѣяли просо):— обо всемъ этомъ подумаемъ вмѣстѣ.

Что же касается до того, что̀ дѣлается со мною теперь, то вотъ въ немногихъ словахъ моя исторія: живу въ Дюссельдорфѣ, подлѣ моей невѣсты; еще съ нынѣшняго числа 5 (17) сентября, останусь здѣсь ровно мѣсяцъ; потомъ поѣду въ Петербургъ, 6 мѣсяцевъ будутъ посвящены мною окончательнымъ работамъ при Великихъ Князьяхъ; этимъ срокомъ служба моя кончится; тогда возвращусь въ Дюссельдорфъ, чтобъ обвѣнчавшись съ моею милою невѣстою, первое время провести съ ней вмѣстѣ за границей и именно въ Дюссельдорфѣ, дабы не отрывать ее вдругъ отъ своихъ, пожить на свободѣ про себя, не тратя много, не имѣя никакого сношенія съ свѣтомъ, и, въ это время, живучи экономно, приготовить, сколько можно, мой будущій семейный бытъ. Сколько времени продлится мое житье за границей, не знаю; но конечно не менѣе двухъ лѣтъ. Для васъ это не можетъ быть огорчительно, ибо, по моему прежнему плану, мнѣ бы во всякомъ случаѣ надлежало пробыть въ Петербургѣ еще три года. Петербургъ, Дюссельдорфъ— для васъ все равно; но теперь по крайней мѣрѣ вы будете знать меня счастливымъ; а пройдетъ этотъ срокъ,—наша общая мечта, соединеніе подъ одною кровлею, сбудется.—И такъ, друзья, еще разъ прошу вашего благословенія.

Теперь важная просьба, на которую прошу не отказать мнѣ; особенно обращаю ее къ другу и брату Мойеру. Вотъ въ чемъ она состоитъ: зимою изъ Петербурга, я пріѣду въ Москву; прошу васъ всѣхъ тамъ собраться; для меня необходимо провести нѣсколько времени съ вами,

чтобъ можно было лично принять отъ васъ ваши родныя желанія мнѣ счастія. Другъ Мойеръ, не откажи мнѣ — и пріѣзжай въ Москву на то время, въ которое мнѣ туда можно будетъ пріѣхать. Этого времени здѣсь не назначаю, но увѣдомлю по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ. Теперь же хочу только васъ предупредить о моемъ желаніи, дабы вы могли приготовиться исполнить его.—Простите, простите, друзья Молитесь за меня Богу.“

XLV.

Послѣднее посѣщеніе Жуковскимъ Москвы. — Бракосочетаніе Его Высочества Государя Наслѣдника Александра Николаевича.—Царскія награды Жуковскому.—Поѣздка въ Дерптъ.—Свадьба Жуковскаго въ Дармштадтѣ.

Жуковскій до свадьбы отправился въ Петербургъ, а оттуда въ Москву, гдѣ онъ и былъ въ январѣ 1841 года.

Исполнилось его желаніе повидаться со всѣми близкими. Но не одни родные съ восторгомъ встрѣтили любимаго поэта: встрепенулся какъ будто и литературный міръ съ его возвращеніемъ. „Пріѣздъ его для всѣхъ занимающихся литературою“, пишетъ М. А. Дмитріевъ, „былъ истиннымъ праздникомъ“ [1]). Нѣкоторые изъ нихъ почтили возвращеніе его стихами. Всѣ эти стихи были собраны въ альбомъ, который М. А. Дмитріевъ и привезъ къ Жуковскому. „Надобно было видѣть“, пишетъ онъ, „его чувство при взглядѣ на содержаніе альбома! На другой же день онъ поѣхалъ съ благодарностію къ Авдотьѣ Павловнѣ Глин-

[1]) „Мелочи изъ зап. м. п.“ 193.

кѣ: она первая была свидѣтельницею, какъ подѣйствовалъ на него этотъ скромный памятникъ любви и уваженія."

То было послѣднее посѣщеніе имъ Москвы.

По возвращеніи въ Петербургъ, онъ сталъ готовиться къ отъѣзду за границу, къ невѣстѣ своей. — Но прежде ему пришлось присутствовать при бракосочетаніи Августѣйшаго ученика своего.

Во время своей заграничной поѣздки Его Высочество Великій Князь Цесаревичъ, на обратномъ пути чрезъ Германію, 13 марта 1839 года посѣтилъ въ Дармштадтѣ Великаго Герцога Гессенскаго Людовика II и здѣсь, во дворцѣ его, встрѣтилъ дочь Великаго Герцога, принцессу Максимиліану-Вильгельмину - Августу-Софію-Марію, будущую супругу свою Марію Александровну. Ей шелъ тогда еще 14-й годъ. Въ скромной обстановкѣ Велико-герцогскаго быта Цесаревичъ испытывалъ самыя отрадныя впечатлѣнія. Прекрасная опера служила по вечерамъ изящнымъ развлеченіемъ двору; Высокому гостю показывали старый замокъ; водили и въ тотъ покой, гдѣ, по преданіямъ, является „Бѣлая женщина". Взаимные визиты, охота и другія развлеченія заняли восемь дней вторичнаго пріѣзда Цесаревича въ Дармштадтъ въ концѣ мая и началѣ іюня. Въ этотъ пріѣздъ принцесса чувствовала себя не совсѣмъ здоровою и по большей части въ выѣздахъ не участвовала. Но уже первая встрѣча имѣла рѣшительное вліяніе на выборъ Цесаревича. Въ этомъ убѣждаетъ насъ письмо Жуковскаго къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, писанное на другой день этой встрѣчи. „Гдѣ мы устраивали по своему", пишетъ онъ между прочимъ въ этомъ письмѣ, „тамъ Провидѣніе готовило свое! Гдѣ мы искали, тамъ не нашлось. Гдѣ не ожидали, тамъ встрѣтилось само собою" [1]).

[1]) Это письмо и другія свѣдѣнія о пребываніи Его Высочества въ

4 (16) іюня слѣдующаго года Государь Императоръ вмѣстѣ съ Государынею Императрицею прибылъ самъ во Франкфуртъ на Майнѣ; посѣтили по пути изъ Берлина Веймаръ, а Государь Наслѣдникъ отправился прямо изъ Берлина въ Дармштадтъ и, прибывъ туда прежде возвращенія принцессы Маріи изъ Мюнхена, успѣлъ встрѣтить высокую невѣсту свою на дорогѣ и вмѣстѣ съ нею обратно пріѣхалъ въДармштадтъ 16-го числа. Затѣмъ принцесса поѣхала во Франкфуртъ.. Государь Императоръ, прибывшій туда же, отправился на свиданіе съ принцессою и ея семействомъ. По возвращеніи ихъ, Императрица послала объявить, что готова принять ее, и черезъ нѣсколько минутъ свиданіе состоялось Государь Императоръ встрѣтилъ невѣсту Наслѣдника своего при выходѣ ея изъ кареты, взвелъ ее на лѣстницу и самъ представилъ Императрицѣ [1].

Въ то же лѣто юная принцесса прибыла въ Россію. Она едва достигла 16-лѣтняго возраста. Съ большимъ прилежаніемъ занялась она изученіемъ русскаго языка и въ два года хорошо усвоила его.

И вотъ прежде отъѣзда своего въ Дюссельдорфъ, Жуковскій проводилъ къ вѣнцу своего дорогаго Воспитанника. 16-го апрѣля 1841 года совершилось его бракосочетаніе. Милости Царскія къ Наставнику Его Высочества превзошли ожиданія всѣхъ. Государь Императоръ соизволилъ, чтобы Жуковскому до смерти предоставлено было все, чѣмъ онъ пользовался по должности Наставника, т. е. 10,000 р. обращены въ пенсію, окладъ по мѣсту 18,000 р. сохраненъ, такъ что съ прежнимъ пенсіономъ его это составило 32.000

Дармштадтѣ см. въ Р. С. 1881. V. 103 и д., гдѣ помѣщены и любопытныя выдержки изъ дневника гр. П. М. Толстаго. Дневникъ этотъ находится въ распоряженіи „Русской Старины“.

[1]) Соч. Ж. VI. 38. Отрывокъ изъ письма (Фр. на Майнѣ 1840.

руб. въ годъ. Сверхъ того на первое обзаведеніе пожаловано ему 10.000 руб. Онъ произведенъ въ тайные совѣтники, и послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы онъ и въ отсутствіе свое всегда считался состоящимъ на службѣ при Его Императорскомъ Высочествѣ. По собственному выраженію Жуковскаго, Государь устроилъ его будущее какъ добрый заботливый отецъ. „Бо̀льшаго я и во снѣ не желалъ!“ добродушно восклицаетъ Жуковскій въ письмѣ къ Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной, въ которомъ сообщаетъ ей о царскихъ милостяхъ [1]).

Имѣніе свое, Мейерсгофъ, онъ продалъ, такъ какъ намѣреніе поселиться въ сосѣдствѣ Дерпта съ семействомъ Мойера уже не могло исполниться, потому что Мойеръ оставилъ свою службу при университетѣ и отправился съ своей свекровью въ Бунино, имѣніе дѣтей своихъ. Мейерсгофъ купилъ у него Зейдлицъ. Вмѣстѣ съ имѣніемъ онъ пріобрѣлъ и всю мебель Жуковскаго и перемѣстилъ ее тотчасъ на свою квартиру. Библіотека же его, драгоцѣнныя коллекціи картинъ, бюстовъ, рисунковъ и т. п. должны были до предполагавшагося переселенія въ Москву перейти

---

[1]) Еще въ послѣдніе годы дѣйствительной службы онъ былъ Высочайше пожалованъ кавалеромъ орденовъ: Св. Станислава и Св. Анны 1-й ст. и Св. Владиміра 2-й ст.—Кромѣ того, во время путешествія въ свитѣ Государя Наслѣдника ему пожалованы знаки отличія Государями иностранными, первой степени: въ Швеціи—Шведская Полярная Звѣзда, въ Даніи—Данеброхта, въ Ганноверѣ—Гвельфовъ, въ Австріи—Желѣзной Короны, въ Виртембергѣ—Фридриха, въ Баденѣ—Цирингенскаго Льва, въ Саксоніи—Саксонскій за заслуги; въ Веймарѣ—орденъ Бѣлаго Сокола, въ Нидерландахъ — Нидерландскаго Льва 2-й степени. Отъ покойнаго Прусскаго короля еще въ 1829 г. ему былъ пожалованъ орденъ Краснаго Орла 2-й ст., и въ 1838 г. прислана звѣзда того же ордена, вмѣсто которой новый король Прусскій при вступленіи своемъ на престолъ пожаловалъ ему бриллiантовую звѣзду, а въ 1843 году орденъ pour le mérite.

на сохраненіе въ Мраморный дворецъ [1]. „Но онъ передалъ мнѣ“, пишетъ Зейдлицъ, „три небольшія свои картины съ тѣмъ, чтобы онѣ висѣли у меня надъ его большимъ письменнымъ столомъ такъ, какъ прежде у него самого. Это были превосходный портретъ покойной Марьи Андреевны Мойеръ, писанный профессоромъ Зенфомъ въ Дерптѣ, гробница ея на Дерптскомъ кладбищѣ, и гробница покойной Александры Андреевны Воейковой на греческомъ кладбищѣ въ Ливорно“ [1].

„Приближался день отъѣзда Жуковскаго изъ Петербурга“, продолжаетъ Зейдлицъ: „въ послѣдній разъ хотѣлъ онъ отобѣдать у меня и отвѣдать своего любимаго блюда, крутой гречневой каши. Послѣ обѣда подошелъ онъ грустно къ своему письменному столу. „Вотъ“, сказалъ онъ, „мѣсто, обожженное свѣчой, когда я писалъ V-ю главу „Ундины“. Здѣсь я пролилъ чернила, именно оканчивая послѣднія слова Леноры: „Терпи, терпи, хоть поетъ грудь!“ И въ его глазахъ дрожала слеза. Вынувъ изъ боковаго кармана бумагу, онъ сказалъ: „Вотъ, старый другъ, подпиши здѣсь же, на этомъ мѣстѣ, какъ свидѣтель моего заявленія, что я обязываюсь крестить и воспитывать дѣтей своихъ въ лонѣ православной церкви. Дѣтей моихъ! Странно!“

„Пока я подписывалъ бумагу, Жуковскій, опершись на руку, задумчиво смотрѣлъ на три упомянутыя картины. Вдругъ онъ воскликнулъ: „Нѣтъ, я съ вами не разстанусь!“ И съ этими словами, онъ вынулъ ихъ изъ рамъ, сложилъ вмѣстѣ и велѣлъ отнести въ свою карету. При прощаніи онъ подарилъ мнѣ рельефный свой портретъ, который былъ

---

[1]) Зейдлицъ. Ж. М. Н. П. VI. 291.

[2]) Ibid.

сдѣланъ въ 1833 году въ Римѣ. „Береги его", сказалъ онъ, „и повѣрь словамъ, которыя я вырѣзалъ на немъ:

„Для сердца прошедшее вѣчно!"[1]).

5-го мая Жуковскій былъ уже въ Дерптѣ. Онъ распорядился отправленіемъ слабоумнаго вслѣдствіе скарлатины юноши, сына Александры Андреевны, въ Бунино, къ роднымъ; полученные отъ продажи имѣнія 115.000 руб. онъ назначилъ въ приданое тремъ дочерямъ Воейковой.

21-го мая была назначена свадьба въ Штуттгартѣ. «Въ тотъ день вспомните обо мнѣ», писалъ онъ: «число это уже вырѣзано на обручальныхъ кольцахъ, которыя прислала мнѣ сестра, и для которыхъ всѣ мои сложились» [2]).

Свадьба совершилась въ назначенный день въ Штуттгартской церкви русскаго посольства; затѣмъ обрядъ повторился въ церкви лютеранской [3]).

XLVI.

Заграничная жизнь Жуковскаго.—Невзгоды его семейной жизни и тревоги.—Въ чемъ находилъ поэтъ опору среди этихъ тревогъ?—Жуковскій и Гоголь.—Измѣненіе отношенія Жуковскаго къ утратамъ.—Пробужденіе чувства жизни.—Усиленное поэтическое творчество въ послѣдніе десять лѣтъ его жизни и его педагогическіе замыслы.—Переводъ Одиссеи.—Равнодушіе русской публики къ этому произведенію поэта.—Юбилей Жуковскаго.

Въ Дюссельдорфѣ, на его окраинѣ, нанятъ былъ домъ. Въ немъ жилъ Жуковскій съ Рейтернами. Прекрасный видъ разстилался съ верхняго балкона на Рейнъ. Къ обѣду и

[1]) Ibid. 291. 292.

[2]) Плетневъ. О ж. и с. Ж. 122.

[3]) См. письмо къ Булгакову отъ 26 мая 1846. Соч. Ж. VI. 569.

вечеромъ сходились они всѣ вмѣстѣ; днемъ Жуковскій проводилъ въ своемъ кабинетѣ, общемъ съ женою, для поэтическихъ работъ своихъ. Маленькій садикъ, шаговъ въ 150, примыкалъ къ нему съ одной стороны, за нимъ—огородъ, снабжавшій столъ друзей необходимыми овощами; съ другой стороны простирался паркъ. Двѣнадцать комнатъ, изъ которыхъ три довольно большія, составляли общую ихъ квартиру. Домикъ былъ убранъ изящно: картины, скульптурныя произведенія украшали его комнаты; при одной изъ нихъ находился портикъ, гдѣ обѣдали на воздухѣ; въ садикѣ—большая бесѣдка, гдѣ можно было проводить цѣлые дни, и множество цвѣтовъ. Весною поселились тамъ соловушки и перекликались по ночамъ съ соловьями сосѣдняго парка [1]).

Первый годъ семейной жизни Жуковскаго былъ годомъ мирнаго счастія, отдыхомъ въ тихой пристани съ „милымъ добрымъ, нѣжнымъ товарищемъ", какъ онъ называлъ еще невѣсту свою въ письмѣ къ А. О. Смирновой [2]).

4-го ноября было довершено, казалось, семейное счастіе поэта нашего рожденіемъ дочери. Это совпало съ окончаніемъ поэмы „Наль и Дамаянти", которую онъ передалъ съ Рюккертова перевода для Великой княжны Александры Николаевны. Памятуя счастіе тѣхъ дней, когда все существо его замерло въ упоеніи давно начертанными въ его грезахъ и наконецъ осуществленными въ самой жизни радостями семейнаго очага, онъ приписалъ въ 1843 году посвященіе къ этой поэмѣ, гдѣ самъ рисуетъ эти радости:

Я увидѣлъ
Себя на берегу рѣки широкой;
Садилось солнце; тихо по водамъ

---

1) Письмо къ Императрицѣ Алекс. Ѳеод. Соч. Ж. т. VI. 339.
2) Соч. VI. 523. Письмо отъ 9 сент. 1840.

Суда сіяя плыли, и за ними
Серебряный тянулся слѣдъ; вблизи
Въ кустахъ свѣтился домикъ; на порогѣ
Его дверей хозяйка молодая,
Съ младенцемъ спящимъ на рукахъ, стояла...
И то была моя жена съ моею
Малюткой дочерью...
И нынѣ тихо, безъ волненья льется
Потокъ моей уединенной жизни.
Смотря въ лицо подруги, данной Богомъ
На освященье сердца моего,
Смотря, какъ спитъ сномъ Ангела на лонѣ
У матери младенецъ мой прекрасный,—
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:
Да не смущается твоя душа,
Онъ говоритъ мнѣ, вѣруй въ Бога, вѣруй
Въ меня.

Подобно Египтянину „Поликритова перстня“ недоумѣвали друзья Жуковскаго передъ этимъ непостижимымъ переживаніемъ второй жизни нашимъ поэтомъ, полной счастія, какъ неоднократно свидѣтельствовалъ о томъ самъ перерожденный счастливецъ. Съ одной стороны они видѣли бодрое, сильнымъ ключомъ бьющее поэтическое творчество, какъ бы новымъ приливомъ ударившее изъ оживленнаго сердца поэта, въ большой поэмѣ, по огню, разлитому въ ней, по языку, разсыпавшему всѣ чары русскаго слова: съ другой—замѣчали въ немъ какое-то чувство невѣдомаго таинственнаго страха. Ихъ смущало это повтореніе „вѣруй въ Бога, вѣруй“, которое чрезъ три года произноситъ онъ какъ отголосокъ смиряющаго „всѣ тревоги“ голоса; это троекратное „вѣрить, вѣрить, вѣрить“, которое и еще ранѣе, въ мартѣ 1842 года [1]) вырвалось у него въ письмѣ къ Императрицѣ

[1]) Соч. Ж. VI. 340.

Александрѣ Ѳеодоровнѣ, гдѣ сообщаетъ онъ ей о тревогахъ, которыми смѣнились счастливыя радости перваго года его супружеской жизни [1]); они недоумѣвали и передъ тѣмъ тревожнымъ чувствомъ, которое повторилось въ 1845 году, вызвавъ горячее слово утѣшенія со стороны Гоголя [2]).

Но какъ же могло быть иначе? Развѣ могла безболѣзненно переживаться эта греза дѣйствительности поэтомъ, всю жизнь воспѣвавшимъ дѣйствительность грезы? Неумолимая природа, равнодушная въ осуществленіи своихъ безпощадныхъ законовъ, не читала стиховъ романтика, не упивалась чарами его поэзіи и мечтами этого старика, простиравшаго теперь къ ней руки съ мольбою сохранить его бѣдному сердцу то, что̀ такъ чудно предносилось всю жизнь безграничному его воображенію и въ послѣднемъ порывѣ жизненныхъ силъ было отвоевано у этой природы.

Будто отдаленные раскаты надвигавшейся грозы достигали до слуха нашего поэта, когда дорогое ему созданіе, постигнутое болѣзнію, металось въ тяжкихъ страданіяхъ, цѣною которыхъ покупается у безжалостной природы появленіе въ міръ всякой новой жизни. Но здѣсь эти страданія не прекращались и послѣ ея появленія. Уже больная послѣ рожденія дочери, Елизавета Алексѣевна въ 1845 году съ трепетомъ ожидала новаго напоминанія о часѣ смертномъ. Смерть пощадила ее и на этотъ разъ. Въ конецъ разстроенное послѣ рожденія сына Павла здоровье стало на всю остальную жизнь Жуковскаго источникомъ порою невыносимыхъ страданій—тѣмъ перстнемъ Поликрата, который затерялся

---

[1]) „Мы не должны смущаться сердцемъ, мы должны *вѣрить*, *вѣрит*, *вѣрить*“.

[2]) См. письмо Гоголя, 1845 г. Соч. Н. В. Гоголя, изд. Кулиша. 1857. т. VI. 155.

на вѣки въ жизненномъ морѣ, не встрѣчая чудеснаго возвращенія въ руку, разъ его потерявшую.

Броня оптимизма, которою облекся поэтъ нашъ, была изсѣчена ударами жизни. Уже не одну рану носилъ онъ, съ неестественнымъ одушевленіемъ охраняя грудь мечомъ своимъ, скользившимъ по мечу его противника, чаще и чаще тревожившаго покой, который былъ ему вдвое дороже, нежели кому-нибудь, съ молоду возросшему въ военномъ станѣ.

Въ минуты затишья, между приступами борьбы, какъ бы забываясь въ сладкой надеждѣ на возвратъ мелькнувшаго счастія, разгоралось поэтическое творчество и цѣлымъ рядомъ живыхъ переводовъ то повѣстей [1]), то сказокъ [2]), то поэмъ [3]), отражавшихъ и замираніе сердца, и блаженство надежды, и еще полныя силы радости,—то стихами для милыхъ дѣтей своихъ. [4])

Не проблескамъ „раздражительной боязни духа", какъ то подмѣтилъ разбитый Гоголь, нужно удивляться въ послѣдніе годы нашего поэта; не сквознымъ вѣтромъ въ худо освѣщенныхъ корридорахъ искать объясненія тѣни, скользнувшей мимо представшей утомленнаго боевыми схватками маститаго воина, какъ это дѣлаетъ докторъ Зейдлицъ [5]), приводя статью его „Нѣчто о привидѣніяхъ". Надо удивляться крѣпости духа въ поэтѣ нашемъ, которую онъ сохранилъ до конца

---

[1]) „Миттео Фальконе", изъ Мериме (1843), „Капитанъ Бопиъ" (1843), „Двѣ повѣсти, подарокъ на новый (1844) годъ „Москвитянину", „Выборъ креста", изъ Шамиссо (1844).

[2]) „Тюльпанное дерево", „Котъ въ сапогахъ", „Сказка объ Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ" (1845).

[3]) „Рустемъ и Зорабъ" по Рюккерту (1844 — 1847), „Птичка", „Котикъ и Козликъ", „Жаворонокъ", „Мальчикъ съ пальчикъ" (1851).

[4]) Ж. М. Н. П. 1869. VI. 301.

жизни, о чемъ свидѣтельствуютъ самыя послѣднія произведенія пера его.

Освѣтивъ эти послѣдніе годы всею прошедшею жизнью поэта, свѣривъ тотъ законъ нравственныхъ и интеллектуальныхъ силъ, который онъ перенесъ изъ своего прошлаго въ эту вторую жизнь свою,—мы въ изумленіи останавливаемся передъ живучестью и живительностію религіи даже въ той ея формѣ, въ которой она досталась на долю Жуковскаго.

Припомнимъ воспитательныя средства школы, закалившей сердца своихъ питомцевъ смѣсью мистицизма съ раціонализмомъ, которая вспаивала людей образованнаго круга вдали отъ роднаго источника религіозныхъ началъ; припомнимъ этотъ трансцедентальный міръ, созданный при звукахъ очаровательной земному уху мелодіи западнаго романтизма, который въ загробную жизнь переносилъ всю личную жизнь человѣка, съ ея земными привязанностями, съ ея личною любовью, и личнымъ счастіемъ; оцѣнимъ всю изнѣженность этой религіи, въ фантастически освѣщенные чертоги которой никогда не заносились звуки той настоящей тоски истаго христіанскаго отрѣшенія отъ земли и ея радостей, о которыхъ сказалъ бы ея голосъ, еслибъ онъ былъ доступенъ тамъ; въ вылощенный залъ романтическаго поклоненія не появлялся величавый образъ страстотерпца, въ глубокомъ взорѣ котораго сіяетъ та высшая любовь и та высшая жажда счастія, что давно позабыли о счастіи собственномъ, оставивъ личныя привязанности далеко-далеко, въ стремленіи къ источнику радостей, которыхъ даже символомъ не могутъ быть радости этого міра. Какъ безъ этой брони, неуязвимой для ударовъ мечей всего міра, могъ такъ стойко держаться нашъ рыцарь рейнскаго замка—вотъ чему надо удивляться.

И бодро укрѣпивъ свое знамя, одушевленный до конца непотрясаемой вѣрой, онъ дожилъ свой вѣкъ такъ, какъ дай Богъ дожить каждому, кто цѣнитъ и голосъ потомства, и безупречное сохраненіе даровъ, которые, скопивъ въ жизни, ему оставляетъ.

Неподкупная Немезида, произносящая судъ надъ самою исторіей, подстерегаетъ у насъ людей знанія и просвѣщенія, одухотворенныхъ пламенемъ поэзіи, за то отклоненіе отъ русла христіанской культуры, которымъ отброшенные волнами нашей бурной исторіи мы носимся въ водоворотѣ чуждой жизни. Сколько жертвъ этого исканія родимаго русла, сколько жизней, погибшихъ въ цвѣтѣ нравственныхъ силъ въ ту пору, когда созрѣвшій духъ наконецъ оглядывается на прожитое прошлое; сколько безсильныхъ угрызеній въ позднемъ исканіи этихъ утраченныхъ началъ, которыя живительны лишь въ натурахъ, возросшихъ съ дѣтства въ крѣпительномъ питаніи истиннаго просвѣщенія. Есть возрастъ, въ которомъ уже нельзя ввести въ организмъ соковъ, не участвовавшихся въ его возрастаніи. И вотъ гдѣ тайна того рока, который сражаетъ нашихъ поэтовъ (о нихъ какъ натурахъ болѣе совершенныхъ мы и говоримъ здѣсь), не допуская ихъ до радостной старости; вотъ гдѣ объясненіе того потускнѣнія поэтическаго духа, которое постигло и Гоголя, и Языкова, и Иванова, и . . . . но зачѣмъ называть живыхъ? Два раза родиться нельзя; нельзя и воспитываться два раза. Неумолимая правда насмѣется въ глаза надъ этими потугами, когда художникъ, какъ признается Гоголь [1]), потерявъ терпѣніе, рѣшается во что̀ бы ни стало вести до

---

[1]) Письмо къ Иванову Гоголя 8 марта 1844 г. Соч. Н. В. Гоголя, Кулиша, VI, 54.

конца начатое произведеніе, надъ которымъ у него выпало изъ рукъ перо, въ сознаніи безсилія, и для этого «собираетъ вдругъ всего себя, работаетъ насильно, и наконецъ оканчиваетъ не только лучше, чѣмъ предполагалъ, но даже иногда и очень недурно“ [1]); или когда, обманывая себя и другихъ, поздній ученикъ философствуетъ, что „мы такъ устроены, что все должны пріобрѣтать насильно“..., что „даже истинной веселости духа не пріобрѣтешь до тѣхъ поръ, пока не заставишь себя насильно быть веселымъ“ [2]). Страшныя конвульсіи лица, только издали кажущіяся улыбкою!

И вотъ этихъ-то конвульсій мы не видимъ на спокойномъ лицѣ Жуковскаго. Правда, въ немъ много грусти и утомленія, но въ глазахъ его горитъ глубокое пламя души чистой и чѣмъ-то укрѣпленной. Стоитъ только прослѣдить обоихъ поэтовъ, самою судьбою сведенныхъ подъ конецъ ихъ жизни — Жуковскаго и Гоголя — чтобы разъ навсегда убѣдиться, что не сходства въ нихъ нужно искать въ эту эпоху жизни (еще бы никакаго сходства между ними не было: вѣдь они все же сыны одной земли и одного вѣка!) —но различія, рѣзкаго, страннаго, поразительнаго.

Одинъ—старецъ, обставленный позднимъ счастіемъ человѣкъ, и поэтъ, всѣми мало по малу при жизни забываемый — сколько поводовъ прійти въ отчаяніе; Другой — безъ собственной семьи, во цвѣтѣ лѣтъ, на верху славы во мнѣніи соотечественниковъ—побѣдитель и устарѣвшаго Жуковскаго, и самого Пушкина — сколько поводовъ къ властному шествію на поприщѣ поэта!

И что же? Къ Гоголю клонится наше состраданіе. Потому

---

1) Ibid.

2) Ibid. Письмо 1844 къ А. С. Данилевскому. Стр. 64.

что ему пришлось выносить всю тяжесть грѣховъ нашего отечества, такъ мало подготовившаго путь для истиннаго русскаго поэта. Въ порывахъ поздняго самовоспитанія онъ хочетъ, но не можетъ писать „мимо себя самого и долженъ ожидать себя“ [1]); онъ сознаетъ, что „душа заняла его всего“, и онъ увидѣлъ, „что безъ устремленія души къ ея лучшему совершенству, не въ силахъ онъ двинуться ни одной своей способностью, ни одной стороной своего ума во благо и въ пользу своимъ собратьямъ“ [2]).

Поймавъ въ своемъ самовоспитаніи нѣсколько мыслей, несчастный самоучка спѣшитъ самъ учить имъ другихъ, какъ то бываетъ всегда съ тѣми подростками, которые поражаются узнаннымъ и носятся съ новымъ знаніемъ, перетолковывая его вкривь и вкось въ желаніи навязать встрѣчному и поперечному. „Я теперь поступаю вотъ какъ“, пишетъ онъ какъ бы чувствуя тонъ того учительства, которое охватило его, „если только замѣчаю, что начинаю имѣть на кого-нибудь вліяніе.... мое дѣло упрекнуть, или ободрить, или въ нѣсколькихъ словахъ указать ему его же данныя и заключенные въ немъ самомъ матеріалы, а тамъ— иди себѣ своей дорогой“ [3]). Не претворенное въ плоть и кровь, жадно нахватанное ученіе религіозное, не оплодотворило сущности его поэтическаго духа—и поэзія умолкла— осталось дидактическое ораторство. Возможно ли было ему пережить этотъ опасный болѣзненный процессъ—осталось тайною; Гоголь такъ и умеръ не поэтомъ, оторванный отъ своего поэтическаго прошлаго. Онъ умеръ въ нетерпѣливой тоскѣ по творчеству глубокому, не удовлетворенный сфе-

---

[1]) Ibid. Письмо къ Языкову, 14 іюля 1844. Стр. 88.
[2]) Ibid. Письмо къ NF. 127.
[3]) Ibid. 94. Письмо къ NF 26 авг. 1844.

рою искусства, возможнаго въ его время въ условіяхъ историческихъ русской литературы.

Періодъ жизни, когда переживалъ онъ этотъ губительный процессъ, оставилъ и другіе слѣды, которые у насъ чаще замѣчаютъ, говоря о Гоголѣ. Это—то, „кокетство“ своимъ самоусовершенствованіемъ, въ которомъ упрекнулъ его даже другъ его Шевыревъ, который ужъ конечно былъ на его сторонѣ [1]). Не будемъ же останавливаться мы на этомъ. По нашему, и не могло быть иначе; и это простится Гоголю за то, что возлюбилъ онъ искомую, хотя и не найденную имъ правду. Элементы культуры, сдѣлавшіе ему возможнымъ писательство, оказали всю свою несостоятельность передъ запросами его стихійной души, захотѣвшей рѣшить усиліями разсудка то, что̀ было конечно не подъ силу нѣжинскому лицеисту.

Тѣмъ не менѣе ему казалось, что онъ на пути къ этимъ рѣшеніямъ. Учась, онъ училъ (увы, судьба нашихъ учителей!), вмѣсто того, чтобы уча, учиться! Сколько разбитыхъ надеждъ, огорчительныхъ разочарованій принесла ему имъ изданная „Переписка съ друзьями!“ Сколько усилій, сколько переписки по поводу этой «Переписки»—съ толкованіями, разъясненіями. Были ли бы они нужны, если-бы его книга была голосомъ правды? „Вся книга моя долженствовала быть пробою,“ пишетъ онъ: «мнѣ хотѣлось ею попробовать, въ какомъ состояніи находятся головы и души; мнѣ хотѣлось только поселить въ головѣ идеалъ возможности дѣлать добро“ [2]).

„Только поселить идеалъ“! Только! О, святая простота! Бѣдное, бѣдное дитя, пойманное среди подачи тайной милостыни!

---

[1]) См отвѣтъ Шевыреву. Ibid. 119

[2]) Къ NF 22 февр. 1847. 345.

„Поваръ вызвался угостить хорошимъ кушаньемъ и даже необыкновеннымъ обѣдомъ“, пишетъ онъ въ формѣ апологa С. Т. Аксакову о цѣли своей книги [1]), „тѣхъ людей, которые сами не бывали на кухнѣ, хотя и ѣли довольно вкусные обѣды. Поваръ самъ вызвался; ему никто не заказывалъ обѣда. Онъ сказалъ только впередъ, что обѣдъ его иначе будетъ сготовленъ, и потому потребуется больше времени... Слѣдовало молчать и ожидать терпѣливо. Нѣтъ, давай кричать: Подавай обѣдъ! Поваръ говоритъ: это физически невозможно, потому что обѣдъ мой совсѣмъ не такъ готовится, какъ другіе обѣды... Ему отвѣтъ: Врешь, братъ! Поваръ видитъ, что ему нечего дѣлать, рѣшился наконецъ привести гостей своихъ на кухню, постаравшись, сколько можно было, разставить кастрюли и весь кухонный снарядъ въ такомъ видѣ, чтобы изъ него хоть какое нибудь могли вывести заключеніе объ обѣдѣ. Гости увидѣли множество такихъ странныхъ и необыкновенныхъ кострюль и наконецъ такихъ орудій, о которыхъ и подумать бы нельзя было, чтобы они требовались... что у нихъ закружилась голова“. Такъ оправдывается Гоголь передъ отцомъ Аксаковымъ, и отступаетъ передъ словомъ его сына, имѣвшаго дружеское мужество написать заблуждающемуся: „главный недостатокъ книги есть тотъ, что она — ложь!“ [2]). Но много нужно было времени, чтобы авторъ отступился отъ защиты своей недоваренной книги. За годъ передъ тѣмъ еще онъ не выбитъ изъ сѣдла. „Рѣзкость, дикость и заносчивость многаго въ моей книгѣ расшевелитъ и задѣнетъ за живое многихъ умныхъ людей“, пишетъ Гоголь Шевыреву 10 марта 1847 года, и право трудъ мой полезнѣй и су-

---

[1]) Ibid. 6 марта 1847. 348.

[2]) Ibid. Письмо 3 іюня 1848. К. С. Аксакову.

щественнѣй, чѣмъ думаютъ многіе, и онъ стоитъ того, чтобы друзья мои, все мнѣ простивши, всѣ мои несправедливости, поработали грудью за меня" [1]) „Книга выдана въ свѣтъ, чтобы пощупать ею, во первыхъ, самого себя", пишетъ онъ черезъ недѣлю Данилевскому, „а во вторыхъ, другихъ—узнать посредствомъ ея, на какой степени душевнаго состоянія своего стоитъ теперь каждый изъ нашего современнаго общества" [2]) „Трудъ у меня все одинъ и тотъ же, все тѣ же Мертвые Души", обманываетъ себя Гоголь въ письмѣ къ князю В. В. Л—ву еще черезъ два дня: „и одна изъ причинъ ея появленія—возбудить ею тѣ разговоры и толки въ обществѣ, вслѣдствіе которыхъ непремѣнно должны были выказаться многія мнѣ незнакомыя стороны современнаго русскаго человѣка", [3]) „Повѣрь", пишетъ коротко онъ черезъ мѣсяцъ Плетневу, „что безъ этой книги не было бы на чемъ испробовать нынѣшняго человѣка". [4]) И повторяетъ то же дословно Шевыреву черезъ десять дней [5]).—„Замѣтили-ли вы одно необыкновенное свойство моей книги, какое врядъ ли имѣла доселѣ какая-нибудь книга,—именно то, что она, не смотря на всѣ безчисленныя свои недостатки, можетъ служить пробнымъ камнемъ для узнанія нынѣшняго человѣка?" учительно замѣчаетъ Гоголь г-жѣ NF. [6]) черезъ три дня послѣ краткаго письма Плетневу. „Книга моя есть отчетъ въ моей внутренней вознѣ,—въ ней видно, что строился человѣкъ точно для чего-то добраго, хотя и не состроился"—такъ объ-

---

[1]) Ibid. 353.
[2]) Ibid. 358.
[3]) Ibid. 362.
[4]) Ibid. 370.
[5]) Ibid. 375.
[6]) Ibid. 442.

ясняетъ книгу Гоголь Вигелю [1]). Я имѣлъ въ виду небольшой щелчокъ каждому... считая его нужнымъ, испытавши надобность его на собственной кожѣ" — пишетъ онъ къ WO, выдавая свою книгу какъ подвигъ, „выставя себя на всеобщій позоръ" [2]), а 28 августа того же 1847 года сознается С. Т. Аксакову: „Книга моя покрыла меня точно позоромъ, по словамъ вашимъ; она мнѣ точно позоръ, но благодарю Бога за этотъ позоръ... не увидѣлъ бы я безъ нея ни неряшества моего, ни самоослѣпленія, ни многаго того, чего не хочетъ видѣть въ себѣ человѣкъ". Нотка слезливая слышится въ этомъ отвѣтѣ на прозорливую рѣчь прямодушнаго С. Аксакова, но Гоголь все же пытается доказать, что ему „нужно было для „Мертвыхъ Душъ" узнать, въ какомъ состояніи находится общество..." [3]) И только въ слѣдующемъ 1848 году духовнику своему, отцу Матвѣю, сознается онъ: „Я точно опрометчивой книгой моей показалъ, какіе-то исполинскіе замыслы на что̀ то въ родѣ вселенскаго учительства. Но книга моя есть произведеніе моего переходнаго душевнаго состоянія, временнаго, едва освободившагося отъ болѣзненнаго состоянія" [4]) и сознается, что онъ „съ этой неразсудительной книгой нечувствительно забрелъ туда, гдѣ ему неприлично".

Мы нарочно прослѣдили процессъ, которымъ дошелъ Гоголь въ своей непокорной душѣ до исповѣди относительно сдѣланнаго ложнаго шага. Ничто такъ не освѣщаетъ Жуковскаго, какъ въ высшей степени знаменательный фактъ, что ему, этому дивному человѣку, Гоголь еще 10 февраля 1847 года, слѣдовательно прежде всѣхъ приведенныхъ выше

---

[1]) Ibid. 372.
[2]) Ibid. 377.
[3]) Ibid. 378.
[4]) Ibid. 420.

ухищреній уколотаго самолюбія и вкрадчивыхъ моленій понять достоинства книги, онъ коротко и ясно написалъ: „въ книгѣ выступилъ одинъ *я*, своей собственной личной фигурой, точно какъ бы издавалъ книгу затѣмъ, чтобы показать себя". Онъ и тутъ пытается это объяснить какою-то безтолковщиной, произшедшей при печатаніи книги, но и самъ не придаетъ этому значенія—а послѣ ни разу не упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ.

Какая разительная черта для характеристики Жуковскаго! Не справедливо ли сказали мы въ началѣ нашей книги [1]), что передъ Жуковскимъ лгать было невозможно,—и вотъ не прошло мѣсяца, только что пославъ г-жѣ NF. увѣреніе, что онъ „хотѣлъ поселить только идеалъ возможности дѣлать добро", съ тою же почтою (6 марта), съ которой въ апологѣ объ обѣдѣ представлялъ себя непонятымъ чуднымъ поваромъ,—Жуковскому онъ пишетъ честно и искренно: „Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духу заглянуть въ нее!" [2])

Можетъ ли же быть рѣчь о томъ отождествленіи душевнаго состоянія, которое испытывалъ трепетавшій за свое счастіе Жуковскій, съ тѣмъ головокруженіемъ, которое ослѣпило „развернувшагося Хлестакова"— отождествленіи, о которомъ порою приходится слышать у насъ? Нельзя видѣть въ душѣ Жуковскаго и „душевнаго аскетизма", какъ слѣдствія піэтистическаго вліянія подъ старость окружавшей его среды, какъ то находитъ въ немъ г. Зейдлицъ, вообще съ любовнымъ вниманіемъ всматривающійся въ душевное состояніе своего друга. Свое заключеніе онъ произноситъ единственно на основаніи словъ Жуковскаго, ко-

---

[1]) См. глава XIV.
[2]) Соч. Н. В. Гоголя, Кулиша. VI, 350.

торый на упреки друзей его въ меланхоліи отвѣчалъ, что „уныніе у христіанина образуетъ животворную скорбь, которая есть для души источникъ самобытной и побѣдоносной дѣятельности“ [1]). Да развѣ все міровоззрѣніе Жуковскаго, начиная отъ поры „Сельскаго кладбища“ и до конца его жизни хоть на іоту измѣняло этому воззрѣнію? Если это можно назвать „душевнымъ аскетизмомъ“, то онъ былъ такимъ аскетомъ всю жизнь. Да развѣ, наконецъ, „животворная скорбь“ въ сущности не есть принадлежность христіанскаго міросозерцанія?

Вліяніе піэтизма жены и всего того круга, въ которомъ вращался Жуковскій, едва ли могло измѣнить сущность воззрѣній маститаго борца съ ударами судьбы. „Жаль за себя“, пишетъ Жуковскій другу своему г. Зейдлицу по поводу смерти Кати Воейковой, унесенной 28 января 1844 года, „жаль за себя, что уже не увижу ее въ здѣшнемъ свѣтѣ; о ней намъ теперь заботиться нечего“ .. „У Бога ей лучше, тамъ же и мать“ [2]).

Если послѣднія слова мы столько разъ уже слышали отъ Жуковскаго, то первыя, т. е. „жаль за себя“ — дѣйствительно что-то новое. Сколько разъ прежде голосъ естественнаго человѣческаго чувства при утратахъ покрывался голосомъ мечтательной грезы о близости умершихъ къ покинутымъ живымъ. Припомнимъ увѣренія поэта нашего, что „какъ только пройдутъ конвульсіи болѣзни при подобной утратѣ,—одно неслышное слово сдѣлается чувствомъ, любовію, прибѣжищемъ души, и въ сущности не перемѣняется ничто: дверь остается затворенною, какъ теперь: но за нею „видно, и слышно“ [3]). Такъ думалъ Жуковскій въ 1839

[1]) Ж. М. Н. П. 1869. VI. 317.
[2]) Ibid. 310.
[3]) Письмо къ гр. М. Ю. Віельгорскому 1839 года.

году и такъ же думалъ авторъ „Теона и Эсхина“.—Но то было въ *ту* жизнь, въ *тѣ* дни, когда поэтъ пѣлъ:

Одна лишь смутная мечта въ душѣ моей:
Какъ будто міръ земной въ ничто преобратился,
Какъ будто та страна знакомѣй стала ей,
Куда сей чистый ангелъ скрылся [1]).

Теперь же міръ земной сталъ знакомѣе нашему поэту: вѣдь чистый ангелъ сошелъ съ неба на землю, прежде лишь на мгновеніе являвшійся кудрявою головкою, а потомъ скрывавшійся въ свое бѣлое и голубое покрывало, „маня въ далекое [2]).

Конечно въ такомъ подвигѣ, какой предстоялъ Жуковскому при его нравственномъ переломѣ, не легко было сохранить спокойствіе духа—и порою тяжело становилось его сердцу. Жена его „часъ отъ часу падала духомъ и тѣломъ“. Мы имѣемъ возможность прочитать одно изъ писемъ, написанное на ту знакомую тему, которая лучше всего раскрываетъ отношеніе поэта нашего къ роковымъ утратамъ, и относящееся уже къ этому новому періоду его жизни. Скончалась Великая Княгиня Александра Николаевна, такъ недавно вдохновившая его при сочиненіи „Наля“. „Она слышала голосъ своего младенца“, пишетъ онъ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, „и этимъ милымъ голосомъ сказалась ей смерть; сынъ родился какъ будто только для того, чтобы позвать за собой на небо мать и въ крикѣ его, въ этомъ призваніи смерти, выразилось для нея все: и таинство разлуки съ покидаемыми, которая не иное что, какъ узы тѣснѣйшія, и радость совокупной жизни съ родною душою“ [3]). „Любовь, всегда болѣе или менѣе своекорыстная“,

---

[1]) „Славянка“. 1815.
[2]) „Привидѣніе“.
[3]) Ж. VI. 45.

пишетъ онъ, „силится удержать свое сокровище по сю сторону гроба". „Эта чувственная разлука... эта временная преграда, черезъ которую однако мы можемъ переступить вѣрою". „Что́ были эти страданія, которыя такъ мучили сердце отца и матери и съ ними всѣ сердца ихъ семьи?.. Это были привидѣнія, посреди которыхъ вѣрующему сердцу надлежало пробиться къ истинному Богу... Пусть глаза плачутъ, и слухъ жаждетъ милаго голоса, и руки ищутъ милой руки, и сердце, бѣдное, слабое сердце обо всемъ этомъ тоскуетъ—но душа, вѣрующая душа, торжествуй, благословляй,—и печаль ея обратится въ радость"... Такъ утѣшаетъ Жуковскій въ 1844 году Августѣйшую мать, потерявшую дочь свою...

Какъ пластично изображенъ здѣсь тотъ голосъ природы, который сталъ живѣе звучать въ душѣ Жуковскаго въ ту эпоху жизни, о которой мы теперь повѣствуемъ. Черезъ преграды, полагаемыя природою, ему стало нужно пробиваться. Вотъ гдѣ почувствовалась сильнѣе, нежели когда нибудь потребность вѣры. Прочными корнями, съ каждымъ годомъ вроставшими въ землю болѣе и болѣе, прикрѣплялся къ ней прежній „зритель жизни" и почувствовалъ, какъ никогда быть можетъ прежде, потребность вѣры: отъ того такъ часто онъ взываетъ къ ней. И на него пахнулъ, наконецъ, холодъ того чертога, который онъ такъ привыкъ было принимать за истинное прибѣжище жаждущаго религіознаго утѣшенія сердца. Щиту романтизма, казалось, наступалъ конецъ.

И онъ не укрылся бы за нимъ, еслибы то былъ дѣйствительно тотъ романтизмъ, во всей его чистотѣ, какой предлагала ему одна поэзія Запада Русская природа, русская тоска, и прежде не допускавшія его дѣлить грезы воображенія съ самодовольнымъ упоеніемъ міра чувственнаго, до-

статочно подготовили его къ этимъ угрозамъ надвигавшейся послѣдней схватки съ мстителемъ, такъ мощно имъ отражаемымъ.

Что онъ не палъ духомъ и не впалъ въ суевѣрный ужасъ нѣмецкаго піэтизма — свидѣтелемъ тому бившій сильнымъ ключомъ источникъ поэтическаго творчества. „Рустемъ и Зорабъ“ три года носитъ его по дальнему Востоку [1]) — и вполнѣ здоровое чувство, сохраненное въ многолѣтней жизни, обратило его къ Гомеру.

Нужды нѣтъ, что Гомера онъ передалъ не такъ, какъ бы слѣдовало передать его [2]); все же донынѣ по-русски никто не передалъ его лучше. Насъ занимаетъ теперь личность поэта—и нельзя не видѣть, что яснымъ свѣтомъ горѣлъ въ душѣ его огонь поэзіи. По своему обыкновенію, онъ Гомера претворилъ въ собственное произведеніе, но это только подтверждаетъ силу оживившей его жизни. Если самъ вѣчно-юный старецъ Гомеръ не покорилъ себѣ нашего поэта, можно ли говорить о подчиненіи его мыслей такому больному ребенку, какимъ была жена его?

Лелѣя и покоя бѣдное существо, посланное украсить, но и огорчить послѣдніе годы его жизни, авторъ „Ундины“ въ своемъ горячемъ сердцѣ находилъ мѣсто и для новаго друга своего, и для старыхъ друзей-поэтовъ. Не имѣя возможности дѣлиться съ любимою женою произведеніями пера своего (жена его по-русски не понимала [3]), Жуковскій за

---

[1]) 1844—1847.

[2]) Ниже, въ приложеніи IX-мъ, читатели найдутъ нѣсколько словъ объ особенностяхъ перевода этой поэмы, сдѣланнаго Жуковскимъ.

[3]) Соч. Н. В. Гоголя, Кулиша. VI.239. „Поцѣлуйте по три раза обѣ ея ручки и прочитайте ей мои стихи, претворивъ ихъ во французскій или нѣмецкій діалектъ“, пишетъ Гоголь въ 1846 г. Жуковскому.

то дѣтьми своими былъ направленъ къ цѣлому ряду поэтическихъ произведеній.

Семья не отвращала его отъ поэзіи. Она сохраняла его для нея. Въ немъ оживилась и его педагогическая струя.

„Мнѣ хочется", пишетъ онъ, „сдѣлать два изданія „Одиссеи" русской: одно для всѣхъ читателей, другое для юности. По моему мнѣнію, нѣтъ книги, которая была бы приличнѣе первому, свѣжему возрасту, какъ чтеніе, возбуждающее всѣ способности. ...Къ этому очищенному [1]) Гомеру я намѣренъ придать родъ Пролога: представить въ одной картинѣ все, что̀ было до начала странствія Одиссея. Эта картина обхватитъ весь первобытный, миѳологическій и героическій міръ Грековъ. Разсказъ долженъ быть въ прозѣ. Но все, что̀ непосредственно составляетъ цѣлое съ Одиссеей, т. е. Троянская война, гнѣвъ Ахиллесовъ, судьба Ахилла и Пріамова дома, все должно составить одинъ сжатый разсказъ гекзаметрами, разсказъ, сшитый изъ разныхъ отрывковъ „Иліады", трагиковъ и Энеиды, и приведенный къ одному знаменателю. Въ этотъ разсказъ вошли бы однако нѣкоторыя пѣсни Иліады, вполнѣ переведенныя. Такимъ образомъ „Одиссея для дѣтей" была бы въ одно время и живою исторіей древней Греціи, и полною картиною ея миѳологіи, и самою образовательною дѣтскою книгою" [2]).

---

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ о той неудачной попыткѣ Жуковскаго издать Одиссею съ заклейками опускаемыхъ для юношества мѣстъ, которую онъ и осуществилъ при послѣднемъ изданіи своихъ сочиненій 1849 года. Но нельзя не признать прекрасною слѣдующую затѣмъ мысль о Прологѣ къ Одиссеѣ.

[2]) Замѣчательная мысль, въ послѣднее время высказываемая вновь нѣкоторыми педагогами и до сихъ поръ ожидающая своего осуществленія.

Такъ ли разсуждаетъ піэтистъ?

Жуковскій вѣренъ себѣ и неистощимъ въ своихъ литературныхъ планахъ. Онъ задумываетъ еще „Собраніе повѣстей для юношества“ (пока еще не готовыхъ, кромѣ двухъ-трехъ), и намѣренъ издать ихъ особо. „Онѣ будутъ“, сообщаетъ онъ, „писаться или ямбами безъ риѳмъ, или моимъ сказочнымъ гекзаметромъ, совершенно отмѣннымъ отъ гекзаметра гомерическаго — и этотъ слогъ долженъ составлять средину между стихами и прозой“ (чѣмъ могъ быть этотъ стихъ подъ перомъ Жуковскаго—мы видѣли въ „Войнѣ мышей“ и „Ундинѣ“), т. е. не быть прозаическими стихами, быть однако столь же простымъ и яснымъ какъ проза, такъ чтобы разсказъ, не смотря на затрудненія метра, лился какъ простая, непринужденная рѣчь“. И это предположеніе не осталось одними словами.

„Вотъ уже четыре дни, бросивъ всѣ дѣла свои и занятія, которыхъ не прерываетъ никогда“, пишетъ о Жуковскомъ Гоголь „и черезъ два дни послѣ моего письма, Москвитянинъ получитъ капитальную вещь и славный подарокъ на новый годъ“. Такъ извѣщалъ Гоголь редактора Москвитянина еще въ 1845 году о приготовленныхъ для 1-й его книги произведеніяхъ.

Связей съ московскими издателями Жуковскій не прерывалъ никогда. „1849 годъ радостно встрѣтилъ русскую литературу. Еще въ предшествовавшемъ году разнеслась молва о близкомъ появленіи Одиссеи, и оба ея тома дѣйствительно появились. Гораздо неожиданнѣе было появленіе „Рустема и Зораба“. „Бывши нѣкогда оріенталистомъ по званію, оставаясь и понынѣ диллетантомъ Персидской поэзіи“, говорилъ Фойгтъ въ засѣданіи 8 марта 1849 года въ Казанскомъ обществѣ Любителей Отечественной Словесности, „я тѣмъ не менѣе былъ пораженъ ея свѣжими,

истинно ея дѣвственными красотами. Въ чудномъ разнообразіи раскидываются передъ нами новая природа Востока съ ея непотускнѣвшими красками, новая рыцарская жизнь съ ея громадной силой и новый поэтическій міръ образовъ и представленій. Описаніе битвы отца и сына, невѣдомыхъ другъ другу, драматическое впечатлѣніе предшествующихъ обстоятельствъ, возрастающій интересъ разсказа, неотразимое владычество рока, тяготѣющее надъ двумя первенствующими исполинами древней Персіи, и наконецъ трагическая смерть довѣрчиваго цвѣтущаго юностію сына отъ руки коварнаго, ослѣпленнаго злостію отца,—все это въ соединеніи съ бойкимъ, звучнымъ, неподражаемымъ стихомъ, стихомъ Жуковскаго, составляетъ такое явленіе, которое я, находясь подъ первымъ впечатлѣніемъ, готовъ бы назвать первымъ во всей нашей новѣйшей литературѣ".

Въ „Сказкѣ объ Иванѣ Царевичѣ" Жуковскому „удалось", какъ пишетъ Плетневъ, [1]) „на одну нить нанизать самыя поэтическія причуды нашей народной фантазіи и оживить эти перлы единствомъ событія, завлекательнаго и характернаго".

Замѣчательны мысли Жуковскаго о сказкахъ для дѣтей: „Я полагаю", говоритъ онъ, „что сказка для дѣтей должна быть чисто сказкою, безъ всякой другой цѣли [2]), кромѣ пріятнаго, непорочнаго занятія фантазіи. Надобно, чтобы въ дѣтской сказкѣ (не для перваго, а для втораго возраста) все было нравственно чисто; чтобы она своими сценами представляла воображенію одни свѣтлые образы, чтобы эти образы никакого дурнаго, нравственнаго впечатлѣнія послѣ себя не оставляли—этого довольно. Сказка должна быть такъ же жива

---

[1]) Стр. 135.

[2]) Сказалъ ли бы то нѣмецкій піэтистъ?

и возбудительна для души, какъ дѣтскія игры возбудительны для силъ тѣлесныхъ. При воспитаніи, сказка будетъ занятіемъ чисто пріятнымъ и образовательнымъ; и ея польза будетъ въ ея привлекательности, а не въ тѣхъ нравственныхъ правилахъ, которыя только остаются въ понятіи, рѣдко доходятъ до сердца и могутъ сравниться съ фальшивыми цвѣтами, которые своею мертвою красотою дѣлаютъ насъ не столь чувствительными къ живой благовонной свѣжести цвѣтовъ естественныхъ" [1]).

Піэтистъ ли разсуждаетъ такъ?

Не остался и Прологъ къ Одиссеѣ безъ попытки къ осуществленію. Окончивъ „цѣлый толстый томъ прозаическихъ статей, и заявивъ, что и еще впредь задуманныя прозаическія занятія ему улыбаются, замысливъ планъ „Агасвера", покаявшись въ искушеніи приняться за Иліаду, дабы оставить по себѣ полнаго собственнаго Гомера, Жуковскій сообщаетъ, что уже началъ Прологъ къ Одиссеѣ—„свободную повѣсть о Троянской войнѣ", и стиховъ 200 уже написано». Такъ писалъ онъ 20 декабря 1848 г. [2]). Приступая къ Одиссеѣ, Жуковскій такъ отвелъ свое перерожденное сердце въ письмѣ къ Великому Князю Константину Николаевичу: „Новѣйшая поэзія, конвульсивная, истерическая, мутная, мутящая душу, мнѣ опротивѣла; хочется отдохнуть посреди свѣтлыхъ видѣній первобытнаго міра" [3]).

Дописывая Одиссею, онъ сообщалъ теперь: [4]) „Работа снова пошла живо. Она началась въ ноябрѣ, когда я совсѣмъ устроился въ Баденѣ—и къ половинѣ декабря я уже пере-

---

[1]) Плетневъ. 135.
[2]) Ibid. 140.
[3]) Ibid.
[4]) Соч. Ж. VI 359. Отъ 28 окт. 1842.

велъ четыре пѣсни (одна изъ нихъ почти отпечатана). Если такъ пойдетъ, то въ началѣ марта все можетъ быть кончено. Помолите Бога за меня и за моихъ. По окончаніи Одиссеи, примусь и за прозу. Это будетъ совсѣмъ новое для меня поприще съ особою цѣлію. Если Богъ дастъ нѣсколько лѣтъ жизни, то могу ими добрымъ образомъ воспользоваться. Съ поэзіею пора распроститься. Мы разстанемся однако безъ ссоры. Напослѣдяхъ она мнѣ послужила вѣрою и правдою.... Я русскій паукъ прицѣпился къ хвосту орла-Гомера, взлетѣлъ съ нимъ на его высокій утесъ— и тамъ, въ недоступной трещинѣ, соткалъ для себя уютную паутину. Могу похвастать, что этотъ совѣстливый, долговременный и тяжелый трудъ совершенъ былъ съ полнымъ самоотверженіемъ, чисто для одной прелести труда. Не съ кѣмъ было подѣлиться своимъ поэтическимъ праздникомъ. Одинъ былъ у меня свидѣтель—гипсовый бюстъ Гомера, величественно смотрѣвшій на меня съ печи кабинета. Было однако у меня и раздолье, когда со мною жилъ Гоголь: онъ подливалъ въ мой огонекъ свѣжее масло; и еще—когда я пожилъ въ Эмсѣ съ Хомяковымъ и съ моимъ милымъ Тютчевымъ: тутъ я самъ полакомился вмѣстѣ съ ними своимъ стряпаньемъ". [1]).

„Гомеръ", писалъ 8 марта 1848 года Жуковскій Великому Князю Константину Николаевичу [2]), „могучъ какъ Зевесъ-Громовержецъ, чистъ какъ Харита, простодушенъ какъ Психея, и говорливъ какъ лишенный зрѣнія старикъ-прорицатель, которому въ слѣпотѣ его видится прошедшее и будущее, и который знаетъ, что около него толпится многочисленный народъ".

---

[1]) Соч. Ж. VI. 363.
[2]) Ibid. 140 и д.

Сколько жизни въ этихъ строкахъ истиннаго поэта, страстно любящаго до конца свое дѣло! 11-го октября 1849 года, кончивъ печатаніе и 2-й части Одиссеи, онъ писалъ: „Скажите мнѣ слова два о 2-й части. Я переводилъ ее con amore, и работа шла неимовѣрно быстро: менѣе, нежели во 100 дней, переведены были и даже отпечатаны всѣ XII пѣсней. Поправки шли рядомъ съ переводомъ: я поправлялъ по корректурѣ, что̀ гораздо лучше и вѣрнѣе, нежели въ манускриптѣ, и почти всегда имѣлъ 6 корректуръ каждаго листа (это было возможно по причинѣ близости Бадена, гдѣ я жилъ, отъ Карлсруэ, гдѣ производилось печатаніе). И какъ будто свыше было опредѣлено, чтобы тишина въ Баденѣ продолжалась до окончанія труда моего. Послѣдній листъ отпечатанъ, и нѣсколько корректуръ его было уже отправлено въ Карлсруэ, какъ вдругъ вспыхнулъ мятежъ, который принудилъ меня немедленно переѣхать съ семьею въ Страсбургъ. Туда явился и Рейтернъ изъ Карлсруэ. Онъ также бѣжалъ отъ мятежа, но не забылъ привезть послѣднюю корректуру, которая и подписана была въ Страсбургѣ. Не смотря на бунтъ, всѣ экземпляры были немедленно отправлены по Рейну въ Мангеймъ, изъ Мангейма въ Кельнъ, а изъ Кельна по желѣзной дорогѣ въ Штетинъ—и уже я давно имѣю извѣстіе отъ Шлецера, что все благополучно отправлено въ Петербургъ. Но изъ Петербурга нѣтъ никакихъ вѣстей. И я прошу Васъ убѣдительно дать мнѣ какое нибудь извѣстіе. Мое бѣгство въ Страсбургъ не позволило мнѣ сдѣлать какой-нибудь эрраты. Нѣкоторыя мѣста мною поправлены въ самомъ текстѣ“ [1])...

И все это бодрое, радостное творчество въ то время, когда не разъ Жуковскій и самъ былъ боленъ. Еще въ

[1]) Ibid. 144 и д.

1845 году онъ хворалъ [1]). Пламенно желалъ Жуковскій, въ перепискѣ, теперь гораздо болѣе обширной, нежели въ предшествующія эпохи жизни, не прерывавшій связей съ Россіею, окончательно вернуться въ отечество, но болѣзнь жены все не дозволяла этого. „Думалъ ли я", писалъ онъ въ одну изъ тяжелыхъ минутъ своей жизни, 11 окт. 1849 года, „покидая Россію, для своей женитьбы, что не прежде возвращусь въ нее, какъ черезъ десять лѣтъ? И дозволитъ ли Богъ возвратиться? Моя заграничная жизнь совсѣмъ не веселая, не веселая уже потому, что не произвольная; причина, здѣсь меня удерживающая, самая печальная—она портитъ всю жизнь, отымаетъ настоящее, пугаетъ за будущее: болѣзнь жены (а нервическая болѣзнь самая бѣдственнная изъ всѣхъ возможныхъ болѣзней), болѣзнь матери семейства и хозяйки дома, уничтожаетъ въ корнѣ семейное счастіе. Да и самъ я не въ порядкѣ, Швейцарскій воздухъ былъ мнѣ не въ прокъ; тамъ начали немного шалить и мои нервы; пропалъ мой всегдашній вѣрный товарищъ—сонъ, и сдѣлалось у меня что-то похожее на одышку. Поѣздка въ Варшаву меня поправила: сонъ возвратился; одышка не такъ сильна. Но есть какой-то безпорядокъ кровообращенія, отчего біеніе сердца и нервы начинаютъ пошаливать. Докторъ изъясняетъ все это гемороемъ и утверждаетъ, что скоро все придетъ въ порядокъ. Я и самъ не нахожу въ себѣ рѣшительной болѣзни. Теперь передо мною цѣлая зима. Надѣюсь, что она здѣсь, въ Баденѣ, подъ покровомъ Прусской арміи, пройдетъ спокойно, хотя мы все живемъ здѣсь на волканическомъ грунтѣ. Прошлая

[1]) См. письмо Гоголя къ Языкову отъ 15 Марта 1845, и письмо къ Жуковскому 6 февр. 1846 года. (Соч. Н. В. Гоголя, Кулиша, IV, 172, 285.)

зима была для меня благопріятна: она была поэтически-благотворна. Что̀ произведетъ нынѣшняя? Не вѣдаю, и еще ни на какую работу не рѣшился, хотя передъ глазами и много плановъ. Съ поэзіей пора проститься. Надобно приниматься за прозу. У меня довольно написано философскихъ отрывковъ. Они могутъ составить толстый томъ—и еще многое хочется написать. На это можетъ быть употреблена нынѣшняя зима, если только Богъ дастъ здоровья. Я вамъ послѣ сообщу то, что̀ пишетъ о моей Одиссеѣ Варнгагенъ-фонъ-Энзе (теперь одинъ изъ первыхъ критиковъ Германіи.) Онъ знаетъ прекрасно и греческій, и русскій языкъ. Если онъ мнѣ не льститъ, то могу считать свою работу удачною" [1]).

По временамъ вынося боевыя схватки своего недоброжелательнаго врага, Жуковскій все же, казалось, не зналъ утомленія. На недуги смотрѣлъ онъ съ равнодушіемъ замѣчательнымъ, даже подшучивая надъ ними [2]).

Жуковскій все еще надѣялся возвратиться въ Россію. Гр. Уваровъ предполагалъ къ его пріѣзду устроить пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности Жуковскаго. Но такъ-какъ онъ не пріѣхалъ, то юбилей и не состоялся.

Плетневъ разсчиталъ, что пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности Жуковскаго истекло въ октябрѣ 1847 года, потому что его первая статья напечатана въ № 86 „Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени 1797 года" [3]).

29 января 1849 года кн. П. А. Вяземскій все же рѣшился отпраздновать заочно у себя въ Петербургѣ этотъ юбилей. Въ квартиру свою онъ пригласилъ всѣхъ друзей

---

[1]) Плетневъ. 147 и д.
[2]) Плетневъ 157.
[3]) Р. А. 1866. 1072.

поэта, бывшихъ въ то время въ столицѣ, Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ удостоилъ принять участіе въ торжествѣ въ честь своего наставника. Учредитель торжества написалъ на этотъ случай два стихотворенія: одно было прочитано, а для другаго написана музыка, и его пѣли. Чтобы порадовать сердце отдаленнаго друга, приготовили чистые листы, на которыхъ присутствовавшіе, дамы и мужчины попарно, собственноручно написали свои имена; и ихъ на слѣдующій же день отправили въ Баденъ-Баденъ съ описаніемъ юбилея. Государь пожаловалъ поэту, въ бытность его въ Варшавѣ, о чемъ упоминалось выше, орденъ Бѣлаго Орла при грамотѣ [1]).

Старикъ порадовался, что помнятъ его хоть близкіе друзья, не обманываясь въ томъ, какъ относилось къ нему новое поколѣніе, а въ потокѣ новыхъ идей многіе и изъ поколѣнія старѣйшаго.

Въ прилагаемомъ нами письмѣ Жуковскаго къ П. В. Нащокину, впервые печатаемому [2]), читатели прочтутъ, съ какимъ достоинствомъ принималъ онъ крайнее равнодушіе, встрѣтившее его "Рустема" и „Одиссею", которыя въ пылу еще не остывшаго творчества называлъ онъ лучшими произведеніями пера своего. „Въ продолженіе моей заграничной жизни", писалъ онъ черезъ три года, „я узналъ по опыту, что можно любить поэзію, не заботясь ни о какой извѣстности,

---

[1]) Въ этой грамотѣ сказано: „Въ ознаменованіе особеннаго Нашего уваженія къ трудамъ вашимъ на поприщѣ отечественной литературы, съ такою славою въ продолженіи пятидесяти лѣтъ подъемлемымъ, и въ изъявленіе душевной Нашей признательности за заслуги, Нашему Семейству вами оказанныя, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашего Бѣлаго Орла."

[2]) См. приложеніе VIII-е и къ нему фотолитографическій снимокъ двухъ послѣднихъ страницъ.

ни даже объ участіи тѣхъ, чье одобреніе дорого. Они имѣютъ большую прелесть: но сладость поэтическаго созданія сама собою награда".

Оглянувшись на тѣхъ, кто могли бы быть теперь его читатели, онъ съ грустью, не заключавшей въ себѣ и тѣни горечи, выразилъ это чувство съ такимъ поэтическимъ совершенствомъ, такою полнотою образа и оригинальностію стиха, что кажется талантъ его шелъ все еще впередъ, раскрывая новыя сокровища въ душѣ поэта и въ языкѣ, имъ непрестанно обогащаемомъ.

За годъ до смерти, въ 1851 году, это чувство отчужденности новаго поколѣнія отъ него, родившагося въ вѣкъ Екатерины, переживавшаго четвертое царствованіе и подготовившаго для пятаго надежду своего отечества,—вызвало въ его воображеніи одно изъ представленій былыхъ дней, проведенныхъ имъ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ съ живымъ еще Пушкинымъ слагалъ онъ среди общаго участія свои давнія произведенія. Образъ стараго лебедя на водахъ прудовъ Царскосельскихъ возникъ передъ нимъ, и невольно обратился въ поэтическій символъ его собственнаго образа:

Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый,
Какъ же нелюдимо ты, отшельникъ хилый,
Здѣсь сидишь на лонѣ водъ уединенныхъ;
Спутниковъ давнишнихъ, прежней современныхъ
Жизни переживши, сѣтуя глубоко,
Ихъ ты поминаешь думой одинокой.
Сумрачный пустынникъ, изъ уединенья
Ты на молодое смотришь поколѣнье
Грустными очами; прежняго единый
Брошенный обломокъ, въ новый лебединый
Свѣтъ на пиръ веселый гость неприглашенный,
Ты вступить дичишься въ кругъ неблагосклонный
Рѣзвой молодежи.

На водахъ широкихъ,
На виду царевыхъ теремовъ высокихъ,
Предъ Чесменской гордо блещущей колонной,
Лебеди младые голубое лоно
Озера тревожатъ плаваньемъ, плесканьемъ,
Боемъ крылъ могучихъ, бѣлыхъ шей купаньемъ;
День они встрѣчаютъ, звонко окликаясь;
Въ зеркалѣ прозрачной влаги отражаясь,
Длинной вереницей, былымъ флотомъ стройно
Плаваютъ въ сіяньи солнца, на спокойной
Озера лазури; ночью жъ межъ звѣздами
Въ небѣ, повторенномъ тихими водами,
Облакомъ перловымъ, водъ не зыбля, рѣютъ,
Иль двойною тѣнью, дремля въ нихъ, бѣлѣютъ.
А когда гуляетъ мѣсяцъ надъ звѣздами,—
Влагу расшибая сильными крылами,
Въ блескѣ волнъ, зажженныхъ мѣсячнымъ сіяньемъ,
Окруженны брызговъ огненнымъ сверканьемъ,
Кажутся волшебнымъ призраковъ явленьемъ,
—Племя молодое, полное кипѣньемъ
Жизни своевольной.
Ты жъ, старикъ печальный!
Молодость ихъ образъ твой монументальный
Рѣзвую пугаетъ; онъ на нихъ наводитъ
Скуку,—и въ пріютъ твой ни одинъ не входитъ
Гость изъ молодежи, вѣтренно летящей
Вслѣдъ за быстрымъ мигомъ жизни настоящей.
Но не сѣтуй, старецъ, пращуръ-лебединый:
Ты родился въ славный вѣкъ Екатерины,
Былъ ея ласкаемъ царскою рукою,
Памятниковъ гордыхъ битвѣ подъ Чесмою,
Битвѣ при Кагулѣ воздвиженье зрѣлъ ты;
Съ вѣкомъ Александра тихо устарѣлъ ты,
И, почти столѣтній, въ вѣкѣ Николая
Видишь, угасая, какъ вся Русь святая
Вкругъ царевой силы—вѣковой зеленый
Плющъ вкругъ силы дуба—вьется подъ короной
Царской, отъ окрестныхъ бурь ища защиты.
Дни текли за днями. Лебедь позабытый
Таялъ одиноко. А младое племя
Въ шумѣ рѣзвой жизни забывало время...

Разъ среди ихъ шума раздался чудесно
Голосъ, всю пронзившій бездну поднебесной;
Лебеди, услышавъ голосъ, присмирѣли,
И—стремимы тайной силой—полетѣли
На голосъ: предъ ними, вновь помолодѣлый,
Радостно вздымая перья груди бѣлой,
Голову на шеѣ гордо распрямленной
Къ небесамъ подъемля, весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый...
А когда допѣлъ онъ—на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши—
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся... и его не стало
Въ высотѣ... И навзничъ съ высоты упалъ онъ.
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ негорящій.

Зналъ ли поэтъ, что когда слагалъ этотъ вдохновенный requiem, онъ пророчески предсказывалъ не только свою кончину, но и смерть той поэзіи, которую извлекъ онъ изъ горячей груди своей, и чарами которой заразилъ цѣлую плеяду, и плеяду послѣднюю, этой поэзіи?

Царствованіе Николая I приходило къ концу. Все менѣе слышалось звуковъ, которые отдаленными отголосками Екатерининскаго вѣка и нѣжили, и умягчали души доживавшаго поколѣнія. Неумолимое время укладывало его въ могилу—и на смѣну ему являлось новое, такъ мало на него похожее. Суровая необходимость, водрузившая на верху благодушнѣйшаго изъ народовъ знамя военной диктатуры, создала поколѣніе, среди котораго не узнавалъ себя поздній зажившійся свидѣтель давняго прошлаго. Чаще и чаще раздавался среди дичавшаго общества неумолимый голосъ сатиры; давно умолкъ и тотъ соловей, котораго пѣ-

сни оглашали отечество наше въ первое десятилѣтіе царствованія Николая.

На половину не понимая, лепетало ихъ третье поколѣніе, достигшее уже школьнаго возраста, когда на долго задержанное кровообращеніе государства, освободившись отъ повязокъ, привело въ трепетъ всѣ его члены неудержимымъ волненіемъ при поколѣніи новомъ. Избранныя натуры съ недовѣрчивымъ взоромъ оглядывали окружающее, и почиталось постыднымъ задушевное слово; самая молитва допускалась лишь какъ реторическая фигура. Саркастическая улыбка сдѣлалась неизмѣнной принадлежностью каждаго человѣка, притязавшаго на имя умнаго. Веселый, чистосердечный смѣхъ Арзамаса смѣнился самоосмѣяніемъ тѣхъ, кто быть можетъ, болѣе всѣхъ способенъ былъ любить свою родину. Готовилось страшное дѣло. Ожидалось, что порвется золотая нить преданія, спряденная многовѣковою заботою столькихъ поколѣній!

Въ жизни каждаго народа, какъ и въ жизни отдѣльнаго лица, конечно, есть явленія порядка низшаго. Это тѣ неизбѣжныя отправленія жизни, которыя медлительнымъ тлѣніемъ незамѣтно разрушаютъ его силы. Нужно ли объяснять, какъ томительны эти безрадостные дни, безъисходно похожіе одинъ на другой, эти безплодные годы общественной жизни, когда цѣлое поколѣніе идетъ „безъ шума и слѣда толпой угрюмою,“ не вѣря даже въ добрую о себѣ память.

Но жизнь людей представляетъ и другія явленія, такъ сказать порядка высшаго. Въ жизни общественной—это тѣ событія всенароднаго значенія, которыя записываются на страницы исторіи и обновляютъ душу народа для достойнаго совершенія его жизненнаго поприща. Есть и въ личной жизни отдѣльнаго человѣка эти явленія. Но они не записываются въ исторіи и не находятъ по большей части

оцѣнки и въ окружающихъ его обыденныхъ спутникахъ; никому не замѣтны, потому что скрываются въ душѣ человѣка. Этотъ-то „запечатлѣнный и невидимый ключъ“ душевной жизни человѣка, и призванъ записать тотъ, кто съ правдивостію историка, и съ проницательностію мыслителя, и съ сердечною любовію брата раскрываетъ невидимое очамъ всякаго и неумудреннаго наукой: они записываются поэтомъ. Въ его сердечной лѣтописи каждый—носитъ ли въ сердцѣ радость, жало-ли горькаго чувства—читаетъ свою собственную повѣсть, которой суждено обновлять его душу для достойнаго совершенія его жизненнаго поприща. Въ произведеніяхъ истиннаго поэта находитъ онъ тотъ огонь, который, вспыхивая въ его собственной душѣ, живительно согрѣваетъ ее, а если порою и сожигаетъ, то пламенемъ очистительнымъ, которымъ не позорно окреститься человѣку, безъ того осужденному на медленное тлѣніе т. е. гніеніе.

Жуковскій уже въ сороковыхъ годахъ съ ужасомъ замѣчалъ опасное отсутствіе поэзіи въ современной жизни. «Что̀ оно означаетъ—это ясно показываетъ наше бѣдственное прозаически-разрушительное время,» писалъ онъ въ 1849 году [1]), «время, въ которомъ все, одной душѣ принадлежащее, все святое, божественно-историческое, уничтожено. Дорого, свято и уважаемо теперь только то, что̀ можно ощупать руками, что̀ можно, законно или незаконно, положить въ карманъ, что̀ можно счесть на счетахъ или свѣсить на вѣсахъ—грубый матеріализмъ властвуетъ; всякая безусловная вѣра смѣшна, одна лишь вѣрная выгода имѣетъ достоинство“.

И вотъ, въ эпоху, нами описываемую, казалось, поту-

---

[1]) Письмо къ В. Кн. Конст. Ник. 19 окт. 1849.

хала эта живительная искра, улетала эта «мечта истины», какъ называлъ поэзію Жуковскій. Правда, явились новые поэты, но какъ не похожи они были на прежнихъ! Имъ пришлось любить родное такимъ, какимъ оно, пожалуй, должно было быть, но не такимъ какимъ оно есть. Мѣтко цѣлясь въ Ахиллесову пяту своихъ собратій, они не различали ихъ Самсонова волоса.

Обозначилось наступленіе новой эпохи. Оказалось, что Пушкинъ былъ послѣднимъ завершителемъ эпохи предшествующей и снялъ до остатка ароматъ красоты ея. Новые поэты вонзили въ нее ножи своего сильнаго анализа... нашелся и могильщикъ, поспѣшившій одѣть мертвую красавицу саваномъ и посыпать съ „чувствомъ мести и печали“ ея свѣжую могилу.

Младшее поколѣніе, оставивъ въ это время школу, не умѣло уже прочесть ни одного стихотворенія прежнихъ поэтовъ!

XLVII.

Политическія воззрѣнія Жуковскаго.—Жуковскій и славянофилы.—Свобода Жуковскаго отъ всякаго доктринерства и независимость его убѣжденій.

Однимъ изъ важныхъ послѣдствій общеевропейскаго романтическаго движенія было новое направленіе, возникшее въ сороковыхъ годахъ въ литературныхъ кругахъ Москвы,—направленіе, которому, какъ показало время, предстояло плодотворное будущее. Оно обратило взоры на свое отечество, а вмѣстѣ съ тѣмъ на славянство вообще.

Личныя свойства людей, ставшихъ во главѣ этого направленія, ручались за успѣхъ идей, ими провозглашенныхъ.

„Въ этихъ людяхъ“, говорилъ Грановскій, „столько святости, чистоты, силы, какъ рѣдко приходится встрѣчать...“ Таково было правдивое слово знаменитаго западника, пока неизбѣжная литературная распря не разъединила и безъ того малое стадо представителей просвѣщенія на Руси. Логическимъ послѣдствіемъ обособленія ученій западниковъ и славянофиловъ въ двѣ доктрины—была ограниченность въ сферѣ вліянія обоихъ. Сдѣлавшись предметомъ діалектическихъ тонкостей, ученія эти не могли оживотворить ни общества, ни правительства, ни церкви, ни даже школы, вообще-то склонной ко всякаго рода діалектикѣ. Въ особенности эту обособленность мы замѣчаемъ въ славянофилахъ того времени, и именно потому, что ихъ направленіе было моложе. Они имѣли время и силы дать идею пока въ одномъ только отвлеченіи; а въ такой формѣ она не общедоступна и убѣдительна лишь для умовъ, склонныхъ къ умозрѣнію. Нужно было ихъ идеямъ оплодотворить и науку, и искусство: при этихъ двухъ главныхъ двигателяхъ человѣчества отъ побѣдоноснаго вліянія идей не уйти уже никому. Временная побѣда западничества именно объясняется этимъ условіемъ. Итакъ время торжества идей народности, внѣ тѣснаго круга лицъ, разработывавшихъ эти идеи, еще не наступило въ ту эпоху, о которой мы теперь разсказываемъ.

Какъ было указано выше, Жуковскій среди занятій поэзіей дѣлалъ экскурсіи въ область прозы, или „философіи“, какъ онъ называетъ ее. Всегда чуткій къ голосу правды, изъ какого бы лагеря она ни слышалась, Жуковскій въ эту пору полной душевной свѣжести и особеннаго оживленія всѣхъ умственныхъ интересовъ, не могъ не заинтересоваться идеями московскихъ мыслителей, не могъ и не усвоить многаго изъ нихъ.

Журналъ „Москвитянинъ“, бывшій органомъ лицъ, принадлежавшихъ къ тому новому направленію, которое называлось славянофильскимъ, съ 1845 года былъ переданъ Погодинымъ И. В. Кирѣевскому. И. В. Кирѣевскій, сынъ Авдотьи Петровны Юшковой, вышедшей въ 1805 году за отца его Василія Ивановича, такимъ образомъ былъ связанъ родственными узами съ поэтомъ нашимъ. Литературныя связи ихъ начались также издавна. Еще въ двухъ изданныхъ Кирѣевскимъ книжкахъ „Европейца“ 1832 года Жуковскій принялъ участіе. Его „Сказка о спящей Царевнѣ“ украсила № 1 этого изданія, а „Война мышей и лягушекъ“ — № 2. За статью И. В. Кирѣевскаго „XIX вѣкъ“ журналъ подвергся преслѣдованію. С. Т. Аксаковъ, бывшій цензоромъ, вскорѣ былъ отставленъ [1]). Кирѣевскому, кромѣ запрещенія журнала, угрожало удаленіе изъ столицы, и онъ спасенъ былъ только благодаря заступничеству Жуковскаго [2]). Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ молчанія И. В. Кирѣевскій рѣшился въ 1845 году выступить вновь на журнальное поприще. Въ первыхъ же трехъ книжкахъ „Москвитянина“ мы встрѣчаемъ опять участіе Жуковскаго, который обратился къ редактору съ посланіемъ:

Слухъ до меня достигъ на берегъ Майна,
Что ты, Кирѣевскій мой другъ,
Задумалъ быть Москвитяниномъ...“

Лѣтомъ 1847 года, живя въ своемъ „уютномъ уголкѣ, въ которомъ все для него было новымъ, но за то его собственное, родное,“ былъ отгороженъ отъ пустѣющаго міра, въ которомъ вращался до тѣхъ поръ; здѣсь эта пустота

---

[1]) За пропускъ шуточной поэмы: „12 спящихъ будочниковъ“, См. соч. Кирѣевскаго. I. 80.

[2]) Ibid. 81.

не столь была ему ощутительна [1]). Жуковскій жилъ въ Эмсѣ подъ одною кровлею съ Хомяковымъ. „Онъ здѣсь съ женою“, писалъ Жуковскій 3 іюля, „которая лѣчитъ Эмсомъ свою больную грудь. Хомяковъ — живая, разнообразная, поэтическая библіотека, добродушный, пріятный собесѣдникъ. Онъ былъ мнѣ всегда понутру; теперь я впился въ него, какъ паукъ голодный въ муху; навалилъ на него чтеніе вслухъ моихъ стиховъ; это самое лучшее средство видѣть ихъ скрытые недостатки; явные всѣ мною самимъ были замѣчены, и сколько могъ, я съ ними сладилъ. Къ намъ подъѣхалъ и Гоголь, и мы на досугѣ тріумвиратствуемъ.

31 іюля Хомяковъ уѣхалъ изъ Эмса, и Жуковскій почувствовалъ пустоту. Между прочимъ Жуковскій замѣчаетъ, что Хомяковъ прочиталъ ему и „свое, весьма замѣчательное“.

Такимъ образомъ юный старецъ нашъ не переставалъ учиться. Слѣдствія этихъ бесѣдъ съ однимъ изъ даровитѣйшихъ представителей новаго направленія не замедлили обнаружиться.

Въ прозаическихъ статьяхъ Жуковскаго, писанныхъ имъ въ 1848 году: „Что будетъ?“ [2]), „О происшествіяхъ 1848 года, изъ письма къ Графу Ш—ку“ [3]), „О стихотвореніи: Святая Русь, письмо къ кн. Вяземскому“ [4]) мы видимъ тѣ политическія воззрѣнія, которыя сложились у Жуковскаго подъ вліяніемъ идей такъ называемыхъ славянофильскихъ.

Исключительно литературно-художественные, нравственно-философскіе и религіозные интересы, дотолѣ наполнявшіе

---

[1]) Письмо къ кн. Вязем. 1847 г. 2 іюля.

[2]) Напечатанной впервые въ изд. Соч. Жук. 1878. VI. 144.

[3]) По Зейдлицу—къ гр. Шувалову, по Бартеневу—къ Штакельбергу. Въ 6-мъ изданіи сочиненій Жуковскаго статья эта полнѣе, нежели въ посмертномъ изд. (т. XI). См. Соч. Ж. 1878. VI, 146. 679.

[4]) Соч. Ж. VI. 162.

душу нашего писателя, теперь обращаются и на политику. Конечно европейскія событія того времени, въ водоворотѣ которыхъ мы уже видѣли его спасавшимъ свою „Одиссею", должны были наконецъ привлечь его вниманіе. До сихъ поръ онъ ограничивался общими положеніями, высказанными имъ въ его „Горной философіи" [1]) и въ тѣхъ наставленіяхъ, къ которымъ вызывала его обязанность наставника Великаго Князя Цесаревича и дѣятельная переписка съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Къ тѣмъ изложеннымъ нами въ своемъ мѣстѣ [2]) воззрѣніямъ, которыя были высказаны Жуковскимъ еще въ 1829 г. и сущность которыхъ—въ томъ, что „отставать отъ времени столь же бѣдственно, какъ и перегонять его", присоединимъ сначала обзоръ его воззрѣній на политику внутреннюю, высказанныхъ въ 1841, 1842 и 1845 годахъ въ письмахъ къ В. Князю Константину Николаевичу.

„Одинъ строгій порядокъ", писалъ онъ 5 сентября 1841 г., „вслѣдствіе коего все на своемъ мѣстѣ, еще не составляетъ благоденствія общественнаго. Онъ необходимъ для его (благоденствія) существованія, но онъ его еще не производитъ. При порядкѣ должна быть жизнь. Порядокъ есть и на кладбищѣ, и тамъ ничто его не нарушаетъ, но это порядокъ гробовъ. Чтобы было въ государствѣ благоденствіе, необходимо нужно, чтобы все, что составляетъ жизнь души человѣческой, цвѣло безо всякаго утѣсненія (но цвѣло и безъ нарушенія порядка). Изящныя искусства украшаютъ жизнь; чувство изящнаго есть одно изъ высокихъ качествъ души человѣческой; безъ этого чувства человѣкъ глухъ, нѣмъ и слѣпъ посреди великаго Божія міра, гдѣ въ прекрасномъ

---

[1]) См. о томъ стр. 485.

[2]) Ibid.

выражается Богъ, недоступный уму, но вѣдомый сердцу" [1]).

Въ письмѣ 28 апрѣля 1842 года Жуковскій снова возвращается къ тому же предмету. „Въ публичныхъ листахъ," пишетъ онъ, „извѣстій о Россіи искать нельзя: они врутъ безъ памяти. Это бѣшенство, съ какимъ нѣкоторые газетчики на насъ клевещутъ, означаетъ только то, что Россія есть для нихъ самый твердый и потому самый ненавистный представитель того порядка, который они, представители такъ называемаго движенія, опрокинуть стараются. Движеніе—святое дѣло: все въ Божіемъ мірѣ развивается, идетъ впередъ и не должно стоять. Неподвижность есть смерть непримѣтная, тихая, но все смерть, производящая только гниль. — Движеніе, развитіе порядка, постоянное, мирное безъ потрясеній, но безпрестанное, есть жизнь. Но то, что̀ эти господа называютъ движеніемъ, есть разрушеніе, насильственная смерть. Результатъ одинъ и тотъ же; отъ неподвижности—гниль, отъ разрушенія—развалины, и тамъ и тутъ—смерть. Жизнь—между тѣмъ и другимъ... Однимъ словомъ, движеніе тихое есть порядокъ и благоденствіе, движеніе насильственное есть революція; а всякая революція губитъ настоящее въ пользу будущаго, которое никогда не бываетъ такимъ, какимъ хотятъ создать его разрушители настоящаго [2])".

21 октября 1845 года Жуковскій пишетъ: „Россіи нужно внутреннее, не блистательное, но строго-постоянное, національное развитіе; нужно, чтобы и народъ своею

[1]) Соч. Ж. VI. 351.

[2]) То же, что̀ и въ „горной философіи" 1829 г.: „Произведенное временемъ изъ созданныхъ нами развалинъ ни мало не соотвѣтствуетъ тому, чего мы хотѣли вначалѣ".

употребительностью на все, своимъ здравымъ, свѣтлымъ умомъ, своею дѣтскою воспріимчивостію вѣры христіанской, своею покорностію, еще не потрясенною, власти верховной, пріобрѣлъ всѣ блага общежитія; но пріобрѣлъ ихъ не вдругъ, какъ того хотѣло нетерпѣливое стремленіе Петра, даровавшее ему вдругъ, европейскую внѣшнюю образованность, но тихимъ ходомъ благотворящей правды, не жертвуя настоящимъ будущему [1]), ничего не измѣняя безъ нужды [2]), извлекая законъ изъ одной божественной правды [3]), уваженіемъ къ закону укореняя въ сердцахъ чувство законности, ученіемъ пастырскимъ распространяя живую вѣру, давая здравую пищу просвѣщенія; просвѣщеніемъ, основаннымъ на христіанствѣ, очищая нравы и такимъ образомъ безъ потрясеній возводя народъ въ опредѣленное свыше для него человѣческое и гражданское достоинство".

„Могущество истинное не въ огромности государствъ, а въ ихъ внутреннемъ благоденствіи заключается; и лучше тѣхъ границъ, которыя теперь имѣетъ Россія, и выдумать ей невозможно (хотя впрочемъ и теперь уже есть для нея бѣдственные излишки); но горе, если мы захотимъ распространяться! Внутри же Русь для внѣшняго врага неприкосновенна (сохрани ее Богъ отъ враговъ внутреннихъ). Источники ея богатства (не всѣ еще открытые и разработанные) неистощимы; въ ней есть довольно мѣста для тройнаго народонаселенія, и на тронѣ русскомъ — самодержавіе, т. е. неограниченная власть дѣйство-

---

[1]) Въ „горной философіи" 1829 г.: „Живи и давай жить".

[2]) Ibid. „Отдѣляя отъ живаго то, что̀ оно уже умертвило, питая то, въ чемъ уже таится зародышъ жизни, и храня то, что̀ зрѣло и полно жизни".

[3]) Ibid. „А паче всего блюди Божію правду".

вать для блага, покорствуя Божіей правдѣ... Можетъ ли въ этой величественной картинѣ занять мѣсто завоеваніе, т. е. минутная слава одного на счетъ благоденствія многихъ? Здѣсь разумѣю я всѣ завоеванія à la Napoléon, а не тѣ необходимыя завоеванія, которыя создаютъ могущество и самобытность народовъ; но всѣ такого рода завоеванія для Россіи уже вполнѣ совершились [1])".

Изъ этого извлеченія мыслей, касающихся занимающаго насъ вопроса, лишь одно слово вскользь коснулось того, что̀ уже въ 1848 году всецѣло привлекаетъ вниманіе Жуковскаго; въ письмѣ 1845 года онъ требуетъ національнаго развитія Россіи, но не останавливается на этомъ понятіи; его занимаетъ неудовлетворительность реформы Петра лишь со стороны своей насильственности, а не антинаціональности. Теперь, въ 1848 году значительную часть статьи своей „О происшествіяхъ 1848 года" посвящаетъ онъ самому понятію національности. Его словарь обогащенъ новымъ словомъ: самобытность. Онъ теперь думаетъ, что пришло время, когда Россія, увлеченная силою общаго движенія, вступитъ въ новую эпоху бытія своего, эпоху богатую великимъ будущимъ." „Россія", говоритъ онъ теперь, „рѣшительнѣе оторвется отъ насильственнаго на нее вліянія Европы, у которой она заняла богатство образованности, но за которою донынѣ слишкомъ покорно стремилась; Россія вступитъ въ особенный, ея исторіею, слѣдственно самимъ Промысломъ, ей проложенный путь; она не будетъ Европа, не будетъ Азія (ибо она государство христіанское), она будетъ Россія — самобытный, великій міръ, полный силы неизчерпаемой, міръ, со-

[1]) Письмо къ В. К. К. Н. 21 окт. 1845.

зданный медленною работою вѣковъ, упорными борьбами, счастливыми или бѣдственными, подъ громомъ древнихъ междоусобій, подъ шумомъ половецкихъ набѣговъ, подъ гнетомъ татарскаго ига, въ бояхъ литовскихъ, въ славныхъ побѣдахъ послѣдняго времени, сплоченный вѣрою и самодержавіемъ въ одну несокрушимую, нынѣ вполнѣ устроенную громаду [1])".

Стихотвореніе кн. Вяземскаго „Святая Русь" даетъ поводъ Жуковскому въ томъ же году въ очень горячихъ строкахъ выразить вѣру въ Русь, „самобытную, вѣрою сплоченную." „Святая Русь!" пишетъ онъ—„какое глубокое значеніе получаетъ это слово теперь, когда видишь, какъ все кругомъ насъ валится, единственно отъ того, что оторвался отъ него этотъ общій знаменатель, къ которому нельзя уже теперь привести этихъ мелкихъ разнородныхъ дробей, ничего цѣлаго не составляющихъ. Святое утрачено; крѣпкій цементъ, соединявшій такъ твердо камни вѣковаго зданія, по плану Промысла построеннаго, изчезъ мало-помалу, уничтоженный ѣдкою дѣятельностію ума человѣческаго. Что̀ воздвигается и можетъ ли что̀ воздвигнуться на этой грудѣ развалинъ—мы знать и предвидѣть не можемъ... Святая Русь — это слово ровесникъ христіанской Россіи. Оно дано ей, какъ говорятъ твои стихи (т. е. кн. Вяземскаго, къ которому письмо обращено) при ея крестинахъ, и никогда не потеряетъ своего глубокаго смысла, хотя и вошло въ разрядъ обыкновенностей (lieux communs)".... [2]). „Не яснѣе ли означается въ немъ (въ словѣ: Святая Русь).... особый союзъ нашъ съ Богомъ, велѣдствіе котораго отъ нашихъ праотцевъ перешло и чудное имя его:

---

[1]) „О происшествіяхъ 1848 года". Соч. Ж. VI. 148.
[2]) „Святая Русь". 164.

Русскій Богъ (не россійскій Богъ, какъ оканчиваетъ своего Димитрія Донскаго Озеровъ)" [1]). Въ выраженіи этомъ, по словамъ Жуковскаго, „отзывается вся наша особенная исторія; это имя ведетъ Россія отъ Крещатика, но свое глубокое значеніе она пріобрѣла со временъ раздробленія на удѣлы, когда надъ разными подчиненными князьями былъ одинъ главный..... когда все это соединилось въ одно, не въ Россію, а въ Русь, т. е. не въ государство, а въ семейство, гдѣ у всѣхъ была одна отчизна, одна вѣра, одинъ языкъ, одинакія воспоминанія и преданія"... „Другое слово нашего народа", говоритъ Жуковскій далѣе,—„Русскій Богъ имѣетъ такое же глубокое, историческое значеніе: подобныя слова не случайно входятъ въ употребленіе; они суть памятники, итоги вѣковой жизни народа. Слово „Русскій Богъ" выражаетъ не одну вѣру въ Бога, но еще какое-то особенное народное преданіе о Богѣ, давнишнемъ сподвижникѣ Руси"... и этотъ Богъ есть удивительное созданіе нашего ума народнаго; понятіе о немъ, отдѣльно существующее при вѣрѣ въ Бога христіанскаго, истекающее изъ божественнаго откровенія, въ его исторіи заключающагося, понятіе о Богѣ ощутительномъ, на опытѣ доказанномъ, повсемѣстно, безъ всякаго проповѣданія признанномъ, понятіе однимъ только русскимъ народомъ присвоенное [2])." Обращаясь далѣе къ Западу, Жуковскій результатомъ реформаціи признаетъ то, что вѣра изчезла. Онъ признаетъ великое умственное движеніе реформаціи, „изъ котораго вышла такъ называемая цивилизація нашего времени", [3]) но при-

[1]) Ibid. 165.
[2]) Ibid. 166, 167.
[3]) Ibid. 119.

писываетъ это движеніе двумъ приготовительнымъ событіямъ: изобрѣтенію книгопечатанія и взятію Константинополя турками и слѣд. эпохѣ Возрожденія [1]). Затѣмъ дѣйствіе самой реформаціи видитъ въ томъ, что, уничтожая злоупотребленіе церковной власти, она нарушила и авторитетъ церкви и породила раціонализмъ, пантеизмъ и атеизмъ, и понятіе о власти державной замѣнила понятіемъ о договорѣ общественномъ, „самодержавіемъ народа", котораго первая степень—представительная монархія, вторая—демократія, третья—соціализмъ и коммунизмъ, можетъ быть и четвертая — уничтоженіе семейства и, вслѣдствіе того, возвышеніе человѣчества, освобожденнаго отъ всякой обязанности, ограничивающей чѣмъ либо его личную независимость, въ достоинство совершенно свободнаго скотства [2]). „Цивилизація", говоритъ онъ ниже, „сама себя погубитъ или, лучше сказать, распадется на гнилыя части, ибо она есть трупъ безъ души, если не возвратится къ тому пункту, съ котораго начала свой путь и на которомъ остановила свою душу: вѣру въ святое. Возможенъ ли этотъ возвратный путь? Это знаетъ одинъ Всезнающій. Россія ничего подобнаго въ своей судьбѣ не имѣла... И если она далеко отстала отъ Европы въ цивилизаціи, то въ такой же мѣрѣ сохранила неприкосновеннымъ, что̀ европейская цивилизація уничтожила, и чего уничтоженіе въ свою очередь уничтожитъ европейскую цивилизацію, сохранила вѣру въ святое" [3]). Затѣмъ указано, что въ Россіи сохранилось то, чѣмъ держится бытіе государствъ христіанскихъ: церковь, которой не коснулась реформація, и ува-

---

[1]) Ibid. 168.
[2]) „Святая Русь". Соч. Ж. VI. 168.
[3]) Ibid. 169.

женіе къ власти, вслѣдствіе чего, хотя мятежи и бывали, но никогда не было провозглашаемо право мятежа, „которое также существовать не можетъ, какъ и право притѣсненія". „Съ другой стороны", прибавляетъ Жуковскій, „надобно сказать, что если въ образованной Европѣ вѣра въ святое истратилась отъ расточительныхъ злоупотребленій ума, то въ Россіи неприкосновенность ея сохранилась частію и отъ ея бездѣйственнаго неупотребленія, такъ что на Западѣ Европы существуетъ цивилизація, но добрыя начала уничтожены, а у насъ сохранены добрыя начала, но собственной цивилизаціи, изъ ихъ развитія исходящей, еще не существуетъ, а есть только ея призракъ". Исходъ Жуковскій видитъ для насъ—въ пересозданіи чужой цивилизаціи на нашу: „чтобы дать самобытную цивилизацію", прибавляетъ онъ, „должно развить сіи добрыя начала, сохранившія всю чистоту свою, но еще не вполнѣ въ смыслѣ своемъ употребленныя. Сіи начала для Россіи: церковь и самодержавіе" [1]). Подъ развитіемъ церкви Жуковскій разумѣетъ „болѣе дѣятельное введеніе ея ученія въ умственную и практическую жизнь истиннымъ христіанскимъ образованіемъ, оградивъ его отъ всякаго самовольнаго лжемудрія", а подъ развитіемъ самодержавія—„твердѣйшее укорененіе и распространеніе его патріархальнаго могущества, котораго источникъ и право есть верховная Божія правда, но которое съ своей стороны должно болѣе и болѣе утвердить законность въ дѣйствіяхъ исполнительной власти, съ другой — въ общихъ о ней понятіяхъ народа, законность, которая хранитъ права, неотъемлемо всѣмъ и каждому принадлежащія и державною властію одинъ разъ навсегда

---

1) „Святая Русь" С. Ж. VI. 170, 171.

утвержденныя, и которыя, истекая изъ самой власти, ее не ограничиваютъ, а болѣе и болѣе упрочиваютъ посредствомъ указанія необходимыхъ вѣрныхъ путей ея дѣйствія, удаляющихъ ее отъ самоубійственнаго произвола [1]).“

Не трудно здѣсь узнать славянофильскую докрину, заключающую множество вѣрныхъ и живучихъ мыслей на ряду съ жесткою кодификаціей требованій относительно такихъ тонкихъ предметовъ, которые по природѣ своей могутъ усвоиваться только нравственнымъ чувствомъ, а между тѣмъ такъ часто принимались чуть-ли не за §§ узаконеній, примѣняемыхъ людьми грубоватаго нравственнаго склада съ безпощадною навязчивостію. Послѣднее обстоятельство на значительное время задержало успѣхъ этихъ идей, отвращая отъ нихъ людей съ чуткими чувствами. Подъ перомъ Жуковскаго въ статьѣ, изъ которой мы сдѣлали извлеченіе, ученіе это записано въ сжатомъ видѣ, слѣдовательно именно въ такомъ, который можетъ наименѣе всего имѣть успѣха. Тѣмъ не менѣе, съ теченіемъ времени, тѣ же идеи, проникая въ науку и искусство, встрѣтивъ и въ лицѣ публицистовъ личности съ живымъ умомъ и чуткимъ сердцемъ, нашли доступъ въ бо̀льшій кругъ русскаго общества.

Дабы показать, какъ воспріимчивъ былъ нашъ старецъ, спѣшившій жить своею второю жизнію, — сопоставимъ тѣ воззрѣнія, которыя онъ сложилъ себѣ, побуждаемый явленіями новой жизни и новой мысли, съ тѣми же воззрѣніями, до нашихъ дней не перестающими жить, волнуя мыслящее общество.

Соціализмъ, затронутый не разъ Жуковскимъ, какъ видно, служилъ для него неоднократно предметомъ добросовѣстнаго

---

[1]) Ibid. 171.

размышленія. Онъ допускаетъ въ числѣ людей этой доктрины и такихъ, которыя сами себя обманываютъ и, идя впередъ съ знаменами, на которыхъ сіяютъ слова: впередъ, свобода, развитіе, человѣчество, сами увѣрены что путь ихъ ведетъ прямо въ обѣтованную землю". Объ этихъ — онъ думалъ, что имъ „придется содрогнуться на краю или на днѣ бездны, которая скоро подъ ихъ ногами развернется [1])". Но онъ видитъ позади этихъ проповѣдниковъ образованія и движенія, дѣйствующихъ открыто, и другой сортъ людей, дѣйствующихъ тайно, уже не ослѣпленныхъ и стремящихся къ практическимъ и эгоистическимъ цѣлямъ.

Задумываясь надъ этимъ зломъ, Жуковскій не ограничивается вѣрою во внѣшнюю силу для предотвращенія его. „Матеріальная сила пушекъ", пишетъ онъ о возстаніяхъ 1848 года въ западной Европѣ, „сладила съ бунтомъ, но этотъ бунтъ есть симптомъ, есть проявленіе той болѣзни, которою страждетъ политическое тѣло... Пушки — одинъ только палліативъ. Онѣ могутъ возстановить порядокъ, но онѣ его не установятъ. Для этого нужно радикальное лѣкарство нравственности и вѣры" [2]). Онъ чувствуетъ, что спасеніе въ возвращеніи той святыни, которая спасетъ общежитіе, и ему кажется, „вездѣ замѣтно тревожное чувство, похожее на тоску по отсутствующей святынѣ" [3]). Точно читаешь Достоевскаго, который такъ часто возвращался къ этому роковому вопросу о судьбѣ національностей, когда „изживается въ нихъ нравственно-религіозная идея".

Какъ и Достоевскій, Жуковскій для Россіи видитъ якорь спасенія отъ зла, подъѣдающаго корни западно-европейской гражданственности,—въ самобытномъ отношеніи ея народа

---

[1]) „Что будетъ?" С. Ж. VI. 144.

[2]) Письмо 1848 къ В. К. К. Н. С. Ж. VI. 378.

[3]) Ibid. 379.

къ власти; „свобода у насъ“, по выраженію Достоевскаго, „не письменнымъ листомъ утвердится, а созиждется лишь на дѣтской любви народа къ Царю“. „Судьба Россіи“, говоритъ Жуковскій,—„въ развитіи самодержавія, которое не есть хартія, написанная рукою человѣческою, а вѣра глубоко-врѣзанная въ душу народа рѣзцомъ судьбы его самодержавія, которое, опираясь на Божію правду, вѣрнѣе всѣхъ бумажныхъ конституцій приведетъ народъ русскій безъ всѣхъ потрясеній, медлительнымъ путемъ законности, къ той цѣли, къ которой всѣ земные народы стремятся—къ свободѣ.“

Подобно тому какъ Жуковскій думалъ, что „самодержавіе, которое не есть хартія, написанная рукою человѣка, а вѣра, глубоко врѣзанная въ душу народа рѣзцомъ судьбы его“, опираясь на Божію правду, „вѣрнѣе всѣхъ бумажныхъ конституцій приведетъ народъ къ свободѣ“ [1]): такъ и Достоевскій полагалъ, что у насъ „свобода можетъ водвориться полнѣе, чѣмъ, гдѣ либо въ мірѣ, въ Европѣ или даже въ Сѣв. Америкѣ не письменнымъ листомъ, а созиждется лишь на дѣтской любви къ Царю, какъ отцу“ [2]), а Царь, по словамъ его,—„не внѣшняя сила, а всенародная, всеединая сила, которую самъ народъ выростилъ въ сердцахъ своихъ“ [3]).

Вообще Жуковскій всегда относился скептически ко всякимъ „хартіямъ, написаннымъ рукою человѣческою“, и не вѣрилъ въ волшебную силу учрежденій, отдавая преимущество личному совершенствованію, какъ источнику и совершенства гражданскаго. Самую свободу онъ понималъ

---

[1]) Соч. Ж. 149.
[2]) Дневникъ Писателя. 1881. янв. 17.
[3]) Ibid. 16.

какъ „личное благоденствіе всѣхъ и каждаго, хранимое властію, не жертвуемое призраку благоденствія общаго, а его въ своемъ итогѣ производящее“ [1]).

Относительно покорности „Божіей правдѣ“, которую на ряду съ самодержавіемъ считалъ Жуковскій порукою въ благоденствіи Россіи, Достоевскій писалъ такъ: „Народъ русскій живетъ идеей православія въ полнотѣ, хотя и не разумѣетъ эту идею отвѣтчиво и научно. Въ сущности въ народѣ нашемъ кромѣ этой идеи и нѣтъ никакой“ [2]).

Объ отношеніи Россіи къ Западу вышеприведенныя слова Жуковскаго, что „Россія не будетъ Европа, не будетъ и Азія“, недавно повторены были въ сочиненіи Н. Данилевскаго „Россія и Европа“. Достоевскій въ этомъ случаѣ пошелъ далѣе. Указывая пользу захватовъ въ Азіи, онъ говоритъ: „Россія не въ одной только Россіи, но и въ Азіи. Мало того: въ Азіи можетъ быть еще больше нашихъ надеждъ, чѣмъ въ Европѣ. Мало того: въ грядущихъ судьбахъ нашихъ можетъ быть—Азія-то и есть нашъ главный исходъ!“ [3]).

Мысли Жуковскаго о внѣшней политикѣ Россіи развернулись въ цѣлой поэтической программѣ, которую онъ самъ назвалъ „Іерусалимскими листами“ [4]). Мысль та, что Россія, предписывавшая миръ изъ Адріанополя, можетъ „рѣшить задачу всѣхъ крестовыхъ походовъ, которыхъ завязкою, послѣ всѣхъ бѣдствій, осталось то, что гробомъ Спасителя овладѣли и теперь еще владѣютъ враги христіанства“. „Изъ Адріанополя“, пишетъ Жуковскій, „Русскій Царь могъ бы сказать султану: Іерусалимъ свободенъ, онъ от-

---

[1]) Соч. Ж. VI, 149.
[2]) Ibid. 13.
[3]) Ibid. 26.
[4]) Письмо 1849 къ В. К. К. Н.

нынѣ принадлежитъ христіанской Европѣ". Жуковскій 1849 годъ считалъ временемъ благопріятнымъ для произнесенія такого рѣшительнаго слова. „И новая святая слава для Россіи", восклицаетъ Жуковскій, „когда ея Царь, оскорбленный безуміемъ Турковъ — мироносный Годофредъ нашего вѣка — произнесетъ его... Оставайся и Сирія, и съ нею вся Палестина во власти Турковъ; но мѣсто, гдѣ совершилось спасеніе человѣчества, мѣсто, освященное земною жизнію и искупительною смертію Спасителя, не должно оставаться во власти враговъ его"... Жуковскій связываетъ забвеніе такихъ предметовъ святыхъ, на которыхъ „основана и жизнь души и твердый порядокъ общественный", съ вопросомъ о паденіи религіи вообще. „Я не крестовую войну проповѣдую", пишетъ онъ далѣе: „пролитіе крови за Христа или въ честь Христа есть святотатство: но Іерусалимъ долженъ принадлежать христіанскому міру, и рабство гроба Христова должно быть наконецъ уничтожено". Онъ прибавляетъ: „Это мнѣ кажется столь яснымъ, столь необходимымъ, столь неизбѣжнымъ, что невольно приходишь въ изумленіе, какъ по сію пору это еще не сдѣлалось. И я боюсь только одного, чтобы кто нибудь не предупредилъ насъ въ этомъ великомъ дѣлѣ". По его мысли, Іерусалимъ долженъ принадлежать не Россіи, не Англіи, не Франціи и проч. съ одной стороны, и не Туркамъ — съ другой: „онъ долженъ принадлежать Богу Спасителю". Отъ такого событія Жуковскій ожидалъ не политическаго значенія, а чисто нравственнаго: совершивъ такое дѣло, Россія, по его словамъ, начнетъ новый періодъ своего всемірнаго призванія! „Это призваніе есть возстановленіе церкви въ ея первобытной чистотѣ, возстановленіе не мечомъ, не притѣсненіемъ, не ужасами нетерпимости, а великимъ примѣромъ чистой, самоотверженной, вселюбящей вѣры".

Совершенно иначе смотрѣлъ онъ на виды на Константинополь. „Византія“, писалъ онъ въ 1845 году, — „роковой городъ“. Ею рѣшилось паденіе Рима. Съ тѣхъ поръ, какъ она стала второю главою имперіи, и какъ первую оторвали и раздѣлили сѣверные народы, она сдѣлалась предметомъ хищничества дикихъ ордъ извнѣ и вертепомъ гнуснаго разврата внутри. Она влекла къ себѣ и нашихъ воинственныхъ предковъ“. Но затѣмъ примѣръ Святослава, ради вновь завоеванныхъ странъ забывшаго свою Россію, а еще болѣе Петра, который сдѣлалъ построеніемъ Петербурга то, что „Россія стала одною огромною пристройкой сѣверной, полугерманской торговой пристани, и что отечественная Москва, со всѣмъ прошедшимъ старческой Руси теперь отброшена въ глубину ея, какъ будто пренебреженная“,— побуждаетъ Жуковскаго опасаться завоеванія Царяграда. „Въ Царьградѣ,“ говоритъ онъ, „который по своему чудесному положенію между двухъ знаменитыхъ морей, по всѣмъ окружающимъ его очарованіямъ природы, искусства и воспоминаній историческихъ—имѣетъ полное право быть столицею великой Имперіи, православные русскіе цари изчезли бы для Россіи за стѣнами султанскаго гарема, вновь обращеннаго во дворецъ византійскихъ властителей“. „Нѣтъ!“ прибавляетъ онъ: „Россіи для ея блага, для ея истиннаго величія, не нужно видимаго ослѣпительнаго великолѣпія.“ [1]).

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ узнать, какъ смотрѣлъ Жуковскій на этотъ пунктъ Восточнаго вопроса послѣ окончательнаго усвоенія славянофильскихъ воззрѣній, такъ какъ письмо это, въ которомъ онъ его касается, относится еще къ 1845 году. И судьбы Славянъ Жуковскій въ намъ извѣстныхъ его статьяхъ не касается. Что̀ сказалъ бы онъ,

---

[1]) Письмо 21 окт. 1845.

если бы могъ прочесть слова Достоевскаго [1]): „у насъ, въ политическихъ статьяхъ, не найдется можетъ быть ни единаго политическаго ума, который бы признавалъ за здравое, что Константинополь долженъ быть нашъ (кромѣ какъ развѣ въ отдаленномъ загадочномъ будущемъ) А коли такъ, то что̀ же намъ больше ждать? Теперь Европа понимаетъ, что Царьградъ можетъ быть нашъ вовсе не какъ столица Россіи.“ „Во имя какого же нравственнаго права могла бы Россія искать Константинополя? .. А вотъ именно какъ предводительница православія,—роль, предназначенная ей еще съ Ивана III, поставившаго въ знакъ ея и Царьградскаго двухглаваго орла выше древняго герба Россіи, но обозначившаяся несомнѣнно лишь послѣ Петра Великаго.“ [2]) Мысль о подавленіи Москвы Петербургомъ и признаніе за Москвою права столицы показываетъ, что идеи національныя уже не были чужды Жуковскому и ранѣе того времени, когда онъ писалъ статьи, нами выше прочитанныя.

На усмиреніе Венгріи Жуковскій смотрѣлъ какъ на подвигъ великодушнаго безкорыстія, поставившій русскаго царя на такую высоту, на которой уже не можетъ быть до него доступна безумная дерзость Турковъ, которыхъ Англія обратила въ свои куклы, дабы (заставляя ихъ кривляться передъ глазами Европы на проволокахъ, движимыхъ ея рукою) позади этого кукольнаго театра украсть въ добрый часъ Египетъ [3]). „Презирая своекорыстную политику Англіи, тѣмъ не менѣе Жуковскій не допускаетъ войны съ нею. Передъ его воображеніемъ сіяло событіе другаго рода—онъ мечталъ объ освобожденіи Іерусалима.

---

[1]) Дневн. пис. 1881. 31.
[2]) Id. 1876. 167.
[3]) Письмо 1849 къ В. К. К. П. С. Ж. VI. 375.

Вообще Жуковскій былъ сторонникъ мира. Пора боеваго созданія Россіи, по его мнѣнію, миновалась, и начинается пора созиданія мирнаго. „Россія“, говоритъ онъ, „все свое взявшая, извнѣ безопасная, врагу недоступная или погибельная, не страхъ, а стражъ породнившейся съ нею Европы, вступитъ теперь въ періодъ развитія внутренняго, твердой законности, безмятежнаго пріобрѣтенія всѣхъ сокровищъ общежитія“ [1]).

Относительно Германіи, Жуковскій полагалъ, что Россія можетъ принимать живое участіе въ судьбѣ этой страны, „занимающей такое высокое мѣсто въ семействѣ Европы, для которой она была донынѣ источникомъ просвѣщенія и добрыхъ нравовъ“ [2]), но считаетъ бѣдствія, постигшія ее въ 1848 году, очень полезными для Россіи, которая рѣшительнѣе оторвется отъ насильственнаго на нее вліянія Европы, о чемъ мы говорили выше. И здѣсь Достоевскій отчасти сходится съ Жуковскимъ, говоря, что „зависимость отъ союза съ Россіей есть повидимому роковое назначеніе Германіи“ [3]).

Было ли то усвоеніе славянофильскихъ идей слабостію дряхлѣющаго старика, отказомъ отъ всего прошлаго, пассивною уступкою свѣжимъ и бодрымъ голосамъ новыхъ птенцовъ новаго времени?

Нѣтъ. Въ воспріятіи и этихъ идей, какъ всегда, зиждительный умъ Жуковскаго показалъ свою полную свѣжесть и самобытное строительство.

Во-первыхъ, многія мысли, которыя лелѣялись славянофилами, были гораздо прежде ихъ достояніемъ и ума, и

---

[1]) О происш. 1848 г. С. Ж. VI. 148. Также „Воспоминаніе о торжествѣ 30 авг. 1834. С. Ж. V. 508.

[2]) Соч. Ж. VI. 148.

[3]) Дн. пис. 1877. 159.

сердца Жуковскаго. Эта вѣра въ сохранившееся въ русскомъ крестьянствѣ чувство собственнаго достоинства, которое онъ замѣтилъ во время путешествія своего по Россіи съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, и которое мы указали выше въ своемъ мѣстѣ; это глубокое убѣжденіе въ необходимости уничтоженія крѣпостнаго права, убѣжденіе, которое онъ пронесъ непоколебимо чрезъ два царствованія и возростилъ въ сердцѣ Августѣйшаго ученика своего; это прозорливое и плодотворное сомнѣніе во всемогуществѣ учрежденій и признаніе за ними скорѣе отрицательнаго значенія нежели положительнаго, что̀ видимъ и у славянофиловъ; это признаніе неразрывности христіанской нравственности съ ученіемъ, служащимъ ея источникомъ, и такой же неразрывной связи философіи съ религіей,—всѣ эти основы славянофильства развѣ не двигали душу нашего поэта въ различныя эпохи его жизни?

Съ другой стороны, ни въ послѣднюю эпоху ея, послѣ тѣхъ уроковъ, которые взялъ онъ у представителей славянофильства, (онъ, этотъ романтикъ-сентименталъ, какъ его представляютъ многіе, невнимательные изслѣдователи нашей литературы),—ни въ эпоху юности не поддавался пасторали пережевывателей идей Руссо, которые безусловно возненавидѣли всѣ дары западнаго просвѣщенія.

Не говоря уже объ этихъ пошлостяхъ, мы нигдѣ не встрѣчаемъ у Жуковскаго и вообще попытки вообразить себѣ народъ, идущій самобытнымъ путемъ, безъ наслѣдія западнаго просвѣщенія; даже того умолчанія объ этомъ, которое нерѣдко встрѣчается въ ученіи крайнихъ славянофиловъ.

Что̀ до практическаго осуществленія идеаловъ самобытности русскаго народа, то Жуковскій совершенно устранялся отъ сужденія о немъ, не касаясь ни однимъ словомъ ни судьбы Славянъ, ни будущаго положенія Россіи въ отно-

шеніи къ нимъ. Онъ писалъ только о томъ, что̀ ему было ясно въ общемъ рисункѣ его мировоззрѣнія, и онъ честно сознается: „въ политикѣ я не судья“ [1]).

Насколько гармоническій умъ Жуковскаго невольно извергалъ изъ всякаго ученія все, что̀ отзывается узкимъ доктринерствомъ и не входитъ, какъ стройная часть въ цѣлостный рисунокъ идей, въ теченіи всей жизни созданный собственнымъ его художественнымъ мышленіемъ, — какъ нельзя лучше видно въ слѣдующихъ золотыхъ словахъ, которыя дай Богъ чтобы прочитывали всѣ, подвизающіеся на поприщѣ публичнаго учительства.

„Что сдѣлано?“ говоритъ онъ въ статьѣ своей 1850 года: „Іосифъ Радовицъ“ [2]), о Германіи, облитой кровію междоусобной войны послѣ февральской революціи: „Опрокинутъ существовавшій историческій порядокъ, и произведенъ опытъ замѣнить вѣковое, старое, вдругъ вымышленнымъ, новымъ, опытъ уничтожить хартію исторіи, вырѣзанную на бронзовой колоннѣ времени, вылитой изъ дѣйствительныхъ событій минувшаго, и вмѣсто ея на ломкомъ деревѣ вольности повѣсить бумажный конституціонный листъ, въ одинъ день склееный изъ лоскутьевъ теоріи. Для чего? — Для произведенія могучаго единства Германіи, какъ то̀ означено въ титулѣ бумажной конституціи.—Какъ?—Насильствомъ революціи, которая, опровергнувъ законную верховную власть, передала ее въ руки толпѣ народной, провозгласивъ ее самодержавною, и тѣмъ уничтоживъ возможность всякаго порядка и всякой правды. Что̀ же остается дѣлать? Надлежитъ, въ томъ убѣжденіи, что всякая ложь сильна только тою истиною, которая тайно въ ней заключается,

---

[1]) Соч. Ж. VI. 202.

[2]) Ibid. 205.

признать событія событіями, т. е., не отрицая ни ихъ существенности, ни тѣхъ послѣдствій, которыя необходимо они должны имѣть, смотря по тому, какъ будутъ постигнуты тѣми, которые должны дѣйствовать по ихъ указаніямъ, надлежитъ отдѣлить отъ ихъ губительной лжи заключающуюся въ ней (т. е. во лжи) спасительную истину и, давъ жизнь послѣдней, умертвить первую. Слѣдуетъ вопросъ, что̀ здѣсь ложь и что̀ истина, т. е., что̀ надлежитъ принять и что̀ опровергнуть? Ложь — сама революція и всѣ ея такъ называемыя благопріобрѣтенія (Errungenschaften), насильственно ею сдѣланныя по извѣстной методѣ практическихъ благотворителей человѣчества, которые останавливаютъ путешественниковъ на большой дорогѣ съ привѣтствіемъ: кошелекъ или жизнь. Въ чемъ истина?—Во-первыхъ, въ требованіи той свободы, въ которой отказать невозможно, безъ которой нѣтъ благоденствія частнаго, нѣтъ порядка общаго, нѣтъ самаго могущества власти. Подъ истиною этой свободы революція скрыла свою ложь анархіи; во-вторыхъ, истина—въ этомъ духѣ народности, пробужденномъ во дни борьбы съ Наполеономъ за независимость, въ теченіи тридцати лѣтъ сдавленномъ и вдругъ опять освободившемся съ удвоенною силою, но беззаконною революціею превращенномъ въ буйство, тогда какъ самъ по себѣ онъ не иное что, какъ законное стремленіе къ единству, т. е. къ соединенію всѣхъ членовъ въ одно крѣпкое тѣло для дарованія этому тѣлу живой силы съ сохраненіемъ самобытности каждаго члена отдѣльно".

Мужественною независимостію мысли дышутъ и слѣдующія слова Жуковскаго въ похвалѣ Іосифу Радовицу за „терпѣливость его къ чужимъ убѣжденіямъ", за умѣніе „прямодушно отличать ошибочное мнѣніе отъ личности, принявъ

за правило не ставить на счетъ нравственности сердца убѣжденій ума, ослѣпленнаго предразсудкомъ. Самъ нѣжный, мягкій, терпимый до степени, доступной рѣдкому, — Жуковскій умѣетъ понять и объяснить въ личностяхъ другаго типа ихъ „живость характера, не допускающую выслушивать терпѣливо плоскостей или болтовни невѣжества“ [1]), ихъ „рѣшительность мыслей и рѣзкость въ ихъ выраженіи“. Онъ не отворачивается отъ лица, которому и самые искренніе друзья говорятъ: надобно быть твоимъ другомъ, чтобы не сдѣлаться твоимъ непріятелемъ“ [2]). Онъ объясняетъ бурю, воздвигнутую на Радовица за его монархическія убѣжденія, раздраженіемъ собственнымъ самолюбіемъ враговъ его и жалкою узкостію „отрицателей вѣры, раціоналистовъ въ христіанствѣ, для которыхъ всякая положительная религія есть предразсудокъ, а всякій строговѣрующій—досадный обличитель ихъ безвѣрія—есть лицемѣрный піэтистъ, когда онъ протестантъ, и іезуитъ, если онъ католикъ“.

XLVIII.

Обученіе дѣтей.—Дѣтскія стихотворенія.—Болѣзнь Гоголя.—Многообразныя литературныя предпріятія.—Смерть Гоголя.—«Агасверъ».—Смерть Жуковскаго.

Окончивъ Одиссею, Жуковскій принялся за составленіе полнаго курса домашняго ученія.

Письма его наполнены разсказами о тѣхъ средствахъ, какія онъ придумывалъ для начальнаго обученія дочери; сынъ

[1]) С. Ж. VI. 212.
[2]) Ibid. 213.

его, будучи моложе сестры, не могъ еще принимать участія въ урокахъ

15 февраля 1850 года онъ пишетъ Плетневу: „Я теперь имѣю на рукахъ большую работу. Если бы вы невидимою тѣнью посѣтили меня въ моемъ кабинетѣ, за чѣмъ бы вы меня застали? За азбукою и четырьмя правилами ариѳметики: за приведеніемъ въ порядокъ буквъ, складовъ, за составленіемъ живописной азбуки, за облегченіемъ первыхъ уроковъ счета, за составленіемъ полнаго систематическаго курса домашняго ученія, который систематически долженъ обнять всѣ тѣ предметы, которые дѣти могутъ и должны изучать дома отъ самихъ родителей. Съ новаго года я началъ учить дочь. Занятіе сухое: русскіе буквы и склады, писать по-русски, считать. Но по той методѣ, которую я себѣ составилъ, мое милое дитя учится не только прилежно, но и весело. Къ этимъ двумъ предметамъ присоединены библейскія повѣсти: мать ихъ разсказываетъ, а я потомъ ихъ повторяю. Мы употребляемъ простой языкъ Св. Писанія, доступный младенцу такъ же, какъ и мудрецу: разсказываемъ одни факты безъ всякаго нравственнаго примѣненія—это примѣненіе придетъ само по себѣ, если только чистая роса святыхъ фактовъ падетъ свѣжо на воспріимчивое дѣтское сердце. Вѣра христіанская исходитъ изъ смиреннаго принятія откровенныхъ фактовъ, а не изъ умственнаго убѣжденія. Съ чтеніемъ и счетомъ (которые не будутъ сухимъ, механическимъ, а самодѣятельнымъ занятіемъ), перейду къ моему систематическому курсу. Не буду учить ни географіи, ни естественной исторіи, ни математикѣ, ни грамматикѣ, ни слогу—все это составитъ одну цѣль постояннаго умственнаго развитія: дитя будетъ не получать, а брать своею собственною силою“ [1]).

[1]) Плетневъ. О жизни и соч. Ж. 152 и д.

Нельзя не узнать въ этой педагогической мечтѣ слѣдовъ прежняго закала послѣдователя Песталоцци.

Утѣшаясь своими дѣтьми, онъ восклицаетъ: „Надобно подслушать, что̀ они съ утра до вечера болтаютъ, какія вдвоемъ выдумываютъ игры, и какое важное участіе принимаютъ въ ихъ жизни ихъ куклы“ [1]).

Не задолго до кончины издалъ онъ книжку подъ заглавіемъ: „Стихотворенія, посвященныя Павлу Васильевичу и Александрѣ Васильевнѣ Жуковскимъ“. По словамъ Плетнева, это было изданіе во вкусѣ того, какъ нѣкогда печатались книжки: „Для немногихъ“, и заключало на шестнадцати страничкахъ только шесть стихотвореній, которыхъ заключеніемъ служило „Боже Царя храни“. Тутъ же напечатанъ и его „Царскосельскій Лебедь“ [2]).

Въ его стихотвореніяхъ для дѣтей, которыя нынѣ заучиваютъ всѣ русскія дѣти: „Птичка“, „Жаворонокъ“, мы имѣемъ эти плоды отеческаго чувства, искавшаго для любимыхъ дѣтей доставить то забаву [3]), то изящный образъ [4]), то наконецъ мастерское приспособленіе къ дѣтскому возрасту тѣхъ идей, которыя вдохновляли его во всю его поэтическую жизнь. Въ „Птичкѣ“, напримѣръ, подъ символомъ прелестной гостьи, украшающей своимъ присутствіемъ міръ:

Птичка летаетъ,
Птичка играетъ,
Птичка поетъ —

и потомъ покидающей его:

---

[1]) Ibid. 154.
[2]) Ibid. 177.
[3]) „Котикъ и Козликъ“.
[4]) „Мальчикъ съ пальчикъ“.

Птичка летала,
Птичка играла,
Птички ужъ нѣтъ!

и вызывающей грустный вопросъ:

Гдѣ же ты, птичка,
Гдѣ ты, пѣвичка?—

разрѣшаемый свѣтлымъ утѣшеніемъ лучшею ея долею:

Въ дальнемъ краю
Гнѣздышко вьешь ты...
Тамъ и поешь ты
Пѣсню свою—

какъ не узнать важнѣйшаго мотива былыхъ элегій Жуковскаго, всецѣло излившихся въ этомъ лаконическомъ его девизѣ:

О милыхъ спутникахъ, которые намъ свѣтъ
Своимъ присутствіемъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ,
Но съ благодарностію: были...

И какъ въ „дальнемъ краю", гдѣ нынѣ поетъ птичка свою пѣсню, не узнать того „лучшаго міра", въ который столько дорогихъ сердцу проводилъ пережившій ихъ старецъ?

Въ „Жаворонкѣ" четырехъ-стопнымъ ямбомъ, звучнымъ и торжественнымъ, воспѣвается то высокое чувство человѣка, отрѣшеннаго отъ низости настоящаго, которое охватываетъ его душу, въ порывѣ восторга озирающаго міръ яснымъ взоромъ вдохновенія, неразлучнаго съ чувствомъ религіознымъ:

На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ,
Въ долинѣ паръ бѣлѣетъ тонкій,
И пѣсню раннюю запѣлъ
Въ лазури жаворонокъ звонкій.

Онъ голосисто съ вышины
Поетъ, на солнышкѣ сверкая:
Весна пришла къ намъ молодая,
Я здѣсь пою приходъ весны!

Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно,
Такъ безпредѣльно, такъ воздушно;
Весь Божій міръ здѣсь вижу я —
И славитъ Бога пѣснь моя.

Какъ „Птичка“ является дѣтскою элегіей, такъ „Жаворонокъ“—дѣтскою религіозною одою. Старику любо было слышать, какъ его собственныя дѣти лепетали ему эти переложенныя на ихъ языкъ важнѣйшіе мотивы его многолѣтней поэзіи.

„Дай Богъ“, писалъ онъ о сынѣ своемъ Плетневу, „чтобы привести его къ началу прямой дороги“ — и грустно прибавляетъ: „идти же по ней придется ему безъ меня“.

И могли ли быть не отравляемы его радости грознымъ memento mori, неотступно подававшимъ свой голосъ?

Жуковскій, окончивъ послѣднее изданіе своего полнаго собранія „Сочиненій въ стихахъ и прозѣ“, напечатанное въ Карлсруэ, отправилъ его въ Петербургъ, куда лѣтомъ 1851 года приготовился, наконецъ, переѣхать съ семействомъ своимъ. „Все уже было уложено“, пишетъ Плетневъ[1]), „но за два дня передъ тѣмъ, когда онъ назначилъ для отъѣзда въ Россію, подагрическая матерія бросилась въ его глазъ. Чтобы сохранить другой, ему завязали оба глаза, и началось продолжительное лѣченіе. Онъ сталъ пользоваться изобрѣтенною для письма машинкою, и съ этого времени писалъ свои письма не чернилами, а карандашомъ и крупными буквами, въ которыхъ почти нельзя узнать его преж-

---

[1]) Плетневъ. О жизни и соч. Ж. 161.

няго почерка. „За шесть недѣль передъ этимъ,“ писалъ Жуковскій Плетневу 25 августа 1851 года, „я долженъ былъ выѣхать изъ Бадена—вдругъ напалъ на глазъ ревматизмъ, и я еще по сію пору не знаю, когда выѣду. Пишу къ вамъ съ закрытыми глазами, пользуясь мною выдуманной на слѣпоту машинкой[1]).“ „Вотъ уже болѣе восьми недѣль“, писалъ онъ 13 сентября, “какъ сижу въ заперти, въ темнотѣ, и не могу ни читать, ни писать, ни пользоваться воздухомъ. Всѣ прекрасные дни лѣта мною потеряны—и наконецъ рѣшилось дѣло тѣмъ, что мнѣ объ отъѣздѣ въ Россію теперь и думать нельзя. Уже осень. Холодъ мнѣ вреденъ. Солнечнаго свѣта еще не могу терпѣть; а послѣ бѣлизна русскаго снѣга и совсѣмъ доканала бы глазъ.... Для меня перспектива не веселая: мои работы будутъ жестоко хромать отъ невозможности употреблять глаза; ибо моя болѣзнь можетъ продолжаться еще недѣли. Постараюсь взять противъ этого мѣры: я человѣкъ изобрѣтательный!... машинка пригодилась мнѣ полуслѣпому. Могу писать съ закрытыми глазами. Правда, написанное мнѣ трудно самому читать. Въ этомъ мнѣ помогаетъ мой камердинеръ[2])“.

Не было предѣловъ чувству жизни этого поздняго участника жизни, а между тѣмъ тѣло его начинало разрушаться. Еще десять лѣтъ тому назадъ, предвидя наступающаго врага, писалъ онъ: „Мы не дорожимъ минутами; мы такъ же мало считаемъ ихъ, какъ обороты колесъ, которыхъ стукъ намъ слышится, не пробуждая нашего вниманія, когда мы переносимся изъ одного мѣста въ другое. Не успѣешь оглянуться, какъ уже минуты, быстрыя, неуловимыя минуты слилися всѣ въ одинъ прошедшій день. Мы такъ же

---

[1]) Ibid. 161.
[2]) Ibid. 163.

мало считаемъ и дни; не успѣешь осмотрѣться, какъ 365 дней слились въ одинъ прошедшій годъ... Кому удается 70 разъ проводить старый годъ и встрѣтить новый, тотъ уже старикъ; а много ли 70? Многимъ ли удается досчитать до 100? И что̀ жизнь между 70 и 100? Полусмерть [1])".

И эту-то „полу-смерть" суждено было Жуковскому обратить въ начало новой жизни! Онъ съ бою бралъ эту жизнь, бодрый, удвоивъ силы, потому что ихъ пришлось раздѣлить какъ на борьбу съ губительными врагами—болѣзнію жены и съ своимъ собственнымъ разрушеніемъ,—такъ и на дѣятельную жизнь, полную привычнаго самообразованія и творчества. „Какъ бѣжитъ время!" пишетъ онъ 2 марта 1850 года: „и какъ нарочно теперь столько въ головѣ плановъ для пера скопилось, что напередъ знаешь, что смерть, которой приближающіеся шаги становятся часъ-отъ-часу слышнѣе, не дастъ и половины ихъ исполнить. Звукъ этихъ шаговъ меня не пугаетъ, но хотѣлось бы еще урвать лѣтъ десятокъ у жизни. Воля Божія!" [2]) Наконецъ онъ начинаетъ слѣпнуть [3])—и странное дѣло! „Почти черезъ два дня послѣ болѣзни моей", пишетъ онъ Плетневу 13 сентября 1851 года, „загомозилась во мнѣ поэзія, и я принялся за поэму, которой первые стихи мною были написаны назадъ тому десять лѣтъ, которой идея лежала съ тѣхъ поръ въ душѣ неразвитая, и которой созданіе я отлагалъ до возвращенія на родину, до спокойнаго времени осѣдлой семейной жизни. Я полагалъ, что не

---

[1]) Письмо къ Вел. Кн. К. Н. 28 дек. 1841. Соч Ж. VI 353.

[2]) Ibid. 379.

[3]) Еще 2 февраля 1846 года жаловался онъ въ письмѣ къ Гоголю, что глаза его слабѣютъ, и что даже съ очками трудно становится читать. „Состояніе слѣпоты имѣетъ и свои хорошія стороны", пишетъ онъ: „но сколько лишеній!" Соч. Ж. VI. 611.

могу приступить къ дѣлу, не приготовивъ многаго чтеніемъ. Вдругъ дѣло само собою началось: все льется изнутри. Обстоятельства свели около меня людей, которые читаютъ мнѣ то, что̀ нужно, и чего самъ читать не могу, именно въ то время, когда оно мнѣ нужно для хода впередъ[1])"... Съ какою-то лихорадочной торопливостію лѣпитъ онъ свою „поэтическую мозаику", не имѣя возможности самъ прочесть, что̀ написалъ, и заставляя перечитывать написанное своего камердинера, рукою котораго исправляетъ поэму. Онъ сообщаетъ, что уже около половины ея написано, что „если она напишется такъ, какъ думается, то будетъ его лучшею лебединою пѣснію". А за этой, лишь до половины доведенной поэмою ему видится еще новый трудъ— переводъ Иліады, для чего и запасся уже подстрочнымъ переводомъ этой поэмы; двѣ работы перегоняютъ другъ друга: онъ уже перевелъ двѣ пѣсни Иліады. Въ прошлую зиму и весну онъ былъ занятъ своимъ курсомъ ученія, „который"—какъ писалъ онъ „будетъ замѣчательнымъ созданіемъ" [2]). Слѣдовательно предстояло еще и продолженіе этого курса. Онъ проситъ Плетнева помочь ему найти студента, „способнаго, классически образованнаго и достаточно воспріимчиваго, чтобы постигнуть его мысль", для того, чтобы помогать ему въ работахъ надъ этимъ домашнимъ предварительнымъ курсомъ ученія[3]). „Надобно много читать", жалуется слѣпецъ: „и особенно много рисовать"— прибавляетъ онъ, „что̀ для больныхъ глазъ убійственно". „Нельзя командовать фрунтомъ работы", съ сожалѣніемъ замѣчаетъ онъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому[4]), „какъ фрун-

[1]) Плетневъ 164.
[2]) Ibid. 165.
[3]) Плетневъ, 170.
[4]) Отъ 18 апрѣля 1850. С. Ж. VI. 657.

томъ послушныхъ дисциплинѣ солдатъ.“ Передавая о своихъ планахъ относительно Иліады и предварительнаго курса, Жуковскій увѣдомляетъ, что сдѣлалъ, сверхъ того, переводъ Новаго Завѣта [1]).!

Въ то же время онъ не перестаетъ слѣдить за русскою литературою. Не справляясь уже и съ машинкою, начавъ уже просто диктовать свои письма, въ которыхъ освѣдомляется о новыхъ талантахъ въ Россіи: „благодарю васъ“, пишетъ онъ 27 ноября 1851 Плетневу, „за доставленіе стиховъ Майкова. Я прочиталъ ихъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Майковъ имѣетъ истинный поэтическій талантъ. Я не читалъ его другихъ произведеній; слышу, что онъ еще молодъ. Слѣдовательно передъ нимъ лежитъ еще долгій путь. Дай Богъ ему пріобрѣсть взглядъ на жизнь съ высокой точки, и избѣжать того эпикуреизма, который заразилъ поэтовъ и осквернилъ поэзію нашего времени. Мало того: онъ еще и руководитъ отсутствующими писателями. Менѣе, нежели за полгода до смерти онъ пишетъ Плетневу: „Не знаете ли чего о Гоголѣ? Онъ для меня пропалъ. Я бы давно къ нему писалъ, да не знаю, куда къ нему писать. Говорятъ, что онъ кончилъ вторую часть „Мертвыхъ Душъ“, и что это чудесно хорошо. Если будетъ напечатано, пришлите немедленно. Скажите отъ меня Майкову, что онъ съ своимъ прекраснымъ талантомъ можетъ начать разрядъ новыхъ русскихъ поэтовъ, служащихъ правдѣ, а не матеріальной чувственности. Пускай онъ возьметъ себѣ за образецъ Шекспира, Данте, а изъ древнихъ Гомера и Софокла; пускай напитается исторіею и знаніемъ природы, и болѣе всего знаніемъ Руси, той Руси, которую намъ создала ея

---

[1]) Собственноручная рукопись этого перевода была найдена въ бумагахъ Жуковскаго, но потомъ утратилась Соч. Ж. VI.637, вып.

исторія, Руси богатой будущимъ, не той Руси, которую выдумываютъ намъ поклонники безумныхъ доктринъ нашего времени, но Руси самодержавной, Руси христіанской—и пускай, скопивъ эти сокровища знаній, это сокровище матеріаловъ для поэзіи, пускай проникнетъ свою душу святынею христіанства, безъ котораго наши знанія не имѣютъ цѣли, и всякая поэзія не иное что—какъ пустое сибаритство—русалка, убійственно щекочущая душу. Таково мое завѣщаніе молодому поэту [1])".

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ руководилъ и возбуждалъ А. Ѳ. фонъ-деръ Бриггена (одного изъ декабристовъ) въ его переводахъ классическихъ авторовъ. „Мы бѣдны", писалъ онъ ему въ 1845 году, „хорошими переводами классиковъ древнихъ; вѣрные переводы латинскихъ и греческихъ поэтовъ и прозаиковъ принесли бы несказанную пользу нашему языку, уже довольно утвердившемуся, но еще много пріобрѣсть могущему: онъ свое образованіе заимствовалъ у языковъ новѣйшихъ, а духъ древности еще не сходилъ на него. Въ этомъ отношеніи трудъ Вашъ меня радуетъ. [2]) „Послѣ Кесаря", продолжаетъ онъ, „уже можно бы вступить въ борьбу и съ великою силою Тацита и съ благороднымъ краснорѣчіемъ Тита Ливія. Я часто сѣтовалъ на свое совершенное невѣжество въ латинскомъ и греческомъ языкѣ. Какое было бы для меня наслажденіе подъ старость заняться переводомъ нѣкоторыхъ классиковъ въ прозѣ; подъ старость проза (не прозаизмъ) становится привлекательнѣе [3])"... „Вы же теперь принимайтесь", пишетъ онъ далѣе, „за новый трудъ; я бы пред-

---

[1]) Плетневъ. 173.

[2]) С. Ж. VI. 615.

[3]) Ibid.

ложилъ вамъ двѣ работы: одна—просто переводъ одного изъ классическихъ историковъ древности, съ надлежащими дополненіями и объясненіями; другая (и признаюсь я предпочелъ бы эту другую работу): составленіе избранной библіотеки изъ древнихъ историковъ... Не всѣмъ бываетъ и возможность, и охота, и время перечитать классиковъ сполна. . но совершенное незнаніе классиковъ есть великая прорѣха въ умственномъ образованіи" [1]). „Вы желаете знать", пишетъ онъ тому же лицу: „кого бы я предпочелъ изъ двухъ: Саллюстія или Гиббона? Безъ всякой остановки говорю: Саллюстія. Можно ли думать о переводѣ 14 томовъ in 8° Гиббона? Если хотите разсказать намъ паденіе Римской Имперіи, то возьмитесь скорѣе за маленькій волюмъ Монтескье". [2]) Совѣтуетъ онъ также перевесть Іоганна Мюллера. „Хорошій переводъ Мюллера", говоритъ онъ, „былъ бы великимъ завоеваніемъ для языка русскаго [3]). Рекомендуетъ онъ для перевода А. Ѳ. фонъ-деръ-Бриггену и письма І. Миллера и неоднократно возвращается къ этому историку, давно-давно его занимавшему. Отвѣчая на извѣщеніе, что фонъ-деръ-Бриггенъ переводилъ Виланда на латинскій языкъ, Жуковскій замѣчаетъ ему: „Я радъ, что онъ послужилъ вамъ для гимнастики въ латинскомъ языкѣ. Но у меня теперь отлегло сердце отъ Виланда; онъ чисто язычникъ въ своей философіи и едва ли не эпикуреецъ" [4]). „Живъ, живъ, курилка и еще не умеръ!" восклицаетъ о себѣ Жуковскій въ другомъ письмѣ [5]) къ тому же лицу... „Я хотѣлъ написать къ Вамъ нѣсколько строкъ, а вышли

---

[1]) Ibid. 617.
[2]) Ibid. 621.
[3]) Ibid.
[4]) С. Ж. VI. 624.
[5]) Отъ 31 окт. 1849 г. С. Ж. VI, 626.

страницы. Говоря о писательствѣ, легко записаться [1]),“ шутитъ неутомимый Жуковскій.

Поэма, о которой сообщалъ онъ, какъ о задуманной десять лѣтъ назадъ и написанной до половины, была „Агасверъ“. Она явилась результатомъ и той работы надъ религіозными идеями, поверхностность которыхъ онъ замѣтилъ въ себѣ подъ вечеръ своей жизни, и историческихъ размышленій, не покидавшихъ его во всю жизнь.

Въ началѣ 1849 года Жуковскій обращается къ Гоголю, бывшему тогда въ Палестинѣ, съ требованіемъ изображеній этой страны, со всѣми ея мѣстными красками, въ такомъ видѣ, чтобы они могли послужить для его „Агасвера“. Гоголь не вполнѣ удовлетворилъ его. „Знаешь ли, какую тяжелую ты мнѣ задалъ задачу?“ отвѣчаетъ онъ 28 февраля 1849 года... [2]) Къ чему эти бѣдныя черты, когда всякое событіе Евангельское и безъ того уже обстанавливается въ умѣ христіанина такими окрестностями, которыя гораздо ближе даютъ чувствовать минувшее время, чѣмъ всѣ нынѣ видимыя мѣстности, обнаженныя, мертвыя?... Что̀ могутъ всѣ эти мѣста, которыя привыкли мы мѣрять разстояніями, произвести другаго, какъ развѣ сбить съ толку любопытнаго наблюдателя?...“ уныло продолжаетъ Гоголь—и незамѣтно для самого себя чертитъ въ длинномъ письмѣ живой образъ „безглагольной, недвижимой, Богомъ проклятой мертвой страны“. Описавъ мастерской кистью эту мерзость запустѣнія, онъ прибавляетъ: „По всѣмъ горамъ высѣчены уступы—слѣды нѣкогда бывшихъ виноградниковъ;

---

[1]) Соч. Ж. VI. 624.

[2]) Соч. Н. Гоголя, Кулиша. VI. 477. Тутъ встрѣчается противорѣчіе въ датахъ. Отвѣтъ Гоголя датированъ у Кулиша февралемъ 1849 года, а письмо Жуковскаго (несомнѣнно то, на которое письмо Гоголя было отвѣтомъ) у Ефремова—20 января 1850 года. (См. С. Ж. VI. 613).

и теперь даже стоитъ бросить одну горсть земли на эти обнаженные каменья, чтобы показались на ней вдругъ сотни растеній и цвѣтовъ: столько влажности, необходимой для прозябанія, заключено въ этихъ безплодныхъ каменьяхъ! И никто изъ нынѣшнихъ жителей ничего не заводитъ, считая себя кочевыми... Только въ Яфѣ небольшое количество деревъ ломится отъ тяжести плодовъ, поражая красотою своего роста... „Другъ", заключаетъ Гоголь свой очеркъ Палестины, „сообразилъ ли ты, чего просишь, прося отъ меня картинъ и впечатлѣній для этой повѣсти, которая должна быть вмѣстѣ „внутренней исторіей твоей собственной души"?

Но Жуковскій давно сообразилъ это. Описаніе Палестины, сдѣланное Гоголемъ, „негативное", какъ его назвалъ Жуковскій [1]), сослужило ему службу. Яркими, какъ бы восполняющими потухающее его зрѣніе красками начерталъ онъ картины своей поэмы [2]), дополняя ихъ живыми изображеніями разрушительныхъ явленій природы.

Работа надъ религіозными вопросами шла наряду съ художественной подмалевкой будущей картины. Письма къ Протоіерею Базарову отъ 1848 года свидѣтельствуютъ, какъ неотступно пополнялъ поэтъ нашъ прежде оставляемую безъ вниманія эту область знаній. „Едва ли мертвая вѣра не хуже самаго безвѣрія", пишетъ онъ 20 декабря 1848 года И. И. Базарову: „безвѣріе есть бѣшеный живой врагъ; онъ дерется, но его можно одолѣть и побѣдить убѣжденіемъ". „Мертвая вѣра есть трупъ", продолжаетъ нашъ „піэтистъ": „что можно сдѣлать изъ трупа"? [3]) 11-го ноября 1849 года Жуковскій проситъ Славянской Библіи, потому что отпра-

[1]) С. Ж. VI. 614.

[2]) См. напр. Соч. Ж. VI. 198.

[3]) Письмо II-е къ И. И. Базарову. Соч. Ж. VI.

вилъ свою съ пожитками въ Россію. Передъ тѣмъ онъ читалъ замѣчанія отца Базарова на книгу Штира: „Die Reden des Herrn Jesu“ и просилъ у него перевода еврейскихъ и греческихъ словъ, которыми испещрена книга Штира [1]). Благодаря отца Базарова за его книгу, Жуковскій даритъ ему съ своей стороны свою статуэтку, сдѣланную Нордгеймомъ въ Франкфуртѣ [2]). Постоянно снабжая Жуковскаго книгами, о. Базаровъ доставилъ ему между прочимъ описаніе Палестины съ картинами. Жуковскій запасся и сводомъ Новаго Завѣта на нѣмецкомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ.

Религіозное самообученіе Жуковскій производилъ, не устраняя отъ него жены своей. Она почувствовала неудовлетворенность протестантизма, но еще не могла прійти къ рѣшенію при выборѣ одного изъ положительныхъ вѣроисповѣданій [3]). Жуковскій, по своему обыкновенію, не убѣждаетъ жену ни къ чему, какъ ни важно было бы для него присоединеніе матери его дѣтей къ православію. „Въ дѣлѣ вѣры“, пишетъ онъ, „никто со стороны мѣшаться не долженъ; здѣсь все должно происходить безъ посредства между Богомъ и душою“. „Но для совершенія такого важнаго перехода нужно имѣть ясное понятіе о главномъ предметѣ, о церкви“... „Чтобы имѣть ей возможность сдѣлать выборъ, нужно ей знать, въ чемъ состоитъ различіе двухъ церквей и въ чемъ, превосходство нашей“ [4]).

Приглашая о. Базарова для ознакомленія жены своей съ основами православія, Жуковскій еще не увѣренъ, согла-

---

[1]) Письмо II. Ibid.
[2]) Письмо IX. Ibid.
[3]) Письмо XII. Ibid.
[4]) Ibid.

сится ли она на эти бесѣды, но не хочетъ ей говорить напередъ, чтобы не дѣлать ей принужденія [1]).

Какъ извѣстно, Елизавета Алексѣевна уже по смерти мужа, въ Москвѣ, присоединилась къ православію, приготовившись къ тому у извѣстнаго Московскаго законоучителя Ипполита Михайловича Богословскаго-Платонова.

Заинтересованный греческой рукописью, будто бы пріобрѣтенной въ Венеціи бывшимъ студентомъ Московскаго Университета Валуевымъ,—„Краткаго исповѣданія православной церкви", въ дѣйствительности же принадлежавшей перу его дяди Хомякова (любившаго подобныя мистификаціи),—Жуковскій проситъ отца Базарова выслать ему это сочиненіе, въ которомъ безъ всякой казуистики и схоластики предлагалось ясное пониманіе церкви [2]).

29 ноября 1851 года Жуковскій проситъ о. Базарова сообщить ему, какъ наши церковные писатели изъясняютъ главныя видѣнія Апокалипсиса, изображеніе которыхъ, какъ извѣстно, вошло въ его Агасвера. 5-го декабря ему понадобилась Библейская Исторія Филарета и исторіи русской церкви Муравьева и Филарета [3]). 3 января 1852 года онъ благодаритъ о. Базарова за переводъ Псалмовъ, а 29-го того же мѣсяца за рукопись о. Бажанова о церкви [4]).

Такъ готовился поэтъ нашъ къ своей лебединой пѣсни. Теряя зрѣніе, замѣтно разрушаясь, онъ, казалось, тѣмъ съ большею энергіей велъ впередъ свое религіозное самообразованіе, не забывая и жены и дѣтей, и объединилъ результаты его, какъ всегда, въ поэтическомъ произведеніи съ интересами жизни личной и своего семейства.

---

[1]) Ibid.

[2]) Р. А. 1869. 94. См. "Церковь одна„ въ соч. Хомякова, т. II.

[3]) Письма къ И. И. Базарову XIV-е и XV-е. Соч. Ж. VI.

[4]) Письма XVI-е и XVII-е.

Легенда о Вѣчномъ Жидѣ [1]), этомъ символѣ проклятаго и осужденнаго на вѣчное странствованіе народа Іудейскаго [2]), является впервые въ средневѣковой литературѣ у Матвѣя Парижскаго, который будто бы слышалъ ее отъ одного армянскаго архіепископа въ 1228 году. Содержаніе ея довольно кратко. Разсказывается о привратникѣ преторіи Картафилѣ, ударившемъ Христа, шедшаго на распятіе, и осужденномъ на ожиданіе втораго Его пришествія. Черезъ каждые сто лѣтъ Картафилъ, послѣ ужасной болѣзни, снова молодѣетъ. Получивъ крещеніе отъ Ап. Ананіи, онъ просвѣтлѣлъ духомъ и надѣется на прощеніе своей вины, совершенной имъ по невѣдѣнію. Подъ именемъ Іосифа онъ проводя святую жизнь, въ Арменіи, онъ служитъ примѣромъ для вѣрующихъ.

Таковъ литературный зародышъ легенды, въ средніе вѣка значительно распространенный и измѣненный. Имя Картафила-Іосифа замѣнилось именемъ Агасѳера, іерусалимскаго башмачника, который толкнулъ Спасителя, желавшаго отдохнуть у его дома во время крестнаго шествія. Невѣрующій, проклятый и осужденный на безконечныя страданія, потомъ смирившійся, раскаявшійся и просвѣтленный Агасферъ послужилъ Жуковскому для изображенія грандіозной міровой картины. Въ лицѣ этого терзаемаго проклятіемъ Еврея предсталъ поэту нашему весь древній міръ, отрекшійся отъ надеждъ и не вѣрующій откровенію. Съ озлобленіемъ отталкиваетъ отъ себя этотъ міръ Страдальца-Носителя грѣховъ человѣческихъ и отказывается отъ искуп-

[1]) Gaston Paris. Le Juif Errant. Paris. 1880. См. также въ Deutsche Literaturgeschite v. R. Koenig, 1679, о вышедшей въ 1547 въ Гамбургѣ книгѣ: „Newe Zeitung vom Juden Ahasverus“ и о народной книгѣ, впервые явившейся въ 1602 г. въ Данцигѣ; Кёнигъ прилагаетъ и снимокъ съ заглавнаго листа 3-го изд. этой народной книги 1619 г.

[2]) Скворцовъ. „Жизнь Іисуса Х. по Еванг. и народн. преданіямъ“.

ленія. Тогда, безъ надежды на будущее, безъ смысла настоящаго, блуждая во мракѣ отчаянія подъ печатью проклятія, ища въ „смерти, упованіи не быть, изчезнуть томительную прелесть“ [1]), онъ проситъ конца своимъ страданіямъ: „Дай смерть мнѣ! дай мнѣ смерть!“. Гибнутъ города, колеблется земля—мракъ не разсѣвается. „Живи, не жди, злобствуй, проклинай“! дѣлается его девизомъ. Озлобленный, „ликуя какъ дикій звѣрь“, съ „проклятіемъ Распятому“, неистово бросился этотъ міръ на „незлобныхъ“ „съ гоненіемъ, тюремнымъ заточеньемъ и убійствомъ“. „Незлобные“ продолжали дѣло своего смиренія и смѣло шли со свѣточемъ вѣры, бросая лучи ея въ мрачную пропасть отчаянія. Это „Пшено Господне“ [2]), приготовленное словомъ Божіимъ, измалываемое „въ зубахъ звѣриныхъ“, учило древній міръ искать исхода страданіямъ въ вѣрѣ и терпѣніи и пробудило „стремленье къ чему-то неиспытанному“. Мощный голосъ Апостоловъ „животворящимъ словомъ своимъ выбилъ изъ него искру всепримиряющаго покаянья“, „страшнаго отчаянья удѣлъ преобратилъ въ удѣлъ святаго мира“. Девизъ возрожденнаго міра измѣнился. „Смирись, живи и жди“... стало путеводителемъ его въ новой жизни. Орошенный „водой крещенья“, приступивъ къ

Спасенію души въ святомъ Христа
За насъ пронзенномъ тѣлѣ и Христовой
За насъ пролитой крови,—

просвѣтленный міръ удостоился наконецъ узнать,

Что̀ было, есть и будетъ.

Такова идея „Агасвера“ Жуковскаго. Средневѣковая легенда послужила только канвою, по которой онъ съ нео-

[1]) „Агасверъ“ Соч. Жук. V.

[2]) К. К. Зейдлицъ неправильно приписываетъ эти слова св. Игнатію вмѣсто св. Игнатія. см. „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго“. 1883. 242.

быкновенною силою своего неослабѣвающаго таланта развилъ эпизодически главную мысль свою. Ему могли служить для того „Der ewige Jude“ Шубарта, „Die Warnung“ А. Шлегеля и литературныя замѣтки на легенду въ третьей части „Aus meinem Leben“ Гёте.

Главнѣйшіе эпизоды, связующею нитью которыхъ служатъ странствованія Агасвера (разрушеніе Іерусалима, гибель Помпеи, Игнатій въ Римскомъ циркѣ и Апокалипсисъ Ап. Іоанна) обработаны Жуковскимъ вполнѣ самостоятельно. Изъ писемъ его къ о. Базарову видно, что онъ изучалъ Апокалипсисъ, уже прежде переданный имъ въ „Видѣніи Іоанна Богослова“, незадолго до Агасвера написанномъ, и большею своею частію вошедшемъ въ эту поэму. Въ изображеніи личности Вѣчнаго Жида, его состоянія до просвѣтлѣнія, замѣтна нѣкоторая близость съ нѣмецкими обработками[1]). Но во второй части поэмы, въ изображеніи Агасвера, уже воспитаннаго „въ училищѣ страданій несказанныхъ“, полнаго „благодати смиренія“ и „цѣлительной раскаянья печали“, поэтъ нашъ, для котораго поэзія была „земная сестра небесныя молитвы“, дѣйствовалъ независимо, налагая свои родныя краски на дорогую ему картину, украшая „послѣднія мысли своей жизни“ словами православной Литургіи:

---

1) У Жуковскаго:
Кидался въ бездну я съ стремнины горной:
На днѣ ея, о камни сокрушенный,
Я оживалъ по долгой мукѣ. Море въ лоно
Свое меня не принимало; пламень
Меня пронзалъ мучительно насквозь,
Но не сжигалъ моей проклятой жизни

У Шубарта:
Von wolkengegürteten Klippen stürzt'ich
Hinunter in's Meer; doch strudelnde Wellen
Wälzten mich an's Ufer, und des Seins
Flammenpfeil durchstach mich wieder...
Traf Feuer auf mich—
Doch sengte nur die Flamme mein Gebein
Und verzehrte mich nicht.

Со страхомъ Божіимъ и съ вѣрой, сынъ мой,
Къ симъ тайнамъ приступи...
...Херувимовъ братство христіанъ
Шестокрылатыхъ тайно образуетъ,
И всякое земное попеченье
Забывъ, дориносимаго чинами
Небесными Царя царей подъемлетъ.

Послѣднее письмо Жуковскаго къ Плетневу (5 марта 1852 [1]) все посвящено скорби его о кончинѣ Гоголя. „Какою вѣстью вы меня оглушили—и какъ она для меня была неожиданна"!—такъ начинаетъ онъ это письмо. „Весьма недавно я получилъ еще письмо отъ Гоголя", продолжаетъ онъ,—„и хотѣлъ дать ему отчетъ въ моей теперешней стихотворной работѣ, т. е. хотѣлъ поговорить съ нимъ подробно о моемъ „Жидѣ", котораго содержаніе ему было извѣстно, который пришелся бы ему особенно по-сердцу—и занимаясь которымъ я особенно думалъ о Гоголѣ... И вотъ уже его нѣтъ! Я жалѣю о немъ несказанно собственно для себя; я потерялъ въ немъ одного изъ самыхъ симпатичныхъ участниковъ моей поэтической жизни, и чувствую свое сиротство въ этомъ отношеніи. Теперь мой литературный міръ состоитъ изъ 4-хъ лицъ, изъ 2-хъ мужскаго пола и изъ 2-хъ женскаго: къ первой половинѣ принадлежите вы и Вяземскій, къ послѣдней—двѣ старушки: Елагина и Зонтагъ. Какое пустое мѣсто оставилъ въ этомъ маленькомъ мірѣ мой добрый Гоголь".

Такъ сѣтовалъ Жуковскій о своемъ другѣ, а смерть незамѣтно подступала къ нему самому.

Въ февралѣ 1852 года пригласилъ онъ о. Базарова изъ Штуттгарта къ себѣ въ Баденъ-Баденъ на шестой недѣлѣ Великаго Поста. Онъ хотѣлъ пріобщиться вмѣстѣ съ сво-

[1]) Соч. Ж. VI. 605.

ими дѣтьми. Передъ наступленіемъ назначеннаго срока онъ увѣдомилъ духовнаго отца, что нѣкоторыя обстоятельства вынуждаютъ его отложить исполненіе намѣренія до Ѳоминой недѣли.

„Добрый старецъ", пишетъ о. Базаровъ, «не зналъ того, что это второе распоряженіе было свыше отъ премудрой воли Божіей, предназначавшей ему вкусить эту послѣднюю радость земной Вѣры Христіанской за два дня передъ переходомъ его въ вѣчную жизнь, гдѣ онъ долженъ былъ «истѣе причаститься въ невечернемъ дни Царствія Христова».

Въ понедѣльникъ Ѳоминой недѣли, 7 апрѣля, о. Базаровъ вечеромъ прибылъ въ Баденъ-Баденъ и нашелъ уже Жуковскаго въ постелѣ. Мрачная тишина лежала на всемъ семействѣ. Елизавета Алексѣевна отозвала отца Іоанна въ другую комнату и сообщила ему, что мужъ ея опять раздумываетъ, не отложить ли принятія Св. Таинъ, и на этотъ разъ—до Петровскаго поста, чтобы тогда со всѣмъ благоговѣніемъ исполнить христіанскій долгъ, разсчитывая особенно на радость, ожидавшую его тогда въ семейномъ кругу.

Отецъ Іоаннъ ночевалъ у Жуковскихъ, не тревожа позднимъ вечеромъ старика, который забылся сномъ, успокоившимъ его тревожную душу.

На слѣдующее утро, въ 11-мъ часу, отецъ Іоаннъ тихо вошелъ въ его комнату. Поэтъ нашъ тотчасъ заговорилъ: „Ну, теперь нечего дѣлать, надо отложить. Вы видите, въ какомъ я положеніи... совсѣмъ разбитый... въ головѣ не клеится ни одна мысль .. какъ же такимъ явиться предъ Нимъ"? Произнося эти слова, онъ постоянно хватался за голову [1]).

---

[1]) См. Изв. Имп. Ак. Н. I. 249 и д.

Отцу Базарову стало ясно, что сраженъ борцъ, такъ долго и бодро хранившій пламя поздней жизни. Онъ рѣшился убѣдить Жуковскаго не откладывать св. причащенія. „Но что бы вы сказали теперь“, возразилъ о. Базаровъ, „если бы самъ Господь захотѣлъ прійти къ вамъ? Развѣ отвѣчали бы ему, что васъ нѣтъ дома“?

Старикъ заплакалъ.

„Въ Св. Таинствѣ“, продолжалъ отецъ Іоаннъ, „надо различать двѣ стороны: разъ человѣкъ приходитъ къ Іисусу Христу, ища покаянною душою примиренія съ нимъ; въ другой разъ Онъ Самъ приходитъ къ человѣку и требуетъ только отворить Ему двери сердца“.—„Такъ приведите Его, этого святаго Гостя“, проговорилъ Жуковскій сквозь слезы; затѣмъ, взявъ жену свою за руку, знаменательнымъ тономъ, съ разстановкою, сказалъ ей: „Вотъ онъ, какъ полномочный отъ Бога, хочетъ привести ко мнѣ Господа—ко мнѣ, недостойному. Какъ я буду счастливъ имѣть Его въ себѣ“!

Сговорились на другой же день приготовить его дѣтей исповѣдью къ Св. причащенію вмѣстѣ съ отцомъ.

Жуковскій успокоился. Въ немъ снова затрепеталъ остатокъ жизни. Онъ не умолкалъ, распространяясь о томъ, какъ онъ учитъ дѣтей своихъ; началъ разсказывать о своихъ историческихъ таблицахъ, желая показать ихъ отцу Базарову; потребовалъ, чтобы ихъ принесли къ нему... но руки уже плохо ему повиновались; замѣтно было раздраженіе въ напряженіи мыслей. Отецъ Іоаннъ уговорилъ его оставить это до другаго времени. „Да“, отвѣчалъ Жуковскій, „вы должны будете пріѣхать ко мнѣ. Мнѣ очень нужно видѣть васъ у себя недѣли двѣ-три“.

Тяжело было видѣть Елизаветѣ Алексѣевнѣ это лихорадочное торопливое оживленіе. Она просила его успокоиться

и говорить меньше. „Ахъ, мой другъ, что́ ты такъ заботишься объ этомъ бренномъ трупѣ?“ сказалъ Жуковскій съ примѣтною досадою, указывая на тѣло свое: „душа наша важнѣе всего ..“ Къ вечеру больной былъ въ забытьи и бреду.

Неотступное чудовище стояло у его изголовья и не хотѣло отойти отъ кровати. Измученный, онъ былъ разбитъ совершенно—и на слѣдующее утро, 9 апрѣля, встрѣтилъ духовнаго отца жалобою на неотвязчивую мысль, мучившую его наканунѣ, мысль о томъ, что̀ будетъ послѣ него съ его дѣтьми и женою. Отецъ Іоаннъ успокоилъ его, напомнивъ о Промыслѣ Божіемъ, милости Государя, о его заслугахъ Престолу и Отечеству. „Да“, отвѣчалъ онъ—„это убѣжденіе есть“. Слезы дополнили его мысль.

„Жизнь! все жизнь, исполненная пустоты!“ произнесъ онъ какъ бы въ раздумьи.

Позвали дѣтей. Вмѣстѣ съ ними прочиталъ онъ Молитву Господню и исповѣдался передъ причащеніемъ. Затѣмъ совершилось таинство.

Въ какомъ-то умиленіи обратился отецъ къ дѣтямъ своимъ и со слезами сказалъ имъ: „Дѣти мои, дѣти! вашъ Богъ былъ съ вами! Онъ самъ пришелъ къ намъ! Онъ въ насъ теперь! Радуйтесь, мои милые!“

Силы его оставили—и онъ уснулъ спокойнымъ сномъ.

10 апрѣля умирающій чувствовалъ себя лучше. Онъ, казалось, пересталъ ждать скорой кончины. Онъ приглашалъ отца Іоанна пріѣхать въ маѣ или іюнѣ. „Вы на пути“ — сказалъ онъ: „какое счастіе идти куда захочешь, ѣхать куда надо! Не умѣешь цѣнить этого счастія, когда оно есть; понимаешь его только тогда, когда нѣтъ его!“ Затѣмъ началъ онъ говорить о своей поэмѣ: „Въ ней заключены послѣднія мысли моей жизни... Это моя лебединая пѣснь. Я

бы хотѣлъ, чтобы она вышла въ свѣтъ послѣ меня... я началъ было переводить ее, диктуя по-нѣмецки. Но Кернеръ берется перевести ее въ стихахъ. Пусть его передѣлываетъ, пусть прибавляетъ, но мысль мою онъ пойметъ". Затѣмъ онъ снова перешелъ къ своимъ таблицамъ, вспомнилъ объ урокахъ, которыя давалъ дѣтямъ своимъ. Вообразите", сказалъ онъ: „они плакали, когда я разсказывалъ имъ послѣднюю вечерю Господа, его Геосиманскую молитву".

Передъ самымъ отъѣздомъ отца Іоанна Жуковскій еще разъ прислалъ за нимъ. Когда онъ вошелъ, то увидѣлъ въ одной рукѣ больнаго карандашъ, а въ другой бумагу. „Я хочу писать къ Государю", говорилъ онъ. „Василій" обратился онъ къ своему камердинеру: „мы съ тобой будемъ работать ночью. Теперь еще рано. Который часъ?„—„Три часа", отвѣчали ему. „Какъ идетъ время!" грустно сказалъ онъ. Потомъ, обратившись къ отцу Базарову, прибавилъ: „Я смерти не боюсь. Я готовъ схоронить жену, дѣтей: я знаю, что я ихъ отдалъ Богу. Но думать, что ты самъ уходишь, а ихъ оставляешь, чувствовать одиночество—вотъ что̀ больно!"

Рейтернъ былъ въ отъѣздѣ во время этихъ дней. Елизавета Алексѣевна и теща находились при больномъ. Вечеромъ въ пятницу мысль о близости кончины разсѣялась у всѣхъ его окружавшихъ. Къ вечеру онъ впалъ въ тихое забытье, но жену и дѣтей узнавалъ. Онъ подозвалъ дочку свою и сказалъ ей: „Поди скажи матери; я теперь нахожусь въ ковчегѣ и высылаю перваго голубя—это моя вѣра, другой голубь мой—это терпѣніе". Поздно вечеромъ онъ сказалъ тещѣ, сидѣвшей подлѣ него: „Теперь остается только матеріальная борьба; душа уже готова!" Къ ночи уснулъ спокойно. Послѣ полуночи, въ 1 ч. и 37 м., при началѣ 12 апрѣля, въ субботу, его ровное дыханіе нарушилось двумя

вздохами болѣе глубокими и рѣдкими, нежели предшествовавшіе... и дыханіе прекратилось.

И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ, ужъ не горящій.

Тѣло покойнаго было поставлено въ склепѣ на загородномъ Баденскомъ кладбищѣ, а потомъ перевезено въ Петербургъ, и здѣсь, въ Александро-Невской Лаврѣ, въ присутствіи Августѣйшаго ученика своего, 29 Іюля нашелъ поэтъ послѣднѣее убѣжище, согласно заранѣе выраженному желанію, недалеко отъ Карамзина, котораго такъ любилъ при жизни.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

ИЗЪ ОБЩИХЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ДЛЯ ВОСПИТАННИКОВЪ БЛАГОРОДНАГО ПАНСІОНА.

I. ВЗРОСЛОМУ ВОСПИТАННИКУ

Благороднаго при Университетѣ Пансіона, для всегдашняго памятованія.

Цѣль воспитанія.

Главная цѣль истиннаго воспитанія есть та, чтобъ младыя отрасли человѣчества, возрастая въ цвѣтущемъ здравіи и силахъ тѣлесныхъ, получали необходимое просвѣщеніе и пріобрѣтали навыки къ добродѣтели, дабы, достигши зрѣлости, принесть отечеству, родителямъ и себѣ драгоцѣнные плоды правды, честности, благотвореній и неотъемлемаго счастія.

I. Должность къ Богу. Источникъ сихъ небесныхъ даровъ есть Богъ. Да сіяетъ непрестанно въ умѣ вашемъ, какъ свѣтильникъ, озаряющій все ваше существо, высокая мысль о Его величествѣ, всемогуществѣ, благости, правосудіи, вездѣсущности, всевѣдѣніи! Исполняйте всѣ чувствованія способнаго къ тому сердца вашего съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, страхомъ, живѣйшею къ нему любовію и благодарностію! Безъ сего все воспитаніе ваше ничто, и мнимое просвѣщеніе тщетно, или болѣе зловредно.

II. Къ Государю и Отечеству. Государь есть величественный образъ Божества: милость, щедроты, правосудіе, благоденствіе ліются отъ Престола Его на всю Державу. — Ощущайте непрестанно глубочайшую преданность къ правосуднѣйшему въ свѣтѣ Нашему Государю. — Любите Отечество, гдѣ вы родились, гдѣ вы отвсюду защищены, подкрѣплены, облагодѣтельствованы. Старайтесь учиниться истиннымъ и достойнымъ сыномъ Его, и заранѣе изготовить себя къ Его службѣ, дабы жертвуя Ему своими способностями и трудами, заплатить свой долгъ, и сохранить честь своихъ предковъ.

III. Къ родителямъ. Родители суть виновники бытія и благъ, которыми вы теперь наслаждаетесь. Они въ слабомъ и безпомощномъ младенчествѣ вашемъ со всею горячностію хранили нѣжные начатки жизни вашей, и ревностно предупреждали всѣ ваши нужды; они съ восхищеніемъ видятъ въ васъ себя самихъ, дышатъ къ вамъ любовію, пекутся о васъ, какъ о собственномъ существѣ. Пламенѣйте къ нимъ благодарностію; да трепещетъ юное сердце ваше отъ радости, да исполняется оно нѣжностію при воззрѣніи на нихъ, при единомъ воспоминаніи имени сихъ первыхъ въ свѣтѣ вашихъ благодѣтелей.—Но знайте, что одни только наружные знаки такого дѣтскаго расположенія, безъ точнаго исполненія на дѣлѣ воли ихъ, суть постыдное лицемѣріе и несчастное для васъ самихъ притворство.

IV. Къ наставникамъ. Воля и желанія ихъ—чтобъ вы получили воспитаніе, достойное благороднаго человѣка;—попечители, наставники и хранители непорочности вашихъ нравовъ и поведенія обязаны Богу, Государю, Отечеству, родителямъ вашимъ, совѣсти своей, отвѣтомъ въ руководствованіи васъ ко всему, что честно, что полезно, что достохвально; они зиждутъ истинное ваше счастіе, которое на всю жизнь, и даже въ послѣдующую за нею вѣчность простирается; они доставляютъ вамъ сокровище, котораго никакою цѣною, никакими богатствами купить не можно.—Представляйте себѣ часто: что бы вы были, оставшись въ невѣжествѣ, съ предразсудками, пристрастіями, пороками?—и что вы будете, когда свѣтъ познаній и добродѣтелей разліется въ вашей душѣ, и когда ста-

путъ блистать въ васъ превосходныя качества, дарованія и совершенства во всей красотѣ?—Изъ сего увидите всю важность и великость трудовъ просвѣтителей вашихъ, и тогда ощутите къ нимъ во глубинѣ сердца всегдашнюю благодарность, искреннее почитаніе и безпрекословное повиновеніе, при всѣхъ полезныхъ ихъ совѣтахъ и предписаніяхъ въ вашемъ ученіи и поступкахъ. Успѣхи ваши будутъ быстры, удовольствіе живо, и вы изліете въ сердце путеводцевъ своихъ сладостное утѣшеніе, сію единую, прямую отъ васъ награду за ихъ попеченія.

V. Что наблюдать должно во время ученія? При начатіи ученія не забывайте никогда, съ дѣтскою простотою возносить мыслей и желаній своихъ къ высочайшей Премудрости, да возбудитъ и оживитъ всѣ способности ваши къ принятію сѣмянъ истины. — Во все продолженіе онаго храните ненарушимо благоустройство, тишину, вниманіе, скромность, повиновеніе, благопристойность и учтивость.—Приходите на мѣсто, наукамъ посвященное, безъ разсѣянія и съ надлежащею готовностію; содержите всѣ учебныя свои вещи въ цѣлости, чистотѣ и порядкѣ. Сіе послужитъ вамъ вмѣстѣ и къ тому полезному навыку, что вы, въ какомъ ни будете состояніи и званіи, точностію и исправностію сдѣлаете всегда честь и украшеніе своей должности.

IV. Какъ себя вести при повтореніи уроковъ, и въ свободные часы отдохновенія? Всѣ изъясненія учительскія, безъ собственнаго ихъ принятія отъ учащагося, впечатлѣваются слабо, и вскорѣ совсѣмъ изчезаютъ. И такъ, всякой разъ, въ спокойное вечернее и послѣдующее утреннее время, повторите порядочно въ мысляхъ все, чему вы чрезъ цѣлой день тотъ учились Посредствомъ сего память ваша будетъ изощряться, понятіе становиться отчасу яснѣе и познанія обширнѣе. Все, назначаемое вамъ, дѣлайте съ охотою и поревнованіемъ: сіе послужитъ къ вашимъ успѣхамъ, похвалѣ и чести. Но какъ сіи упражненія непремѣнно нужно умѣрить и облегчать отдохновеніемъ, то болѣе всего сохраняйте невинность, мягкость, чистоту и непорочность нравовъ, какъ въ сіе время,

такъ и вообще во всемъ обхожденіи; на дѣлѣ и на словахъ будьте другъ другу примѣромъ и образомъ хорошаго поведенія, доброжелательства, услужливости, честности, вѣжливости и другихъ общественныхъ добродѣтелей.

Если сердце ваше способно чувствовать впечатлѣніе истины, то вы сами признаете важность, силу и пользу сихъ искреннихъ совѣтовъ и напоминаній. Не выпускайте ихъ никогда изъ памяти, а паче держитесь ихъ при всѣхъ внутреннихъ побужденіяхъ своихъ. Читайте ихъ всякой день, чтобъ они, такъ сказать, живыми чертами изобразились во глубинѣ собственной вашей души: тогда познаете опытомъ и утвердитесь, сколь далеко отстоятъ наружныя прикрасы отъ прямаго образованія ума и сердца.

II. КОМНАТНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ.

I. Для Надзирателей Университетскаго Благороднаго Пансіона.

1-е. Каждый Надзиратель долженъ собою подавать примѣръ воспитанникамъ въ добронравіи, трудолюбіи, опрятности, благопривѣтливости и вообще въ строгомъ наблюденіи порядка. 2-е. Быть всегда съ воспитанниками въ тѣ часы, когда нѣтъ классовъ. 3-е. Безъ послабленія наблюдать, чтобъ каждый воспитанникъ его комнаты учился прилежно, велъ себя тихо, вѣжливо и во всемъ порядочно; смотрѣть, чтобъ самые служители наблюдали чистоту и порядокъ въ комнатахъ. 4-е. Имѣть въ своей комнатѣ списокъ пансіонеровъ и записывать, кто въ чемъ одобренъ за ученіе или поведеніе, кто въ чемъ виноватъ, наказанъ или прощенъ, и кто когда отсутствовалъ; и каждую субботу, такой списокъ подавать Инспектору; отмѣчать также исправность и неисправность служителей пансіонеровъ. 5-е. Наблюдать, чтобъ пансіонеры заданные имъ уроки изъ классовъ выучивали, а постороннихъ книгъ, сверхъ классическихъ и позволенныхъ, никакихъ не читали. 6-е. Смотрѣть, чтобъ въ учебные дни всегда воспитанники говорили на иностранныхъ языкахъ, и для сего каждый день давать отъ себя билетъ и взыскивать, смотря по винѣ. 7-е. За хорошіе поступки и ученіе, Надзиратель въ правѣ

давать за обѣденнымъ столомъ, при повтореніи уроковъ и въ комнатахъ лучшее мѣсто, дѣлать всякое отличіе и похвалу, и представлять, куда слѣдуетъ, къ одобренію; а за лѣность, невѣжливость, неопрятность, ставить въ уголъ, не давать завтрака или полдника, лишать лучшаго мѣста, не позволять домой ѣхать, дѣлать выговоръ, и—въ случаѣ нужды—давать знать Инспектору или его Помощнику. 8-е. Каждый надзиратель съ живущими въ комнатѣ его воспитанниками, за опредѣленнымъ столомъ, долженъ сидѣть во время чаю, обѣда и ужина, раздавать кушанье, смотрѣть, чтобъ вѣжливость и тишина соблюдены были; и по заслугамъ, каждую субботу перемѣнять мѣста ихъ. 9-е. Дежурные Надзиратели, во время праздниковъ, должны смотрѣть вообще за всѣми воспитанниками, и наблюдать, чтобъ во всемъ домѣ былъ порядокъ. Комнатные Надзиратели отдаютъ подъ присмотръ своихъ учениковъ дежурнымъ, во время ужина опять берутъ ихъ, каждый подъ свой присмотръ. 10-е. Ни комнатные Надзиратели, ни дежурные не имѣютъ права отпускать пансіонеровъ домой безъ билета отъ Инспектора или Помощника его. 11-е. Помощникъ Инспектора каждый день отбираетъ отъ комнатныхъ и дежурныхъ Надзирателей вѣдомость о всемъ томъ, что произошло въ классахъ и комнатахъ, и каждый день такую вѣдомость подаетъ Инспектору.

2. Для благородныхъ воспитанниковъ Университетскаго Пансіона.

I. Въ пять часовъ утра, какъ скоро звонокъ пробьетъ, должно каждому воспитаннику вставать съ постели, въ 6 часовъ быть одѣтымъ, причесаннымъ и идти съ своимъ Надзирателемъ въ опредѣленную классическую комнату для повторенія уроковъ и пріуготовленія себя въ классы. II. Въ 7 часовъ порядкомъ собираться въ столовую залу, съ благоговѣніемъ слушать молитву и чтеніе Священныхъ книгъ и, сидя за опредѣленнымъ столомъ, пить чай и кушать завтракъ, со всею благопристойностію и тихостію. III. Въ 8 часовъ идти изъ комнатъ въ классы, несть съ собою все, что нужно для классическаго ученія: книги, перья,

бумагу. Въ классахъ садиться всегда на томъ мѣстѣ, кому какое назначено отъ учащаго; съ мѣста не вставать, и отнюдь не выходить изъ класса безъ позволенія учителя. IV. Въ 12 часовъ за обѣденнымъ столомъ и въ комнатахъ быть неотлучно съ своимъ Надзирателемъ. V. Въ 2 часа послѣ обѣда идти опять въ классы и наблюдать, что предписано въ третьей статьѣ. VI. Послѣ вечернихъ классовъ собираться въ опредѣленныя комнаты, для полдника. VII. Въ 7 часовъ вечера, въ классическихъ покояхъ, каждый съ своимъ Надзирателемъ, долженъ повторять уроки и исправлять классическія упражненія до 8 часовъ, т. е. до ужина. VIII. Въ 9 часовъ, послѣ ужина и молитвы, возвращаться въ спальные покои, и ложиться спать благопристойно, безъ малѣйшаго шума. IX. Во время классовъ никому не оставаться въ спальныхъ покояхъ, и ни за чѣмъ не ходить въ нихъ. Также во время отдохновенія, въ учебные и праздничные дни, изъ комнаты въ комнату не ходить, и никуда безъ спроса Надзирателя и безъ билета не отлучаться изъ своей комнаты. X. Получивъ позволеніе отлучиться изъ Пансіона, должно взять на то билетъ у старшаго Надзирателя и ему, или дежурному, опять отдать его, возвратившись въ Пансіонъ; возвращаться же изъ дому въ Пансіонъ, или наканунѣ ученія, или не позже 8 часовъ утра. Тотъ, кто не во время пріѣдетъ въ классы, или отбудетъ отъ нихъ, занимаетъ послѣднее мѣсто въ классахъ и комнатахъ, пока исправностію не заслужитъ опять высшаго мѣста. XI. Всѣ классическія упражненія имѣть на бѣло списанныя, и во время классовъ быть внимательнымъ, тихимъ, и никогда не выходить изъ классовъ для какихъ-либо надобностей, какъ напр. для свиданія съ кѣмъ-либо, для писемъ къ родителямъ или родственникамъ и проч. XII. Въ учебное время въ классахъ и комнатахъ съ Надзирателями и товарищами всегда разговаривать на иностранныхъ языкахъ. XIII. Не только не покупать и не продавать никому ничего, но и не ссужать, безъ вѣдома своего Надзирателя, никого ничѣмъ, ни книгою, ни бумагою, ни другою какою вещію; въ случаѣ же, кто что затеряетъ, то давать знать немедленно Инспектору или Помощнику его. XIV. Денегъ при себѣ никому

изъ пансіонеровъ не держать; а если случатся, то отдавать ихъ подъ сохраненіе своему дядькѣ, г-ну Надзирателю или Смотрителю дома. XV. Безъ позволенія Инспектора не читать никакихъ книгъ, кромѣ классическихъ, и тѣхъ, кои находятся въ библіотекѣ Пансіона. XVI. Вообще въ поступкахъ съ Начальниками и товарищами должно быть вѣжливымъ, не заводить никакихъ между собою споровъ и не дѣлать ни малѣйшаго никому неудовольствія; не давать другъ другу прозвищъ; избѣгать всего того, что бы могло навлечь нареканіе себѣ и мѣсту воспитанія.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

ЗАКОНЫ

СОБРАНІЯ ВОСПИТАННИКОВЪ УНИВЕРСИТЕТСКАГО БЛАГОРОДНАГО ПАНСІОНА *).

1799 года февраля 9-го дня.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОБЩІЯ УЗАКОНЕНІЯ.

§ 1. Цѣль собранія. *Цѣлъ* сего собранія — исправленіе сердца, очищеніе ума и вообще обработываніе вкуса.

§ 2. Качество членовъ. Слѣдственно *Члены* его должны быть изъ тѣхъ только воспитанниковъ, кои отличили себя примѣрнымъ поведеніемъ, тихостію нравовъ, послушаніемъ, прилежностію къ наукамъ, и вообще кои показали уже на опытѣ и способности свои и любовь свою къ отеческому языку.

§ 3. Засѣданія. Однажды, или, смотря по нуждѣ, и дважды въ недѣлю Члены будутъ имѣть *Засѣданіе*, въ извѣстное время.

§ 4. Предсѣдатель и Секретарь. Чтобы засѣданія такія были въ надлежащемъ порядкѣ и лучше отвѣтствовали пред-

---

*) См. „Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ", Н. В Сушкова. М. 1858. Приложеніе IX.

положенной цѣли, то Члены избираютъ между собою *Предсѣдателя*, которому особенное поручается смотрѣніе за всѣмъ тѣмъ, что происходить будетъ въ Собраніи; и *Секретаря*, коего должность, между прочимъ, вести исправный Протоколъ. Какъ тотъ, такъ и другой, долженъ быть изъ способнѣйшихъ и самыхъ примѣрныхъ воспитанниковъ.

§ 5. Работы. Въ каждомъ Засѣданіи Члены будутъ читать, по очереди, рѣчи о разныхъ, большею частію, нравственныхъ предметахъ, на русскомъ языкѣ; будутъ разбирать критически собственныя свои сочиненія и переводы, которыя должны быть обработаны съ возможнымъ тщаніемъ; будутъ судить о примѣчательнѣйшихъ произшествіяхъ историческихъ; а иногда будутъ читать, также по очереди, образцевыя отечественныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ, съ выраженіемъ чувствъ и мыслей авторскихъ и съ критическимъ показаніемъ красотъ ихъ и недостатковъ. Къ таковому чтенію и разбору чередной долженъ предварительно приготовиться. Что касается до собственныхъ сочиненій и переводовъ, то трудившійся приноситъ работу свою въ Собраніе и отдаетъ ее Секретарю или Предсѣдателю, а Предсѣдатель чередному Члену, который беретъ ее съ собою, дѣлаетъ на нее письменныя замѣчанія и въ слѣдующее присутствіе разсказываетъ изустно планъ и содержаніе піесы, читаетъ ее, судитъ; а Члены общимъ рѣшеніемъ одобряютъ судъ его, или опровергаютъ, или ограничиваютъ и проч. Чтобы работы Собранія текли безостановочно, то Члены сдѣлаютъ между собою положеніе: какъ и по скольку вносить имъ трудовъ своихъ.

§ 6. Какъ Членамъ поступать при засѣданіяхъ и внѣ оныхъ. При засѣданіяхъ должна быть соблюдаема возможная благопристойность въ поступкахъ, разговорахъ, въ самыхъ взорахъ и во всемъ наружномъ видѣ. Всякое пристрастіе должно быть совершенно отсюда изгнано. Вообще, между Членами, какъ въ Собраніи, такъ и внѣ его, всегда и вездѣ свято должна быть хранима искренняя любовь, совершенное единодушіе и взаимная учтивость и уваженіе. Сверхъ того, Члены поставятъ себѣ непремѣннымъ закономъ внѣ засѣданій хранить ненарушимое молчаніе

обо всемъ, что въ нихъ ни происходитъ, и отнюдь ни съ кѣмъ не говорить о томъ ни слова, кромѣ другъ друга. Черезъ то, во первыхъ, пріучатся они къ храненію тайны, что необходимо нужно всякому человѣку, а во вторыхъ предохранятъ себя отъ многихъ непріятныхъ слѣдствій, въ противномъ случаѣ по дѣламъ Собранія произойти могущихъ.

§ 7. Голоса. Какъ ихъ подавать. Каждый Членъ имѣетъ *голосъ*; но всѣ дѣла и мнѣнія рѣшатся или *всеобщимъ согласіемъ*, или, въ случаѣ раздѣленія на части, большинствомъ голосовъ. Голосъ Предсѣдателя имѣетъ силу двухъ. Голоса или мнѣнія свои подавать съ возможною скромностію, отнюдь не перебивая другъ у друга рѣчи.

§ 8. Протоколъ. Послѣ каждаго засѣданія Секретарь будетъ вносить въ Протоколъ все, что примѣчательнаго произойдетъ въ немъ, напримѣръ: кто были присутствовавшіе; кто читалъ рѣчь и о чемъ; какое разбирали сочиненіе и какія сдѣлали на него замѣчанія; оставлено ли оно при Собраніи, или возвращено автору, и проч. Каждой такой Протоколъ скрѣпленъ рукою Предсѣдателя и всѣхъ Членовъ.

§ 9. Исправленныя сочиненія и переводы. *Прочитанныя* и *исправленныя* сочиненія и переводы остаются на рукахъ у Предсѣдателя и Секретаря. Они должны быть хранимы въ томъ мѣстѣ, гдѣ бываютъ засѣданія, въ порядкѣ, и со временемъ, когда наберется довольное ихъ число, могутъ быть *напечатаны*.

§ 10. Рѣчи для концертовъ. Въ зимнее время, когда бываютъ концерты, Члены должны говорить въ нихъ рѣчи, перечитывая и исправляя ихъ предварительно въ общемъ засѣданіи.

§ 11. Пріемъ Членовъ. Кто изъ воспитанниковъ пожелаетъ быть принятъ въ это Собраніе, тотъ сперва долженъ объясниться съ кѣмъ нибудь изъ Членовъ, который объявляетъ желаніе его въ общемъ засѣданіи, и если всѣ Члены будутъ согласны, то желающій подаетъ письмо и потомъ принимается.

§ 12. Работы стороннихъ. Что при нихъ примѣчать. Если же кто, и не будучи Членомъ Собранія, пожелаетъ

участвовать въ его работахъ, то оно съ удовольствіемъ и благодарностію приметъ такое похвальное его расположеніе. Охотникъ, при каждомъ случаѣ, когда пожелаетъ представить Собранію сочиненіе свое или переводъ, долженъ приложить къ тому письмо, на примѣръ, такого содержанія, что онъ проситъ Членовъ разсмотрѣть его работу и сдѣлать свои замѣчанія и проч.—И все вмѣстѣ отдаетъ Секретарю, который представляетъ въ слѣдующее засѣданіе, и читаетъ письмо. Члены, разсмотрѣвъ безпристрастно, установленнымъ порядкомъ, присланный трудъ и выправивъ, если можно, оставляютъ при дѣлахъ своихъ, чтобы со временемъ напечатать; если жъ онъ, по какимъ нибудь причинамъ, не можетъ помѣщенъ быть въ число работъ ихъ, то Секретарю поручается возвратить его обратно и принести благодарность трудившемуся какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Если кто изъ такихъ стороннихъ сотрудниковъ Собранія пожелаетъ, чтобы имя его было неизвѣстно, то онъ не подпишется ни подъ письмомъ, ни подъ сочиненіемъ, и даетъ знать о томъ Секретарю, который въ такомъ случаѣ долженъ соблюсти всю возможную скромность.

§ 13. Еще о засѣданіяхъ. Если въ опредѣленный для обыкновеннаго засѣданія день случится праздникъ, и нужда потребуетъ, чтобы оное было непремѣнно, въ такомъ случаѣ Предсѣдатель или въ предъидущемъ засѣданіи объявляетъ о томъ Членамъ, изъясняя побудительныя причины, или, если дѣла Собранія потребуютъ того, послѣ, снесшись съ Секретаремъ, поручаетъ ему написать повѣстную записку и послать къ Членамъ, которые всѣ непремѣнно должны собраться въ обыкновенное время. Такимъ же образомъ должно бы поступить и тогда, когда бы нужда потребовала быть засѣданію и не въ опредѣленный для того день. Вообще Члены отнюдь не должны пропускать ни одного общаго присутствія, подъ опасеніемъ исключенія изъ числа составляющихъ Собраніе. Если жъ кому изъ нихъ воспрепятствуютъ быть въ засѣданіи важныя причины, какова, напримѣръ, болѣзнь и другія весьма немногія: тотъ для порядку, непремѣнно долженъ отозваться къ Секретарю письмомъ, съ показаніемъ удержавшей его при-

чины, а Секретарь объявляетъ письмо такое въ общемъ засѣданіи и записываетъ въ Протоколъ.

§ 14. Обязанность Членовъ, въ отношеніи къ мѣсту, гдѣ воспитываются. Польза и честь мѣста, гдѣ Члены воспитываются, есть такой предметъ, котораго никогда не должны они выпускать изъ виду. И такъ они непремѣннымъ и святымъ долгомъ своимъ поставятъ непрестанно возбуждать всѣхъ вообще товарищей своихъ, какъ примѣромъ, такъ и дружескими совѣтами, къ надлежащему исполненію ихъ обязанностей, то есть, чтобы всѣ они хранили какъ драгоцѣнное сокровище, чистоту нравовъ; чтобы всѣ они были прилежны, кротки, послушны, учтивы не только къ высшимъ, но и къ равнымъ и низшимъ себя; словомъ, чтобы благородные воспитанники были прямо благородны и сердцемъ и умомъ. Сверхъ того каждый изъ Членовъ возьметъ особенно на свои руки одного, а если можно и двухъ изъ младшихъ воспитанниковъ и будетъ руководствовать ихъ, удѣляя имъ нѣкоторую часть своего времени, и вспомоществуя всѣми знаніями своими въ классическихъ ихъ упражненіяхъ, наблюдая при томъ и за нравственными ихъ поступками. Члены объявятъ въ общемъ засѣданіи имена избранныхъ ими для особеннаго руководства воспитанниковъ, и Секретарь внесетъ ихъ въ Протоколъ.

§ 15. Число Дѣйствительныхъ Членовъ. Число *Дѣйствительныхъ* Членовъ не должно простираться далѣе *десяти*; и всѣ они должны быть, какъ и выше сказано, только изъ однихъ воспитанниковъ.

§ 16. Почетные Члены. Если кто изъ составляющихъ Собраніе воспитанниковъ, вышедъ изъ Пансіона, пожелаетъ остаться Членомъ его; или если кто изъ стороннихъ, благородныхъ, знакомыхъ людей захочетъ быть участникомъ Собранія, такой можетъ быть принятъ подъ именемъ *Почетнаго Члена*. Почетные Члены также имѣютъ голоса. Они могутъ говорить рѣчи и вносить свои работы, но не обязуются. Вообще Почетные Члены будутъ составлять родъ посѣтителей, которые во внутреннее правленіе дѣлъ Собранія отнюдь не должны мѣшаться. Это единственно предоставляется хозяевамъ.

§ 17. Библіотека. Хорошія, особливо нравственныя и литературныя книги составляютъ такой предметъ, безъ котораго Собраніе никакъ обойтись не можетъ. И для того предполагается имѣть при немъ особую *библіотеку* изъ самыхъ отборныхъ и образцовыхъ книгъ. Члены надѣются, что мѣсто гдѣ они воспитываются, не преминетъ оказать имъ по сей части возможное пособіе.

§ 18. Книгохранитель. Должность его. Для соблюденія въ надлежащемъ порядкѣ и цѣлости библіотеки Собранія, Члены избираютъ между собою *Книгохранителя*, коего должность: 1) имѣть книгамъ списокъ, въ которомъ бы показано было заглавіе книги на томъ языкѣ, на какомъ она напечатана; имя автора, форматъ ея, годъ и мѣсто ея изданія. Такой списокъ долженъ быть скрѣпленъ по листамъ Предсѣдателемъ и Секретаремъ, а на концѣ всѣми Членами. 2) На самыхъ книгахъ подписывать, отъ кого какая получена и когда. 3) Для книгъ, получаемыхъ только на время отъ споспѣшествующихъ Собранію особъ, имѣть особливую тетрадь; и по возвращеніи такихъ книгъ, кому слѣдуетъ, вычеркивать заглавія изъ сего списка. 4) Онъ долженъ имѣть также особую тетрадь, въ которой бы расписывались Члены, желающіе взять изъ библіотеки какую либо книгу; а по возвращеніи оной вычеркивать имена ихъ.—Кромѣ Членовъ никто не можетъ пользоваться библіотекою Собранія, и никакой Членъ не долженъ держать у себя взятую книгу болѣе двухъ или трехъ недѣль. Наконецъ, 5) у Книгохранителя на рукахъ должны быть всѣ вещи, принадлежащія Собранію, какъ то: бумага, сургучь, и проч., исключая печать, которая хранится у Секретаря, и симъ вещамъ также долженъ онъ вести исправный списокъ, и во всемъ давать отчетъ Собранію.

§ 19. Споспѣшествующій Собранію. Для надежнѣйшаго достиженія предположенной Собраніемъ общеполезной цѣли, надлежитъ стараться имѣть, кто бы или по связи своей съ мѣстомъ, или по своимъ опытамъ и знаніямъ могъ споспѣшествовать толь похвальнымъ упражненіямъ, и къ кому бы, при встрѣчающихся по дѣламъ Собранія нуждамъ, можно было относиться.

§ 20. Сила и важность законовъ Собранія. Поста-

новленія какъ сіи, такъ и тѣ, кои ниже слѣдуютъ о порядкѣ при засѣданіяхъ, должны скрѣплены быть рукою Предсѣдателя и всѣхъ Членовъ и свято наблюдаемы во всѣхъ своихъ статьяхъ. — Въ случаѣ жъ нарушенія ихъ кѣмъ либо изъ Членовъ,—чего, впрочемъ, и предполагать, кажется, нельзя, — Предсѣдетель, не обинуясь, долженъ сдѣлать въ общемъ засѣданіи выговоръ нарушителю. А если онъ не почувствуетъ справедливости его и не перемѣнитъ своихъ поступковъ: въ такомъ случаѣ, въ силу законовъ, должно его исключить на всегда изъ числа составляющихъ Собраніе. Быть можетъ, что время и обстоятельства потребуютъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ предписанныхъ здѣсь узаконеніяхъ; но это не иначе должно быть сдѣлано, какъ по общему согласію всѣхъ Членовъ и по причинамъ весьма важнымъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О ПОРЯДКѢ, КАКОЙ ДОЛЖНО НАБЛЮДАТЬ ПРИ ЗАСѢДАНІЯХЪ.

Засѣданіе.

Члены должны собраться въ назначенное время и мѣсто, наблюдая возможную благопристойность какъ въ поступкахъ, такъ и въ самой одеждѣ. Послѣ сего засѣданіе начинается слѣдующимъ образомъ.

§ 1. Порядокъ въ немъ. Предсѣдатель проситъ Членовъ приступить къ дѣлу и садится на свое мѣсто, а Секретарь на свое подлѣ него.

§ 2. Рѣчь. Когда всѣ Члены съ тихостію и благопристойностію займутъ по старшинству слѣдущія имъ мѣста, Предсѣдатель проситъ чередпаго оратора открыть Собраніе рѣчью, въ продолженіе которой всякой Членъ долженъ внимать и не говорить ни слова. По прочтеніи рѣчи Предсѣдатель, именемъ Членовъ, приноситъ оратору благодарность.

§ 3. Протоколъ. Потомъ проситъ Секретаря прочитать протоколъ послѣдняго засѣданія и вмѣстѣ со всѣми Дѣйствитель-

ными Членами подписываетъ. Подписавъ, проситъ Секретаря прочитать, если есть какія письма или отъ отсутствующаго Члена, или отъ кого нибудь изъ стороннихъ.

§ 4. Работы. Потомъ, сдѣлавъ по сему нужныя замѣчанія, или распоряженія, проситъ онъ Членовъ выслушать какое либо сочиненіе или переводъ, къ чтенію котораго чередной приступаетъ за симъ непосредственно. Въ продолженіе онаго всякой Членъ долженъ внимательно слушать и стараться не упустить безъ замѣчанія, если какія найдутся погрѣшности противъ здраваго разсудка, противъ святой религіи, противъ чистоты нравовъ, благопристойности, или противъ свойства русскаго языка.

§ 5. Судъ объ нихъ. Исправивъ оныя, Предсѣдатель спрашиваетъ Членовъ, достоинъ ли переводъ этотъ или сочиненіе быть между работами Собранія? и если оно будетъ одобрено, то Секретарь беретъ его къ себѣ для помѣщенія между бумагами Собранія; если жъ нѣтъ, то для возвращенія трудившемуся, съ принесеніемъ ему какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, благодарности.

§ 6. Примѣчаніе. Такимъ образомъ продолжается чтеніе и другихъ піесъ по крайней мѣрѣ два часа. При чемъ всякъ долженъ остерегаться, чтобы какъ при чтеніи ораторомъ рѣчи не сдѣлать какого либо огорчительнаго поступка и не показать, хотя не съ умыслу, непріятнаго или насмѣшливаго вида, такъ и въ исправленіи погрѣшностей не силиться слишкомъ упорствовать въ доказаніи мнимой своей справедливости, чтобы не оскорбить иногда и самой особы трудившагося.

§ 7. Предложенія. Конецъ засѣданія. По окончаніи чтенія, Предсѣдатель назначаетъ чередного оратора (и проч.), и дѣлаетъ, если имѣетъ, свои предложенія, по рѣшеніи которыхъ спрашиваетъ Членовъ, не имѣетъ ли кто изъ нихъ предложить чего Собранію? По рѣшеніи жъ предложеннаго, или, если обстоятельства будутъ требовать, по отложеніи того до другаго дня, Предсѣдатель, поблагодаривъ Членовъ за труды ихъ, оканчиваетъ засѣданіе.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

ДОНЪ КИШОТЪ ЛА-МАНХСКІЙ,

сочиненіе Сервантa.

переведено съ французскаго Флоріанова перевода

В. Жуковскимъ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПОСѢЩЕНІЕ САНКИ ПАНСЫ.

Кто кричалъ?—Управительница и племянница, которыя не хотѣли впустить Санку въ горницу. Санко шумѣлъ и бранился.

Зачѣмъ пришелъ, бродяга? кричали управительница и племянница въ одинъ голосъ. Не хочешь ли опять смутить нашего добраго господина и увезти его, Богъ знаетъ куда и зачѣмъ?

— Чортова управительница!—отвѣчалъ Санко,—не я, онъ смутилъ меня, обѣщавъ мнѣ прекрасный островъ, отъ котораго я не видалъ ни копѣйки.

— А! тебѣ острововъ захотѣлось! дадутъ тебѣ островъ, проклятый лакомка! Для тебя острова и сдѣланы!

— Для меня, какъ и для другаго! Я бы лучше тебя съ ними управился, хотя твоя пора и давно прошла.

— Что бредитъ этотъ неучъ? Пошелъ, управляйся съ домомъ сво-

имъ, безмозглый! Пашни поле свое, лѣнивецъ, а насъ и острова оставь въ покоѣ!

Донъ Кишотъ, который прибѣжалъ на шумъ вмѣстѣ съ цирюльникомъ и священникомъ, велѣлъ впустить Санку. Между тѣмъ оба сосѣда, увѣрившись, что нѣтъ надежды къ излѣченію, простились съ хозяиномъ и ушли. Рыцарь и оруженосецъ остались одни, заперлись на замокъ, и Донъ Кишотъ сказалъ Санкѣ:

Другъ мой! непріятно мнѣ слышать, что ты говоришь, будто я смутилъ тебя: слово это грубо. Къ тому жъ мы вездѣ были вмѣстѣ; все равно испытали. Ты полеталъ по воздуху; я также имѣлъ свои непріятности. Намъ нельзя другъ другу завидовать и пуще всего не должно жаловаться другъ на друга. Помни это, Санко... Теперь нѣсколько словъ о другой матеріи.

Что говорятъ обо мнѣ въ деревнѣ? что думаетъ рыцарство, дворянство и народъ о моей храбрости, моемъ учтивствѣ, моихъ подвигахъ? отдаютъ ли справедливость моимъ усиліямъ воскресить рыцарство? Скажи мнѣ все прямо съ откровенностію добраго слуги; обходись со мною не такъ, какъ съ обыкновенными государями, которымъ, къ несчастію ихъ народовъ, никогда не открываютъ истины.

— Господинъ рыцарь! отвѣчалъ оруженосецъ, если хотите вы знать, то я все разскажу вамъ, не золотя пилюли; но прежде обѣщайтесь ни за что не сердиться.

— Обѣщаюсь, говори!

— Начну тѣмъ, что всѣ вообще называютъ васъ дуракомъ, и думаютъ даже, что и я дуракъ: дворянство смѣется тому, что вы украли прозванье донъ и пожаловали себя въ рыцари, не имѣя больше двухъ десятинъ земли во владѣніи. Что жъ касается до вашего мужества и подвиговъ, то иные говорятъ: онъ дуракъ презабавный; другіе: онъ смѣлъ, но всѣми битъ; и всѣ вообще немного чести намъ дѣлаютъ своими разсужденіями.

— Не удивляюсь, Санко; зависть преслѣдовала Кесаря, Александра и даже Донъ-Галоара: я не могу жаловаться, если только и всего.

— То-то и есть, что не только всего!

— Что жъ еще говорятъ?

— Ахъ, сударь? то, что я ни говорилъ вамъ, были одни цвѣтки, теперь пойдутъ ягодки. Но если хотите узнать дѣло обстоятельнѣе, то можете поговорить сами съ тѣмъ, кто мнѣ самому обо всемъ разсказывалъ: это молодой Саламанскій студентъ, сынъ Варѳоломея Кераско, пріѣхавшій сюда вчера по утру. Онъ божится, что читалъ вашу исторію въ печати съ вашимъ именемъ Донъ Кишота ла-Манхскаго, и меня Санку Пансу не забыли! Госпожа Дульцинея также напечатана. Въ этой книгѣ разсказаны такія произшествія, такіе разговоры, которыхъ никто, кромѣ насъ, не видалъ и не слыхалъ; я удивляюсь, какъ могъ сочинитель это все узнать съ такою подробностью и точностію.

— Нѣтъ ничего удивительнаго, другъ мой; конечно этотъ сочинитель есть какой нибудь мудрый очарователь; ты знаешь, что этимъ людямъ все извѣстно.

— Нѣтъ, онъ не очарователь! Баккалавръ Самсонъ Кераско думаетъ, что Мавръ, котораго имени я не могу вспомнить. Я схожу за баккалавромъ.

— Сходи, любезный другъ, очень одолжишь меня; я умираю отъ нетерпѣнія узнать обо всемъ обстоятельно!

Санко вышелъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

РЫЦАРЬ ВЪ ГОСТЯХЪ У ДОНЪ ДІЕГО И НѢКОТОРЫЯ ГЛУПОСТИ.

Донъ Діеговъ домъ былъ великъ и просторенъ. Гербъ его, высѣченный на камнѣ, украшалъ фронтонъ воротъ. Погреба были выстроены на дворѣ, широкомъ и чистомъ; близъ забора стояли въ рядъ большіе глиняные кувшины, которыми торгуютъ жители Тобозскіе. Сіи глиняные кувшины напомнили Донъ Кишоту о любезной и несчастной Дульцинеѣ. Онъ остановился, вздохнулъ, и поглядѣвъ со слезами на кувшины, сказалъ:

Залоги нѣжности моей,
Смотрю на васъ и вспоминаю
О счастіи протекшихъ дней;
Смотрю, и слезы проливаю!

Онъ хотѣлъ продолжать, но къ нимъ вышли на встрѣчу донна Христина, жена донъ Діегова, и молодой сынъ его студентъ; невольное изумленіе принудило остановиться обоихъ и посмотрѣть внимательно на странную фигуру героя, который тотчасъ спрыгнулъ съ Рыжака и подошелъ къ рукѣ донны Христины.

Рекомендую вамъ, сударыня, сказалъ ей донъ Діего, рыцаря Львовъ—донъ Кишота ла-Манхскаго, неустрашимѣйшаго, любезнѣйшаго и умнѣйшаго изъ всѣхъ странствующихъ рыцарей на свѣтѣ. Донна Христина, хотя удивленная, обошлась отмѣнно ласково съ донъ Кишотомъ, который осыпалъ ее учтивостями, насказалъ множество привѣтствій молодому сыну донъ Діега, и удивилъ его своимъ умомъ и обходительностію.

Рыцаря отвели въ залъ, гдѣ Санко скинулъ съ него латы, разчесалъ ему волосы, перемѣнилъ ему бѣлье, и чрезъ минуту герой вышелъ въ лосиномъ камзолѣ, почернѣвшемъ въ иныхъ мѣстахъ отъ тренія латъ, въ простомъ крагенѣ безъ кружевъ и безъ складокъ, въ сапожкахъ, на Мавританскій образецъ, съ палашомъ чрезъ шею, въ коротенькой суконной епанчѣ кофейнаго цвѣта. Въ такомъ прекрасномъ уборѣ донъ Кишотъ явился въ гостиной, гдѣ молодой Лоренцо, донъ Діеговъ сынъ, которому очень хотѣлось узнать покороче своего гостя, тѣмъ болѣе, что на всѣ его вопросы донъ Діегъ отвѣчалъ весьма неудовлетворительно: да и нѣтъ, уменъ, любезенъ, страненъ, сумасброденъ, ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. Между тѣмъ донна Христина хлопотала объ обѣдѣ, желая угостить получше знаменитаго посѣтителя.

Я слышалъ отъ вашего батюшки, сказалъ донъ Кишотъ молодому человѣку, что вы занимаетесь науками и предпочтительно любите поэзію, и что вы сами очень хорошо сочиняете стихи.

— Я бы желалъ, чтобы это послѣднее было правда—отвѣчалъ Лоренцо—люблю поэзію; но чѣмъ болѣе вникаю въ достоинства

хорошихъ поэтовъ, тѣмъ болѣе увѣряюсь, что писать стихи не мое дѣло.

— Ваша скромность увѣряетъ меня въ противномъ; истинный талантъ всегда скроменъ. И такъ перестану приводить васъ въ замѣшательство похвалами, которыя пріятнѣе заслуживать, нежели слышать, а попрошу прочесть мнѣ которое нибудь изъ вашихъ сочиненій, не такъ какъ знатоку, а какъ человѣку, почитающему себя достойнымъ ихъ чувствовать.

— По сію пору не замѣчаю никакого сумасбродства—сказалъ Лоренцо самому себѣ: онъ разсудителенъ и остроуменъ. Батюшка слишкомъ строгъ въ своемъ сужденіи. Изъ всего, что́ вы говорите, милостивый государь, продолжалъ онъ, обратясь къ донъ Кишоту, надобно заключить, что въ вашемъ воспитаніи ничто не было забыто. Позволите ли спросить васъ, какой наукѣ особенно вы посвятили себя?

— Важнѣйшей, заключающей въ себѣ всѣ науки!

— Какой же?

— Странствующему рыцарству! Кто его избираетъ, тотъ долженъ знать все на свѣтѣ: юриспруденцію, права гражданскія, права естественныя, чтобы не дѣлать ничего противнаго законамъ и натурѣ, чтобы отдавать каждому принадлежащее каждому; теологію, чтобы умѣть защищать христіанскую вѣру, которой онъ первый защитникъ и подпора; медицину и ботанику, чтобы находить въ пустыняхъ травы и составлять изъ нихъ лѣкарства для излѣченія ранъ своихъ; астрономію, чтобы угадывать по звѣздамъ, въ какой климатъ заведенъ онъ судьбою; математику, чтобы вести войну и защищать города. Долженъ заниматься механическими искусствами, для него необходимыми: изящными, которыя утѣшительны въ самыхъ несчастіяхъ и, безъ сомнѣнія, всегда пріятны его любезной—однимъ словомъ, онъ долженъ имѣть всѣ тѣлесныя и моральныя добродѣтели, которыхъ одно совершенное соединеніе можетъ образовать истиннаго рыцаря. Вотъ что значитъ, государь мой, странствующее рыцарство, по несчастію столь мало уважаемое въ семъ испорченномъ вѣкѣ, но, благодаря Бога, не совсѣмъ угасшее.

Донъ Лоренцо слушалъ повѣся голову и говорилъ про себя: видно батюшка правъ. Сей интересный разговоръ былъ прерванъ приглашеніемъ къ обѣду. Сѣли за столъ. Донъ Діего и донна Христина осыпали гостя своего ласками и учтивостями. Донъ Кишотъ, плѣненный обхожденіемъ своихъ хозяевъ, былъ еще болѣе пораженъ удивительною тишиною, порядкомъ, спокойствіемъ, опрятностію, которые царствовали въ семъ убѣжищѣ: начиная съ господина до послѣдняго работника, всѣ знали свою должность, всякій исполнялъ ее безъ ропота, безъ зависти, безъ принужденія; всѣ казались разсудительными, счастливыми, согласными; всѣ казались членами одного мирнаго семейства.

Вставши изъ за стола, герой опять началъ приступать къ молодому Лоренцо, прося его прочесть которое нибудь изъ своихъ сочиненій. Поэтъ вынулъ изъ записной книжки бумагу и прочелъ слѣдующее:

Богатство, слава, честь безумцамъ драгоцѣнны!
Страшусь ихъ прелестей блистающихъ оковъ!
Вотъ всѣ сокровища, душѣ моей священны:
Любовь, сердечный миръ и безмятежный кровъ!

Толпы искателей, мечтами ослѣпленны,
За счастіемъ бѣгутъ, но счастья нѣтъ для нихъ!
Блаженнѣе стократъ я въ горестяхъ моихъ:
Богатство, слава, честь безумцамъ драгоцѣнны!

Мнѣ тихій уголъ мой отъ бурь и бѣдъ покровъ!
Мирскія радости, какъ тѣни пролетаютъ,
Намъ счастья не даютъ, но горе оставляютъ!
Страшусь ихъ прелестей блистающихъ оковъ.

Дѣлить съ тобою жизнь, Эльвира, другъ безцѣнный!
Любовь, судьбу мою въ глазахъ твоихъ читать,
Бывъ счастливымъ вчера, на утро счастье ждать:
Вотъ всѣ сокровища, душѣ моей священны!

Какъ чистый ручеекъ, сокрытый межъ цвѣтовъ,
Такъ жизнь моя пускай безвѣстно протекаетъ!
Чего желать тому, кто вами обладаетъ?
Любовь, сердечный миръ и безмятежный
кровъ.

— Браво! прекрасно! воскликнулъ донъ Кишотъ, вскочивъ со стула съ восторгомъ и крѣпко сжавъ Лоренцову руку: счастливый, любезный молодой человѣкъ! ты достоинъ быть увѣнчанъ академіями Аѳинскою, Парижскою и Саламанкскою. Да поразитъ Аполлонъ стрѣлами своими людей безъ чувства, которые откажутъ тебѣ въ наградѣ! Благословляю судьбу и умру спокойно! Я видѣлъ, я нашелъ поэта!.....

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

РАЗГОВОРЪ ГЕРЦОГИНИ СЪ САНКОЮ.

Санко сидѣлъ на табуретѣ подлѣ герцогини, окруженный дуэннами и прекрасными дѣвушками. Объясни мнѣ, любезный губернаторъ,—сказала она—нѣкоторыя мѣста, показавшіяся темными въ исторіи великаго донъ-Кишота. Напримѣръ: какъ могъ ты сказать, что видѣлъ Дульцинею, пересыпавшую рожь, когда всему свѣту извѣстно, что ты не видалъ ея и никогда не носилъ къ ней писемъ? Прилично ли такъ обманывать господина своего вѣрному и доброму оруженосцу? Признаться, мнѣ очень грустно дѣлать маленькіе выговоры моему любезному, почтенному другу Санкѣ.

При сихъ словахъ Санко всталъ, приложилъ палецъ къ губамъ, согнулся почти въ дугу, и пошелъ на цыпочкахъ заглядывать потихоньку во всѣ углы, подъ столы, подъ стулья, за шкапы, за обои. Увѣрившись, что нигдѣ никого не спрятано, и что дверь заперта, возвратился съ торопливостію назадъ и сказалъ въ пол-

голоса: Я сперва хотѣлъ узнать, нѣтъ ли здѣсь какого добраго человѣка, охотника до чужихъ тайнъ? Теперь могу разсказать вамъ о самыхъ важныхъ вещахъ. Первая васъ удивитъ. Надобно знать, что я ничего отъ васъ скрывать не намѣренъ. Итакъ первая тайна моя есть та, что господинъ донъ-Кишотъ, рыцарь Львовъ, кажется мнѣ немного сумасшедшимъ. Иногда удается ему говорить такія вещи, которыя покажутся умными тому, кто пойметъ его; за то нерѣдко, прошу не сомнѣваться, онъ изволитъ сумазбродствовать. Въ такихъ мысляхъ позволяю себѣ, если случится мнѣ быть въ замѣшательствѣ, маленькія хитрости; напримѣръ: заставлю его вѣрить всякимъ небылицамъ—всему, что̀ придетъ мнѣ въ голову. Такъ-то я принесъ ему отвѣтъ отъ госпожи Дульцинеи; такъ же очень недавно очаровалъ эту знатную даму.—Герцогиня пожелала знать подробности очарованія. Оруженосецъ описалъ ихъ со всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ и самымъ смѣшнымъ образомъ.

— Хорошо, сказала герцогиня,—размысливъ о томъ, что я отъ тебя услышала, заключаю, что рыцарь донъ-Кишотъ безумный, и что самъ любезный Санко, который, то же думая, за нимъ слѣдуетъ, долженъ быть также нѣсколько сумасшедшимъ. Какъ же мнѣ просить для него губернаторства у герцога? Можетъ ли онъ повелѣвать другими, когда собою повелѣвать не умѣетъ?

— Что говорить, отвѣчалъ оруженосецъ,—вы прекрасно разсуждаете. Я первый признаюсь, что если бы я не былъ величайшимъ глупцомъ, то уже давно простился бы съ своимъ господиномъ. Но вотъ маленькая причина, для которой не могу его оставить: я его люблю; мы изъ одной деревни; онъ меня кормилъ; онъ подарилъ меня ослятами; у него доброе сердце, у меня также: можно ли съ нимъ разстаться? Ни за что на свѣтѣ, по гробъ не разстанусь! Что же касается до вашего губернаторства, то если оно не по мнѣ, Богъ съ нимъ! Я и безъ него проживу на свѣтѣ. Можетъ быть, для меня же лучше остаться тѣмъ, что̀ я есть. Нашъ священникъ разсказывалъ прекрасную сказку о муравьѣ, которому захотѣлось крыльевъ, и который скоро въ этомъ раскаялся. Санко, простой оруженосецъ, попадетъ въ рай, можетъ быть, скорѣе, нежели Санко губернаторъ и милостивый государь. Вы знаете пословицу: хлѣбъ

вездѣ хорошъ, и здѣсь, и во Франціи. Ночью кошки черны. Голенькій охъ! а за голенькимъ Богъ. Подъ толстымъ сукномъ также согрѣешься, какъ и подъ бархатомъ. Придетъ время, всѣ лягутъ въ могилку. Въ землѣ и царю и помѣщику одна квартира. Папа и деревенскій пономарь равны подъ землею. Итакъ, милостивая государыня, не извольте безпокоиться! Возьмите себѣ вашъ островъ, а мнѣ дайте свою дружбу: я останусь доволенъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! мой добрый Санко,—ты знаешь, что рыцарское слово законъ, а мой герцогъ рыцарь, хотя и не странствуетъ. Онъ обѣщалъ тебѣ островъ, и ты получишь его, не смотря на завистниковъ. Скоро мы тебя отправимъ въ твои владѣнія, одѣнемъ въ золото и серебро, и ты будешъ самъ господинъ. Прошу только не оставить своихъ подданныхъ, которые всѣ добрые люди.

— Не безпокойтесь объ нихъ. Я самъ былъ бѣденъ; какъ же не быть мнѣ добрымъ съ бѣдными? Тотъ въ несчастіи людей беретъ участіе, кто знаетъ его по опыту: съ этой стороны бояться нечего. Что же касается до обманщиковъ, до этихъ плутовъ, которые безпрестанно ластятся къ знатнымъ людямъ и заставляютъ ихъ дѣлать глупости, то я съ ними слажу, повѣрьте моему слову. Я тертый калачь, сударыня; меня трудно заманить въ западню. Я знаю, гдѣ раки зимуютъ, и никогда не повѣрю, чтобы во лбу вмѣсто глазъ были желуди. Покорно прошу васъ во мнѣ не сомнѣваться! Всякому доброму человѣку буду другомъ, заступникомъ самымъ услужливымъ и ласковымъ. Для злыхъ зажму уши! Вотъ и все,—довольны ли вы?

— Очень довольна, и теперь увѣрена, что ты будешь неоцѣненнымъ губернаторомъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ПРЕДЛАГАЮТЪ СРЕДСТВО УНИЧТОЖИТЬ ОЧАРОВАНІЕ ДУЛЬЦИНЕИ.

Надежда не обманула Санку. Увидѣли торжественную колесницу, въ которой запряжены были шесть муловъ сѣрыхъ въ яблокахъ. Въ колесницѣ, весьма просторной, находилось двѣнадцать фигуръ,

совершенно бѣлыхъ, съ пылающими факелами, окружающихъ тронъ, на которомъ сидѣла нимфа въ серебряной мантіи, ослѣпляющей глаза своимъ блескомъ. Лицо ея было накрыто покрываломъ, такимъ тонкимъ и прозрачнымъ, что всѣ черты красавицы сквозь него различить было можно. Она, повидимому, имѣла не больше осмьнадцати или девятнадцати лѣтъ. Ничто не могло сравниться съ ея красотою и пріятностію. Близъ нея стояла длинная неподвижная фигура, въ черномъ саванѣ, подъ креповымъ покрываломъ.

Какъ скоро колесница поравнялась съ донъ-Кишотомъ, флейты и рога замолчали, услышали согласные звуки арфъ, играющихъ около трона. Длинная неподвижная фигура вдругъ сбросила съ себя крепъ, и всѣ увидѣли старика сухаго, блѣднаго, похожаго на привидѣніе. Санко едва не ударился затылкомъ объ землю. Самъ донъ-Кишотъ нѣсколько смѣшался. Старикъ, посмотрѣвъ на него, сказалъ слѣдующее:

Великій донъ Кишотъ! Мерлинъ передъ тобой!
Весь тартаръ возмущенъ судьбою Дульцинеи!
Всѣ силы вышнія, волшебники и феи
По ней терзаются тоской!

Совѣтъ ихъ наконецъ изрекъ опредѣленье!
Внимай и принеси богамъ благодаренье!
Пусть Санко длинную ременную плеть возьметъ
И, з. . . . ы своей обширной не жалѣя,
По ней три тысячи пятьсотъ
Ударовъ отсчитаетъ:
Тогда великая принцесса Дульцинея,
Принявъ свой прежній видъ и съ прежней красотой,
Явится предъ тобой!

— Какъ бы не такъ! воскликнулъ Санко. Только три тысячи пятьсотъ ударовъ! Бездѣлица, ваше превосходительство! господинъ Мерлинъ! выдумываете прекрасные рецепты противъ очарованія. Желалъ бы я знать, какое дѣло до моей кожи волшебникамъ? Если госпожа Дульцинея сдѣлается прекрасною только тог-

да, когда я себя высѣку, то видно ей оставаться дурною крестьянкою.

— Замолчи, грубіянъ,—воскликнулъ донъ-Кишотъ,—или сейчасъ будешь привязанъ къ дереву и получишь вдвое больше ударовъ, нежели сколько угодно господину Мерлину.

— Нѣтъ, сказалъ Мерлинъ,—Санко долженъ высѣчь себя самъ добровольно, когда захочетъ. Судьба, къ нему благопріятная, позволяетъ убавить половину изъ назначенныхъ ударовъ, если Санко согласится дать другому себя высѣчь.

— Ни другому, ни себѣ не позволю этого сдѣлать! отвѣчалъ Санко. Какое мнѣ дѣло до госпожи Дульцинеи! Развѣ она моя дочь или жена, и развѣ я сумасшедшій? Соглашусь ли я себя изуродовать изъ почтенія къ ея прекрасному личику? Пускай мой господинъ, который такъ ее любитъ, который зоветъ ее всякую минуту своею богиней, изволитъ за нее испестрить себѣ спину: это будетъ очень справедливо и похвально! Я же человѣкъ посторонній и ни во что мѣшаться не намѣренъ.

Тутъ прекрасная нимфа, сидѣвшая въ унынiи на тронѣ, встаетъ, сбрасываетъ съ себя покрывало и восклицаетъ: О, безжалостнѣйшій изъ оруженосцевъ, каменное сердце, желѣзная душа! Ты не хочешь изъ любви къ своему благодѣтелю снести бездѣлицы; не хочешь вытерпѣть легкой боли, которую вытерпитъ всякій ребенокъ безъ роптанія, безъ крику, даже не поморщившись. Посмотри вокругъ себя, жестокій: всѣ тронуты моими истязаніями; одинъ ты не знаешь жалости, одинъ ты можешь видѣть съ хладнокровіемъ мои глаза, прежде столь прелестные и блестящіе, теперь отъ слезъ помраченные; мое лицо, прежде украшенное живымъ румянцемъ, теперь увядшее и блѣдное; мою молодость, которая обѣщала мнѣ столько счастія и наслажденія въ будущемъ, и которая должна изчезнуть въ слезахъ и унынiи: теперь кажусь тебѣ въ другомъ видѣ; могучій Мерлинъ на время возвратитъ мнѣ прежнія прелести: онъ думалъ, что красота въ унынiи не можетъ не тронуть и негра; но негры чувствительнѣе Санки. Ахъ! смягчись, смягчись, любезный оруженосецъ! Ты такъ жалостливъ отъ природы! Смягчись, если не моимъ, то господина твоего

страданіемъ: смотри, какъ онъ терзается! Онъ умретъ, если ты будешь долѣе томить его своею нерѣшительностію.

— Ахъ! въ самомъ дѣлѣ—воскликнулъ донъ-Кишотъ, опершись на герцога, — я чувствую, что силы мои ослабѣваютъ! «Санко! другъ мой Санко! — сказала герцогиня: сердце твое неужели ничего не говоритъ тебѣ»?

— Извините, сударыня; сердце мое говоритъ и очень явственно, что удары плетью совсѣмъ непріятны, и что я не дамъ себя высѣчь. Но здѣсь, правду сказать, не умѣютъ просить ни о чемъ. Госпожѣ Дульцинеѣ хочется быть прекрасною, и для того я долженъ содрать съ себя кожу, и меня же называютъ каменнымъ сердцемъ, желѣзною душою, тигромъ жестокимъ, всѣмъ, что есть худшаго на свѣтѣ! Еслибъ она изволила привезти мнѣ мази и корпіи или какой нибудь небольшой подарокъ въ доказательство своей благодарности, я бы тогда подумалъ и, можетъ статься, что нибудь выдумалъ. Оселъ, навьюченный золотомъ, идетъ бодрѣе; съ терпѣніемъ и подарками все можно сдѣлать; напротивъ, меня же бранятъ безъ всякой пощады....

ИЗЪ ГЛАВЫ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ.

ПИСЬМО САНКИ ПАНСЫ КЪ ТЕРЕЗѢ ПАНСѢ, ЕГО ЖЕНѢ.

Кто больно сѣчетъ, тотъ нѣжно любитъ: такъ поступила со мною госпожа Фортуна. Теперь ты этого не понимаешь, но со временемъ поймешь. Дѣло идетъ объ томъ, что надобно тебѣ купить карету. Ѣздить на ослахъ оставь кошкамъ; ты губернаторша; одно это слово все изъясняетъ!

Посылаю тебѣ зеленый полевой кафтанъ; это подарокъ госпожи герцогини, которая меня безъ памяти любитъ и которую самъ я люблю не меньше. Сдѣлай изъ него себѣ корсетъ, а Саншеттѣ юбку. Господина моего всѣ называютъ, умнымъ и пріятнымъ дуракомъ; увѣряютъ также, что я ничѣмъ ему не обязанъ. Скажу тебѣ, что мы были въ Монтесиносской пещерѣ, что господинъ

Мерлинъ, волшебникъ, мой знакомецъ, далъ мнѣ комиссію разрушить очарованіе госпожи Дульцинеи, которая у насъ въ деревнѣ называется Алдонцою Лоренцо. Если дать себѣ три тысячи пятьсотъ ударовъ плетью, безъ шести, которые уже даны, эта принцесса будетъ такъ же не очарована, какъ моя бабушка и твоя тетушка. Этого не нужно, Тереза, разсказывать сосѣдямъ и сосѣдкамъ: одинъ скажетъ черное, другой бѣлое; сплетнямъ счету не будетъ.

Я отправлюсь на свой островъ чрезъ нѣсколько дней. Признаться мнѣ очень туда хочется; всѣ губернаторы, какъ извѣстно, туго набиваютъ карманы; я также намѣренъ набить свой потуже. Какъ скоро узнаю, чѣмъ пахнетъ мой островъ, то напишу къ тебѣ письмо, и ты пріѣдешь. Нашъ оселъ здоровъ и тебѣ кланяется. Госпожа герцогиня цѣлуетъ у тебя ручки; отвѣчай ей учтивѣе; учтивость, говоритъ господинъ нашъ донъ Кишотъ, прекрасное дѣло и ничего не стоитъ. Богу не угодно было, чтобы я опять нашелъ на дорогѣ чемоданъ съ золотыми деньгами: но утѣшься, Тереза, губернаторство за все намъ заплатитъ; всѣ меня увѣряютъ, что надобно только держать руки наготовѣ. Будь спокойна, разбогатѣемъ. Поручаю тебя волѣ Божіей, и остаюсь

твой мужъ, губернаторъ

Санко Панса.

ИЗЪ ГЛАВЫ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ.

ПѢСНЯ МОЛОДАГО РЫЦАРЯ.

Что̀ дѣлать, сердце, мнѣ съ тобою?
Какъ тайну мнѣ твою сокрыть?
Куда бѣжать съ моей тоскою?
Въ моей ли власти не любить?

Могу ль надеждой не плѣняться
И душу радостей лишать?
Могу ль отъ милой отказаться?
Любить и ненависть казать?

Напрасно! Свѣтъ всѣ тайны знаетъ!
А я притворству не ученъ!
Таись иль нѣтъ—все увѣряетъ,
Что я Эльвирою плѣненъ!

Хочу ли не встрѣчаться съ нею,
Всегда на встрѣчу къ ней лечу;
Скажу ль ей слово,—покраснѣю,
Глаза потуплю, замолчу!

Скрывать любовь одно страданье;
По пользы нѣтъ въ томъ никакой!
Во всемъ, во всемъ ея признанье!
Любовь сама предатель свой!

ТОМЪ ШЕСТЫЙ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

БѢДА ЗА БѢДАМИ.

Между тѣмъ, герой ла-Манхскій смущаемый нѣжными жалобами страстной Альтизидоры, огорченный отсутствіемъ своего оруженосца и необъятною прорѣхою на зеленомъ чулкѣ своемъ, не находилъ спокойствія на уединенномъ ложѣ. Лишь только занялась заря, онъ встаетъ, надѣваетъ свой лосинный камзолъ, свои большіе сапоги съ раструбами, свою алую епанчу и зеленую бархатную шапку и идетъ во внутреннія комнаты дожидаться выхода герцогини. Первыя встрѣтились ему Альтизидора и ея подруга. Альтизидора, при видѣ любезнаго ей рыцаря, падаетъ безъ чувствъ на руки своей пріятельницы, которая спѣшитъ разшнуровать ее. Герой хочетъ самъ подать ей помощь, но скромная наперсница отталкиваетъ его съ досадою. «Рыцарь, не подходите», восклицаетъ «она, до тѣхъ поръ, пока будете жить подъ одною кровлею съ нами, по тѣхъ поръ эта несчастная не перестанетъ мучиться и плакать. Удалитесь, повторяю вамъ! Неблагодарные ни на что не надобны.»

— Я оставляю васъ, милостивая государыня, отвѣчалъ герой. Надѣюсь, что этотъ случай не будетъ имѣть никакихъ дурныхъ слѣдствій, и прошу васъ покорно принести въ мою комнату какой нибудь музыкальный инструментъ, которымъ бы я могъ себѣ акомпанировать.

Съ сими словами герой, потупивъ глаза, входитъ въ комнату герцогини, которая уже отправила къ Терезѣ письмо и подарокъ ея великодушнаго супруга. Этотъ день провели въ пріятныхъ разговорахъ, гуляли, слушали музыку и прочее. Ввечеру герой нашъ нашелъ въ своей спальнѣ на столѣ цитру, и благодаря случай, доставившій ему тотъ самый инструментъ, на которомъ онъ игралъ не такъ худо, какъ на другихъ, сѣлъ на балконъ, растворилъ жалузи и запѣлъ слѣдующій романсъ, который герцогиня и всѣ ея дѣвушки, находившіяся тогда въ саду, подслушали:

Однажды богъ любви съ Кипридой разлученный,
У свѣтлаго ручья въ лѣсочкѣ отдыхалъ.
Ребенокъ, случаемъ къ потоку приведенный,
Увидя спящаго, колчанъ его укралъ.

Добычею гордясь, и богомъ слыть желая,
Съ тѣхъ поръ себя вездѣ Амуромъ онъ зоветъ:
Толпой безсмысленныхъ кокетокъ управляя,
Онъ мыслитъ, что ему покоренъ цѣлый свѣтъ.

Но ахъ, съ Амуромъ онъ и сходства не имѣетъ!
Онъ вѣтренъ и жестокъ, и любитъ лишь себя!
Амуръ есть царь сердецъ; онъ ихъ судьбой владѣетъ!
Амуръ—безсмертный богъ! а этотъ, лишь дитя!

Тотъ стрѣлы меткою рукою направляетъ
И въ сердцѣ вѣчный огнь прямой любви родитъ!
А сей не цѣлится и на вѣтеръ стрѣляетъ!
Отъ легкихъ ранъ его минута изцѣлитъ!

Я бога богомъ чту, ребенка не страшуся!
Гдѣ богъ хранитель мой, тамъ страшенъ ли дитя?
Амуру вѣрнымъ быть Клименѣ я клянуся!
Когда ее люблю, то богомъ раненъ я!

Онъ еще не успѣлъ допѣть послѣдняго куплета, какъ вдругъ изъ окна, находившагося надъ самымъ балкономъ, бросили на него цѣлый мѣшокъ кошекъ, которыя имѣли на хвостахъ гремушки. Звукъ ихъ паденія испугалъ герцога и герцогиню, которымъ Альтизидора ничего не сказала о сей новой выдумкѣ. Донъ Кишотъ вздрогнулъ, оторопѣлъ, но вспомнивъ, что надобно побѣждать колдуновъ неустрашимостію, обнажилъ мечъ и началъ преслѣдовать кошекъ, которыя, поронявъ и загасивъ свѣчи, бѣгали по комнатѣ, сверкали глазами и страшно мяукали. Герой въ потемкахъ, оглушаемый гремушками, махалъ мечомъ, рубилъ, кололъ и кричалъ безъ памяти: вонъ, колдунъ! вонъ, адская сволочь! всѣхъ изувѣчу!—Несчастныя кошки бѣгали, какъ угорѣлыя, прядали на столы, на стулья, на карнизы. Одна изъ нихъ, раненная героемъ, вспрянула къ нему на лицо и уцѣпилась когтями за его носъ. Донъ Кишотъ заревѣлъ. Герцогъ и герцогиня со множествомъ слугъ вбѣгаютъ въ его спальню и находятъ его въ страшной борьбѣ съ четвероногимъ колдуномъ, который держался крѣпко за носъ, мурчалъ, пыхтѣлъ, фырскалъ и не покорялся. Хотѣли подать помощь рыцарю. „Не приближайтесь“, воскликнулъ онъ, „я одинъ слажу съ этимъ проклятымъ чародѣемъ, какъ бы онъ ни вертѣлся“! По счастію, кошка, испуганная свѣтомъ и людьми, сама спрыгнула съ носу и убѣжала, а герцогиня, недовольная такою шуткою, которая стоила крови донъ-Кишоту, велѣла приложить къ ранѣ его пластырь, и поручила должность лѣкаря прекрасной Альтизидорѣ. Альтизидора, обвивая полотномъ лицо раненнаго рыцаря, сказала ему на ухо: Господинъ рыцарь! иногда волшебники отмщаютъ за нѣжное сердце, котораго любовь въ пренебреженіи“. Донъ Кишотъ притворился, будто не слыхалъ ея словъ, поблагодарилъ герцога и герцогиню за милости, ему оказанныя; увѣрилъ ихъ, что ему извѣстны враги, противъ него вооружившіеся, и просилъ, какъ скоро перевязали его раны, чтобы оставили его въ покоѣ.

ГЛАВА СОРОКЪ ПЯТАЯ (послѣдняя).

ПРИБЫТІЕ ДОНЪ КИШОТА ВЪ ДЕРЕВНЮ, ЕГО БОЛѢЗНЬ И СМЕРТЬ.

Донъ Кишотъ, восхищаясь мыслію, что милый предметъ его нѣжной любви опять возвратилъ свои прелести, ожидалъ нетерпѣливо утра, въ надеждѣ, что съ первыми его лучами предстанетъ предъ него Дульцинея. Заря занялась—нѣтъ красавицы; донъ Кишотъ, удивленный, продолжалъ свой путь, поглядывалъ туда-сюда, безпокоился, двигался на сѣдлѣ. Всякая путешествующая женщина приводила его въ трепетъ; онъ спѣшилъ къ ней навстрѣчу, всматривался въ ея лицо; она проходила мимо, не говоря ни слова, и онъ оставался, опустивъ голову, съ тяжкимъ уныніемъ въ сердцѣ. Такъ прошли два дни. Герои наши, наконецъ, увидали съ высоты одного пригорка свою деревню. Санко упалъ на колѣни и воскликнулъ: «О, моя милая родина! Твой Санко здѣсь опять! Не богатый, не знатный, а высѣченный Санко; съ нимъ и господинъ его донъ Кишотъ, славный рыцарь, правда побѣжденный, но это бездѣлица: не все коту масляница; бываетъ и великій постъ!»

Донъ Кишотъ велѣлъ своему оруженосцу встать, и они въѣхали въ деревню. Первые встрѣтились съ нимъ священникъ и Кераско баккалавръ, которые шли прогуливаться; увидя своего друга, они побѣжали къ нему съ отверстыми объятіями. Донъ Кишотъ соскочилъ съ Рыжака, прижалъ ихъ къ сердцу и, взявъ ихъ обоихъ за руки, пошелъ съ ними къ себѣ въ домъ, окруженный множествомъ ребятишекъ, которые всѣ кричали въ одинъ голосъ: «господинъ донъ Кишотъ пріѣхалъ! добрый Санко Панса пріѣхалъ!» Тереза услышала крикъ и выбѣжала полуодѣтая вмѣстѣ съ дочерью навстрѣчу къ своему супругу; но видя, что онъ пѣшій, остановилась и воскликнула: «Что это? гдѣ твоя карета? гдѣ твои лошади и лакеи? ты пришелъ пѣшкомъ!»—Пришелъ пѣшкомъ, жена, и принесъ денегъ. Поцѣлуй меня!—Ахъ, мой другъ, Санко, какъ я тебѣ рада! Ты потолстѣлъ, мой сынъ! Поцѣлуй

же Саншетту; она ждала тебя какъ яснаго утра! Пойдемъ съ нами домой! Теперь намъ есть о чемъ поговорить!—Мать и дочь взяли Санку подъ руки, осла за узду и повели ихъ домой, цѣлуя то того, то другаго попеременно.

Управительница и племянница вышли встрѣчать донъ Кишота съ такою искреннею, живою радостію, что нашъ герой былъ сильно тронутъ; онъ разсказалъ имъ, какъ его побѣдили на поединкѣ, какое онъ условіе обязался исполнить, и какъ долженъ пробыть цѣлый годъ дома, не принимаясь за оружіе. Баккалавръ и священникъ старались его утѣшить, но тщетно; ничто не могло разогнать его печали. Друзья его простились съ нимъ, прося его подумать о своемъ здоровьѣ, чѣмъ нибудь разсѣяться и быть веселѣе; онъ отвѣчалъ съ угрюмостію, что послѣдуетъ ихъ совѣту. Управительница дала ему нѣсколько благоразумныхъ наставленій, которыхъ онъ не слыхалъ, и его меланхолія усилилась къ вечеру и на другое утро.

Прошло нѣсколько дней. Молчаливый донъ Кишотъ ни въ чемъ не принималъ участія; потерялъ аппетитъ, не жаловался, не показывалъ никакого неудовольствія, искалъ уединенія, задумывался, плакалъ и старался скрывать свои слезы. Одинъ Санко заставлялъ его иногда улыбаться своими смѣшными разсужденіями; но улыбки его всегда были смѣшаны съ горестью, а лицо всегда было мрачно и уныло.

Увы! несчастные смертные, какъ бы не отличались своею славою, своею фортуною, своими достоинствами, всегда поспѣшно приближаются ко гробу. Донъ Кишотъ былъ готовъ сойти въ него: часъ его наступилъ; жестокая горячка принудила его слечь въ постель. Во все время его болѣзни Кераско, Николасъ и священникъ были при немъ неотлучно. Добрый Санко, въ тоскѣ и безпокойствѣ, не выходилъ изъ его горницы. Послали за лѣкаремъ, который сказалъ, что меланхолія есть единственная причина болѣзни. Санко, не смотря на свою горесть, старался развеселить своего господина, говорилъ ему о томъ, какъ весело имъ будетъ жить пастухами, играть на свирѣли, ходить по лугамъ, по рощамъ; сказывалъ, какъ онъ купилъ для сбереженія стада огром-

ныхъ собакъ, которыя называются—одна Барзаною, другая—Бутрономъ. Больной слушалъ, посматривая на него съ нѣжностію, и благодарный взглядъ его показывалъ, что онъ угадываетъ его намѣреніе.

Болѣзнь усилилась; лѣкарь по прошествіи шести дней, сказалъ, что не осталось никакой надежды. Донъ Кишотъ чувствовалъ свое состояніе; онъ просилъ, чтобы его оставили одного, заснулъ; спалъ около семи часовъ, и проснувшись сказалъ управительницѣ: „Радуйтесь, мои милыя! Богу угодно было, при концѣ моей жизни, оказать мнѣ милость, важнѣйшую изъ всѣхъ, и для меня самую вожделѣнную.“

— Что вы говорите, дядюшка! Какую милость?—Ахъ, другъ мой, онъ возвратилъ мнѣ то благо, которое всего драгоцѣннѣе для человѣка, которое одно доставляетъ ему спокойствіе въ этой бѣдственной жизни, и дѣлаетъ его способнымъ для счастія въ будущей: разсудокъ! Я потерялъ его, посвятивъ свои досуги чтенію безумнѣйшихъ книгъ. Теперь Небо награждаетъ меня имъ снова; но я не долго буду наслаждаться симъ счастіемъ. Хочу воспользоваться немногими оставшимися мнѣ минутами, хочу загладить, если можно, мои несчастныя заблужденія, хочу сдѣлать добро, котораго еще не сдѣлалъ. Позовите, прошу васъ, отца священника, Баккалавра Самсона, Николаса и добраго Санку, передъ которымъ я виноватъ въ томъ, что заставилъ его вмѣстѣ съ собою безумствовать. Черезъ минуту всѣ сошлись у его постели; онъ сказалъ имъ слабымъ голосомъ: «Друзья мои, поздравьте меня: я уже не донъ Кишотъ ла-Манхскій, а просто Алонзо Киксана, котораго нѣкогда называли добрымъ; я уже не подражатель Амадиса и Галоара, мечтательныхъ героевъ, которыхъ мое воображеніе принимало за существенныхъ; я вашъ сосѣдъ, вашъ вѣрный другъ, вашъ братъ, который оплакиваетъ свое несчастное заблужденіе, и надѣется въ послѣднюю минуту своей жизни найти въ себѣ довольно ума для искренняго, сердечнаго раскаянія. Исповѣдуйте меня, господинъ священникъ, а вы, друзья мои, позовите нотаріуса, я хочу написать свое завѣщаніе.»

Всѣ молчали въ горестномъ изумленіи; Санко, который до сихъ

поръ не думалъ, чтобы господинъ его былъ въ опасности, упалъ на колѣна подлѣ постели и залился слезами. Больной протянулъ къ нему руку и просилъ, чтобы онъ оставилъ его одного съ священникомъ. Исповѣдь продолжалась не долго; увы, сердце его было такъ чисто! Онъ самъ велѣлъ позвать своихъ друзей, которые всѣ плакали. Донъ Кишотъ просилъ ихъ утѣшиться. Между тѣмъ пришелъ нотаріусъ; онъ приказалъ ему начать духовную обыкновеннымъ образомъ; потомъ, собравшись съ послѣдними силами, началъ сказывать слабымъ голосомъ слѣдующее:

Оставляю моему другу Санкѣ Пансѣ, котораго я называлъ оруженосцемъ во время своего безумства, двѣсти ефимковъ, которые должны быть заплачены ему тотчасъ послѣ моей смерти; сверхъ того—всѣ деньги, порученныя ему мною при нашемъ отъѣздѣ, запрещая моимъ наслѣдникамъ требовать отъ него отчета, и сожалѣя, что всѣ надежды, которыя подавалъ я ему въ своемъ сумасшествіи, не были и не могли быть исполнены.

—Ахъ нѣтъ, сударь, Бога ради! кричалъ Санко не давая писать нотаріусу и заливаясь горькими слезами: вы не умрете! Нельзя, чтобы вы умерли: живите, послушайтесь меня, мой добрый господинъ; прогоните эту печаль, которая васъ убиваетъ. Я все буду дѣлать, что́ вы мнѣ прикажете: буду пастухомъ, рыцаремъ, оруженосцемъ, чѣмъ вамъ угодно, лишь бы только жить вмѣстѣ съ вами. Если хотите, еще разъ себя высѣку; скажу, что васъ побѣдили по моей глупости отъ того, что я не подтянулъ подпругъ Рыжаку, что я одинъ во всемъ виноватъ, что никогда....

— Благодарю тебя, мой бѣдный Санко, отвѣчалъ слабымъ голосомъ умирающій: я такъ долго былъ въ глазахъ твоихъ безумцемъ, что ты меня умнымъ и вообразить не можешь. Позабудемъ свои прошедшія заблужденія, не переставая быть друзьями! Я все тотъ же другъ твой, искренній и вѣрный; но уже не донъ Кишотъ, не рыцарь, и чтобы заключить по-твоему пословицею, прибавлю: гнѣздо осталось, а птичка улетѣла! Дай мнѣ кончить, мой сынъ; я сожалѣю только о томъ, что не могу сдѣлать для тебя столько добра, сколько бы хотѣлъ.

Онъ назначаетъ по себѣ наслѣдницею Антонину Киксану, свою

племянницу, съ тѣмъ, чтобы она платила пенсію бывшей его управительницѣ и вручила отъ его имени въ знакъ дружбы и памяти нѣкоторые подарки баккалавру Караско, цирюльнику Николасу и отцу священнику, которому поручаетъ исполненіе завѣщанія; въ заключеніе проситъ прощенія, у всѣхъ честныхъ христіанъ въ томъ, что подавалъ худой примѣръ своею несчастною жизнію и еще въ томъ, что далъ случай глупому сочинителю новой исторіи донъ Кишота написать вздорную, безсмысленную книгу, скучную и несносную для читателей.

Донъ Кишотъ, подписавши духовную, просилъ священника причастить его Св. Таинъ; причастился со всѣмъ усердіемъ христіанина и съ удивительнымъ спокойствіемъ духа; потомъ заснулъ; къ вечеру впалъ въ совершенное разслабленіе, и скоро потомъ скончался.

Таковъ былъ конецъ ла-Манхскаго героя, котораго отчизны Бенежели не называетъ, вѣроятно для того, чтобы всѣ города и деревни этой славной страны могли спорить о имени его родины; онъ также не говоритъ ничего ни о горести добраго Санки, ни о слезахъ управительницы и племянницы, ни о печали друзей сего добродѣтельнаго и любезнаго человѣка. Ему написали множество эпитафій; только одна изъ нихъ осталась въ памяти людей: ее сочинилъ Самсонъ Караско:

Здѣсь тотъ покоится, кто цѣлый вѣкъ скитался,
Былъ добрый человѣкъ и свято чтилъ законъ.
Когда-бъ забавнѣйшимъ безумцемъ не былъ онъ,
Тогда-бъ изъ мудрецовъ мудрѣйшимъ почитался!

Здѣсь Сидъ Гомедъ Бенежели обращается къ своему перу и говоритъ: «Прости, мое любезное перо; худо ли хорошо ли ты было мною очинено, я тобою писалъ безъ скуки; теперь тебя оставляю, и дай Богъ, чтобы никакой глупый бумагомаратель не вздумалъ тебя очинить по-своему, или не притупилъ тебя, не зная, какъ съ тобою обращаться. Скажи ему, что на свѣтѣ одинъ донъ Кишотъ, что одному тебѣ назначено и возможно было описывать его подвиги; скажи ему, что этого героя нѣтъ уже на

свѣтѣ, что стыдно и безсовѣстно безпокоить мертвыхъ; если жъ безстыдники тебя не послушаютъ, перо мое; если не смотря на твои увѣщанія, они захотятъ непремѣнно вытащить этого бѣднаго человѣка изъ гроба и заставить опять бродить по всему свѣту,— иступись, изломайся въ ихъ грубыхъ рукахъ, или заставь ихъ писать нелѣпости и бредни. Что жъ касается до меня, то мое дѣло кончено: я хотѣлъ посмѣяться надъ глупыми рыцарскими романами; донъ Кишотъ мой далъ имъ смертельную рану; я доволенъ; прости, мое перо, Богъ съ тобою!

ПРИЛОЖЕНІЕ IV.

(къ главѣ XII-й).

ЧЕРТЫ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ ВЪ «ЛЕНОРѢ» И «СВѢТЛАНѢ».

«Ленора», послужившая главнымъ матеріаломъ и для «Свѣтланы», заимствована Бюргеромъ изъ народной пѣсни. По свидѣтельству Фосса, первая мысль этой баллады у Бюргера явилась послѣ того, какъ онъ услышалъ отъ служанки отрывокъ этой пѣсни, изъ которой ей были извѣстны лишь нѣсколько стиховъ (а именно: «Мѣсяцъ свѣтитъ такъ ясно, мертвые скачутъ быстро [1])» и часть діалога Леноры съ Вильгельмомъ: «Страшно тебѣ, милая?—Чего же мнѣ бояться? Вѣдь я съ тобою [2])!» Но напрасны были поиски Фосса во всѣхъ мѣстностяхъ Германіи. То, что выдавалось за народное въ «Wunderhorn'ѣ,» было новѣйшимъ воспроизведеніемъ книжнаго матеріала; Шлегель сообщаетъ, что на вопросъ его Бюргеру, не имѣлъ ли онъ при сочиненіи «Леноры» въ виду старинную пѣсню, Бюргеръ отвѣчалъ, что воспользовался нѣкоторыми намеками одной нижне-нѣмецкой народной пѣсни; что только немногія ея строки остались въ памяти у одной его пріятельницы, которая ему сообщила объ этой пѣснѣ, и между прочимъ: Wo lise wo lose, Rege bei den Ring (тихо осторожно постучалъ онъ кольцомъ). Опровергая мнѣніе англійскаго

[1]) Der Mond der scheint so helle, Die Todten reiten schnelle.
[2]) Graut, Liebchen, auch?—Wie sollte mir denn grauen? Ich bin ja bei dir.

критика, что Бюргеръ заимствовалъ свою „Ленору" изъ англійскаго сборника балладъ 1723 года, неизвѣстный авторъ въ «Neue Berlin. Monatschrift (1799, томъ II, 389), свидѣтельствуетъ, что когда онъ прочиталъ Ленору одной дамѣ въ Мекленбургѣ, то она ясно припомнила основное содержаніе баллады и вышеприведенныя строки: «Мѣсяцъ свѣтитъ ярко, мертвые скачутъ быстро [1])»,—и сообщаетъ, что встрѣчалъ въ Мюнстерскомъ епископствѣ лицъ, которымъ этотъ сюжетъ былъ извѣстенъ, и между прочимъ, въ Глаудорфѣ одному 75 - лѣтнему старцу. Сюжетъ онъ передавалъ такъ: Влюбленный пошелъ въ солдаты. Его убиваютъ, и онъ является ночью у дверей своей любезной, стучась потихоньку. Она спрашиваетъ: кто тамъ?—Dyn Lif is dâr (твой любезный здѣсь), слышитъ она въ отвѣтъ. Она выходитъ, садится сзади его на коня—и они уносятся быстрымъ скокомъ. Но вотъ духъ говоритъ: De Mond de shynt so helle, De Doden ryet so snelle, Fyns (feines) Lêfken gruwelt dy ôk (Мѣсяцъ свѣтитъ такъ ясно, мертвые скачутъ такъ быстро. Что̀, страшно тебѣ, милая?) Она отвѣчаетъ: «Wat schol my gruweln—du büst ja by my (Чего же мнѣ бояться?вѣдь ты со мною). Наконецъ прискакали на кладбище. Открываются могилы; конь и всадникъ поглощаются; дѣвушка остается среди ночной темноты... «Чортъ возьми! небось, станетъ страшно»! прибавлялъ обыкновенно старикъ шутливо.

И Гердеръ [2]) свидѣтельствуетъ, что въ дѣтствѣ слыхалъ въ восточной Австріи прозаическую сказку, въ которую входили приведенные выше стихи. Любезный скачетъ съ своею любезною, холодною лунною ночью и повторяетъ: «Мѣсяцъ свѣтитъ ясно, мертвые скачутъ быстро. Что, милая, страшно тебѣ? Она отвѣчаетъ: Чего же мнѣ бояться? Вѣдь милый со мною!» [3]). Волльнеръ [4])

---

[1]) Der Mond scheint hell, Die Todten reiten schnell!

[2]) Zur schönen Literatur und Kunst XX, 405.

[3]) См. прим. къ стих. Бюргера на стр. 319 въ изд. стихотвореній Бюргера Ю. Титтманна. Leipzig. Brockhaus, 1869).

[4]) Въ статьѣ: „Lenorenstoff in der slav. Volkspoesie въ Archiw für Slav. Philologie v. V. Jagić VI, 2, откуда мы извлекаемъ эти свидѣтельства.

приводитъ свидѣтельства Веймарскаго библіотекаря д-ра Рейнгольда Кёлера, что этотъ сюжетъ живетъ понынѣ въ нѣмецкихъ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ. Затѣмъ указываетъ онъ тѣ славянскія сказки и пѣсни, которыя имѣютъ то же содержаніе.

Оно состоитъ въ томъ, что умершій женихъ потревоженъ въ своей могилѣ слезами и тоскою (или же чародѣйствомъ) своей любезной, отыскиваетъ ее, по большей части и не подозрѣвающую о его смерти, уговариваетъ слѣдовать за собою и потомъ старается увлечь ее къ себѣ въ могилу. Въ этомъ сюжетъ сходенъ съ «Ленорой». Но въ большинство славянскихъ варіантовъ вносится еще новый мотивъ: дѣвушка въ ту минуту, когда ей приходится вступить въ могилу, убѣгаетъ въ избушку, куда выносятъ покойниковъ, и запирается тамъ. Въ избушкѣ лежитъ покойникъ (въ одномъ варіантѣ три); къ нему обращается преслѣдователь съ просьбою выдать ему его невѣсту. Въ большинствѣ варіантовъ, тотъ уже готовъ исполнить эту просьбу, но поетъ пѣтухъ—и дѣвушка спасена. Въ одной сказкѣ обоимъ покойникамъ удается изловить дѣвушку, въ другой же—напротивъ—преслѣдующій ее прогнанъ другимъ покойникомъ, принимающимъ ея сторону.

Потомъ Волльнеръ приводитъ 4 сказки малороссійскія [1]), изъ польскихъ одну мазурскую (въ извлеченіи), при чемъ замѣчаетъ, что частію Польша, частію Литва доставили прототипъ для Мицкевичева «Бѣгства», [2]) въ основу котораго польскій поэтъ, по собственному свидѣтельству, положилъ слышанную имъ въ Литвѣ польскую пѣсен-

---

[1]) Первая—изъ Трудовъ Этнографическо-статистической Экспедиціи въ Западно-Русскій край, снаряженной И. Русск. Геогр. Общ. Юго-Западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣд., собр. П. П. Чубинскимъ. Т. II, изд. подъ набл. Д. чл. П. А. Гильтебрандта. Спб. 1878. Отд. I. Сказки миѳическія. 119. Про мертвыхъ, стр. 411. Полтавская губ. —Вторая—изъ „Трудовъ“ 121. Про мертвяка, стр. 414. Екатериносл. губ.—Третья изъ „Малорусскихъ народныхъ преданій и разсказовъ“. Сводъ М. Драгоманова. Изд. Ю.-З. отдѣла И. Русск. Геогр. Общ. Кіевъ. Тип. Фрича. 1876. Мертвый любовникъ, стр. 392. Екатеринославск. губ.—Четвертая—изъ „Трудовъ“, 120, 413. Екатеринослав. губернія.

[2]) Порусски см. въ „Соч. Мицкевича“, изд. Вольфа. 1882. Т. I. стр. 90 (въ переводѣ Бенедиктова).

ку и сохранилъ сущность ея, придерживаясь даже стихотворнаго ея склада; затѣмъ Волльнеръ излагаетъ литовскую сказку, два варіанта чешской, одну моравскую пѣсню, сербскую, и изъ южнославянскихъ—кроатско-словенскую и часть сказки словацкой.

Основою всѣхъ этихъ народныхъ произведеній служитъ то, что покойникъ (женихъ) относится къ пережившей его невѣстѣ враждебно и стремится погубить ее изъ мщенія за нарушеніе его покоя. Гибель же дѣвушки, какъ наказаніе Неба, въ «Ленорѣ» Бюргера и въ балладѣ Мицкевича—есть уже плодъ рефлексіи самихъ этихъ поэтовъ [1]).

Волльнеръ могъ бы найти и въ великорусскихъ сказкахъ образъ покойника, скачущаго на конѣ и увлекающаго своего пріятеля, посадивъ его съ собою, на кладбище (Аѳ. III. 262, 263): „Навстрѣчу ему старинный пріятель—лѣтъ съ десятокъ тому, какъ померъ.... Ну прощай, пора домой идти!—Постой, куда теперь идти? Переночуй со мной.—Нѣтъ, братъ, и не проси—нельзя... Ну, прощай! Да что тебѣ пѣшкомъ идти? Лучше садись на мою лошадь, живо довезетъ.. Спасибо, давай!.. Сѣлъ верхомъ и понесся—что твой вихрь летитъ! Вдругъ пѣтухъ запѣлъ!...Страшно: кругомъ могилы, а подъ сѣдокомъ надгробный камень!»

Если такимъ образомъ и Жуковскій въ своей „Людмилѣ“ воспользовался остатками народнаго эпоса, общаго нѣмецкой и русской поэзіи, изъ вторыхъ рукъ, т. е. изъ „Леноры“ Бюргера, то въ „Свѣтланѣ,“ кажется, несомнѣнно черпалъ онъ изъ самаго народнаго источника. Ему не чуждъ былъ интересъ къ народной поэзіи. Въ домѣ Буниныхъ, гдѣ проводилъ Жуковскій свое дѣтство, по свидѣтельству очевидцевъ, были сказочницы. И позднѣе, въ 1816 году, какъ мы упоминали выше [2]), онъ просилъ родныхъ собирать народныя сказки. Что же мудренаго, что онъ могъ въ свою „Свѣтлану“, при всей своеобразности ея главнаго замы-

[1]) Въ заключеніе Волльнеръ приводитъ еще 4 варіанта одной и той же пѣсни: сербскій, болгарскій, греческій и албанскій, настолько отступающіе отъ занимающаго насъ сюжета, что мы о нихъ болѣе говорить не будемъ.

[2]) Стр. 215.

сла, внести нѣкоторые образы сказки русской. Къ числу такихъ образовъ изъ области „чудеснаго“ должно отнести сцену въ избушкѣ, въ которой очутилась Свѣтлана. Эта избушка встрѣчается не въ однихъ малорусскихъ сказкахъ, выше упомянутыхъ у Волльнера, гдѣ напр. (№ 3) невѣста, преслѣдуемая мертвецомъ, убѣгаетъ отъ него сбрасывая съ себя одежду,—«и опинилась въ хати. Винъ прибигъ, та пидъ викно й кричить: Ну, щастя жъ твое, що стекла: нала бъ ти якъ по мертвому плакать. Перестала зъ тій пори дивка плакать и все минулось». [1]) Подобное же убѣжище преслѣдуемому встрѣчаемъ и въ сказкахъ великорусскихъ, напр: въ приводимой Аѳанасьевымъ (Т. III, изд. 2-е стр. 273)—преслѣдуемый покойникомъ «солдатъ пустился отъ него въ сторону во всю прыть, увидалъ часовенку—и прямо въ нее. Въ той часовенкѣ нѣтъ никого, только лежитъ на столѣ другой упокойникъ, а передъ нимъ свѣчи горятъ. Солдатъ забился въ уголъ, сидитъ ни живъ, ни мертвъ: что-то будетъ? Вдругъ прибѣгаетъ и лѣзетъ въ часовню тотъ первый упокойникъ, что за солдатомъ гналъ; а этотъ, что на столѣ лежалъ, встаетъ и говоритъ ему: «Ты зачѣмъ прибѣгъ...?» и т. д.

Въ одной сказкѣ, которую также находимъ у Аѳанасьева (Ibid; стр. 274), самая праздничная обстановка и затѣмъ ужасъ, ожидающій Марусю отъ упыря, прикинувшагося молодцемъ, напоминаютъ первую половину „Свѣтланы“, святочное веселье подружекъ и потомъ поѣздку съ милымъ, который оказывается покойникомъ. Тутъ также начинается съ веселья: «Соберутся дѣвки въ одну избу, напекутъ пампушекъ и гуляютъ цѣлую недѣлю, а то и больше. Вотъ дождались этого праздника (Андрея Первозваннаго); собрались дѣвки, напекли, наварили что надо; вечеромъ пришли паробки съ сопѣлкою, принесли вина, и началась пляска, гульба—дымъ коромысломъ!... Немного погодя, входитъ въ избу такой молодецъ,—что на-поди! кровь съ молокомъ !одѣтъ богато, чисто.... Началъ угощать и дѣвокъ и ребятъ... Больше всѣхъ полюбилась ему Маруся... Наступило время по домамъ расходить-

[1]) Малор. нар. пред. и разск. Сводъ М. Драгоманова. К. 1876. Стр. 392, 393.

ся. Говоритъ этотъ молодецъ: «Маруся! поди, проводи меня.» Она вышла провожать его; онъ и говоритъ: «Маруся, сердце! хочешь ли я тебя замужъ возьму?»—Коли бы взялъ, я бы съ радостью пошла.—Да ты отколя?—А вотъ изъ такого-то мѣста, живу у купца»....

На другой день, по совѣту матери, Маруся, когда молодецъ опять позвалъ ее провожать себя, накинула тихонько нитку петелькой ему за пуговицу, чтобы узнать, гдѣ живетъ ея суженый. Нитка привела ее къ запертой церкви; она подставила лѣстницу къ окну, полѣзла посмотрѣть—глянула—а названный женихъ стоитъ у гроба да упокойника ѣстъ: въ церкви тогда ночевало мертвое тѣло....

Свѣтлану отъ враждебнаго покойника спасаетъ голубокъ; пѣтухъ обыкновенно спасаетъ своимъ пѣніемъ преслѣдуемыхъ покойникомъ въ народныхъ сказкахъ

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

ДВѢНАДЦАТЬ СПЯЩИХЪ ДѢВЪ.

(часть, соотвѣтствующая «Вадиму».)

Въ то время, когда императоръ Альбрехтъ вмѣстѣ съ своей супругой Елизаветой объѣзжалъ Германію, наблюдая за спокойствіемъ государства, находилась въ ихъ свитѣ дама Вульфгильда, жена канцлера Гильберта, бывшая въ большой милости у императрицы. Она не была красива, но любила слышать похвалы своей красотѣ, въ высшей степени любила наряды и роскошь. Богатое наслѣдство, ею полученное, давало ей возможность удовлетворять этимъ прихотямъ. Десять лѣтъ жила она замужемъ, но не имѣла дѣтей, въ чемъ постоянно упрекала мужа, который радъ бы ужъ былъ и оставить ее, но ея богатство удерживало его.

Императоръ остановился на долго въ Вюрцбургѣ, гдѣ предполагалъ лично производить судъ. Женщины свиты стали скучать, тѣмъ болѣе, что не могли еще забыть недавнихъ празднествъ и пировъ при коронаціи императора. Между скучающими находилась Вульфгильда. Она изобрѣтала средства скоротать время и вспомнила, что недалеко живетъ Эйлика, подруга ея юности, замужемъ за рыцаремъ Вилибальдомъ. Ей вздумалось поразить ее своимъ богатствомъ и пышностью, въ особенности потому, что она знала, какъ скромно живетъ ея подруга. Она просила своего мужа сопровождать ее, чтобъ тѣмъ болѣе поразить Эйлику; но мужу было не-

когда; онъ не могъ тотчасъ слѣдовать за ней, впрочемъ обѣщался если не къ вечеру того же дня, то на другой день утромъ пріѣхать непремѣнно.

Рано утромъ отправилась Вульфгильда къ небольшому замку Эйлики. Ее провожало большое число слугъ. Дорогой отдыхала она нарочно долѣе, чѣмъ требовалось, чтобъ смутить Эйлику своимъ появленіемъ передъ самымъ обѣдомъ съ такой массою провожатыхъ. Эйлика въ самомъ дѣлѣ сначала испугалась, но узнавъ Вульфгильду, приняла ее съ восторгомъ. Вульфгильда старалась возбудить зависть Эйлики, по крайней мѣрѣ вызвать ее на жалобы, но все напрасно. Эйлика счастлива любовью мужа и богата тѣмъ, что имѣетъ пятерыхъ прекрасныхъ здоровыхъ дѣтей. Вульфгильда не могла похвалиться тѣмъ же и должна была считать себя побѣжденной. Мужа Эйлики не было дома: онъ отправился на охоту. Вульфгильда, недовольная пищей, которою угощали въ замкѣ ея слугъ, и помучивъ досыта различными требованіями и колкими замѣчаніями бѣдную Эйлику, наконецъ объявила, что сама привезла съ собой всякой провизіи, и что хозяевамъ достаточно позаботиться объ одномъ ночлегѣ. Въ замкѣ этомъ можно было жить только въ трехъ покояхъ. Въ одномъ спали Эйлика съ мужемъ, во второмъ дѣти и служанки, а въ третьемъ обѣдали и работали. Вульфгильда выбрала для себя спальню Эйлики, требуя, чтобъ служанки ея спали вблизи; поэтому Эйлика съ дѣтьми и съ служанками своими помѣстилась на полу въ столовой, между тѣмъ какъ слуги улеглись—кто на дворѣ, кто въ помѣщеніяхъ работниковъ. Рано всѣ пошли на покой, и не было еще полуночи, когда всѣ ужъ спали крѣпкимъ сномъ.

Рыцарь Вилибальдъ возвратился въ это время и былъ очень недоволенъ, узнавъ отъ привратника о множествѣ гостей въ замкѣ. Приказавъ слугамъ, обремененнымъ убитой дичью, соблюдать тишину, самъ тихо прошелъ въ свою спальню, не предполагая, что ее могли занять гости. Было темно; небо покрылось тучами, и онъ, не замѣчая ничего, слыша только покойное дыханіе спящей и не желая разбудить ее, тихо раздѣлся и легъ подлѣ.

Канцлеръ Гильбертъ, обладавшій не менѣе своей жены доста-

точною гордостію и желая также блеснуть своимъ величіемъ передъ скромными обитателями маленькаго замка, отправился туда вскорѣ послѣ полуночи. Онъ пріѣхалъ на зарѣ. Слуги Вульфгильды, уже вставшіе и кормившіе лошадей, проводили его въ замокъ, гдѣ его встрѣтила только что проснувшаяся Эйлика. Узнавъ, кто онъ, она горячо привѣтствовала его и сама повела къ ложу его супруги. Тихо отворила она дверь, и оба остановились пораженные, увидѣвъ Вульфгильду въ объятіяхъ мужчины. Они замолкли, не повѣривъ собственнымъ глазамъ, приблизились — и Эйлика узнала своего мужа.

Смятеніе всѣхъ было ужасное. Вилибальдъ только мало по малу понялъ истину. Вульфгильда зарылась въ подушки отъ стыда; Гильбертъ неистовствовалъ, требуя мести, не хотѣлъ ничего слушать, сколько Эйлика ни увѣряла его въ невинности своего мужа. Онъ кричалъ, что она покрываетъ его изъ великодушія, что прелюбодѣяніе жены его очевидно, что честь его не позволяетъ терпѣть ее близъ себя, что императоръ долженъ разсудить ихъ. Съ этими словами бросился онъ вонъ изъ замка, оставивъ жену въ отчаяніи, покрытую позоромъ. Эйлика старалась всѣми силами успокоить мужа и свою подругу тѣмъ, что императоръ справедливъ и возьметъ въ разсчетъ всѣ обстоятельства, но невинные виновные были слишкомъ убиты всѣмъ случившимся. Вскорѣ явились всадники императора, отвезли Вульфгильду въ тюрьму и взяли слово съ Вилибальда, что онъ завтра же явится на императорскій судъ. Наконецъ и Эйлика пала духомъ. Она поняла, что Гильбертъ во что бы то ни стало желаетъ отдѣлаться отъ жены своей, и что мужу ея грозитъ гибель. Напрасно мужъ успокоивалъ ее тѣмъ, что имѣетъ свидѣтелей своей ошибки.

На другой день явился онъ на судъ вмѣстѣ съ свидѣтелями. Гильбертъ доказывалъ, что между женой и этимъ рыцаремъ все было условлено заранѣе; свидѣтели показывали совсѣмъ другое. Императоръ совѣтовалъ примириться, Гильбертъ — предоставить времени рѣшеніе этого дѣла. Если они не виновны, то не будетъ и послѣдствій; въ противномъ же случаѣ надо будетъ признать ихъ виновными. Онъ просилъ, чтобъ жена его была заключена

на 9 мѣсяцевъ. Императоръ согласился съ этимъ, и ее помѣстили въ ближайшій монастырь, окруживъ зоркими глазами. Гильбертъ сопровождалъ императора въ Катрфо, гдѣ тотъ имѣлъ свиданіе съ французскимъ королемъ Филиппомъ Красивымъ. Здѣсь получилъ онъ извѣстіе, что жена его дѣйствительно беременна. Гильбертъ поспѣшилъ увѣдомить о томъ императора. Возвратясь въ Вюрцбургъ, Гильбертъ узналъ, что жена его родила прекраснаго и здороваго мальчика. Когда ей подали сына, она зарыдала и назвала его виновникомъ ея несчастія. Вилибальдъ, получивъ вѣрное извѣстіе изъ устъ священника монастыря, что у Вульфгильды родился сынъ, проклялъ часъ его зачатія и предался отчаянію.

Преступленіе было доказано. Только мольбы императрицы спасли несчастныхъ отъ смертной казни. Вульфгильда была удалена въ монастырь, и все ея богатство досталось ея мужу, чего онъ и добивался. Вилибальда объявили лишеннымъ чести; гербъ и щитъ его переломлены въ судѣ, небольшое имѣніе конфисковано, и онъ самъ приговоренъ пройти среди бѣлаго дня въ Вюрцбургѣ по главнымъ улицамъ съ собакой на плечахъ и удалиться съ позоромъ изъ города.

Вульфгильда вѣроятно скоро умерла съ горя, а Вилибальдъ изчезъ вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, неизвѣстно куда.

Ребенокъ, виновникъ всего несчастія, былъ всѣми забытъ, пока монахини не спросили судъ, что̀ же имъ дѣлать съ нимъ. Судьи присудили поручить его милосердію монахинь. Монахини, не желая имѣть въ святыхъ стѣнахъ своихъ плодъ такого грѣха, отдали его на воспитаніе одной женщинѣ, у которой нашелъ его одинъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ Вилибальда, сжалился надъ его бѣдственнымъ положеніемъ и взялъ въ свою семью, не смотря на то, что у него только что родился уже осьмой ребенокъ. Мальчику не было и 8 лѣтъ, а онъ былъ уже и силенъ, и ловокъ всѣмъ на диво. Не менѣе удивлялъ онъ и своимъ умомъ и храбростію. Онъ не могъ равнодушно слышать звука рога и конскаго топота и иногда на долго уходилъ въ лѣсъ, возбуждая не мало заботъ со стороны названыхъ родителей, очень его любившихъ.

Въ это время императоръ пожаловалъ одному старому рыцарю

въ ленъ маленькій замокъ обезславленнаго Вилибальда. Этотъ рыцарь посѣдѣлъ въ битвахъ, не зналъ ни поцѣлуя женщины, ни ласки дѣтей. Онъ жаждалъ покоя, потому что многочисленныя раны часто мучили его. Маленькій Вилибальдъ, какъ звали всѣ сына Вульфгильды, выбралъ мѣстомъ своихъ игръ лужокъ подъ самой спальней рыцаря, гдѣ, предводительствуя цѣлой массой мальчиковъ, поднималъ страшный шумъ. Рыцарь запретилъ имъ это и погрозилъ ихъ высѣчь. Всѣ послушались,—одинъ Вилибальдъ снова забрался на лужокъ и съ громкимъ крикомъ бросалъ камни въ стѣны замка, воображая себѣ, что беретъ его. Рыцарь вышелъ, старался поймать его, но это не удавалось. Выведенный изъ терпѣнія онъ спрашиваетъ мальчика, какъ его зовутъ. «Меня зовутъ маленькимъ Вилибальдомъ, а отецъ мой былъ большой Вилибальдъ», отвѣчалъ мальчикъ. Затѣмъ онъ передалъ ему, что замокъ этотъ принадлежалъ его отцу. Ничего не понимая, рыцарь спросилъ его, гдѣ онъ живетъ, и узнавъ его мѣсто жительства, грозился высѣчь его названнаго отца за то, что тотъ воспиталъ такого повѣсу. Вилибальдъ приближается къ рыцарю и проситъ бить его, но не трогать стараго Товія. Растроганный старикъ позволяетъ мальчику играть у себя подъ окномъ, только проситъ не шумѣть. Вилибальдъ вызывается быть стражемъ его покоя. Рыцарь посылаетъ его за Товіемъ. Сначала Вилибальдъ боится за Товія, но рыцарь даетъ свое слово, что его не тронетъ. Товій разсказываетъ рыцарю исторію Вилибальда. Рыцарь удивленъ и усыновляетъ Вилибальда, наградивъ стариковъ. Вилибальдъ выросъ и научился всѣмъ рыцарскимъ обычаямъ. Старый рыцарь привязался всей душой къ умному, храброму, ловкому, великодушному и благородному юношѣ. Сердце Вилибальда жаждало подвиговъ, но старикъ не отпускалъ его отъ себя. Любимымъ занятіемъ Вилибальда была охота на свободѣ. У него былъ сильный характеръ, и онъ не терпѣлъ противорѣчія. Онъ былъ высокъ и строенъ; русые волосы его вились длинными густыми кудрями. Когда онъ гнѣвно потрясалъ головой, то они придавали ему грозный видъ. Большіе пламенные глаза его были созданы для выраженія любви, но эта страсть не пробудилась еще въ душѣ юноши, и въ округѣ не

находилось дѣвы, его достойной. Часто поднималось безпокойное чувство въ его сердцѣ; онъ остановился задумчивъ (Т. I, стр. 106); неопытный юноша объяснялъ себѣ это явленіе жаждой подвиговъ.

Достигнувъ уже почти 24-лѣтняго возраста, похоронилъ онъ своего благодѣтеля. Ему досталось только движимое имущество, а замокъ перешелъ къ другому старику-рыцарю, давно его ожидавшему. Вилибальдъ продалъ ему все свое наслѣдство, раздѣлилъ деньги между дѣтьми умершаго Товія, взялъ себѣ только лучшаго коня, безстрашную собаку, надѣлъ на себя латы благодѣтеля и пустился въ бѣлый свѣтъ.

Онъ не зналъ еще куда направиться; вспомнилъ о горькой участи отца и рѣшился искать его. На дорогѣ встрѣтилъ онъ ратниковъ, ѣхавшихъ въ войско Фридриха Австрійскаго, которое собиралось у Мюльбаха противъ Людовика Баварскаго. Они уговорили его искать счастія въ войнѣ. Вилибальдъ соглашается съ радостью. Фридрихъ замѣчаетъ его, узнаетъ, что онъ благородной крови, дѣлаетъ его рыцаремъ и принимаетъ въ отрядъ своихъ тѣлохранителей.

Битва. Австрійцы побиты. Императоръ Фридрихъ окруженъ. Вильбальдъ старается освободить его, проситъ его слѣдовать за собою, пробивается сквозь непріятеля впереди всѣхъ, слѣдовавшихъ за нимъ, но вдругъ замѣчаетъ, что императора нѣтъ между ними. Онъ хочетъ броситься назадъ, но его убѣждаютъ въ тщетности попытки.

Лучшіе воины Фридриха пали, остальные или разсѣялись или перешли на сторону Людовика; Вильбальдъ съ негодованіемъ отказался отъ такого предложенія, когда оно было сдѣлано и ему. Узнавъ, что братъ императора Леопольдъ собираетъ войско въ Швабіи для освобожденія Фридриха, Вилибальдъ отправляется къ нему. Дорога привела его вечеромъ въ темный боръ. Былъ жаркій весенній день. Вилибальдъ усталъ и рѣшился отдохнуть на полянкѣ. Вѣрный песъ легъ рядомъ съ нимъ, и скоро онъ заснулъ крѣпко. Вдругъ будитъ его ворчаніе собаки. Онъ открываетъ глаза и видитъ предъ собою почтеннаго старца, убѣ-

леннаго сѣдинами (Т. I, стр. 110). На немъ темная мантія, въ лѣвой рукѣ факелъ, а въ правой желѣзный посохъ съ 12 маленькими колокольчиками, издававшими пріятные и мелодическіе звуки. Вилибальдъ удивился ему, но не испугался. Старецъ предлагаетъ ему слѣдовать за собою. Вилибальдъ отвѣчаетъ, что ихъ пути различны. Узнавъ отъ старца, что его ждутъ 12 дѣвъ, Вилибальдъ отвѣчаетъ, что ему дѣла нѣтъ ни до какой дѣвы. Старецъ разсказываетъ ему о его родителяхъ, открываетъ, что онъ хранилъ его въ дѣтствѣ и въ юности отъ всѣхъ опасностей, спасъ его и въ послѣдней битвѣ отъ вѣрной смерти и объясняетъ, что 12 дѣвъ, погруженныя въ сонъ шесть разъ 12 сотъ мѣсяцевъ, ждутъ отъ него своего спасенія. Вильбальдъ чувствуетъ довѣріе къ старику и соглашается послѣдовать за нимъ. Старецъ совѣтуетъ снять щитъ и мечъ, ѣхать въ мирной одеждѣ, ибо скорѣе достигнетъ цѣли, но Вилибальдъ говоритъ, что рыцарь никогда не разстается съ своими доспѣхами. Узнавъ, что у Вилибальда нѣтъ оруженосца, старецъ потрясаетъ посохомъ; колокольчики зазвенѣли, и явились два оруженосца въ пурпуровой одеждѣ, вышитой золотомъ. Голосъ изъ скалы: Это не входило въ условіе.—Старецъ: «Но и не исключалось. Ты слишкомъ близокъ. Я ограждаю его.» Вилибальдъ содрогается. Старецъ успокоиваетъ его и объясняетъ, что оруженосцы исполнятъ все, что̀ бы онъ ни потребовалъ; незримо будутъ они слѣдовать за нимъ и являться только по его зову; самъ онъ пойдетъ впередъ: если же Вильбальдъ уклонится съ дороги, то колокольчики зазвенятъ и укажутъ ему истинный путь. Старецъ спрашиваетъ его, можетъ ли онъ видѣть и слышать и въ то же время—не видѣть и не слышать. Вилибальдъ задумывается и отвѣчаетъ, что можетъ. Старецъ обѣщаетъ ему тѣмъ скорѣйшій успѣхъ въ освобожденіи 12 дѣвъ и напоминаетъ, что только онъ одинъ имѣетъ возможность освободить страдалицъ. Вилибальдъ хочетъ поклясться, но старецъ останавливаетъ его: «Не клянись! Воля человѣка должна быть свободной, чтобъ исполнить благое дѣло. Не клянись, но дѣйствуй!» Еще разъ объясняетъ онъ обязанность оруженосцевъ, но говоритъ, что они будутъ лишь служить ему, а сражаться за него не мо-

гутъ. «Помни же предостереженіе», говоритъ старецъ, «слѣдуй за колокольчиками!» Вилибальдъ спрашиваетъ его, кто онъ, и кто эти 12 дѣвъ. Старецъ повторяетъ, что воля его должна остаться свободной, и отказывается объяснить болѣе. Свѣтило угасло, старецъ и оруженосцы изчезли. Вилибальдъ понялъ, что говорилъ съ нимъ духъ, и задумался. Голосъ изъ скалы возстановляетъ его противъ старца, стараясь возбудить подозрѣніе, но Вилибальдъ не слушаетъ его. Онъ сейчасъ же хочетъ отправиться въ дорогу. Взошло солнце; оруженосцы подвели ему коня, и колокольчики зазвенѣли въ направленіи къ большой дорогѣ;. Вилибальдъ послѣдовалъ за ними. Оруженосцы спрашиваютъ его, идти ли имъ впередъ или держаться сзади. Вилибальдъ отвѣчаетъ, что мѣсто оруженосцевъ сзади господина. Они изчезаютъ, и онъ ѣдетъ далѣе.

Не достигнувъ еще конца бора, видитъ онъ пыль по дорогѣ. Вскорѣ онъ различилъ множество всадниковъ, которые ведутъ съ собою двухъ плѣнныхъ красавицъ, связанныхъ по рукамъ и горько плачущихъ. Вилибальдъ останавливаетъ предводителя шайки, приказывая отпустить несчастныхъ дѣвушекъ, но его схватываютъ сзади, вяжутъ и увозятъ. Вилибальдъ осыпаетъ предводителя упреками, вызываетъ его на бой, но тотъ не обращаетъ на него никакого вниманія. Прійдя въ себя, Вилибальдъ слышитъ далеко за собой грустный звонъ колокольчиковъ, мало по малу умолкающихъ. Онъ съ горечью сознаетъ, что не можетъ слѣдовать за этими звуками связанный, и находясь въ рукахъ разбойниковъ. Наконецъ путники остановились для отдыха. Вилибальдъ отказывается отъ пищи. Предводитель узнаетъ въ немъ сослуживца на войнѣ противъ Людовика Баварскаго, считаетъ его своимъ спасителемъ при Мюльбахѣ, когда Вилибальдъ пробивался сквозь непріятелей. Вилибальдъ припоминаетъ и узнаетъ его также. Предводитель самъ развязываетъ его и узнаетъ, что Вилибальдъ никогда прежде не видалъ этихъ связанныхъ дѣвушекъ. Предводитель разсказываетъ, что возвратясь съ войны, нашелъ свой замокъ разграбленнымъ, и скотъ свой угнаннымъ. Онъ бросился по слѣдамъ, но нашедши у разбойниковъ только дочерей атамана, уводитъ ихъ въ надеждѣ, что отецъ отдастъ за нихъ угнанный скотъ. Вилибальдъ поздно

вспоминаетъ, что хотѣлъ не видѣть и не слышать, хотя видитъ и слышитъ. Предводитель называетъ его снова своимъ спасителемъ и предлагаетъ потребовать съ него, что онъ вздумаетъ; Вилибальдъ проситъ отпустить дѣвушекъ, неповинныхъ въ дѣяніяхъ отца, увѣряя, что подобное великодушіе тронетъ ихъ родителей, и они за это возвратятъ награбленное имущество. Предводитель соглашается и дѣвушекъ отпускаетъ съ нимъ. Дѣвушки въ восторгѣ. Онъ прощается съ рыцаремъ, который намѣренъ ждать извѣстія о немъ 8 дней, и ѣдетъ по большой дорогѣ. Онъ спрашиваетъ красавицъ, отчего отецъ ихъ взялся за такое опасное и низкое ремесло, и узнаетъ, что онъ былъ обиженъ людьми, живущими тамъ за боромъ, и былъ исключенъ изъ ихъ общества; что онъ хочетъ отказаться отъ этого занятія, что одну изъ нихъ онъ предназначилъ несчастному юношѣ, если такой явится къ нимъ, и надѣется еще испытать снова семейныя радости. Вилибальдъ прислушивается къ колокольчикамъ, внезапно громко зазвенѣвшимъ впереди. Одна изъ дѣвушекъ разсказываетъ, что отецъ ихъ выбралъ среди лѣса большую поляну, куда не приходилъ еще ни одинъ человѣкъ; выстроилъ тамъ жилища себѣ и своимъ слугамъ и хочетъ заняться земледѣліемъ. Онѣ уговариваютъ его остаться жить у нихъ и описываютъ радость ихъ родителей. Онъ спрашиваетъ имя ихъ отца. Онѣ отвѣчаютъ, что сами зовутъ его отцомъ, а слуги зовутъ его господиномъ. Вилибальдъ беретъ ихъ руки и восхищается ихъ невинностью. Дѣвы ласкаютъ его и называютъ своимъ спасителемъ. Вилибальдъ слышитъ жалобный звонъ колокольчиковъ. Долго ѣхали они, пока Вилибальдъ не подумалъ о томъ, что жилище разбойниковъ не можетъ же быть на большой дорогѣ. Дѣвы сами не знаютъ, гдѣ живутъ; знаютъ только, что въ самой чащѣ лѣса, и что нужно проѣхать мимо большаго водопада. Не прежде, какъ при закатѣ солнца, нашли они водопадъ, около котораго видны были слѣды множества коней. Всѣ обрадовались, что напали на настоящую дорогу. Колокольчики зазвенѣли громко, когда Вилибальдъ рѣшился идти по дорогѣ, пользуясь послѣднимъ свѣтомъ дня, но онъ не обращалъ на нихъ вниманія. Не долго шли они, какъ настала ночь. Утомленныя дѣвушки тотчасъ же легли на

траву и заснули. Вилибальдъ не могъ спать; то слышатся ему колокольчики, то вспоминается таинственный старецъ. Его мучитъ голодъ. Являются оруженосцы и приносятъ ему кушанья, изготовленныя 12 спящими дѣвами. Вилибальдъ удивляется такой быстротѣ своихъ оруженосцевъ и тому, что спящія дѣвы уже знаютъ его. Онъ разспрашиваетъ ихъ о старцѣ и узнаетъ, что старецъ очень удивленъ тѣмъ, что Вилибальдъ не слѣдуетъ за колокольчиками. Далѣе узнаетъ онъ, что дѣвы плакали, узнавъ о препятствіяхъ его путешествія. Вилибальдъ увѣряетъ, что не забылъ своего подвига и удивляется, отчего оруженосцы не успокоили ихъ; обѣщается передать дѣвушекъ ихъ родителямъ и снова послѣдовать за колокольчиками. Одинъ изъ оруженосцевъ отвѣчаетъ ему, что воля человѣка свободна; онъ можетъ измѣнить свое намѣреніе, какъ только того пожелаетъ. Вилибальдъ спрашиваетъ оруженосцевъ, знаютъ ли они дорогу къ жилищу родителей дѣвушекъ. Они отвѣчаютъ утвердительно, но отказываются вести его туда, такъ какъ онъ имъ приказалъ идти позади себя. Далѣе узнаетъ онъ, что спящія дѣвы такія же смертныя, какъ и онъ, хотя ожидаютъ его во снѣ 600 лѣтъ. Вилибальдъ проситъ успокоить ихъ тѣмъ, что совѣсть не дозволитъ ему измѣнить разъ принятаго намѣренія, что онъ освободитъ ихъ непремѣнно, какъ только проводитъ предварительно этихъ дѣвушекъ къ ихъ родителямъ. Оруженосцы увѣряютъ, что спящія дѣвы огорчатся еще болѣе, ибо онѣ мудры и предвидятъ еще бо̀льшія опасности, его ожидающія. Оруженосцы изчезаютъ, и Вилибальдъ засыпаетъ среди дѣвушекъ. Просыпаясь, видитъ онъ около себя только младшую изъ нихъ и узнаетъ, что другая пошла къ источнику. Дѣвушка говоритъ ему, что ихъ отецъ искалъ имъ въ мужья несчастныхъ юношей, что она не думала прежде о замужествѣ, но что теперь, при видѣ его, впервые поняла, какое счастье покоиться въ объятіяхъ такого рыцаря. Вилибальдъ называетъ ее невиннымъ ребенкомъ. Приходитъ сестра ея, и младшая удаляется. Тогда и старшая предлагаетъ ему любовь свою. Вилибальдъ не поддается нѣжнымъ чувствамъ; онъ жаждетъ подвиговъ; онъ помнитъ свое назначеніе и не думаетъ ни о чемъ другомъ. Когда вернулась младшая сестра, онъ объявилъ имъ, что у нихъ не

останется, что его ждутъ несчастныя. Въ сумерки достигли они пещеры разбойниковъ, но нашли ее покинутою. Дѣвушки вспомнили долину среди бора, куда отецъ ихъ собирался переселиться. Послѣ ужина всѣ ложатся спать въ пещерѣ. Проснувшись, видитъ онъ дѣвушекъ у входа пещеры (Т. I, стр. 162): передъ ними горѣлъ большой костеръ. Онѣ щипали голубей и готовили пищу для дальней дороги. Младшая предлагаетъ ему полюбоваться видомъ, который открывается съ ближней скалы. Вилибальдъ согласился, и она повела его туда. Солнце только что всходило, и онъ былъ пораженъ видомъ необозримаго лѣса, синевой дали, шумомъ водопадовъ, пѣніемъ птицъ. Сердце его раскрылось чувству природы. Долго предавался онъ тихому восторгу; дѣвушка прижалась къ нему, закинувъ лебединыя руки свои за его шею (Т. I, 164), и нѣжно спросила его, какъ ему нравится видъ. „Прекрасно, прекрасно“! воскликнулъ онъ, въ порывѣ чувствъ прижимая дѣвушку къ груди своей (Т. I. стр. 164). „Такъ ли тебѣ хорошо, какъ мнѣ“? спросила она его: „чувствуешь ли ты теперь, что хорошо жить не разставаясь?“ Не успѣлъ онъ отвѣтить, какъ утренній вѣтерокъ донесъ до него жалобные звуки колокольчиковъ (Т, I, стр. 164). Онъ прислушался, увидалъ у подошвы скалы своего коня и оруженосцевъ, грустно глядѣвшихъ на него. Гордо поднялъ онъ голову, оставилъ руку дѣвушки и быстро сталъ спускаться со скалы. Дѣвушка послѣдовала за нимъ молча и грустно.

Они отправляются далѣе, вновь ночуютъ на дорогѣ, и къ полудню слѣдующаго дня находятъ долину, куда удалились разбойники, которые теперь занялись обработкой земли. Прибывшихъ замѣтили. Сквозь толпу тѣснится братъ дѣвушекъ, привѣтствуетъ и ихъ, и ихъ спасителя. Онѣ узнаютъ отъ брата, что отецъ съ двумя старшими сыновьями повезъ свои богатства къ предводителю, чтобы выкупить дочерей и изъявить согласіе на возвратъ скота, уведеннаго безъ его вѣдома. Слѣдуетъ описаніе свиданія дѣвушекъ съ матерью и ея восторговъ. Всѣ требуютъ, чтобы Вилибальдъ остался жить съ ними. Законъ ихъ не дозволяетъ удалиться никому, разъ онъ пришелъ сюда. Онъ долженъ жениться здѣсь и

остаться. Вилибальдъ говоритъ, что его ждетъ исполненіе другихъ обязанностей. Они ничего не хотятъ слышать. Происходитъ свалка. Его обезоруживаютъ и связываютъ. Мать и дочери спасаютъ его жизнь; его заключаютъ въ пещеру въ ожиданіи атамана. Ночью приходитъ мать дѣвушекъ и тайно приноситъ ему кушанье. Она жалѣетъ его и говоритъ, что не можетъ ничего подѣлать съ толпою, плачетъ и вспоминаетъ о его родителяхъ. Онъ разсказываетъ ей свою исторію, и она убѣждается, что онъ — сынъ ея мужа; утѣшаетъ его, не открывъ ему тайны, что мужъ ея поможетъ ему освободиться. Она втайнѣ радуется предстоящей радости мужа своего, который давно ужъ искалъ этого покинутаго сына. На другой день вечеромъ, когда стемнѣло, послала она младшую дочь отнести заключенному факелъ. Не успѣла она возвратиться, какъ прибылъ атаманъ. Эйлика, жена его, передаетъ ему обо всемъ случившемся. Себя не помня отъ радости, спѣшитъ старикъ къ пещерѣ, но вмѣсто сына находитъ младшую дочь, переодѣтую въ платье заключеннаго, между тѣмъ какъ тотъ, надѣвъ ея платье, обманулъ стражу и бѣжалъ.

Какъ же произошло, что дѣвушка стала его спасительницей, что Вилибальдъ не *увидалъ* отца и не *говорилъ* съ нимъ? Одинъ брошенный *взглядъ* на него, одно *слово* съ нимъ сдѣлали бы его неспособнымъ выручить 12 спящихъ дѣвъ. Дѣло въ томъ, что дѣвушкѣ во снѣ явился старецъ, научившій ее спасти юношу. Отправившись съ факеломъ въ рукѣ къ заключенному, она и дорогой встрѣтила того же старца, который обѣщался защитить ее. Въ темницѣ, при видѣ Вилибальда, она снова сдѣлала попытку уговорить его остаться, но онъ ото всего твердо отказался. Тогда открыла она ему свой планъ его спасенія. Сначала онъ не соглашался на ея предложеніе, но она разсказала ему о старцѣ; въ то же время услышалъ онъ вдали громкій и жалобный звонъ колокольчиковъ (Т. I. стр. 191). Онъ рѣшился переодѣться и бѣжать.

Атаманъ разбойниковъ, отецъ Вилибальда, увидалъ себя внезапно обманутымъ въ своихъ ожиданіяхъ, и судьбу дочери своей въ рукахъ разъяренной толпы. Спасти ее не было возможности.

Законъ неумолимъ: рѣшено казнить ее. Въ ту же минуту вся пещера освѣщается яркимъ свѣтомъ; среди всѣхъ появляется старецъ. На плечахъ его длинная темная мантія, вокругъ головы такое сіяніе, что присутствующіе не выносятъ его блеска. Онъ подходитъ къ дрожащей и плачущей дѣвушкѣ и, покрывъ своей мантіей, беретъ ее подъ свою защиту. Родители благословляютъ его. Толпа падаетъ на колѣни и беретъ назадъ свое рѣшеніе. Старецъ уговариваетъ ихъ не покидать пути мирнаго труда, ими избраннаго. Отцу онъ подтверждаетъ, что это дѣйствительно былъ его сынъ, но что онъ долженъ свершить великія дѣла, къ которымъ и спѣшитъ теперь.

Старецъ изчезъ. На мѣстѣ, гдѣ онъ явился, впослѣдствіи выстроили часовню и въ ней помѣстили его изображеніе.

Между тѣмъ Вилибальдъ, быстро слѣдуя за колокольчиками, взошелъ на высокую гору и увидѣлъ при свѣтѣ луны здѣсь своего коня и собаку. На конѣ лежалъ узелъ и въ немъ латы, мечъ и щитъ. Съ радостью онъ переодѣлся, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ дальше. Два дня ѣхалъ онъ лѣсной чащей. Оруженосцы служили ему и приносили пищу. Вилибальдъ рѣшился слѣдовать только за колокольчиками, ничего не видѣть и не слышать. На третій день утромъ выѣхалъ онъ на дорогу; лѣсъ сталъ рѣдѣть, и вскорѣ передъ нимъ открылся далекій, прекрасный видъ. Дорога расходилась на три стороны. Колокольчики звали его налѣво, но онъ увидалъ направо пламя и высоко подымающійся дымъ, слышалъ тамъ страшные вопли. Забывъ обо всемъ, онъ бросился къ горящему замку. Передъ нимъ на землѣ стонали и бились въ отчаяніи старый рыцарь и жена его: ихъ единственная дочь находилась въ замкѣ, охваченномъ огнемъ; она стояла у окна и молила о помощи; никто не рѣшался помочь ей. Вокругъ нея свирѣпствовало пламя. Поднятая со сна пожаромъ, Гедвига (такъ звали несчастную дѣвушку) не успѣла получить помощи и полураздѣтая бросилась къ окну. Вилибальдъ схватилъ ее и понесъ среди падающихъ балокъ. Въ страхѣ обвила она руками его шею; е я о б н а ж е н н а я г р у д ь к а с а л а с ь л и ц а и у с т ъ е г о (Т. I. стр. 204), сердце ея билось сильно близъ его груди. Онъ передалъ

ее родителямъ и скромно отвратилъ взоры отъ полунагой дѣвушки, которая стремилась выразить свою благодарность, удивленіе его храбрости и восторгъ свой. Тутъ только замѣтила она свое состояніе и скрыла пылающее лицо на груди матери. Всѣ отходятъ отъ нихъ въ уваженіи къ ея смущенію, а родители уводятъ ее. Никогда еще не волновали Вилибальда подобныя чувства. Тяжело дышалъ онъ и поспѣшилъ удалиться, отыскивая покоя. У воротъ встрѣтилъ онъ коня своего; чистый воздухъ освѣжилъ его, и онъ поѣхалъ далѣе. Но смущеніе не оставляло его душу. Образъ Гедвиги являлся его воображенію; онъ вновь переживалъ минуты страшной опасности, живо чувствуя прикосновеніе рукъ Гедвиги, обвившихъ его шею. Онъ думалъ о томъ, какъ счастливъ будетъ тотъ рыцарь, женою котораго станетъ Гедвига. Безъ вниманія къ колокольчикамъ, поѣхалъ онъ совсѣмъ въ другую сторону. Отецъ Гедвиги нагоняетъ его, хочетъ вернуть, предлагаетъ ему руку дочери (Т. I, стр. 213) и все имѣніе. Но Вилибальдъ отказывается отъ всего, и старикъ уѣзжаетъ назадъ. Когда Вилибальдъ расположился на отдыхъ, сама Гедвига нагоняетъ его, упрашиваетъ вернуться хоть на три дня, падаетъ передъ нимъ на колѣни. Онъ уступаетъ ея просьбамъ. По истеченіи трехъ дней, она снова высказываетъ ему любовь свою, старается склонить его остаться, и онъ уже готовъ былъ уступить ея просьбамъ, какъ вдругъ случай прерываетъ ихъ бесѣду. Дѣвушку отзываютъ къ внезапно заболѣвшей матери. Онъ встрѣчаетъ своихъ оруженосцевъ, и они убѣждаютъ его ѣхать. Дорогой встрѣчаетъ онъ всадниковъ, ищущихъ его, чтобъ отвести къ герцогу Леопольду, брату императора Фридриха. Онъ хочетъ благодарить Вилибальда за попытку спасти императора и предложить ему теперь спасти его изъ Трауснецкой крѣпости среди неприступныхъ скалъ. Все войско ждетъ его. Послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, Вилибальдъ соглашается. Герцогъ и войско въ восторгѣ. Попытка завладѣть крѣпостью и освободить императора совсѣмъ было удалась ему, но собака Вилибальда его выдала. Его схватываютъ и заключаютъ въ темницу. Когда ему было свободно ходить по крѣпости, онъ увидался съ императоромъ. Дочь начальника замка Анна полюбила его и

облегчаетъ его участь. Она высказываетъ ему свою любовь, но онъ твердъ и обѣщается ее любить, какъ братъ сестру. Его переводятъ въ другую крѣпость, гдѣ три дѣвушки стараются возбудить любовь его, но все напрасно. Анна пріѣзжаетъ сюда и даетъ ему возможность бѣжать, еще разъ взывая къ любви его, но онъ остается твердъ. Дѣвушка вскорѣ умираетъ.

Во второмъ томѣ романа (стр. 1—330) продолжается описаніе приключеній Вильбальда. Встрѣтивъ оруженосцевъ съ своимъ конемъ, ѣдетъ онъ далѣе. Подъѣзжая черезъ три дня къ одному замку, онъ вдругъ услышалъ позади себя звонъ колокольчиковъ, старающійся вернуть его назадъ. Но было уже поздно. Его встрѣтилъ почтенный рыцарь, который привѣтствовалъ его, какъ избавителя двухъ спящихъ дочерей своихъ, и объясняетъ ему, что о немъ возвѣстилъ старецъ въ темной мантіи. Вилибальдъ отвѣчаетъ, что его ждутъ 12 спящихъ дѣвъ, а не двѣ. Рыцарь въ отчаяніи; онъ объявляетъ, что его дочерямъ предстоитъ смерть, если онъ не спасетъ ихъ, и разсказываетъ исторію своего рода. Вилибальдъ слѣдуетъ за нимъ и поцѣлуемъ будитъ его дочерей. Всѣ средства испытываютъ онѣ, чтобы овладѣть имъ; отецъ отдаетъ ему все свое состояніе. Вилибальдъ уже выбралъ одну изъ дочерей себѣ въ жены, какъ внезапно въ сновидѣніи узнаетъ объ ихъ притворствѣ, о томъ, что обѣ въ связи съ другими рыцарями. Онъ обличаетъ ихъ поведеніе передъ отцомъ и уѣзжаетъ. Оруженосцы его вдругъ мѣняютъ свой характеръ. Они разсказываютъ ему о чудной красавицѣ Гуттѣ, тѣснимой старымъ развратникомъ Гильбертомъ (мужемъ его матери). Ея замокъ окруженъ его войскомъ. Вилибальдъ снова не слушаетъ звона колокольчиковъ, мчится туда и убиваетъ Гильберта. Гутта встрѣчаетъ его восторженно. Онъ живетъ у ней въ замкѣ. Ея подданные желаютъ его брака съ ней; она горячо любитъ его; оруженосцы его уговариваютъ, но въ окно онъ видитъ другихъ оруженосцевъ съ своимъ конемъ, манящихъ его къ себѣ. Тѣмъ не менѣе онъ думаетъ, что это навожденіе. Уже была назначена его свадьба съ Гуттой, какъ вдругъ наканунѣ ночью увозитъ ее другой рыцарь. Вилибальдъ въ отчаяніи преслѣдуетъ его, нагоняетъ и узнаетъ, что Гутта уже

въ монастырѣ, куда его не пускаютъ. Она укрылась здѣсь, чтобъ спастись отъ рыцаря, увезшаго ее, который, увидавъ ее въ одеждѣ монахини на стѣнѣ монастырской, въ отчаяніи бросился со скалы.

Третій томъ (стр. 1—316) начинается разсказомъ о поискахъ Гутты. Оруженосцы даютъ ему возможность проникнуть въ монастырь подъ видомъ садовника. Нѣсколько монахинь приготовляютъ ему бѣгство съ Гуттой, которая постричься еще не успѣла. Взглянувъ на Гутту, онъ видитъ совсѣмъ другія черты, отказывается отъ ея любви и сильно заболѣваетъ. Выздоровѣвъ, узнаетъ онъ, что Гутта умерла. Онъ уходитъ изъ монастыря, отыскиваетъ своихъ оруженосцевъ и ѣдетъ далѣе вслѣдъ за колокольчиками. Оказалось, что новые оруженосцы были даны ему сатаной, послѣ соглашенія съ старцемъ, но теперь старецъ заставляетъ сатану взять ихъ обратно, потому что они смущали сердце Вилибальда своими совѣтами, между тѣмъ какъ оруженосцы, данные старцемъ, вели себя безпристрастно. Вилибальдъ отправился далѣе, не забывая своей Гутты. Когда онъ остановился отдохнуть въ одной рощѣ, навожденіемъ сатаны представилось ему, что онъ встрѣтилъ мать свою; на смертномъ одрѣ разсказываетъ она свою исторію и убѣждаетъ Вилибальда жениться на ея воспитанницѣ. Все напрасно; образъ Гутты удерживаетъ его отъ этого. Онъ поѣхалъ далѣе и на третій день вечеромъ, привели его колокольчики къ старинному за́мку, стоящему въ неприступной чащѣ. Оруженосцы повели его лошадь. Со стѣнъ за́мка раздались радостные голоса дѣвъ; у самой стѣны стоялъ старецъ, простирая къ нему свои объятія. Вилибальдъ соскочилъ съ коня и приблизился къ нему съ почтеніемъ. «Привѣтствую тебя, юноша», сказалъ старецъ, «спаситель несчастныхъ, освободитель ожидающихъ! Войди въ за́мокъ, куда 600 лѣтъ не ступала ни одна человѣческая нога. Прими награду и пользуйся ею умѣренно! Будь мудръ и благочестивъ, и будешь счастливъ!» При этихъ словахъ камень превратился въ широкія ворота (Т. III, стр. 283), подъемный мостъ спустился, и Вилибальдъ вступилъ во дворъ. Прежде чѣмъ вести его далѣе, старецъ объясняетъ ему случившееся съ нимъ дорогою; разсказываетъ, какъ сатана старался свести его съ родителями,

что послѣднее свиданіе съ матерью было только хитростью сатаны, чтобы смутить его душу; объясняетъ ему, какъ все дурное, устроенное сатаной для погибели его, послужило по волѣ Божіей къ его благу. Теперь же пригласилъ онъ его войти въ замокъ и выбрать себѣ изъ всѣхъ дѣвъ одну въ супруги. Но Вилибальдъ не забылъ Гутту и усомнился въ успѣхѣ. Грустно всходилъ онъ по каменной лѣстницѣ. Торжественная тишина царствовала всюду. Передъ нимъ растворились двери большаго зала, и двѣнадцать юныхъ дѣвъ поспѣшили къ нему на встрѣчу съ кубками въ рукахъ, привѣтствуя его. Старикъ также былъ здѣсь. Онъ пригласилъ Вилибальда выбрать дѣву. Дѣвы были красоты необыкновенной, но ни одна не тронула его сердца. Вдругъ взоры его остановились на младшей. Онъ содрогнулся; передъ нимъ стояла Гутта. Горячо обнялъ онъ ее, и терялся въ догадкахъ. Старецъ объяснилъ ему, что когда козни сатаны привели его къ Гуттѣ, то старецъ поспѣшилъ придать ей черты этой дѣвы, а послѣ, въ монастырѣ, она предстала передъ нимъ такою, какою была дѣйствительно, теперь же онъ видитъ предъ собою черты той Гутты, которую, любилъ не видавши. Вилибальдъ женится на этой младшей дѣвѣ; остальныя одиннадцать уходятъ въ монастырь. Онъ ѣдетъ съ женою и съ всадниками своими къ отцу въ темный лѣсъ, гдѣ и остается жить. Когда родился первый его сынъ, онъ отправляется въ Мюнхенъ къ императору Фридриху просить этотъ лѣсъ себѣ въ ленъ и получаетъ его. Отецъ умираетъ. Вилибальдъ дѣлитъ ленъ между братьями и сестрами. У него родились 8 сыновей и 4 дочери. Супруги нѣжно любили другъ друга и умерли въ одинъ и тотъ же день, какъ того всегда желали.

ПРИЛОЖЕНІЕ VI.

ОБЗОРЪ «ФРОШМЕЙЗЕЛЕРА» РОЛЛЕНГАГЕНА.

Книга первая. Часть I. Первое знакомство Похитителя крошекъ (Bröseldieb), сына короля мышей, съ королемъ лягушекъ, Толстощекомъ (Bausback), и его дворомъ. Глава 1. Краткій обзоръ и содержаніе всей книги.—Глава 2. Знакомство Похитителя крошекъ, сына короля мышей, съ королемъ лягушекъ. — Глава 3. Похититель крошекъ хвалится своимъ родомъ и своей мудростью.—Глава 4. Похититель крошекъ хвалится своимъ мужествомъ, своею славою и своимъ значеніемъ.—Глава 5. Толстощекъ хвалитъ Похитителя крошекъ за то, что онъ стоитъ за честь своего мышинаго рода. — Главы 6, 7 и 8 содержатъ эпизодъ, въ которомъ Толстощекъ разсказываетъ, что̀ случилось съ товарищами Одиссея у Цирцеи. —Глава 9. Похититель крошекъ разсказываетъ, какъ городская мышь приходила въ гости къ полевой мыши.— Глава 10. Полевая мышь идетъ въ гости въ городъ.—Глава 11 О врагахъ лягушекъ.—Часть II. Объ опасностяхъ мышей и ихъ врагахъ, особенно о проворствѣ Мурлыки (Murner). Глава 1. Похититель крошекъ жалуется на мышеловки.—Глава 2. Похититель крошекъ объясняетъ, кто такой Мурлыка.—Глава 3. О томъ, какъ красная дѣвица стала кошкой.—Глава 4. Описаніе домоваго предвѣщателя. — Главы 5 — 25 содержатъ повѣствованія о Мурлыкѣ и Рейнеке изъ «Рейнеке Фуксъ». — Глава 26. Похититель крошекъ жалуется на ласку и на сокола и хвалитъ свое терпѣніе.

Книга вторая. Часть I. О перемѣнѣ правленія у лягушекъ и о томъ, какъ его устроить.—Глава 1. О перемѣнѣ правленія у лягушекъ.—Глава 2 и 4. О поповскихъ обманахъ у лягушекъ. — Глава 3. Возмущеніе лягушекъ противъ поповъ. — Глава 5. Совѣтъ Кривотолка (Krummrücker) не выбирать короля гордаго, малодушнаго или слишкомъ сильнаго и храбраго.—Глава 6. О томъ, что и благочестивые монархи могутъ быть совращены.—Часть II. О томъ, что народное правленіе худо, а правленіе нѣкоторыхъ знатныхъ и мудрыхъ господъ лучше. — Глава 1 — 3. О томъ, что правленіе королей опасно. — Главы 4 и 5. О томъ, что низкая чернь не слушаетъ добраго совѣта. — Глава 6. Совѣтъ птицъ, въ особенности соловья, жаворонка, аиста и дятла. — Глава 7. Совѣтъ д-ра Воробья.—Глава 9 и часть 8-й. Совѣтъ благочестивыхъ и мудрыхъ птицъ отвергается.—Глава 10. Горлица растерзана обезьянами за свой добрый совѣтъ.—Глава 11 показываетъ на другомъ примѣрѣ, «что напрасны старанія ввести порядокъ въ дѣла черни, если не вооружишься строгостію».—Глава 12. Опасно наказывать свободныхъ людей. — Глава 13. Свободные люди неохотно помогаютъ правленію; поэтому оно не можетъ стоять твердо.—Глава 14. Часто собираетъ чернь сходки безъ всякой причины.—Глава 15. Война безъ совѣта приноситъ большой вредъ.—Глава 16. Сѣдовласъ (Graukopf) приводитъ въ исполненіе то, что̀ сказано въ 15 главѣ. — Часть III. О томъ, что правленіе лучше всего въ рукахъ короля. Часть 1-й главы и глава 3. О томъ, что и въ тѣлѣ властвуетъ одинъ король.—Глава 4. О томъ, что господство стихій и членовъ въ тѣлѣ безъ короля не имѣетъ прочности.—Глава 5—7. Все предъидущее утомительно распространено здѣсь частію изреченіями, частію примѣрами и картинами.—Часть IV. О томъ, какъ удался лягушкамъ ихъ выборъ, и въ особенности о ихъ королѣ Чурбанѣ (Block-König).—Глава 1. Семь князей не могутъ согласиться въ выборѣ. — Глава 2. Лягушки просятъ Бога даровать имъ короля. — Глава III. Лягушки презираютъ короля.—Глава IV. Лягушки отказываются отъ Чурбана. — Глава V. Совѣтъ стариковъ осмѣянъ, и король свергнутъ.—Часть V. О правленіи аиста у лягушекъ.—

Глава 1. О томъ, какъ аистъ сталъ королемъ лягушекъ. — Глава 2. О томъ, какъ аистъ принялъ правленіе надъ лягушками и какъ сталъ дѣйствовать. — Глава 3. Земское право, данное аистомъ, и расправа его. — Главы 4 и 7. Лягушки обращаются къ старикамъ за совѣтомъ и избираютъ новаго короля.—Часть VI. Кончина Похитителя крошекъ. — Въ главѣ 1-й и 2-й говорится снова о Кусакѣ (Beisskopf). Онѣ полны намековъ на современное автору положеніе, отчего принадлежатъ болѣе исторіи, нежели баснѣ.—Глава 3. Король лягушекъ зоветъ къ себѣ въ гости короля мышей.—Главы 4 и 5. О жалкой кончинѣ Похитителя крошекъ.

Книга Третья. Часть I. О томъ, какъ король мышей хочетъ отомстить за смерть сына войной, и какъ лягушки готовятся защищаться.—Глава 1. О томъ, какъ была открыта смерть Похитителя крошекъ, и какъ составляется совѣтъ о войнѣ. — Глава 2. Король мышей объясняетъ, для чего онъ собралъ мышей. Главы 3 и 4. «Совѣтникъ» (Rathhülfer) даетъ совѣтъ, какихъ помощниковъ могутъ найти себѣ мыши.—Глава 5. Князь «Мѣшокъ рисовой муки» (Reismehlsack) предостерегаетъ отъ помощи чужихъ народовъ въ войнѣ. Глава 6. Лошадь «Щеголь» (Pranger) споритъ съ оленемъ «Рогачомъ» (Hornung).—Глава 7 предостерегаетъ отъ помощи летучей мыши и аиста.—Глава 8 говоритъ о единствѣ дѣйствія. — Глава 9 содержитъ различные эпизоды. — Глава 10. Князь «Скороспѣлка» (Vorklug) совѣтуетъ ничего не предпринимать не обдумавши и не спѣшить.—Глава 11. «Миролюбъ» (Friedlieb) отсовѣтываетъ войну.—«Сливколизъ» (Milchrahmlecker) выбираетъ вмѣсто мира войну, и король соглашается съ нимъ.—Глава 13. О томъ, какъ лягушкамъ объявляется война, и какъ онѣ совѣщаются.—Глава 14. Квадрадъ (Quadrad) противъ войны.—Глава 15. Ватарахъ противъ битвы и за осаду. — Глава 16. Мордахъ хочетъ битвы.—Глава 17. «Рана» совѣтуетъ не принимать чужой помощи. — Часть II. Объ обоихъ войскахъ и о чудныхъ вооруженіяхъ и орденахъ лягушекъ и мышей.—Глава 1. О вооруженіи мышей.—Глава 2. О боевомъ порядкѣ и о Совѣтѣ мышей.—Глава 3. Появленіе Миролюба.—Глава 4. О вооруженіи кораблей у мышей. — Глава 5. Разнообразное вооруженіе

лягушекъ.—Глава 6. Боевой порядокъ лягушекъ.—Глава 7. Шпіонство мышей и лягушекъ. — Часть III. О страшной кровавой битвѣ мышей и лягушекъ.—Глава 1. Совѣтъ духовъ горъ и водъ объ этой войнѣ.—Глава 2. Молитва мышей и лягушекъ и воззваніе къ воинамъ.—Глава 3. Предложеніе короля мышей лягушкамъ и ихъ королю.—Глава 4. О томъ, какъ встрѣтились мыши и лягушки. — Глава 5. Какъ удалось «Яблокопробу» (Apfelschmack) его мореплаваніе. — Глава 6. О томъ, какъ король мышей былъ окруженъ.—Глава 7. О томъ, какъ Миролюбъ повелъ своихъ и освободилъ короля. — Глава 8. О томъ, какъ войска снова пошли другъ противъ друга.—Глава 9. О томъ, какъ оба короля вышли на поединокъ. — Глава 10. О томъ, какъ побѣждаются остальныя лягушки.—Глава 11. Походъ раковъ противъ мышей.—Глава 12. Нападеніе жуковъ на бѣглецовъ-мышей.

Стихотвореніе В. А. Жуковскаго на рожденіе Е. А. Воейковой.

Здравствуй, новый гость земной!
Ко счастью в мiр тебя вступаешь!
И в восторгах наших тебя
Небо благословляет!

За лирою все в слезах!
Мать дитя прижала к сердцу!
Отец нем, безмолвный смотрит
В восхищении отрадном!

Вокруг все тихо — все для нас
Полны жизни и надежды;
Твой раздался первый глас;
И творец услышал твой.....

Мать чудесно в восторге взирает
Упоительно небо предвечное,
И спокойно с небесами
День пророждающий тебя!

Ободрися! В добрый час
Полной жизни поспешай!
Небеса — для нас!
А над нами наш хранитель!

26 Іюля 1815.

Фотолитографія художника М. Панова Москва

ПРИЛОЖЕНІЕ VII.

СТИХОТВОРЕНІЕ В. А. ЖУКОВСКАГО НА РОЖДЕНІЕ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ВОЕЙКОВОЙ

(старшей дочери Александры Андреевны) [1].

Здравствуй новый гость земной!
Къ счастью въ міръ тебя встрѣчаемъ!
И въ восторгѣ надъ тобой
Небеса благословляемъ!

За минуту все въ слезахъ!
Мать растерзана страданьемъ!
Близъ нея безмолвный страхъ
Съ безнадежнымъ ожиданьемъ!

Вдругъ все тихо—все для насъ
Полно жизни и надежды;
Твой раздался первый гласъ;
И твои раскрылись вѣжди!....

Тамъ грядетъ съ востока къ намъ
Утро, гость небесъ прекрасный,
И спокойнымъ небесамъ
День пророчествуетъ ясный!

Ободримся! въ добрый часъ
Новый жизни посѣтитель!
Небеса его — для насъ!
А надъ нами нашъ хранитель!

26 іюня 1815 г.

[1]) Стихотвореніе это, являющееся въ печати впервые, доставлено намъ Екатериною Ивановною Елагиной. Прилагаемъ снимокъ съ автографа.

ПРИЛОЖЕНІЕ VIII.

ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ П. В. НАЩОКИНУ. [1])

Для меня было и весьма пріятно и весьма огорчительно получить письмо ваше, любезнѣйшій Павелъ Вонновичъ. Пріятно потому, что оно отъ васъ и что изъ него я увидалъ, что вы сохранили мнѣ ваше дружеское благоволеніе. Огорчительно же, и очень огорчительно тѣмъ, что я не вижу никакой возможности исполнить просьбу вашу, которую бы я исполнилъ съ двойнымъ усердіемъ, вопервыхъ потому, что мнѣ было бы весьма радостно васъ порадовать, вовторыхъ и потому, что ваше письмо возбудило во мнѣ живое участіе къ судьбѣ Рахманова. Въ доказательство всего этого приведу то, что я, тотчасъ по прочтеніи вашего письма, началъ письмо къ В. К. и все, что надобно было сказать отъ себя, уже высказалъ письменно и именно эта самая попытка исполнить ваше желаніе убѣдила меня, что я не могу исполнить его. Вы говорите: «что бы спасти Рахманова отъ совершеннаго раззоренія, въ «которое будетъ ввергнутъ и онъ и все его семейство требованіями заимодавцевъ, которые хотятъ чтобъ его долги были немедленно уплачены надобно испросить у В. К. наслѣдника милости принять Рахманова въ свою свиту».

[1]) Конецъ этого письма, сообщеннаго намъ Вѣрою Александровною Нащокиною, здѣсь прилагается въ фотолитографическомъ снимкѣ

изъ письма Жуковскаго къ П. В. Нащокину.

- ....(*О себѣ вамъ не могу сказать*).

ИЗЪ ПИСЬМА ЖУКОВСКАГО КЪ П. В. НАЩОКИНУ

.... (*О себѣ вамъ не могу сказать*)

много добра; напишешь; я
приковыв къ чужой земли,
(которой свѣдѣ того еще и Суки-
тическая) мнѣтою дѣлать, долгій
моей жизни. Да и самой я
совершенно порядокъ моей в Вер-
шаву Хворіо; теперь стало лучше
Мои литературныя подвиги вамъ
должны быть извѣстны болѣе отъ
чужихъ. Не думай, что я оси
воздухъ тамъ нигдѣ отвѣтный
на Руси: я напечатывалъ
дочери Экземплярѣ (для раздачи
лишь соотечественникамъ друзьямъ
и знакомцамъ) Одиссею и Руслана
которыя мнѣ самому кажутся
лучшимъ изъ всего, что мнѣ сдѣ-
чилось написать на дулаетъ пере-
мѣнилъ — почти не обращаю не

сказал мне, что получил свой
экземпляр; Если тебе нравится
и интересовать, что это прочтешь
вырезать я и не дам чтобы
отъ чего отъ тебя
отъ (слово это не нужно) ра-
бочая часть одиссеи; а дай
ко свадьбе поэзию сердечную,
мысли и словом — этаж вы
довольно. — Прощай, любез-
ный Гаевая Вольность;
я буду всем очарован, если
ты напишешь слова два написанные
в ответ на это письмо

Преданный вам

6/18 Декабря
1849.

Ваде-Вадс. Тайтон Kleinmann

Фотолитографія художника М.Панова Москва.

Такой смыслъ вашей просьбы. Когда я попробовалъ ее выразить въ письмѣ своемъ къ В. К. я убѣдился что представлять ее ему и не должно и безполезно. Первый вопросъ: почему принятіе въ свиту В. Князя можетъ избавить Р. отъ уплаты долговъ? Пускай его заимодавцы бездѣльники— но долгъ, огражденный закономъ, все долгъ: отъ уплаты долга ничто избавить не можетъ. И менѣе нежели что нибудь покровительство В. К., который долженъ быть подпорою, а не сокрушителемъ законности. Чтобы избавить себя отъ уплаты долга, плутнями заимодавцевъ увеличеннаго, надобно дока(за)ть эти плутни; пока они не доказаны, долгъ остается святынею. Всѣмъ сердцемъ сожалѣю, что Р. сдѣлался жертвой плутней; но тѣмъ средствомъ спасти его, какое вы предлагаете, нахожу совершенно невозможнымъ.

Къ этому долженъ прибавить другое, еще болѣе убѣждающее въ невозможности просьбы; вы сами пишите, что Рахмановъ именно за то, что такъ много задолжалъ, лишенъ производства по службѣ—какъ же можно вообразить что бы ему по этой самой службѣ, оказано было такое отличіе, которое оказывается весьма немногимъ и чтобы оно было оказано именно по тому поводу по которому отнято у него производство. Здѣсь не одна произвольная милость, здѣсь дѣла службы. Вел. Князь не можетъ не быть строго разборчивъ въ дарованіи такихъ отличій, которыя впрочемъ и не отъ него зависятъ ибо здѣсь и назначаетъ и рѣшитъ одинъ Государь Согласитесь же сами, что бѣдному Р. несчастіе, навлеченное имъ на себя собственной неосторожностью, не только не даетъ права на такое отличіе, но совершенно препятствуетъ получить его, препятствуетъ даже и тогда, когда бы В. К. тронутый его бѣдствіемъ, самъ пожелалъ помочь ему. Въ письмѣ, которое я началъ писать, но которое оставилъ не дописаннымъ и теперь уничтожилъ, было между прочимъ сказано: «величайшія бѣдствія, «которыя постигаютъ человѣка, — суть тѣ, которыя произведены «его собственною виною: они часто разрушаютъ всю здѣшнюю «жизнь и нерѣдко губятъ и будущую. Счастливъ тотъ, кто имѣетъ «возможность въ такой житейской бурѣ, кинуть своему утопаю«щему брату доску спасенія и кто не откажется взять на себя трудъ

«ее кинуть». — Такъ, это правда, кинь доску спасенія. Но той доской, которую вы хотите, чтобы В. К. кинулъ нашему бѣдному, борящемуся съ бурею, онъ кинуть не можетъ; она ему не принадлежитъ. Она принадлежитъ его достоинству, его высшему долгу, которыми онъ ни для чего жертвовать не долженъ и я не могу никакъ взять на себя вызвать его на такое пожертвованіе; да онъ и не можетъ принять моего вызова; я только навлеку на себя упрекъ отъ него, что доставилъ ему непріятную необходимость отказать моей просьбѣ.

Жаль мнѣ, очень жаль, что я въ такомъ смыслѣ долженъ былъ отвѣтить на ваше любезное письмо, тѣмъ болѣе жаль, что вашимъ обращеніемъ ко мнѣ вы изъявили ваше прежнее доброе ко мнѣ расположеніе. Я увѣренъ, что вы согласно со мною сами увидите что причины моего отказа совершенно основательны и конечно не обвините меня въ недостаткѣ доброй воли оказать вамъ услугу.

О себѣ вамъ не могу сказать ничего добраго; напротивъ; я прикованъ къ чужой землѣ, (которая сверхъ того еще вулканическая) тяжолою цѣпью, болѣзнію моей жены. Да и самъ я со времени поѣздки моей въ Варшаву хвораю; теперь стало лучше. Мои литтературные подвиги вамъ должны быть извѣстны хотя отъ части. Не думаю, что бы они возбудили какія нибудь впечатлѣнія на Руси: я напечаталъ до ста экземпляровъ (для раздачи моимъ соотечественнымъ друзьямъ и знакомцамъ) Одиссеи и Рустема которые мнѣ самому кажутъ лучшимъ изъ всего, что мнѣ случилось намарать на бумагѣ перомъ моимъ — почти ни одинъ не сказалъ мнѣ даже что получилъ свой экземпляръ; Если такъ пріятели и литтераторы, — что же просто чита(те)ли? впрочемъ я и не для участія отъ кого бы то ни было (сколь оно ни пріятно) работаю надъ Одиссеею; я пожилъ съ святою поэзіею сердцемъ, мыслію и словомъ—этого весьма довольно. —Простите, любезнѣйшій Павелъ Воиновичъ; я буду весьма обрадованъ, если вы ко мнѣ слова два напишите въ отвѣтъ на это письмо.

Преданный Вамъ
Жуковскій.

6—18 декабря 1849.
Bade-Bade Maison Kleinmann.

ПРИЛОЖЕНІЕ IX.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ОДИССЕѢ ВЪ ПЕРЕВОДѢ ЖУКОВСКАГО.

Геніальныя поэмы Гомера могли быть только плодомъ долгаго предшествовавшаго развитія.

Гомеръ—не простонародный эпическій пѣвецъ; съ его именемъ, очевидно, связанъ великій поворотъ отъ народной пѣсни къ обширному и сложному эпосу. Притомъ Гомеръ – всемірный геній, о которомъ еще въ старину Діонъ Хризостомъ сказалъ: «Гомеръ даетъ мальчику, мужу и старцу столько, сколько каждый взять можетъ».—Въ новѣйшей книгѣ «О происхожденіи гомеровскихъ поэмъ» (Über den Ursprung der Homerischen Gedichte. Wien. 1881) Боницъ говоритъ: «Простодушіе, сила естественной страсти, наглядность въ представленіи каждаго внѣшняго обстоятельства, каждаго психическаго движенія, все это выдержано у Гомера въ той разумной мѣрѣ, которую слѣдуетъ считать счастливою принадлежностью эллинскаго духа; эти характерныя черты гомеровскихъ поэмъ составили какъ бы канонъ естественной правды, съ которымъ должно сообразоваться всякое поэтическое творчество. Въ самомъ дѣлѣ, выражаясь словами Гете, «Гомеръ представляетъ — бытіе (Existenz), мы обыкновенно—эффектъ (Effect); онъ рисуетъ ужасное, мы—ужасно; онъ—прекрасное, мы—прекрасно». Когда Лессингъ сравниваетъ средства изображенія поэзіи со средствами другихъ искусствъ, то нормы поэзіи онъ находитъ преимущественно

въ Гомерѣ, котораго естественной правдѣ онъ довѣряетъ, какъ самой природѣ. «Никакой поэтъ нашего времени и нашего народа», говоритъ онъ, не подходитъ такъ близко къ той объективности, какую видимъ у Гёте, который указалъ такъ мѣтко контрастъ гомеровой поэзіи съ новою; и однако самъ Гёте оставилъ свою любимую тему о Навзикаѣ, потому что Гомеръ, по словамъ Гёте, уже изчерпалъ въ этой темѣ интересные мотивы» (Ueber d. Urspr. d. H. G. S. 4).

Отсюда ясно, какъ труденъ долженъ быть переводъ Гомера. Не легко новѣйшему переводчику проникнуться этимъ живымъ эллинскимъ простодушіемъ, а еще пожалуй труднѣе найти въ новѣйшемъ языкѣ соотвѣтственныя формы для обилія его языка и оригинальныхъ его эпитетовъ. Вотъ что говоритъ о переводахъ Гомера Магаффи въ своей исторіи классическаго періода греческой литературы: (стр. 39). «Литература переводовъ Гомера сдѣлалась теперь предметомъ особаго изученія, какъ это можно видѣть въ Германіи изъ боннской программы Бернайса (1850), разбиравшаго ранніе латинскіе переводы, а также изъ Versiones Anglicae inter se comparatae Пепона (1861), между тѣмъ какъ Генкель изучалъ англійскіе переводы, а Мюллеръ — нѣмецкіе; мы имѣемъ наконецъ и оксфордскія лекціи Арнольда *о способахъ перевода Гомера* (1861). Какъ уже прекрасно высказано послѣдними и, быть можетъ, лучшими переводчиками Одиссеи, Ботгеромъ и Лангомъ (1870), каждая эпоха имѣетъ свою точку зрѣнія на эти безсмертныя поэмы.—Мы не можемъ разсчитывать на то, что какой нибудь переводъ будетъ наконецъ послѣднимъ, и пока изучаются греческія произведенія и читаются безсмертныя поэмы Гомера, безконечное число рукъ повторятъ все тотъ же, вѣчно привлекательный, но никогда вполнѣ не удовлетворяющій опытъ».

Жуковскій не первый далъ намъ опытъ перевода Одиссеи: не говоря о прозаическомъ переводѣ Мартынова, на этой поэмѣ пробовалъ силы свои уже въ гекзаметрѣ И. А. Крыловъ. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ П. Быстровъ [1]) въ «Сѣверной Пчелѣ» 1845 года:

[1]) Сѣв. Пчела 1845 г. № 203. „Отрывки изъ записокъ моихъ объ Иванѣ Андреевичѣ Крыловѣ“.

«Говорятъ, что Иванъ Андреевичъ изучилъ греческій языкъ въ совершенствѣ и въ самое короткое время. Такъ, но къ этому надо прибавить, что Иванъ Андреевичъ началъ учиться по-гречески безъ грамматики, по Новому Завѣту, и скоро такъ успѣлъ, что въ состояніи былъ переводить классиковъ. Въ Геродота Иванъ Андреевичъ такъ сказать, влюбился, и предполагалъ также перевести его. Когда А. Н. Оленинъ изъявилъ свое намѣреніе издать въ свѣтъ, въ буквальномъ русскомъ переводѣ, Одиссею, съ рисунками греческихъ древностей, то Иванъ Андреевичъ, не прочь былъ отъ любимой мысли своего начальника-друга и перевелъ изъ этой поэмы, экзаметромъ, двадцать семь стиховъ первой пѣсни, вотъ какъ:

Мужа повѣдай мнѣ, Муза, хитраго, странствія многи,
Имъ понесенны, когда былъ священный Пергамъ исповергнутъ,
Много онъ видѣлъ градовъ и обычаевъ разныхъ народовъ;
Много, носясь по морямъ, претерпѣлъ сокрушеній сердечныхъ,
Пекшися всею душей о своемъ и друзей возвращеньѣ;
Но не спасъ онъ друзей и сподвижниковъ, сколько ни пекся,
Сами они отъ себя и своимъ безразсудствомъ погибли.
Буйные!—тучныхъ воловъ они высокаго солнца
Пожрали; онъ на вѣкъ обрекъ ихъ не видѣть отчизны.
Ты, богиня, и Діева дщерь, намъ все то повѣдай.
Всѣ ужъ иные, кого не постигла горькая гибель,
Въ домы свои возвратились, войны избѣжавши и моря.
Онъ лишь одинъ, по отчизнѣ тоскуя и вѣрной супругѣ,
Властью удержанъ былъ сильной, божественной нимфы Калипсы.
Въ утлыхъ прекрасныхъ пещерахъ—она съ нимъ узъ брачныхъ желала.
Годъ же когда совершился и новое лѣто настало,
Боги тогда присудили въ отчизну ему возвратиться
Въ область Итаку—и тутъ не избѣгли трудовъ и злосчастій
Онъ и дружина его; боги всѣ къ нему умилились.
Только Посейдонъ одинъ гнѣвенъ жестоко былъ къ Одиссею,
Мужу божественну, доколь не вступилъ онъ на землю.
Но тогда былъ Посейдонъ далеко въ странѣ Еѳіоповъ.
Два Еѳіопскихъ народа земли на концахъ обитаютъ:
Тамо, гдѣ солнце восходитъ, и тамъ, гдѣ солнце нисходитъ.
Жертвами тучныхъ воловъ и богатой стотельчною жертвой
Онъ отъ нихъ услаждался—боги же купно другіе
Были тогда на Олимпѣ, въ чертогахъ могущаго Дія».

По словамъ Крылова *экзаметръ ему не дался*. «Я не могу сладить съ этимъ Голіафомъ», говаривалъ иногда Иванъ Андреевичъ».

Не будучи знакомъ съ греческимъ языкомъ, Жуковскій переводилъ съ подстрочнаго нѣмецкаго перевода, сдѣланнаго для него Грасгофомъ [1]). «Изъ этого выходитъ нѣмецкая галиматья», пишетъ Жуковскій, [2]) «но эта галиматья даетъ мнѣ порядокъ словъ оригинала и его *буквальный* смыслъ; поэтическій же смыслъ даетъ мнѣ нѣмецкій переводъ Фосса и нѣсколько другихъ переводовъ въ прозѣ: одинъ нѣмецкій и два французскихъ и еще одинъ архиглупый (въ прозѣ). Изъ всего этого я *угадываю* истинный смыслъ греческаго оригинала и стараюсь наблюдать не только *вѣрность поэтическую*, что̀ главное—но и *вѣрность буквальную*, что̀ на нашемъ языкѣ довольно возможно съ помощью перестановокъ (inversion), которыя нашему языку свойственнѣе всѣхъ другихъ новыхъ языковъ».

Жуковскій вѣритъ въ возможность такого угадыванія духа поэтическаго произведенія. «Оригиналъ Одиссеи», пишетъ онъ, «въ гармоніи поэтическаго языка ея мнѣ не знакомъ. Я старался угадывать эту гармонію чутьемъ; но то же самое поэтическое чутье шепчетъ мнѣ, что я дѣйствительно угадалъ ее. Это же говорятъ мнѣ и тѣ, кто знаетъ дѣло и могутъ сравнивать съ подлинникомъ слѣпокъ [3]):

Трудъ Жуковскаго капитальный, и его переводъ Одиссеи остается до сихъ поръ лучшимъ русскимъ переводомъ. Нельзя при этомъ не вспомнить о праздномъ остроуміи Сенковскаго, написавшаго по поводу Одиссеи Жуковскаго большой фельетонъ о способѣ переводить Гомера.

Весельчакъ-Сенковскій желалъ простонароднаго перевода и замѣчалъ: «Стихъ русской Одиссеи—

Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло—

безспорно прекрасенъ; но я лично предпочитаю стихъ первобытной Одиссеи:

[1]) Профессоромъ греч. языка.
[2]) Письмо къ В. К. Константину Николаевичу. VI. 358.
[3]) Ibid. VI. 373.

Дитя мое! что это у тебя за рѣчь удрала изъ острога зубовъ?»

Не будемъ останавливаться на нелѣпостяхъ Сенковскаго; замѣтимъ только, что они все же имѣли результатъ въ тяжеломъ, простонародномъ переводѣ Гомера, сдѣланномъ въ пятидесятыхъ годахъ Ордынскимъ.

Насколько остался Жуковскій вѣренъ духу подлинника? При рѣшеніи этого вопроса намъ помогутъ размышленія самого Жуковскаго о переводѣ Гомера.

Въ своемъ письмѣ къ Кирѣевскому Жуковскій говоритъ: «Переводъ Гомера не можетъ быть похожъ ни на какой другой. Во всякомъ другомъ поэтѣ, не первобытномъ, а уже поэтѣ-художникѣ, встрѣчаемъ безпрестанно съ естественнымъ его вдохновеніемъ и работу искусства. Въ Гомерѣ этого искусства нѣтъ; онъ младенецъ, постигнувшій все небесное и земное и лепечущій объ этомъ на груди у своей кормилицы-природы. Переводя Гомера, не далеко уйдешь, если займешься формулою каждаго стиха отдѣльно, ибо у него нѣтъ отдѣльныхъ стиховъ, а есть потокъ ихъ, который надобно схватить весь, въ всей его полнотѣ и свѣтлости; надобно сберечь всякое слово и всякій эпитетъ, и въ то же время все частное забыть для цѣлаго; и въ выборѣ словъ надобно наблюдать особенную осторожность: часто самое поэтическое, живописное, заносчивое слово потому именно и негодно для Гомера; все имѣющее видъ новизны, затѣйливости нашего времени, все необыкновенное —здѣсь не у мѣста. Поэтъ нашего времени не можетъ писать языкомъ Гомера: будетъ кривлянье старой кокетки, которая хочетъ корчить 15-лѣтнюю прелестную дѣву».

«Сберечь всякое слово и въ то же время все частное забыть для цѣлаго» — вотъ чего требуетъ Жуковскій и что, несомнѣнно, долженъ имѣть въ виду переводчикъ Гомера. Однако эта задача оказалась невыполнимой: Жуковскій сократилъ языкъ Одиссеи, замѣняя полныя относительныя предложенія причастными, удаляя эпекзегезы и опуская союзы. Вслѣдствіе этихъ сокращеній утратился въ значительной мѣрѣ и самый духъ эпической поэмы, именно потерпѣли простодушіе и наивность, имѣвшія характеристич-

нымъ своимъ выразителемъ обиліе словъ. Для примѣра употребленія причастныхъ предложеній сличимъ отрывки изъ пѣсни V-й, 333—335 и 356—365.

У Гомера:

Его увидала дочь Кадма Левкотея, прекрасноногая Ино, которая прежде была смертной, одаренной человѣческимъ голосомъ, а теперь въ водахъ моря получила долю божеской почести.

«О, я несчастный! Не замыслилъ бы снова кто нибудь изъ безсмертныхъ противъ меня хитрости, такъ какъ приказываетъ мнѣ сойти съ плота. Но нѣтъ, теперь уже не послушаюсь, такъ какъ вдали видѣлъ землю, гдѣ, какъ она сказала мнѣ, для меня убѣжище. Но я сдѣлаю вотъ какъ, и это мнѣ кажется лучшимъ: пока балки твердо прикрѣплены къ связямъ, до тѣхъ поръ останусь тутъ и терпѣливо буду переносить страданія; но когда у меня волна разобьетъ плотъ, поплыву, такъ какъ невозможно выдумать ничего лучше».

У Жуковскаго:

Но Одиссея увидѣла Кадмова дочь Левкотея,
Нѣкогда смертная дѣва, привѣтнорѣчивая Ино,
Послѣ богиня, безсмертія честь воспріявшая въ морѣ.
Горе! не новую-ль хитрость замысливъ, желаетъ богиня
Гибель навлечь на меня, мнѣ совѣтуя плотъ мой оставить?
Нѣтъ, я того не исполню; не близокъ еще, я примѣтилъ.
Берегъ земли, гдѣ, сказала она, мнѣ спасеніе будетъ.
Ждать я намѣренъ до тѣхъ поръ, покуда еще невредимо
Судно мое, и шипами надежными связаны брусья;
Съ бурей сражаясь, но тѣхъ поръ съ него не сойду я.
Но, какъ скоро волненье могучее плотъ мой разрушитъ,
Брошуся вплавь: *я* иного теперь не придумаю средства.

Для примѣровъ удаленія эпекзегезы приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ I пѣсни:

У Гомера:

77: подумаемъ о возвращеніи, какъ ему (Одиссею) прійти.

87: Возвращеніе Одиссея, именно, чтобы онъ пришелъ.

300: отцеубійцу Эгиста, который убилъ своего отца.

У Жуковскаго:

Размыслимъ же вмѣстѣ, какъ бы отчизну ему возвратить.
Срокъ наступилъ возвратиться въ землю свою Одиссею.
Эгисту, которымъ былъ умерщвленъ его родитель.

Переходимъ къ эпитетамъ. Жуковскій говоритъ, что все, имѣющее видъ новизны, затѣйливости нашего времени, неумѣстно въ переводѣ Гомера. Но, руководясь желаніемъ точнаго перевода, не затѣйливые ли эпитеты придумалъ Жуковскій въ родѣ слѣдующихъ: *златотронная* Эосъ, *розоперстая* Эосъ, *привѣтнорѣчивая* богиня; *сердцеусладное* пѣнье, *многодарная* земля, *сладкотающій* медъ, *свѣтлокудрявая* Артемида, *звѣзднобезтучное* небо, *многотѣнная* роща, *дерзкообидный* поступокъ, *свѣтлобожественная* риза, *притворнообидная* рѣчь, *шумнонеистовый* сонмъ, *мѣдноланитный* шеломъ? Въ письмѣ Кирѣевскому Жуковскій говоритъ: «Я переводомъ (Одиссеи) доволенъ; онъ кажется мнѣ простѣе всѣхъ существующихъ: языкъ русскій, а не греческій, какъ у нѣмцевъ». Но не скорѣе ли можно назвать вышеприведенные эпитеты греческими, чѣмъ русскими?

Далѣе, въ томъ же письмѣ Жуковскій говоритъ: «Какое очарованіе въ этой работѣ (т. е. въ переводѣ Одиссеи), въ этомъ подслушиваніи рождающейся изъ пѣны морской Анадіомены, ибо она есть символъ гомеровой поэзіи, въ этомъ простодушіи слова, въ этой первобытности нравовъ, въ этой смѣси дикаго съ высокимъ, вдохновеннымъ и прелестнымъ, въ этой живописности безъ всякаго излишества, въ этой незатѣйливости выраженія, въ этой болтовнѣ часто излишней, но принадлежащей характеру безъискусственному, и въ особенности въ этой меланхоліи, которая нечувствительно, безъ вѣдома поэта, кипящаго и живущаго съ окружающимъ его міромъ, все проникаетъ, ибо эта меланхолія не есть дѣло фантазіи, созидающей произвольно грустныя, ни на чемъ не основанныя сѣтованія, а заключается въ самой природѣ вещей тогдашняго міра, въ которомъ все имѣло жизнь пластически могучую въ настоящемъ, но и все было ничтожно, ибо душа не имѣла за границей міра своего будущаго и улетала съ земли безжизненнымъ призракомъ, и вѣра въ безсмертіе, посреди этого кипѣнія жизни настоящей, никому не шептала своихъ великихъ, всеоживляющихъ утѣшеній».

Изъ этихъ словъ видно, съ какимъ наслажденіемъ Жуковскій занимался переводомъ Гомера. Но повсемѣстно замѣчаемъ у него прі-

емы, привычные поэту-романтику. Приведемъ для примѣра одно мѣсто изъ XXIV пѣсни Одиссеи (36—74 ст.).

У Гомера:

Блаженный сынъ Пелея, подобный богамъ Ахиллъ, ты, который умеръ въ Троѣ далеко отъ Аргоса! изъ за тебя было убито много благороднѣйшихъ сыновъ Ахейцевъ и Троянъ, сражавшихся около твоего тѣла, а ты лежалъ въ вихрѣ пыли огромный, на большомъ пространствѣ, забывъ о колесничныхъ битвахъ. А мы сражались цѣлый день и вовсе не прекратили бы битвы, еслибы Зевсъ не остановилъ насъ бурей.

Много горячихъ слезъ около тебя проливали Данайцы и рвали на себѣ волосы. А мать вышла изъ моря съ безсмертными морскими богинями, получивши извѣстіе; и поднялся надъ моремъ сильный крикъ, и трепетъ овладѣлъ всѣми Ахейцами. Тогда мы, взволнованные, побѣжали было къ глубокимъ кораблямъ, если бы тутъ не удержалъ насъ Несторъ, мужъ, познавшій и испытавшій многое; онъ, благоразумный, обратился къ намъ и сказалъ: «Удержитесь, Аргивяне; не бѣгите, Ахейскіе мужи! Это мать приходитъ изъ моря съ безсмертными морскими богинями, чтобы встрѣтить своего умершаго сына». Такъ сказалъ онъ, и мощные духомъ Ахейцы удержались отъ страха. И стали около тебя дочери морскаго старца, жалобно

У Жуковскаго:

Сынъ Пелеевъ, *избранникъ* боговъ, ты *завидно* былъ счастливъ;
Палъ далеко отъ Аргоса въ Троянской землѣ ты, но пало
Много тобой умерщвленныхъ Троянъ; вкругъ тебя и за трупъ твой
Бились Ахейцы славнѣйшіе; ты же подъ вихрями пыли
Тихій, огромный и *страшный*, лежалъ тамъ, забывъ колесничный
Бой; и день цѣлый мы билися всѣ за тебя, и конца бы
Не было битвѣ, когда-бы Зевесъ не развелъ насъ грозою...
Много рыдало
Вкругъ *бездыханнаго* трупа Ахеянъ,
Свои отъ печали волосы рвавшихъ,
И съ нимфами моря изъ *бездны глубокой*
Вышла *скорбящая* мать, и раздался ея несказанный
По морю крикъ: трепетаніе страха проникло Ахеянъ.
Всѣ всколебались, и всѣ-бъ къ кораблямъ убѣжали глубокимъ,
Если-бы ихъ не успѣлъ удержать многознающій старецъ
Несторъ, всегда подававшій совѣты разумные; полный
Мыслей благихъ, обратяся къ товарищамъ, такъ имъ сказалъ онъ:

плачущія, и одѣли тебя въ безсмертную одежду. А всѣ девять музъ попеременно пѣли жалобно прекраснымъ голосомъ. Тутъ ты никого не замѣтилъ бы изъ Аргивянъ не заплаканнаго: такъ понрясала ихъ звонкая муза. Семтадцать дней и столько же ночей оплакивали тебя безсмертные боги и смертные люди; на восемнадцатый мы предали тебя огню и около тебя много убили жирныхъ овецъ и быковъ кривоходящихъ. А сожигался ты въ одеждѣ боговъ, обильно покрытый мазью и сладкимъ медомъ. И многіе ахейскіе герои, конные и пѣшіе, мчались въ доспѣхахъ около костра сожигаемаго, и поднялся великій шумъ. Но когда пламя Гефеста уничтожило тебя, Ахиллъ, съ зарей мы положили твои бѣлыя кости въ цѣльное вино и масло, а мать дала золотую урну.

Стойте, Ахейцы! куда вы бѣжите, Аргивяне? что васъ
Такъ испугало? то съ нимфами моря изъ бездны глубокой
Скорбная мать подымается мертваго сына увидѣть.»
Такъ онъ сказалъ; ободрились ахейскіе мужи, и трупъ твой
Нимфы прекрасныя, дочери старца морей, окружили
Съ плачемъ, и *свѣтлобожественной* ризой его облачили;
Музы — всѣ девять — смѣняяся, голосомъ сладостнымъ пѣли
Гимнъ похоронный; никто изъ Аргивянъ съ сухими глазами
Слушать не могъ сладкопѣнія музъ, *врачевательницъ сердца;*
Цѣлыхъ семнадцать тамъ дней и ночей надъ тобой проливали
Горькія слезы безсмертные боги и смертные люди;
Но на осьмнадцатый день былъ огню ты торжественно преданъ;
Мелкаго много скота и быковъ криворогихъ убили
Въ почесть твою; и въ божественной ризѣ, помазанный сладкимъ
Медомъ и мазью душистою, былъ ты сожженъ, и Ахейцы,
Въ мѣдь облачась, у костра, на которомъ сгоралъ ты, кипѣли,
Конные, пѣшіе, въ быстрыхъ блестя колесницахъ; великій
Говоръ и шумъ былъ; когда же неистово пламя пожрало
Трупъ твой, съ восходомъ денницы мы собрали бѣлыя кости,
Чистымъ виномъ ихъ омыли, умастили мазью; златую
Урну дала *сокрушенная* мать.

Остановимся на «меланхоліи» Гомера, особенно очаровавшей Жуковскаго, какъ мы видѣли выше.

Въ своей статьѣ «О меланхоліи въ жизни и въ поэзіи» Жуковскій говоритъ: «Покажется парадоксомъ, если сказать, что меланхолія есть элементъ міра древняго, но оно такъ: я говорю *элементъ*, т. е. составъ, входящій въ образованіе внутренняго характера жизни древнихъ. Ихъ религія принадлежала тѣснымъ предѣламъ матеріальной жизни. Но въ замѣнъ земнымъ утратамъ религія ничего не представляла. Отецъ боговъ Юпитеръ самъ былъ великій развратникъ; утѣшить и подкрѣпить въ бѣдахъ онъ не былъ способенъ, принималъ экатомбы, но не могъ ничего противъ слѣпаго, безжалостнаго фатума. Всѣ сокровища были на землѣ; все заключалось въ земныхъ радостяхъ, и все съ ними изчезало. Итакъ естественно, что душа, ничего кромѣ сихъ измѣнчивыхъ благъ не имѣя, къ нимъ съ жадностію прилипала и предавалась ихъ цаслажденію, отвративъ глаза отъ Парки, во всякое время съ нимъ неразлучной.—Иногда какой нибудь Горацій,—но и тотъ только для того, чтобы подстрекнуть наслажденіе,—восклицалъ посреди этой суматохи:

Лови, лови летящій часъ!
Онъ, улетѣвъ, не возвратится!

Эти слова меланхолически высказываютъ печальную истину, но только для того, чтобы сильнѣе прилѣпить къ милому заблужденію, чтобы наложить новый блестящій покровъ на скелетъ жизни. Но этотъ скелетъ во всей своей отвратительности выскакивалъ изъ цвѣтовъ, набросанныхъ на него безпечностію, когда какой нибудь простодушный Гомеръ, совсѣмъ не мысля щеголять меланхолическими картинами, приводилъ своего Одиссея къ вратамъ Аида и заставлялъ тѣни умершихъ высказывать ему тайну жизни. Все это доказываетъ, что въ мірѣ древнемъ меланхолія, будучи печальнымъ, постояннымъ элементомъ самой жизни, потому именно не могла быть высказываема, а только временемъ бывала ощутительна въ ея внѣшнихъ явленіяхъ.

Само собою разумѣется, что такой меланхоліи у Гомера нѣтъ.

Почему же нашъ переводчикъ находилъ ее въ Одиссеѣ и такъ ею былъ очарованъ? И самъ онъ говоритъ, что она только временемъ ощущается въ Гомерѣ

Припомнимъ вышеприведенныя слова Діона Хризостома: «Гомеръ даетъ каждому столько, сколько онъ можетъ взять». Естественно, что въ такомъ неизчерпаемомъ источникѣ нашло себѣ пищу также и міросозерцаніе нашего романтика. Увидавъ живое изображеніе языческаго міра въ геніальныхъ поэмахъ Гомера, Жуковскій, настроенный религіозно и романтически, невольно долженъ былъ почувствовать одну изъ существенныхъ сторонъ языческаго духа— отсутствіе вѣры въ безсмертіе души. Пусть эта сторона не высказывается явно: по словамъ Гёте, Гомеръ изображаетъ намъ самое *бытіе* язычества, и нужно только извѣстное настроеніе и чутье, чтобы тотчасъ увидать ту сторону бытія, которая закрыта для глазъ другаго зрителя. Процессъ, какъ мы видимъ, тонкій и имѣющій отношеніе къ самой сущности міросозерцанія Жуковскаго; вотъ почему Жуковскій могъ отыскать «меланхолію» у Гомера. Сличимъ нѣкоторыя мѣста изъ XI пѣсни, той самой, о которой упоминаетъ Жуковскій въ статьѣ «О меланхоліи въ жизни и въ поэзіи» («какой нибудь простодушный Гомеръ заставляетъ прійти Одиссея въ Аидъ и пр.»).

У Гомера:	**У Жуковскаго:**
14 ст.: тутъ народъ и городъ Киммеріянъ, покрытыхъ туманомъ и облаками.	Тамъ Киммеріянъ *печальная* область, покрытая вѣчно влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ.
51—52: Первой пришла душа товарища Эльпенора, потому что онъ еще не былъ погребенъ подъ землей.	Прежде другихъ предо мною явилась душа Эльпенора: *бѣдный,* еще не зарытый, лежалъ на землѣ.
57—58: Эльпеноръ! какъ ты пришелъ въ мрачную страну? Пѣшій, ты опередилъ меня, ѣхавшаго на кораблѣ.	*Скоро же*, другъ Эльпеноръ, очутился ты въ царствѣ Аида! Пѣшій проворнѣе былъ ты, чѣмъ мы въ кораблѣ быстроходномъ.
171. Какой видъ печальной смерти погубилъ тебя?	Какою изъ Паркъ непреклонныхъ въ руки *на вѣкъ усыпляющей* смерти была предана ты?

209. Я сказалъ ей крылатое слово.	Ей, *сокрушенный*, я бросилъ крылатое слово.
387: пришла душа Агамемнона, скорбящая.	Тѣнь Агамемнона *тихо* и грустно вышла.
391: громко она плакала.	...*тяжко*, *глубоко вздохнулъ* онъ.
489: не утѣшай меня въ смерти!	Утѣшенія въ смерти мнѣ дать *не надѣйся*!
539: душа Ахиллесова пошла по лугу.	Душа Ахиллесова *тихо* пошла.
563—564: она (душа Аякса) ничего не отвѣтила и пошла къ другимъ душамъ.	Не отвѣтствовалъ онъ; за другими тѣнями *мрачно* пошелъ.

Жуковскій, сознавая все величіе и геніальность Гомера, отнюдь не имѣлъ въ виду перевода Одиссеи языкомъ простонароднымъ. Но онъ далъ переводу лирическую окраску. Вслѣдствіе этого эпосъ лишился значительной доли простодушія и наивности, столь характерныхъ въ Гомерѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ X.

ПАМЯТНИКЪ ЖУКОВСКОМУ ВЪ ПОРѢЧЬѢ

(Изъ Московскихъ Вѣдомостей 1853 г., № 57).

Спѣшимъ обнародовать прекрасное извѣстіе, которое порадуетъ всѣхъ чтителей незабвеннаго Жуковскаго.

Въ 130 верстахъ отъ Москвы, въ Можайскомъ уѣздѣ, въ селѣ Порѣчьѣ, которое пріобрѣло европейскую извѣстность по имени его владѣльца и по многимъ достопримѣчательнымъ предметамъ, украшающимъ его домъ, будетъ въ скоромъ времени поставленъ памятникъ Жуковскому.

Графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ покойному поэту. Еще въ первой порѣ молодости, вмѣстѣ со многими другими лицами, которыхъ имена принадлежатъ уже исторіи нашего государства или нашей литературы, они составляли литературный кружокъ, носившій шуточное названіе Арзамаса. Будущій историкъ русской литературы оцѣнитъ значеніе этого замѣчательнаго кружка, въ которомъ даровитые молодые люди, мѣшая шутку съ дѣломъ, плодотворно развивались и готовились къ различнымъ поприщамъ общественнаго служенія. Карамзинъ дорожилъ мнѣніемъ этихъ умовъ, кипѣвшихъ юною жизнью, но тѣмъ не менѣе взыскательныхъ и строгихъ. Послѣдніе томы своего великаго труда исторіографъ читалъ въ «Арзамасѣ» и внимательно прислушивался къ замѣчаніямъ и совѣтамъ своихъ цѣнителей. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдніе томы Ист. Госуд. Росс., отличающіеся такою зрѣлостію, такимъ совершенствомъ выраженія, лучшее изо всего, что вышло изъ подъ пера Карамзина, вѣроятно были не даромъ представляемы на судъ этой академіи, какъ самъ

Карамзинъ называлъ въ шутку этотъ кружокъ, гдѣ Жуковскій и Уваровъ сблизились и узнали другъ друга.

Жуковскій былъ въ первый разъ представленъ ко двору Уваровымъ. Въ одномъ еще неизвѣстномъ [1]) публикѣ письмѣ, поэтъ описываетъ свои впечатлѣнія при этомъ достопамятномъ событіи въ его жизни. Онъ имѣлъ тогда счастіе быть представленнымъ нынѣ благополучно Царствующему Государю Императору, Блаженной Памяти Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и Великому Князю Михаилу Павловичу. Можно не безъ основанія полагать, что эти минуты рѣшили судьбу Жуковскаго, и что ими положено было начало высокому призванію, ожидавшему его впослѣдствіи.

Теперь, когда для Жуковскаго настало потомство, графъ Уваровъ возъимѣлъ благородную мысль почтить умолкшаго поэта памятникомъ. Памятникъ, по мысли самого соорудителя, исполняется въ Москвѣ, подъ руководствомъ А. П. Брюллова, многими художниками, въ числѣ которыхъ можемъ назвать г. Камиіони.

Въ іюнѣ или іюлѣ сего года работы будутъ окончены, и памятникъ будетъ поставленъ на мѣстѣ, назначенномъ для него въ живописномъ Порѣчьѣ, въ прекрасномъ саду, окружающемъ домъ графа.

Это скромное торжество найдетъ себѣ, безъ сомнѣнія, отголосокъ вездѣ, гдѣ жива любовь къ русскому просвѣщенію, русскому слову, русскому поэту. Но особенно принадлежитъ оно Москвѣ и по мѣсту исполненія памятника, и по мѣсту, назначенному къ его принятію, почти подмосковному.

Мы не преминемъ сообщить публикѣ свѣдѣнія какъ о самомъ памятникѣ, такъ и торжествѣ его открытія, когда оно совершится. А теперь заключимъ приношеніемъ благодарности и достойной хвалы соорудителю памятника, который и въ уединеніи своего досуга, in otio, умѣетъ дѣйствовать для славы русскаго просвѣщенія.

---

[1]) См. гл. XV.

ПАМЯТНИКЪ ЖУКОВСКОМУ ВЪ СЕЛѢ ПОРѢЧЬѢ.

(Изъ Московскихъ Вѣдомостей 1853 г., № 106).

Всѣ почитатели Жуковскаго,—а кто изъ Русскихъ не почитатель народнаго поэта?—узнаютъ, конечно съ радостію, что памятникъ, воздвигаемый ему въ селѣ Порѣчьѣ, приведенъ къ концу, и что каждая часть онаго поставлена уже на своемъ мѣстѣ. Въ теченіе осени будутъ окончены и всѣ садовыя работы, принадлежащія къ памятнику. Мы увѣрены, что и краткое указаніе на подробности памятника будетъ принято съ благодарностію, и удостоится вниманія любителей русскаго слова.

Памятникъ поставленъ на возвышенномъ мѣстѣ, съ котораго обнимается взоромъ множество разнородныхъ предметовъ и лучшая часть Порѣцкаго парка. Въ началѣ аллеи, ведущей къ памятнику, видимъ чугунныя двери; входъ сей состоитъ изъ двухъ рѣшетчатыхъ створовъ въ граненыхъ столбахъ, увѣнчанныхъ лирами; по обѣимъ сторонамъ столбовъ идутъ дугообразные рѣшетчатые отводы, сколько служащіе поддержкою самыхъ растворовъ, столько и дополняющіе форму отдѣльно стоящаго входа. Тѣ же самыя части, какія мы видѣли въ чугунныхъ дверяхъ, повторяются, съ большею легкостію, и въ чугунной рѣшеткѣ, окружающей цвѣтникъ. Въ срединѣ онаго возвышается памятникъ, состоящій изъ усѣченной колонны дорическаго ордена съ ложками, поставленной на гранитномъ пьедесталѣ; стержень колонны изсѣченъ изъ темнаго Пиринейскаго мрамора съ желтыми жилами; на колоннѣ находится бронзовая лира со спущеннымъ до половины покрываломъ; вершину памятника осѣняетъ золотая звѣзда.

Рисунокъ этого памятника принадлежитъ А. П. Брюллову, обозрѣвшему въ прошедшемъ году всѣ подробности Порѣцкаго парка и указавшему мѣсто для памятника, а исполненіе онаго поручено было А. А. Мартынову, которому сверхъ того принадлежитъ и рисунокъ самаго входа. Работы мраморныя и бронзовыя исполнены въ мастерской г. Кампіони, въ Москвѣ, а чугунныя двери и рѣшетка отлиты на заводѣ княгини Бирбасовой. Такимъ образомъ на-

мятникъ Жуковскому пріобрѣтаетъ особое достоинство и тѣмъ, что надъ нимъ трудились одни русскіе художники.

Въ заключеніи сего краткаго очерка, мы ограничимся замѣчаніемъ объ отличительной чертѣ сего памятника: она состоитъ въ томъ, что изображаетъ не одну скорбь о потерѣ Жуковскаго, но въ то же время выражаетъ и общее благоговѣйное чувство къ его незабвенной дѣятельности. Мы тѣмъ болѣе имѣемъ права думать, что достигли до настоящей мысли устроителя, что здѣсь же, вблизи памятника, находимъ слѣдующіе стихи самого Жуковскаго, несомнѣнно относящіеся не столько къ утратѣ поэта, всѣми оплакиваемаго, сколько къ прекрасной его жизни:

О милыхъ спутникахъ, которые намъ свѣтъ
Своимъ присутствіемъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ,
Но съ благодарностію: были.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

От издателя..... I
Введеніе..... III.

I.

Первые годы дѣтства.—Жизнь въ домѣ Юшковой.—Дѣтскіе литературные опыты..... 1

II.

Поѣздка въ Петербургъ и Кексгольмъ.—Опредѣленіе въ Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ.—Характеръ этого училища.—Собраніе воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона.—Знакомство съ Тургеневыми.—Андрей Тургеневъ..... 8

III.

Знакомство съ нѣмецкою литературою.—Значеніе новаго поэтическаго языка.—Баллада.—Первыя русскія баллады Карамзина и Каменева.—Оссіанъ 28

IV.

Элегія «Сельское кладбище».—Характеръ поэзіи и поэтическая программа Жуковскаго..... 42

V.

Жуковскій и Мерзляковъ. — Ученіе племянницъ и самообученіе Жуковскаго.—Его участіе въ «Вѣстникѣ Евро-

ны».—Оптимизмъ его. Жуковскій—редакторъ «Вѣстника Европы» 50

VI.

«Людмила». Сличеніе ея съ подлинникомъ. Элегія «Вечеръ».—«Тоска по миломъ».—«Къ Нинѣ» 60

VII.

«Кассандра». — Связь этой баллады съ предъидущими произведеніями Жуковскаго 73

VIII.

«Громобой». Сличеніе его съ оригиналомъ 78

IX.

Жизнь въ собственной деревнѣ. — Планъ самообразованія. — «Эпимесидъ». — «Ивиковы журавли».—«Надпись къ солнечнымъ часамъ».—«Мечты.» — Любовь Жуковскаго.—«Имя гдѣ для тебя»? — «Жалоба». — «Узникъ къ мотыльку». — «Посланіе къ Батюшкову.» 113

X.

Взглядъ Жуковскаго на истинное назначеніе человѣка.—«Письмо изъ уѣзда» (1808.)—Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?» — «Теонъ и Эсхинъ,» — Семейный идеалъ Жуковскаго.—Отказъ Протасовой въ рукѣ дочери. 134

XI.

Отечественная война. — Бородино. — Патріотическія стихотворенія Жуковскаго: «Пѣснь барда» (1806) и «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ» (1812) 140

XII.

Напрасныя надежды Жуковскаго. — Воейковъ. — Его вмѣшательство въ семейныя отношенія Протасовыхъ.—Вторичный отказъ Жуковскому. — Жизнь въ Долбинѣ.—Долбинскія стихотворенія.—«Эльвина и Эдвинъ».—«Алина и Альсимъ».—«Эолова арфа» 154

XIII.

Взятіе Парижа. — Всеобщія хвалы Императору Александру I. – «Посланіе Александру I-му» Жуковскаго.... 167

XIV.

Появленіе Исторіи Государства Россійскаго. — Мысль Жуковскаго о поэмѣ «Владиміръ».—Жизнь его въ Дерптѣ.— Безотрадная пора въ жизни Жуковскаго. – Новый ударъ — Характеръ Жуковскаго и значеніе этого характера для русской поэзіи..... 176

XV.

Дерптскіе интересы Жуковскаго. – Приглашеніе его ко двору Императрицы Маріи Ѳеодоровны. – Литературный кругъ ея въ Павловскѣ.—Дерптская жизнь Жуковскаго.— Обязанность чтеца при И. Маріи Ѳеодоровнѣ..... 186

XVI.

Арзамасъ..... 194

XVII.

Характеръ Дерптскихъ стихотвореній.— Замыселъ поэмы «Владиміръ».—Лекціи Эверса младшаго.— Вадимъ..... 209

XVIII.

Назначеніе Жуковскаго преподавателемъ русскаго языка В. Кн. Александрѣ Ѳеодоровнѣ.—Пребываніе двора въ Москвѣ.—«Посланіе на рожденіе В. К. Александра Николаевича». — Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна.— «Для немногихъ». – Характеръ таланта Жуковскаго и его идеализмъ..... 223

XIX.

Молчаніе Жуковскаго. — Отношеніе Жуковскаго къ Батюшкову, Дашкову, Блудову, Карамзину и И. И. Дмитріеву..... 241

XX.

Поѣздка за границу. — Поэтическія развлеченія при прусскомъ дворѣ. — Лалла-Рукъ 248

XXI.

Поѣздка по Германіи и Швейцаріи. — Отношеніе Жуковскаго къ природѣ и искусству. — Рафаэлева Мадонна. — «Привидѣніе». — «Таинственный посѣтитель». — «Море» . . . 260

XXII.

Философскія ученія, послужившія источникомъ германскаго романтизма. — Фихте и его сочиненіе: «Назначеніе человѣка». — Шеллингъ. — Зольгеръ. 274

XXIII.

Людвигъ Тикъ. — Его характеръ. — Его взглядъ на искусство. — Посѣщеніе Жуковскимъ Тика. — Отношеніе Жуковскаго къ нѣмецкимъ романтикамъ 300

XXIV.

Жуковскій и Шиллеръ. — «Орлеанская дѣва». — «Шильонскій узникъ». — «Замокъ Смальгольмъ». — «Ценксъ и Гальціона» 307

XXV.

Жизнь въ С.-Петербургѣ. — Стихотворенія, вызванныя личностію В. К. Александры Ѳеодоровны. — Послѣднее свиданіе съ Марьей Андреевной. — Ея кончина. 317

XXVI.

Жуковскій — другъ и заступникъ юности. — Печальная судьба Батюшкова. — Кончина Императора Александра Павловича. — Присяга Императора Николая. — Печальная судьба Н. И. Тургенева. — Ходатайство Жуковскаго о немъ. — Жертва худаго воспитанія. — Баратынскій. — Ходатайство Жуковскаго за Н. Н. Шереметеву. — Взглядъ Жуковскаго на судьбу юныхъ преступниковъ. — Апологъ 329

XXVII.

Положеніе просвѣщенія въ Россіи въ концѣ царствованія Александра I.—Министръ Князь А. Н. Голицынъ и Фотій.—Магницкій.—Вступленіе на престолъ Николая I-го.. 343

XXVIII.

Русскія педагогическія силы при вступленіи на престолъ Императора Николая I.—Назначеніе Жуковскаго наставникомъ Наслѣдника престола.—Его отношеніе къ новой своей обязанности..... 347

XXIX.

Лѣченіе Жуковскаго за границей.—Переписка съ Императрицею Александрой Ѳеодоровной.—Характеръ этой переписки..... 357

XXX.

Приготовленія Жуковскаго къ новой обязанности.—Его заграничные знакомые.—Парижскія впечатлѣнія.—Взглядъ Жуковскаго на французскую жизнь и искусство.—Общій характеръ парижскихъ впечатлѣній..... 363

XXXI.

Спиритуалистическій идеализмъ Жуковскаго и его круга.—Переписка по поводу смерти г-жи Гизо и гр. Разумовской, болѣзни А. А. Воейковой и ея смерти—А. Ѳ. Воейковъ..... 375

XXXII.

Кончина Вдовствующей Императрицы.—«У гроба Императрицы Маріи Ѳеодоровны».—Жуковскій и Шиллеръ—«Поликратовъ перстень».—«Жалоба Цереры»..... 393

XXXIII.

Учебный планъ, составленный Жуковскимъ для обученія Великаго Князя Александра Николаевича..... 403

XXXIV.

Обученіе и воспитаніе В. К. Александра Николаевича. 420

XXXV.

Законоучитель Великаго Князя Александра Николаевича Г. П. Павскій 428

XXXIV.

Жуковскій въ трудахъ по наставничеству и въ досугѣ.—Борьба Митрополита Филарета съ Павскимъ..... 438

XXVII.

Жуковскій и Пушкинъ.—Сказки Жуковскаго..... 458

XXXVIII.

«Война мышей и лягушекъ» 469

XXXIX.

Третья поѣздка Жуковскаго за границу.—Лѣченіе.—Его «горная философія».—Уландъ, Жуковскій и Пушкинъ.—«Плаваніе Карла Великаго» 481

XL.

«Ундина» 494

XLI.

«Путеуказатель».—Путешествіе Государя Наслѣдника Цесаревича по Россіи.—Добрыя дѣла Жуковскаго: декабристы, Кольцовъ, Шевченко.—Поѣздка въ Бѣлевъ..... 507

XLII.

Возвращеніе въ Петербургъ.—Юбилей Крылова.—Четвертая поѣздка Жуковскаго за границу.—«Очерки Швеціи».—Смерть Іосифа Віельгорскаго..... 519

XLIII.

Свиданіе Жуковскаго съ Гоголемъ въ Римѣ и съ Тютчевымъ въ Генуѣ.—«Камоэнсъ» 527

XLVI.

Вторая жизнь Жуковскаго.—Его письмо о бракѣ . . . 537

XLV.

Послѣднее посѣщеніе Жуковскимъ Москвы.—Бракосочетаніе Его Высочества Государя Наслѣдника Александра Николаевича.—Царскія награды Жуковскому.—Поѣздка въ Деритъ.—Свадьба Жуковскаго въ Дармштадтѣ 567

XLVI.

Заграничная жизнь Жуковскаго.—Радости и невзгоды его семейной жизни.—Въ чемъ находилъ поэтъ опору среди этихъ невзгодъ?—Жуковскій и Гоголь.—Измѣненіе отношенія Жуковскаго къ утратамъ.—Пробужденіе чувства жизни.—Усиленное поэтическое творчество въ послѣдніе десять лѣтъ его жизни и его педагогическіе замыслы.—Переводъ Одиссеи.—Равнодушіе русской публики къ этому произведенію.—Пятидесятилѣтній юбилей Жуковскаго.—Старый лебедь среди новаго поколѣнія.—Судьба поэзіи въ наше время 572

XLVII.

Политическія воззрѣнія Жуковскаго.—Жуковскій и славянофилы.—Свобода Жуковскаго отъ всякаго доктринерства и независимость его убѣжденій. 604

XLVIII.

Обученіе дѣтей.—Дѣтскія стихотворенія.—Болѣзнь глазъ.—Разнообразныя литературныя предпріятія.—«Агасверъ».—Смерть Гоголя.—Смерть Жуковскаго 627

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Изъ Общихъ постановленій для воспитанниковъ Благороднаго Пансіона..... III

II.

Законы собранія воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона..... XI

III.

Донъ Кишотъ Ла-Манхскій. Соч. Серванта. Пер. съ фр. Флоріанова перевода В. Жуковскимъ..... XIII.

IV.

Черты народной поэзіи въ «Ленорѣ« и „Свѣтланѣ". XI

V.

«Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» (часть, соотвѣтствующая «Вадиму») XLVI

VI.

Обзоръ «Фротмейзелера» Ролленгагена..... LXIII

VII.

Стихотвореніе В. А. Жуковскаго на рожденіе Е. А. Воейковой..... LXVII

VIII

Письмо В. А. Жуковскаго къ П. В. Нащокину.. LXVIII

IX.

Нѣсколько словъ о переводѣ «Одиссеи» Жуковскаго. LXXI

Памятникъ Жуковскому въ селѣ Порѣчьѣ..... LXXXIII

Списокъ фотогравюръ и фотолитографій..... LXXXV

УКАЗАТЕЛИ.

Указатель именъ..... LXXXVII

Указатель сочиненій Жуковскаго, упоминаемыхъ въ сей книгѣ..... LVI

СПИСОКЪ

Фотогравюръ и фотолитографій.

Стран.

1. В. А. Жуковскій (1816) съ портрета Кипренскаго .....
2. «Пловецъ», романсъ В. А. Жуковскаго, положенный на музыку А. А. Плещеевымъ..... . . . 141
3. Fur Wenige. «Для немногихъ» (снимокъ съ обложки) 234
4. Erlkönig. «Лѣсной царь» (двѣ страницы изъ изданія Für Wenige. «Для немногихъ»)..... —
5. Его Императорское Высочество Великій Князь Александръ Николаевичъ, Наслѣдникъ Всероссійскаго престола (1827) 420
6. В. А. Жуковскій (съ портрета К. Брюллова) 515
7. Стихотвореніе В. А. Жуковскаго на рожденіе Е. А. Воейковой (автографъ) LXVI
8. Изъ письма В. А. Жуковскаго къ П. В. Нащокину (автографъ) LXVIII

ОПЕЧАТКИ.

Стрн.	*Стрк.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
30	16 св.	1880	1780
47	8 сн.	подлѣ	подъ элегіей
49	12 св.	посвящая дни музамъ	*исключить*
65	3 „	опьянѣна	опьянена
85	6 сн.	годъ	чадъ
126	16 св.	цѣль	цѣнь
130	7 „	даръ	царь
141	12 св.	нимъ	ней
152	6 сн.	душа	дума
159	16 „	А. И.	А. И.
167	1 „	ее	нее
181	2 сн.	выноска относится *къ 8-й строкѣ сн.* 179 стр.	
185	9 „	Блудовъ	Блудова
188	9 „	сбереженіе	сбереженія
201	14 св.	переулкамъ [1]).	переулкамъ
226	3 „	обстоятельство	обстоятельства
229	5 „	ея прибытія	по прибытіи
242	6 „	Царское	въ Царское
246	13 сн.	силы.	силы
264	1 „	270	240
266	3 св.	ея	свое
312	4 „	Промыселъ	Промыслъ
315	7 сн.	А. В.	В. А.
—	18 „	было-бъ	было
316	3 „	domus domum	domun
329		XXIV.	XXVI.
329	12 св.	о г-жѣ Якубовской	за Н. Н. Шереметеву
345	2 „	Воспитанія.	Воспоминанія
347		XXXI.	XXVIII.
357		XXVII.	XXIX.
360	3 „	ввести	ввести его
363		XXVIII.	XXX.
382	16 сн.	по	на
403	2 „	нектора	нектара
405	12 св.	весь возлагался	все возлагалось
411	3 сн.	мысли, вложенной	мыслей, вложенныхъ
447	4 „	II, 106	IV, 706.
448	10 св.	за	какъ
474	8 „	состоявшія	состоявшихъ
—	10 „	замѣнены	замѣнена
488	1 сн.	*выноска относится къ 10-й строкѣ сн.*	
494		XXXVIII.	XL.
495	13 св.	пол ступленіе	полушутливое вступленіе
511	7 „	ея	его
580	4 сн.	творчеству глубокому	творчествѣ глубокомъ

УКАЗАТЕЛИ.

I. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

Азбукина Е. П. 3.
Азбукинъ 160, 327.
Аксаковъ К. С. 582.
Аксаковъ С. Т. 488, 582, 606.
Александра Николаевна В. Кн. 573, 587.
Александръ Николаевичъ Цес. 232, 348, 350, 351, 353, 356, 363, 366, 394, 404, 412, 419, 420, 422, 424, 425, 446, 454, 456, 486, 507, 508, 509—511, 516, 518, 519—521, 538, 545—549, 551, 553, 568—570, 598, 624, LXVIII, LXIX.
Александръ Павловичъ Императоръ, 168—174, 216, 330, 337, 343, 376, 417, 540.
Александра Ѳеодоровна Императрица 223—230, 232, 248, —249, 253, 254, 319, —322, 331, 350, 359—362, 364, 366, 384, 394, 412, 414, 422, 427, 428, 438, 462 494, 508, 515, 516, 552, 556—558, 573, 587.
Алымова А. А. 54.
Альфрее 420
Амвросій Митрополитъ 432.
Аммонъ, дерптскій книгопрод. 365.
Анакреонъ 52.
Анненковъ 462, 469.
Аракчеевъ 156, 440.
Арендтъ 383.
Арнимъ 306.
Арно 234.
Арнольдъ LXXII.
Арсеньевъ 417, 421, 507, 512.
Асмусъ 191.
Багговутъ 149.
Багратіонъ кн. 150.
Бажановъ 641.
Базаровъ И И. Протоіерей 639—641, 645—648.
Байронъ Вв. VI, 235, 241, 308—314.
Баккаревичъ 16.
Барановъ Н. И. 187.
Баратынскій 337—341.
Барклай 365.
Батюшковъ Вв. VII. 113, 132, 159, 175, 177, 195, 205, 242—243, 330, 337, 398.
Бекъ 520.
Бенкендорфъ гр. 347, 510.
Белларъ 170.
Беллингаузенъ Мюнхъ, 530.
Бенигсонъ 149.
Бергъ, Фонъ-деръ 191.
Бернайсъ LXXII.
Бернарденъ-де Сенъ-Пьеръ 7.

Блудова гр. А. Д. 185.
Блудовъ гр. 27, 53, 95, 196, 198, 201, 208, 212, 216, 230, 244, 245, 345, 402.
Блюхеръ 227, 228.
Богословскій-Платоновъ И.М. 641.
Болотовъ 5.
Боннетъ 368.
Бонштеттенъ 115, 368.
Борисъ Робертъ. 34.
Ботгеръ LXXII.
Брентано 306.
Бриггенъ Фонъ-деръ А. Ѳ. 510, 636.
Бруновъ, бар. 427.
Брюлловъ А. П. LXXXIV, LXXXV.
Брюлловъ К. П. 514, 520.
Брюнингъ 191
Буало 55
Булгаковъ 539.
Булгаринъ Ѳ. 470, 473, 520.
Буле 433.
Бунины 6, 122.
Бунинъ А. И. 1, 5, 113.
Бунина М. Г. 1, 3, 4, 5, 6, 8, 9.
Быстровъ LXXII.
Бюргеръ 60, 70, XL,—XLV.
Ваккернагель В. 33, 34, 61,
Ваккенродеръ 302.
Валуевъ (псевдонимъ Хомякова) 641.
Варрандъ 420.
Варнгагенъ фонъ Энзе 486, 597.
Вейдемейеръ Т. С. 384.
Вейраухъ 191, 387.
Вельяминова Н. А. 2.
Вельяшевъ-Волынскій 10.
Вендрихъ Ѳ. Г. 139.
Вердеревскій 159.
Вессель 421.
Віельгорская Л. К. гр. 520.
Віельгорскій, Іосифъ гр. 426, 525, 526
Віельгорскій М. Ю. гр. 511, 524—526.
Вигель 195, 197, 199, 202, 203—206, 584.
Викулинъ 365.
Виландъ Вв. VI, 139, 637.
Вильгельмъ, Имп. Герм. 228, 249, 546, 570.
Вильдерметтъ 227, 444.
Вильменъ 370, 377.
Виргилій Вв. VII. 76, 116, 316.
Витгенштейнъ 149.
Воейковъ 52, 155, 158, 164, 192, 204, 317, 323, 388—391, 520.
Воейкова А. А. 55, 155, 158, 164, 192, 318, 324, 373, 383, 384, 387—391, 396, 541.
Вольтеръ 55, 419.
Вольфъ Вв. IV. V.
Воронцовъ 149.
Вяземскій Кн. П. А. 38, 42, 175, 195—197, 199, 203, 242, 369, 371, 373, 459, 597, 607, 612, 645.
Габлеръ 115.
Гагаринъ Г. И. кн. 16.
Гагаринъ С. И. кн. 187.
Гальмъ 530.
Ганеманнъ 481.
Гансъ 520.
Гаттереръ 115.
Генрихъ VII Англ. 423.
Гебель 209, 210, 221, 222, 234, 235.

Гельвецій 23.
Генкель LXXII.
Гергардтъ Пауль 226.
Гердеръ Вв. VI. 51.
Гёте Вв. VI. 28, 31, 34, 35, 55, 76. 73, 111, 210, 212, 221, 235, 241, 248, 249, 321—322, 419, 541.
Гиббонъ 637.
Гигинъ 77.
Гизо 367, 368, 374, 375, 377, 378—380, 382.
Гизо Полина 375, 378—380.
Глеймъ 34.
Глинка А. П. 567.
Гнѣдичъ Вв. VII. 186, 207, 315, 317, 390.
Гогартъ 59.
Гоголь 527—529, 575, 576, 578, 579—585, 589, 591, 607, 633, 635, 638—639.
Голицинъ, кн. А. Н. 314, 339—341, 344—345, 440, 447, 455.
Головнинъ, гр. 376.
Гольбейнъ 423.
Гомеръ, Вв. VI. 470, 481, 589, 590, 594, 635.
Гоннегеръ 300.
Гончарова Н. Н. 466.
Горацій Вв. VII. 55, 60, 117.
Госперъ, 344.
Гофманъ 306.
Грановскій 605.
Грасгофъ LXXIV.
Гречъ 157, 158, 159, 330, 390, 435, 520.
Грибоѣдовъ 10, 433.
Григоровичъ В. И. 514.
Гриммъ А. О. 223, 411, 423, 424, 427, 428.
Гриневъ 160.
Грэй Вв. VII. 43, 44, 537.
Гротъ Я. 1, 17, 171, 174.
Гудовичъ, гр. 365.
Гунфинсгольцъ М. 470.
Гурьевъ гр. 345.
Гусъ 261.
Давыдовъ Денисъ 149, 205.
Данилевскій (Михайловскій-) 154, 583.
Данилевскій Н. 619.
Дашковъ 27, 156, 195, 196, 197, 198, 243.
Дежерандо 367, 368, 370, 377, 381.
Декартъ Вв. IV.
Делиль 57.
Дельвигъ 390.
Де-Пуле М. 513.
Державинъ I, 8, 17, 55, 144, 145, 146, 151, 171, 174, 460.
Дмитріевъ 8, 12, 15, 16, 116, 120, 186, 203, 205, 222, 233, 246—248, 460, 473, 567,
Достоевскій Ѳ. 617, 618, 619, 622, 623.
Дохтуровъ 149.
Драйденъ 60.
Дюшенуа 372.
Еврипидъ Вв. VII.
Екатерина Вел. 8, 21, 45, 348, 356, 522, 599, 601.
Елагина А. П. 3, 47, 158, 167, 178, 192, 238, 318, 320, 323, 466, 470, 515.
Елена Павловна Вел. Кн. 348.
Елизав. Алексѣевна Имп. 540.
Ермоловъ 149, 169.
Ешевскій 25.
Жанъ-Батистъ 55.
Жанлисъ 66.
Жанъ-Поль 227, 230, 300.

Жилль 420.
Жихаревъ 195, 199.
Жоржъ г-жа 371.
Жуковскій А. Г. 2, 4.
Жуковская А. В. 575, 629.
Жуковская Е. В. 575, 589, 596.
Жуковскій П. В. 575, 629.
Зауервейдъ 420, 426.
Зейдлицъ VI, 8, 14, 157, 234, 307, 324, 328, 359, 387, 445, 470, 481, 494, 530, 571, 576, 586, 607.
Зеленниковъ 51.
Зенфъ 191, 571.
Зольгеръ 298—299.
Зонтагъ А. П. 2, 3, 158.
Ивановъ 578.
Игнатьевъ 4.
Инзовъ 20, 337, 463.
Имишъ Мегметъ 1.
Кавелинъ А. А. 427, 507, 509.
Кавелинъ Д. А. 204.
Кайсаровъ 142, 149.
Калайдовичъ И. Ѳ. 56.
Калбаснинъ 156.
Калужскій Ѳ. 432.
Каменевъ 28, 32, 36, 39—40, 43.
Кантъ 225, 274, 296, 433.
Каподистрія гр. 354—357, 365, 377, 393.
Карамзинъ 15, 16, 30, 32, 36, 37—39, 43, 47, 48, 52, 53, 57, 59, 67, 115, 156, 176, 177, 186, 195, 196, 203, 205, 206, 214, 216, 233, 237, 245—246, 248, 317, 345, 358, 360, 383, 460, 463.
Карлъ X, 344.
Карьеръ 296.
Карпачевъ В. В. 2.
Карусъ 240.
Каченовскій 53, 59, 113.
Кернъ 324.
Кернеръ. 534, 649.
Кирѣевскій В. И. 606.
Кирѣевскій И. В. 3, 606.
Кирѣевскій П. В. 3, 469.
Клейстъ 17, 306.
Клингеръ 159.
Клопштокъ Вв. VI.
Ковалевскій Е. 196.
Козловъ 308, 319, 365, 374, 383, 482, 483.
Козловскій П кн. 44.
Коллинсъ 420.
Кольраушъ 420.
Кольцовъ 512, 513—514.
Коновницынъ 149, 152, 510.
Константинъ Николаевичъ, Вел. К. 138, 424, 427, 455, 593, 608.
Копинъ 550.
Корнель 55, 372.
Кохановъ 16.
Костогоровъ М. Д. 16.
Костомаровъ С. 14.
Коцебу 28, 29, 51. 70.
Краевскій 512.
Кребильонъ 55, 371.
Кречетниковъ, 2.
Кривцовъ 509.
Криницкій, 331.
Крыловъ 29, 186, 201, 473, 519.
Кудашевъ 149.
Кукольникъ Н. В. 519.
Кульневъ 149.
Куницынъ 433.
Куракинъ А. Б. кн. 187.
Кутайсовъ 149, 150.
Кутузовъ, 142, 149, 152—154, 168.

Кювье 348, 368.
Лансъ 169.
Ла-Метри 53.
Лангъ LXXII.
Лафонтенъ 57.
Левенштернъ 191.
Лермонтовъ 10.
Лесажъ 420.
Лессингъ Вв. VI, 51.
Ливенъ, кн. 159, 427.
Ливій, Титъ 636.
Лингартъ 191.
Лиманъ 418, 421.
Лихачевъ 17.
Лихтенбергъ 59.
Ломоносовъ Вв. V, 144, 151.
Лопухинъ И. В. 155, 157.
Лореръ 510.
Лудовикъ XVI, 173.
Луиза, Королева Прусская 223—227.
Лютеръ 261.
Лясковскій 421.
Магаффи LXXII.
Магницкій 204, 343, 346, 347—348, 349, 440.
Майдель 506.
Майковъ А. 635.
Макаровъ 195.
Максимовичъ 527.
Макферсонъ 40.
Маллетъ 161.
Мальсенъ 375.
Мантейфель 191.
Мантейфель Ю. гр. 540.
Марія Николаевна Вел. Кн. 142, 421, 424, 443, 456, 537.
Марія Александровна, Вел. Кн. 550, 552, 553, 568—569.
Марія Ѳеодоровна, Императрица 175, 186, 187—189, 194, 228, 331, 349, 394—396, 441.
Мармонтель 66.
Матвѣй Парижскій 642.
Маттисонъ 73, 368.
Мегюль 426.
Мей 308.
Мелиссино 9.
Мельманъ 433.
Мендельсонъ 488.
Менцель 484.
Мердеръ К. К. 350, 352—353, 423, 427.
Мерзляковъ Вв. VII. 50, 51, 58, 115, 207.
Местръ Жозефъ де 392.
Местръ 132.
Мещерскій кн, 447.
Миллеръ Іоганнъ 115, 637.
Милорадовичъ 149.
Михаилъ Павловичъ, В.К. 187.
Мойеръ д-ръ 182, 327, 464. 515, 570.
Монкрифъ 163.
Монморанси 381.
Монтескье 637.
Моргенштернъ 191.
Мордвиновъ Н. С. гр. 156, 334.
Моро-де-ла-Мельтьеръ 369, 374.
Музалевскій 433.
Муръ Томасъ 249 — 252, 255—260.
Муравьевъ А. Н. 642.
Муравьевъ Н. М. 329.
Муравьевъ-Апостолъ 509.
Муравьевы 337.
Муральтъ 421.
Мюнхъ-Беллингаузенъ (см. Гальмъ).
Назимовъ 510.
Наполеонъ Бонапартъ 142, 150, 168, 172, 227, 263, 295, 626.

Нарышкина 510.
Нарышкинъ 360.
Нащокинъ П. В. 598.
Нелединскій-Мелецкій 186, 187, 191, 203.
Николай Павловичъ, Императоръ 170, 187, 189, 228, 331—332, 336—337, 338, 347, 348, 350, 354, 359, 394, 410, 411, 422, 423, 427, 428, 447, 455, 456, 463, 508, 519, 569, 598, 601, 602.
Николаи 57.
Николь Аббатъ 365.
Ниссенъ 420.
Новалисъ 306.
Новиковъ 22, 25, 27.
Нолькенъ 191.
Нордгеймъ 640.
Нурри 371.
Овидій Вв. VI. 52, 316.
Озеровъ 215, 216.
Оленинъ 207.
Ольга Николаевна, Вел. Кн. 421.
Ордынскій XXV.
Орловъ 149.
Орловъ М. 197, 205.
Оссіанъ 40, 53, 145.
Остерманъ 149.
Остроумовъ К. 17.
Офросимовъ М. П. 3.
Павелъ, Императоръ 9, 423, 522.
Павскій 349, 428—440, 446—458.
Паленъ 149.
Панинъ гр. 356.
Парни Вв. VI, 58, 60, 117—119.
Парротъ 191, 433.
Пёницъ 330.
Перовскій 156, 385.
Песталоцци 227, 407, 441, 629.
Петръ Великій 148, 412, 610, 611, 621, 632.
Петерсонъ А. П. 391, 482.
Писаревъ 10.
Платовъ 146—147, 149, 153.
Платонъ 25, 298.
Платоновъ-Крыловъ 433.
Плетневъ П. А. 212, 388, 421, 466, 519, 537, 583, 593, 628, 629, 631, 633, 634, 635.
Плещеевъ А. А. 114, 140, 158, 160, 204, 208, 303, 304.
Погодинъ 358, 436.
Подшиваловъ 24.
Покровскій Ѳ. Г. 5.
Полевой 520.
Полетика 197.
Поляковъ В. П. 16, 17.
Порошинъ С. И. 16.
Постниковъ 8, 9.
Потемкинъ 8.
Прокоповичъ-Антонскій А. А. 10, 11, 12, 15, 17, 19, 21, 23, 56, 57.
Прокофьевъ 2.
Протасова Е. А. 54—56 113, 122—123, 132, 141, 148, 157, 159, 162, 166, 178, 179, 182, 191, 318, 324, 515, 540.
Протасова Марья Андреевна (Мойеръ) 56, 122—123, 139, 140, 154, 157—159, 160, 172—183, 186, 192, 318, 322—328, 571.
Протасовъ А. И. 54.
Протасовы 114, 154, 161, 177, 178, 179.
Протопоповъ 435.

Пушкина Е. Г. 330, 358, 364, 366, 415.
Пушкинъ А. С. Вв. VIII. 20, 185, 197, 205, 210, 211, 214, 221, 306, 324, 337, 458—469, 493, 517, 520, 527, 528, 579, 599, 604.
Пушкинъ В. Л. 196, 199, 203, 459.
Радовицъ 551, 556, 625, 626, 627.
Раевскій 149.
Разумовскій, гр. фельдмарш. 375.
Разумовскій, гр. Г. К. 375—377.
Разумовская, гр. Генріетта 335, 355, 374, 375—378, 379, 380—383, 392.
Рамлеръ 55, 215.
Расинъ 55, 380.
Растопчинъ, гр. 116.
Раумеръ 520.
Рафаэль 163, 264—267, 268.
Ремюза 379, 380.
Рейнгольдъ 420.
Рейтернъ 482, 540—549, 550, 595.
Рейтернъ Е. А. 495—509, 547—564, 572, 576.
Рейтерны 572.
Риттеръ 520.
Ричардсонъ 43.
Ровинскій 480.
Роде Х. Ф. 4.
Родзянка С. 15, 16.
Розенъ 510.
Ролленгагенъ Г. 470—480, LXIII—LXVI.
Россети (Смирнова) А. О. 439, 441—444, 573.
Россини 371.
Румянцевъ 168.
Руничъ 349, 435, 440.
Руссо 23, 43, 215, 624.
Рылѣевъ 215.
Рюккертъ 573.
Савиньи 520, 576.
Сальха (Елизавета Дементьевна) 1, 4, 8, 9.
Салтыковъ, Н. И. кн. 356.
Салтыковъ, кн. А. Н. 203.
Салтыковъ, кн. М. А. 203.
Саллюстій 637.
Сандуновъ 26.
Саути 34, 170.
Свѣчина 2, 354, 376.
Свѣчинъ 160.
Северинъ 197, 203.
Севербрикъ 421.
Сегидъ-Халиль 2.
Селимъ, султанъ 2.
Сенковскій LXXIV.
Серафимъ, Митроп. 447, 454.
Сервантесъ 51, XVIII.
Сеславинъ 149.
Скоттъ (Вальтеръ)—34, 170, 230, 314, 321.
Скобелевъ И. Н. 152—154.
Сикеръ, абб. 187.
Смирнова А. О. См Россети.
С.-Олеръ, графиня 380, 381.
Солодовъ 2.
Соллогубъ гр. 30.
Софоклъ Вв. VII.
Сохацкій 24.
Сперанскій 204, 427, 433.
Спиноза 23, 296.
Спонтини 261.
Стернъ 43.
Стефенсъ 217, 520.
Страссъ 420.
Строгановъ 149.
Ступинъ 196.

Суворовъ 9, 44, 145, 147, 148.
Сумароковъ А. П. 20.
Сумароковъ П. 53.
Сумароковъ 53.
Сювернъ 227.
Тальма 372.
Тацитъ 116.
Тикъ 265, 267, 300—306.
Тьерри Огюстенъ 33, 377.
Толстой, гр. Ѳ. 146.
Томисонъ 57.
Тормасовъ 149.
Триніусъ 421, 481.
Трубецкой, кн. 238.
Тургеневъ Александръ Ив. 16, 17, 27, 28, 74, 114, 115, 122, 129, 130, 157, 159, 175, 181, 186, 190, 196, 199, 222, 333, 345, 354, 365, 368, 370, 371, 381 — 383, 389, 39 1, 415.
Тургеневъ Андр. Ив. 8, 12, 27, 28, 32, 45, 48, 122.
Тургеневъ И. С. 388.
Тургеневъ Ив. П. 19, 27.
Тургеневъ Н. И. 205, 333,—337, 341—342, 366, 377, 379
Тургеневъ С. И. 332, 365, 368, 377.
Тургеневы 28, 50, 360, 365, 377.
Тютчевъ 529.
Уваровъ гр. С. С. 21, 177, 186, 189, 190, 191, 197, 198, 199, 316, 597.
Уландъ, 34, 209, 220, 306, 321, 486—490.
Фенелонъ 380.
Фесслеръ 433.
Фетъ 487.
Фигнеръ 149
Фихте Вв. IV. 274—296.
Филаретъ, Митроп. 157, 433, 436, 440, 446—456.
Фишеръ 35.
Флаксманъ 506.
Флоріанъ 48, 51, 54, 57, 66.
Фойхтъ 591.
Фонъ-Визинъ П. 16.
Фоссъ LXXIV.
Фридрихъ-Вильгельмъ III, кор. 57, 169, 223, 224, 228, 540, 552.
Фридрихъ 264, 266, 361—362, 445.
Фуке-де-Ламоттъ, Ф. 254, 495—506.
Хвостовъ 159.
Херасковъ 9.
Хилкова, Е. Г., кн. 187.
Хомяковъ 594, 607.
Христіани 421.
Черкасова, бар. 160.
Черкасовъ 509.
Чернецовъ 207.
Чернышевъ 149, 509.
Шаликовъ гр. 159.
Шаммиссо 487, 576.
Шатобріанъ 368.
Шаховской, кн. Вв. VI. 10, 195—196, 200, 207.
Шварцъ 22, 23.
Шевченко Т. 402, 465.
Шевыревъ 18, 33, 35, 581, 582
Шеллингъ 268 296, 297
Шекспиръ Вв. VIII. 55, 104, 300, 302, 303, 304.
Шенкъ-де-Кастель 376.
Шереметева, Н. Н. 341.
Шерифъ-Дудъ 2.
Шерръ 34.
Шиллеръ Вв. VI, VIII, 28,

31, 34, 35, 51, 55, 57, 60, 73, 74, 75, 76, 77, 110, 119—121, 131, 146, 193, 234, 237, 249, 260, 307, 308, 327, 396—403, 419.
Шишковъ 200, 202, 207, 216, 435, 440.
Шихматовъ, кн. 207.
Шлегель, А. 303, 495, 644.
Шлегель, Ф. 298, 299, 306.
Шлецеръ 595.
Шмидтъ, Ю. 296.
Шнисъ 28, 70, 79—107, 217, 219, XLII—LXII.
Штейнъ 225, 333, 393.
Штиръ 640.
Шубартъ 644.
Шуваловъ гр. 607.
Шуманъ 488.
Щербатова Кн. 376.
Щербатовъ, кн. 149.
Эверсъ старш. 191—193.
Эверсъ младш. 213—214.
Эйхендорфъ 495.
Энгель 57, 58.
Эртель 420.
Эйхтенмейеръ 35.
Ювеналъ 55.
Юнгъ 44.
Юрьевичъ С. А. 458.
Юшкова В. А. 1, 2, 5, 27.
Юшковъ П. Н. 2.
Юшковы 158.
Языковъ 522.
Якобъ 433.
Якушкинъ И. Д.—341, 510.

II. УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ЖУКОВСКАГО, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ СЕЙ КНИГѢ.

Агасверъ, поэма 637—645.
Азъ есмь Господь Богъ твой 425.
Алина и Альсимъ, баллада (изъ Монкрифа) 163.
Алонзо (изъ Уланда) 486.
Апологъ (въ прозѣ) 342.
Арзамасская рѣчь 201—202.
Басни и др. стихотворенія изъ Флоріана, Лафонтена, Делилля и Томисона 57.
Богъ, ода Державина (пер. на франц. яз.) 17.
Бородинская годовщина, пѣснь 537.
Братоубійца, баллада (изъ Уланда) 486.
Вадимъ, баллада 78. 112. 215—221. LXI—LXII.
Вадимъ Новгородскій, историч. повѣсть 48. 504.
Вечеръ, элегія 70. 71.
Вильгельмъ Телль, поэма (изъ Флоріана) 51.
Война мышей и лягушекъ 315. 469—481. 591.
Вѣрность до гроба, стих. (изъ Кернера) 234.
Вѣстникъ Европы, журналъ 52. 57. 59. 60 113.
Гаральдъ (изъ Уланда) 209.
Гимнъ (изъ Клейста) 17.
Голосъ съ того свѣта, стих. (изъ Шиллера) 397.
Горная пѣсня, стих. (изъ Шиллера) 234.
Г-жа де-ла-Туръ, дѣтскій опытъ драмы. 7.
Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ посланіе 231.
Графъ Габсбургскій, баллада (изъ Шиллера) 235.
Громобой, баллада 78—112. 116. 118 145. 212.
Двѣ всемірныя исторіи, проз. ст. 484—486.
Деревенскій сторожъ въ полночь, стих. (изъ Гебеля) 209.

Діалоги о смерти (Энгеля) 57.
Для немногихъ, изданіе 234.
Добрая мать, стих. 166.
Долбинскія стихотворенія 161.
Донъ Кихотъ, пер. изъ Флоріана 51. XVIII—XXXIX.
Дѣвица Жоржъ. 371.
Жаворонокъ, дѣтская ода 629. 630.
Жалоба, романсъ (изъ Шиллера) 131—132.
Жалоба Цереры (изъ Шиллера) 400. 403. 537.
Жизнь (видѣніе во снѣ) 234.
Завѣтный островъ, дѣтская пѣсенка 424—425.
Замокъ на берегу моря, изъ Уланда. 486.
Замокъ Смальгольмъ, баллада (изъ В. Скотта) 314—321.
Ивиковы журавли, баллада (изъ Шиллера) 119.
Идиллія, изъ Уланда 209.
Иліада, двѣ пѣсни 634 635.
Историческія таблицы 115. 360. 420. 647.
«Іерусалимскіе листы» (письмо къ В. К. Константину Николаевичу) 619—622.
Камиллъ, или освобожденный Римъ, дѣтскій опытъ драмы 6.
Камоэнсъ, драматическая поэма (изъ Гальма) 530—536.
Кассандра, баллада (изъ Шиллера 73—78. 79. 110. 397.
Красный карбункулъ, стих. (изъ Гебеля) 209.
Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ? статья 134—136.
Кубокъ, баллада (изъ Шиллера) 403.
Къ мотыльку, влетѣвшему въ темницу, стих. (изъ Местра) 132.
Къ мѣсяцу, стих. (изъ Гете) 234.
Къ ней, стих. (Имя гдѣ для тебя?) 130—131.
Къ Нинѣ, посланіе 72.
Къ поэзіи, стих. 15.
Къ старцу Эверсу, стих. 193.
Лалла-Рукъ, стих. 268. 319. 320.
Ленора, баллада (изъ Бюргера) 60—70. 403. 537.
Листокъ, стих. (изъ Арно) 234.
Лѣсной царь, баллада (изъ Гёте) 111. 235.
Лѣтній вечеръ, идиллія (изъ Гебеля) 235.
Любовная карусель 161.
Людмила, баллада (изъ Бюргера) 56. 60—70. 78. 79. 164. 403.
Майское утро, стих. 44.
Максимъ, стих. 391.
Мальчикъ у ручья, повѣсть (изъ Коцебу) 51.
Меланхолія, примѣчаніе къ статьѣ Вѣстника Европы 123—128.

Мечты, элегія (изъ Шиллера) 121—122.
Мина (подражаніе пѣснѣ Миньоны) 234.
Минувшихъ дней очарованье, стих. 210.
Мольба пастуха, стих. (съ нѣм.) 234.
Море, элегія 260. 371—273.
Мотылекъ и цвѣты, стих. 240.
Моя богиня, стих. (изъ Гёте) 73.
Мщеніе, баллада изъ Уланда. 486.
Мысли на кладбищѣ, прозаич. опытъ 45.
Надпись къ солнечнымъ часамъ, стих. 120.
На кончину Ея В. Королевы Виртембергской, стих. 231.
Наль и Дамаянти, поэма (изъ Рюккерта) 573—574.
Нормандскій обычай (изъ Уланда) 486.
Нѣчто о привидѣніяхъ, прозаич. ст. 576.
Овсяный кисель (изъ Гебеля) 209. 222.
Ода на благоденствіе 14.
Одиссея 590—591. 593—594. 597. 598. 608. LXX. LXXI. LXXII—LXXXVII.
О добродѣтели, стих. опытъ 49.
О меланхоліи въ жизни и поэзіи, прозаич. статья LXXX.
О началѣ обществъ и пр., пансіонская рѣчь 16.
О происшествіяхъ 1848 года, прозаич. ст. 611. 623.
Опять ты здѣсь, мой благодатный геній, элегія (изъ Гёте) 212.
Орлеанская дѣва, драм. поэма (изъ Шиллера) 235. 307—308. 318. 397.
О стихотвореніи: «Святая Русь», письмо къ кн. Вяземскому 607. 612.
Очерки Швеціи, прозаич. ст. 521. 524.
Парижскій дневникъ 363—375.
Пери и Ангелъ, поэма (изъ Томаса Мура) 254—260.
Перчатка, баллада (изъ Шиллера) 403.
Письмо изъ уѣзда къ издателю 134—135.
Побѣдитель, стих. (изъ Уланда) 321.
Повѣсть объ Іосифѣ прекрасномъ, стих. 425.
Подробный отчетъ о лунѣ, стих. 231.
Плаваніе Карла Великаго, баллада (изъ Уланда) 486. 490—493.
Планъ ученія В. К. Александра Николаевича 403—420.
Пловецъ, стих. (съ нотами) 140—141. 166.
Побѣдитель, изъ Уланда. 486.
Поликратовъ перстень, баллада (изъ Шиллера) 398—399.
Польза исторіи для государей 418.
Посланіе къ *** 210—112.

Посланіе Императору Александру I 171—175.
Посланіе В. К. Александрѣ Ѳеодоровнѣ на рожденіе В. К. Александра Николаевича 232—233.
Посланіе къ Батюшкову 113—114, 132—133, 398.
Посланіе къ кн. Вяземскому 459.
Посланіе къ И. И. Дмитріеву 246.
Посланіе къ И. В. Кирѣевскому 606.
Посланіе къ кн. А. Ю. Оболенской 239.
Поэзія въ видѣ Лалла-Рукъ, стих. 266.
Появленіе весны, стих. (изъ Уланда) 487.
Праматерь внукѣ, стих. 231.
Привидѣніе, стих. 320, 536, 537.
Приказы по войскамъ 152—154.
Протасовой М. А. Въ альбомъ. 139.
Протасовой М. А. 157—158.
Птичка, дѣтская элегія 629—630.
Путешественникъ и поселянка, стих. (изъ Гёте) 321.
Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ, стих. 143—152. 537.
Пѣснь барда надъ гробомъ Славянъ-побѣдителей 144—145.
Пѣсня (Наше счастіе разбитое) 325.
Пѣсня бѣдняка (изъ Уланда) 209.
Радовицъ Іосифъ, статья 625—627.
Разборъ трагедіи Адамисъ и Зенобія. 371.
Разрушеніе Трои (изъ «Энеиды») 316.
Рафаэлева мадонна, проз. статья 265—266. 533.
Розальба, повѣсть (изъ Флоріана) 51.
Роландъ оруженосецъ, баллада (изъ Уланда) 486, 490, 491.
Рустемъ и Зорабъ, поэма (изъ Рюккерта) 589. 591. 592 LXX.
Рыбакъ, стих. 234.
Рыцарь Роллонъ, баллада (изъ Уланда) 486.
Рыцарь Тогенбургъ, баллада (изъ Шиллера) 234.
Свѣтлана, баллада 164—166.
Свѣтскій философъ, два разговора (изъ Энгеля) 57. 60.
Сельское кладбище, элегія (изъ Грэя) 43—47.
Сельское кладбище (2-й переводъ изъ Грэя) 537.
Сказка о спящей царевнѣ 468.
Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ волкѣ 592.
Сказка о царѣ Берендеѣ 468.
Славянка, стих. 587.
Смерть Іисуса, кантата (изъ Рамлера) 235.
Собиратель, изданіе 419.
Сонъ, стих. (изъ Уланда) 209.

Стихотвореніе на рожденіе Е. А. Воейковой 1815 LXVII.
Стихотворенія, посвященныя Павлу В. и Александрѣ В. Жуковскимъ 629.
Счастіе, стих. (изъ Шиллера) 397, 399.
Счастіе во снѣ, стих. (изъ Уланда) 209.
Таинственный посѣтитель, стих. 270.
Теонъ и Эсхинъ 57, 119, 136—138, 587.
Тлѣнность, разговоръ (изъ Гебеля) 209 210.
Тоска по миломъ, стих. (изъ Шиллера) 57, 72.
Три пѣсни, стих. (изъ Уланда) 209.
У гроба Императрицы Маріи Ѳеодоровны. стих. 395—396.
Ундина, поэма (изъ Ламоттъ-Фуке) 494—506. 591.
Утѣшеніе въ слезахъ, стих. (изъ Гёте) 210.
Филону, стих. (изъ Маттисона) 173.
Царскосельскій лебедь, стих. 599—601, 629.
Цвѣтъ завѣта, стих. 230.
Ценксъ и Гальціона (изъ Овидія) 316—317.
Черты исторіи Государства Россійскаго 419
Что̀ будетъ? прозапч. статья 607. 617.
Шильонскій узникъ 309—314.
Шуточныя стихотворныя письма 315, 443—444.
Эльвина и Эдвинъ, баллада (изъ Маллета) 161—162.
Эолова арфа, стих. 163.
Эпимеридъ, стих. (изъ Парни) 58, 117—119. 120.
Юноша у ручья, стих. (изъ Шиллера) 397.
Я музу юную бывало 273.

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

[-14p]